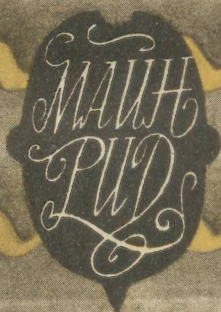

Майн Рид

Майн Рид

Demuz

МАШИН РИД

СОЧИНЕНИЯ В ШЕСТИ ТОМАХ

МАЙН РИД

ТОМ ПЯТЫЙ

БЕЛАЯ ПЕРЧАТКА

В ДЕБРЯХ БОРНЕО

В ПОИСКАХ БЕЛОГО БИЗОНА

Государственное Издательство
Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва - 1958

Издание выходит под общей редакцией

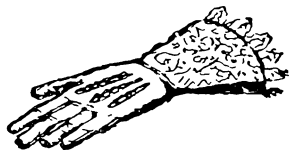
проф. Р. М. САМАРИНА

БЕЛАЯ

ПЕРЧАТКА

Роман

Перевод с английского

М. П. Богословской

Глава I
МАРИОН УЭД

ВСТРЕТИТЬ в лесу женщину, одну, в глухой чаще! Такая встреча невольно вызывает любопытство, будь это простая цыганка или крестьянская девушка, собирающая хворост.

Если же эта незнакомка — златокудрая красавица, она пробуждает в вас не только любопытство, но изумление и восторг. Юное прелестное золотоволосое создание невольно пленяет ваш взор и вызывает благоговейное восхищение. Марион Уэд бесспорно обладала всеми качествами, способными внушить такое чувство: это была прелестная белокурая девушка, и она была одна-одинешенька в лесу.

И то, что она сидела на белой лошади, держала на руке сокола, а за ней бежала ее собака, — не только не уменьшало интереса к ней, а даже наоборот. Ведь кругом не было ни души; лошадь, сокол и собака были ее единственными спутниками.

Ясно, что она сама пожелала уединиться, ибо дочь сэра Мармадюка Уэда почли бы за честь сопровождать многие доблестные рыцари из его свиты.

Небо было осеннее; полуденное солнце стояло высоко, и его золотистый свет, пробиваясь сквозь листья, отражался в сверкающей синеве, подобной синеве небосвода. Это не была синева гиацинта, мелькающая в лесной чаще, и не скромной фиалки, что растет по краям тропинки. В октябре не бывает ни тех, ни других. Это была более глубокая, ослепительная синева чудесных глаз Марион Уэд.

Солнечные лучи играли на ее белокурых косах, вспыхивая, сливались с золотом ее волос и принимали пламенным поцелуем к белоснежным щечкам, покрытым нежным румянцем, заметным даже в лесном сумраке.

Что она делает здесь, одна в лесу, без спутников, без провожатых? Охотится с соколом?

Казалось бы, так, если судить по птице, сидящей на ее затянутой в перчатку руке. Но уж сколько раз дичь соблазнительно мелькала перед ней, а голова сокола по-прежнему накрыта колпачком и путы крепко держат его за ноги.

Может быть, она сбилась с дороги? Заблудилась?

Не похоже. Вот тропинка. А вон там подальше — роскошный парк, обнесенный оградой, и вдоль нее — проезжая дорога. За оградой среди деревьев в глубине парка выступает величественное здание. Это знаменитая усадьба Бэлстрод; она существует со времен Альфреда Великого¹; и это родительский дом Марион. Значит, она не могла заблудиться.

¹ Альфред Великий (849—900) — король англосаксонского королевства Уэссекса в 871—900 годах. Вел упорную борьбу с датскими завоевателями; положил начало морскому флоту; покровительствовал просвещению.

Но почему же тогда она заставляет свою лошадь топтаться на одном месте? Проедет с десятков шагов и снова возвращается назад. Если даже Марион и не заблудилась в лесу, то во всяком случае мысли ее блуждают где-то очень далеко.

Ее как будто огорчает уединенная тишина этой лесной тропинки: она то и дело останавливается и нагибается в седле, словно прислушиваясь к каким-то звукам.

Можно подумать, что она ждет кого-то...

Но вот издалека доносится стук копыт. Всадник едет по лесу. Его еще не видно, но по стуку копыт, ударяющих по утопанной земле, можно судить, что он едет по тропинке и что он приближается к Марион.

Невдалеке в лесу виднеется просека с зеленой лужайкой. Ее перерезает тропинка, которая ответвляется от проезжей дороги возле ворот бэлстродского парка и идет потом дальше через холмы на северо-запад.

По этой-то тропинке и кружит Марион Уэд, то углубляясь на несколько шагов в сторону, то останавливаясь, но во всяком случае никуда не удаляясь.

Вот она выехала на лужайку. На самой середине ее стоит громадный бук, широко раскинув свои могучие ветви, словно стараясь укрыть всю лужайку зеленым шатром. Тропинка бежит под его ветвями.

Под его густым сводом прекрасная всадница останавливает лошадь, словно желая защитить от палящих лучей полуденного солнца и сокола, и собаку, и коня.

Но нет! У нее другая цель. Она остановилась, чтобы подождать приближающегося всадника, и сейчас ни сокол, ни собака, ни лошадь не занимают ее мысли.

Она пристально вглядывается в ту сторону, откуда доносится стук копыт. Глаза ее горят радостным ожиданием.

И вот вскоре из-за поворота появляется всадник: крестьянин в грубой одежде на простой деревенской кляче!

Неужели это тот, кого ждала Марион Уэд?

Возглас досады срывается с ее надутых губок:

— Ах! Я могла бы по топоту копыт догадаться, что это не благородный конь, а деревенская кляча!

Поселянин, поравнявшись с ней, отвечает неловкий поклон.

На его поклон едва отвечают рассеянным и небрежным кивком. Он удивлен: ведь он знает эту юную леди — дочь сэра Мармадюка Уэда, любимицу всей деревни, всегда такую приветливую со всеми. Разве он мог догадаться, как он ее разочаровал!

Вот поселянин уже скрылся из виду, и мысли ее теперь далеко от него: не удаляющийся топот его лошади жадно ловит настороженный слух Марион, а частый звонкий стук подков, гулко подхватываемый лесным эхом. Теперь его уже слышно совсем явственно, и наконец на повороте тропинки появляется другой всадник.

Какой разительный контраст с только что проехавшим поселянином! Это всадник с благородной осанкой. На нем шляпа с перьями; он нетерпеливо шпорит своего прекрасного вороного коня, и тот мчится, закусив удила; пена хлопьями выступает на его взмыленной шее.

Достаточно взглянуть на этого скакуна, чтобы вызвать восклицание девушки о «благородном коне», а одиозный взгляд на всадника безошибочно подтверждает, что это и есть тот самый человек, которого ждет Марион Уэд.

Но она не удостоивает его и беглым взглядом. Она даже не смотрит в ту сторону, откуда он приближается. Она спокойно сидит в седле, сохраняя невозмутимое равнодушие. Но это напускное равнодушие. Сокол, вздрагивающий на ее руке, явно изобличает охватившую ее дрожь, а высоко вздымающаяся грудь выдает скрытое волнение.

Легким аллюром всадник выезжает на лужайку. Увидев девушку, он осаживает коня и заставляет его идти медленнее, словно желая выразить свои почтительные чувства.

Марион по-прежнему сохраняет все то же деланное равнодушие и ледяную невозмутимость, хотя все мысли ее устремлены к приближающемуся всаднику.

Послушаем, как она рассуждает сама с собой: это позволит нам заглянуть в ее мысли и представить себе характер взаимоотношений, существующих между прекрасной всадницей и благородным всадником, которых случай или умысел свел на этой уединенной тропинке.

«Если он заговорит со мной, — спрашивает себя девушка, — что я ему скажу? Что я могу сказать? Он, конечно, знает, что не случай привел меня сюда. Да ведь это уже который раз! Если бы я думала, что он знает правду, я умерла бы со стыда! Мне хочется, чтобы он заговорил, и в то же время я боюсь этого. Ах, мне нечего бояться! Он никогда сам не заговорит. Сколько раз он уже проезжал вот так мимо, не промолвив ни слова! Но разве его взгляды не говорят мне, что он жаждет этого! Ах, эти несносные правила высшего света, которые не позволяют незнакомым людям быть просто вежливыми друг с другом, не нарушая приличий! Я бы хотела, чтобы мы были простыми крестьянами, только пусть он останется таким же красивым! Как ужасно быть связанными глупыми светскими правилами, в особенности если ты — женщина! Ведь я не смею заговорить первая: это унизило бы меня даже в его глазах. Неужели он проедет мимо, как и раньше? Неужели нет никакой возможности нарушить эту невыносимую сдержанность?»

Мысленные восклицания, последовавшие за этим, свидетельствовали о том, что прекрасная всадница обдумывает какой-то план, только что пришедший ей в голову.

«Да как же я решусь на это? И что сказал бы мой гордый отец, если бы он узнал? Даже моя добрая кузина Лора и та пристыдила бы меня. Совершенно незнакомый человек, ведь я знаю только его имя, — и это все. Может быть, даже он и не джентльмен? О нет, нет, нет! Этого не может быть! Если он не владеет поместьями, все равно он владеет моим бедным сердцем! Я не могу не обратиться к нему, если даже потом сгорю от стыда и раскаяния. Я это сделаю, сделаю!»

Эти слова показывали, что Марион на что-то решилась. Но на что же?

Ответ мы угадываем в ее поступке, мгновенно последовавшем за этими словами. Быстрым движением девушка сбросила сокола с руки на шею коня, и птица тотчас же судорожно вцепилась в белоснежную гриву. Затем, сняв с руки *белую перчатку*, Марион небрежно уронила ее на седло, позволив ей соскользнуть с колен по амазонке. Перчатка упала посреди тропинки.

Все это произошло в одно мгновение. Марион, как будто не заметив потери, натянула поводья лошади и, едва взмахнув хлыстом, выехала из-под буковых ветвей, повернув прочь от приближавшегося всадника.

Сначала она ехала медленно, по-видимому надеясь, что он ее догонит. Потом пустила лошадь рысью, все быстрее и быстрее, и наконец помчалась во весь опор, как будто, внезапно передумав, решила во что бы то ни стало избежать встречи. Ее толстые золотые косы, выбившись из-под гребня, взлетая, били по крупу лошади. Щеки ее пылали, глаза сверкали лихорадочным возбуждением, в них проскальзывало что-то, похожее на стыд. Она стыдилась своего поступка, и раскаивалась в нем, и страшилась его последствий.

И вместе с тем ее нестерпимо тянуло оглянуться назад; но она не решалась.

И вот наконец на повороте тропинки ей представилась эта возможность. Поворачивая лошадь, она бросила взгляд на то место, где упала ее перчатка.

Зрелище, открывшееся ей, было отраднo для ее взора: всадник, нагнувшись с седла, только что поднял перчатку на острие своей блестящей шпаги!

Что всадник с ней сделал, Марион не пришлось увидеть. Лошадь ее свернула в чащу деревьев, которые скрыли всадника. Он, конечно, легко мог догнать ее на своем быстроходном коне, но, сколько ни прислушивалась, она не слышала позади себя стука подков.

Марион вовсе и не желала, чтобы он ее нагнал. Достаточно с нее унижений на сегодня, хотя, правду сказать, она сама навлекла их на себя, по доброй воле. Она продолжала мчаться во весь опор до тех пор, пока не очутилась в ограде парка и не увидела перед собой стены родительского дома.

Глава II

БЕТ ДЭНСИ

Если Марион Уэд охватило такое смятение чувств после того, как она нарочно уронила с руки столь красноречивый сувенир, то не меньшее смятение охватило и Генри Голтспера, когда он поднял его.

Если бы Марион задержалась еще на миг, она увидела бы, как всадник бережно снял перчатку с острия шпаги, пылко прижал ее к губам с ликующим видом, а затем прикрепил рядом с пером на тулье своей шляпы.

Она видела только, что ее вызов принят, и с радостным трепетом, смешанным с чувством стыда, тут же ускакала прочь.

А всадник, ошастливленный своей находкой, по-видимому, пришел в замешательство: он не знал, можно ему следовать за нею или нет. Внезапное исчезновение девушки, казалось, налагало на него запрет, и он, сдержав свой пыл, осадил коня и остался под тенью приютившего его бука.

Несколько минут он сидел в седле, погруженный в размышления. На лице его явно отражалась борьба чувств: радость и восторг сменялись мучительным сомнением, и даже что-то похожее на горечь и раскаяние не раз омрачало его черты. Мы скорее разберемся в этой смене выражений, если попробуем заглянуть в его мысли.

«Могу ли я быть уверен, что это предназначалось мне? Но как же можно сомневаться? Будь это только один раз, я мог бы объяснить все случайностью. Но ведь это уже не первая встреча в лесу, на той же тропинке! Зачем же она каждый раз встречается меня здесь, если... А ее взгляд? Раз от разу все красноречивей и нежнее! О, как сладостно это внимание! Как не похоже на ту, другую любовь, что завершилась так грустно! Тогда меня отличали за мое положение, за блестящую будущность, за богатство. А когда все это исчезло, меня покинули!.. Если она любит меня, то ее чувство не может быть связано с такими расчетами! Она не знает меня,

не знает даже моего имени! А то, что она могла слышать обо мне, ничего не говорит ей ни о моем происхождении, ни о моем состоянии. Если она любит меня, то только ради меня самого. Какое блаженство поверить этому!»

Глаза всадника сверкнули торжеством, и он гордо выпрямился в седле.

Но тут же мысли его приняли другой оборот, и вся радость мигом погасла.

«Но ведь когда-нибудь она узнает? Должна узнать! Ведь я сам должен открыть ей эту страшную тайну. О, сладостная мимолетная мечта, что останется от нее? Сразу наступит конец всему, и любовь ее обратится в ненависть, в презрение! О боже! Подумать только — такой конец! Знать, что ты завоевал ее любовь и никогда не сможешь вкушать плодов победы!»

Черты всадника омрачились глубокой скорбью.

«Зачем я только поддался этому увлечению, позволил ему зайти так далеко и жажду его продлить? Что можно на это ответить? Только одно: а кто бы устоял? Кто может устоять? Такова уж природа человека: как можно взирать на такое прелестное существо и не жаждать, чтобы оно стало твоим! Видит бог, я старался побороть эту несчастную страсть, заглушить ее, вырвать из своего сердца. Я пытался избегать встречи с той, которая мне ее внушала. Может быть, это и удалось бы мне, если бы она... Увы! У меня больше нет сил сопротивляться. Нет сил, а теперь нет уже и желания. Меня неудержимо влечет к ней, я не могу устоять, — как мотылек, который летит на свет, хотя его ждет верная гибель».

И тут на лице его отразилось горькое раскаяние. Чем оно было вызвано? По-видимому, это была какая-то тайна, в которой он не смел признаться даже себе самому.

«А что, если все это просто случайность? — воскликнул он, снова охваченный сомнением. — Все, все, что сделало меня таким счастливым и вместе таким несчастным? Эти взоры, что дарили мне такое блаженство и в то же время пробуждали во мне угрызения совести,

Когда я невольно отвечал на них пламенным взглядом — быть может, читая в них больше того, что было? Если она хотела, чтобы я поднял перчатку и возвратил ей, почему она не подождала, чтобы взять ее из моих рук? Может быть, я не так понял ее? Неужели я просто жертва собственной фантазии и тешу себя призрачной надеждой, вызванной чрезмерным тщеславием?»

Раскаяние на его лице сменилось глубокой грустью. Сейчас всадник, по-видимому, не огорчился тем, что его так любят, — наоборот, он горевал, что его совсем не любят, и это было гораздо более горькое чувство.

«Нет! Я не мог ошибиться. Я видел — перчатка была у нее на руке и на ней сидел сокол. И я сам видел, как она вдруг сбросила птицу на шею лошади и стянула перчатку, и в тот же миг перчатка выскользнула из ее рук! Конечно, она сделала это умышленно!»

Он поднял руку к шляпе, снял перчатку и снова прижал ее к губам.

— О, если бы она сейчас была на ее ручке! — с жаром воскликнул он, увлекаясь сладкой мечтой. — Если бы я мог прижать к губам ее пальчики вот так же, — и чтобы они не сопротивлялись, — ах, я мог бы тогда поверить, что есть еще счастье на земле!

Шаги, донесшиеся до его слуха, прервали эту восторженную речь. Шаги были легкие, свидетельствующие о приближении женщины; вернее, она уже была тут, так как, обернувшись, он увидел, что она стоит рядом с его лошадью.

Он увидел хорошенькое личико; быть может, даже он нашел бы его красивым, если бы перед его взором не стояло сейчас другое лицо, всецело поглощавшее его мысли. Эта незаметно подошедшая молоденькая девушка была достойна внимания, несмотря на свое скромное крестьянское платье.

И лицо ее и фигура невольно привлекали взгляд, она нигде не прошла бы незамеченной. И этим она была обязана не своему наряду или каким-нибудь искусным ухищрениям, а исключительно природе, которая проявила к ней необыкновенную щедрость.

В этой юной девушке, рослой и статной, с округлыми формами, ловкими, крепкими руками и быстрыми движениями, чувствовалась гордая, пламенная натура с сильными страстями.

Ее глаза, если бы они не были так черны, можно было бы сравнить с глазами орлицы; роскошный хвост коня Генри Голтспера вряд ли мог поспорить длиной с ее великолепными черными волосами, блестящими и мягкими, а ее зубки превосходили своей белизной даже меловые отроги ее родимых гор — Чилтернских холмов.

Одеть ее в шелка, атлас и бархат — она выглядела бы настоящей королевой. Украсить ее жемчугами и драгоценностями — любая придворная дама позавидовала бы такой красотке. Даже в простом домотканом деревенском платье она была прекрасна, и ее лицо под пышной короной черных как смоль волос, украшенных полевыми цветами, могло бы внушить зависть принцессе.

Взгляд, устремленный на нее всадником, не выразил ни удивления, ни восхищения. По этому спокойному взгляду, сопровождавшемуся коротким кивком, можно было заключить, что он узнал ее.

Взгляд девушки был далеко не столь равнодушен. Всякий, глядя со стороны, мог бы заметить, что она любит этого человека.

Всадник не обратил внимания на ее восхищенный взгляд, а может быть, даже и вовсе не заметил его. Все внимание его было поглощено письмом, которое она держала в протянутой руке. Письмо было адресовано ему.

— Спасибо! — сказал он, вскрывая печать. — Твой отец, должно быть, привез его из Эксбриджа, не так ли?

— Да, сэр. Он тут же послал меня к вам и велел спросить, будет ли ответ. Вас не было дома, вот я и принесла его сюда. Правильно я сделала, сэр?

— Конечно! Но как ты узнала, где меня найти? Ведь мой немой слуга Ориоли не мог тебе этого сказать.

— Он показал мне знаками, сэр, что вы поехали по

этой дороге. Я и подумала, что встречу вас здесь; отец сказал, что для вас, может быть, важно получить письмо как можно скорее.

Щеки девушки густо зарделись, когда она объясняла все это. Ведь отец вовсе не посылал ее сюда. Он велел ей оставить письмо в Каменной Балке, где жил Генри Голтспер. Всадник, поглощенный письмом, не заметил ни ее румянца, ни смущения.

— Это очень мило с твоей стороны, — сказал он, с признательностью взглядывая на девушку, после того как прочел письмо. — Твой отец угадал правильно. Для меня было очень важно получить это письмо вовремя. Можешь сказать ему, что ответа не будет. Я должен дать ответ лично и немедленно. Но скажи мне, Бетси, чем я могу вознаградить тебя за эту услугу? Может быть, подарить тебе ленту для твоих прекрасных черных волос? Только какого цвета? Мне кажется, голубая — вот как эти цветы — не очень идет тебе. Может быть, лучше красную?

Как ни старался он быть любезным, его слова явно не понравились девушке. Видно, это были не те, которые ей хотелось бы услышать.

— Благодарю вас, сэр, — ответила она, и в ее голосе слышалась обида или, может быть, какое-то другое, внезапно вспыхнувшее чувство. — Красивая лента вряд ли подойдет к моим жестким волосам. Хороши для них и эти цветы!

— Полно, Бетси! Ты клеветешь на свои прекрасные косы. Правда, их от этого не убудет; но ведь ты сама знаешь, что они не жесткие и не грубые. Ну уж, если ты отказываешься от ленты, ты должна принять от меня деньги. Я никак не могу допустить, чтобы такая важная услуга осталась без награды. Вот возьми себе золотой и купи на него сама что тебе хочется — шарф, платье, перчатки — словом, что-нибудь по своему вкусу.

Однако, к немалому удивлению всадника, его щедрость была отвергнута и на этот раз без всякого гнева, но с таким явным огорчением, что, если бы он хоть сколько-нибудь подозревал о том, что за ним скрывается, он не мог бы его не заметить.

До самой последней минуты девушка провожала

— Ну хорошо, — сказал он, пряча монету в кошелёк. — Право, жаль, что ты не позволяешь мне отплатить за твою услугу. Но, может быть, мне ещё представится случай? А теперь пора в путь. Письмо, которое ты мне передала, не позволяет мне медлить ни минуты. Премного тебе благодарен, Бетси, счастливо оставаться!

Конь, почувствовав шпоры, вылетел стрелой на тропинку, и всадник помчался к дороге на Эксбридж и скрылся за поворотом, исчезнув из глаз черноокой девушки, которая до самой последней минуты провожала его взглядом, полным страсти и разочарования.

Глава III

РЕВНИВЫЙ ПОКЛОННИК

Девушка несколько минут прислушивалась к удаляющемуся звонкому стуку подков, затихавшему вдали. Потом, опустив глаза, застыла на месте, скрытая густой

всадника взглядом, полным страсти и разочарования.

листой; ее смуглое лицо омрачилось; казалось, на него легла глубокая тень.

Некоторое время она стояла задумавшись.

— Я взяла бы от него ленту, если бы он мне ее подарил,—прошептала она.—Но ведь это был не подарок. Нет! Он просто хотел мне заплатить и даже совал мне деньги — вот что самое обидное! Ах, если бы он предложил мне прядь своих волос! Это было бы для меня дороже всякого золота, всех золотых монет в его кошельке, всех шелков в эксбриджских лавках! Он сказал, что у меня прекрасные волосы, два раза сказал! Мне самой они вовсе не кажутся красивыми, хотя я часто слышала это от других. Мне хотелось бы, чтобы они были не черные, а золотистые, как у мисс Марион Уэд. Вот тогда они были бы красивые! Он сказал, что голубое мне не к лицу. Долой противный цвет! Никогда больше Бет Дэнси не воткнет себе в волосы голубых цветов!

С этими словами она выдернула из косы букетик

барвинков, приколотый гребнем, и бросила его себе под ноги.

«Мне подарил их Уилл. Он только что нарвал их, всего какой-нибудь час назад. Что, если бы он их теперь увидел! Ах, не все ли мне равно! Стоит ли об этом думать? Разве я когда-нибудь поощряла его? Никогда! И цветы эти приколотла не затем, чтобы понравиться ему, а потому, что мне хотелось украсить себя для того, кого я люблю. Если бы я знала, что ему не нравится голубой цвет, так ведь в старом саду Каменной Балки масса красных цветов. Я могла бы сорвать несколько красных цветочков, когда шла по саду. Какая жалость, что я не знала, какой цвет ему больше по вкусу!»

— Ах, что это? — воскликнула она, выйдя на тропинку и наклонившись над тем местом, где упали цветы; на земле виднелись свежие следы. — Это не его лошадь. Маленькая подкова... Я знаю ее — это лошадь мисс Марион Уэд!

С минуту она стояла нагнувшись и молча разглядывала следы. Она видела, что это свежие следы; кто-то проезжал здесь сегодня... может быть, с час назад.

Отец ее служил лесничим, но тайком был не прочь поохотиться за ланями. Бетси родилась в лесу, выросла под тенью его деревьев. Она хорошо разбиралась в лесных следах, и то, что она прочитала сейчас по этим свежим следам, смутило и взволновало ее.

— Мисс Марион Уэд была здесь! — воскликнула она. — Последнее время я часто видела в лесу эти следы, а два раза встретила и ее самоё. Что может ее привлекать на этой глухой тропинке? Зачем она была здесь сегодня утром? Не затем ли, чтобы встретиться с ним?

Она не успела ответить себе на этот вопрос. Едва только у нее вырвалось это восклицание, как невдалеке послышался конский топот: кто-то скакал по дороге.

Может быть, это всадник возвращался обратно?

Нет. Это был простой деревенский парень верхом на своей лошаденке, тот самый, что проезжал здесь час назад и доставил такое разочарование красавице Марион Уэд.

Это был лесоруб Уилл Уэлфорд.

— А, Бет! Это ты? — закричал он, подъехав ближе. — Ведь я только что видел тебя дома, в твоей избушке! Что это тебе понадобилось здесь?

— А отец тут же вернулся, только ты уехал. Он, верно, шел лесом, и вы разминулись.

— Похоже, так оно и было, — отвечал парень, явно подозревая какое-то увиливание. — Да только ты не ответила на мой вопрос. Я спрашиваю тебя: как ты попала сюда, на эту дорогу?

— Я... Ах, ты про меня спрашиваешь, Уилл?

— Ну да. А про кого же еще, как не про тебя, Бет?

— Отец привез из Эксбриджа письмо для мастера Голтспера. Он очень устал с дороги, а так как ты угнал его лошадь, он и послал меня в Каменную Балку.

— В Каменную Балку! Да разве эта дорога ведет в Каменную Балку? До нее отсюда по меньшей мере полмили.

— А я сначала пошла туда. Мастера Голтспера не было дома, а его немой слуга показал мне знаками, что он поехал в эту сторону и скоро вернется. Вот я и пошла ему навстречу. Отец сказал, что письмо очень важное, и велел тут же передать в руки мастеру Голтсперу.

— Так ты его видела, Голтспера?

— Видела, Уилл. Я его встретила под старым буком.

— Ну, и что же ты сделала?

— Отдала письмо. Что же я еще могла сделать?

— То-то же! Кто тебя знает, Бет Дэнси... Очень уж ты любишь бегать по чужим делам, а в особенности для мастера Голтспера! Что, разве я не правду говорю?

— Я бегала по поручению отца. Как же я могла не передать письма, раз он меня за этим и послал...

— Ну ладно, ладно! — перебил ее ворчливый поклонник, по-видимому удовлетворенный этим объяснением, которое несколько успокоило его ревнивые подозрения. — А ну-ка, полезай, садись сзади! Подушки-то у меня, правда, нет, да это тебе нипочем. Ведь это ваш мерин, Бет, он тебя знает и как только почувствует хозяйку на своем крупе, так обрадуется, что станет мягче

перины! А где же мои цветы, которые я нарвал тебе, чтобы ты воткнула в косы?.. Гляди-ка, вон они валяются на земле!

— Да, правда! — промолвила Бет с притворным удивлением. — Должно быть, они упали, когда я поправляла волосы. Отец так торопил меня, что я кое-как наспех заколола их гребнем. Ох, уж эти мои волосы! Просто мученье! Такие густые, что никак не причешешь. Уж я думаю, не остричься ли мне... Ведь вот пуритане...¹ Сколько их у нас развелось — все ходят с короткими волосами. А? Как ты думаешь?

— Нет, черт возьми, не смей этого делать! Остричь такие красивые волосы! Да ты только себя изуродуешь! А цветы что жалеть! Нарвем еще — вон сколько их повсюду растет! А ну-ка, влезай поживей! Мне недосуг — надо скорей повидать твоего отца. Прыгай, и едем домой!

Девушка не очень охотно подчинилась этому требованию, или, вернее, приказу, и, взобравшись на круп лошади, обхватила за пояс своего дружка — так, по крайней мере, называл себя влюбленный Уилл, внушавший Бетси скорее страх, а не какие-то иные чувства.

Глава IV

КУЗИНЫ

Очутившись за оградой парка, Марион Уэд осадила лошадь и шагом подъехала к родительскому дому.

Пунцовая краска на ее щеках сменилась бледностью. Даже губы ее побледнели.

Она робко оглядывалась по сторонам, и в глазах ее

¹ Пуритане (от латинского *purus* — чистый) — английская религиозная секта, сыгравшая большую роль в английской буржуазной революции XVII века. Пуритане отличались суровостью и простотой нравов, они осуждали роскошь, легкомыслие и суетные развлечения знати. Правительство подвергало пуритан суровым преследованиям. Умеренная часть пуритан называлась пресвитерианами, более радикальная — индепендентами.

мелькало какое-то виноватое выражение, как если бы она совершила преступление и боялась, что его откроют. Но кому пришла бы в голову мысль о преступлении при взгляде на это прелестное личико!

Она непринужденно сидела в седле, и ее статная фигура мягко покачивалась на спине иноходца, медленно поднимавшегося в гору по аллее парка.

Сокол сидел у нее на запястье, но перчатка уже не защищала руки, и острые когти, вцепившиеся в нежную кожу, разодрали ее в кровь. Тонкая струйка крови текла по атласной кисти и капала с кончиков пальцев.

Она не чувствовала раны и не замечала крови. Душевные переживания притупили ее чувствительность. Всецело поглощенная своим неосторожным поступком, уже почти раскаиваясь в нем, она не замечала ничего, пока лошадь не остановилась под окнами дома.

Отдав повод конюху, она легко спрыгнула на землю и тихонько направилась к боковому входу, надеясь войти незаметно.

У себя в комнате она могла без стеснения дать волю чувствам, бушевавшим в ее груди.

Но ее надежды не оправдались. Не успела она переступить порог, как чей-то звонкий голос окликнул ее с террасы, в ту же минуту хорошенькая девушка, почти такая же прелестная, как и она сама, выбежала ей навстречу и пошла с нею рядом.

Это была Лора, Лора Лавлейс, ее кузина, о которой она вспоминала в лесу.

— Дай мне моего любимца! — воскликнула Лора, повернувшись к ней и снимая сокола с ее руки. — О Марион! — вскричала она, отшатнувшись при виде крови. — Что это такое? Ты ранена?

— Да, правда! Я и не заметила. Наверно, сокол оцарапал меня когтями. Вот злючка! Надо подрезать ему коготки. Да ты не беспокойся, это пустяки.

— А где же твоя перчатка, Марион? Если бы она была у тебя на руке, он бы тебя так не исцарапал.

— Ах, верно, перчатка! Где же она? Дай-ка я ее поищу.

Марион осмотрела свое платье, встряхнула шляпу —

словом, перебрала все, за что могла зацепиться перчатка, и ничего не нашла.

— Должно быть, я обронила ее, — сказала она, прикидываясь удивленной. — А может быть, она зацепилась за что-нибудь в седле? А если нет, значит, я потеряла ее дорогой. Ну, ничего! Куплю себе новую пару, вот и все.

— Милая кузина, — сказала Лора умоляющим тоном, — мне делается так страшно, когда я вижу кровь! Я очень беспокоюсь, когда ты уезжаешь одна так далеко на соколиную охоту! Ты должна брать с собой кого-нибудь, Марион. Или не выезжать за ограду парка. Я уверена, что за оградой тебе грозит опасность!

— «Грозит опасность!»! Ха-ха! Может быть, ты и права, милая Лора. Может быть, это-то и манит меня за ограду парка. Когда я отправляюсь на охоту с собаками или с соколом, мне тесно в этой ограде, я чувствую себя, как в клетке. То ли дело охотиться на просторе, в глубокой лесной чаще!

— Но ты только подумай, Марион! Ты ведь слышала все эти рассказы о разбойниках? Это они напали на одну знатную даму и остановили ее карету на Красном Холме. Дядя говорит, что это правда и что они с каждым днем становятся все отчаяннее, потому что у нас плохие порядки. Ах, кузина, послушайся моего совета, не ездь больше одна!

— Хороший совет, дочка, хотя ты слышишь его от младшей сестры! И я надеюсь, что ты последуешь ему и не заставишь меня подкрепить его приказанием.

Высокий пожилой джентльмен со строгим благородным лицом, который так неожиданно вмешался в их разговор, был не кто иной, как сэр Мармадюк Уэд, отец Марион и дядя Лоры.

— Твоя кузина говорит правду, — продолжал он, — и хорошо, что мне об этом напомнили. Дороги сейчас небезопасны. А уж если сказать правду, даже у себя в доме небезопасно, потому что по всей нашей нищей, несчастной стране идет разбой — и при дворе короля, и на королевских дорогах. Поэтому прошу вас, дети,

не выходите за пределы парка: за оградой небезопасно даже и с провожатыми.

— Правда, — подтвердила Лора. — Ведь у той леди, которую ограбили, было несколько слуг. Кажется, вы так говорили, дядя?

— Да, ее карету сопровождало шесть человек. Подумайте, какая надежная охрана! И все до одного разбежались. Так и следовало ожидать! Откуда же им быть честными и верными при таких негодных правителях! Скоро у нас в стране исчезнет всякое представление о чести. У скверного хозяина и слуги становятся скверными. Ну ничего, детки! Будем надеяться на лучшие времена. А для того, чтобы воскресить дух доброй старой Англии, я хочу устроить для вас праздник и пригласить всех наших друзей и соседей.

— А что же это будет такое? — спросила Лора, которую перспектива праздника обрадовала, по-видимому, гораздо больше, чем ее молчаливую кузину.

— Это будет сельский праздник.

— Где? Здесь? В нашем парке?

— Ну конечно, у нас в парке.

— А кого же вы пригласите, дорогой дядя?

— Всех окрестных соседей на десять миль вокруг, а то и дальше, если захотят приехать. Я не пожалею пары лишних быков ради такого дня.

— Но какой же день, дядя? Ведь это не рождество, не троицын день и даже не Майский праздник!

— А разве ты ничего не можешь припомнить, кроме праздников? Ну, а если это день рождения?

— Ах, правда! Ведь на той неделе день рождения Уолтера! Но, папа, разве он приедет домой?

— Вот именно. Он должен приехать как раз накануне своего дня рождения. Бедный мальчик! Долго он пробыл вдали от нас, но, я надеюсь, все же не так долго, чтобы его успели испортить в этой опасной школе. Так вот, мы устроим ему встречу по старому обычаю, достойную Бэкингемшира. А вам, девочки, придется поработать и принять на себя заботы по приготовлению к приему гостей.

С этими словами сэр Мармадюк повернулся и по-

шел к себе, оставив племянницу и дочку обсуждать эту приятную перспективу.

После его ухода кузины стояли молча, каждая погруженная в свои мысли.

«Ах, какой это будет счастливый день! Ведь Уолтер уже будет здесь!» — радовалась про себя Лора.

А Марион шептала, замирая:

«Ах, какой это был бы счастливый день, если бы Голтспер был здесь!»

Глава V

УОЛТЕР УЭД

В воздухе еще чувствовалась осень, но это была уже поздняя осень, и буковые леса давно оделись в багряно-желтый наряд. Кукушка уже не куковала в роще, а ласточки собирались стаями на деревенской колокольне; дикие голуби попрятались в долинах; перепела сновали там и сям. Фазаны со своими выводками выходили из чащи, куропатки водили птенцов по сжатому полю, а зяблики, воробьи и коноплянки собирались каждый своей семьей в летучие отряды, готовясь к холодным, ненастным дням, когда они будут так нуждаться друг в дружке, чтобы сохранить бодрость.

Надо отдать должное этому прекрасному краю: он прекрасен и ранней весной, и жарким летом, и еще прелестнее в октябре. Куда бы вы ни поехали, вы нигде не найдете таких чудесных буковых лесов, а цветущие долины, окаймленные мягкими холмами, даром славятся своей красотой. Здесь нет скалистых гор, редко попадаются озера, но всюду перед вами и вокруг вас простираются отлогие склоны волнистых холмов, романтические долины; взор путешественника беспрестанно пленяют всё новые лесные красоты, и он, восхищенный, останавливается и долго не сводит с них глаз.

Так думал юный всадник, покидая окраины города Эксбриджа и въезжая на своем рослом коне на старый мост, перекинутый через реку Колн.

Солнце уже садилось за Чилтернскими холмами; их

лесистые склоны, пронизанные золотым сиянием, сбегали в долину, словно встречая и приветствуя его.

Чудесный пейзаж расстился перед глазами всадника. Из-за гребня Красного Холма лучи заходящего солнца, пробиваясь сквозь заросли буков, окрашивали их блеклую желтизну в червонное золото. Там и сям дикая вишня выделялась яркой листвой, светло-зеленый дуб, черно-зеленый падуб пятнами выступали на склоне, а на другой стороне, глубоко между холмами, долины Элдерберна и Челфонта постепенно окутывались сумраком в угасающем пурпуре заката.

Справа и слева глубокие излучины Колна прорезали изумрудную зелень лугов, и его широкая гладкая поверхность отражала сапфировое небо; стада упитанных коров бродили в густой траве или стояли неподвижно в воде, словно их поставили туда для завершения картины, изображающей спокойствие и довольство.

Поистине это была картина, достойная кисти Ватто или Кейпа² и словно созданная для того, чтобы вселить спокойствие и мир даже в сердце чужеземца. Так, вероятно, думал Уолтер Уэд, который после долгой разлуки с родным краем любовался теперь его лесистыми холмами и долинами и узнавал знакомые места, где протекало его детство.

Его охватило неизъяснимое чувство радости. Поднявшись на высокий настил старого моста, откуда Чилтернские холмы предстали перед ним во всей своей красе, он задержал лошадь посреди дороги, и из груди его невольно вырвался восторженный возглас.

— Милые Чилтернские холмы! — воскликнул он. — Вы — словно друзья, простирающие ко мне объятия! Какими светлыми и чистыми кажетесь вы после дымного Лондона! Как жаль, что я не выехал на час раньше — я мог бы тогда полюбоваться чудесным закатом с вершины Красного Холма! Ну, не беда! К тому времени,

¹ Ватто Антуан (1684—1721) — знаменитый французский художник.

² Кейп — семья голландских художников XVII века, из которых наиболее известен Альберт Кейп (1620—1691) — портретист и пейзажист.

как я поднимусь на перевал, выйдет месяц, и это не менее чудесно! Солнечный или лунный свет — все равно, только бы мне проскакать на коне по нашим буковым лесам.

«Право, я не понимаю, — продолжал он рассуждать про себя, — как это можно любить городскую жизнь? Вот у меня ведь, кажется, были все возможности жить в свое удовольствие. Королева была так добра ко мне, просто удивительно добра! Она дважды поцеловала меня. И король тоже был доволен моей службой. Только когда я пришел проститься, он ужасно рассердился на меня. А за что — не знаю. Я ничего такого не сделал, чтобы его прогневать.. Интересно, зачем меня вызвали домой? Отец ничего не пишет об этом в письме. Но, наверно, скажет, когда я приеду. Все равно я так рад вернуться в милый старый Балстрод! Надеюсь, что этот неисправимый браконьер Дик Дэнси не перестрелял всех наших оленей. Я мечтаю поохотиться зимой, устроить хорошую облаву!.. Сколько же это будет? Три года... нет, три года исполнится на рождестве, как я поступил на королевскую службу при дворе. Я не удивлюсь, если кузина Лора стала за это время совсем взрослой девушкой. И сестра Марион тоже? Да, Марион и тогда уже была совсем большая. Лора никогда не будет такой рослой, как она. Нет, у нее совсем другое сложение. Лора из тех, кого королева называет «petite»¹. Но как бы то ни было, все-таки она уже взрослая женщина. Ей столько же лет, сколько и мне, а уж про себя-то я, кажется, могу сказать, что я мужчина. Ой-ой, как время-то летит!»

И, как будто он вдруг понял, что надо поскорей наверстать время, юный всадник ударил хлыстом коня и помчался во весь опор.

Но хотя Уолтер Уэд и назвал себя мужчиной — правда, не так уж уверенно, — это не совсем соответствовало действительности, и его заблуждение следует приписать вполне простительной слабости, свойственной очень молодым людям, которым почему-то не терпится скорее возмужать.

¹ Petite (франц.) — маленькая.

Это был юноша девятнадцати лет, правда достаточно рослый для своего возраста, так что с этой точки зрения он вполне мог сойти за мужчину. Маленькие усики уже пробивались на его верхней губе. Они были светлые, как и волосы, не рыжеватого, а скорее соломенного оттенка — иначе говоря, того истинно саксонского «желтого» цвета, который так часто сочетается с голубыми глазами и пленяет нас в женщинах, ибо сочетание это дает совершеннейшие образцы женской красоты.

Это признавали и греки — высшие ценители прекрасного, хотя сами они темноволосый народ и, следовательно, этим признанием отвергали превосходство собственной расы.

Морской пене кипрская богиня уподоблялась белизной своей кожи, лазурному небу — цветом глаз, золотому солнцу — золотом своих волос. Темноволосая Венера у древних не пользовалась большим успехом.

Но удивительно, что голубые глаза не пленяются голубыми очами и белокурые косы не жаждут переплестись со светлыми кудрями. Может быть, противоположные натуры инстинктивно стремятся к сближению... может быть, это вложено в них природой, и этим-то объясняется пристрастие темноволосых греков к белокожей Цитере.

Бывают также светловолосые юноши, которые радуют и мужской взор и пленяют женщин. Таким был Уолтер Уэд.

У него были вьющиеся волосы, высокий открытый лоб, орлиный нос, ясно выдающий его благородное происхождение, резко выступающий подбородок и тонкие губы с характерным выражением презрения ко всему низкому.

Вряд ли его лицо можно было назвать красивым. Для мужчины оно было, пожалуй, слишком женственным. Но человек, хорошо разбирающийся в физиогномике саксов, глядя на такое лицо и зная, что у обладателя его есть сестра, мог бы с уверенностью сказать, что уж она-то бесспорно отличается несравненной красотой.

Достаточно было взглянуть на этого юного всадника, чтобы сразу сказать, что это отпрыск благородного рода.

Прекрасная лошадь, дорогое седло, великолепная одежда, тонкие черты лица, гордая осанка — все это изобличало богатство и знатность.

И действительно, это был сын владельца Бэлстродского замка, сэра Мармадюка Уэда, чье родословное дерево уходило своими корнями в глубь времен, предшествующих завоеванию Англии; его саксонские предки, вместе с Бэлстродами, Гемпденами и Пеннами, так доблестно и упорно защищали от норманских захватчиков свои буковые леса и обширные поля, что великий завоеватель в конце концов рад был примириться с ними и оставил им навсегда их владения. Это был род, который издавна недолюбливал королей. Сэр Мармадюк Уэд принадлежал к числу тех родовых дворян, которые заставили жестокого тирана, короля Иоанна, подписать «Великую хартию вольностей»¹, и не раз представители этого рода выступали борцами за свободу и сражались в первых рядах.

Может показаться удивительным, почему же юный Уолтер оказался на придворной службе. Но это легко объяснить. У него была честлюбивая мать, состоявшая в родстве с королевой, дядя занимал высокий пост при дворе, — и это было причиной того, что сын сэра Мармадюка Уэда оказался пажом при королеве.

Но влияние матери окончилось — ее уже не было в живых. А ее брат, дядя Уолтера, не мог противостоять сэру Мармадюку Уэду и помешать ему отозвать сына от двора, распущенность коего стала притчей во языцех. Сэр Мармадюк Уэд был любящим отцом и справедливо

¹ «Великая хартия вольностей» была подписана 15 июня 1215 года английским королем Иоанном Безземельным (царствовал в 1190—1216 гг.). Она ограничивала права короля в пользу крупных феодалов и рыцарей; в частности, обязывала его не налагать ареста на имущество свободных английских граждан без приговора суда. Деятели английской буржуазной революции XVII века использовали «Великую хартию вольностей» в своей борьбе с абсолютизмом.

опасался развращающего влияния придворной жизни на своего сына.

Вот почему юноша возвращался в свой отчий дом и почему король высказал неудовольствие, расставаясь с ним. Это был дерзкий поступок со стороны вассала, и потребовалось все влияние его высокопоставленного шурина, чтобы отвратить от него месть Карла, самого презренного из тиранов.

Но не об этом думал Уолтер, продолжая свой путь. Мысли его были поглощены много более приятным предметом: он думал о своей кузине Лоре.

Юношеские мечты о любви — разве это не самое сладкое в жизни, хотя, может быть, и самое мимолетное!

Но любовь Уолтера отнюдь не была мимолетной. Она зародилась в шестнадцать лет, а с тех пор прошло уже три года. Она выдержала испытание долгой разлуки, да еще при таких обстоятельствах, которые мало благоприятствуют прочности юношеской привязанности. Среди улыбающихся фрейлин и придворных дам сердце Уолтера мужественно устояло перед чарами не одной прелестницы; не забудем при этом, что двор в то время славился своими красавицами.

Робкий поцелуй, подаренный ему кузиной в уединении лесной чащи, где они бродили, собирая цветы, нежное пожатие маленькой ручки, сладостные слова «дорогой Уолтер», слетевшие с хорошеньких губок Лоры, — все это он вспоминал сейчас так живо, как если бы это было только вчера.

А она? Вспоминает ли она об этом с таким же волнением? Вот мысль, которая не давала покоя Уолтеру с того самого момента, как он покинул Уайтхоллский дворец.

За два года своего отсутствия он иногда получал вести о том, что происходит в Балстроде. Хотя письма в те дни писали редко и по большей части только тогда, когда требовалось сообщить что-нибудь важное, Уолтер все же поддерживал переписку с Марион и обменивался с нею посланиями раз в месяц. Лоре он не осмеливался писать, не решался писать даже о ней. Он

знал: все, что он пишет сестре, будет сообщено его маленькой возлюбленной, и он боялся, как бы его не сочли слишком назойливым. Каждое слово в письме, касающееся кузины, он тщательно взвешивал и обдумывал, стараясь предугадать, какое впечатление оно произведет, — в этой любовной стратегии юная любовь пускается на хитрости и не уступает более зрелому чувству. Случалось, что юный паж даже прикидывался равнодушным к своей кузине, и между ними не раз грозила возникнуть ссора или, по крайней мере, некоторое охлаждение. Это бывало главным образом в тех случаях, когда его сестра, не подозревая, какие страдания она причиняет брату, расписывала ему красоту Лоры, рассказывала о том, какое смятение она вносит в сердца бакингемширских кавалеров.

Быть может, если бы Марион относилась к себе, это больше соответствовало бы действительности, потому что, как ни прелестна и очаровательна была кузина Уолтера, его сестра бесспорно считалась первой красавицей графства.

Глава VI

«ЗА КОРОЛЯ!»

Уолтер проехал уже примерно с полмили после моста через Колн, и все это время мысли юного пажа были всецело поглощены кузиной. Он вспоминал ту прогулку в лесу, поцелуй на лужайке среди цветов, который был для него свидетельством ее любви. И, вспоминая это, он не позволял себе усомниться в верности Лоры.

Но вот неожиданно его приятные мечты нарушила грубая действительность.

Он поравнялся с постоянным двором, и зрелище, представившееся его глазам, сразу вывело его из этой сладкой мечтательности.

Возле постоянного двора, под открытым небом, расположился отряд конников. По их вооружению и одежде Уолтер узнал кирасиров королевского войска.

Их было человек пятьдесят; по тому, как они суетились, по их взмыленным лошадям, еще не успевшим остыть после долгого перехода, видно было, что они только что пришли на стоянку.

Одни распрягали лошадей, другие задавали им корм, а те, что уже успели покончить с этим делом, расселись под большим старым вязом и шумно угощались едой, добытой на постоялом дворе.

Юному всаднику достаточно было только взглянуть на этих буянов, чтобы сразу понять, что они собой представляли: это был отряд войск, отозванных с севера, которые король только что тайно перебросил на юг.

Эти войска первоначально набирались в Нидерландах, и среди них было немало чужеземцев. В сущности говоря, англичане составляли меньшинство; много было представителей галльского типа и еще больше наймитов-валлонцев, пользовавшихся широкой славой и игравших существенную роль в войнах того времени.

В оглушительном шуме голосов юный всадник различал и французскую, и фламандскую, и родную речь, а проклятия и ругательства, раздававшиеся на всех трех языках, позволили ему безошибочно определить, что это не что иное, как жалкие остатки тех войск, которые «так страшно чертыхались во Фландрии».

Толпа окрестных жителей собралась вокруг постоянного двора; они стояли, разинув рты, и с невыразимым удивлением следили за каждым жестом и ловили каждый возглас необыкновенных, закованных в латы всадников, свалившихся на них как снег на голову.

Для Уолтера зрелище не представляло ничего удивительного. Все это он не раз видел в Лондоне, а за последнее время даже довольно часто. В сущности говоря, он даже предвидел эту встречу — прежде всего потому, что, проезжая через Эксбридж, слышал, что впереди прошел отряд конников, затем потому, что он видел следы, оставленные ими на пыльной дороге.

Он не знал, для чего они направляются в Бэкингемшир, но это уж было не его дело, а дело короля. По всей вероятности, путь их лежит в Оксфорд или в какой-ни-

будь гарнизон на западе, и они, встретив на пути постоянный двор, решили расположиться на ночлег.

Все это юный всадник успел заметить мимоходом и уже совсем было проехал мимо, не обращая внимания на грубые шутки солдат, сидевших под деревом, когда чей-то голос, раздавшийся из дверей харчевни, резко отличавшийся от других голосов, приказал ему остановиться.

И тотчас же на крыльце харчевни показались два офицера; один из них, сделав несколько шагов, громко повторил приказание.

То ли от удивления и неожиданности, то ли оттого, что Уолтер подумал, не исходит ли это приказание от какого-нибудь старого знакомого при дворе, он придержал лошадь и остановился.

Нетрудно было догадаться, что два эти офицера, так настойчиво требовавшие, чтобы он остановился, представляли собой начальство и командовали отрядом.

Шелковые камзолы, видневшиеся из-под стальной кирасы, нарядные сапоги испанской кожи с золотыми шпорами и с гофрированной обшивкой наверху, белые страусовые перья, развевающиеся над шлемами, роскошные рукоятки мечей в богато украшенных ножнах — все это свидетельствовало об их высоком звании и чине. Это подтверждалось также их повелительным тоном и тем, как они держали себя в присутствии солдат.

Солдаты при виде их тотчас же прекратили свои шутки, и, хотя кружки с пивом не перестали опрокидываться в глотку, это проделывалось теперь в сдержанном и почтительном молчании.

Оба офицера были в шлемах, но забрала были подняты, и Уолтер мог ясно разглядеть их лица.

Он обнаружил, что ни тот, ни другой не знакомы ему, хотя одного из них он как будто видел мельком несколько дней назад на приеме у королевы.

Это был старший из двух и, очевидно, выше чином — явно командир отряда. Ему было лет тридцать на вид; его смуглое лицо можно было бы назвать красивым, если бы не следы распутства и дурных стра-

стей, которые не падают даже и самые благородные черты. Его лицо когда-то, несомненно, отличалось благородством, и до сих пор в нем сохранились черты, которыми, пожалуй, мог бы гордиться всякий, если бы только не циничное и угрюмое выражение его глаз, столь несовместимое с истинным благородством. А впрочем, это было одно из тех подвижных лиц, которые беспрестанно меняются: стоит ему улыбнуться — оно покоряет сердца, а стоит нахмуриться — оно отталкивает и страшит.

Младший, судя по наплечным нашивкам — корнет, был совершенно другого типа. Несмотря на его молодость, в его лице было что-то чрезвычайно отталкивающее. Не надо было даже вглядываться в него: оно вызывало отвращение с первого взгляда. В этой красной круглой физиономии со спускавшимися на лоб жидкими прядями прямых желтых волос сразу же поражало какое-то удивительное сочетание глупости, пошлости и жестокости.

Уолтер Уэд никогда раньше не видел этой физиономии, и она не внушала ему желания познакомиться ближе с ее обладателем. Будь на то его воля, юный паж предпочел бы никогда не встречаться с ним.

— Что вам угодно? — спросил он, гордо приподняв маясь на стремянах и обращаясь к офицеру, окликнувшему его. — Вы потребовали, чтобы я остановился. Что вам угодно?

— Надеюсь, вы не сердитесь, молодой кавалер? — возразил капитан кирасиров. — Я не хотел вас обидеть, поверьте. Судя по тому, как взмылена ваша лошадь... А ведь неплохой конь! Славная лошадка! Правда, Стаббс?

— Если она здорова, — коротко ответил корнет.

— Ну, разумеется, здорова! Ах вы, неисправимый лошадики!.. Так вот, юноша, я говорил, что, судя по тому, как взмылена ваша лошадь, вы едете издалека и едете быстро. И вы и ваша лошадь нуждаетесь в подкреплении. Мы окликнули вас только затем, чтобы предложить вам приют в этой харчевне.

— Благодарю за любезность, — ответил Уолтер та-

ким тоном, что сразу можно было понять, как он относится к этому предложению, — но я никак не могу воспользоваться ею. Я сам не нуждаюсь в подкреплении. Что касается моей лошади, то через пять миль она будет в стойле и о ней не преминут позаботиться.

— А, так вы уже недалеко от цели вашего путешествия?

— Еще пять миль езды — и я достигну ее.

— Наверно, вы изволите ехать в гости к каким-нибудь деревенским знакомым, где вы сможете наслаждаться ароматом буковых лесов, завтракать каждое утро свежими яйцами и кушать за обедом свинину с соусом из молодой репки, не так ли?

Раздражение благовоспитанного юноши постепенно усиливалось, и, быть может, он дал бы ему выход и ответил какой-нибудь резкостью, но у Уолтера Уэда был счастливый характер, и он умел оценить шутку даже и на свой счет. Видя, что его новые знакомые не имеют никаких дурных намерений, а просто рады случаю развлечься и поболтать, он подавил свою досаду и отвечал таким же шутливым и насмешливым тоном.

Перекинувшись двумя — тремя остротами и доказав, что он вряд ли позволит себя превзойти, юный паж уже хотел было продолжать свой путь, когда капитан кпрасиров снова радушно предложил ему распить с ними чарку браги, которую хозяин только что вынес из дома.

Предложение это было сделано в такой изысканно учтивой форме, что Уолтер, не желая показаться невежей, принял его.

Он уже поднес к губам кружку, когда угощавшие его офицеры потребовали, чтобы он провозгласил тост.

— Какой же тост? — спросил юный паж.

— Какой угодно! Пусть это будет тост за то, что более всего занимает ваши мысли. Наверно, это ваша возлюбленная?

— Конечно, его возлюбленная! — поддержал корнет.

— В таком случае, за мою возлюбленную! — сказал Уолтер, осушая бокал и возвращая его капитану.

— Хорошенькая пастушка с Чилтернских холмов,

нежная лесная нимфа, не так ли? Пью за ее здоровье! А теперь, — продолжал капитан, не отнимая кружку от губ, — уж раз я выпил за здоровье вашей милой, вы не откажете мне выпить за здоровье моего господина — короля? Надеюсь, вы не возражаете против этого тоста?

— Ни в коем случае! — отвечал Уолтер. — Я рад выпить за здоровье короля, хотя мы и расстались с ним не как хорошие друзья.

— Ха-ха-ха! Друзья с королем! Значит, его величество имеет честь быть знакомым с вами, не правда ли?

— Я состоял у него на службе около трех лет.

— При дворе?

— Я был пажом королевы.

— Вот как! Может быть, вы будете настолько любезны и окажете мне честь сообщить ваше имя? Конечно, если вы ничего не имеете против.

— Ровно ничего. Мое имя Уэд — Уолтер Уэд.

— Сын сэра Мармадюка из Балстрод Парка?

— Да.

— Ага!.. — многозначительно протянул капитан, задумчиво глядя на юного пажа.

— Так я и думал, — пробормотал корнет, обмениваясь быстрым взглядом со своим начальником.

— Так, значит, вы сын сэра Мармадюка! — продолжал капитан. — В таком случае, мастер Уэд, мы с вами видимся не последний раз, и, быть может, вы когда-нибудь еще сообразоволяете представить меня вашей прелестной пастушке. Ха-ха-ха! А теперь тост каждого верного англичанина — за короля!

Уолтер поддержал тост, хотя и не очень охотно, потому что и тон капитана и его слова произвели на него неприятное впечатление. Но такой тост в те времена было небезопасно отклонить; и молодой паж, отчасти из этих соображений, а отчасти оттого, что у него, в сущности, не было никаких причин для отказа, снова поднес к губам бокал, воскликнув: «За короля!»

Корнет, осушая свой кубок, подхватил возглас, а солдаты под деревом, чокнувшись своими кружками и присоединяясь к тосту, дружно закричали: «За короля! За короля!»

Глава VII

«ЗА НАРОД!»

После этого всеобщего изъявления верноподданнических чувств сразу наступила глубокая тишина, как обычно бывает после провозглашения тоста.

Внезапно эту тишину прервал громкий голос, который до сих пор не участвовал в общем хоре; и голос этот отчетливо и ясно произнес: «За народ!»

Этот тост настолько не соответствовал тому, который был только что подхвачен солдатами, что вызвал всеобщее смятение. Кирасиры, сидевшие под деревом, сразу повскакали с мест, оба офицера мгновенно обернулись в ту сторону, откуда раздался голос, их глаза за сверкали гневом из-под поднятых забрал.

Незнакомец, так дерзко заявивший о себе, и не думал скрываться. Это был всадник с благородной осанкой, который только что подъехал к харчевне и остановился, не сворачивая, среди дороги, куда хозяин, словно по заведенному обычаю, даже не дожидаясь требования, вынес ему кубок с вином. И вот этот самый всадник провозгласил во всеуслышание: «За народ!»

Солдаты, только что подхватившие тост за короля, так ревностно выражали свои чувства, что даже не заметили, как он подъехал, и, наверно, не обратили бы на него внимания, если бы не этот знаменательный возглас, который произвел впечатление разорвавшейся бомбы. Все глаза тотчас же обратились к нему.

А незнакомец тем временем спокойно поднес к губам кубок с вином. словно не замечая произведенного впечатления, он медленно осушил кубок и с тем же невозмутимым спокойствием отдал его в руки хозяину.

Эта неслыханная дерзость так ошеломила солдат, что они как вскочили на ноги, так и застыли на месте, точно остолбенели. Даже их офицеры, бросившиеся было вперед, тоже остановились, словно пораженные промом, вне себя от ярости и изумления. Только в толпе, собравшейся вокруг постоянного двора и состоявшей из конюхов, сидельцев, трактирных слуг и праздных зевак из окрестных жителей, раздавались громкие возгласы.

Толпа эта постепенно все увеличивалась и теперь уже не уступала отряду.

Несмотря на присутствие вооруженных представителей королевской власти, народ в толпе, несомненно, разделял чувства, выраженные незнакомым всадником; там чокались, шумно выражая свое одобрение, пили друг за друга и за себя, восклицая: «За народ!»

Многие из них только что с таким же воодушевлением пили «За короля», но этой внезапной переменой чувств они напоминали наших современных политиков, удостоенных высокого звания «государственных мужей».

Однако в этой разношерстной толпе были люди, которые не присоединились к тосту за короля, но горячо подхватили второй тост с полным сознанием того, что он несовместим с первым.

Едва затихли возгласы, подхватившие этот священный клич, наступила зловещая тишина, и двое из присутствующих очутились в центре всеобщего внимания — капитан кирасиров и всадник посреди дороги: тот, кто поднял кубок «За короля», и тот, кто поднял его «За народ».

Все ждали, что скажет капитан. Ведь это ему бросили вызов — если он сочтет это вызовом.

Будь это какой-нибудь деревенский парень или кто-нибудь из толпы, будь это даже зажиточный фермер из пуритан, — капитан кирасиров не стал бы медлить: он сразу нашел бы, что ответить... может быть, для вящей убедительности, сопроводил бы свой ответ ударом шпаги. Но всадник в расшитом камзоле, в сапогах из испанской кожи, поблескивающих золотыми шпорами, с длинной шпагой у пояса, — этот всадник на великолепном коне был не такой человек, с которым можно так сразу разделаться; ему надо было ответить подумав.

— Что это значит? — воскликнул, выступая вперед, капитан кирасиров. — Что вы, с ума сошли? Или, может быть, выпили лишнего? То-то от вас так разит! А ну-ка, земляк, долой шляпу! Я заставляю вас говорить по-другому! Вы у меня с места не двинетесь, пока не прочистите свою изменническую глотку и не выпьете,

«За природ!» — произнес громко всадник. Оба офицера

как подобает всякому честному англичанину, в честь короля!

— «Земляк!» — воскликнул всадник, окидывая презрительным взглядом кирасира, осмелившегося обратиться к нему с таким оскорбительным требованием. — Земляк, — повторил он спокойным насмешливым тоном, — не имеет привычки пить с первым встречным. Ему не по вкусу тост, так же как и ваши манеры! Если бы ему пришла фантазия выпить за английского короля, так уж, во всяком случае, не в этой компании — с людьми, которые запятнали славу Англии у Ньюбернского брода! ¹

С этими словами, сопровождавшимися презрительным смехом, незнакомец подобрал поводья и, вонзив

¹ 28 августа 1640 года при Ньюберне (около Ньюкасла) королевское войско было разбито шотландцами.

мгновенно обернулись в сторону дерзкого незнакомца.

шпоры в бока своего великолепного коня, вихрем помчался по дороге.

Услышав этот смех, капитан кирасиров бросился вперед, не помня себя от ярости; гневно сверкая глазами, почернев от злобы, он выхватил шпагу, пытаясь настичь обидчика.

— Гнусный изменник! — вскричал он, потрясая шпагой. — Я заставлю тебя выпить за здоровье короля твою собственную кровь! Эй! Остановите его! — крикнул он, тщетно пытаясь достать его шпагой. — Где мои пистолеты?.. А ну, живо! — скомандовал он солдатам. — Стреляйте в него! Где ваши карабины, мерзавцы? На коней! В погоню!

— Послушайте моего совета, — вмешался хозяин харчевни, здоровенный детина, видимо не робкого десятка: — оставайтесь-ка вы лучше здесь! А поедете — вернетесь ни с чем! Все равно что за диким гусем

гнаться. Уж поверьте мне, он вперед на две мили ускачет, пока вы оседлаете своих коней!

— Негодяй! — вскричал капитан кирасиров, обращаясь к нему. — Да смеешь ли ты...

— Я только даю вам добрый совет, господин полковник, а уж слушаете вы или нет — это как вам будет угодно. А догнать — все равно не догоните. Ночью где же догнать, хоть и месяц на небе и видать все...

Удивительная невозмутимость, с которой этот деревенский Бонифаций приводил свои доводы, не только не рассердила кирасира, а, наоборот, подействовала на него успокаивающе.

— А ты что? Знаешь его? — спросил он уже совсем другим тоном.

— Д-да, знаю малость. Бывает он здесь проездом. Как же не промочить глотку, когда едешь мимо! А вот коня я, может, знаю лучше. Такого коня всякому легко узнать. Не раз видел, как он единым духом берет вот эти ворота. А в них будет не меньше шести футов! Да мы все это видели. А что, не правда?

— Видели, видели, мастер Джервис! — подтвердили несколько человек, стоявших тут же.

— Вот то-то оно и есть, господин полковник! — продолжал хозяин, снова обращаясь к капитану кирасиров. — Так вот, если ваши ребята отправятся за ним в погоню, пусть знают, что им придется скакать без путей, без дороги, а не то чтобы...

— Кто он такой? Имя? — нетерпеливо прервал его кирасир. — Ты знаешь, где он живет?

— Нет, не знаю ни кто такой, ни где живет, — отвечал хозяин. — Знаю только, как и все, что называют его здесь Черным Всадником, а живет он где-то среди холмов, по пути к Джеррет Хис, за большим бэлстродским парком.

— Так, значит, он живет неподалеку от Бэлстрода?

— Кажется, где-то там.

— А я знаю, где он живет, — сказал парень, стоявший рядом. — В заброшенном кирпичном доме. Глухое место, называется Каменная Балка. А стоит этот дом в лесу между Биконсфилдом и двумя Челфонтами. Могу

вас туда проводить, господин офицер, если вашей милости угодно.

— Джем Биггс! — тихо сказал хозяин харчевни, пододвинувшись к парню и нагибаясь к самому его уху. — Ты что это, подлая твоя душа, мешаешься не в свое дело? Если только посмеешь показать туда дорогу, не вздумай больше соваться в мою харчевню! Чтoб я больше не видал твоей поганой рожи!

— Довольно разговоров! — нетерпеливо крикнул капитан. — Я думаю, мы легко разыщем этого молодца... Слезай с коней, ребята! — сказал он, обращаясь к солдатам, которые уже успели вскочить в седло. — Ведите лошадей в стойло. Мы можем спокойно переночевать здесь, — шепнул он корнету. — Нет смысла гоняться за ним, пока не рассветет. Старый болтун прав: мы зря прогоняем лошадей. Да, кроме того, у меня еще есть дельце в Эксбридже. Но, клянусь небом, я разыщу этого мерзавца, хотя бы мне пришлось обшарить для этого все графство!.. Эй, хозяин, вина! Тащи-ка сюда браги и пива для этих бездельников, а то у них пересохли глотки. Выпьем за нашего короля еще трижды три раза! Ба! Где же наш придворный? Тоже исчез?

— Он только что отъехал, капитан, — сказал один из солдат, еще гарцевавший в седле. — Может, прикажете догнать и привести его назад?

— Нет, — ответил кирасир, подумав с минуту. — Пускай мальчишка едет своей дорогой. Его-то я знаю где найти и завтра буду иметь честь обедать с ним за одним столом... Вина! Эй вы, верные королевские плуты, полней наливайте ваши кружки и пейте за здоровье короля!

— За короля! За короля! Ура!

Глава VIII

ЧЕРНЫЙ ВСАДНИК

Юный паж, давно уже горевший желанием отделаться от неприятной компании, в которую его так бесцеремонно втянули против его воли, воспользовался подняв-

шейся суматохой и спокойно поехал дальше. Скрывшись за поворотом, откуда дорогу уже было не видно из харчевни, он прищпорил коня и пустился вскачь.

Хотя его никто не обижал, он все же опасался, как бы его не догнали и не потребовали, чтобы он вернулся, так как эти грубияны, от которых он только что отделался, были вполне способны на такое насилие. Он знал, что безобразия, которые учинялись именем короля, — обычное явление. Приспешники королевской власти привыкли безнаказанно оскорблять народ. Особенно нагло вели себя солдаты, и среди них больше всего отличались те голодные отряды, которые, не получив жалованья, возвращались после Северной кампании и без дела оседали в стране. Бесчестье, которым они покрыли себя, позорно бежав от шотландцев в битве у Ньюбернского брода, лишило их всякого сочувствия соотечественников; они отвечали на это наглыми выходками и каким-то безудержным удалством.

Случай, в котором Уолтер Уэд только что оказался невольным участником, вызвал в его душе какое-то необычайное смятение. Придержав бешено скакавшего коня, он поехал шагом, погруженный в размышления, которые весьма отличались от всего того, что до сих пор занимало его мысли.

Он был еще слишком молод и плохо разбирался в политических расприях. Он знал, что между королем и народом существует раздор, но, так как жизнь его протекала исключительно в придворном кругу, ему даже не могло прийти в голову, что правда не на стороне короля.

Он знал, что король, после одиннадцатилетнего междупарствия, созвал парламент, чтобы уладить разногласия между собой и своими подданными. Он знал это, так как сам присутствовал при его открытии. Он знал, кроме того, что этот парламент, заседавший всего несколько дней, был тут же распущен; он также присутствовал при его роспуске.

Какое отношение мог иметь юный паж ко всем этим событиям, сколь бы ни были они значительны для патриота или политика?

Но воздадим должное Уолтеру Уэду: несмотря на свой юный возраст, он относился далеко не безучастно к тому, что происходило вокруг. Он унаследовал от своих предков любовь к свободе, которой они так отличились при Руннимеде¹. И любовь эта жила в его душе, хотя обстоятельства и среда, окружавшая его до сих пор, не позволяли ей проявиться. Он не раз был свидетелем позорных казней и пыток, когда, по приговору «Звездной палаты»² и королевского суда, людей привязывали к позорному столбу и отрубали им уши, руки, выкалывали глаза; и хотя многие из окружающих его равнодушно взирали на это страшное зрелище или даже находили в нем удовольствие, Уолтер долго потом ходил, потрясенный до глубины души. Хотя он был очень молод, он нередко задумывался над всеми этими жестокостями. Но он волей-неволей вращался в таком кругу, где улыбка тирана считалась высокой милостью, и, кроме того, он был еще слишком юн и легкомыслен, чтобы задумываться над такими серьезными вещами и углубляться в размышления о свободе.

В придворных кругах, разумеется, считалось, что враги короля несут заслуженную кару. Он слышал это со всех сторон, слышал из прелестных уст самой королевы.

Мог ли он сомневаться в этом?

Встреча с кирасирами произвела на него тяжелое впечатление и настолько поколебала усвоенные им при дворе политические взгляды, что едва ли не произвела в них переворот.

«Какой позор, — с возмущением говорил он себе, — что этим наглецам офицерам дозволено делать все, что им вздумается! Удивляюсь, как только король терпит

¹ В долине Руннимед 15 июня 1215 года была подписана королем Иоанном Безземельным «Великая хартия вольностей».

² «Звездная палата» — следственный и судебный орган эпохи английского абсолютизма, получивший название от одного из залов королевского дворца, потолок которого был украшен звездами. Главное орудие тирании Карла I, палата выносила жестокие приговоры противникам короля. Уничтожена в начале революции актом парламента (1641).

это. Может быть, этот «злой Пим»¹, как называет его королева, был прав, когда, выступая в парламенте, сказал, что его величество поощряет такую распушенность? А если это в самом деле так, я должен был бы присоединиться к тому смельчаку, который пил за народ. Кстати, кто бы это такое мог быть? Он ускакал по этой же дороге... Может быть, он живет где-то в наших краях? Какая великолепная посадка! И конь, достойный своего всадника! Мне прежде никогда не случалось встречаться с ним. Если он живет неподалеку от Балстрода, наверно, он поселился там уже после того, как я уехал. А может быть, он здесь только проездом? Но ведь лошадь его выглядела совсем свежей, как будто ее только что вывели из конюшни. Если это просто приезжий, так не дальше, чем из Эксбриджа... Мне показалось, что они собирались пуститься за ним в погоню, — размышлял он, оглядываясь через плечо. — Верно, раздумали, иначе я слышал бы их за собой. Если они станут его догонять, я отъеду вот туда, за деревья, и пропущу их. Не желаю я больше разговаривать с такими господами, как этот капитан Скэрти, — так, кажется, корнет называл его? — да и с самим этим корнетом Стаббсом! Вот, в самом деле, имечко — Стаббс! Право, оно ему очень подходит».

Тут юный паж подтянул поводья и остановился, прислушиваясь.

До него смутно доносились какие-то выкрики с постоялого двора. Это солдаты кричали «Гип, гип, ура!», осушая тост «За короля». Кроме этого, ничего не было слышно; по крайней мере, ничего такого, что говорило бы о погоне.

«Отлично! Значит, они не погнались за ним. Предусмотрительно с их стороны. Разумеется, если он едет тем же аллюром, что взял с самого начала, он уже сейчас на много миль впереди. Значит, и у меня нет никаких шансов нагнать его! — подумал паж, снова пуская рысью своего коня. — А мне так хотелось бы этого, че-

¹ Пим Джон (1584—1643) — лидер парламентской антимонархической оппозиции, пользовавшийся громадным влиянием.

стное слово! Мне припоминается сейчас, будто я слышал, что на этой дороге случаются нападения разбойников. Да-да! Сестра не очень давно писала мне об этом. Они напали на какую-то знатную даму, которая ехала в карете, и ограбили ее; кажется, самой даме они не причинили никакого вреда, просто отобрали у нее все ее драгоценности, даже вынули серьги из ушей! И только один из них — сам атаман, наверно, — приблизился к карете. Остальные стояли кругом молча, не проронив ни слова. Странные у них заведены правила... Ну, если я, на свою беду, встречу с разбойниками, будем надеяться, что мне так же повезет. Если они будут вести себя так благовоспитанно, я охотно отдам им все, что у меня есть, — не так-то много! — только бы они отпустили меня, как ту леди, не причинив никакого вреда. Глупо я поступил, что выехал из Лондона так поздно! А это неприятное происшествие на постоялом дворе еще задержало меня. Ведь уже совсем ночь... Правда, месяц светит вовсю, но какой от этого прок? Кругом ни души, глушь! Только разбойникам на руку — им будет легче меня обобрать».

Хотя юный путник и уверял себя, что бояться разбойников нечего, ему все же было несколько не по себе. В то время дороги Англии кишели разбойниками и грабителями. Что ни день, доходили слухи о нападениях и грабежах, нередко даже на окраинах Лондона, а уж на больших дорогах или проселках требование отдать кошелек считалось чуть ли не столь же обычным, как просьба о милостыне в наши дни.

Обычно эти «рыцари большой дороги» не проявляли кровожадных наклонностей. Некоторые из них, напротив, отличались необыкновенной учтивостью. Сказать правду, многие из них были доведены до нищеты деспотическими преследованиями монарха и считали себя вынужденными прибегнуть к этому незаконному способу для пополнения своих ресурсов. Не все они были закоренелыми преступниками. Но были среди них и такие, у которых слова: «Стой, руки вверх!» — означали: «Кошелек или жизнь!»

Уолтер Уэд не без опасения вглядывался в дорогу,

которая вела к вершине Красного Холма. Он сейчас находился у его подножия. На этом самом холме, как писала сестра, и напали на даму в карете и отняли у нее все драгоценности.

Дорога, поднимавшаяся по склону, была не очень широкой и отнюдь не напоминала нынешнее шоссе. Это была обыкновенная проселочная дорога, по которой можно проехать на колесах, а по обеим сторонам ее тянулись буковые леса, и она, прорезая их, бежала вверх; деревья по бокам сходились так близко, что в некоторых местах образовали над ней сплошные своды.

Юный путник снова придержал лошадь и прислушался. Крики с постоялого двора больше уже не доносились до него, не слышно было никаких отголосков. Он предпочел бы их услышать! Он чуть ли не жалел, что там отказались от погони. Как ни мало удовольствия доставляло ему общество капитана Скэрти и корнета Стаббса, все же это было лучше шайки разбойников.

Он нагнулся в седле, стараясь уловить, не слышно ли что-нибудь впереди, на дороге, но не услышал ничего — по крайней мере, ничего такого, что могло бы внушить опасения. До него доносились только монотонное пение козодоя да громкое квохтанье куропатки, сзывающей птенцов на жниво. Вдалеке также слышался лай сторожевой собаки да позвякивание колокольчиков в овчарне; но эти звуки спокойной сельской жизни, сладостные для его слуха, так долго лишенного их, нисколько не исключали того, что где-нибудь здесь, поблизости, укрывшись за деревьями, могли притаиться разбойники: ведь их не пугали эти звуки.

Уолтер Уэд был далеко не робкого характера, но можно ли обвинять в трусости девятнадцатилетнего юношу только потому, что он желает избежать встречи с разбойниками!

И это было отнюдь не проявлением трусости с его стороны, когда, двинувшись вперед по дороге и тревожно оглядываясь по сторонам, он внезапно остановился, увидев невдалеке фигуру всадника, смутно вырисовывающуюся в тени деревьев, и заколебался, ехать ему дальше или нет.

Всадник был шагах в двадцати от него и не двигался ни в ту, ни в другую сторону; он словно застыл в седле посреди дороги.

«Разбойник! — подумал Уолтер, не зная, что делать: ехать вперед или повернуть обратно. — Да нет, вряд ли это так... С чего бы разбойнику торчать так на самом виду? Он скорее прятался бы за деревьями... по крайней мере, пока...»

Так он гадал и вдруг услышал, как его окликнули, и сразу узнал голос: это был тот самый голос, который так смело провозгласил: «За народ!»

Юный путник, успокоившись, двинулся вперед.

Человек с такой благородной внешностью, как этот всадник на вороном коне, и с такими благородными чувствами, которые он так смело выражал, вряд ли мог быть дурным человеком и тем более — разбойником. Уолтер в этом не сомневался.

— Если я не ошибаюсь, — сказал незнакомец после того, как они обменялись приветствиями, — вы тот самый молодой джентльмен, которого я только что видел в не очень приятной компании?

— Вы не ошиблись, это я.

— Тогда едем вместе. Если только вы один и гонитесь за мной, я думаю, что не подвергаюсь большой опасности, позволив вам догнать себя. Поедем вместе, юноша! Пожалуй, для нас обоих будет безопаснее, если мы поедем вдвоем.

После такого искреннего приглашения юный паж, не колеблясь, пришпорил коня и поехал рядом с всадником. Они вместе стали подниматься на холм.

На полпути от вершины дорога сворачивала на юго-запад и некоторое время шла по открытому месту, ярко залитому лунным светом. И только тут впервые оба всадника могли разглядеть друг друга.

Незнакомец, все еще сохранявший инкогнито, быстро окинул взглядом своего спутника и, по-видимому, удовлетворенный этим беглым наблюдением, отвел глаза в сторону.

Быть может, он уже успел разглядеть юного пажу раньше, на постоялом дворе.

Что же касается Уолтера, он видел Черного Всадника только мельком, поэтому он теперь поглядывал на него с любопытством. Но так как он не хотел показаться невежливым, то старался делать это незаметно.

Сказать правду, юного паж поразила необычайная внешность незнакомца. Он видел рядом с собой не юношу своего возраста, но зрелого мужчину, лет тридцати или более, в полном расцвете мужественной силы. Он видел статную фигуру безупречного сложения, со стальными мускулами, подчеркивающими упругую мощь тела, красиво посаженные плечи, широкую грудь, крепкую круглую шею, упрямо выдающийся подбородок, свидетельствующий о твердости и решительности. Он разглядел темно-каштановые волосы, обрамляющие смуглое лицо, которое, вероятно, было несколько блее в юности; теперь же оно казалось бронзовым от покрывавшего его загара. Он разглядел темно-карие глаза, сверкавшие в лунном свете мягким и теплым блеском, — глаза горлинки. Но Уолтер знал, что эти глаза могут вспыхивать подобно орлиному взору; он вспомнил, каким огнем они сверкали, когда он их увидел впервые.

Короче говоря, юный паж видел рядом с собой человека, напавшего на него одного романтического героя средневековья из книжки, которую он недавно прочел, героя, глубоко поразившего его пылкое воображение.

Одежда всадника вполне гармонировала с его прекрасной фигурой и красивым лицом. Он был одет просто, но все на нем было из добротного, дорогого материала. Плащ, камзол и шаровары из темно-коричневого бархата, сапоги — из тончайшей испанской кожи; шляпа с широкими полями, красиво отогнутыми спереди, с пряжкой в драгоценной оправе, придерживающей черное страусовое перо, спускавшееся сзади до самого плеча. Алый пояс из китайского крепа, завязанный во круг талии, вышитая перевязь через плечо, на которой висела шпага в великолепно отделанных ножнах; правые перчатки с раструбами, батистовые манжеты, выпущенные из рукавов камзола; белый отложной воротник, спускающийся на плечи.

Лошадь была под стать всаднику — крупный, мощный конь; такого коня выбрал бы себе некогда паладин, отправляясь в крестовый поход. Конь был сплошной черной масти, только около носа и лба атласистая кожа отливала медно-красноватым оттенком, цвета янтаря. Если бы хвост коня был опущен, он коснулся бы земли, но, вытянутый по диагонали, он плавно покачивался из стороны в сторону на каждом шагу. А когда всадник пускал коня вскачь, тот летел, распустив хвост веером вровень со спиной.

Пятнистая шкура южноамериканского ягуара на алой подкладке украшала седло, через луку которого были перекинuty две кобуры, покрытые пушистой блестящей шкурой североамериканского бобра.

У этого прекрасного скакуна было имя, — Уолтер слышал, как всадник обращался к нему. Когда юный паж подъехал, окликнутый всадником, конь стоял, опустив голову, и нетерпеливо рыл землю копытом. Быстрая скачка разгорячила его, и всадник успокаивал коня, ласково поглаживая его по атласному загривку затянутой в перчатку рукой и обращаясь к нему, как к другу, называл его по имени — Хьюберт.

Черный Всадник первым нарушил это молчание:

— Вы Уолтер Уэд — сын сэра Мармадюка Уэда из Болстрод Парка?

— Да, — ответил юный паж, не скрывая своего удивления. — Откуда вы знаете мое имя, сэр?

— Я слышал его из ваших собственных уст.

— Из моих уст! Но когда же, разрешите спросить? — воскликнул Уолтер, всматриваясь с любопытством в лицо незнакомца. — Я не помню, чтобы я когда-нибудь имел честь встречаться с вами раньше.

— Всего каких-нибудь полчаса назад. Вы забыли, юный сэр, что вы назвали свое имя в моем присутствии.

— Ах, да, правда! Значит, вы подъехали как раз, когда...

— Я подъехал как раз в тот момент, когда вы называли себя. Сыну сэра Мармадюка Уэда незачем скрывать свое имя. Он может только гордиться им.

— Благодарю вас от имени моего отца. Вы знаете его, сэр?

— Я видел его и знаю, какой он пользуется славой, — задумчиво ответил незнакомец. — А вы служите при дворе? — спросил он после некоторого молчания.

— Больше не служу. Покончил со своей службой сегодня утром.

— Подали в отставку?

— Мой отец пожелал, чтобы я вернулся домой.

— Вот как! А по какой же причине? Простите, что я позволяю себе задать вам этот вопрос.

— Я охотно сообщил бы вам причину, — простодушно отвечал молодой паж, — да, признаться, я и сам ее не знаю. Знаю только, что отец написал королю и просил его разрешить мне вернуться домой; король дал разрешение, но у меня есть основания думать, что это вызвало неудовольствие его величества, потому что при прощании король был очень разгневан на меня, или, может быть, не столько на меня, сколько на моего отца.

Незнакомец, выслушав рассказ бывшего придворного, не только не выразил сочувствия или сожаления своему спутнику, а, наоборот, обнаружил явные признаки удовлетворения.

— Пока все хорошо! — пробормотал он про себя. — Он безусловно на нашей стороне. В этом его спасение.

Уолтеру, хотя он и услышал эти слова, смысл их остался непонятен.

— По-видимому, у вашего батюшки были важные причины поступить так, — продолжал незнакомец. — И можно не сомневаться, мастер Уолтер, что он сделал это для вашего блага, хотя вам, может быть, и не очень приятно променять веселую жизнь в королевском дворце на тихую деревенскую жизнь.

— Напротив! — воскликнул юноша. — Я только и мечтал об этом! Я люблю охоту с соколом и с собакой, а не такие торжественные выезды, как на королевской охоте, когда женщины своим визгом распугивают дичь, — нет, я люблю спокойно бродить среди холмов один или с кем-нибудь из друзей. Это действительно удовольствие!

— Вот как! — улыбнулся незнакомец. — Какая непростительная ересь для придворного! Не странно ли из уст пажа услышать такой пренебрежительный отзыв о женщинах, а тем более о придворных дамах? Ведь фрейлины все такие красотки, не правда ли? Я слышал, что наша французженка-королева нарочно окружает себя красавицами. Говорят, у нее их целая свита.

— Раскрашенные куклы! — презрительно заметил бывший придворный. — Наряженные по французской моде. Мне больше по душе наши англичанки, которые выросли в деревне, у которых румянец во всю щеку и хоть немножко стыдливости в душе. Потому что, клянусь честью, сэр, у этих придворных дам нет ни того, ни другого, все сплошная подделка!

— Браво, браво! — воскликнул незнакомец. — Пожалуй, вы могли бы прослыть критиком при дворе, а не придворным. Что ж, я рад услышать мои собственные мысли в таком красноречивом выражении. И мне больше по душе наши английские девушки, которые растут на чистом деревенском воздухе.

— Ах, вот это хорошо! — пылко воскликнул юный Уолтер.

— Ну что же, здесь, среди этих Чилтериских холмов, вы встретите немало таких девушек. И среди них даже наверно найдутся и ваши знакомые, мастер Уэд. И, может быть, даже сейчас перед вашим взором стоит чей-то милый образ? Признайтесь! Ха-ха-ха!

Уолтер густо покраснел и, запинаясь, пробормотал что-то невнятное.

— Простите меня! — спохватившись, воскликнул всадник, перестав смеяться. — Я вовсе не хотел ничего у вас выпытывать, я не имею на это права. Боюсь, что вы считаете меня слишком бесцеремонным.

— О нет, что вы! — отвечал Уолтер, чувствовавший себя так непринужденно, что ему даже не могло прийти в голову обидеться на своего собеседника.

— Но, может быть, вы сочтете простительным такое любопытство приезжего, — продолжал Черный Всадник. — Я поселился в этих краях совсем недавно, и вполне естественно, что мне хочется побольше знать

о своих соседях. Если вы обещаете не обижаться, я позволю себе смелость задать вам один вопрос.

— Я не обижусь ни на один вопрос, с которым благородный человек может обратиться к другому. Ведь вы дворянин, сэр?

— Я был воспитан, как дворянин, и хотя я лишился — или, вернее, меня лишили — состояния, причисляющего этому званию, я надеюсь, что не утратил на него права. Вопрос, который я собираюсь вам задать, покажется вам очень обыденным после такого сложного вступления. Я только хотел узнать: вы — единственный сын, у вашего отца нет больше детей?

— Нет, как же, есть! — с готовностью отвечал юноша. — У меня есть сестра — сестра Марион.

— Взрослая, как и вы?

— Теперь уж наверное — да. Она была еще не совсем взрослой, когда я виделся с ней последний раз. Это было больше двух лет назад, на рождестве. Она старше меня, и я даже не удивлюсь, если она теперь окажется выше. Я слышал, что она очень выросла, чуть не на голову выше Лоры.

— Лоры? А кто эта Лора?

— Лора Лавлейс — это моя кузина, сэр.

«Так, значит, его сестра — это Марион. Я так и думал. Марион Уэд. Какое чудесное имя! Как гордо оно звучит и как оно подходит ко всему ее смелому облику! Марион! Вот я теперь знаю имя той, кого я уже столько дней боготворю, кто столько дней...»

— Моя кузина, — простодушно продолжал юный паж, перебивая пылкие размышления своего спутника, — также выросла в нашей семье. Она уже давно живет с нами в Бэлстрод Парке и, я думаю, останется с нами до тех пор, пока...

Тут наследник Бэлстрода запнулся, словно не совсем уверенный, до каких пор продлится пребывание его кузины в Бэлстрод Парке и окончится ли оно...

— Так до каких же пор? — спросил всадник с многозначительной улыбкой. — Пока что?..

— Право, не знаю, сэр, — пробормотал Уолтер смущенно. — Я не могу сказать, сколько времени наша ку-

зпна захочет жить с нами. Но когда она достигнет совершеннолетия, ее может вызвать опекун. Папа не опекун ее.

— Ах, мастер Уолтер Уэд, бьюсь об заклад, что еще до совершеннолетия мисс Лора Лавлейс сама выберет себе опекуна — и такого, который не будет возражать против ее пребывания в Балстрode до конца ее жизни! Ха-ха-ха!

И тут, вместо того чтобы возмутиться, кузен Лоры Лавлейс тоже засмеялся, очень довольный. В этом намеке незнакомца было что-то очень приятное и обнадеживающее.

Так незаметно за этим шутливым разговором путешественники достигли вершины холма и поехали дальше по довольно глухой местности, известной под названием Джеррет Хис.

Г л а в а IX

СТОЙ, НИ С МЕСТА!

Джеррет Хис, ныне обширное пастбище, представляло собою в то время, о котором мы пишем, пустынную местность, расположенную на возвышенной части Чилтернских холмов. Начинаясь от вершины Красного Холма, это плато, замкнутое с двух сторон живописными долинами Челфонт и Фулмир, простирается на много миль к западу.

В те времена только в этих соседних долинах и можно было заметить редкие селения. В Челфонте находилась усадьба Челфонт Хаус с одноименной деревней; по другую сторону плоскогорья, укрывшись под сенью вековых деревьев, лежала усадьба Фулмир. А еще на две мили дальше, к западу, там, где плато прерывается рядом волнообразных холмов, стоял великолепный замок Балстрод, родовое владение сэра Мармадюка Уэда.

Равнина, раскинувшаяся между этими тремя владениями, не носила почти никаких признаков жилья. Самое название — Джеррет Хис — указывало, что представляла собой эта безлюдная местность. Это была лу-

стынная равнина, по которой никогда не проходил плуг, густо заросшая вереском и дроком. Кое-где изредка попадались низкорослые рощицы, перелески, где среди остролиста и можжевельника одиноко торчали белые и черные березы; но по обеим сторонам плато склоны долин были покрыты густым буковым лесом.

Через эту пустынную равнину проходила большая королевская дорога, соединяющая Лондон с Оксфордом; далее она шла мимо Балстрод Парка до города Биконсфилда.

Поперек Джеррет Хис шли еще две дороги: одна из них вела от усадьбы Фулмир к селению Челфонт, другая соединяла Челфонт с селениями Сток и Виндзор. Но это были не столько дороги, сколько тропки для вьючных лошадей, петляющие среди деревьев и зарослей дрока. Проселок от Стока до Челфонта считался наиболее оживленным; на склоне плато, обращенном к Челфонту, стояла харчевня «Вьючная лошадь», казалось бы знаменующая собой движение и торговлю, но ни то, ни другое не отличалось бойкостью, а о харчевне ходила худая слава.

Но как бы там ни было, это был единственный признак жилья в Джеррет Хис, если не считать старой, развалившейся хижины у края проезжей дороги в Лондон, как раз в том месте, где она поворачивает к западу от Красного Холма и выходит на плато.

В этой хижине уже давно никто не жил. Крыша у нее давно обвалилась; это было не жилье, а развалина. Небольшой пустырь перед ней, через который теперь проходила дорога, когда-то, возможно, был садом, но теперь весь порос дроком и кустарником и только тем и отличался от окружающей густой чащи, что кусты здесь еще не успели сойтись сплошной стеной.

Странно, как могло кому-то прийти в голову построить дом в таком месте! Больше чем на милю кругом не было никакого жилья, ближайшее в сторону Челфонта была та самая подозрительная харчевня «Вьючная лошадь». Быть может, именно эта уединенность и прельстила чудака хозяина построить себе жилище в таком месте.

Но, так или иначе, это было жалкое жилище. Даже если бы белый дымок поднимался из его глиняной трубы, все равно оно казалось бы угрюмым. Но сейчас, когда оно превратилось в развалины, когда крыша его обрушилась, а стены заросли сорняком и на месте сада оцетинился колючий кустарник, оно представляло собой унылое зрелище страшного запустения и заброшенности. В таком месте, пожалуй, и в самом деле могли ограбить, да и не только ограбить, а и убить.

Между тем, как мы уже рассказали, оба путника, приятно беседуя, выехали к тому месту, где стояла полуразрушенная хижина. Месяц светил по-прежнему ярко, и за густыми зарослями, через которые проходила дорога, уже виднелись в просвете вдаль, на расстоянии мили с лишним, вершины великолепных деревьев — дубов, вязов, каштанов, — выступающих на отлогих холмах Бэлстрод Парка. Путники уже могли различить в серебристом сиянии луны контуры величественного замка норманской архитектуры темно-красного и белого цвета.

Еще десять минут — и Уолтер Уэд будет дома.

Юный паж уже предвкушал эту сладостную минуту. Вот он уже совсем рядом, родной дом, после такой долгой разлуки, родной дом, что сулит встречу с близкими и, может быть, еще нечто большее...

Всадник, которому надо было ехать дальше, уже собирался было поздравить своего спутника с предстоящей ему радостной встречей, когда вдруг какой-то подозрительный шорох справа от дороги заставил их прекратить разговор. И в ту же минуту в тишине раздался грубый окрик:

— Стой, ни с места! Отдавай кошелек!

Оба путешественника уже выехали на открытое место против разрушенной хижины, но они не успели даже сообразить, откуда раздался голос, как прямо перед ними внезапно появился человек и преградил им дорогу.

Его угрожающий вид, длинная пика, которой он размахивал над головами лошадей, не оставляли ни малейших сомнений в том, что это грабитель.

Прежде чем они успели что-либо ответить, он еще

раз громко повторил свое требование, с тем же угрожающим видом размахивая пикой.

— Стой, ни с места? Отдавай кошелек? — переспросил всадник, медленно повторяя эту избитую формулу. — Вы этого требуете, почтеннейший, так ли мы вас поняли?

— Да, требую! — зарычал нападающий. — Да потопрапливайтесь, коли дорожите своей шкурой!

— Так вот, — продолжал всадник, сохраняя полнейшее хладнокровие, — вы не можете сказать, что мы недостаточно быстро повиновались вашему первому требованию. Вы видите, что мы оба стоим и не двигаемся. Что касается второго, тут надо подумать. Прежде чем вручить вам свои кошельки, мы должны узнать, почему, с какой целью и, главное, кому мы должны передать свое имущество. Надеюсь, вы не откажетесь сообщить нам свое имя, а также причину, побудившую вас предъявить нам столь скромное требование?

— К черту болтовню! — заорал тот, злобно замахаясь пикой. — На большой дороге не спрашивают ни имен, ни причин! Кошелек или жизнь! Да не пытайтесь улизнуть! Поглядите, сколько нас вон там — целая дюжина! И не пробуйте сопротивляться! Вы окружены!

И с этими словами разбойник махнул своим страшным оружием в сторону густой чащи.

Глаза обоих путников невольно устремились в ту сторону, куда указывала пика.

Да, действительно, они были окружены. Шесть или семь человек, необыкновенно свирепого вида, вооруженные таким же оружием, как и их атаман, стояли вокруг открытой поляны на равных друг от друга расстояниях, наполовину скрытые деревьями и кустарником. Они стояли совершенно неподвижно. Даже пики в их руках словно застыли в воздухе. Никто из них не издавал ни звука, не порывался вперед, а ведь, казалось бы, им следовало это сделать хотя бы для того, чтобы подкрепить требование своего атамана.

— Смирно, товарищи! Ни шагу! Нечего торопиться! — командовал тот. — Мы имеем дело с порядочны-

ми людьми. Не надо причинять им вреда — они не будут сопротивляться.

— А вот и будут! — насмешливо крикнул всадник, выхватывая решительным жестом пистолет из кобуры. — Я намерен сопротивляться не на жизнь, а на смерть! И этот храбрый юноша тоже.

Уолтер поспешно извлек из ножен свою гибкую рапиру — единственное оружие, которое у него было.

— Как! Сдаться шайке трусливых грабителей? — продолжал всадник, взводя курок. — Нет! Скорей уж...

— Да падет ваша кровь на вашу голову! — вскричал разбойник, ринувшись вперед и яростно выбрасывая пику так, что ее стальной конец едва не вонзился в шею лошади.

И, наверно, тут же ему и пришел бы конец, если бы яркий свет месяца не озарил внезапно эту страшную, свирепую физиономию, искаженную злобой, обросшую густой черной щетиной, с черной всклокоченной бородой, с налившимися кровью глазами, сверкающими неистовой яростью из-под черной копны волос, падающих космами на лоб.

Всадник уже поднял взведенный пистолет. Стоило только нажать курок — грянул бы выстрел, и разбойник тут же свалился бы бездыханный под ноги его коня.

Но внезапно рука всадника опустилась, и из уст его вырвалось изумленное восклицание.

— Грегори Гарт! — вскричал он. — Ты — разбойник!.. Грабитель! Ты дошел до того, чтобы убивать...

— Хозяин! — сдавленным голосом прохрипел бродяга, чуть не выронив из рук пику. — Как! Это вы? О, простите, простите меня, сэр Генри! Я не знал, что это вы!

С трудом вымолвив эти слова, он бросил наземь оружие и, низко опустив голову, стоял пристыженный, не смея поднять глаза на всадника, из-за которого дело приняло такой неожиданный оборот.

— Ох, мастер Генри! — снова воскликнул он. — Вы простите меня, не правда ли? Хотя и зверь я стал, а, клянусь, не пережил бы, если бы, не дай бог, хоть волосок

задел на вашей голове! А все это моя проклятая доля, она-то и довела меня до этого!

На минуту воцарилась глубокая тишина. Даже все бандиты из разбойничьей шайки, казалось, почувствовали необычайность положения: ни один из них не пошевелился и не открыл рта.

Пристыженный атаман первый нарушил это неловкое молчание.

— Ах, мастер Генри! — вскричал он отчаянным голосом, не помня себя от горя. — Убейте меня, если хотите! Застрелите тут же! После того, что случилось, мне только и остается, что умереть. Вот вам моя грудь! Всадите в нее пулю и положите конец несчастной жизни Грегори Гарта!

И с этими словами он рванул свой истрепанный камзол и обнажил широкую мускулистую грудь, сплошь заросшую густой черной шерстью.

Приблизившись вплотную к коню, он подставил всаднику свою грудь, словно ищущая смерть, которую он так настойчиво призывал. Его слова, выражение его лица и весь его вид — все доказывало его полную искренность.

— Ну, ну, полно, Гарт! — успокаивающе сказал всадник, пряча пистолет обратно в кобуру. — Ты хороший человек — по крайней мере, был когда-то, — не такой, чтобы тебя следовало вот так пристрелить.

— Да, когда-то был, мастер Генри! Может, оно и правда. Но теперь я только этого и заслуживаю.

— Не обвиняй себя, Грегори. Тебе, так же как и мне, выпала тяжелая жизнь. Я это знаю и поэтому не буду попрекать тебя тем, что случилось. Слава богу, что не вышло похуже! Будем надеяться, что это послужит к твоему исправлению.

— Я исправлюсь, мастер Генри, обещаю вам! Непременно исправлюсь!

— Рад слышать это и не сомневаюсь, что ты сдержишь свое слово. А теперь прикажи своим верным сообщникам — кстати, ты их хорошо вымуштровал! — отступить и пропустить нас. Завтра утром по этой дороге проедет большая компания, и я ничуть не возражаю,

Всадник уже поднял взведенный пистолет.

чтобы ты и твои товарищи поупражнялись на них в своем необычном ремесле. А сейчас прикажи этим молодцам отойти подальше. Я не хочу подпускать их близко, а то как бы мне, на грех, не попался среди них еще какой-нибудь старый знакомый, так же вот, как ты, сбившийся с пути.

Разбойник слушал все это молча, и по его свирепому лицу пробегало какое-то странное выражение; внезапно оно расплылось в добродушную, плутоватую улыбку.

— Ах, мастер Генри, приказать-то я могу, чтобы угодить вашей милости, да только они меня не послушают. Но вам нечего их бояться. Можете подойти хоть вплотную, — они вас не тронут. Хотите, колите их шпагой, любого насквозь проткните, — и не пикнет!

— Вот как? Признаться, на редкость терпеливые малые! Но довольно! Что ты хочешь сказать этим, Грегори?

— Да то, что там никого нет, мастер Генри, — пустота, ровно никого. Ведь это все просто чучела — старые платья да шляпы, и все они хорошо послужили своим хозяевам, пока не попали в руки Грегори Гарта; пу, а теперь они служат ему и неплохо несут свою службу, только она совсем другого рода, как вы сами изволите видеть.

— Так, значит, это просто пугала? У меня промелькнуло такое подозрение.

— Пугала, мастер Генри, и ничего больше. Совершенно безвредные, как и я был когда-то; но после того, как у вас отобрали старое поместье и замок и вы уехали в чужие края, после того...

— Я не хочу слышать твою историю, Гарт, — перебил его прежний хозяин, — по крайней мере, после того... Что было, то прошло! Не будем поминать прошлое, если только ты обещаешь мне на будущее бросить свое теперешнее занятие. Рано или поздно, а оно приведет тебя на виселицу.

— Ну, а что же мне теперь делать? — жалобно-укоряющим тоном спросил разбойник.

— Что делать? Да все, что угодно, кроме того, что ты делаешь теперь. Найди себе честную работу.

— Уж сколько я старался и искал! Ах, сэр Генри, вы ведь давно не были в наших краях, не знаете, какое теперь гиблое время! И что только у нас делается! Жить честно — это значит помереть с голоду. Честность у нас теперь не в ходу, в Англии!

— Будет время, — сказал всадник задумчиво, откидываясь в седле, — когда ее будут ценить, и это время не за горами... Грегори Гарт! — продолжал он, обращаясь к разбойнику серьезным и строгим тоном. — У тебя смелое сердце и сильная рука, я это знаю. И я не сомневаюсь, что, несмотря на то что ты сейчас ведешь преступную жизнь, ты сам стоишь за справедливость и чувства у тебя правильные, ибо ты тоже пострадал за них. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Понимаю, сэр Генри, понимаю! — горячо отозвался разбойник. — Правильно вы говорите! Хотя я и зверь и разбойник, а у меня все-таки есть чувство в груди. Из-за этого я и дошел до такой жизни!

— Послушай меня, — сказал всадник, нагнувшись с седла и понижая голос. — Недалеко время — и, может быть, гораздо ближе, чем думают иные, — когда твердое сердце и сильная рука, такие, как у тебя, Грегори, понадобятся на другое дело, много более полезное, чем твое теперешнее ремесло.

— Вы правда так думаете, сэр Генри?

— Да, правда. Послушайся моего совета. Распусти своих верных помощников — их стойкость пригодится на что-нибудь другое. Постарайся сбыть их одежку и живи себе тихо и спокойно, жди, когда раздастся священный клич «Во имя бога и народа!»

— Да благословит вас бог, сэр Генри! — вскричал разбойник, бросаясь к нему и в избытке чувств горячо тряся руку своего бывшего хозяина. — Я слышал, что вы поселились в старом доме, там в лесу, но уж никак не ожидал, что встречу вас на этой дороге. Позвольте мне прийти к вам! Обещаю вам, что вы никогда больше не увидите меня разбойником. С этой ночи Грегори Гарт распрощается с большой дорогой!

— Вот это хорошее решение! — сказал всадник, дружески пожимая руку разбойника. — Я рад за тебя, дер-

жись его... Спокойной ночи, Грегори! — крикнул он, отъезжая. — Приходи ко мне, когда вздумаешь... Доброй ночи, джентльмены! — промолвил он, с насмешливой учтивостью приподняв свою шляпу с перьями, и помахал ею на прощанье чучелам. — Доброй ночи, почтеннейшие! — смеясь, повторил он, проезжая мимо них. — Не трудитесь отвечать на мое приветствие! Ха-ха-ха!

Юный паж, следуя за ним, тоже шутливо раскланялся, и так оба, смеясь, поскакали дальше, оставив разбойника с шайкой его безгласных сообщников.

Г л а в а X

ПРИГЛАШЕНИЕ

Это необыкновенное происшествие не могло не произвести впечатления на юного пажа и не насмешить его так, что он долго не мог остановиться. Он долго хохотал не переставая и так громко, что хохот его разносился по всей равнине.

— Я почти уверен... — сказал он, задыхаясь от смеха, — совершенно уверен, что это тот самый человек, который остановил карету знатной дамы. Мне этот случай описывала сестра. А вы слышали о нем?

— Слышал, — смеясь, отвечал всадник. — Можно не сомневаться, что Грегори Гарт и разбойник, о котором вы говорите, одно и то же лицо.

— Ха-ха-ха! Подумать только, шесть провожатых... да, кажется, шесть человек верхом охраняли карету! И все шестеро разбежались от одного человека!

— Но вы забываете сообщников! Ха-ха-ха! Ведь надо думать, что Грегори в том случае тоже не преминул расставить свои шесть пугал. И, право, они оказались надежнее, чем те верховые, которые сопровождали леди. Ха-ха! Клянусь честью, не будь это столь безнравственно, такая изобретательность делает честь моему старому ловчему! А все-таки я никак не ожидал, что мой бывший лесник не придумает для себя ничего лучшего,

чем пойти в разбойники! Бедняга! Кто знает, что ему пришлось пережить! Какие испытания и соблазны выпали на его долю! Чего только не приходится терпеть английскому народу во имя — и с ведома — английского короля! Да самый кроткий христианин от всего этого может превратиться в преступника! А Грегори Гарт никогда не отличался кротостью. Уж верно что-нибудь довело его до иступления, что он пошел на такую отчаянную жизнь. Все это я скоро узнаю.

— Одно обстоятельство, во всяком случае, говорит в его пользу, — заметил юный паж, который, по-видимому, проникся явной симпатией к разбойнику. — Он не позволил себе причинить никакого вреда леди, хотя и остался с нею с глазу на глаз. Правда, он отобрал у нее все драгоценности, но, вообще говоря, держал себя вежливо. Я даже слышал продолжение этой истории, когда проезжал через Эксбридж. Ха-ха! Такое же забавное, как и весь этот необыкновенный случай. Оказывается, прежде чем уйти, он поймал одного из сбежавших провожатых, заставил его сесть на козлы, сунул в руки негодяю вожжи и кнут и велел ему продолжать путь!

— Да, все так и было, как вы говорите, мастер Уэд. Я сам слышал этот рассказ, хотя мне, конечно, и в голову не приходило, что этот шутник-разбойник — мой старый слуга, Грегори Гарт. А на него это похоже. Старый плут всегда отличался галантностью. Меня радует, что он не совсем утратил ее.

— И потом, он был прямо вне себя от отчаяния после того, как...

— После того как чуть не отправил на тот свет человека, или, лучше сказать, чуть сам не отправился на тот свет. Счастье, что луна выглянула в эту минуту и осветила его бородатое лицо. А если бы не это, лежал бы он сейчас посреди дороги, бездыханный и безгласный, как его сообщники-пугала. Клянусь, мне было бы очень горько оказаться его палачом! Я рад, что все так хорошо обернулось, а еще больше рад, что он дал мне слово если не совсем исправиться, то по крайней мере как-то изменить свой образ жизни. У него есть свои достоинства — во всяком случае, были, — если только

эта скверная жизнь не вытравила из него все. Ну, я, наверно, скоро увижусь с ним и тогда попробую подвергнуть его испытанию. Посмотрим, осталось ли в нем что-то от бывлой честности, можно ли надеяться, что он переродится... Это, кажется, въезд в парк вашего отца?

И он кивнул головой, показывая на увитую плющом каменную ограду с чугунными воротами, едва выделявшимися своими тесными перекладами в густой тени высоких каштанов, которые стояли стройными рядами по обе стороны аллеи, ведущей от ворот к дому.

Наследнику Балстрода можно было не напоминать об этом. Три года отсутствия не стерли в его душе ни одной мелочи из памятной картины, столь милой и дорогой его сердцу. Он хорошо помнил дорогу к родительскому дому, и, не успев его спутник договорить, он уже остановился у ворот.

— Мой путь лежит дальше по этой дороге, — продолжал всадник. — Мне жаль, мастер Уэд, что я лишась вашего приятного общества, но ничего не поделаешь, придется расстаться.

— Нет, сэр! — горячо сказал Уолтер. — Надеюсь, что нет! Не прежде, чем вы дадите мне возможность поблагодарить вас за оказанную услугу. Если бы не вы, то это дорожное приключение и все мое сегодняшнее путешествие могло бы окончиться совсем по-другому. Меня непременно ограбили бы, а может быть, и убили, и я лежал бы, пронзенный пикой вашего бывшего слуги. Благодаря вам я доехал до своего дома целый и невредимый. Поэтому я надеюсь, что вы не откажете сделать мне честь и назовете мне свое имя, имя человека, оказавшего мне столь неоценимую услугу.

— У меня мало прав на вашу благодарность, — возразил всадник. — По правде сказать, вовсе никаких прав, мастер Уэд. Нас с вами свел просто случай, вот мы и оказались спутниками.

— Ваша скромность, сэр, — отвечал юный паж, — восхищает меня не менее вашего мужества, коего я не раз был свидетелем. Но вы не можете помешать мне

чувствовать благодарность и запретить мне выразить ее; если вы откажете мне в чести назвать ваше имя, я все же смогу рассказать своим друзьям, как сильно я обязан неведомому сэру Генри.

— Сэру Генри! Ах, да! Этим титулом наградил меня Гарт. У старика лесничего всегда была страсть к титулам. Так звали моего отца, а чудак Грегори, не искушенный в геральдике, думает, что титул — наследственный. Но это не так. Я не удостоился чести быть посвященным в рыцари шпагой его королевского величества. Да и вряд ли когда-нибудь удостоюсь ее! Ха-ха!

Эта последняя фраза и смех, сопровождавший ее, звучали каким-то горьким вызовом; казалось, тот, у кого вырвались эти слова, не очень-то ценил высокую монаршую милость.

Юный паж, которому так и не удалось узнать имя своего защитника, молчал. Ему казалось, что, поскольку он сам назвал свое имя, он мог бы рассчитывать на большее доверие со стороны своего спутника. Всадник словно угадал его мысли.

— Простите меня, — сказал он прочувствованным голосом. — Простите меня, мастер Уэд, за мою кажущуюся невежливость. Вы сделали мне честь, поинтересовавшись моим именем, и, так как сами вы были откровенны со мной, я не считаю себя вправе, да и не желаю скрывать его от вас. Мое имя — просто Генри Голтспер, а не сэр Генри, как, вы слышали, недавно меня называли. А затем, мастер Уэд, если вам приходилось слышать что-нибудь о некоем заброшенном убежище, именуемом Каменной Балкой, расположенном в глубине леса примерно в трех милях отсюда, и если вы способны разыскать дорогу туда, я могу обещать вам радушный прием, кусок дичи и кубок канарского вина, чтобы запить его, и, пожалуй, ничего больше. Утром я почти всегда дома. Если вам придется проезжать мимо, милости просим!

— Но сначала вы должны прийти к нам, — сказал Уолтер. — Я с удовольствием пригласил бы вас сейчас, если бы не было так поздно. Боюсь, что у нас уже все спят. Но приезжайте непременно и поскорей! И разре-

шите мне познакомить вас с отцом. Я уверен, что он захочет поблагодарить вас за оказанную мне услугу, так же как и моя сестра Марион.

Сердце Генри Голтспера радостно встрепенулось, когда он услышал эти слова. Марион захочет поблагодарить его! Вспомнит о нем, пусть даже это воспоминание будет вызвано только благодарностью!

О, любовь! Какое счастье любить и быть любимым! Какое невыразимое блаженство предвкушать тебя сладостной мечтой!

Будь юный паж несколько наблюдательнее, он заметил бы сейчас на лице Генри Голтспера какое-то странное выражение, которое тот явно старался скрыть.

Брат возлюбленной — это не тот человек, кому влюбленный спешит открыть тайну своего сердца. Неизвестно, как он отнесется к вашему признанию, даже если вы не менее состоятельны и знакомство совершилось по всем правилам, а намерения ваши вполне честны. Но если, по несчастному стечению обстоятельств, нарушено хоть одно из этих неперемennых условий, брат оказывается для вас самым страшным и непримиримым противником.

Может быть, эта мысль вызвала у Генри Голтспера невольное смятение чувств, которое он постарался скрыть от брата Марион Уэд? Не потому ли он был так смущен, когда благодарил его за приглашение? И не потому ли на его открытом лице промелькнуло какое-то странное выражение несвойственной ему робости?

Юный паж, ничего не замечая, продолжал настойчиво уговаривать его:

— Так вы обещаете приехать?

— Благодарю вас! Приеду как-нибудь, с удовольствием!

— Нет, мистер Голтспер, «как-нибудь» — это очень неопределенно. Правда, мое приглашение тоже неопределенно. Тогда вот что: приезжайте завтра. Отец устраивает праздник под открытым небом у нас в парке. Завтра день моего рождения, и, наверно, празднество будет по всем правилам, на широкую ногу. Обещайте, что вы будете нашим гостем!

— Обещаю от всего сердца, мастер Уэд! Буду чрезвычайно счастлив.

Пожелав друг другу на прощание доброй ночи, путешественники расстались: Уолтер скрылся за воротами парка, а всадник поехал дальше по дороге, которая бежала вдоль ограды.

Глава XI

СОМНИТЕЛЬНОЕ НАПУТСТВИЕ

Проводив взглядом удаляющихся путников, незадачливый разбойник долго стоял на месте, прислушиваясь к замиравшему вдалеке стуку копыт.

Потом он уселся на краю дороги, упершись локтями в колени и склонив на руки свою лохматую голову. Так он сидел некоторое время в полном оцепенении, безмолвный и неподвижный, как сфинкс.

Быстрая смена выражений, пробежавших по его лицу, вряд ли была бы понятна человеку, не посвященному в его биографию и не участвовавшему, хотя бы в качестве свидетеля, в недавнем происшествии. Скорбное раскаяние омрачало его чело, между тем как в темно-серых глазах нет-нет, да и вспыхивала горькая досада, когда он вспоминал о двух кошельках, так неожиданно ускользнувших из его рук.

По-видимому, тут происходила борьба чувств. Совесть вступала в поединок с жадностью, и, надо полагать, им давно уже не приходилось сталкиваться. Он так был поглощен этой борьбой, что даже лишился дара речи, а сообщники его, разумеется, почтительно соблюдали тишину.

По лицу Грегори Гарта, несмотря на его преступное ремесло, даже и в самые худшие минуты, можно было заключить, что это не бесчестный человек. Сейчас, когда он сидел вот так — на обочине дороги, на той самой обочине, где он часто прятался в засаде, — на его лице, ярко освещенном луной, проступали подлинные человеческие чувства — раскаяние, глубокая скорбь. Если бы не его окружение, не все эти красноречивые персо-

нажи из драматической сцены, всякий, кому ни случилось бы сейчас пройти мимо, наверно, решил бы, что это честный человек, которого недавно постигло какое-то тяжкое бедствие.

Но никто не проходил, и, сидя один в ночной тиши, он молча предавался своим печальным думам.

Но вот наконец он прервал молчание. Ночная тишина огласилась не угрожающими криками, не разбойничьими возгласами, а тихими горестными стенаниями.

— О господи! — причитал он. — Подумать только, что я угрожал мастеру Генри! Конечно, я и не собирался его колоть, только попугать хотел, чтобы не сопротивлялся. Да ведь он-то все равно думает, что я собирался его убить! О господи! Разве он когда-нибудь простит мне это? Ну, да теперь уж ничему не поможешь, придется сдержать обещание. Довольно промышлять чужими кошельками или обирать проезжих богатых дам! Охота кончена!

На его сокрушенном лице внезапно промелькнуло выражение досады, словно ему вдруг стало жаль, что он дал такое обещание и теперь придется его держать. Борьба между совестью и жадностью, по-видимому, еще не совсем окончилась.

— Нет, я сдержу свое слово! — вскричал он, вскакивая на ноги и словно кому-то объявляя о своем решении. — Я сдержу его во что бы то ни стало, хотя бы мне пришлось подохнуть с голоду! Разойдись! — насмешливо скомандовал он безмолвной шайке. — Марш по домам, бродяги! Ваш атаман Грегори Гарт больше не нуждается в вас. Эх, черт побери, жаль мне расставаться с вами, ребята! — продолжал он все тем же насмешливым и важным тоном. — Вы были мне верны, как сталь! Никогда между нами худого слова не было. Ну что ж, ничего не поделаешь, ребята! Рано или поздно, расстанутся лучшие друзья, а прежде чем нам расстаться, я уж, как-никак, позабочусь обо всех вас. Есть у меня приятель в Эксбридже. Он держит ссудную лавку, промышляет разным старьем. Выгодное дельце! Я думаю, у него найдется для вас местечко. Вам у него будет неплохо! Будет вам и компания, самая что ни на есть лучшая — золото

да драгоценности. И не бойтесь, там с вами ничего не случится. Я на всех на вас возьму расписки, чтобы вы были в полной сохранности; а в случае, если вы мне опять понадобится...

Но тут раскаявшийся разбойник внезапно прервал свою удивительную прощальную речь: до его слуха донесли какие-то звуки, и звуки, очень знакомые для его настороженного слуха. Это был конский топот, свидетельствующий о приближении всадника — путника, едущего по дороге. Это были не те путники, с которыми он расстался недавно, — те ехали на Джеррет Хис, а этот ехал с противоположной стороны: топот слышался по дороге от Красного Холма.

По стуку подков можно было сказать, что он едет один. И едет медленно, осторожно, едва плетется, словно он не знает дороги или боится пустить лошадь рысью, чтобы не споткнулась на неровной тропинке.

Услышав конский топот, Грегори Гарт тотчас, словно подчиняясь какому-то инстинкту, прекратил свою диковую речь и, даже не извинившись перед благовоспитанными слушателями, повернулся к ним спиной и прислушался.

— Одинокий путник! — пробормотал он про себя. — Плетется черепашью шагом. Должно быть, фермер, хватил лишнего в «Голове сарацина», да и заснул в седле. А ведь сегодня, кажется, рынок в Эксбридже!

Грабительские инстинкты, только что побежденные совестью, проснувшейся в нем после такой унижительной встречи с прежним хозяином, снова начали одолевать его.

— А любопытно, — продолжал он бормотать себе под нос, — есть ли у этого колбасника денежки при себе? Или он все спустил в кабаке? Ах, да какое мне дело, есть они у него или нет! Я же дал слово мастеру Генри, что это моя последняя ночь! И, черт меня побери, я должен сдержать слово!.. Ага! Постой-ка! — промолвил он, помолчав минуту. — Я обещал ему, что это будет последняя ночь. Да, так ты и сказал, Грегори Гарт, совершенно точно! Так, значит, я вовсе не нарушу обещания, если... Ведь ночь-то еще не кончилась! Сей-

час еще немного больше одиннадцать. Я слышал, как на челфонтской колокольне пробило одиннадцать. А ночь кончится только после двенадцати. Так оно считается по закону нашей страны. Да что там раздумывать! Хуже, чем сейчас, все равно быть не может. А коли украл овцу и тебе грозит виселица, лучше уж разом отвечать за все стадо! Ведь мастер-то Генри вовсе не обещал взять меня к себе. А далеко ли я на своей честности уеду? Что же мне, так с голоду и подыхать? Ведь у меня сейчас хоть все карманы вывороти, ничего нет. А за эти лохмотья много не выручишь. А ну его к черту! Остановлю этого колбасника да погляжу, не продал ли он свою скотину!

— По местам, ребята! — скомандовал он снова, обращаясь к своим чучелам с таким видом, словно он и в самом деле верил, что это его помощники. — Смирно, ребята! Будьте наготове и ведите себя так, будто мы и не собирались с вами расставаться.

И, закончив свою речь этим внушительным предостережением, разбойник отступил в тень кустов и спрятался за развалившейся хижинкой; притаившись в своей засаде, он стал поджидать неосторожного путника, которого его злополучная судьба заставила пуститься в этот поздний час по глухой дороге в Джеррет Хис.

Глава XII

НАПАДЕНИЕ НА ПРИДВОРНОГО

Разбойнику недолго пришлось дожидаться своей жертвы. Некоторое время ушло у него на приготовление к встрече, и, когда путник наконец поравнялся с хижинкой, Гарт, притаившийся в засаде, еле удерживался, чтобы не выскочить раньше времени, точно собака на сворке, рвущаяся за дичью.

Когда всадник, появившись из-за деревьев, выехал на открытое место и луна осветила и его и его коня, разбойник замер от удивления: вместо фермера, одурманенного скверной водкой в «Голове сарацина», Гарт

увидел перед собой кавалера в роскошном шелковом камзоле, верхом на усталом, но прекрасном коне.

Но как ни велико было изумление Грегори, он ничуть не смутился и не оробел. Наоборот, он даже обрадовался, когда вместо пьяного увальня, да еще, быть может, с пустым карманом, увидел перед собой богатого дворянина, который всем своим видом сулил ему кошелек, полный золота, и — на опытный глаз грабителя — заставить этого дворянина расстаться с кошельком не представляет особой трудности: вряд ли это было связано с большим риском.

Не медля ни секунды, разбойник выскочил из-за хижины, приветствуя раздетого в атлас кавалера тем же грозным окриком, каким он полчаса назад встретил двух всадников.

Но только в этот раз на его обычное требование: «Стой, ни с места!» — последовал совсем другой ответ. Такие путешественники, как Черный Всадник, редко попадались на дороге, а этот щеголь на загнанном коне, вместо того чтобы выхватить пистолет из кобуры или шпагу из ножен, сразу поднял обе руки вверх в знак того, что он сдается, и дрожащим голосом жалобно взмолился о пощаде.

— Чего ты расхныкался, черт тебя дери! — прикрикнул на него Гарт, направляя свою пику на грудь перепуганного всадника. — Не бойся, тебе ничего дурного не сделают. Никто из них тебя пальцем не тропет, ежели ты не вздумаешь сопротивляться... Смирно, ребята! Кавалер не вздорный, он с нами спорить не станет.

— Нет, нет, уверяю вас! — с готовностью подхватил путник. — Я никому из вас не желаю зла. Поверьте мне, друзья! Я с радостью отдам вам все деньги, которые у меня есть. Их не так много — ведь я всего-навсего бедный королевский гонец!

— Королевский гонец? — явно заинтересовавшись, повторил атаман. — А позвольте вас спросить, в таком случае, — продолжал он, подходя вплотную к всаднику и хватая за узду его коня, — куда это ваша милость держит путь?

— О сэр, — дрожа всем телом, отвечал придворный, — я рад, что встретил человека, который, наверно, может указать мне дорогу. Я везу письмо от его королевского величества капитану Скэрти, командиру отряда королевских кирасиров, который должен квартировать, или уже расквартирован, в Балстрод Парке у сэра Мармадюка Уэда, в графстве Бэкингем, где-то в этих краях.

— Ого, вот оно что! — пробормотал про себя Грегори Гарт. — Письмо от его королевского величества капитану Скэрти! Сэр Мармадюк Уэд! Балстрод Парк! Что бы это такое могло значить?

— А вы, милый друг, знаете сэра Мармадюка Уэда?

— Ну, если я и не имею удовольствия знать вас, господин Шелковый Камзол, — презрительно отвечал разбойник, — а также не имею чести считать себя вашим другом, то что касается сэра Мармадюка Уэда, — я все же могу сказать, что он мне не безызвестен! А вот про вашего капитана Скэрти... Первый раз в жизни слышу, что есть такой в наших краях! И про то, что кирасиры на постое стоят в Балстрод Парке, тоже впервые слышу! Все это диво дивное для Грегори Гарта.

— Уверяю вас, милый друг, все это сущая правда. Капитан Скэрти со своим отрядом сейчас уже, наверно, в Балстрод Парке, и если вы только проводите меня туда...

— Не мое это дело! Провожайте себя сами! Балстрод Парк отсюда рукой подать. А что до капитана Скэрти или королевских кирасиров, — я таких не знаю. А ежели у вас есть письмо, можете отдать его мне вместе со всей наличностью, что у вас есть при себе, господин шелкопер. А ну-ка, выкладывайте!

— Ах, сэр, пожалуйста, берите все мои деньги, и вот вам еще часы, и эта цепочка, но умоляю вас, во имя любви к нашему доброму королю, позвольте мне продолжать мой путь и выполнить возложенное на меня поручение!

— А может, у меня вовсе и нет такой любви к «на-

шему доброму королю», как ты думаешь, ливрейная твоя душа! А ну, живо выкладывай все, что у тебя есть, пока мои молодцы не раздели тебя догола!.. Смирно, ребята, ни шагу! Он и не думает сопротивляться!

— Нет, нет, друзья! Клянусь, я отдам вам все, что у меня есть. Вот вам мой кошелек. Мне очень жаль, что в нем не так много денег. Вот вам мои часы. Это подарок нашей всемилостивейшей королевы. Можете убедиться, сэр, очень ценная вещь!

Разбойник с жадностью вырвал у него из рук часы и, сжав их в своей грубой, мозолистой ладони, стал разгладывать при свете луны.

— И впрямь ценные, — промолвил он, повертев их и пощупав крышку. — Похоже, отделано драгоценными камнями. Так ты говоришь, это подарок королевы?

— Я получил их из собственных рук ее величества.

— Экая подлая французинка! Так-то она пускает на ветер наши английские денежки! Вот и выходит, что она — грабитель почище, чем Грегори Гарт. Так вот и скажи ей от меня, если тебе еще выпадет случай побеседовать с ней. Ну, поторапливайся у меня! Что там у тебя еще есть, выворачивай карманы!

— Тут только перочинный ножик, вот эти облатки и карандаш. И это все, уверяю вас!

— А это что такое блестит? — спросил разбойник, тыкая пальцем в отворот камзола, которым придворный явно старался что-то прикрыть. — Что это там висит у тебя на шее? А ну-ка, дай поглядеть!

— Это... это, сэр, медальон.

— Медальон? Это что такое за штука?

— Ну... это... просто...

— По виду совсем как часы. А что там внутри?

— Ничего.

— Ничего? Так чего ради ты носишь его на шее?

— В нем хранится... Ах, сэр, для вас это не имеет цены! Это просто прядь волос.

— Прядь волос? А, чей-то локон на память! Ну конечно, какая же ему цена! Мне, по крайней мере, от него никакого проку. Можешь оставить его себе. Толь-

ко вынь его из этой штучки да давай ее сюда. За нее кое-что можно выручить. Ну, живей!

Придворный, не помня себя от страха, тотчас же подчинился требованию и с перепугу даже не воспользовался позволением сохранить драгоценный локон; сняв с шеи медальон, он покорно отдал его вместе с локоном в руки грабителя.

— Вот, сэр, — умоляюще прошептал он, — теперь я отдал вам все, что у меня есть!

— Нет, не все! — грубо проворчал разбойник. — У тебя есть еще отличный камзол, новехонький, весь атласный, и под ним такие же штаны; сапоги со шпорами отменного качества и прекрасная шляпа с перьями. Да вон еще какой резак за поясом! Я-то сам не ношу таких вещей, да есть у меня родственник — вот ему будет от меня подарок. Ну, раздевайся!

— Как, сэр! Неужели вы заставите меня раздеться догола? Вы забыли, что я королевский гонец и еду по поручению его величества!

— Помню, помню, провались ты со своим королем! Что ты мне такое поешь? Тут тебя слушать некому, это у вас при дворе пение в чести. А я с тобой говорю попросту: слезай с коня да стаскивай с себя все!

Хотя в голосе разбойника явно слышалась насмешка, несчастный гонец видел, что с ним вовсе не шутят.

Как ни обидно ему было, а пришлось слезть с коня и раздеться посреди дороги.

Безжалостный разбойник стоял над ним, пока он не разделся почти догола — на нем остались только сорочка да носки.

— О сэр, неужели вы позволите мне ехать в таком виде? — протягивая к нему руки, взмолился несчастный гонец. — Неужели вы отпустите меня так, меня, королевского гонца? Как я могу ехать верхом без сапог, без шляпы, без камзола, без...

— Будет тебе хныкать! — прикрикнул на него Гарт, связывая в узел его одежду. — Кто тебе сказал, что ты поедешь верхом? И где твоя лошадь, хотел бы я знать?

Гонец неуверенно кивнул в сторону своего коня.

— Эта?.. — невозмутимо протянул разбойник, продолжая возиться с узлом. — Может быть, минут десять назад это и была твоя лошадь, а теперь она стала моя. Довольно я походил пешком, пока ты разъезжал в свое удовольствие! Пришло время и мне покататься немножко. Так-то оно будет справедливей — по очереди.

Королевский гонец, онемев от страха, стоял раздетый посреди дороги; он уже почти перестал что-либо понимать от потрясения, но чувствовал, что никакие мольбы и увещания ничему не помогут. Поэтому он ничего не ответил. Он стоял, трясаясь всем телом, и зубы его отбивали непрерывную дробь, похожую на стук кастаньет, потому что ночь выдалась холодная, одна из тех осенних ночей, когда холод пробирает вас насквозь, вроде как в декабре.

Разбойник не обращал на него внимания, пока не сложил все вещи и не справился со своим узлом. Затем, разогнув спину, он стал во весь рост прямо против своей жертвы и окинул ее с ног до головы насмешливым и вместе с тем суровым взглядом. Постепенно угрюмая суровость на его лице вытеснила все остальное; казалось, его охватило какое-то подозрение.

— Хотя ты и трус, королевский любимчик, — промолвил он с горькой усмешкой, презрительно обращаясь к трясущемуся гонцу, — а кто знает: может, ты труслив, да хитер, и еще наделаешь бед. Лучше уж я позабочусь, чтобы ты не двигался с места. Идем-ка со мной в этот домишко. Да не противься, тебе там будет теплей! Эк тебя всего трясет! Идем!

И, не дожидаясь его согласия или отказа, разбойник схватил гонца за руку и втащил его чуть живого через порог в хижину.

Очутившись с ним в стенах развалившейся лачуги, он взял толстую веревку и начал старательно связывать свою несчастную жертву, не оказывающую ему ни малейшего сопротивления. В лачуге было достаточно светло, так как через обвалившуюся крышу светил месяц, озаряя голые стены и устланный соломой земляной пол.

Грегори был не новичок по части вязания узлов и быстро справился со своим делом; через несколько ми-

нут королевский гонец стоял крепко связанный по рукам и ногам, словно какой-нибудь опасный преступник.

— Вот так-то будет лучше! — с видимым удовлетворением сказал разбойник, затягивая последний узел. — Теперь ты у меня не выпутаешься, пока кто-нибудь тебя не развяжет; но уж кто это будет — не знаю, только не я. Я не хочу поступать с тобой жестоко, хоть ты и королевский прислужник; мне кажется, тебе будет удобнее лежать. Дай-ка я помогу тебе!

С этими словами он выпустил веревку из рук, и злочастный гонец тяжело грохнулся наземь.

— Лежи здесь, господин посыльный, пока кто-нибудь не подымет тебя. Я позабочусь о том, чтобы доставить твою грамоту. Спокойной ночи!

И Грегори Гарт, посмеиваясь, шагнул через порог, оставив ошеломленного путника наедине с его невеселыми и отнюдь не спокойными думами.

Выйдя из хижины, разбойник взял коня под уздцы и вывел его на середину дороги; он привязал узел с одеждой к седлу и уж совсем было вложил ногу в стремя, как вдруг, словно спохватившись, остановился в раздумье. Так он стоял с минуту, не двигаясь с места.

— Ах, черт возьми, старые товарищи! — внезапно воскликнул он, поворачиваясь к своим сообщникам. — Как же можем мы с вами так вот расстаться! Если Грегори Гарт стал теперь настоящим барином, он не должен гнушаться своими скромными помощниками. Нет-нет! Все вы поедете со мной, все до единого. Хоть вы все вместе не стоите одной этой блестящей штучки, что тикает у меня в кармане, все же вы годитесь на что-нибудь получше, чем пугать ворон здесь на Джеррет Хис. Едем со мной, ребята! Я думаю, этот рослый коняга из королевской конюшни свезет нас всех, уж как-нибудь мы да усядемся. Кто — на круп, а кто — на загрюк. А ну, собирайся живей!

И он тут же бросился в кусты и начал стаскивать одеяния со своих пугал, постепенно переходя от одного к другому. Обобрав их всех до единого, он вернулся с этой грудой старья к лошади и стал пристраивать его

сзади и спереди к седлу; затем обвязал все веревками и наконец, усевшись сам, довольный пустился в путь.

Едва он доехал до перекрестка, часы в Челфонте на колокольне церкви Святого Петра пробили двенадцать.

— Ровно двенадцать! — радостно воскликнул Гарт. — Только-только поспел! А все-таки я сдержал свое слово — не обманул мастера Генри! Да ведь я не мог бы посмотреть ему в лицо, коли бы нарушил слово! Вон он, звонит старый колокол! Как приятен этот звон в ночной тиши! Вспоминается время, когда был еще невинным младенцем. Звони, звони, челфонтский колокол! Звони на весь свет, чтобы все знали, что Грегори Гарт распростился с большой дорогой!

Глава XIII

СЕЛЬСКИЙ ПРАЗДНИК

Там, где Чилтернские холмы сбрасывают с себя свой древесный покров, которым и поныне одета большая часть их поверхности, они удивительно напоминают великую североамериканскую степь, те ее обширные области, что на языке охотников называются «волнистыми долами». А еще их можно уподобить океану, затихшему внезапно после сильного шторма, когда волны уже не взмывают пенистых гребней и не набегают одна на другую высокими параллельными грядами. Если вы способны вообразить себе эту водяную стихию, внезапно превращенную в твердую землю, вы получите точное представление о рельефе Чилтернского края. С незапамятных времен эти холмы пользовались особой славой. Англия давно уже стала возделанной страной, но еще много лет спустя после расцвета английского земледелия их девственная почва не знала прикосновения плуга; и даже и по сие время обширные пространства этого края остаются нетронутой целиной, поросшей вереском, дроком или покрытой густой чащей буковых лесов.

В истории Англии за этими холмами сохранилась недобрая слава. Их непроходимые чащи, где водится благородный олень и прочая дичь, достойная внимания охотника, служат надежным убежищем разбойникам и беглым преступникам; и в прежнее время здесь необходим был постоянный надзор, который поручался смотрителю, располагавшему вооруженной охраной, дабы обеспечить путникам безопасный проезд в этих краях. Вот тогда-то и возникла эта пресловутая должность — ныне, к счастью, представляющая собой только синекуру¹, но, к несчастью, в нашей обремененной налогами стране это не единственная синекура, пережившая свое полезное назначение.

В самой восточной части Чилтернского края расположено родовое поместье Бэлстрод. Это одно из самых старинных владений в Англии, существовавшее еще до нашествия норманнов... быть может, со времен отвода римских войск. Некогда здесь происходили бои, о чем свидетельствуют уцелевшие и поныне остатки древнегерманских укреплений и странная легенда, связанная с ними и дошедшая до нас от тех времен.

На всем обширном пространстве, свыше тысячи акров, где раскинулось поместье Бэлстрод Парк, вряд ли найдется хотя бы один клочок земли, который можно было бы назвать плоским; единственное исключение составляет площадь, обнесенная рвом, где виднеются укрепления, о которых упоминалось выше. Всюду кругом отлогие холмы, волнистые склоны, отделенные друг от друга глубокими долинами и оврагами, впадины которых так точно повторяют округлые выпуклости пригорков, что кажется, будто эти пригорки выкорчеваны из долин и поставлены на прежнее место вверх подножиями. Парк представляет собой ту же картину, что и Чилтернские холмы, — зыбь океана, внезапно обратившуюся в твердь, когда волны и борозды между ними утратили свою параллельность. Долины и овраги раз-

¹ Синекура (от латинского *sine cura* — без заботы) — хорошо оплачиваемая должность, не требующая от занимающего ее никакого труда.

бегают во все стороны, сталкиваясь и пересекая друг друга; то они взбираются вверх, то обрываются круто глубокими таинственными лощинами, густо поросшими кустами боярышника, орешником и остролистом, откуда всю ночь напролет доносится соловьиное щелканье. Гряды холмов так же беспорядочно набегают одна на другую или кое-где поднимаются одинокими пригорками, такими ровными и гладкими, что они производят впечатление искусственных. Заросли кустарника, купы громадных деревьев — вязы, дубы, буки и каштаны одевают склоны, опоясывают вершины, а открытые пространства между ними манят такой яркой, свежей зеленью, какую только и можно увидеть на пастбищах или в английских парках. Так выглядел Бэлстрод Парк в XVII веке; таким, невзирая на кое-какие незначительные перемены, сохранился он и по сей день.

Наступил тот знаменательный день, который сэр Мармадюк Уэд решил отметить торжественным празднеством, — день рождения своего сына, первый день после его возвращения в родительский дом.

Раннее осеннее утро полыхает алой зарей и обещает погожий денек, и огненный шар солнца, словно подтверждая это обещание, уже плывет над горизонтом в синем безоблачном небосводе. Солнечные косые лучи, пробиваясь сквозь листву деревьев, мягко золотят мглистые лесные тропинки, но на открытых полянах парка они уже осушили росу, и яркая зелень так и манит к себе, словно пышный ковер, раскинутый для предстоящего праздника.

По всему видно, что сэр Мармадюк Уэд щедро разослал приглашения, и нет сомнений, что все они с радостью приняты. На много миль в окружности по всем дорогам и тропинкам, ведущим в усадьбу, с раннего утра движутся пестрые кучки празднично одетых крестьян — старых и молодых, белокурых и темноволосых, пригожих и невзрачных; но все они одинаково полны оживления, всем хочется повеселиться.

На открытой площадке, обнесенной рвом, собралась тысячная толпа. Кто топчется на месте, кто уселся в тени под деревьями или на заросшем травой откосе рва;

там и сям стоят тесным кольцом зрители и с интересом наблюдают за происходящими внутри кольца играми и состязаниями. Тут идет игра в мяч, там — в шары, любимая королевская игра, а потому и самая модная; а там дальше народ обступил двух фехтующихся — только не на рапирах, а на палках: два здоровенных парня с таким усердием дубасят друг дружку, словно поклялись проломить один другому череп; к счастью, оружие у них таково, что достичь этого не так просто.

Тут же поблизости идет другая, более изящная игра в горелки, в которой голубоглазые девушки бегут врассыпную, спасаясь от своих кавалеров, и все же охотно позволяют себя поймать.

Тут можно наблюдать и борьбу, и футбол, и метание колец, и стрельбу в цель, и бег наперегонки, и чехарду, и прыжки.

Недалеко от площадки, за рвом, устроены большие очаги под открытым небом, где слуги сэра Мармадюка жарят громадные туши быков и свиней с вспоротым для фаршировки брюхом. Это место часа через два будет самым заманчивым для гуляющих.

В парке сэра Мармадюка собрались не только поселяне. Роскошно одетые кавалеры с нарядными дамами стоят, оживленно беседуя, и следят с интересом за играми; многие из них и сами принимают участие в играх. «Fête champêtre»¹ — это модное развлечение, и никакое звание не заглушает в человеке жажды невинного веселья. Поэтому владелица замка может, не нарушая приличий, присоединиться к пляскам под открытым небом наравне со своими служанками, а хозяин — сыграть партию в шары или пофехтовать на палках со своим арендатором. В те времена даже сам король нередко снисходил к таким забавам.

Веселье царило в парке сэра Мармадюка Уэда, праздновавшего день рождения своего отпрыска, счастливый и памятный день, в который провидение послало ему наследника и сына.

¹ Fête champêtre (франц.) — сельский праздник.

Глава XIV

ВПЕРЕД, МАРШ!

Часы на колокольне в Эксбридже прозвонили полдень; кирасиры Скэрти все еще толпились на постоялом дворе, хотя уже в полной готовности, каждый около своего коня, готовый по первому приказу очутиться в седле.

Время было позднее, давно бы уж пора двинуться в поход, но им пришлось задержаться. Причина их задержки была налицо: новенькие подковы на ногах лошадей. А для этого пришлось вызывать кузнеца из Эксбриджа.

А впрочем, им некуда было особенно торопиться. Идти было недалеко, и не пройдет и часа, как задание, возложенное на них, будет завершено. В двенадцать они уже все выстроились в ожидании приказа.

— По коням! — раздалась короткая команда, и в ту же секунду на крыльце харчевни появились оба офицера.

Кирасиры вскочили в седла, и звон сабель, стальных доспехов и стук копыт в полуденной тишине осеннего дня разнесся далеко по окрестностям. Лавочники в Эксбридже, услышав издалека этот шум, вздохнули с облегчением. Всю ночь королевские головорезы шатались по улицам, буянили, не давали покоя жителям и угощались на чужой счет.

Неудивительно, что все обрадовались, услышав это бряцание сабель и шпор, свидетельствующее о том, что капитан Скэрти со своим отрядом снялся наконец из «Головы сарадина».

Когда солдаты уже сидели на лошадях, оба офицера не спеша подошли к своим коням. Корнет долго не мог попасть ногой в стремя, а когда он с трудом уселся верхом, каждому, глядя на него, невольно приходило в голову: а сможет ли он удержаться в седле? Стаббс был здорово пьян и качался из стороны в сторону.

Командир также был сильно на взводе, хотя и не до такой степени. Во всяком случае, по нему это было не

так видно. Он взобрался на своего коня без посторонней помощи и, очутившись в седле, держался прямо. Возможно, это превосходство над товарищем объяснялось в данном случае простой привычкой. Скэрти был старый солдат, а у Стаббса этого преимущества не было.

Они сели угощаться в харчевне еще накануне, на исходе дня.

Происшествие, разыгравшееся там, вряд ли оказало на них утешительное действие, поэтому офицеры продолжали пить, только перенесли это занятие в Эксбридж, где они переходили из одного кабака в другой. Там им подвернулись собутыльники, которые, в свою очередь, пригласили их в компанию веселых ночных гуляк; так они пировали до зари, и, только когда уже бледный утренний свет забрезжил над долиной Колна, усталые бражники, шатаясь, поплелись через мост на свою временную квартиру.

Пока кузнецы ковали лошадей, офицеры прилегли на часок и оба встали разбитые, хотя им и предоставили самые лучшие кровати из всех, что были на постоялом дворе. Проснувшись около двенадцати, Скэрти потребовал себе кружку браги для подкрепления нервов; он чувствовал, что они у него здорово развинтились за ночь. Позавтракав на скорую руку, он скомандовал отряду садиться на коней. И теперь все только ждали приказа двинуться в путь.

— Друзья! — обратился Скэрти к солдатам, твердо усевшись в седле. — Мы провели с вами ночь в гнезде бунтовщиков. Этот город Эксбридж кишит предателями: квакеры, сектанты, пуритане — все это одна шайка.

— В-ик!-вверно, — икнул Стаббс, пытаясь держаться прямо.

— Верно, капитан, правильно вы говорите! — хором подхватили солдаты, и громче всех те, которые не расплатились по счетам.

— Ну, и черт с ними! — пробормотал Скэрти, внешне потеряв всякий интерес к Эксбриджу и всему, что в нем делается. — Посмотрим, что ждет нас впереди...

Нет... не то... Сначала оглянемся назад. Ни одной хорошенькой девчонки в харчевне! Экая жалость! Ну, наплевать! Обойдемся и без женщин, было бы вино! Эй, Бонифас, а ну-ка, выкатывай бочку!.. Что вы будете пить, дармоеды? Пиво?

— Да-да, все, что ни поднесете, господин капитан!

— Пива, Бонифас! А мне тащи хересу... А вы что скажете, Стаббс?

— Хересу! — еле ворочая языком, выговорил корнет. — Только хересу, нич-чего больше! Хересу!

— Кто платит? — спросил хозяин, явно опасаясь, как бы этот последний заказ не оказался даровым угощением.

— Получай, скотина! — крикнул Скэрти и, достав из кармана золотой, швырнул его в лицо хозяину. — Ты что думаешь, королевские кирасиры — это разбойники с большой дороги? Вина, вина! Да поживей! А не то я откупорю твой бочонок своей шпагой!

На постоянных дворах в прежнее время держали много подручных, и через несколько секунд солдаты уже держали в руках кружки с пивом, а офицеры — чарки с вином. Отечественный напиток был разлит быстрее, но солдаты из уважения к начальству дожидались, пока обоим офицерам не нальют чарки белого испанского вина.

Схватив поданную ему чарку, Скэрти поднял ее над головой и крикнул:

— За короля!

— За кко-ро-ля! — повторил Стаббс.

— За короля! За короля! — разом подхватили полсотни голосов, и кое-кто из стоявших рядом тоже пробормотал: — За короля!

— Бросай кружки! — скомандовал капитан и первый швырнул свою чарку на середину дороги.

Солдаты тотчас же последовали его примеру, и мигом вся мостовая была усеяна блестящими оловянными кружками.

— Вперед, марш! — гаркнул Скэрти, прищипывая своего скакуна.

И отряд кирасиров с бешеным командиром во главе выехал с постоянного двора и направился по дороге к Красному Холму, а мертвецки пьяный корнет трусил позади всех.

Несмотря на изрядное количество поглощенного им вина, капитан кирасиров был настроен отнюдь не весело. Он, собственно, и пил-то главным образом для того, чтобы заглушить вином неприятное воспоминание, до сих пор не дававшее ему покоя. Он никак не мог забыть того оскорбления, которое ему нанесли вчера вечером; ему казалось, что оно уронило его в глазах подчиненных. Признаться, он был почти уверен в этом, и потому все его мысли сейчас, когда он ехал впереди своего отряда, были заняты исключительно Черным Всадником и тем, как бы отомстить таинственному незнакомцу.

Скэрти направлялся на постой в те края, где, по рассказам, находился и дом Черного Всадника, и он утешал себя мыслью, что, если квартира окажется скучной, у него, по крайней мере, будет развлечение: уж там-то он сумеет найти способ проучить незнакомца и удовлетворить свою жажду мщения!

Если бы он мог в эту минуту проникнуть взглядом сквозь густую листву деревьев, опоясывающих вершину Красного Холма, он увидел бы того самого человека, которому он мечтал отомстить, — всадника на черном коне, откуда он и получил свое прозвище. Скэрти увидел бы, как всадник вдруг круто повернул и поскакал прочь в сторону, в том самом направлении, куда и он, Скэрти, ехал со своим отрядом, — в Бэлстрод Парк, в усадьбу сэра Мармадюка Уэда.

Но хоть Скэрти и не видел этого, его дневной поход все же не обошелся без приключений, и приключение это было настолько необычно, что о нем стоит рассказать, тем более что для капитана кирасиров оно было чревато некоторыми важными и непредвиденными последствиями.

Когда отряд кирасиров поравнялся с развалившейся хижинкой на Джеррет Хис, до их слуха донеслись жалобные стоны, исходившие, по-видимому, из самой

хижины. Время от времени эти стоны переходили в отчаянные вопли.

Кирасиры бросились в хижину, и глазам их представилось странное зрелище: на полу, в одной сорочке, связанный по рукам и ногам, лежал человек. Он рассказал им, что он, кажется, видел ужасный сон, но похоже, что это вовсе не сон, а действительно случилось с ним на самом деле. Он курьер его королевского величества и направлялся в Бэлстрод Парк, вез письмо капитану Скэрти, но письмо это пропало; у него отняли все, что у него было, вплоть до лошади, на которой он ехал.

Заставив его рассказать все подробно, Скэрти, сначала огорченный пропажей королевского приказа, вскоре забыл и думать о нем — так насмешили его злоключения несчастного курьера. Он посадил беднягу на коня и велел ему ехать обратно, туда, откуда его послали. Затем отряд кирасиров снова двинулся в путь, и еще долгое время после этого пустынная равнина Джеррет Хис оглашалась взрывами громкого хохота.

Глава XV

ЧЕРНЫЙ ВСАДНИК

Большие часы на башне замка Бэлстрод пробили двенадцать. Игры и состязания в парке были в полном разгаре; зрители увлекались не меньше участников, и те и другие веселились от души.

Солидные фермеры стояли кучками и, наклонясь друг к другу, чтобы их не услышали, тихонько обсуждали последний указ короля, высказываясь о нем крайне неодобительно.

Они жаловались друг другу на непрестанное вымогательство сверху, на то, что их душат неслыханными налогами, собирают с них деньги на флот, на армию, на содержание охраны, облагают податями, называя это добровольным даянием. Но хуже всего — это постой воинских частей, когда к человеку, заподозренному в оскорблении короля или кого-нибудь из его прибли-

женных, — все равно, будь это словом или делом, — ставили на квартиру разнузданную ораву солдат.

Наряду с этим обсуждались преследования и несправедливости, чинимые этим нечестивым советом, Комиссией королевского суда, которая своим беспощадным рвением превзошла инквизицию, и бесстыдной «Звездной палатой», что насчитывает тысячи жертв.

Все эти страшные орудия тирании вот уже на протяжении десяти лет действовали на полном ходу, выполняя свое гнусное назначение; но, вместо того чтобы сломить дух мужественного народа, — что, собственно, и ставилось целью, — они только побуждали его к более решительному и твердому отпору.

Суд над Гемпденом¹, любимцем Бэкингемского графства, за его смелый отказ платить незаконный налог — корабельную подать, вызвал сочувствие к подсудимому у всех честных людей, тогда как судей, приговоривших его, поносили на все лады и обвиняли не только в несправедливости.

Надо сказать, к славе бэкингемских жителей, что нигде это благородство духа не проявлялось с такой силой, как в Бэкингемском графстве, нигде в те дни слово «свобода» не произносилось так часто и с таким благоговейным чувством. Увы, ужели все это могло измениться!

Правда, пока еще это слово произносилось только шепотом, негромко, но внушительно; подобно отдаленным раскатам грома, оно доносилось глухим ворчаньем, готовое вот-вот вспыхнуть ослепительной молнией и разорвать сверху донизу низко нависшую мглу черного деспотизма.

Вот такой приглушенный рокот можно было услышать в парке сэра Мармадюка Уэда. Среди этого праздничного оживления и шума можно было уловить кое-какие зловещие признаки надвигающейся грозы,

¹ Гемпден Джон (1594—1643) — выдающийся деятель парламентской буржуазной оппозиции при Карле I, двоюродный брат Кромвеля. Отказался платить введенный правительством налог и был за это приговорен к тюремному заключению.

но они заглушались взрывом веселого хохота, радостными возгласами и пением.

Может быть, кое-кого удивляет, почему эти благородные чувства, эти свободолюбивые чаяния не выражались открыто. Но в этом нет ничего удивительного. Если среди собравшихся на праздник гостей многие осуждали короля и его приспешников, то, пожалуй, не меньше было и таких, которые осуждали народ. В оживленной толпе, запрудившей площадку за старым крепостным валом, было немало доносчиков и шпионов, которые зорко поглядывали по сторонам и прислушивались к каждому слову, стараясь уловить, нет ли тут измены. Ни один человек не мог быть уверенным, не окажется ли он вдруг жертвой доноса и не придется ли ему не сегодня-завтра предстать пред прозным судом страшной «Звездной палаты».

Поэтому не приходится удивляться, что люди высказывали свои мнения осторожно, с оглядкой.

Подобные расхождения политических взглядов можно было обнаружить и между людьми высшего круга, присутствующими здесь, и нередко даже между родными, членами одной семьи. Но здесь, разумеется, тщательно избегали всяких разговоров на эти щекотливые темы, ибо это было по меньшей мере неуместно в такой торжественный день; и никому, глядя на оживленные лица прекрасных дам и галантных кавалеров, не пришло бы в голову, что у них могут быть какие-нибудь разногласия или какие-либо причины для недовольства. Среди этих сияющих лиц было только одно исключение, только один человек во всей этой шумной толпе не разделял праздничного веселья: это была Марион Уэд, красавица Марион, чья улыбка доставляла радость всем, кто ее видел. Она одна была не радостна. Сердце ее замирало в тревожном, мучительном ожидании: в этой нарядной, оживленной толпе ей недоставало того, кто один мог бы вернуть ей спокойствие и радость.

Стоя на площадке, Марион то и дело устремляла нетерпеливый взгляд туда, через головы толпы, через вал, к воротам парка, откуда все еще нет-нет, да появлялись запоздалые группы гостей.

Она явно кого-то искала, искала и не находила, потому что всякий раз, когда ее блуждающий взгляд возвращался к стоящим рядом, в нем можно было заметить горькое разочарование, которое она тщетно пыталась скрыть.

Когда наконец все гости, по-видимому, уже были в сборе, она совсем загрустила. И если бы мы в эту минуту подслушали ее мысли, нам было бы нетрудно угадать причину этой глубокой грусти.

«Он не идет, не хочет прийти! Значит, эти взгляды, которые я столько раз ловила на себе, — все это мне просто казалось. Нет, я просто сошла с ума! Как я могла так забыть? Что он теперь подумает обо мне? Нет, правда, что он может подумать? Он поднял мою перчатку. Что ж, может быть, это было любопытство или так просто — фантазия. Поднял, а потом тут же и бросил. Ведь теперь-то я вижу, что он не хочет прийти, иначе он уже был бы здесь. Уолтер обещал познакомиться его со мной. Но его это не прельстило. Он знает, что он мог бы познакомиться со мной и сам. Разве я не дала ему это понять? Ах, какое унижение!»

Несмотря на все эти мучительные размышления, Марион старалась казаться веселой. Но ей это плохо удавалось. Кое-кто из стоявших рядом с ней уже заметил ее блуждающий взгляд, ее печально поникшее чело; дамы, завидовавшие ее красоте, поглядывали на нее с любопытством; а среди кавалеров, обступивших ее тесной толпой, не было ни одного, кто не ловил бы улыбки этих прелестных надменных уст и с радостью пожертвовал бы ради нее и подаренным на память локоном шелковистых волос, и любимым сувениром, который он когда-то так вероломно клялся носить вечно.

Но из всех окружавших Марион только одна дружеская душа догадывалась о причине ее грусти. И то только догадывалась. Одна только ее кузина подозревала, что сердце Марион стремится к кому-то так же, как и ее взоры. Как удивились бы, как всполошились бы все в этом кружке, если бы узнали об этом! Марион Уэд была уже вполне взрослой. Ее руки добивались многие, многие влюблялись в нее без памяти. Юноши из знат-

ных семей, титулованные вельможи в расцвете лет рады были сложить к ее ногам богатство, титулы, роскошные владения и замки, но все они были отвергнуты. И Марион не гордилась этими победами, ей чуждо было пустое тщеславие светской кокетки; она поступала, как настоящая, достойная уважения женщина, которая отдает свою руку и сердце только тому, кто завоеует ее.

Среди претендентов на ее руку не было ни одного, кто мог бы похвастаться такой победой. Случалось, кто-нибудь пытался пустить какие-то слухи, но они тут же и пресекались, ибо никто им не верил. Для человека, который мог бы одержать такую победу, это был бы такой триумф, что о нем, конечно, стало бы известно всем.

И, однако, победа была одержана, и никто об этом не знал. Одна только кузина Лора Лавлейс подозревала кое-что. Лора давно уже удивлялась одиноким верховым прогулкам кузины; сколько раз она предлагала ей поехать вдвоем, но Марион всегда отказывалась и уезжала одна. А когда сэр Мармадюк запретил эти прогулки, Лора видела, что Марион волнуется и не находит себе места. Были кое-какие и другие загадочные обстоятельства, наводящие на размышления: пропажа перчатки, рука, разодранная до крови, беспокойное метание во сне, необычная задумчивость днем. Как же могла Лора не заметить всех этих красноречивых признаков!

Лора и сама была влюблена: она умела разбираться в этих признаках. Неудивительно, что у нее возникли подозрения: а не влюбилась ли ее кузина так же, как она сама? Она даже почти не сомневалась, что сердце Марион похищено кем-то; но кем, как и когда это случилось — для нее оставалось тайной, так же как и для всех в этой толпе.

— Марион! — шепотом окликнула она и, подвинувшись к своей кузине, наклонилась к самому ее уху, чтобы никто не слышал: — Почему ты такая невеселая?

— Вот глупышка! Что это ты выдумала?

— Разве я могу этого не заметить? У тебя такой вид...

— Какой у меня вид, Лора?

— Не сердись на меня, милочка Марион. Просто я боюсь — на тебя обращают внимание. Вон Уинифрид Уайленд уже поглядывает в твою сторону, а еще эта противная Дороти Дэйрелл — она так просто глаз с тебя не сводит! Прошу тебя, сестричка, постарайся принять другой вид, чтобы у них не было повода для всяких пересудов; ведь ты сама знаешь, что для Дороти Дэйрелл нет большего удовольствия, как посплетничать.

— Другой вид? Но какой же у меня вид, скажи, пожалуйста!

— Ах, Марион, зачем я буду тебе говорить! Ты сама знаешь, что ты чувствуешь, и вот это-то и написано на твоём лице.

— Скажите, какая пронизательность! Но все-таки объясни мне, что ты хочешь этим сказать. Что такое написано на моем лице? Ну, говори же!

— Ты хочешь, чтобы я была откровенна, Марион?

— Ну да, конечно!

В голосе Марион слышалось такое нетерпение, что Лора решилась высказать ей все, что она думает.

— Ты влюблена, Марион, — чуть слышно прошептала она, приложив губы к ее уху.

— Какой вздор! И как это тебе могло прийти в голову, Лора!

— Нет, не вздор, Марион. Я вижу это по твоему лицу. Я не знаю, кто пленил твое сердце, дорогая сестричка, я знаю только, что *его* здесь нет. Ты ждала его, а он не пришел. Что, неправда?

— Ах, Лора, ты или страшная обманщица, или хитрая маленькая колдунья! Ну-ка, скажи, кем я должна тебя считать?

— Я не обманщица, Марион, и ты знаешь это. И мне незачем прибегать ни к какому колдовству, чтобы узнать твой секрет. Но я прошу тебя, постарайся вести себя так, чтобы его не открыли другие... Ведь ты знаешь, сестричка...

— Можешь не оправдываться в своих подозрениях! — перебила ее Марион. — И чтобы они тебя больше не мучили, я скажу тебе прямо: это правда. Зачем мне стараться скрывать это от тебя, когда ты все равно узнаешь об этом рано или поздно! Да, я влюблена. И ты верно сказала: я люблю человека, которого здесь сегодня нет. Почему я должна стыдиться и скрывать это от тебя? Ах, если бы я только могла быть уверена, что он любит меня так же, как я люблю его! Мне было бы все равно — пусть об этом знают все на свете! Какое мне дело до Уинифрид Уайленд или Дороти Дэйрелл! Пусть себе говорят...

И как раз в эту минуту рядом с ними раздался голос Дороти Дэйрелл и ее громкий смех, к которому присоединились все остальные. В этом не было ничего удивительного, так как Дороти привыкла задавать тон в компании; она была остра на язык, и ее шутки обычно вызывали смех. Возможно, кузины, увлеченные своим разговором, и не обратили бы внимания на ее речи, если бы вслед за этим не было произнесено одно имя, которое так много значило для Марион Уэд.

Уолтер только что закончил рассказ о своем дорожном приключении.

— А что же этот удивительный кавалер, который так отделал наглеца капитана и напугал свирепого разбойника? — спросила Дороти. — Он вам открыл свое имя, мастер Уэд?

— Да, — отвечал Уолтер. — Он назвался Генри Голтспер.

— Генри Голтспер!.. Генри Голтспер! — подхватил голоса, как если бы это имя было знакомо всем и с ним связывалось нечто особенное.

— Тот самый, что всегда ездит на вороном коне, — пояснил кто-то. — Его здесь зовут Черный Всадник. Он совсем недавно появился в наших краях. Живет в старом доме у Каменной Балки. Никто его здесь не знает.

— И, однако, все говорят о нем. Загадочная личность! Быть может, это какой-нибудь трубадур из восточных стран? — сказала Уинифрид Уайленд.

— Вернее, какой-нибудь купец с запада, — смеясь,

возразила Дороти Дэйрелл, — откуда он и вывез свой идеал о равенстве и своего первобытного слугу. Вы не видели его индейца, мастер Уэд?

— Нет, — отвечал юноша. — Я и его самого не очень хорошо видел — ведь мы ехали ночью. Но я надеюсь посмотреть на него сегодня. Он обещал приехать.

— И не приехал?

— По-моему, нет. По крайней мере, я его еще не видел. Но, может быть, он уже где-нибудь здесь, в толпе, или среди зрителей на площадке. Если вы разрешите, сударыни, я пойду поищу его.

— Да-да, поищите! — хором воскликнули женские голоса. — Вы должны непременно отыскать его, мастер Уэд, и представить его нам. Можете сказать ему, что мы все жаждем познакомиться с ним.

Уолтер, с трудом пробираясь через толпу, обошел кругом всю площадку и вернулся один.

— Как это жестоко с его стороны, что он не едет! — с усмешкой заметила Дороти Дэйрелл, видя, что Уолтер возвращается один. — Если бы он только знал, как мы все огорчены! Мы, конечно, не были бы так разочарованы, если бы вы, мастер Уэд, не сказали нам, что он собирался приехать. А теперь этот праздник будет казаться очень скучным без него!

— Может быть, он еще и приедет, — сказал Уолтер. — Мне кажется, еще не все гости собрались.

— Ваша правда, мастер Уэд, — вмешался один из стоявших рядом. — Вон там кто-то едет верхом за оградой и, кажется, направляется к воротам.

Все взгляды устремились в ту сторону, куда указывал говоривший. На расстоянии примерно ста ярдов от ограды парка по равнине мчался всадник. Но он не направлялся к воротам.

— Да нет, он вовсе не сюда едет! — воскликнула Дороти. — Наверно, он передумал... Ах, смотрите! Он гонит свою лошадь прямо на ограду! Неужели он собирается перескочить через нее? Смотрите, смотрите! Ах, готово! Вот это действительно прыжок! — И красotka Дороти, не удержавшись, восторженно захлопала в ладоши.

Но не она одна следила с восхищением за этим прыжком, хоть та, другая, и не выражала так шумно своего восторга. Глаза Марион Уэд радостно засверкали, едва только она увидела приближающегося всадника, и сейчас взгляд ее сиял гордостью и торжеством.

— Кто это такой? — слышалось со всех сторон, так как многие видели этот великолепный прыжок.

— Это он, тот самый, о ком мы только что говорили, — отвечал Уолтер и бросился навстречу гостю, который приближался легкой рысью.

— Черный Всадник! Черный Всадник! — раздавалось кругом, и поселяне толпой ринулись по откосу на вал, приветствуя новоприбывшего.

— Ура Черному Всаднику! — прокатился возглас, когда тот, подъехав к толпе, остановил коня.

— Они-то, во всяком случае, знают его! — заметила красotka Дэйрелл, надменно кивнув головой в сторону толпы. — По-видимому, он пользуется популярностью. Чем это можно объяснить?

— А это обычно так бывает с никому не ведомыми людьми, — иронически отвечал джентльмен, стоявший рядом с ней, — в особенности, когда они окружают себя некоторой таинственностью. У деревенских людей, вы знаете, просто страсть ко всему таинственному.

Марион стояла молча. Она гордилась этим почетным приемом, который люди оказывали избраннику ее сердца. Она могла бы ответить на язвительные расспросы Дороти Дэйрелл.

«Высокая, благородная душа — вот чем объясняется его популярность! — мысленно отвечала она. — У народа верное чутье, он редко ошибается в своем выборе. Он предан народу. Неудивительно, что они так радуются ему!»

Для самой Марион радость была еще вся впереди.

Толпа любопытных, собравшихся поглазеть на Черного Всадника, постепенно расходилась. На площадке возобновились игры и состязания. Многие, оглядываясь, следили восхищенным взглядом за черным скакуном, стоявшим на лугу под деревьями. Крестьяне с присущей им чуткостью оставили всадника в обществе мо-

лодого хозяина, который, выполняя данное им обещание, повел его представляться дамам.

Уолтер остановился с всадником в нескольких шагах от Марион. Она стояла отвернувшись, как если бы не видела, кто подошел. Но сердце ее чувствовало, что он здесь, рядом. И она слышала перешептывания окружающих. Она не решалась повернуться к нему. Ей страшно было встретить его взгляд: а вдруг она прочтет в нем презрение?

Но наконец больше уже нельзя было делать вид, что она не замечает его. Она подняла глаза, и взгляд ее остановился, но не на его лице, а выше — на полях его шляпы, где, резко выделяясь на черном бархате, красовалась белая перчатка. Какое счастье! Никакие слова не сказали бы ей яснее то, что она так жаждала узнать. Он подвнял дар и сохранил его. Он принял ее нежный вызов!

Глава XVI

ЛЮБОВНЫЙ ДАР

Перчатка, лента или прядь волос — в те времена у кавалеров было принято носить на шляпах такого рода украшения. Это было свидетельством того, что обладатель сего дара пользуется благосклонностью дамы своего сердца. У многих молодых людей, среди собравшихся здесь, шляпы были украшены подобными сувенирами. Поэтому никто не обратил внимания на перчатку, красовавшуюся на шляпе Генри Голтспера, за исключением тех, для кого это представляло особый интерес.

Их было двое — интересовавшихся этим, хотя и по разным причинам: Марион Уэд и Лора Лавлейс. Марион, узнав свою перчатку, очень обрадовалась; но через минуту ее охватил страх. Почему? Да потому, что она боялась, как бы ее не узнал кто-то другой. Лора, увидев эту перчатку, удивилась. Но почему, собственно? Да потому, что она ее узнала, узнала с первого взгляда. Это была перчатка ее кузины.

Вот этого-то и боялась Марион. Не того, что ее пер-

чатку может узнать кто-то из посторонних, и даже не того, что ее может узнать отец; она знала, что ее отец занят гораздо более серьезными вещами и не способен заметить перчатку или отличить ее от других. Но вот кухня — это совсем другое дело: она-то как раз хорошо разбирается во всяких таких пустяках и, конечно, заметит.

Страхи Марион оправдались. По глазам Лоры она сразу догадалась, что эта предательская улика — перчатка — сильно взволновала ее.

— Это твоя, Марион? — прошептала она, указывая на шляпу всадника и глядя на кухню не столько возпросительным, сколько испуганным взглядом.

— Моя? Что ты, Лора! Эта черная шляпа с перьями? Подумай, что ты говоришь!

— Ах, Марион, ты смеешься надо мной! Видишь, там, под перьями, — ну, что это по-твоему, скажи?

— Кажется, что-то вроде дамской перчатки, не правда ли?

— Да, Марион, это перчатка.

— Да-да, так оно и есть! По-видимому, у этого незнакомца есть возлюбленная. Кто бы это мог подумать!

— Это твоя перчатка, сестричка!

— Моя? Моя перчатка? Ты шутишь, милочка!

— Это ты шутишь, Марион. Разве ты не говорила мне, что потеряла перчатку?

— Да, верно, потеряла. Я обронила ее где-то — не знаю где.

— Так, значит, этот незнакомец поднял ее, — сказала Лора, многозначительно подчеркивая последние слова.

— Ну, что ты, милая Лора! Нет, ты в самом деле думаешь, что это моя перчатка?

— О, Марион, Марион, ты знаешь, что это твоя! — В голосе Лоры слышался упрек.

— А может быть, ты ошибаешься, — уклончиво возразила Марион. — Дай-ка я посмотрю хорошенько! Д-да... Честное слово, Лора, ты, кажется, права. Очень похожа на мою перчатку, на ту самую, что я потеряла, когда ездила на охоту с соколом; он еще тогда иског-

тил мне всю руку до крови, потому что она была без перчатки. Да, в самом деле удивительно похожа на мою!

— Так похожа, что это и есть твоя.

— Но тогда как же она к нему попала? — явно недоумевая, промолвила Марион.

— Вот именно — как? — переспросила Лора.

— Может быть, он нашел ее в лесу?

— Тогда это просто неслыханная дерзость с его стороны, что он носит ее на своей шляпе.

— Да, в самом деле...

— Подумай, если кто-нибудь узнает, что это твоя перчатка! Представь себе, если дядя узнает...

— Ну, этого можно не опасаться, — перебила ее Марион. — Я надевала эти перчатки всего только два раза. Ты одна только и видела их у меня на руках. Папа даже и не знает о них. Ты ведь не скажешь ему, Лора?

— А почему я не должна говорить ему?

— Да потому что... это может повести к неприятностям. Может быть, этот незнакомец даже и понятия не имеет, чья это перчатка. Просто поднял ее где-нибудь на дороге и нацепил себе на шляпу — ну, взбрела ему такая фантазия! Или, может быть, ему захотелось почваниться. Я слышала, что многие носят эти сувениры просто так. Пусть себе носит, если ему это нравится. Не все ли мне равно, лишь бы он не знал, кому принадлежит эта перчатка! Прошу тебя, пожалуйста, не говори об этом никому. А то, если узнает отец или Уолтер... Ах, ты не знаешь Уолтера! Как он ни молод, он не задумается вызвать его на поединок. А я не сомпеваюсь, что этот Черный Всадник — очень опасный противник.

— Ах, Марион, нет, я никому не скажу! — вскричала Лора, которая пришла в ужас даже от одной мысли, что такая вещь может случиться. — И ты тоже не говори никому, умоляю тебя! Пусть носит себе эту перчатку, хоть это и бесчестно с его стороны. Какое мне до этого дело, лишь бы это не коснулось тебя!

— Ну, на этот счет можно не опасаться, — уверено

сказала Марион, очень довольная тем, что ей так легко удалось выпутаться.

В эту минуту разговор, который вели между собой шепотом кузины, был прерван Уолтером, подошедшим к ним вместе с Черным Всадником. Юный Уолтер сдержал свое обещание и представил Генри Голтспера всем дамам по очереди, причем сделал это с истинно придворной грацией.

Быть представленным, когда все взоры устремлены на тебя с любопытством, и не проявить ни малейшего смущения, — это требует большой выдержки. Но то же невозмутимое хладнокровие, которое обнаружил всадник при встрече с Гартом и его сообщниками, он сохранил и теперь, при встрече с более учтивыми, но, быть может, более опасными противниками.

Его ничуть не смущали лукавые взгляды, и, знакомясь с этим изысканным обществом, он держал себя с той непринужденной простотой, которая свидетельствует о подлинном благородстве.

И только когда его наконец представили Марион Уэд, — как ни странно, она оказалась последней в этой церемонии, — только тогда мог бы внимательный наблюдатель заметить некоторое отступление от этой обычной светской условности. В беглом обмене взглядами он мог бы уловить нечто большее, чем пустую учтивость. Но взгляды эти встретились и разошлись так мгновенно, что их вряд ли успел кто-нибудь заметить. Вряд ли кто-нибудь мог подозревать, что Марион Уэд и Генри Голтспер уже встречались раньше, — а они встречались не раз, и не раз глядели друг другу в глаза, и глаза их успели сказать многое, хотя они до сих пор не обменялись друг с другом ни одним словом.

Как жаждала Марион Уэд услышать этот голос, который сейчас звучал так мягко и сердечно, лаская ее слух, словно чарующая музыка! Но он не говорил с ней на языке любви. Это было невозможно: на них были устремлены десятки внимательных глаз, и все настороженно ловили каждое слово, слетавшее с их уст. Они не могли позволить себе даже намека на то чувство, в котором им так хотелось открыться друг другу. Такой вы-

нужденный разговор вряд ли доставляет радость влюбленным, он тяготит и утомляет их. Поэтому они не огорчились, когда возгласы и движение в толпе положили конец их обоюдному замешательству.

Глава XVII

НАРОДНЫЕ ПЛЯСКИ

Смятение в толпе, прервавшее влюбленных как пельзя более кстати, было вызвано появлением костюмированной группы танцоров, которые только что закончили репетицию сцены из Робина Гуда¹ и теперь готовились начать свое представление на площадке перед валом, где сэр Мармадюк уже расположился со своими друзьями, чтобы полюбоваться этим живописным зрелищем.

Танцоры были обоего пола: девушки в ярких лифах и юбках, мужчины в цветных рубашках, с лентами на руках и ногах, с бубенчиками на подвязках и прочими украшениями, подобающими этой народной пляске.

Главные действующие лица были в соответствующих костюмах: один изображал смелого разбойника Робина Гуда, другой — его верного помощника Маленького Джона, третий — веселого монаха Тука и так далее; среди девушек многие также были в костюмах, и по ним можно было узнать и девицу Марианну, и Королеву Мая, и многих других любимых персонажей народной легенды.

Танцоры скоро стали центром всеобщего внимания.

¹ Робин Гуд — легендарный английский разбойник, живший, по преданию, в XII—XIII веках. Храбрец, весельчак и защитник бедняков, Робин Гуд грабил только богачей, расправлялся с угнетающими народ феодалами и королевскими чиновниками, боролся с захватчиками-норманнами. Поэтический образ Робина Гуда, олицетворяющего свободолобие английского народа, воспет в английских народных балладах. Подвиги Робина Гуда и его товарищей изображались в народных представлениях под открытым небом.

Поселяне, собравшиеся на праздник сэра Мармадьюка Уэда, насытившись вдоволь обильным угощением щедрого хозяина, снова стекались на площадку и, обступая тесным кольцом исполнителей народной пляски, смотрели на них с нескрываемым восхищением. Игра в мяч, в шары, борьба, фехтование — все это было сейчас на время оставлено, так как пляска и сцены из Робина Гуда всеми считались самым интересным зрелищем.

И хотя в этих плясках участвовали только крестьянские девушки, среди них многие отличались статным сложением и той удивительной миловидностью, которой славятся поселянки Чилтернских холмов. Две из них в особенности выделялись своей красотой: смуглая брюнетка цыганского типа, изображавшая девицу Марианну, и белокурая Королева Мая, темноглазая, с светлыми, как лен, косами.

Не один молодой парень из участвующих в пляске, а также из толпы зрителей следил за этими сельскими красотками пламенным взором. И многие из разряженных кавалеров заглядывались на смуглую Марианну и на Королеву Мая.

Были и такие, что громко восхваляли их красоту и расточали им галантные комплименты, между тем как многие стоящие тут же прекрасные дамы, быть может, испытывали ревность; некоторые и в самом деле испытывали ее. И среди них — увы! — была и Марион Уэд. Хотя это чувство было неведомо ей и, казалось бы, для пего не было никаких оснований, все же его жестокое жало пропикло в ее сердце. Первый раз в жизни она почувствовала его уколы, ибо это была ее первая любовь, и это чувство было для нее так ново, что она еще не знала, какие горести оно несет с собой. И вдруг сердце ее пронзила острая боль! Она даже не могла бы сказать, что это такое, она могла только назвать причину этой боли. Голтспер стоял в первом ряду зрителей, и прямо перед ними, чуть не задевая их, кружились пляшущие. Когда красотка Бет Дэнси, изображавшая Марианну, проносилась мимо него в фигурах танца, ее черные цыганские глаза всякий раз смотрели на него страстно и пламенно. Марион Уэд не могла не заметить.

Красотка Бет Дэнси изображала Марианну и, проносясь

этих взоров — до такой степени они были откровенны. Но не это пронзило ее сердце. Дочь лесничего могла бы хоть целый день смотреть, не отрываясь, на Генри Голтспера, не вызывая ни малейшей ревности у Марион, если бы взгляд ее оставался без ответа. Но однажды, когда Бет, изогнувшись, повернулась к Голтсперу, Марион показалось, что он ответил на ее взгляд таким же пламенным взглядом.

И вот тут сердце ее сжалось от нестерпимой боли, как будто в него вонзилась отравленная стрела, и она едва удержалась, чтобы не вскрикнуть. В этой сельской красавице она почувствовала соперницу.

Никогда до сих пор Марион не испытывала такой боли, но, быть может, от этого она казалась ей еще более ощутительной. Она стояла поникшая, бледная, устремив свои синие глаза на Генри Голтспера и с мучительной тревогой следя за каждым изменением его лица.

в танце, то и дело оказывалась около Голтспера.

Мрачные подозрения, охватившие ее, рассеялись не сразу. Едва только она начала свои горестные наблюдения, как танцы внезапно прервались.

Среди взрывов смеха, шуток и одобрительных возгласов, раздававшихся в толпе зрителей, сначала только несколько человек из стоящих по ту сторону рва, окружавшего площадку, услышали какой-то странный и непонятный шум. Он доносился откуда-то из-за ограды, с дороги, которая вела к воротам парка, и был похож на бряцание стальных доспехов и стук подков множества лошадей,двигающихся размеренным шагом; казалось, это приближается отряд конницы.

Те немногие, которые услышали этот шум, еще не успели даже сообразить, что это такое, ни поделиться своими соображениями с другими, когда да них донесли звук рожка, явно свидетельствующий о том, что где-то недалеко движется конный отряд. Рожок протрубил сигнал «смирно».

Стук подков мгновенно затих, и, когда последние отголоски рожка замерли, прокатившись в лесной чаще, наступила глубокая тишина, прерываемая только мягким воркованием лесных горлинок и звонким свистом дрозда.

В парке тоже воцарилась полная тишина. Непривычный звук военного сигнала заставил смолкнуть веселый смех, крики и шутки. Все взоры устремились в ту сторону, откуда донесся этот звук, все настороженно прислушивались, не повторится ли он еще раз.

Было что-то зловещее в том, как этот неожиданный сигнал сразу нарушил общее веселье; казалось, все почувствовали в нем что-то недоброе. Лица, сиявшие радостным оживлением, внезапно омрачились тревогой.

— Солдаты! — воскликнуло сразу несколько голосов, и толпа, забыв о плясках, бросилась по откосу на вал и застыла, прислушиваясь.

И вот снова звонко затрубил рожок, на этот раз подавая сигнал «Вперед!» — и еще многоголосое эхо не смолкло среди холмов, как первые шеренги кирасиров уже вступили в главные ворота парка и двинулись по аллее, ведущей к дому.

Они ехали попарно, ровным строем, и каждый всадник, появляясь из-за деревьев, сверкал на солнце ослепительным блеском, вспыхивающим на его доспехах.

Когда отряд, вытянувшись длинной колонной, выехал на открытое место и все еще продолжал двигаться, людям, глядевшим на него сверху, казалось, будто какая-то чудовищная змея ползет в ворота парка: стальные кирасы напоминали чешуйчатую кожу, а ровная двойная шеренга — скользящее туловище удава.

Наконец последняя пара въехала в ворота, и колонна начала подниматься по аллее, которая вилась по склону и вела к дому; и тут сходство с громадной змеей стало еще более заметным; великолепная, но смертоносная змея, медленно покрадывающаяся к своей жертве.

— Королевские кирасиры!

Многие из стоявших на валу узнали кирасиров, прежде чем этот возглас пронесся в толпе. Кирасы поверх кожаных камзолов, стальные шлемы и нагрудни-

ки, латы, прикрывающие бедра, наплечники, нарукавники — все это входило в боевое облачение кирасиров, а королевское знамя, развевавшееся впереди отряда в руках корнета, оповещало, что это — королевские кирасиры.

Рядом с корнетом ехал другой офицер; его прекрасное обмундирование, великолепный конь и дорогое седло, покрытое нарядным чепраком, указывали на то, что это командир отряда.

Королевские кирасиры! В парке сэра Мармадьюка Уэда! Что им здесь нужно? Какое у них может быть дело в замке? Они явно направляются к дому.

Этот вопрос был у всех на устах, но никто не мог на него ответить, а меньше всех сам сэр Мармадьюк Уэд.

Никто уже не думал о плясках; и танцоры и зрители — все столпились на валу и, глядя на аллею, ведущую к замку, с недоумением спрашивали друг у друга, что означает эта странная интермедия, не предусмотренная праздничной программой.

Но тут рожок снова протрубил «смирно!», и кирасиры, повинувшись сигналу, остановили коней.

Головная часть отряда в это время находилась уже недалеко от вала, но ту сторону рва, и толпе, стоявшей на валу, был отчетливо слышен разговор двух офицеров.

— Послушайте, Стаббс, что там такое происходит? — крикнул капитан и, отъехав на несколько шагов от отряда, указал рукой на площадку за валом. — Как по-вашему, что они там делают, эти поселяне?

— Понятия не имею, — отвечал корнет.

— Посмотрите, как вырядились, точно на праздник. Что это, троицын день или Майский праздник?

— Не может быть! Не время! Никак невозможно! — отвечал корнет.

— Клянусь Венерой, тут есть очень недурные девчонки! А пожалуй, наша квартира окажется не такой уж скучной!

— Нет-нет! Клянусь честью, скучать не придется!

— А ну-ка, подъезжайте поближе и спросите их, какого черта они тут делают.

Корнет, пришпорив коня, поскакал к валу и, остановившись в пятидесяти шагах, крикнул, повторив слово в слово приказание капитана:

— Какого черта вы тут делаете?

Разумеется, на такой грубый вопрос ни сэр Мармадюк Уэд и никто из стоявших рядом с ним не нашел нужным ответить. Однако кое-кто из толпы крикнул:

— Мы собрались на праздник!.. Празднуем день рождения!

— Ах, вот оно что! — пробормотал корнет и, повернувшись, поскакал обратно сообщить об этом своему командиру.

— А не пойти ли нам познакомиться с ними? — сказал капитан, выслушав Стаббса. — Посмотрим на бэкингемских красоток в их праздничных нарядах. Что вы на это скажете, Стаббс?

— Недурно, — коротко ответил корнет.

— Allons, как говорят французы! Может быть, там и найдется для нас что-нибудь, ради чего стоит карабкаться на этот вал. Как говорят во Франции, nous verrons! ¹

Приказав отряду спешиться и остаться на месте, офицеры соскочили с коней и, сдав их на попечение вестовым, полезли оба как были, в своих тяжелых доспехах, вверх по крутому откосу на площадку за древнегерманским валом.

Г л а в а XVIII

ВЫЗОВ

— Так, так, хорошие люди! Значит, вы собрались на праздник! — говорил Скэрти, пробираясь со своим спутником сквозь толпу, запрудившую вал. — Лучше и не придумаешь в такую замечательную погоду, когда над головой синее безоблачное небо, а кругом зеленые деревья. Но мы не хотим мешать вашему идиллическому веселью. Продолжайте ваши игры и пляски. Я надеюсь,

¹ Allons! Nous verrons (франц.) — Пойдем! Посмотрим!

вы не возражаете, если мы останемся здесь в качестве ваших зрителей?

— Нет! Нет! — раздались возгласы. — Милости просим, оставайтесь, мы очень вам рады!

И, подтверждая свое согласие дружелюбными шутками, радушная толпа снова устремилась на площадку, а офицеры, взявшись под руку, пошли за нею следом, сопровождаемые кучкой любопытных, которые с интересом глазели на этих закованных с ног до головы в доспехи неожиданных пришельцев.

Сэр Мармадюк со своими друзьями снова расположились на валу, недалеко от той насыпи, по которой поднялись офицеры. А те, в свою очередь, разгуливали по площадке, отпуская остроты и бесцеремонно заигрывая с молоденькими поселянками, попадавшимися им на пути.

Хозяин замка счел за благо не замечать незваных гостей. Он слышал грубый вопрос корнета, а также отрывки разговора, происходившего между двумя офицерами, и решил не обращать на них внимания до тех пор, пока они сами не удосужатся объяснить свое присутствие в его парке.

Он распорядился возобновить пляски, и группы танцоров с развевающимися лентами и звенящими колокольчиками снова закружились на лужайке перед валом в замысловатых фигурах старинного танца.

— Клянусь Терпсихорой¹, а ведь это пляска из Робина Гуда! — воскликнул капитан кирасиров, взглядывая издали в движения танцующих и в их костюмы. — Уж и не помню, когда я видел ее в последний раз!

— А я так и никогда в жизни не видел, только на сцене, — заметил Стаббс. — А это что — то же самое?

В самом деле, где это было видеть Стаббсу! Он родился в приюте и рос на улицах Лондона.

— Да нет, не совсем то же самое, но, насколько мне помнится, похоже... — задумчиво протянул капитан. — Давайте-ка подойдем поближе, посмотрим!

И, ускорив шаг, оба офицера очутились скоро у са-

¹ Терпсихора — в древнегреческой мифологии муза танца.

мого края площадки. Не обращая ни малейшего внимания на избранную публику, расположившуюся под навесом на валу, они тут же начали отпускать вольные шутки по адресу танцующих.

Кое-кто из них отвечал офицерам не без ехидства, в особенности Маленький Джон и веселый монах, которые, видимо, были не прочь позубоскалить и, не стесняясь, отпускали шутки по адресу бесцеремонных пришельцев.

Смелый Робин, несколько грубоватый парень, избравший шервудского героя, сохранял невозмутимое равнодушие и пропускал мимо ушей их остроты, в особенности после того, как он заметил, что капитан кирасиров следит загоревшимся взором за каждым движением смуглой красоти Марианны.

Однако чувствительному сердцу мнимого разбойника суждено было тяжкое испытание. Все это случилось мгновенно. Когда Марианна в одной из своих самых замысловатых фигур случайно оказалась против капитана кирасиров, он вдруг наклонился и, грубо схватив ее за талию, воскликнул:

— Браво, браво, прекрасная Марианна! Позволь изнывающему от жажды солдату вкусить нектар с твоих сочных губок! — И, не дожидаясь согласия, которого ему, разумеется, и не дали бы, он поднял забрало и жадно прильнул к ее устам.

В ту же минуту Марианна изо всех сил ударила его кулаком по лицу, но это ничуть не огорчило и не охладило пылкого офицера; он отвечал на это дерзким хохотом, к которому тотчас же присоединился корнет, а также и некоторые из стоявших тут же зрителей, не отличавшихся излишней щепетильностью.

Однако кое-кто отнесся к этому не так шутливо. Кругом слышались возгласы: «Позор!», «Проучи его!», «Дай ему хорошенько, Робин!» И среди смеющихся лиц там и сям виднелись лица, пылавшие гневом.

Излюбленный народный герой отнюдь не нуждался в этом поощрении. Не помня себя от ревности и обиды за свою возлюбленную, подвергшуюся такому оскорблению, он выскочил из круга и, замахнувшись луком, —

единственное оружие, которое у него было в руках, — изо всех сил ударил им по шлему капитана; тот невольно пошатнулся от его удара и с трудом удержался на ногах.

— Вот тебе, получай, чертова кукла! — крикнул Робин, обрушившись на него. — Да не лезь в другой раз со своими погаными поцелуями, а то и не так еще получишь!

— Подлый холуй! — вскричал кирасир, побагровев от ярости. — Если бы мне не жаль было марать о тебя шпагу, я бы проткнул тебя насквозь и повесил коптить! Вон с моих глаз, грязный холуй, а то как бы я нечаянно не выпустил из тебя дух!

И, выхватив шпагу, он приставил ее острием к груди смелого Робина.

Наступила мертвая тишина, и вдруг чей-то голос в толпе крикнул:

— Вот нашелся человек, который проучит его!

И все тотчас же повернулись к помосту, где стояла «избранная публика». Среди кавалеров произошло какое-то движение, и один из них, отделившись от остальных, ринулся вниз по откосу и мигом очутился на площадке.

Ему надо было пробежать всего каких-нибудь десять—двенадцать шагов, и, прежде чем мнимый разбойник из Шервудского леса и его закованный в латы противник успели прийти в себя и двинуться с места, он уже стоял между ними.

Кирасир только тогда понял, что перед ним стоит достойный противник, когда блестящее лезвие, скрестившись с его шпагой, высекло искры из стали; он поднял глаза и увидел перед собой не простого парня в крестьянской одежде, а изящного кавалера в расшитом камзоле, не уступающего ему ни своим оружием, ни своей решимостью.

Это неожиданное вмешательство так ошеломило толпу, что она застыла на месте, словно замороженная. И только спустя несколько секунд там и сям послышался одобрительный шепот и вслед за ним громкие возгласы: «Ура Черному Всаднику!»

Капитан кирасиров тоже, казалось, остолбенел от неожиданности, но быстро пришел в себя. Скэрти был хвастун и наглец, но он отнюдь не был трусом; к тому же обстоятельства были таковы, что даже и трус вынужден был бы проявить мужество. Хотя он все еще был несколько под хмельком, он чувствовал, что на него устремлены сотни женских глаз; знатные светские дамы стояли на валу под навесом, всего в каких-нибудь десяти шагах от него, и, хотя Скэрти из каких-то своих тайных соображений делал вид, что не замечает их присутствия, он знал, что они прекрасно видят все, что здесь происходит. Ясно, что он не имел ни малейшего желания оказаться трусом в их глазах.

Возможно, что не только внезапное появление противника, но и самый облик этого человека заставил его в первую минуту растеряться от неожиданности, ибо в этом противнике Скэрти узнал того самого всадника, который накануне у постоялого двора так дерзко провозгласил тост «За народ».

Он не забыл этого оскорбления, а теперь вторичный вызов незнакомца привел его в такое бешенство, что у него на секунду отнялся язык и он не мог выговорить ни слова.

— Так это ты, подлый изменник, ты! — наконец вымолвил он, когда к нему вернулся дар речи.

— Изменник или нет, — невозмутимо отвечал кавалер, — я требую от вас удовлетворения за вашу недостойную выходку, которой вы оскорбили собравшееся здесь общество порядочных и заслуживающих уважения людей. Ваши развязные манеры, может быть, и сходят вам во Фландрии, где вы, надо полагать, давали им полную волю, но я научу вас вести себя иначе по отношению к нашим английским девушкам!

— А кто вы такой, что собираетесь учить меня?

— Не подлый холуй, капитан Ричард Скэрти! Не думайте, что вам удастся отвертеться с помощью этих трусливых уверток! Вы будете драться, или вам придется извиниться!

— Извиниться! — в ярости закричал кирасир. — Капитан Скэрти будет извиняться! Ха-ха-ха!.. Вы слы-

шите, корнет Стаббс? Вам когда-нибудь приходилось видеть, чтобы я перед кем-нибудь извинялся?

— Никогда, клянусь честью! — отвечал Стаббс.

— В таком случае, пеняйте на себя, — сказал кавалер, становясь в позицию, чтобы начать поединок.

— Нет-нет! — вскричала Марианна, бросаясь к Голтсперу и словно пытаясь загородить его своим телом. — Так не годится, это нечестно, сэр! Он в латах, а вы...

— Нечестно! Нечестно! — слышалось со всех сторон, и в ту же минуту какой-то рослый человек свирепого вида, с всклоченной черной бородой, расталкивая толпу, протиснулся на площадку.

— Не годится это, мастер Генри! — крикнул бородач, подбегая к Голтсперу. — Не дело это — так рисковать! Я знаю, вам нипочем одолеть в честном бою любого из здешнего края, да, пожалуй что, из всей Англии! Ну, а так-то оно нечестно выходит. Пусть господин солдатский капитан скинет с себя свои стальные нащепки, тогда это будет по-честному. Разве не правда, товарищи?

Все стоявшие кругом дружно закричали:

— По-честному! По-честному! Заставить офицера снять латы!

— Совершенно верно, — сказал подошедший Уолтер Уэд. — В поединке для обеих сторон условия должны быть равны. Разумеется, капитан Скэрти, вы не станете возражать против этого?

— Мне не требуется никаких привилегий, — отвечал капитан кирасиров. — Он может поступать, как ему угодно, но я ни за что не сниму с себя доспехов!

— В таком случае, ваш противник тоже должен надеть доспехи, — заявил один из кавалеров, подошедших вместе с Уолтером. — Поединок не может состояться, пока это не будет сделано.

— Нет, нет! — подхватили в толпе. — Драться так драться обоим в латах!

— Может быть, этот джентльмен, — сказал один из кавалеров, указывая на корнета, — не откажется одол-

жить для этого случая свои доспехи? Это упростило бы дело. Размер, кажется, более или менее подходящий.

Стаббс взглянул на капитана, словно спрашивая его: не давать?

— Дайте, пусть надевает, — сказал Скэрти, понимая, что с таким предложением вряд ли можно не согласиться.

— Пожалуйста, пусть надевает, — повторил корнет и тотчас же начал снимать с себя доспехи.

Немало нашлось услужливых рук помочь Генри Голтсперу облачиться в защитную броню, и через несколько минут он уже был в стальной кирасе корнета, с пристегнутыми к ней нагрудными и наплечными латами; руки его были защищены стальными нарукавниками, а стальные поножи, прикрывавшие ноги, соединялись с набедренником. Все это оказалось ему как нельзя более впору, словно было сделано по его мерке.

Оставалось надеть только шлем, который чья-то дружеская рука уже собиралась водрузить ему на голову.

— Нет, — сказал Голтспер, отстраняя шлем, — я предпочитаю остаться в моей шляпе! — И, указывая на трофей, красующийся на ее полях, он добавил: — Это будет мне надежной защитой! Здесь было нанесено оскорбление английской девушке, и — да будет мне по рукой эта девичья перчатка! — я заставлю ответить за это оскорбление!

— Не полагайтесь так на ваш изящный трофей! — с язвительной усмешкой сказал Скэрти. — Не пройдет и минуты, как я сниму эту перчатку с вашей шляпы, и она будет красоваться на моем шлеме. И, надо полагать, она достанется мне более честным путем, чем досталась вам.

— Не стоит говорить, как она достанется вам, пока вы еще не завладели ею, — спокойно отвечал Голтспер. — А вам, должно быть, и впрямь не терпится получить этот трофей! — насмешливо продолжал он. — Ведь надо же возместить чем-то рыцарские шпоры, оставленные вами у Ньюбернского брода.

Ньюбернский брод... Одно напоминание о нем приводило в бешенство Скэрти. Он был в рядах той пяти-

тысячной конницы, которая под командованием Конуэи позорно бежала из-под Тийна и посеяла такую панику в английской армии, что она ринулась вслед за нею сломя голову и отступала, не останавливаясь, до самых отдаленных графств Йоркшира. В тот раз на постоялом дворе Голтспер уже напомнил ему об этом позорном бегстве, но сейчас, когда он осмелился бросить ему это напоминание вторично, перед всей этой громадной толпой соотечественников, перед его собственными подчиненными — ибо многие из солдат уже успели проникнуть на площадку, — а главное, перед этой изысканной светской публикой, стоявшей под навесом на валу, — это было такое неслыханное оскорбление, какому еще никогда не приходилось подвергаться Скэрти.

Лицо его потемнело, словно вся кровь бросилась ему в голову.

— Подлый болтун! — прошипел он, стиснув посиневшие губы. — Скоро я заставлю замолкнуть твой лживый язык! Щит капитана Скэрти не запятнан ничем, кроме крови его врагов и врагов его короля! Скоро он обогрится и твоей кровью!

— Начнем! — вскричал Голтспер, потрясая шпагой. — Я здесь не для того, чтобы состязаться в красноречии! В этом искусстве достойный королевский слуга Скэрти, несомненно, превосходит меня. Поговорим на шпагах! Вы готовы, сэр?

— Нет! — отвечал Скэрти.

— Нет? — с удивлением переспросил его противник. — Как это надо...

— Капитан Скэрти — кирасир. Он не дерется пешим.

— Вам сделан вызов, капитан, — поддержал Стаббс. — Вам и принадлежит право выбора.

— Мы будем драться на конях.

— Приношу вам свою благодарность, джентльмены! — очень довольный, отвечал Голтспер. — Я не надеялся, что вы пойдете навстречу моим желаниям. Итак, с вашего любезного разрешения, деремся на конях!

— Коня! — крикнул Скэрти стоявшему недалеко

кирасиру. — Живо! Ведите его сюда и гоните весь этот сброд!

Это приказание оказалось излишним. Как только в толпе стало известно, что поединок состоится на конях, народ бросился врассыпную с площадки к откосам вала. Все старались забраться повыше, чтобы насладиться этим необычайным зрелищем, которое даже и в те рыцарские времена можно было увидеть не так часто.

Глава XIX

ВСТУПЛЕНИЕ

С вершины вала, где стояла избранная публика, за всеми этими приготовлениями к поединку следили с не меньшим интересом, но отношение к нему было далеко не одинаковое.

— Вот это замечательно! — воскликнула Дороти Дэйрелл, когда шпага Голтспера скрестилась со шпагой капитана. — Куда лучше, чем народные пляски! Вот это как раз то, что я люблю! Неожиданная интермедия! Сверх программы! Неужели мы увидим настоящий поединок?!

Лора Лавлейс невольно вздрогнула, услышав эти слова.

— Ах, Дороти Дэйрелл, как вы можете этим шутить! — сказала она, оборачиваясь к ней и глядя на нее укоризненно. — Вы же не хотите этого всерьез? Это так страшно!

— Вот этого-то я и хочу, крошка Лавлейс! Я вовсе и не думала шутить. Уверяю вас, я говорю совершенно серьезно.

— Неужели вы можете хотеть, чтобы пролилась кровь?

— А почему бы и нет? Не все ли мне равно, лишь бы это была не моя собственная кровь или кровь кого-нибудь из моих друзей! Ха-ха-ха! Какое нам с вами дело до них обоих? Я их не знаю — ни того, ни другого. Если они поссорились друг с другом, пусть дерутся. Пусть хоть убьют друг друга! Мне-то что!

«Бесчувственное существо!» — подумала Лора и отвернулась, не ответив ни слова.

Марион Уэд слышала этот разговор, но она была так поглощена тем, что происходило внизу, на площадке, что не обратила внимания на бессердечные слова Дороти. Она сейчас забыла даже о своих ревнивых подозрениях, и только мучительное чувство страха за любимого человека заставляло сжиматься ее сердце.

— Боже мой! — шептала она, прижимая к груди судорожно сплетенные руки. — А что, если его убьют? Уолтер! Милый Уолтер! — чуть ли не со слезами на глазах обратилась она к брату. — Пойди, останови их! Скажи ему... скажи им, что они не должны драться... Ведь ты не допустишь этого, папа, ты можешь остановить их!

— Может быть, я и не смогу остановить их, — сказал Уолтер, поспешно покидая кружок знакомых кавалеров и дам, — но я пойду туда... Ты не возражаешь, отец? Мистер Голтспер там один, и, быть может, ему понадобится друг.

— Иди, сын мой! — отвечал сэр Мармадюк, горячо одобряя благородный порыв своего сына. — Кто бы он ни был, это наш гость, и он взял тебя под свою защиту в дороге. Если они решили драться, позаботься, чтобы у него были равные условия с его противником. Это должен быть честный поединок.

— Не беспокойся, отец! — крикнул Уолтер, сбегая с вала. — А если только этот пьяный корнет попытается вмешаться, — пробормотал он, — я сумею с ним поговорить, и это будет совсем не такой разговор, как вчера!

С твердым намерением привести в исполнение эту угрозу бывший паж пробирался сквозь толпу, и за ним следовали еще несколько человек, которые — быть может, совсем из других побуждений — стремились попасть на место поединка.

— Полно, вам не к лицу такая чувствительность, дорогая Марион! — многозначительно понизив голос, промолвила Дороти. — Чего нам беспокоиться? Не из-за вас же они собираются драться! Этот изящный кавалер, из-за которого здесь все, кажется, сходят с ума, всту-

нился не за вас? Если уж кто и мог бы беспокоиться о нем, так, по-моему, это красotka Марианна, она же Бет Дэнси. И в самом деле, она, кажется, очень интересуется им. Вы посмотрите только, что она вытворяет, эта скромница! Честное слово, она сейчас бросится к нему на шею и задушит его в своих объятиях!

Марион словно полоснуло ножом, когда она услышала эти слова. Она мгновенно повернулась и устремила взгляд на море голов, волновавшееся внизу, вокруг двух противников, которые рвались схватиться друг с другом в смертельной битве. На площадке уже толпилось много кирасиров, и их стальные доспехи, сверкая на солнце, резко выделялись среди скромной одежды поселян.

Но Марион не замечала их; взгляд ее был прикован к небольшой группе людей, стоявших на лужайке. Там были Скэрти со своим корнетом, Генри Голтспер, Маленький Джон, монах и среди них красotka Марианна.

Что ей здесь надо, среди мужчин?

Вот она бросилась к Голтсперу и стала между ним и его противником; она протягивает к нему руки, кладет ему руку на плечо! Она словно умоляет его о чем-то... Может быть, она умоляет его отказаться от поединка?

Но с какой стати дочь Дика Дэнси вмешивается в поступки Генри Голтспера?

Этот вопрос невольно возник у Марион, хотя она и поостереглась высказать его вслух.

— Браво! — воскликнула Дороти Дэйрелл, увидев, как Голтспера облачают в доспехи. — Поединок состоится! Они будут драться в полном боевом вооружении. Вот замечательно! Совсем как в старое доброе время — в славные времена трубадуров!

— Ах, Дороти! — остановила ее Лора. — Ну, как можно шутить в такую минуту?

— Перестаньте сейчас же! — повелительно сказала Марион и, схватив смеющуюся Дороти за плечо, впиалась в ее лицо гневным взглядом. — Еще одна такая шутка, мисс Дэйрелл, и мы с вами больше не друзья!

— Вот как!.. — насмешливо протянула Дороти Дэй-

релл. — Подумать только, какое это будет несчастье для меня!

Марион промолчала. Как раз в эту минуту Скэрти бросил своему противнику язвительную шутку насчет перчатки, красовавшейся на его шляпе.

Красотка Марианна слышала эту фразу и слова, которые последовали в ответ.

«Чья это перчатка?» — подумала она, и сердце ее резниво сжалось.

И Марион Уэд тоже слышала эту фразу и слова, которые последовали в ответ.

— Моя перчатка! — прошептала она, и сердце ее встрепелось от радости. Но радость эта сейчас же сменилась чувством мучительного страха, когда она увидела, как всадники вскочили на коней и помчались на середину площадки, где должен был происходить поединок.

Сразу воцарилась мертвая тишина. Только громкий стук копыт разносился далеко вокруг. Тесные ряды людей на откосах вала словно застыли на месте: мужичины, женщины, юноши, девушки стояли не шелохнувшись и затаив дыхание следили за двумя всадниками.

Слышно было, как стрекочет кузнечик где-то во рву.

Эта тишина наступила мгновенно и только после того, как всадники вскочили в седло и помчались на место боя; до этого, пока на лужайке шли приготовления к поединку, толпа оживленно обсуждала достоинства обоих противников. Кое-кто даже заключал пари, как если бы это был петушинный бой; предлагались ставки за того и другого, точь-в-точь как за боевых петухов, которых сейчас выпускают друг против друга.

Симпатии зрителей были отнюдь не на одной стороне, хотя, несомненно, большинство стояли за Черного Всадника. Какая-то часть толпы словно чутьем угадывала, что это друг народа, а в те деспотические времена эти слова заключали в себе очень многое.

Но толпа состояла из разных людей, и среди них было немало таких, которые, несмотря на повседневные несправедливости и обиды, чинимые королем, все еще крепко держались за то унижительное для человеческого

достоинства прочно укоренившееся понятие, которое именуется «верность трону».

В капитане кирасиров они видели представителя власти, перед которой они привыкли преклоняться; власть эта осуществлялась неким таинственным существом, которое их приучили считать необходимым для их бытия, как хлеб насущный: это был их монарх-король, высокопарно именуемый помазанником божьим.

И хотя капитан кирасиров нанес оскорбление всем присутствующим, все же здесь было немало людей, готовых кричать «ура» капитану кирасиров.

И, несмотря на то что Голтспер заступался за народ, многие, не задумываясь, присоединились бы к возгласам «Долой Черного Всадника!»

Но сейчас все споры, крики и возгласы смолкли, и в напряженной тишине оба всадника внизу на площадке уже окидывали друг друга грозным, решительным взглядом, перед тем как схватиться насмерть.

Глава XX

ПОЕДИНОК

Это было страшное зрелище, невыносимое для кроткого женского взора. Робкая Лора Лавлейс не выдержала и побежала домой, и многие последовали ее примеру. Дороти Дэйрелл напрасно кричала им вслед, смеясь над их трусостью, уговаривая их вернуться.

Марион осталась. Хотя она стояла ни жива ни мертва, леденевая от ужаса, она была не в силах оторваться от этого зрелища. Она стояла, укрывшись в тени дерева, но никакая тень не могла скрыть отчаянного страха в ее очах, устремленных на двух закованных в латы всадников, грозно приближавшихся друг к другу с противоположных концов площадки.

Трубач протрубил сигнал: в атаку! Лошади словно поняли сигнал, их не надо было пришпоривать. При первых же звуках рожка они ринулись вперед, навстречу одна другой со злобным храпением, как если бы и они, так же как и всадники, жаждали схватиться насмерть.

Это был поединок на шпагах. Шпага в то время была единственным оружием конных кирасиров, не считая пистолетов. Но по обоюдному уговору к пистолетам решили не прибегать.

Со шпагами наголо мчались противники во весь опор навстречу друг другу. «За короля!» — кричал Скэрти, а Голтспер, наезжая на него, воскликнул: «За народ!»

В первой стычке никто из них не был ранен: шпаги, сверкнув, звонко ударили по кирасам; кони промчались, задевая друг друга боками, и оба всадника разъехались невредимыми.

Но тут же, повернув коней, они снова помчались друг на друга. На этот раз кони сшиблись, и конь кирасира от толчка едва удержался на ногах; снова сверкнули лезвия, скользнув по стальным доспехам, и вот уже кони отпрянули и понесли всадников прочь друг от друга; и эта стычка, по-видимому, никому не дала перевеса.

Но кони уже разъярились, и противники тоже; видно было, с каким иступлением они устремились друг на друга в третий раз. С грохотом сшиблись кони на всем скаку, лязг оружия, звон доспехов смешались в оглушительном шуме, конь кирасира снова присел, отпрянув от своего более мощного врага. Вороной конь, взвившись, пронесся мимо, и вдруг... шляпа слетела с головы Голтспера и упала позади на траву! В этом пустячном происшествии толпе чудится что-то злое: она воспринимает это, как несомненное преимущество противника, и воздух оглашается неистовыми криками сторонников Скэрти: «Ура капитану кирасиров!» Но эти возгласы тут же заглушаются восторженным «ура» Черному Всаднику. Голтспер молниеносно повернул коня и, подхватив на лету шляпу острием шпаги, надел ее на голову.

Все это произошло в мгновение ока, прежде чем его противник успел ринуться в новую атаку. Хладнокровие Голтспера, ловкость, проявленная им, вызывает пламенное восхищение его друзей и снова наполняет их уверенностью.

Четвертая схватка оказалась последней, в которой они сошлись лицом к лицу.

Снова сшиблись кони, лязгнули шпаги, и снова всадники разъехались, не причинив друг другу вреда. Но на этот раз Голтспер обнаружил, чем он превосходит противника, и решил воспользоваться своим преимуществом.

Едва кони, столкнувшись, бросились в разные стороны и поскакали прочь друг от друга, Голтспер вдруг осадил своего скакуна и, заставив его повернуться на месте, пустил его, как стрелу, вдогонку противнику.

Потрясая шпагой, Черный Всадник летел с торжествующим криком, и верный конь, словно чувствуя, что победа на его стороне, звонко вторил ему пронзительным, торжествующим ржанием, похожим на рев ягуара.

Скэрти, оглянувшись через плечо, увидел приближающуюся опасность. Он не мог повернуть коня, не подставив себя под удар шпаги. Ему надо было выиграть расстояние. Единственное, что могло его спасти, была быстрота его скакуна. Он глубоко вонзил шпоры в его бока и помчался вперед во весь опор. Этот внезапный и неожиданный маневр был похож на бегство. В толпе раздались крики: «Трус! Проиграл бой! Ура Черному Всаднику!»

У Марион Уэд вырвался облегченный вздох. Чувство гордости отразилось на ее лице, глаза сверкнули восторгом. Разве он не настоящий герой, победитель, достойный владеть ее сердцем!

Она, не отрываясь, следила за этой бешеной скачкой и жаждала, чтобы Голтспер настиг своего противника. Она отнюдь не была жестокой, но ей хотелось, чтобы поединок пришел к концу, — она была измучена ожиданием.

Теперь ей уже недолго оставалось мучиться. Конец должен был наступить с секунды на секунду...

Капитан кирасиров, спасаясь от преследования Голтспера, рассчитывал, что он сумеет объехать его на своем коне: у него был чистокровный арабский конь, отличавшийся быстротой и выносливостью, присущей этой благородной породе.

Но и за ним тоже гнался конь арабской крови, и он был сильнее и быстрее его. Словно стрела, выпущенная из лука, мчался конь кирасира, и словно другая стрела, но выпущенная более мощной рукой, мчался за ним вороной конь. Так они промчались по лужайке, вылетели на дорогу через ров, на поляну парка, один за другим, словно состязаясь в скачке; но их сверкающие доспехи, поднятые обнаженные шпаги, пылающие гневом лица — все говорило о том, что это состязание носит далеко не столь безобидный характер.

Скэрти пытался выиграть расстояние, чтобы иметь возможность повернуть коня и встретиться лицом к лицу со своим противником. Он знал, что сейчас он не может этого сделать — он не успеет увернуться от шпаги Голтспера. Но скоро он заметил, что не только не уходит от противника, но что ему грозит опасность быть настигнутым.

Толпа снова затихла, кругом стояла мертвая, злобещая тишина; все словно застыло в ожидании близкой развязки — страшного, неминуемого конца.

В этом состязании на скорость кирасир с самого начала оказался в невыгодном положении. Передние копыта черного жеребца уже задевали задние копыта его лошади. Еще секунда — и он будет настигнут! Шпага противника уже сверкала за его спиной, всего в каких-нибудь десяти футах.

— Сдавайтесь, или проститесь с жизнью! — решительно потребовал Голтспер.

— Никогда! — столь же решительно раздалось в ответ. — Ричард Скэрти никогда не сдается и уж во всяком случае не...

— Да падет ваша кровь на вашу голову! — воскликнул Черный Всадник и, пригнувшись в седле, заставил взвиться на дыбы своего коня; тот, одним прыжком одолев расстояние, отделявшее его от коня кирасира, очутился с ним бок о бок, и в ту же секунду шпага Голтспера сверкнула в горизонтальном выпаде.

В толпе пронесся вопль: все с ужасом ждали, что капитан кирасиров вот-вот рухнет с седла, пронзенный этим ударом. Кираса в то время представляла собой

только нагрудную броню, спина оставалась незащищенной.

И, несомненно, такой удар мог бы оказаться смертельным для капитана, если бы его не спас случай: конь Голтспера, рванувшись вперед, ударил передним копытом по задней ноге лошади Скэрти, и та, отпрыгнув на скаку, спасла своего хозяина от этого смертельного удара — удар пришелся не в спину, а в правую руку, чуть пониже плеча; шпага, вонзившись, ударилась острием в стальную кольчугу под мышкой, а шпага кирасира выскользнула из его руки и отлетела в сторону.

Капитан кирасиров, выбитый из седла, рухнул на землю, а его лошадь с болтающимися поводьями умчалась вперед, оглашая воздух неистовым ржанием.

— Просите пощады, или приготовьтесь к смерти! — вскричал Голтспер и, соскочив с коня, схватил левой рукой капитана за ворот, а правой угрожающе занес над ним шпагу.

— Остановитесь! — прохрипел Скэрти. — Остановитесь! — повторил он, разражаясь проклятьями. — На этот раз вам повезло. Прошу пощады!

— Все! — сказал Голтспер, вкладывая шпагу в ножны. И, повернувшись спиной к побежденному, молча зашагал прочь.

Толпа, сбежав с откосов рва, обступила победителя, поздравляя и приветствуя его радостными криками. Какая-то девушка в красном платье, протиснувшись вперед, бросилась перед ним на колени и протянула ему букет цветов. Это была подвергнувшаяся оскорблению красотка Марианна, которая так трогательно выражала ему свою благодарность.

Две пары глаз следили за этой сценой с ревнивой горечью: синие глаза Марион Уэд и зеленые глаза Уилла Уэлфорда, выступавшего в роли прославленного разбойника. Пожалуй, сам смелый Робин никогда не ревновал так свою возлюбленную Марианну!

Марион Уэд видела подношение цветов и видела, как они были приняты. Она видела, как Голтспер взял их из рук Марианны и поклонился ей с приветливой улыбкой. Марион не пришло в голову спросить себя: а

— Остановитесь! — прохрипел Скэрги. — Остановитесь!

мог ли он поступить иначе? Охваченная жестокими подозрениями, не помня себя, она незаметно спустилась с вала и бросилась бежать без оглядки домой, под родительскую кровлю.

Хотя капитан Скэрти лишился возможности продолжать бой, рана его оказалась неопасной. Он был ранен в правую руку и временно потерял способность владеть ею.

Он пострадал гораздо более нравственно, чем физически. По его мрачному, пылающему лицу солдаты и любопытные, обступившие его, видели, что его лучше оставить в покое — он не нуждается ни в их сочувствии, ни в их соболезнованиях.

Ему помогли подняться и оказали необходимую помощь. Когда раненую руку освободили от стальных нарукавников и фельдшер из его отряда остановил кровь, хлеставшую из раны, и наложил повязку, капитан Скэрти молча удалился с места своего падения и направился к валу, где стоял сэр Мармадюк со своими друзьями.

Дамы уже разошлись; после этого кровавого зрелища ни у кого не было охоты продолжать игры.

Сэр Мармадюк остался на валу главным образом для того, чтобы выяснить, с какой целью капитан Скэрти пожаловал в его усадьбу.

Он не желал больше оставаться в неведении на этот счет и уже собирался допросить незваного гостя, но, увидев, что Скэрти сам направляется к нему, решил выждать.

По лицу Скэрти видно было, что он желает объяснить с хозяином дома.

Сэр Мармадюк молча ждал, предоставив капитану начать разговор.

Подойдя к валу, Скэрти властно осведомился, здесь ли сэр Мармадюк.

Он обратился с этим вопросом к поселянам, стоявшим на откосе, но те, видя, что сэр Мармадюк здесь, и не зная, желает ли он, чтобы они отвечали утвердительно, промолчали.

Наглый тон капитана так возмутил сэра Мармадюка, что он тоже не счел нужным ответить. Скэрти по-

вторил свой вопрос. На этот раз сэр Мармадюк был уже не в силах смолчать.

— Да, он здесь, — сказал он коротко. — Я — сэр Мармадюк Уэд.

— Рад слышать это, достойный сэр. Мне надо сказать вам несколько слов. Может быть, вы предпочтете, чтобы это было конфиденциально? Я вижу, вы в компании...

— Я не веду никаких конфиденциальных разговоров с незнакомыми людьми! — с достоинством отвечал сэр Мармадюк. — Если вы желаете что-то сказать, сэр, вы можете говорить громко.

— Как вам угодно, сэр Мармадюк, — с насмешливой учтивостью поклонился Скэрти. — Но если, к моему глубокому огорчению, мы до сих пор не были знакомы, я надеюсь, что это неприятное положение в ближайшем времени окончится и мы с вами скоро хорошо познакомимся.

— Что вы хотите сказать, сэр? Что вам здесь надо?

— Я рассчитываю на ваше гостеприимство, сэр Мармадюк. Кстати сказать, у вас превосходный парк и вместительное помещение. Хватит места для всех моих подчиненных, не правда ли? И вряд ли, по правилам вежливости, мы можем остаться незнакомыми друг другу, если будем есть, пить и спать под одной кровлей с вами.

— Есть, пить и спать под одной кровлей? Вы смее-тесь, сэр!

— В этом нет ничего удивительного, сэр Мармадюк. Предвкушение отдыха на такой приятной квартире не может не радовать меня.

— После полученного вами урока, — презрительно отвечал сэр Мармадюк, — казалось бы, естественней видеть вас в менее легкомысленном настроении!

— Капитан Скэрти получил достаточно ран на своем веку, чтобы не обращать внимания на пустяковую царапину, на которую вы изволите намекать... Но мы зря теряем время, сэр Мармадюк. Я голоден, и мои солдаты тоже, нас мучит жажда. Мы были бы не прочь закусить и выпить.

— Но что же мешает вам удовлетворить ваши желания? В трех милях отсюда на дороге стоит харчевня.

— Зачем нам так далеко ходить, когда есть и ближе! — с наглой усмешкой возразил Скэрти. — Наша харчевня здесь.

И с этими словами он указал на замок сэра Мармадюка, величественно возвышавшийся на вершине противоположащего холма.

— Довольно, сэз! — сказал хозяин дома. — Прекратите ваши загадки. Если вы хотите что-то сказать, говорите прямо.

— Я с превеликим удовольствием подчиняюсь вам, сэз Мармадюк. Поверьте, мне уже давно пора подкрепиться, и я не имею ни малейшего желания продолжать этот бесполезный разговор... Корнет Стаббс, — обратился он к своему подчиненному, — если я не ошибаюсь, королевский приказ у вас в кармане; прошу вас, достаньте его и ознакомьте с его содержанием этого почтенного джентльмена.

Корнет, уже успевший снова облачиться в доспехи, засунул руку под стальную кирасу и достал из камзола сложенный вчетверо пергамент, запечатанный большой красной печатью. Сломав печать, он развернул его и прочел вслух:

«Его величество король — сэру Мармадюку Уэду.

Его величество, полагаясь на преданность сэра Мармадюка Уэда из Бэлстрод Парка в графстве Бэкингемшир, предлагает ему поместить на постой у себя в доме конный отряд кирасиров капитана Скэрти и содержать его впредь до того, как его величество сочтет нужным отозвать своих кирасиров на королевскую службу. Его величество поручает капитана Скэрти гостеприимному радушию сэра Мармадюка как достойного джентльмена и храброго офицера, честно служившего своей стране и своему королю.

Подписано и скреплено большой королевской печатью в Уайтхолле, 15 сего октября, Anno Domini 1640.

Carolus Rex.

КАМЕННАЯ БАЛКА

Путешественник, чей путь лежит через Чилтернские холмы, нередко, поднявшись на вершину гряды, видит кругом себя кольцо гор, а глубоко внизу — замкнутую со всех сторон, круглую, как чаша, долину.

Эти ложбины среди холмов бывают иногда довольно значительных размеров, в несколько сотен акров. В них иногда можно увидеть притаившийся в глубине скромный крестьянский домик с обработанным участком, а иногда и дворянскую усадьбу, раскинувшуюся среди зеленых пастбищ, окруженных со всех сторон стеной леса, опоясывающего вершины холмов.

Эти прелестные пейзажи похожи на живописные картины в круглой раме.

Такую картину некогда представляла собой долина Каменной Балки: красивый дом посреди густо разросшегося цветущего парка, в зеленой рамке букового леса, окаймляющего склоны холмов.

Было время, когда и парк и дом в Каменной Балке содержались в образцовом порядке. Теперь то и другое носило следы запустения и упадка. Так картина, оставшаяся висеть на стене опустевшего дома, покрывается пылью и краски ее тускнеют от времени.

И самый дом и примыкавшие к нему дворовые строения — все казалось заброшенным и имело какой-то нежилой вид. Если бы не дым, поднимавшийся иногда из одной-единственной уцелевшей трубы, то, глядя на этот дом с вершины холма, можно было бы с уверенностью сказать, что здесь никто не живет. Кусты в парке превратились в непроходимые заросли, луга, поросшие дроком, пучками колючей травы и чертополохом, напоминали скорее дикий пустырь, чем цветущее пастбище, а козы, бродившие по этому пустырю, стали такими же пугливыми, как лани, щипавшие траву рядом с ними, которые, едва заслышав чьи-нибудь шаги, мгновенно исчезали в лесной чаще.

В ограде усадьбы не видно было ни домашней скотины, ни птицы, и редко-редко человеческий голос раз-

давался в этой пустынной тишине, где слышно было только пронзительное верещанье сойки, доносившееся из ближнего леса, звонкий свист дрозда в зарослях кустарника да однообразное карканье грачей на вершинах высоких вязов, которые темной стеной стояли вокруг дома, сплошь унизанные гнездами.

И в самом деле, в усадьбе «Каменная Балка» давно уже никто не жил, если не считать седовласого сторожа, старого, отставного солдата, который считался не столько обитателем дома, сколько его постоянной принадлежностью. Он и его пес, такой же дряхлый, как и он сам, и не менее почтенный кот были на протяжении многих лет единственными хозяевами Балки.

Никто из окрестных селений не знал, кому, собственно, принадлежит усадьба. Даже в то время, когда она была еще обитаемой, последние жильцы только арендовали дом, а хозяин, как говорили, поселился в чужеземных краях, чуть ли не где-то в колониях, в Виргинии, если верить слухам.

Да вряд ли кто особенно интересовался этим: Каменная Балка лежала в стороне от проселочных дорог, и редко кому случалось проходить мимо нее. Очень немногие могли бы сказать, что видели заброшенную усадьбу собственными глазами. Даже в селениях, лежащих всего в каких-нибудь пяти милях от этого места, были люди, которые вовсе не знали об ее существовании; или, может, когда-то знали, да забыли.

Но с некоторых пор о старом доме в Каменной Балке стали поговаривать. О нем пошли толки на рынках и в других местах, где имели обыкновение сходиться поселяне.

Это объяснялось тем обстоятельством, что в один прекрасный день внезапно обнаружилось, что неизменная принадлежность дома — старик сторож куда-то исчез, а на его место водворился новый жилец.

Неизвестный, поселившийся в Каменной Балке, его образ жизни, его загадочное появление — словом, все, связанное с ним, было окружено какой-то таинственностью.

Кое-кто из поселян, сумевших под тем или иным

предлогом побывать в доме, рассказывал, что новый жилец привез с собой всего-навсего одного слугу, краснокожего, с длинными, прямыми, черными, как смоль, волосами, а зовут его Ориоли, и похоже — он из тех самых индейцев, которые однажды приезжали в Англию из заокеанских колоний.

Рассказывали еще, что этот Ориоли то ли не хочет, то ли вовсе не умеет говорить на английском языке. Во всяком случае, никто из побывавших в Каменной Балке не смог выведать у него ничего относительно его хозяина.

Однако сам хозяин довольно скоро познакомился с окрестными крестьянами. Встречаясь с ними на деревенском базаре или на праздничных гуляньях, он охотно вступал с ними в разговор, интересовался условиями их жизни и не упускал случая объяснить им, что они должны отстаивать свои права, а не потакать насилию и несправедливости. Эти беседы находили отклик в сердцах чилтернских жителей, ибо они затрагивали то, что у них давно наболело в душе, то, что они давно уже чувствовали сами, но не решались высказать из страха перед «Звездной палатой». Человек, который не боялся высказать эти чувства вслух, не мог не снискать уважения честных фермеров Бэкингемского графства. Таким образом, не прошло и месяца после водворения нового жильца в старом доме Каменной Балки, как он уже завоевал расположение окрестных жителей.

Этот человек обладал многими качествами, способствовавшими его популярности среди поселян. Он был из хорошей семьи, прекрасно воспитан. Его поведение, его манеры не позволяли в этом усомниться; крестьяне на этот счет обладают верным чутьем. Кроме того, у него была благородная внешность, которая поражает взор не красотой черт, а неукротимой смелостью и мужественным самообладанием, внушающими невольное восхищение. Одевался он без излишней роскоши, но все на нем было дорогое и отличного качества. Он прекрасно ездил верхом, и его великолепный вороной конь был под стать своему всаднику. Со всеми простой и приветливый, без тени того барственного снисхождения, кото-

рое так отталкивает деревенских людей, Генри Голтспер, отличавшийся чистосердечием и бескорыстием подлинно благородного человека, не мог не завоевать любовь и уважение жителей Чилтернских холмов. Вот каков был тот победитель в поединке, который пронзил руку капитана Скэрти и сердце Марион Уэд!

* * * * *

Наступила ночь. Празднество в усадьбе сэра Мармадюка Уэда окончилось рано. Неожиданное появление кирасиров и последовавшие за тем волнующие события положили конец играм и развлечениям.

После таких трагических происшествий никого не привлекало метание колец в цель или игра в мяч. Даже борьба и фехтование и те казались скучными после этого захватывающего поединка, который едва не окончился смертью одного из участников.

Задолго до того, как стемнело, толпа разошлась с площадки. В парке еще спустя некоторое время можно было увидеть кучки людей, оставшихся не ради развлечения, а просто из любопытства или для того, чтобы поговорить о том, что творится в доме сэра Мармадюка Уэда, куда капитан кирасиров направился со своим отрядом тотчас же после того, как было прочитано вслух ироническое воззвание короля к гостеприимству хозяина замка.

Победитель в поединке одним из первых покинул праздник. Он, по-видимому, не сразу вернулся домой; или, может быть, ему пришлось еще раз уехать из дому, потому что в этот поздний час он только что свернул с проезжей дороги на тропинку, которая, как уже описывалось выше, вьется по склонам холмов и ведет к Каменной Балке; по взмыленному коню всадника можно было сказать, что он проделал немалый путь.

Так как тропинка почти все время бежит лесом, кругом стоит глухой мрак, хотя на небе светит яркий месяц. О чем думает всадник, догадаться нетрудно. Кто, как не Марион Уэд, которую он так часто встречал на этой тропинке, владеет сейчас его мыслями!

Вот он выехал на просеку и, остановившись под развесистым буком, снял шляпу с головы и смотрит не отрываясь при свете луны на белую перчатку под султаном из черных перьев.

На лице его глубокая нежность, которая вдруг сменяется страхом, как будто он то верит, то сомневается. Трудно понять эту смену выражений на его лице, если не знать всех перипетий его жизни. Никто, кроме него самого, не сумел бы сказать, что за этим скрывается.

У Генри Голтспера есть над чем призадуматься, но сейчас его больше всего удручает мысль о той, которая подарила ему эту перчатку, — он все еще верит, что это не случайность, а дар, — но только она почему-то не хочет ни вспоминать об этом, ни видиться с ним. Шесть дней прошло с тех пор, как он получил от нее этот дар, и за все это время, до праздника, он ни разу не видел ее. Она не показывалась из-за ограды парка, и на этой лесной тропинке он ни разу не обнаружил следов ее лошади.

Почему она прекратила прогулки и так внезапно положила конец этим сладостным встречам в лесу?

Все время Генри Голтспер не переставал задавать себе этот вопрос и никак не мог найти на него ответа.

Юный Уолтер Уэд и не подозревал, какую радость доставил он своему спутнику, пригласив его на праздник. Сколько надежд возлагал Генри Голтспер на этот день! Его познакомят с Марион, и, конечно, она объяснит ему все — ведь достаточно одного слова, чтобы эти мучительные сомнения, одолевавшие его, рассеялись, как дым.

И вот наконец этот день настал. Его познакомили с Марион, и на этом все кончилось. Какое злосчастье! Все так и осталось, как было, и поведение Марион по-прежнему необъяснимо. И как она была холодна с ним во время этой короткой встречи! Голтспер с горечью вспоминал о своем разговоре с нею.

При всей своей опытности и достаточном знании женского сердца Голтспер, видимо, заблуждался относительно Марион. Возможно, будь это более заурядная

женщина, он был бы прав в своих рассуждениях. Скитаясь по разным странам, Голтспер в своей жизни одержал немало побед, но никогда еще он не чувствовал себя в таком плену, в каком держала его эта синеглазая золотоволосая девушка, похитившая у него не только сердце, но и, по-видимому, разум. Он смотрел на ее перчатку вопрошающим взором, как если бы он ждал, что она ответит ему: упала ли она случайно под этим деревом или ее уронили нарочно для него, чтобы он ее поднял и хранил?

Конь его нетерпеливо бил копытом о землю, словно требуя ответа.

— Ах, Хьюберт! — вздохнул всадник. — Как ты ни дорог мне и как ни велика услуга, которую ты мне оказал сегодня, я был бы готов расстаться даже с тобой, лишь бы узнать правду: могу ли я считать эту тропинку самым священным местом на всей земле? Но едем, мой друг! Тебе уже давно пора быть в стойле. Ты, верно, устал после поединка, да еще проскакав потом двадцать миль. Да, правда, я и сам устал. Едем-ка домой отдыхать!

И, чуть тронув коленями бока своего послушного коня, понимавшего каждое его движение, всадник медленно поехал прочь с этого места, полного для него сладостных воспоминаний, которым он и хотел и не смел верить.

Глава XXII

ИСПОВЕДЬ РАЗБОЙНИКА

Было уже совсем поздно, когда Генри Голтспер подъехал к полуразвалившимся воротам усадьбы «Каменная Балка». Тяжелые входные двери старого дома были распахнуты настежь, и в тусклом свете свечи, мерцающей в холле, смутно выступали очертания высокого портала под каменным куполом арки норманской архитектуры.

В дверях на пороге неподвижно стоял человек, словно застыв в ожидании.

Лунный свет, падающий на него, позволял различить в этом силуэте стройную, прямую фигуру молодого человека среднего роста в чем-то вроде туники из мягкой оленьей кожи. Его бронзово-коричневое лицо казалось еще темнее от низко спускавшихся на лоб черных, как смоль, волос. На голове у него была повязка наподобие тюрбана, на ногах — длинные гетры и мягкая обувь из того же материала, что и туника. Пестрый вышитый пояс перехватывал талию, а слева за поясом торчал короткий нож.

В его черных, как уголь, глазах не выразилось ни тени удивления при виде приближающегося всадника. Пока всадник не подъехал к крыльцу, он стоял все так же неподвижно, не шелохнувшись, и лунный свет озарял его бронзовое лицо; его легко можно было принять за медную статую: порог служил ему пьедесталом, а арка над его головой создавала впечатление ниши. Только когда конь наконец остановился, статуя вдруг выступила из своей ниши; мягкими, копящими шагами индеец скользнул вперед и, приняв поводья из рук хозяина, замер, дожидаясь, когда он сойдет с лошади.

— Поводи Хьюберта минут пять, — сказал Голтспер, соскакивая с седла. — Эта развалившаяся конюшня слишком сыра для него после такой пробежки. Разотри его хорошенько да покорми как следует, прежде чем отвести в конюшню.

Все эти наставления, сделанные на его родном языке, краснокожий слуга выслушал молча.

Только по легкому движению головы можно было догадаться, что он понял и готов выполнить все, что ему говорят.

Хозяин, по-видимому и не ждавший другого ответа, поднялся на крыльцо.

— Кто-нибудь спрашивал меня, Ориоли? — сказал он, останавливаясь на ступеньке.

Ориоли поднял правую руку и, вытянув ее горизонтально, указал на дверь.

— Там кто-то ждет?

В ответ последовал безмолвный кивок.

— Один или больше?

Индеец поднял руку, зажав все пальцы, кроме одного.

— Только один? Что же он, пришел или приехал верхом?

Ориоли ответил, зажав указательный палец левой руки между указательным и средним правой.

— Верховой! — удивленно воскликнул Голтспер. — Что же это за поздний гость? Я никого не ждал сегодня ночью. Тебе не знаком этот человек, Ориоли?

Индеец закрыл глаза рукой.

— По-твоему, он приехал издалека?

Индеец вытянул правую руку во всю длину, подняв кверху указательный палец, и медленно притянул руку обратно к телу.

Незнакомец приехал издалека — Ориоли мог сказать это по его лошади.

— Как только ты отведешь Хьюберта в конюшню, проводи гостя ко мне в гостиную. Да поторопись — может быть, он не намерен остаться на ночь.

Ориоли взял коня под уздцы, и оба исчезли так внезапно и беззвучно, словно растаяли в воздухе.

— Надеюсь, это кто-нибудь из Лондона, — рассуждал сам с собой Голтспер, проходя в комнаты. — Мне как раз нужно послать с поручением в город, а я не могу обойтись без Дэнси и Уэлфорда. Наверно, там уже известно о прибытии сюда Скэрти; но то, что сэр Мармадюк примкнул к нашим рядам, — это для них будет новость, и хорошая новость! Она обрадует и Пима и Гемпдена... Не стану дожидаться, пока Ориоли приведет его ко мне, — решил он. — Наверно, он оставил его сидеть в столовой. Пойду-ка я к нему сам.

И Голтспер направился в столовую, чтобы поскорее увидеть своего ночного гостя.

В столовой никого не оказалось, и он прошел в соседнюю комнату, куда Ориоли мог отвести незнакомого посетителя. Там тоже было пусто, так же как и в других комнатах. Так он дошел до библиотеки, которая служила ему кабинетом и куда он велел Ориоли привести гостя.

В библиотеке тоже никого не было, и Голтспер оста-

новился в недоумении, не зная, что и подумать, как вдруг до него донеслись какие-то странные звуки. И он, выйдя в коридор, увидел слабую полоску света, пробивающуюся из кухни. Открыв дверь, он сразу увидел гостя, почтившего его своим визитом и оставшегося дожидаться в столь поздний час. Это был Грегори Гарт.

Бывший разбойник лежал, растянувшись на деревянной скамье возле очага. Огонь в очаге погас, и полуобгоревшие вязанки сырого хвороста чуть тлели на решетке в куче золы и потрескивающих углей.

Лампы в кухне не было, но в слабом свете раскаленных углей и изредка вспыхивающих язычков пламени Голтспер без труда узнал своего гостя.

Грегори спал крепким сном, как будто он был у себя дома и наконец-то добрался до собственной кровати. Вся кухня содрогалась от могучего храпа, и, по всем признакам, разбудить его было не так-то легко.

— Так вот кто пожаловал ко мне! Мой почтенный друг Грегори Гарт! — промолвил Голтспер, наклоняясь над спящим и с улыбкой глядя на своего бывшего слугу.

В ответ раздалось мощное храпенье, похожее на рев носорога.

— Любопытно, что привело его сюда так скоро после этой... Разбудить его, что ли, да спросить?.. Или оставить его отсыпаться до завтра?

И снова звучный храп, как бы приветствующий эту заманчивую возможность, вырвался из груди спящего.

— Что ж, я, признаться, рад, что он явился ко мне, — продолжал Голтспер. — Видно, он сдержал обещание и распустил свою разбойничью шайку. Надо полагать, что так. Возможно, в нем еще сохранилось что-то порядочное... Хотя, как знать... может, все, что и было когда-то, теперь уже давно вышиблено. Судя по тому, как он мирно спит, его не особенно мучают угрызения совести. Но какие бы дела ни водились за ним, я надеюсь, что руки его чисты от...

Голтспер не решился высказать до конца то, что ему уже не раз приходило в голову.

— Бросаться на человека с пикой в руках — конечно, это ужасная улика. Кто знает, чем бы все это кончилось, если бы я вовремя не узнал его... Так как же — дать ему отоспаться?.. Ложе у него не из мягких, но мне и самому не раз приходилось спать не мягче, и, я думаю, Грегори Гарт не избалован хорошим жильем. Не беда, если он поспит и здесь. Оставим его до утра.

И с этими словами бывший хозяин Грегори уже хотел было удалиться к себе в комнату, как вдруг его внимание привлек какой-то белый предмет, зажатый в руке спящего.

Он ткнул носком сапога в тлеющие на решетке угли и при свете вспыхнувшего пламени увидел, что это запечатанное письмо.

Хотя оно несколько скомкалось, сжатое мощной пятерней разбойника, но видно было, что это большой пакет с красной печатью, и, нагнувшись, Голтспер разобрал на ней королевский герб.

— Письмо от короля! — изумленно пробормотал Голтспер. — Кому же оно адресовано? И как могло совершиться подобное превращение: разбойник с большой дороги внезапно оказывается королевским курьером!

На первый вопрос ответ можно было бы получить, прочитав надпись на пакете, но ее закрывала мозолистая ладонь Грегори.

Чтобы разгадать эту загадку, необходимо было разбудить спящего, что Голтспер и решил сделать, не откладывая.

— Грегори Гарт! — крикнул он громко, наклонившись к самому его уху. — Стой, ни с места! Отдавай кошелек, Грегори Гарт!

Этот знакомый окрик возымел неожиданное действие. Вскочив со скамьи и чуть не налетев на очаг, Грегори Гарт выпрямился во весь рост и машинально повторил:

— Стой, ни с места! Отдавай кошелек! — И дальше он уже продолжал по привычке, все еще не придя в себя: — Кошелек или жизнь! Смирно, друзья! Господа не будут сопротивляться... это хорошие люди!..

— Ха-ха-ха! — покатился со смеху Голтспер и, схватив за плечи своего бывшего слугу, силком усадил его на скамью. — Успокойся, Грегори, а то ты перепугаешь всех крыс!

— Ох, господи! Мастер Генри, это вы! Мне, должно быть, что-то приснилось, никак в себя не приду! Простите меня, ради бога, мастер Генри!

— Ха-ха-ха! Твое счастье, Грегори, что никто, кроме крыс, не слышал, что ты нес спросонок! А то ведь ты такое наговорил, что никак не вяжется с твоей новой службой!

— Моей новой службой? Что вы хотите этим сказать, мастер Генри?

— Да судя по тому, что у тебя в руке, — сказал Голтспер, многозначительно кивая на письмо, — ты, надо полагать, стал королевским гонцом?

— А-а, вот оно что! Понимаю, мастер Генри. Королевский гонец! Нет, упаси боже! Слишком беспокойная должность для Грегори Гарта. Но хоть я и не гонюсь за этой должностью, вышло так, что мне в самом деле привелось встретиться с королевским гонцом. Вот из-за этого-то письма я и явился к вам в такой поздний час. А не будь его, я, конечно, выбрал бы более подходящее время.

— А это письмо мне?

— Сказать по правде, мастер Генри, оно написано не вам и не предназначалось для вас, но по тому, что мне удалось разобрать, в нем много такого, что вам следовало бы знать. Но, конечно, вам самому будет виднее, после того как вы его прочтете.

Грегори протянул Голтсперу письмо, и тот сразу увидел, что оно с обеих сторон надорвано по краям, хотя печать на нем и осталась нетронутой.

— Королевская грамота! И ты решился вскрыть ее, Грегори?

— Д-да... она как-то у меня сама разорвалась, мастер Генри, — промямлил разбойник. — Может, оно и нехорошо... да ведь я не знал, что это королевская грамота. А и знал бы, так, наверно, все равно разорвал бы, — буркнул он себе под нос.

Голтспер быстро пробежал глазами адрес:

Капитану Скэрти, командиру отряда королевских кирасиров.

Бэлстрод Парк

Графство Бэкингемшир.

— Это не мне, Гарт... Это...

— Я знаю, знаю, мастер Генри... но ведь вчера-то я еще не знал, когда этот пакет попал ко мне в руки. Я только нынче утром услышал, что они появились здесь.

— Но как же он мог попасть в твои руки, этот пакет?

— Как он ко мне попал?

— Вот именно! Кто тебе его дал?

— Я... я, мастер Генри, получил его прошлой ночью... от одного кавалера... он... он мне его передал.

— Прошлой ночью? В котором же это было часу?

— Да час-то уж был поздний, совсем затемно...

— Так это было до или после...

— После того как я повстречал вас — вы это хотите знать, мастер Генри? Да, признаться, немножко попозднее.

Грегори опустил голову: ему явно было не по себе от этого допроса, и он тщательно старался скрыть свое замешательство.

— Что ж это был за кавалер? — продолжал допытываться Голтспер, и видно было, что он интересуется этим не только в связи с подозрительным замешательством разбойника.

— Богато одетый кавалер, мастер Генри, и конь под ним был разве что чуть похуже вашего. Давно уж мне не приходилось видеть такого коня! Вот этот кавалер мне сам и сказал, что он, как вы изволили назвать, королевский гонец.

— И ты отнял это у королевского гонца?

— Да... нет... мастер Генри...

— Не может быть, чтобы он сам дал тебе этот пакет!

— Ах, мастер Генри, язык не поворачивается вам соврать! Признаюсь, я взял у него это письмо.

— И, верно, еще кое-что? Выкладывай, Гарт, нечего от меня прятаться! Говори всю правду.

— О господи боже! Мастер Генри, вы требуете, чтобы я сказал все?

— Да, Грегори, все, или прочь с моих глаз и не попадайся мне больше никогда!

— Боже милосердный! Нет-нет, мастер Генри, я все выложу, все, как было, ничего не утаю... На кавалере были разные ценные вещи, как оно, конечно, полагается королевскому гонцу, — часы с золотой цепью, богатая одежда, карандаш с золотым колпачком, какая-то штучка, не знаю, как называется... мидольон, что ли... уж не говорю...

— Можешь не перечислять его имущества, Грегори, меня интересует не это, а то, как ты поступил с кавалером. По-видимому, ты обобрал его дочиستا и присвоил себе все эти ценные вещи?

— Что ж, мастер Генри, раз уж я обещал сказать правду, признаюсь, я кое-что отобрал у него. А что ему эти вещи? Разве он в них нуждается так, как я, у которого нет ничего за душой, кроме того старого тряпья, что висело на пугалах? Я снял с него эти побрякушки...

— А еще что ты с ним сделал? — сурово спросил Голтспер.

— Ничего больше, клянусь, мастер Генри! Только что связал его по рукам и ногам, так, для верности, и оставил лежать в старой хижине, чтобы он не схватил простуды, а то ночи-то нынче свежие, холодные.

— Скажите, какая заботливость! Ах, Грегори Гарт, Грегори Гарт! И это после твоего торжественного обещания!

— Клянусь, мастер Генри, я не нарушил своего обещания! Ничем не нарушил, клянусь вам!

— Не нарушил обещания! Негодный обманщик! Ты только еще больше чернишь себя этим враньем! Ведь ты же сейчас сам сказал, что встретил этого гонца после того, как расстался со мной!

— Верно, мастер Генри. Только вы забыли, что я обещал вам, что это будет моя последняя ночь. Так оно было и будет, клянусь вам!

— Что ты такое плетешь, Грегори? Что ты хочешь этим сказать?

— А то, что, когда вы с вашим молодым спутником уехали прочь, время было всего одиннадцать, и до конца ночи оставался еще добрый час. И вот тут-то, на мою беду, и появился этот гонец, разодетый в шелка да бархаты и со всеми этими побрякушками. И как я посмотрел на него — ну, прямо что твой голубок: распушился весь, так сам к тебе в руки и лезет! Ну что же мне оставалось делать? Ведь сам просится — ощипи! Ну, разве хватит духу отказаться? Вот я его и ощипал. Но клянусь вам, мастер Генри, и не будет мне покоя на том свете, коли я лгу: все это я проделал с ним до того, как пробило двенадцать. И только когда я уже отъезжал от хижины, часы в Челфонте на колокольне Святого Петра били полночь.

— Отъезжал? Так, значит, ты увел и его коня?

— Помилуйте, мастер Генри, неужто мне было тащиться пешему, когда тут же стоял оседланный конь? Гонцу-то от него все равно никакой пользы — ему в эту ночь с места не двинуться! А как же мне-то было все это тряпье тащить? Не мог же я моих молодцов так оставить! Как знать? Они могли бы выдать меня даже и после того, как я уже встал бы на честный путь.

— Гарт, Гарт, боюсь, что этого никогда не будет! Мне кажется, ты неисправим.

— Не говорите так, мастер Генри! — вскричал бывший разбойник, и в голосе его звучало искреннее огорчение, и, как это ни казалось смешно, все же ему нельзя было не поверить. — Разве я хоть раз в жизни обманул вас? Можете ли вы припомнить, чтобы я когда-нибудь нарушил свое обещание?

— Ах, Грегори! — промолвил Голтспер, тронутый, помимо воли, этим детским простосердечием своего бывшего слуги. — Может быть, я и не могу припомнить этого на деле... Но все твоё поведение...

— Не поминайте мне о нем больше, мастер Генри! Стыдно мне вам в глаза смотреть. Но коли уж я дал обещание, я сдержу его, вот посмотрите! Хоть с голоду помру, а сдержу! Клянусь вам! — И, словно в подтвер-

ждение своей клятвы, бывший разбойник ударил себя кулаком в грудь.

— Слушай меня, Грегори Гарт, — внушительно сказал Голтспер. — Если ты хочешь, чтобы я действительно поверил в твое исправление, ответь мне на один вопрос, только ответь прямо, без увиливаний. Я спрашиваю тебя не из пустого любопытства и не для того, чтобы заставить тебя потом расплачиваться, каков бы ни оказался твой ответ. Ты знаешь меня, Грегори, и ты не солжешь мне, а ответишь правду.

— Можете не сомневаться, мастер Генри. Спрашивайте, я вам отвечу честно; что бы вы ни спросили, вы от меня услышите чистую правду.

— Так вот. Отвечай мне только в том случае, если на мой вопрос ты можешь ответить «да»; а если не можешь, не отвечай ничего. Мне будет достаточно твоего молчания, и тогда уж незачем будет слышать твой ответ.

— Спрашивайте, мастер Генри, спрашивайте что угодно — я не боюсь!

Голтспер наклонился к нему и спросил:

— Скажи, рука твоя не запятнана убийством?

— Господи! — воскликнул бродяга, невольно отшатнувшись и глядя на Голтспера изумленным и укоризненным взглядом. — Ужели вы могли думать, что я способен на такое дело? Убийство? Нет-нет! Клянусь вам, никогда в жизни! Мои руки неповинны в крови, как руки новорожденного младенца. На моей душе много грехов и без того. Я жил грабежом, как вы знаете, — чуть было не ограбил вас и вашего друга...

— Подожди, Гарт! А что бы ты сделал, если бы я не узнал тебя?

— Удрал бы, мастер Генри! Удрал бы, и все тут! Я уже и ног под собой не чуял, едва только увидел, что вы грозите всерьез. И коли бы ваш пистолет не остановил меня, я бросил бы всех своих товарищей на вашу милость. Ох, мастер Генри, редко можно встретить путешественников, которые вели бы себя так, как вы! Ведь это первый раз, что мне пришлось пустить в ход угрозы! Я думал вас припугнуть, и это все, что я собирался сделать.

— Довольно, Грегори! — сказал кавалер, явно обрадованный, что его старый слуга не запятнал себя убийством и не проливал невинной крови. — А теперь, — продолжал он, — я надеюсь, что тебе больше не придется каяться даже в угрозах — по крайней мере, по адресу путешественников. Может быть, я скоро найду тебе более подходящих противников, достойных твоей страшной пики. А пока располагайся до утра. Когда мой слуга вернется из конюшни, он даст тебе поужинать и устроит постель поудобней этой скамьи.

— О, мастер Генри, — вскричал Гарт, видя, что Голтспер собирается уходить, — не уходите! Прошу вас, не уходите, пока не прочтете, что написано в этой бумаге! Тут идет речь о серьезных делах, мастер Генри, я уверен, что это касается и вас.

— Меня? Почему ты так думаешь? Разве мое имя упоминается здесь?

— Имени-то вашего нет, по там есть приказы о ком-то, а по тому, что я о вас знаю, — я как прочел, так и подумал, что это не иначе, как про вас.

— Грегори, — сказал Голтспер, приблизившись к своему старому слуге, и в голосе его слышалось беспокойство, — все, что ты знаешь обо мне и о моих делах, держи при себе. Ни слова никому о моей прошлой жизни! Пусть это останется тайной, так же как и твое прошлое. Здесь никто не знает моего настоящего имени. То, которое я ношу сейчас, присвоено мною временно с определенной целью. Скоро мне будет все равно, если кому-то станет известно мое настоящее имя, но это время еще не пришло. Нет, не пришло! Помни это!

— Я буду помнить, мастер Генри.

— Эту бумагу я прочту, — продолжал Голтспер, — раз ты говоришь, что там есть что-то касающееся меня, тем более что мне не придется вскрывать пакет и винить себя в нескромности. Ха-ха! Твоя неосторожность, достопочтенный Гарт, избавит мою совесть от этого упрека!

Голтспер, смеясь, подошел к разгоревшейся печи, развернул грамоту и тут же ознакомился с ее содержанием.

Глава XXIII

ПОСЛАНЕЦ ДЖОНА

Королевская грамота, адресованная Скэрти, по-видимому, не содержала в себе ничего неожиданного для Генри Голтспера. По выражению его лица можно было видеть, что первая часть послания была уже ему известна, а остальное он, вероятно, мог предполагать. Во всяком случае, Грегори-Гарт, глядя на него, мог убедиться, что он не прогневал своего бывшего хозяина, отобрав у гонца его депешу.

Голтспер все еще был поглощен чтением, когда вошел молодой индеец; он постоял несколько секунд, словно выжидая, не понадобится ли он для какого-нибудь особого поручения, потом подошел к столу и взял лампу. Заправив ее у печки, он так же безмолвно удалился. Гарт, разинув рот, проводил его взглядом, полным безграничного изумления; казалось, он спрашивал себя, где, в каком уголке земного шара появился на свет этот безязыкий чужеземец.

Прочитав грамоту, Голтспер сложил ее и бережно спрятал на груди под камзолом. Затем, повернувшись к бывшему бандиту, он показал ему на полку, где стояла еда, и, выйдя из кухни, направился в библиотеку, куда только что вошел Ориоли с лампой.

Это была большая комната, обставленная очень просто, чтобы не сказать — скудно. Посредине стоял большой дубовый стол, вокруг него несколько дубовых стульев. Стены были увешаны картинами, но они были покрыты таким толстым слоем пыли, что их почти невозможно было разглядеть. Вдоль стен стояли книжные шкафы, тесно заставленные большими старинными книгами, также посеревшими от пыли, которую, видно, давно не стирали. На столе, на стульях, на полу — всюду были разбросаны оружие, седла, походные сумки и разные другие предметы, бывшие, по-видимому, недавно в употреблении. По всему видно было, что человек, живущий в этом доме, считает его лишь временным приютом.

Когда Голтспер вошел в библиотеку, там уже нико-

го не было. Индеец, поставив лампу на стол, уже успел выйти.

— Так, так! — пробормотал Голтспер, усаживаясь за стол и еще раз просматривая грамоту. — Скэрти послан вербовать солдат. А с какой целью? Неужели опять готовится поход против шотландцев? Я думал, что его величество сыт этим неприятелем по горло! Быть может, ему скоро придется заняться другим, поближе к дому. Возможно, он уже кое-что подозревает, и — как знать? — может быть, этим объясняются его распоряжения капитану кирасиров. Что ж, пусть Скэрти попробует выполнить их, если сумеет. Ну, а что касается набора солдат, тут, мне кажется, я его опередил. Вряд ли ему удастся пополнить свой отряд в этих краях, если только можно положиться на обещания крестьян. Преследования Гемпдена и его популярность среди народа привлекли Бэкингемское графство на сторону доброго дела; за фермеров можно ручаться, а крестьян мне удалось завоевать и направить их на истинный путь. Дворяне — один за другим — переходят к нам. А сегодняшний день заставил наконец решиться и сэра Мармадюка Уэда; он уже теперь будет не простым зрителем, а деятельным участником — заговорщиком, если это звучит сильнее. Ах, сэр Мармадюк, отныне я буду любить вас почти так же, как люблю вашу дочь! Но нет, нет, нет! Эта любовь вне всяких сравнений. Ради нее я пожертвовал бы всем на свете — даже *делом!*

Никто меня не слышит: я говорю со своим сердцем. К чему обманывать его? Я могу скрыть свою любовь от людей, но не от самого себя — и не от нее. Она должна была догадаться о ней! Прочесть ее в моих глазах, в моем поведении. А ведь нет часа — да нет, ни единой минуты, когда бы я не думал о ней! Даже во сне я вижу ее перед собой так живо, как если бы она сама сошла ко мне — этот прелестный образ золотоволосой грации, увенчанной алыми розами!

Неужели я ослеплен? Неужели это простая случайность и все наши счастливые встречи были вовсе не преднамеренны или разве только с моей стороны? А последняя, самая дорогая из всех, — когда она уронила

Королевская грамота не содержала в себе ничего неожиданного.

эту белоснежную перчатку, которую я с тех пор с гордостью ношу на шляпе? О вы, духи, властвующие над судьбами любви, скажите мне, что я не жертва пустого самообмана! Я видел ее, говорил с нею, но я не решился спросить ее. Как я ни жаждал узнать правду, я не осмелился задать ей вопрос. Я страшился ответа, как человек, строящий воздушные замки, боится бури, которая может сокрушить их в один миг. О боже! Если меня ждет крушение, если рушится эта последняя любовь в моей жизни, — я погибну среди развалин! Но ведь она не могла не увидеть своей перчатки на моей шляпе! Не могла не узнать ее! Она должна была догадаться, почему я ношу на шляпе этот сувенир. Но если с ее стороны не было никакого умысла, если она действительно *потеряла* свою перчатку — тогда я погиб! Она должна считать меня дерзким, самонадеянным обманщиком, который внушает ей чувство презрения и гнева. Даже Скэрти, несмотря на свое поражение, будет в ее глазах достойнее, чем я!

Нет, это просто безумие — мечтать о ней! И еще большее безумие — надеяться, что она замечает меня! И желать этого — более чем преступно. Если бы она даже полюбила меня, чем это может кончиться? Лишь ее гибелью! Боже сохрани меня от такого преступления! Небо свидетель, я старался избежать этого, я пытался заставить себя не любить ее, я даже желал иногда, чтобы она не любила меня. Так было сначала. Но, увы, недолго я мог противиться этому сладкому очарованию! Мое сердце уже не принадлежало мне, и весь я душой и телом отдался поработившему меня чувству. Жизнь моя кончена, и не все ли мне равно, какой меня постигнет конец: будет ли это позорная виселица или почетная могила!

Я должен непременно поговорить с сэром Мармадюком. Ведь теперь даже простое письмо может не дойти до него. И все это из-за чудовищного приказа всемиростивейшего монарха! — воскликнул Голтспер, презрительно подчеркивая последние два слова. — Поистине, со стороны короля это не только чудовищно, но и в высшей степени безрассудно. Это, несомненно, пойдет

на пользу нашему *делу*, и будь это кто-нибудь другой, а не сэр Мармадюк, я бы только радовался. Но подумай только, Ричард Скэрти, низкий царедворец, всем известный распутник, — под одной кровлей с Марион Уэд, в одном доме с ней, за одним столом! День и ночь рядом с ней этот негодяй, обладающий столь опасной силой, ибо он представляет собою власть! О боже!

Эти мучительные мысли заставили кавалера вскочить с места, и он в сильном волнении быстро зашагал по комнате.

— Останется ли сэр Мармадюк в Бэлстроде? — продолжал он размышлять вслух. — Он не может поступить иначе. Уехать куда-нибудь — значит, навлечь на себя гнев тирана, находящегося под башмаком королевы... быть может, подвергнуться еще более суровому наказанию. Но неужели он оставит своих детей среди этой пьяной солдатни, способной оскорбить их и даже... Наверно, он их отправит куда-нибудь — по крайней мере, до лучших времен. Слава богу, есть надежда на лучшие. Завтра я повидаюсь с сэром Мармадюком. Я ему это обещал. И ее я тоже постараюсь повидать, несмотря на то что это свидание может окончиться для меня очень грустно, и, может статься, это будет последнее свидание.

Приняв это отчаянное решение, кавалер снова опустился в кресло и, облокотившись на стол, обхватил голову руками. Он погрузился в глубокое раздумье.

Но как он ни был поглощен своими мыслями, ему пришлось вскоре оторваться от них. Появление Ориоли, наверно, не помешало бы ему, так как индеец в своих мокасинах вошел совершенно неслышно, но в ту же минуту за окном раздался громкий стук подков по усыпанной гравием дорожке, ведущей к дому.

Ориоли, войдя, остановился у двери с таким видом, словно собирался что-то сообщить.

— Что такое, Ориоли? Еще посетитель?

Индеец утвердительно кивнул головой.

— Верховой?.. Да, впрочем, что я спрашиваю! Я же слышал — кто-то ехал на лошади. Чужой?

Индеец ответил той же пантомимой, что и в первый раз, показав знаками, что посетитель явился издалека.

— Проводи его сюда. Позаботься о его коне, поставь его в конюшню. Возможно, этот человек останется ночевать.

Выслушав распоряжения Голтспера, молчаливый слуга бесшумно выскользнул из комнаты и отправился выполнять их.

Гость, являющийся в такой поздний час, — да и в любое другое время, — не был неожиданностью для хозяина Каменной Балки. В этом не было ничего необычного. Большинство его посетителей привыкли приезжать после полуночи и нередко отправлялись обратно на рассвете. Вот почему, давая распоряжения Ориоли, Голтспер сказал «возможно».

«Кто бы это мог быть? — подумал Голтспер, когда Ориоли вышел из комнаты. — Я сегодня никого не жду».

Спокойный звучный голос приезжего, обратившегося с каким-то вопросом к индейцу, не помог Голтсперу установить личность его обладателя. Голос этот был ему незнаком.

Ответа на вопрос не последовало, но, вероятно, безмолвные жесты Ориоли были достаточно красноречивы, потому что в ту же минуту слышались тяжелые шаги и легкое позвякивание шпор, и вслед за этим в дверях появился высокий темноволосый человек, который, не дожидаясь приглашения и даже не сняв шляпы, вошел в комнату.

Незнакомец, державший себя столь непринужденно, обладал своеобразной и несколько грубоватой внешностью. На нем были камзол из толстого коричневого сукна, фетровая шляпа без перьев, грубые порыжевшие сапоги с железными заржавленными шпорами. Вместо кружевной оторочки манжеты его были обшиты узкой полотняной тесьмой, и это, а также коротко стриженные волосы придавали ему сходство с пурпанином.

Однако, несмотря на простоту его одежды, по его манере держать себя, по его поведению никто не сказал

бы, что это простой посыльный или слуга. Напротив, сдержанный поклон, которым он приветствовал Голтспера, войдя в комнату, спокойный, уверенный вид изобличали человека, который, каково бы ни было его общественное положение, не привык склоняться перед гордецами.

Лицо его было не то что мрачно, но сурово; волосы — темные, кожа — мертвенного оттенка, а в общем черты его не были лишены привлекательности и поражали своим необыкновенным спокойствием и мужественностью, о чем говорил взгляд его пронизательных, черных, как уголь, глаз.

— Судя по вашему запыленному камзолу, сударь, — сказал Голтспер, ответив на поклон своего гостя, — вы, наверно, проехали немалое количество миль, не сходя с седла.

— Двадцать пять.

— Это как раз расстояние отсюда до Лондона. Верно ли я предполагаю, сударь?

— Да, я из Лондона.

— Разрешите спросить, какое у вас ко мне дело?

— Я к вам от Джона, — ответил незнакомец, делая многозначительное ударение на имени.

— У вас есть поручение ко мне?

— Да.

Наступило молчание. Голтспер ждал, что незнакомец сообщит ему то, что ему поручено.

— Прежде чем передать вам это поручение, — сказал незнакомец, — я должен услышать от вас слова, которые позволят мне убедиться, что вы именно тот самый человек, которому оно предназначено.

— Джон, пославший вас ко мне, — это тот, кто мужественно отказался платить корабельную подать.

— Этого достаточно, — ответил посланный и, достав из кармана камзола письмо, без дальнейших колебаний вручил его Голтсперу.

Адреса на письме не было, но, когда кавалер вскрыл его и поднес к лампе, он увидел наверху страницы нечто похожее на адрес, написанный шифром.

Письмо было написано по-английски и гласило следующее:

«Капитан кирасиров, по имени Скэрти, во главе неуккомплектованного отряда отправился в ваши края. Полагают, что ему поручено провести набор для пополнения войск. Он будет квартировать со своим отрядом у сэра Мармадюка Уэда. Но все это вы узнаете сами, до того как к вам прибудет наш посланный. Обстоятельства складываются благоприятно. Сэр Мармадюк, наверно, не будет больше держаться в стороне. Найдите предлог повидать его и удостовериться, какое действие произвела на него монаршая милость. Постарайтесь сделать все, что возможно, не подвергая себя опасности, дабы провалить набор новобранцев. Соберите друзей на обычном месте в ночь на двадцатое. Приедут Пим, Мартен ¹ и я и, быть может, молодой Генри Вен ². Если вам удастся привлечь сэра Мармадюка, это будет большой козырь в нашей игре. Позаботьтесь, чтобы приглашения были разосланы тайно и через верные руки. У вас остается очень мало времени. Действуйте осторожно: этот капитан кирасиров приближен ко двору и, несомненно, имеет и другие поручения, кроме вербовки солдат. Наблюдайте за ним, но избегайте попадаться ему на глаза. Мой посланный должен тотчас же вернуться обратно; накормите его коня и отпустите немедленно. Можете положиться на этого человека. Он пострадал ради *дела*, как вы и сами можете убедиться, заглянув под поля его шляпы. Не считите за оскорбление, если он не захочет снять ее в вашем присутствии. Такая уж у него привычка. Он сам назовет вам свое имя, которое по вполне понятным причинам не должно называться здесь. Работа на пользу благого дела подвигается вперед».

¹ Мартен Генри (1602—1680) — видный индипендент, один из наиболее ранних английских республиканцев, участник суда, вынесшего смертный приговор Карлу I. После восстановления монархии приговорен к пожизненному заключению.

² Вен Генри (1613—1662) — выдающийся деятель английской буржуазной революции, один из лидеров индипендентов. Много работал над созданием революционной армии. После восстановления монархии был осужден и казнен.

На этом послание заканчивалось. Подписи не оказалось, но в этом не было и нужды, ибо, хотя письмо и не написано рукой великого патриота, Генри Голтспер не сомневался, что оно им продиктовано. Это не первое письмо, которое Голтспер получил от Гемпдена.

Прочитав письмо, Голтспер окинул внимательным взглядом его подателя, стараясь разглядеть лицо, скрытое полями шляпы.

Он ничего не заметил; во всяком случае, ничего такого, что помогло бы ему разгадать неясный намек в письме. Одно только было странно: поля шляпы с обеих сторон были опущены и закреплены под подбородком кожаным ремешком, как будто у человека болели уши и он хотел укрыть их от ночного холода.

Приезжий заметил беглый испытующий взгляд кавалера и сказал ему с угрюмой усмешкой:

— Вам кажется странным и, может быть, даже невежливым, что я так низко нахлобучиваю на уши свою шляпу? Это вошло у меня в привычку не так давно. Вы сразу поймете почему, если я сниму шляпу; но, может быть, вы поймете и так, если я вам назову свое имя. Я — Уильям Принн¹.

— Принн! — вскричал кавалер, бросаясь к нему и, схватив пуританина за руку, горячо сжал ее обеими руками. — Я счастлив и горд видеть вас под своей кровлей и рад оказать вам гостеприимство...

— Генри Голтсперу нет нужды говорить о своих чувствах Уильяму Принну, — сказал безухий пуританин, прерывая кавалера. — Друг угнетенных хорошо известен всем, кто пострадал, в том числе и мне. Благодарю вас за ваше радушие, которым я могу воспользоваться лишь на несколько минут. Затем я должен проститься с вами и ехать. Дело господне не терпит

¹ Принн Уильям (1600—1669) — пуританин, адвокат и публицист. Он выпустил в 1633 году трактат «Бич актеров», содержавший страстное осуждение театра. Трактат был направлен против английского короля Карла I и его жены — больших любителей театра. «Звездная палата» присудила Принна к пожизненному заключению, штрафу и исключению из адвокатского сословия. Принн был выставлен у позорного столба, и ему отрезали уши.

промедления. Жатва скоро созреет, и жнецам надлежит приготовить свои серпы.

Голтспер хорошо понимал, что в такое тревожное время нельзя тратить ни минуты на пустые разговоры. Еще раз распорядившись позаботиться о лошади приезжего, — что охотно взял на себя бывший разбойник, — он приказал Ориоли подать гостю ужин.

И проголодавшийся пуританин, хотя он и в самом деле очень торопился, отдал ему должное, в то время как Голтспер, усевшись за стол, поспешно писал ответ на доставленное ему послание.

Он также не надписал на нем ни адреса, ни имени адресата и не подписался под ним, так как это могло повредить и ему и тому, кому оно предназначалось. Наибольшей опасностью оно грозило человеку, который брал на себя обязательство доставить его. Но верный ревнитель свободы вероисповедания нимало не страшился опасности — преданность великому *делу*, плававшая в его доблестном сердце, делала его недоступным жалким опасениям и страху. Наспех поужинав, он снова вскочил в седло, сдержанно, по-дружески пожал руку Голтсперу и, простившись с ним, быстро и бесшумно помчался прочь.

Глава XXIV

ТРИ КУРЬЕРА

Едва конь пуританина скрылся из виду, проскакав по усыпанной песком дорожке, Голтспер призвал к себе Грегори Гарта.

Гарт за это время уже успел воспользоваться предоставленной ему возможностью и обильно подкрепился, о чем свидетельствовал стоявший перед ним окорок, которым только что ужинал приезжий. Изрядно обнажившаяся кость, с которой была срезана мякоть, красноречиво показывала, что Гарт поужинал досыта, а кружка крепкого эля, которым он запил этот добрый кусок оленины, весьма подняла его настроение. А так как он

до этого хорошо выспался, вполне вознаградив себя за отсутствие сна в прошлую ночь, то теперь, по его собственному выражению, был готов на все: «Хоть в орлянку играть, хоть врагов убивать».

Его бодрое настроение оказалось весьма кстати, так как Голтсперу пришлось прибегнуть к его услугам, хотя и не для таких кровавых целей.

— Гарт! — сказал кавалер, когда его старый слуга вошел в комнату. — Я уже говорил тебе, что ты скоро понадобишься для доброго дела. Оно призывает тебя сейчас.

— Я, мастер Генри, готов на все! Только прикажите! И хоть я на своем веку ничьей жизни не загубил, но ежели вы скажете слово...

— Постыдись, Грегори! Что за ужасные мысли! Время ли сейчас говорить об убийстве, когда... — Тут Голтспер запнулся. — Ну, не в этом дело, — продолжал он, — сейчас я дам тебе совсем мирное поручение.

— Все, что вам угодно, мастер Генри. Для вас я готов хоть пуританином стать, сейчас же пойду проповедовать, ежели на то ваша добрая воля! Я тут обменялся словечком-другим с этим человеком, пока вы писали ответ, и он так хорошо объяснил мне, как надо толковать священное писание. По-моему, он правильно говорит, хотя это и не совсем сходится с тем, что говорит его преподобие господин Лауд и его римские попы.

— Подожди, Гарт, — нетерпеливо сказал Голтспер. — Поручение, которое я дам тебе, не имеет ничего общего с религией. Мне нужен посланец, который хорошо знает здешние края, и в особенности усадьбы здешних дворян, которым мне надо разослать письма. Сколько времени ты жил в Бэкингемшире?

— Да я, мастер Генри, давно уж живу в этих краях. Ну, так примерно последние десять лет я большую часть времени обретался здесь — должно быть, с той самой поры, как я оставил свою службу у вас, но только я, видите ли, никогда не жил подолгу на одном месте. Здоровье-то у меня, знаете, было неважное, и я время от времени нуждался в перемене воздуха.

— Но топография этих мест тебе, наверно, известна?

— Не пойму, что это вы такое говорите! Что за топография такая? Экое мудреное слово! Ежели вы хотите сказать — дороги, так я их все вдоль и поперек исходил и знаю их, верно, не хуже того, кто их проложил, а уж особенно те, что проходят между здешними местами и Оксфордом.

— Отлично! Вот сюда-то мне и надо послать верного человека. У меня есть кого послать на север и юг графства, но нет никого, кто бы знал дороги на Оксфорд. Вот тут-то ты и пригодишься. Если ты хорошо знаешь эти места, тебе должны быть известны и усадьбы, расположенные в той стороне, — владения здешних дворян.

— Д-да, — протянул задумчиво Грегори. — Слыхал я про усадьбы, и они про меня слыхали.

— Так вот, можешь ты отвезти письма достопочтенному господину Г. Л., сэру К. Ф., молодому М., сыну лорда С., господину Р. М., из Чэвели Парка, и господину Дж. К., судье из Хай Уайткомба?

Разумеется, Голтспер, обращаясь к своему бывшему слуге, называл имена полностью.

— Ну что ж, — отвечал Гарт, — я, конечно, смогу вручить письма всем этим господам, если я буду доставлять их в том самом порядке, как вы их называли. Но вот если я начну с того, чем вы кончили, то мне тут же придется кончить, едва только я начну.

— Что такое? Я тебя не понимаю, Грегори!

— Да ведь это очень просто, мастер Генри. Коли я отвезу письмо этому старому зубру судье из Хай Уайткомба, вряд ли я привезу от него ответ, и уж, во всяком случае, мне не придется доставлять письма никому больше.

— Да почему? Что ты такое городишь, Гарт?

— Да, видите ли, я малость повздорил с господином судьей, было такое дело, так ежели он меня теперь увидит, он, пожалуй, это припомнит и упрячет меня под замок. Я ваши письма сперва свезу всем другим, а ему — самому последнему. Но только, мастер Генри, я не ручаюсь, удастся ли мне привезти вам ответ.

— В таком случае, отставим его, — сказал Голтспер, отказавшись, по-видимому, от мысли связаться с уайт-

комбским судьей. — Ну, а к остальным ты можешь безопасно идти, не так ли?

Грегори кивнул.

— Так отправляйся сейчас же! Ах, я и забыл, — тебе ведь нужна лошадь!

— Нет, — хитро улыбаясь, ответил разбойник. — Лошадь у меня есть.

— Ах, да! Та самая, которую ты...

Голтспер запнулся, не решаясь произнести слово, присловившееся ему на язык.

— Ну да... — протянул разбойник. — Этот конь был на службе у короля, так почему бы ему теперь не послужить народу? Ведь я догадываюсь, мастер Генри, что это, наверно, и есть то поручение, с которым вы меня посылаете?

— Ты не ошибся! — с жаром подтвердил Голтспер.

— Я рад этому! — с воодушевлением воскликнул Гарт. — Пишите ваши письма, мастер Генри, и я доставлю их, кому бы они ни предназначались, будь это даже тюремщик из Ньюгейта!

Голтспер, довольный таким пламенным усердием своего бывшего слуги, с улыбкой сел за стол и принялся писать письма.

Не прошло и часа, как разбойник, преобразившись в почтальона, вскочил на лошадь, украденную им у королевского курьера, и поскакал по большой дороге, соединявшей Лондон с университетским городом.

Голтспер после его отъезда позвал к себе своего слугу-индейца.

— Ориоли, — спросил кавалер, — как ты думаешь, найдешь ты дорогу к хижине Дика Дэнси, лесника, который здесь часто бывает? Ты ведь, кажется, был в его вигваме?

Индеец знáком дал утвердительный ответ.

— Значит, ты знаешь дорогу? Месяц еще не зашел. Я думаю, тебе нетрудно будет разыскать его жилище, хотя настоящей тропинки туда нет.

Ориоли в ответ только презрительно скривил губы, словно говоря: «Неужели бледнолицый думает, что я,

подобно людям его расы, такой глупец, что собьюсь с дороги в лесу?»

— Отлично, мой краснокожий друг! — продолжал кавалер шутливо. — Я вижу, ты найдешь дорогу к Дэнси. Но мне нужно, чтобы ты отправился еще дальше. В том же направлении, в полумиле от него, стоит другая хижина, где живет другой лесник. Ты его тоже видел здесь — такой молодой человек, белобрысый, со светлыми бровями.

Ориоли подтвердил, что он видел этого человека. Но в глазах индейца промелькнуло выражение, свидетельствовавшее о его неприязни к вышеописанной личности.

— Так вот, — продолжал кавалер, не подавая виду, что он заметил это выражение, — я хочу, чтобы Дэнси и этот белобрысый паренек — оба пришли ко мне как можно скорее. Ты сначала ступай к Дэнси, а если тебе самому трудно будет отыскать второго, Дэнси пойдет с тобой. Скажи им, чтобы они приготовились к двухдневному путешествию... Как жаль, что ты не можешь говорить, бедняжка! Но ничего: Дэнси поймет твои знаки.

Индеец то ли не слышал, то ли сделал вид, что не слышит это изъявление сочувствия; он бесшумно скользнул к двери и тотчас же исчез, словно призрак.

— В ночь на двадцатое... — задумчиво промолвил Генри Голтспер, снова подходя к столу с пером в руке. — Немного времени мне остается! Дик и его будущий зять тотчас же должны отправиться в путь. Не знаю, вполне ли можно доверять этому Уэлфорду, хотя старый охотник и доверяет ему. Мне всегда внушали подозрение белесые брови. Как-то раз я поймал в его серо-зеленых глазах выражение, которое мне не понравилось. И сегодня, когда я вступился за его нареченную, я заметил, что он глядит на меня не очень-то благодарным взглядом. Может быть, он приревновал, что его возлюбленная поднесла мне цветы? Ах, если бы он знал, как мало меня трогает это подношение в сравнении с тем, другим даром! Если бы он только знал, как я страдаю... может быть, он не смотрел бы на меня так угрюмо! В конце концов, он довольно грубый малый, совершенно

недостойный этой дикой лесной птички, Бет Дэнси. У нее вид настоящей орлицы, и ее возлюбленный должен быть орлом, достойным ее. Может быть, я и мог бы дать повод к ревности этому грубияну, если бы его черноволосая красавица не терялась в сиянии ослепительных золотых лучей. Ах, Марион, Марион! В твоем присутствии — да и без тебя — все другие лица кажутся мне бесцветными. И красотки и дурнушки — для меня все они на одно лицо!.. Но надо же поторопиться, — спохватился он, отрываясь от своих мыслей. — Ведь я должен приготовить дюжину писем к приходу моих посланных, а я не такой уж бойкий писец. Хорошо, что это просто приглашения: достаточно каждому черкнуть одно слово.

Голтспер быстро придвинул стул к столу и занялся письмами.

Он писал, не отрываясь, до тех пор, пока на столе не выросла пачка в десять — двенадцать писем; он тут же запечатал их и напечатал имена адресатов, которые все принадлежали к местному дворянству.

— Кажется, все, — пробормотал он, еще раз просматривая имена. — Вместе с теми, кого вызовет Гарт, это составит внушительный отряд — верных приверженцев *дела*, ревнителей свободы Англии.

В то время как он предавался этим размышлениям, в комнате бесшумно, как тень, появился индеец.

Он жестами сообщил хозяину, что оба человека, за которыми его посылали, пришли вместе с ним и ждут на дворе.

— Веди их сюда, — приказал Голтспер, — по одному! Сначала Дэнси, а когда Дэнси выйдет, — другого.

Ориоли мгновенно исчез, и вскоре в прихожей слышались тяжелые шаги.

В дверь постучали. Голтспер крикнул: «Войдите!» — и на пороге появился лесоруб и браконьер Дик Дэнси.

Это был человек исполинского роста, с огромными руками и ногами, которые он, казалось, не знал, куда девать; одного взгляда на эти могучие кулаки было достаточно, чтобы убедиться, какой геркулесовской силой обладает этот великан.

По его лицу никак нельзя было сказать, что это дурной человек: у него был открытый, честный взгляд, что несколько противоречило установившейся за ним репутации браконьера. Возможно, в то время, как и в наши дни, подстрелить тайком дичь или заманить фазана в силки не считалось настоящей кражей; как бы то ни было, Дик Дэнси, известный своими подвигами по этой части, во всех иных отношениях считался порядочным человеком...

Во всяком случае, это был человек незаурядный как по своей внешности, так и по своим моральным качествам. Его мускулистое тело, громадная голова и пронзительные темно-карие глаза, зоркие, как у орла, придавали ему не только внушительный, но и грозный вид. Он всегда ходил в выцветшем плисовом камзоле, в грубых штанах, доходивших ему до половины икр, и в толстых шерстяных гетрах, обхватывающих его ноги поверх тяжелых башмаков из дубленой кожи. На голове он носил круглую шапку из пестрого собачьего меха, из-под которой во все стороны торчали его длинные волосы.

Снаряжение, которое он захватил с собой, приготовившись отправиться в дальний путь, состояло из кожаной сумы, перекинутой на ремне через правое плечо. У левого бедра, словно для равновесия, покачивалось что-то вроде меча — то ли охотничий нож, то ли тесак. В руке он держал большую суковатую палку.

— Дэнси, — сказал Голтспер, как только браконьер всшел в комнату, — у меня к тебе есть дело. Ты, я знаю, хороший ходок. Надеюсь, ты не откажешься стать денька на два моим посланцем?

— Любое ваше поручение, сударь, — ответил лесник, неуклюже кланяясь, — сочту за великую честь, а особенно после сегодняшнего происшествия, или, вернее сказать, вчерашнего, потому как уже занимается новый день. Моя дочка, сударь, — я за Бет могу поручиться, — хорошая девушка, хотя, может статься, и малость строптивая. Уж она вам так обязана, сударь, так благодарит вас...

— Полно, Дэнси, я не заслуживаю благодарности

твоей дочки. Я сделал для нее только то, что считал своим долгом, и я сделал бы это для каждого, даже самого ничтожного человека. Сказать по правде, твоя дочь, пожалуй, и не нуждалась в моем вмешательстве. Она уже нашла себе достойного защитника в отважном Робине Гуде...

— Ах, сударь, — прервал браконьер, наклоняясь к Голтсперу, словно собираясь сказать ему что-то по секрету, — ведь вот поди разбери! Его-то она и не поблагодарила, и бедный малый просто из себя выходит, что она его ни во что не ставит. Уж как я ее ни уговариваю, чтоб она поладила с парнем, — потому как я считаю — отличный малый и к Бет, как надо, относится, — да все без толку, сударь, ничего не слушает! Вот правильно говорится в пословице: «Кобылу к воде подвести один человек может, а заставить ее пить, коли она не хочет, не могут и сорок человек».

— По-моему, друг Дэнси, — спокойно возразил кавалер, — тебе следовало бы предоставить твоей дочери самой разбираться в том, чего ей хочется, особенно в том деле, о котором ты говоришь. Ее чувства верней подскажут ей, что для нее хорошо.

— Ах, сударь, — вздохнул нежный родитель прекрасной Бетси, — если дать ей волю делать все, что ей хочется, так она живо себя загубит! Не то что она плохая девушка, моя Бетси, нет! Она девушка хорошая, что и говорить. Да слишком уж она у меня своевольна, сударь, да притом еще и гордячка — все тянется к тем, кто повыше ее. Поэтому она и на Уилла глядит сверху вниз. Ведь он, сударь, такой же бедный лесник, как и я.

Может быть, Голтспер и подозревал, что у красавицы Бетси есть другие причины не любить Уилла Уэлфорда, но сейчас было не время толковать об этом, и он без дальних разговоров перешел к делу, ради которого позвал к себе старого лесника.

— Вот шесть писем, которые надо доставить по назначению, — сказал он, беря письма со стола. — Посмотри, — добавил он, поднося их к лампе, — я поставил номера на каждом, чтобы ты знал, в каком порядке их разносить по домам, так, чтобы не ошибиться. Мне не-

чего говорить тебе, Дэнси, что каждое письмо ты должен передать в собственные руки адресата или не отдавать его вовсе.

— Понятно, сударь. Я не должен отдавать его никому, кроме того, кому оно предназначено. Можете положиться на Дика Дэнси!

— Знаю, Дик, потому-то я и поручаю тебе это дело. Хотелось бы мне отдать тебе и остальные письма, но, к сожалению, это невозможно. Их надо доставить совсем в другую сторону, и я их пошлю с другим человеком.

— Со мною здесь Уилл Уэлфорд, сэр. Ведь вы за ним тоже посылали?

— Посылал. Так ты думаешь, ему можно верить, Дэнси?

— Что вы, сударь! Можете не опасаться! Он ни церковь, ни короля не почитает. И уж не раз сидел за это в колодках.

— Ха-ха-ха! — расхохотался Голтспер. — Вот так рекомендация о надежности! Но не беда! Он не будет знать, зачем его посылают, поэтому нет ничего опасного в том, что он понесет письма.

Дэнси, видя, что Голтсперу не терпится, чтобы он поскорее отправился в путь, не стал задерживаться, но, прежде чем выйти из дома в холодную предрассветную мглу, подкрепился кружкой доброго эля, которую ему по приказанию хозяина поднес Ориоли.

Затем в комнату вошел Уилл Уэлфорд, тот самый, что исполнял роль Робина Гуда на сельском празднике.

Он уже снял зеленый плащ и теперь был в своей обычной серой куртке и широких, как юбка, штанах, стянутых на икрах. На ногах у него были все те же зеленые шерстяные чулки, в которых он изображал разбойника, и те же высокие сапоги, подбитые гвоздями, а на голове шляпа с высокой тульей, украшенной петушиными перьями, заткнутыми за алую ленту, та самая, в которой он плясал на сельском празднике.

Вообще говоря, костюм лесника был не лишен некоторого изящества. Его откровенное щегольство ясно показывало, что он очень гордится своей внешностью. По правде сказать, у него было мало оснований гордиться-

ся собой. На празднике он отнюдь не блистал в роли благородного разбойника Шервудского леса, а теперь, когда он снимал с себя свои павлиньи перья, совсем не был похож на человека, которого красавица Бет Дэнси могла бы выбрать своим рыцарем.

Выражение его лица, злобное от природы, было не то что мрачно, а угрюмо, и во взгляде водянистых, рыбьих глаз было что-то трусливое и неискреннее.

Уилл Уэлфорд явно был не из тех людей, на кого можно вполне положиться. Такой человек, поддавшись дурному чувству, способен предать своего же единомышленника.

Генри Голтспер относился к нему с подозрением и поэтому воздержался посвятить его в тайну этих шести писем, которые поручил ему доставить по назначению. Он только назвал ему имена дворян, коим их надлежало вручить.

Пообещав с готовностью выполнить поручение, лесник вышел из комнаты, но, едва очутившись в темной передней, оглянулся через плечо, и по его злобному взгляду нетрудно было догадаться, какие чувства питает он к Голтсперу.

Таким же недоверчивым и злобным взглядом он смерил молодого индейца, когда тот с явной неохотой подал ему на прощанье кружку эля.

Он молча взял кружку из рук Ориоли, молча осушил ее, не пожелав здоровья ни хозяину, ни слуге, и, не поблагодарив, сунул ее обратно в руки бесстрастно наблюдавшего за ним индейца.

С угрюмым «до свиданья» Уилл Уэлфорд направился по коридору к выходу и скоро скрылся из виду.

Ориоли вернулся в комнату, где сидел его хозяин, и остановился у двери, дожидаясь, пока тот обернется. Когда Голтспер оглянулся, индеец поднял правую руку и, вытянув ее горизонтально ладонью вниз, описал в воздухе широкую кривую.

— Хороший, говоришь ты? Кто хороший?

Индеец знаком показал, что он еще не договорил.

— А, ты хочешь что-то еще сказать? Ну, продолжай.

Рука снова поднялась, описывая волнистую кривую, но на этот раз с поднятым большим пальцем.

— Нет, — сказал Голтспер, читая этот знак, — нехороший, ты хочешь сказать? Тот, кто сейчас вышел?

Ориоли кивнул головой и одновременно с этим приложил к губам указательный и средний пальцы, а затем, раздвинув их, отодвинул от губ, показывая этим, что слова лесника идут в двух направлениях, то есть, иначе говоря, что он двуязычен.

— Лжец? Обманщик? Ты так думаешь, Ориоли? Я и сам это подозреваю. Но не бойся, я не собираюсь очень доверяться ему. Но вот что, мой верный краснокожий, ты ведь устал без сна всю ночь. Закрой-ка дверь, чтобы в дом не забрались крысы и воры, и ложись спать. Я надеюсь, больше к нам никто не приедет, пока мы с тобой хорошенько не выспимся. Иди спать, мой друг!

И с этими словами кавалер взял лампу со стола и, выйдя из библиотеки, направился к себе в спальню.

Глава XXV

НА ПОСТОЕ

Замок сэра Мармадюка Уэда стоит на крутом склоне одного из центральных холмов бэлстродского парка; это великолепное здание из красного кирпича с облицовкой из белого камня, привезенного из-за моря, с канских каменоломен.

Он выстроен в норманском стиле: высокие массивные стены и полукруглые романские арки над дверьми и окнами.

К замку ведет тенистая аллея, которая перед самым домом переходит в роскошный цветник, а позади дома находится обширный двор, в самом конце которого расположены конюшни, службы и другие хозяйственные постройки.

Двор с одной стороны примыкает к саду, куда можно войти через высокую чугунную калитку. Глубокий

ров с остатками укреплений на стенах идет вокруг всей усадьбы, опоясывая сад, двор и парк и придавая владению сэра Уэда вид укрепленного замка.

На другое утро после праздника в Балстрод Парке двор усадьбы представлял собой необычайное зрелище. Если бы кто-нибудь посторонний заглянул в высокие ворота с аркой, он мог бы принять этот обширный квадратный участок, обнесенный стенами, за казарменный двор. Вдоль стен рядами стояли лошади, поводья их были привязаны к крюкам, только что вбитым в каменную кладку, а солдаты, в широких шароварах и ботфортах, в сорочках с подвернутыми выше локтей рукавами, усердно чистили их.

Тут же на земле стояли кожаные ведерки с водой, и на каменных плитах двора поблескивали лужи.

Кое-кто из солдат расположился на скамьях, другие сидели на корточках, разложив толстую попону прямо на земле, и занимались чисткой оружия, стальных кирас, набедренников и шлемов, стараясь довести их до яркого блеска, а потом развешивали их на стенах под навесом, который они сами же устроили для хранения своих доспехов.

Под тем же навесом были расставлены ряды козел, на которых были аккуратно развешаны драгунские седла. Все стены под навесом были сплошь увешаны уздечками, шпорами, пистолетами, кобурами, шпагами и разным другим оружием.

Вряд ли стоит объяснять, что все эти люди и кони, седла, уздечки, оружие и доспехи представляли собой составные элементы отряда кирасиров капитана Скэрти.

Ржание коней, лай собак, крики и перебранка шести десятков солдат на полудюжине разных наречий — все это превратило тихий, спокойный двор усадьбы сэра Мармадюка в сущий ад, ибо, не говоря даже о всех других звуках, разговоры, которые обычно вели между собой кирасиры Скэрти, вряд ли уж так отличались от того, что можно было бы услышать в этом мифическом месте, если бы туда удалось проникнуть.

Однако, вопреки своей репутации отчаянных буянов,

На другое утро после праздника двор Балстрод

кирасиры вели себя значительно лучше, чем обычно, как будто их что-то сдерживало. Они были шумны и веселы, радовались тому, что им попалась такая отличная квартира, но они не позволяли себе ничего оскорбительного или вызывающего по отношению к сбитателям усадьбы.

Если хорошенькой горничной случалось пробежать по двору в сад или куда-нибудь еще, она непременно попадала под обстрел приветственных возгласов и любезностей на французском, фламандском или английском языке, но если не считать этого, то поведение кирасиров было не хуже, чем поведение большинства солдат, присланных на постой.

Командир не разрешил солдатам разместиться в доме, и они расположились на ночлег в надворных строениях, о чем свидетельствовали соломенные постели, разбросанные на полу амбара и других служб, где они провели ночь. Такая учтивая покладистость солдат ка-

Парка представлял собой необычайное зрелище.

питана Скэрти по отношению к хозяину усадьбы отнюдь не вязалась с характером их командира, и, чтобы рассеять недоумение читателя, мы приведем здесь разговор Скэрти с корнетом Стаббсом.

Оба офицера находились в большой гостиной, отведенной для них в восточном флигеле дома. Стоит ли говорить, что это была великолепно обставленная комната! Усадьба сэра Мармадюка Уэда была не только одной из самых старинных, но и одной из самых богатых того времени. Стены гостиной были обиты испанской кожей, тисненной геральдическими эмблемами; зеленые бархатные гардины на громадном окне-фонаре спускались тяжелыми складками до самого пола, великолепная мебель с чудесной резьбой представляла редчайшее собрание прекрасных произведений средневекового искусства.

Массивный круглый стол посреди комнаты был покрыт тяжелой скатертью из яркой узорчатой дамас-

ской ткани, а на полу, вместо брюссельских или турецких ковров, лежали гладкие циновки из блестящего тростника, сплетенного красивым узором.

Скэрти сидел, развалившись, в кресле, обитом алым бархатом, а корнет, который только что вошел в комнату, стоял перед ним как на аудиенции, точно собираясь о чем-то рапортовать.

Оба офицера были без доспехов и, против обыкновения, даже без стальных кирас.

Скэрти был одет по последней моде и обращал на себя внимание обилием всевозможных украшений. На нем были камзол из желтого атласа, короткие атласные штаны, отделанные внизу шелковой лентой с золотыми застежками. Широкий вандейковский кружевной воротник, такие же манжеты и алый пояс, также расшитый золотом; ноги его были обуты в ботфорты из желтой кожи, а их широкие отвороты были пышно отделаны тонким белоснежным батистом.

Несмотря на мертвенную бледность и мрачное, почти злое выражение, нередко мелькавшее на его лице, капитан Скэрти мог назваться красивым человеком. В глазах многих придворных дам он считался необыкновенно интересным; и сейчас, когда он сидел, непридуманно откинувшись, в кресле и перекинутый через его правое плечо алый шарф перекрещивался с другим, более темного оттенка, завязанным петлей, в которой покоилась его правая рука, он бесспорно производил впечатление.

Раненый мужчина, в особенности если он был ранен на поединке, опасен для взоров чувствительных молодых леди. Возможно, что капитан Скэрти проникся этой не слишком глубокой истиной. Возможно, что такая мысль пришла ему в голову в это самое утро, когда он завершал перед зеркалом свой туалет.

Корнет Стаббс не отличался ни красотой, ни изяществом, однако всякий, кто был знаком с обычным неряшливым видом Стаббса, не мог не заметить, что в это утро он оделся особенно тщательно.

На нем была его обычная кожаная куртка, но с чистым воротником и чистыми манжетами, и его пухлое

румяное лицо также было чисто вымыто, что бывало далеко не всегда.

Даже его соломенные волосы чуть-чуть блестели, точно их недавно старательно приглаживали щеткой.

Щеки Стаббса пылали, а в глазах появился мягкий блеск, свидетельствовавший о каком-то душевном волнении, о каких-то более тонких мыслях, чем те, которые владели им обычно. Словом, у Стаббса был вид человека, который имел несчастье влюбиться.

Корнет стоял молча, как будто, сделав рапорт, он теперь ожидал ответа.

— Я рад, что они приняли это так спокойно, — сказал капитан в ответ на сообщение, которое ему сделал корнет. — Наши молодцы не привыкли спать в конюшнях, когда под боком у них прекрасный дом. Но мы теперь в Англии, Стаббс, и здесь не годится вести себя так, как во Фландрии. Мы можем восстановить этим здешний народ против нашего доброго короля.

— Да, верно, — тупо подтвердил Стаббс.

— А кроме того, — продолжал капитан, обращаясь скорее к самому себе, чем к своему подчиненному, — у меня есть и другая причина не позволять им грабить и вольничать до поры до времени. Может наступить такой момент, когда окажется выгодно «нажать». Кошка играет с мышью, прежде чем съест ее. А что, эти бездельники ворчали на мои приказания?

— Нисколько! Ей-богу, нет! Они слишком привязаны к вам.

— Так вот что, корнет: когда вы пойдете к ним, можете обещать им вдоволь мяса и пива. И того и другого они получают полный рацион, а может быть, и двойной. Но чтобы не смели самовольничать и таскать! Скажите им, чтобы соблюдали восьмую заповедь, и, если кто-нибудь посмеет ее нарушить, пусть знает: тут же вздерну на сук! Им надо внушить, что мы сейчас не на войне, хотя, бог знает, не придется ли нам скоро опять воевать. Судя по тому, что я слышал и видел вчера среди этого сброда, я не удивился бы, если бы король еще до весны приказал нам расправиться с ними.

— Очень на то похоже, — согласился Стаббс.

— Мне-то все равно, когда бы это ни случилось, — задумчиво продолжал капитан кирасиров. — Чем скорее, тем лучше! Но только если дело дойдет до драки, нас отсюда отзовут, а после этих чертовских маршей и контрмаршей я не прочь отдохнуть немного. Мне кажется, я мог бы чудесно насладиться здесь полным бездельем — так, месяц-другой. Ведь недурна квартира?

— Ну, еще бы!

— И девушки тоже недурны... Вы их видели?

— Да, мельком в окно, в то время как я одевался. Я видел — их было две на террасе.

— Их только две и есть — дочь и племянница. Ну, корнет, признавайтесь: которая из них?

— Пожалуй, маленькая мне больше по вкусу. Красотка, черт побери!

— Ха-ха-ха! Как же я не догадался! — воскликнул капитан. — Да, — продолжал он, понизив голос, словно рассуждая сам с собою, — я думаю, да и всегда так думал, что мать-природа создала некоторые души, совершенно не способные оценить ее лучшие произведения! Вот передо мной человек, который искренне считает, что эта маленькая егоза и жеманница красивее своей царственной сестры. А эта женщина, на взгляд человека со вкусом и опытом, обладает такими достоинствами! Редкими достоинствами. Ха-ха-ха! Стаббс — что он видит? Юбку да корсаж! Я вижу много больше — нужно ли говорить! — душу. Он видит хорошенькие губки, блестящие глазки, красивый носик, пышные косы и влюбляется без памяти в то или другое. А для меня это не только губы, взгляд или волосы, а все вместе — и губы, и глаза, и нос, и щеки, и кудри — неотделимо от души!

— Ну это уж чересчур высоко — мечтать о таком совершенстве! — воскликнул Стаббс, который стоял и слушал этот восторженный монолог.

— Да-да, совершенство, так оно и есть, корнет!

— Но где же вы его отыщете? Думаю, что нигде.

— Вы слепы, корнет! Слепы, слепы, как крот, иначе вы еще нынче утром увидели бы его!

— Согласен, — сказал корнет. — Я видел нечто

очень близкое к нему — более близкое, чем я видел за всю свою жизнь. Я, право, не думаю, что во всей Англии найдется еще столь прелестное создание. Нет, черт возьми, не думаю!

— Какое создание?

— Да та самая малютка, о которой мы с вами говорим! Ее зовут мисс Лора Лавлейс. Я узнал это от ее горничной.

— Ха-ха-ха! Вы просто дурень, Стаббс, к счастью для вас! К счастью для меня, хочу я сказать. Будь вы одарены вкусом или рассудком, мы могли бы стать соперниками, а это, мой очаровательный корнет, было бы для меня большим несчастьем. Но теперь наши пуги идут врозь. Вы видите что-то — ни вы, ни я не можем сказать, что именно, — в мисс Лоре Лавлейс. А я вижу нечто в ее кухне, и я могу понять и понимаю, что это такое. Я вижу совершенство! Да, Стаббс, сегодня утром у вас перед глазами была не только самая красивая женщина Бэкингемского графства, но, может быть, самая прекрасная в Англии! А вы этого не поняли. Ну, не беда, достойный корнет! О вкусах не спорят. А ведь как хорошо, что не все думают одинаково!

— Верно, черт возьми! — согласился корнет. — Мне так маленькая больше нравится.

— Вы ее и получите. А теперь, Стаббс, раз я не могу выйти из комнаты с раненой рукой, подите вы и постарайтесь увидеть сэра Мармадюка. Постарайтесь загладить вчерашнюю грубость и дайте ему понять — как-нибудь так, обиняком, — что мы с вами вчера перехватили лишнего на постоялом дворе. Расскажите о нашей последней кампании во Фландрии, о том, что там мы привыкли к вольной жизни. Словом, говорите что хотите, но постарайтесь смягчить его и расположить к нам. В конце концов, я не думаю, что этот почтенный дворянин так уж нелоялен. По всей вероятности, эта история с отзывом от двора его юного отпрыска и вызвала неудовольствие короля. Сделайте все возможное, чтобы настроить его дружелюбно. Помните: если вам это не удастся, мы с вами только и сможем, что посматривать на этих красоток через окно, как вы сегодня утром.

И нечего и думать навязать им наше общество! Если мы только попытаемся это сделать, сэр Мармадюк может отправить своих цыплят в другое гнездышко, и тогда, корнет, наша квартира будет довольно скучной.

— Что же, мне сейчас пойти к сэру Мармадюку? — спросил корнет.

— Чем скорей, тем лучше. Я думаю, они уже позавтракали. В деревне встают рано. Попробуйте пройти в библиотеку. По всей вероятности, вы его найдете там: он слышет любителем книг.

— Сейчас же иду, черт возьми!

И с этим привычным восклицанием корнет торопливо вышел из комнаты.

— Я должен овладеть этой женщиной! — сказал Скэрти, поднявшись с кресла, и с решительным видом зашагал по комнате. — Я должен овладеть ею, даже если я погублю свою душу! О красота, красота! Единственная подлинная владычица мира! Ты можешь превратить тигра в кроткого ягненка, а ягненка сделать свирепым тигром! Чем я был вчера, как не тигром? Сегодня я покороен, укрощен, я кроток, как сосунок. А, черт! Если бы я только знал, что такая женщина смотрит на нас, — а ведь она была там, в этом нет никаких сомнений, — я мог бы избежать этого злополучного поединка. Она все видела, не могла не видеть! А я сброшен с лошади, побежден! О проклятье!

Это хриплое восклицание, вырвавшееся у него сквозь зубы, и злобное выражение лица красноречиво показывали, как горько он переживает свое унижение. И не только боль от вчерашней раны, — хотя это, наверно, усиливало его ярость, — терзала его, но и боль поражения, поражения на глазах у такой женщины, как Марион Уэд!

— Проклятье! — воскликнул он снова, в волнении расхаживая взад и вперед. — Кто этот человек? Что он представляет собой? Мне сообщили только его имя — и ничего больше! Голтспер! Сэр Мармадюк до вчерашнего дня не знал его. Но тогда, значит, и она не знала его? Разве могла у него быть возможность познакомиться с ней? Нет-нет! А может быть... — продолжал

он помолчав, и лицо его немного прояснилось, -- может быть, они и сейчас не знакомы? Ведь, может быть, она и не видела этого злосчастливого поединка? Кто знает, была ли она там? Во всяком случае, я ее не видел. В конце концов, ведь это может быть и женатый человек. Не так уж он молод. Но нет, я забыл про эту перчатку на его шляпе! Вряд ли это перчатка его жены. Ха-ха-ха! Но разве это что-нибудь доказывает? Я сам был когда-то женат, и это не мешало мне носить на шляпе любовные сувениры. Хотел бы я знать, кому принадлежит эта перчатка! Ах, черт возьми!

Скэрти теперь уже не ходил, а метался по комнате, как будто бурный поток мыслей увлекал его за собой. Но едва это проклятье сорвалось с его уст, он вдруг точно застыл на месте, приковавшись взглядом к какому-то попавшемуся ему на глаза предмету.

Прямо перед ним на маленьком столике, стоявшем в глубине комнаты, лежала небрежно брошенная перчатка. Это была дамская перчатка с прикрепленными к ней отворотами, расшитыми золотой нитью и украшенными кружевом. Она казалась парой той перчатки, которая занимала сейчас его мысли, той самой перчатки, которая вчера красовалась на шляпе Генри Голтспера!

— Клянусь небом, та же самая! — воскликнул он, и вся краска отхлынула от его лица, когда он, наклонившись, стал разглядывать ее. — Нет, не та же самая, — промолвил он, взяв перчатку и внимательно вглядываясь в нее. — Не та же самая, но парная к ней! Сходство полное: кружево, вышивка, узор — все! Я не могу ошибиться! — И, произнося эти слова, он злобно топнул ногой. — Здесь что-то кроется! — продолжал он, овладев собой. — До вчерашнего дня сэр Мармадюк не знал его. Он не может быть знаком с дочерью сэра Мармадюка! И тем не менее он открыто носит ее перчатку на своей шляпе. Но ее ли та перчатка?.. А чья же? Может быть, она принадлежит той, другой, племяннице? Нет-нет! Как ни мала эта перчатка, все же она слишком велика для крошечной лапки. Это перчатка Марион!

Несколько секунд Скэрти стоял, вертя в руках замшевую перчатку и рассматривая ее со всех сторон. Его побуждало к этому не простое любопытство; более сильное чувство отражалось на его мрачно нахмуренном и побледневшем лице.

— Меня опередили, клянусь небом! — воскликнул он, и глаза его сверкнули отчаяньем и гневом. — Лежи здесь, — промолвил он, пряча перчатку на груди под камзолом. — Лежи здесь, страшная улика, поближе к моему сердцу, которое ты отравила горькими подозрениями! Сейчас ты никому не нужна, но... как знать!.. может, ты мне еще пригодишься.

И, охваченный мучительным чувством горечи и злобы, он с мрачной решимостью снова зашагал по комнате.

Глава XXVI

БУДУАР

Теплый золотистый свет осеннего солнца пробивался сквозь полураздвинутые занавеси окна в доме сэра Мармадюка Уэда.

Время было после полудня; окно, о котором шла речь, находилось в верхнем этаже и выходило на запад; из него открывался один из самых живописных видов бэлстродского парка. Солнечные лучи, проникая сквозь раздвинутые занавеси, освещали прелестно убранную комнату с изящной обстановкой, по которой можно было с первого взгляда сказать, что это спальня юной леди.

Доказательство этому было налицо, так как сама юная леди стояла сейчас в оконной нише между раздвинутыми занавесями.

Солнечные лучи, сливаясь с золотом ее волос, казалось, не жились в этих золотистых косах. И солнечный свет тонул в ее голубых глазах, как в бездонном синем небосводе. На щеках ее играл нежный румянец; может быть, он был немножко бледнее обычного и напоминал собой чуть розовеющие облачка, тающие в закатном не-

бе. Но никакое волнение не могло согнать краску с лица Марион Уэд — розы на ее щеках никогда не уступали места лилиям.

Юная леди стояла у окна и смотрела вдаль. Она обводила пытливым взглядом склоны холмов, всматривалась в густую завесу листвы ветвистых каштанов, в перелески и рощицы, где медленно бродило пестрое стадо или вдруг по зеленой опушке стремительно проносилась лань. Но ничто в этой панораме, открывавшейся перед ее взором, не вызывало у нее интереса и не привлекало ее внимания.

Чаще всего взгляд ее устремлялся к высоким воротам с серыми каменными столбами, сплошь заросшими плющом. Это был не главный въезд в парк; этими воротами пользовались лишь в редких случаях; они выходили с западной стороны ограды прямо на большую дорогу. Отсюда был кратчайший путь на Каменную Балку.

В этих заросших плющом столбах не было ничего примечательного, что могло бы так заинтересовать Марион Уэд. Не было ничего замечательного и в старых, заржавленных воротах, выкрашенных в красную краску. Она видела эти ворота не один раз в день, стояло только выглянуть из окна своей комнаты. Почему же теперь она так упорно не отрывала от них взгляда?

Чтобы узнать это, нам придется заглянуть в ее мысли.

«Он обещал приехать сегодня. Он сказал это Уолтеру, когда уезжал, после того как одержал победу над тем человеком, который так ненавидит его... и еще большую победу над той, которая его любит. Нет, эту победу он одержал уже давно! О боже! Так, значит, это любовь! Вот почему я так стремлюсь его увидеть!»

— Ах, Марион, ты еще не одевалась к обеду? А ведь осталось всего пять минут!

Это восклицание принадлежало хорошенькой Лоре Лавлейс, которая только что, переодевшись к обеду, смеясь и сияя, вбежала в ее комнату.

На сердце у нее не было никакой тяжести, и ничто не омрачало ее хорошенького личика. Она провела с Уолтером все утро, и это, по-видимому, было отнюдь не огорчительно.

— Я не собираюсь переодеваться, — возразила Марион. — Я пойду обедать в том, в чем я сейчас.

— Как, Марион! А эти чужие офицеры, которые будут обедать с нами?

— Какое мне дело до чужих! Вот именно поэтому я и не хочу одеваться. И если бы отец не настаивал, я просто не вышла бы к обеду. Сказать по правде, Лора, меня даже удивляет, что ты так стараешься понравиться людям, которых нам навязали силком. Которому же из двух ты расставляешь сети, милочка? Тщеславному командиру или его дураку-помощнику?

— О! — воскликнула Лора, укоризненно надув губки. — Ты обижаешь меня, Марион. Я одевалась вовсе не для них. Ведь не одни же они будут за столом! Кроме них, будут и другие.

— А кто же? — спросила Марион.

— Ну, как... кто... — запинаясь, ответила Лора и вспыхнула. — Ну, разумеется, дядя, сэр Мармадьюк...

— И все?

— А еще... кузен Уолтер...

— Ха-ха-ха, Лора! Вот удивительно, что тебе пришло в голову так нарядиться для отца и Уолтера! Но, кажется, уже пора идти. Да я, собственно, уже готова, вот только придется пойти на уступки моде и заколоть косы. Ну, и еще вымыть руки.

— О, Марион!

— Нет-нет, никаких лент, только несколько шпилек, чтобы закрепить эту гриву! Я бы с удовольствием остригла волосы. Ой, я, кажется, готова выдрать их с досады!

— С досады? Отчего?

— Как — отчего? Да оттого, что мне противно сидеть с этими хвастунами, в особенности когда хочется быть одной!

— Но, кузина, ведь эти офицеры не виноваты, что им приходится быть здесь. Они должны подчиняться

приказу короля. Они ведут себя очень вежливо. Так мне казал Уолтер. А кроме того, дядя велел нам обращаться с ними любезно.

— Ну нет, от меня они не дождутся любезности! Я буду на все отвечать только «да» и «нет», да и то не слишком любезно, если они не заслужат этого.

— А если заслужат?

— Если заслужат...

— Уолтер говорит, что они очень извинялись и выражали сожаление...

— Сожаление? По поводу чего?

— По поводу того, что необходимость заставляет их жить у дяди в качестве непрощенных гостей.

— Не верю, не верю ничему! Вспомни, как они отвратительно вели себя вначале! Как он осмелился на глазах у всех поцеловать эту девушку — Бет Дэнси! Он получил поделом за свою наглость, этот капитан Скэрти! А теперь, видите ли, «он жалеет»! Не верю я этому, Лора! Это лицемерный, лживый человек. Ложь и тщеславие написаны на его лице. А что касается корнета, так на его лице можно прочесть только одно — глупость!

Пока они вели этот разговор, Марион успела закончить свой туалет. Ей не было необходимости прихорашиваться перед зеркалом — она была одинаково прекрасна в любом платье. Природа создала ее, как некий совершенный образец, и все ухищрения искусства были бессильны изменить что-либо в этом чудесном замысле.

Приготовление Марион к обеду состояли в том, что она заменила свой утренний корсаж другим, с короткими рукавами, обнажавшими почти до плеча ее белоснежные руки. Затем она ловко скрутила в тяжелый узел свои пышные золотые волосы и заколола их на затылке двумя большими шпильками. После этого она вымыла руки в тазу, поспешно вытерла свои розовые пальчики и, бросив полотенце на стул, крикнула Лоре: «Идем!»

Они вместе сошли в столовую, где оба офицера с нетерпением ждали их

Принимая во внимание обстоятельства, которые заставили сэра Мармадюка пригласить к своему столу этих посторонних людей, неудивительно, что обед протекал в натянутой обстановке.

Подчеркнутая учтивость, с которой хозяин обращался к своим незванным гостям, не помогла рассеять чувство некоторого замешательства, проявлявшегося в разных мелочах.

Капитан кирасиров прилагал все усилия разбить лед. Он неоднократно выражал свои сожаления по поводу того, что ему приходится пользоваться этим вынужденным гостеприимством; он даже осмелился выразить свое неодобрение королю за то, что он поставил его в такое неудобное положение.

Можно было бы подумать, что сэр Мармадюк смягчается, слушая эти любезные речи своего коварного гостя, если бы время от времени из-под косматых бровей старого рыцаря не сверкал недоверчивый взгляд; но это мог заметить лишь очень внимательный наблюдатель.

Марион, верная своему обещанию, на все отвечала односложно, хотя ее прекрасное лицо не выражало ни недоверия, ни отвращения. Дочь сэра Мармадюка Уэда была слишком горда, чтобы позволить себе обнаружить что-либо, кроме равнодушия. Если она чувствовала презрение, этого нельзя было заметить ни по ее глазам, ни по ее невозмутимо холодной улыбке.

Тщетно старался капитан Скэрти вызвать ее восхищение. Все его любезности принимались с ледяным равнодушием, а на его остроты и шутки отвечали легкой усмешкой, как того требовала вежливость.

Если Марион иногда и обнаруживала некоторые признаки волнения, то это было лишь тогда, когда взгляд ее устремлялся к окну; казалось, ей хотелось что-то увидеть там, за окном. Грудь ее бурно поднималась, как если бы она сдерживала вздох, как если бы мысли ее были с кем-то, кого здесь не было.

Как ни трудно было заметить эти признаки волнения у Марион, они не остались незамеченными для такого опытного человека, как Скэрти. Он увидел их и наполо-

вину угадал их значение; лицо его омрачилось, когда он представил себе, как горько обманулся в своих надеждах.

Хотя Скэрти сидел спиной к окну, он несколько раз оборачивался посмотреть, не видно ли там кого-нибудь.

После нескольких бокалов вина он сделался менее осторожным, его восхищенные взгляды стали смелее, его разговор — не столь осмотрителен и сдержан.

Корнет говорил мало. Время от времени он подтверждал чувства своего командира кратким односложным восклицанием. Но хотя Стаббс сидел молча, он был далеко не удовлетворен тем, что наблюдал за столом; взгляды, которыми обменивались Уолтер и Лора, сидевшие рядом, отнюдь не доставляли ему удовольствия. Он очень скоро обнаружил, что кузен и кузина питают друг к другу нежные чувства, и тут же сделал вывод, что сын сэра Мармадюка стоит ему поперек дороги.

Скоро на его тупом, ничего не выражавшем лице появилось что-то похожее на ревность, глаза вспыхнули такой же злобой, какой сверкал орлиный взгляд капитана кирасиров.

Обед прошел без всяких неприятных осложнений, и через некоторое время все разошлись: сэр Мармадюк извинился, что его призывают дела, а дамы, простившись с гостями, отправились к себе.

Уолтер, из любезности, задержался на несколько минут дольше в обществе офицеров, но, так как все чувствовали себя натянуто, он с удовольствием присоединился к их тосту «За короля!» — после чего сразу откланялся, так как этот тост и поныне принято считать заключительным.

Уолтер пошел разыскивать сестру и кузину — а может быть, только кузину! — офицеры же, пока еще не получившие доступа в святая святых семейного круга, удалились к себе, чтобы поделиться впечатлениями от обеда и выработать какой-нибудь план, который помог бы им добиться ответа на их пламенные чувства.

Глава XXVII

ПОД ДЕРЕВЬЯМИ

Марион Уэд снова стояла у окна между раздвинутыми занавесями, и глаза ее снова были устремлены на железные ворота и заросшие плющом каменные столбы.

Все было, как прежде: пестрое стадо лениво бродило по склону, лань щипала траву на лугу, весело щебетали птицы, перелетая с дерева на дерево.

Только солнце спустилось ниже к горизонту и медленно, величаво опускалось все ниже и ниже за гряды багряных облаков. Гребни Чилтернских холмов окрасились в розовый цвет, а вершина Бикон-Хилла пылала красным огнем, словно маяк ночью, который зажигают, дабы предупредить о приближении вражеского флота по каналам Сиверна.

Но как ни живописен был закат, Марион Уэд его не видела: ворота из ржавого железа и серые столбы, виднеющиеся из-за деревьев, сильнее притягивали ее, чем пылающие краски заката.

— Уолтер сказал, — шептала она, — что он приедет не раньше вечера. И он приедет к папе, только к нему! Какое у него дело? Может быть, это что-нибудь связанное с бедствием, которое на нас свалилось? Говорят, он против короля, на стороне народа. Поэтому Дороти Дэйрелл и говорила о нем так презрительно. Разве я могла бы презирать его за это? Нет, никогда! Она говорила еще, что он низкого происхождения. Это ложь и клевета! Он дворянин, или я никогда не видала дворянина! А как я должна относиться к тому, что произошло вчера? Эта девушка с букетом цветов... Как я хотела бы, чтобы этого праздника не было! Никогда больше не пойду на праздник!.. Я так обрадовалась, когда увидела свою перчатку у него на шляпе! А если теперь вместо нее красуются эти цветы, я не хочу больше жить! Ни одного дня, ни одного часа!

И вдруг лицо Марион Уэд изменилось.

Кто-то открыл ворота! Мужчина — всадник на вороном коне!

Инстинкт подсказал ей, кто был этот приближаю-

щийся всадник. Глаза любви не нуждаются в подозрительной трубе, а Марион следила за ним глазами, полными любви.

— Это он! — вскричала она, убедившись окончательно, когда всадник, выехав из-под тени деревьев, начал подниматься по склону холма.

Марион не отрывала от него пристального взгляда, пока он не подъехал ко рву, окружавшему усадьбу. Можно было подумать, что она все еще не совсем уверена, он ли это. Но нет! Она вглядывалась не в его лицо, не в его фигуру, взгляд ее был устремлен на его шляпу, где она смутно видела что-то белое, но что—она не могла сказать. По мере того как всадник приближался, Марион постепенно стала различать перчатку с тонкими длинными пальчиками, вырисовывающимися на тулье шляпы и резко выделяющимися на ее темном фоне.

— Моя перчатка! — прошептала она со вздохом облегчения, как будто сбросив с себя ужасную тяжесть. — Он носит ее. О, какое счастье!

Но вдруг радость ее сменилась мучительным подозрением: что-то алое мелькнуло на полях шляпы, рядом с перчаткой. Что это — цветок? Цветы, которые ему вчера поднесла Марианна, были такого же цвета. Неужели это один из них?

Но тут алое пятно сверкнуло на солнце, и подозрения Марион мигом рассеялись: это был не цветок, а пряжка, которая держала перчатку. Марион вспомнила эту пряжку. Она заметила ее еще вчера.

Она снова вздохнула с облегчением. Ее охватило чувство такой бурной радости, что она была не в силах смотреть на приближающегося всадника. Ей страшно было, что этот человек, завладевший ее сердцем, увидит ее пылающие щеки. Она скрылась за занавесями, чтобы наедине насладиться восхитительным ощущением своего счастья.

Но через минуту она снова выглянула в окно. Увы, это было слишком поздно, и она не видела, как он проехал по аллее мимо цветника. Но она знала, что он вошел в дом и что сейчас он в библиотеке с ее отцом, как это у них было условлено. Она не знала, зачем он

приехал к отцу... Ведь не может это быть связано с ней! Она могла только предполагать, что это имеет какое-то отношение к недавним политическим событиям, о которых без конца разговаривали и спорили в каждом доме; и нередко эти споры приводили к разногласиям в домашнем кругу и нарушали спокойствие и счастье не одной семьи.

Марион знала, что Генри Голтспер приехал только к отцу. У него к нему какое-то дело, он скоро уедет, и у нее не будет случая поговорить с ним. Она невольно пожалела, что не дождалась его у окна. А вот теперь она упустила возможность, о которой так давно мечтала... А сколько раз она дожидалась этой возможности и дождалась напрасно!

Вчера они обменялись всего несколькими словами — пустые учтивые фразы, когда их представляли друг другу, — а потом этот поединок! И так они больше и не виделись.

Но теперь, когда брат познакомил ее с Голтспером, — с разрешения отца, — чего же ей теперь опасаться? Даже если бы ее удерживала излишняя застенчивость, смешно избегать его. Она могла бы окликнуть его с балкона, принять его, когда он пришел. А что, если он видел ее у окна? Что он мог подумать, когда она спряталась, словно нарочно, чтобы избежать его? Наверно, он подумал, что это не очень учтиво. А вдруг ему придет в голову, что он чем-нибудь оскорбил ее и, может быть, как раз тем, что доставило ей такую радость, — тем, что он так открыто носит ее перчатку на шляпе? А что, если он обидится на нее за жеманство и снимет этот сувенир? Как она может сказать ему, что она счастлива, что он его носит, что она только об этом и мечтала?

— Ах, если бы я могла найти вторую перчатку! — прошептала она. — Я носила бы ее так, чтобы он не мог не увидеть ее — на руке, или на груди, или спереди на шляпе, так же как носит он. И если бы он хоть раз увидел ее, это открыло бы ему без всяких слов мои желания! Но вот досада — я потеряла вторую перчатку! Я всюду ее искала — нигде нет! Куда я могла ее де-

вать? Боюсь, это дурной знак, что я не могу ее найти, когда она мне так нужна! Если он сейчас уедет, мне не удастся поговорить с ним. Мы даже не поздоровались... Вряд ли он попросит разрешения повидаться со мной. Он, может быть, даже не обернется, когда поедет. Ведь не могу же я окликнуть его! Как быть?

Марион задумалась. Потом вдруг лицо ее оживилось, и она поспешно высунулась из окна с таким видом, как будто она кого-то искала в саду.

— Наверно, Лора с Уолтером бродят в парке! — воскликнула она. — Пойду поищу их!

Конечно, это был только предлог, который Марион придумала из естественной девической скромности, пытаясь преодолеть пылкие чувства.

Накинув плащ, Марион низко надвинула капюшон, чтобы защитить лицо от солнца, а может быть, и для того, чтобы скрыть яркий румянец, пылавший на ее щеках, и, сбежав вниз по лестнице, отправилась разыскивать брата и кузину.

Если у нее действительно было такое намерение, ему не суждено было сбыться: поиски ее никак не могли увенчаться успехом, потому что, выйдя из дома, она пошла как раз в ту сторону, куда в это время не могли пойти Уолтер и Лора; это была тропинка, которая вела к западным воротам парка.

Если бы Марион пошла к развалинам древнегерманских укреплений, наверно, она там нашла бы исчезнувшую парочку, но можно с уверенностью сказать, что они отнюдь не поблагодарили бы Марион за ее старания.

Но Марион пошла в противоположную сторону и медленно, то и дело останавливаясь и прислушиваясь, дошла до конца длинной аллеи и очутилась у старых, заросших плющом ворот, выходящих на Оксфордскую дорогу.

Потом, испугавшись, быть может, что она забрела так далеко, — солнце уже скрылось за деревьями и начало смеркаться, — она повернулась и пошла обратно к замку.

На лице ее, правда, было какое-то испуганное выражение, но ее страшило не то, что она забрела так дале-

ко от дома, а то, что она решилась на поступок, за который ее могут осудить.

Она уже теперь не пыталась обманывать себя и делать вид, что разыскивает Лору и Уолтера; она думала не о них, а о том, кто ей был дороже кузины и брата. Она ждала Генри Голтспера — этого благородного кавалера, чей образ всецело завладел ее сердцем.

* * * * *

В только что наступивших сумерках всякий, кто шел бы на эту тропинку, заметил бы белый силуэт, мелькавший среди деревьев. Этот силуэт то останавливался, то вдруг исчезал, а потом снова появлялся в другом месте, чуть-чуть поближе к дому.

Генри Голтспер, ехавший верхом по тропинке после своего свидания с сэром Мармадюком, заметил этот силуэт. Он подумал, что это какая-нибудь крестьянская девушка идет по тропинке к дому, — в сумерках и на таком расстоянии трудно отличить королеву от поселянки.

Если бы он только мог подумать, что этот белый силуэт, мелькающий вдалеке за деревьями, — прекрасная Марион Уэд, он ринулся бы ей навстречу, не помня себя от счастья.

Но ему это не приходило в голову. Он ехал разочарованный и огорченный, оттого что ему не удалось увидеть ее, хотя он был под одной крышей с ней.

И вдруг вся кровь хлынула ему в голову и сердце его бешено забилося: он узнал в этом белом силуэте, который сначала принял за крестьянку, прелестную Марион Уэд.

Он круто остановил коня и, сняв шляпу, склонился в почтительном поклоне.

— Мисс Марион! — вымолвил он с радостным изумлением.

На минуту оба смутились. Но это замешательство продолжалось недолго. Генри Голтспер был уже не юноша, он перешагнул за третий десяток. Марион тоже была не девочка. Чувство, захватившее обоих, было не

пустой игрой воображения или детским увлечением. С его стороны это была любовь вполне зрелого мужчины, а со стороны Марион — глубокое чувство к мужественному и благородному человеку, достойному любви, чья романтическая внешность говорила ей о его подвигах, о славном прошлом, к человеку, который казался ей героем.

Это была первая любовь Марион — она никогда не испытывала подобного чувства. А для Голтспера это, наверно, была его последняя любовь в жизни, — что может быть сильнее такой любви, когда сердце уже отреклось от всех надежд!

Молоденькой девушке не полагалось начинать разговор, а Голтспер был так ошеломлен этим неожиданным счастьем, что не в силах был вымолвить ни слова. Но, видя, что она остановилась и стоит, глядя на него, он сделал над собой усилие и положил конец неловкому молчанию.

— Простите, я помешал вашей прогулке! — сказал он. — Но, признаюсь, я мечтал о возможности поговорить с вами. Это злосчастное происшествие вчера, которое, кажется, разыгралось на ваших глазах, помешало мне подойти к вам еще раз. И я только сейчас думал о том, что вот сегодня мне опять не посчастливилось, как вдруг вы появились! Я надеюсь, мисс Уэд, вы не сердитесь на меня, что я вас задерживаю?

— О, конечно, нет! — ответила Марион, удивленная, а может быть, и разочарованная его невозмутимоспокойным тоном. — Ведь вы, кажется, были у моего отца?

— Да, — отвечал Голтспер, в свою очередь огорченный этим равнодушным вопросом.

— Я надеюсь, сэр, — участливо спросила Марион, — вы не были ранены на вчерашнем поединке?

— Благодарю вас, мисс Марион! Нет, я не был ранен... если не считать...

— Чего, сэр? — спросила Марион с тревогой.

— Если не считать того, что я напрасно искал прелестные глаза, которые приветствовали бы мою скромную победу.

— Если мои глаза меня не обманули, вам не на что жаловаться. Она была там, и она не только приветствовала вас, но даже пыталась вас увенчать цветами. Это понятно: вы обнажили шпагу, защищая ее!

— Ах, вы вот о чем! — отвечал Голтспер, по-видимому только сейчас в первый раз вспомнив об этих цветах. — Вы говорите об этой крестьянской девушке, которая изображала девицу Марианну? Да, она действительно поднесла мне букет цветов. Но она напрасно считает себя так сильно обязанной мне. Я сделал вызов не столько для того, чтобы вступить за нее, сколько для того, чтобы проучить нахала. По правде говоря, я совсем забыл об этих цветах.

— Вот как! — вскричала Марион, вспыхнув от радости, но в то же время стараясь ее скрыть. — Вот как вы принимаете благодарность! Мне кажется, сэр, вам следовало бы больше ценить ее.

— Это зависит от того, заслужена она или нет, — возразил кавалер, несколько озадаченный ее словами. — Я лично считаю, что я не имею никаких прав на благодарность этой девушки. Поведение капитана кирасиров было оскорблением, вызовом для всех, кто там был. И если вы уж хотите знать всю правду, признаюсь вам, что я, принимая этот вызов, *поднял перчатку* от имени всех.

Марион покосилась на маленькую перчатку на шляпе Голтспера. Ей показалось, что он как-то особенно подчеркнул эти иносказательные слова «поднял перчатку». Но как только она подумала об этом, она сейчас же опустила глаза, словно боясь выдать свои мысли.

И опять наступило молчание. Оба не знали, что сказать, и ни у кого не поворачивался язык говорить о ничего не значащих вещах.

Марион вспомнила, с чего начала разговор, и ей очень хотелось спросить Голтспера, что означали его слова, но Голтспер, словно угадав ее мысли, заговорил сам.

— Да, — сказал он, — бывают случаи, когда человек вовсе не заслуживает благодарности, если он и поступил честно. Ну вот, например, если кто-нибудь

найдет потерянную вещь и возвратит ее владельцу не сразу, а спустя некоторое время и с большой неохотой...

С этими словами Голтспер поднял руку к перчатке на своей шляпе.

Марион не знала, радоваться ей или огорчаться. Она была так смущена, что промолчала.

Голтспер продолжал, поясняя:

— Ведь счастливцев, который нашел, не имеет права на найденную вещь, ее нужно возвратить. Это простая честность и вряд ли заслуживает благодарности. Вот я, например, поднял эту хорошенькую перчатку, и, хотя желал бы оставить ее себе как воспоминание об одной из счастливейших минут моей жизни, я чувствую, что, по всем правилам порядочности и честности, должен вернуть ее настоящему владельцу, если только этот владелец, узнав, как я дорожу ей, не согласится оставить ее мне.

Голтспер низко наклонился с седла и, затаив дыхание, ждал ответа.

— Оставьте ее себе! — сказала Марион, робко улыбувшись и даже не пытаясь делать вид, что она не понимает. — Оставьте ее себе, сэр, если вам так хочется! — И, испугавшись, что она так легко сдалась, немножко наивно добавила: — Мне она уже больше все равно не пригодится — я потеряла вторую.

Услышав это, Генри Голтспер, только что обрадованный ее согласием, снова стал мучиться неизвестностью и сомнениями,

«Значит, она не нужна ей, — думал он, повторяя ее слова. — Если она только поэтому мне ее дарит, тогда она не имеет для меня никакой цены».

Его охватило чувство горечи. Он был почти готов вернуть по принадлежности этот сомнительный дар.

— Может быть, — нерешительно сказал он, — я прогневил вас тем, что так долго держал ее без вашего разрешения, а еще больше тем, что носил ее на своей шляпе? За первую вину я прошу прощения на том основании, что у меня не было возможности ее вернуть. Что касается второй — боюсь, что у меня нет оправданий. И я могу только умолять о прощении, потому что

меня побудила к этому безумная надежда — чувство, которое следует считать безнадежным, потому что оно слишком самонадеянно.

С какой радостью слушала Марион это горестное признание! Она почувствовала в нем голос любви, она узнала его.

— Как могу я сердиться на то, что вы держали мою перчатку и носили ее! — отвечала она, с трудом сдерживая свою радость и ласково улыбаясь Голтсперу. — Что касается первого, вы не могли поступить иначе; вторым я могу быть только польщена. То, что вы так дорожите женским сувениром, сэр, не может оскорбить женщину.

Сувенир! Значит, это предназначалось для него!

При этой невысказанной мысли лицо Голтспера снова засветилось надеждой.

— Я больше не в силах мучиться сомнениями, — прошептал он, — я должен объясниться с ней!.. Марион Уэд!

Он произнес ее имя таким умоляющим тоном, что она подняла на него удивленный взгляд. Но в этом взгляде не было ни тени неудовольствия, ни возмущения тем, что он осмелился назвать ее по имени.

— Говорите, сэр! — ласково сказала она. — Вы хотите что-то сказать мне?

— Я должен задать вам вопрос, только один вопрос! О, Марион Уэд, ответьте на него откровенно! Вы обещаете?

— Обещаю.

— Вы сказали мне, что потеряли другую перчатку?

Марион кивнула головой.

— Так вот, ответьте мне, но только правду: а *эту* вы тоже *потеряли*? — И он указал на перчатку на своей шляпе.

— Что вы хотите сказать, сэр?

— Ах, Марион Уэд, вы не хотите ответить! Скажите мне: вы потеряли ее, вы не заметили, как она упала, или вы уронили ее умышленно?

Он мог бы прочесть ответ в ее глазах, но длинные густые ресницы скрыли от него синие очи Марион.

Краска, вспыхнувшая на ее лице, тоже могла бы подсказать ему многое, если бы он был подогадливее. А ее смущенное молчание было красноречивее всяких слов.

— Я был откровенен с вами, — настойчиво продолжал он, — и теперь я в вашей власти. Если вам нет дела до счастья человека, который рад был бы пожертвовать для вас жизнью, я умоляю вас, не скрывайте от меня правду, скажите мне: вы уронили вашу перчатку нечаянно или нарочно?

Склонившись с седла, Генри Голтспер молча ждал ответа с таким чувством, как если бы он ждал приговора.

Ответ прозвучал, словно эхо, повторяющее последнее слово.

— Нарочно! — прошептала Марион Уэд тихим и прерывающимся голосом, который мгновенно рассеял все сомнения Голтспера.

Пропасть, разделявшая их, созданная светскими условностями, исчезла — одно слово Марион перекинуло через нее мост.

Генри Голтспер соскочил с коня и сжал Марион в своих объятиях, губы их слились в страстном поцелуе, и сердца их соединились в одном радостном биении, трепеща и замирая от блаженства.

* * * * *

— До свиданья, до свиданья, моя любимая! — воскликнул влюбленный Голтспер, когда Марион наконец оторвалась от его груди и выскользнула из удерживавших ее объятий.

— Последняя любовь в моей жизни! — прошептал он, вскакивая в седло, почти не коснувшись стремяни.

Вымуштрованный конь стоял не двигаясь, пока всадник не уселся в седло. Так же спокойно и не двигаясь он стоял все время, пока длилось это свидание. Казалось, он гордился победой, одержанной его хозяином, так же как вчера он гордился его победой на поединке. Возможно, Хьюберт немало способствовал как той, так и этой победе.

Конь не двигался, пока не почувствовал прикосновения шпор, но даже и тогда, словно разделяя чувства всадника, не проявил никакой прыти, а неохотно и медленным шагом двинулся с места.

Глава XXVIII

РЕВНИВЫЙ ПОДСЛУШИВАТЕЛЬ

Если ничей глаз не видел свидания Марион Уэд с Генри Голтспером, нашелся человек, который с гневом и болью видел, как они расставались. Это был Ричард Скэрти.

Встав из-за обеденного стола, капитан кирасиров отправился к себе и посвятил часа два разным служебным делам, но, так как после этого ему нечего было делать, он решил сделать попытку скоротать время в беседе с дамами, в особенности с той, которая за один день зажгла в нем столь пламенные чувства.

Он был влюблен в Марион, насколько такое чувство было доступно человеку его склада. Если бы ему довелось прожить целый месяц в одном доме с ней, он не способен был бы влюбиться сильнее. Невозмутимая холодность Марион, спокойное равнодушие, с каким она принимала его вкрадчивые любезности, которые он расточал с тонким искусством опытного соблазнителя, не только не охлаждали, а, наоборот, разжигали его пыл. Он так хорошо владел искусством побеждать девическую скромность, что отнюдь не отчаивался, встречая такой отпор.

— Она будет моя, я не сомневаюсь в этом, несмотря на все ее равнодушие и эти односложные «да» и «нет»! — говорил он Стаббсу, когда они возвращались к себе. — Все это просто притворство перед посторонними! Клянусь честью, мне это даже нравится! Терпеть не могу легких побед! Пусть эта будет немножко потрудней — это позволит мне убить скуку, от которой можно сдохнуть в деревне. Я сумею уговорить ее, как

Сердца их соединились в одном биении.

уговаривал многих других, как уговорил бы самой Лукрецию, если бы она жила в наше время!

Его подчиненный отвечал на это хвастовство с обычной выразительной краткостью.

— Можно не сомневаться, черт возьми! — пробормотал он с полной убежденностью, ибо он всерьез считал Скэрти неотразимым, так как тот не раз становился ему поперек дороги.

Скэрти решил не терять времени, а сразу повести приступ. Страсть побуждала его к немедленному действию; первым шагом к победе было свидание и разговор с женщиной, которую он твердо решил сделать своей.

Однако желать свидания с дочерью сэра Мармадюка Уэда было одно, а добиться его — совсем другое. У капитана кирасиров не было никаких оснований ни требовать, ни просить свидания. Всякая попытка с его стороны настоять на этом могла окончиться для него очень плохо, так как, если он именем короля и мог заставить сэра Мармадюка предоставить ему для него и его солдат жилье, стол и фураж, все же король не решался заходить так далеко в своем самовластии, чтобы нарушить святость семейного очага дворянина. Достаточно было и того, что монаршая милость нарушала неприкосновенность его жилища.

Учитывая все эти обстоятельства, капитан Скэрти отлично понимал, что он может добиться свидания только хитростью, то есть подстроив все так, как если бы это вышло случайно.

Чтобы привести в исполнение свою затею, капитан Скэрти вышел прогуляться перед заходом солнца и стал бродить по парку, то останавливаясь около цветочной клумбы, то разглядывая какую-нибудь статую, как если бы ботаника и скульптура были в этот момент единственными интересовавшими его предметами.

Но всякий, кто наблюдал бы за выражением его лица, не обнаружил бы в нем ни интереса к искусству, ни восхищения природой. Глаза его, когда он останавливался полюбоваться статуей или цветами, украдкой устремлялись к дому, и взгляд его бегло скользил от окна к окну.

Чтобы не повредить своей репутации хорошо воспитанного человека, он держался на некотором расстоянии от дома, по ту сторону цветника, и так он прогуливался вдоль всего фасада, а потом, обогнув дом, пошел вдоль западной стены.

Здесь он повел свою разведку с еще большей тщательностью, так как, хотя он и не знал точно, в какой части дома помещаются дамы, у него были некоторые основания предполагать, что их комнаты находятся в западном крыле. Живописный вид, открывавшийся из окон, тщательно разделанные цветочные клумбы и зеленый газон — все свидетельствовало о том, что именно здесь и должна находиться женская половина.

Скэрти окидывал внимательным взглядом одно окно за другим, тщетно пытаясь заглянуть в комнаты, но, потратив по меньшей мере четверть часа на это усердное разглядывание, он не обнаружил ничего, что могло бы вознаграждать его за старания, — ни одного живого лица.

В нижнем этаже ему удалось увидеть мельком какую-то фигуру в темной одежде. Приглядевшись повнимательнее, он разобрал, что это сэр Мармадюк, который расхаживал взад и вперед у себя в библиотеке.

— По-видимому, никого из женщин нет дома! — с досадой пробормотал капитан. — А может быть, они гуляют в парке? Да, в самом деле, вечер такой прекрасный, чудесный закат... Неудивительно, если они пошли полюбоваться им. Ах, если бы я мог только встретить ее в парке! Ведь это как раз то, что мне нужно. Попробую пройтись — может, и впрямь встречу ее. Вполне возможно!

С этими словами он отошел от статуи, которую так долго рассматривал, и ступил на мостик, чтобы перейти через ров.

Но не успел он отворить калитку, как вся кровь бросилась ему в лицо, и он как вкопанный остановился на месте.

С моста открывалась аллея, ведущая к западной ограде парка. В конце этой аллеи, у самых ворот, стояла

оседланная верховая лошадь, на которую, казалось, вот-вот вскочит всадник.

Лошадь была не на привязи, никто не смотрел за ней, и поблизости никого не было видно.

Как ни странно было видеть лошадь без хозяина в парке сэра Уэда, вряд ли это произвело бы такое сильное впечатление на капитана кирасиров, если бы по длинной, изогнутой шее и гладкой спине, блестящей, как атлас, и отчетливо выступавшей даже в сумерках, Скэрти не узнал коня, который так рьяно способствовал его унижению.

— Конь Голтспера, клянусь небом! — вырвалось у него. — Наверно, он и сам здесь, где-нибудь за деревьями. Но что он здесь делает? Пойду посмотрю, — решил он после недолгого колебания.

Открыв калитку, Скэрти быстро зашагал к тому месту, где стояла лошадь.

Но он пошел не прямо по тропинке, а углубился в чащу деревьев, тесно обступавших ее с обеих сторон. У него были свои причины скрываться.

— Голтспер в парке сэра Мармадюка Уэда! — бормотал он, крадучись между деревьями осторожным шагом охотника, выслеживающего дичь. — Интересно, а где же дочь сэра Мармадюка?

При этом ревнивом подозрении кровь закипела в его жилах, и он зашатался на месте, потому что ноги отказывались ему служить.

Муки его усилились, когда он, укрывшись в листе каштанов, растущих вдоль аллеи, осторожно высунул голову и увидел, как из-за деревьев вышел человек и подошел к коню; и в ту же минуту в листе мелькнуло что-то белое — женское покрывало или платье.

Мужчину он узнал: Генри Голтспер! Женщину он не успел разглядеть, но это не мог быть никто иной, кроме нее — Марион Уэд, владевшей его мыслями!

Хотя Скэрти не был трусом и привык к любым незапным и опасным столкновениям, на этот раз его охватило чувство нерешительности и страха. Он мог бы, не помня себя от ярости и обиды, броситься на Голтспера и заколоть его без всяких угрызений совести. Но он

не хотел действовать столь неосмотрительно. Вчерашний поединок, о котором ему усиленно напоминала боль в раненой руке, отбила у него всякую охоту связываться с Черным Всадником. Он только не знал, как ему поступить: спрятаться за деревьями и позволить Марион вернуться домой или подождать, пока она поравняется с ним и тогда присоединиться к ней?

Теперь у него уже больше не было сомнений. Женская фигура в белом, видневшаяся отчетливо на тропинке, была Марион Уэд. Ни у кого другого не могло быть такой горделивой осанки, по которой ее нельзя было спутать ни с кем, даже в сумерках.

Только после того, как всадник вскочил в седло и медленно поехал прочь, Скэрти вышел из состояния нерешительности. Он чувствовал, что сейчас он просто смешон, и потому лучше не попадаться ей на глаза. Но уязвленная гордость причиняла ему невыносимые страдания; он теперь уже не сомневался, что Марион — возлюбленная Голтспера. Эта мысль вызывала в нем жгучее чувство ревности, которое заглушало все его благоразумие и осторожность и неудержимо толкало заговорить с Марион.

Призвав на помощь все свое самообладание и хитрость, он взял себя в руки, постаравшись принять спокойный вид, и решил завязать с ней любезный разговор.

Марион в эту минуту приблизилась к тому месту, где он стоял. Она невольно вздрогнула, увидев выскользнувшего из-за деревьев Скэрти. Дикая страсть, сверкавшая в его глазах, не могла не испугать ее, но она ничем не обнаружила своего испуга. Марион была слишком хорошо воспитана, чтобы выдать свое смятение даже в минуту опасности.

— Добрый вечер, сэр, — сказала она коротко в ответ на его приветствие.

— Простите мне мой вопрос, мисс Уэд, — сказал он, поравнявшись с ней и идя рядом. — Вы не боитесь выходить одна в такой поздний час, особенно теперь, когда здесь в окрестностях орудуют свирепые грабители, вроде того, о котором мне рассказывал ваш брат? Ха-ха-ха!

— О! — возразила Марион в том же шутливом тоне. — Это было до того, как капитан Скэрти со своими грозными кирасирами поселился у нас в доме. Под их защитой нам, я думаю, уже нечего бояться не только грабителей, но даже разбойников с большой дороги!

— Благодарю вас за комплимент, мисс Марион. Если бы я мог льстить себя надеждой, что Марион Уэд считает наше присутствие защитой для себя, это весьма облегчило бы мне мое неприятное положение в качестве вынужденного гостя в доме ее отца.

— Вы очень любезны, сэр, — сказала она, легким кивком давая понять, что принимает его извинения.

Но, бросив украдкой испытующий взгляд на лицо капитана, она подумала невольно: «Если это честный человек, тогда, значит, и сатана не так страшен, потому что, если то, что он сказал, — правда, я никогда не видел, чтобы взгляд так противоречил словам».

— Поверьте, мисс Уэд, — продолжал лицемер, — меня очень тяготит мое положение здесь. Я чувствую, что мое присутствие здесь всем досаждают. Да иначе и быть не может! Несмотря на удовольствие, которое может доставить гостеприимство вашей благородной семьи, я охотно отказался бы от столь высокой чести, если бы я не изменил этим своему долгу службы, а служба королю — это превыше всего!

— В самом деле?

— Для офицера кирасирского полка его величества иначе не может быть.

— Это только во Франции или во Фландрии, где вы, кажется, изволили воевать. В Англии, сэр, на взгляд каждой английской женщины, существует нечто более высокое, чем служба королю. Неужели вам никогда не приходило в голову, что у вас есть долг и по отношению к народу, или, если вы предпочитаете другое выражение, к государству?

— Государство—это король! Ибо, как изрек монарх: «Государство — это я!» — вот кредо Ричарда Скэрти.

— Если даже ваш король тиран?

— Я солдат. Мое ли дело судить о королевской власти! Мое дело — лишь повиноваться ее приказам.

— Благородное кредо! Благородные чувства для солдата! Хотите выслушать мое кредо, сэр?

— С великим удовольствием, мисс Уэд! — ответил Скэрти, присмирив под ее презрительным взглядом.

— Если бы я была мужчиной, — сказала Марион, и глаза ее засверкали, — я скорее выбрила бы себе макушку и покрыла ее монашеским клобуком, чем владеть мечом на службе недостойного короля! О! Есть люди в нашей стране, слава которых переживет жалкую известность властителей. Когда имена тиранов будут преданы забвению, имена Вена, Пима, Кромвеля¹, Гемпдена и Голт... — она запнулась, не решаясь произнести имя того, кто был в ее глазах достойней всех, — будут помнить и чтить в каждом доме!

— Опасные речи, мисс Уэд! — возразил Скэрти, чья преданность королю и еще не остывшая злоба боролись с невольным восхищением прекрасной бунтовщицей. — Боюсь, что вы бунтовщица, и будь я так верен интересам моего короля, как мне подобает быть, я должен был бы заключить вас в тюрьму! Ах! — воскликнул он и, наклонившись, промолвил с мольбой в голосе: — Сделать вас узницей, своей узницей — вот это был бы поистине сладостный долг воина, награда всей его жизни!

— Ого! — воскликнула Марион, делая вид, что не понимает этой двусмысленной фразы. — Раз уж речь зашла о том, чтобы сделать меня узницей, мне нужно скорее скрыться от вас! Спокойной ночи, сэр!

И, весело рассмеявшись, Марион бросилась бегом и, оставив позади разочарованного поклонника, легко перебежала через мостик и скоро скрылась за высокой стеной кустарника, окружающего цветник.

¹ Кромвель Оливер (1599—1658) — крупнейший деятель английской буржуазной революции, руководитель ирландцев. Во время гражданской войны проявил выдающиеся способности полководца и организатора. Созданная им армия из крестьян и ремесленников разбила войска короля. Но, подавляя монархистов, Кромвель сурово расправился и с демократическими партиями левеллеров и диггеров, а затем возглавил захватническую войну против Ирландии. Последние годы жизни Кромвель, провозглашенный в 1653 году лордом-протектором, правил единолично и пользовался диктаторской властью.

Расставшись с Марион, Генри Голтспер должен был чувствовать себя счастливейшим из людей. Прелестнейшая женщина во всем графстве — а для него в целом свете — призналась ему в любви и поклялась в верности. Казалось бы, он мог не сомневаться в своем счастье. Но он не чувствовал себя счастливым. Наоборот, он ехал с тяжелым сердцем после свидания со своей прелестной возлюбленной. Он знал, что этого свидания не должно было быть: Марион Уэд не могла быть его возлюбленной!

Отъехав шагов на пятьдесят, он повернулся в седле в надежде увидеть ее еще раз и оторваться хоть на минуту от своих тяжелых мыслей.

Лучше бы ему не оборачиваться!

Если до сих пор у него было тяжело на душе, то теперь то, что он увидел, заставило его почувствовать себя несчастнейшим из смертных. Марион шла по тропинке и уже начала подниматься вверх по склону. Ее светлое платье отчетливо выступало во мгле сумерек. Голтспер не отрываясь следил за ее движениями, восхищаясь царственной грацией и легкой, эластичной походкой.

Марион шла быстрым шагом и была уже на полпути к дому, как вдруг кто-то вышел из-за деревьев и направился вслед за ней.

Через несколько секунд незнакомец поравнялся с Марион, и они пошли рядом. Голтсперу, который наблюдал за ними издалека, казалось, что они ведут оживленную беседу.

Незнакомец был в светлой одежде, с красной перевязью через плечо и в высокой шляпе с султаном из страусовых перьев.

Это не мог быть брат Марион: Уолтер был гораздо ниже ростом. Не мог быть и ее отец: сэр Мармадюк всегда ходил в черном.

Когда аллея, поднимавшаяся по склону холма между двумя рядами каштанов, кончилась, достигнув верши-

ны, и Марион со своим спутником вышла на открытое место, Голтспер тотчас же узнал незнакомца.

Это был Скэрти!

Это открытие больно задело его.

— Он, по-видимому, подстерегал, когда она пройдет. Ведь не зря же он прятался за деревьями! Что мне делать? Поскакать туда? Ведь опасно оставлять ее наедине с ним. Мерзавец! — вскричал он, приподнявшись на стременах и прозя кулаком в спину капитана кирасиров. — Если только я узнаю, что ты посмел оскорбить ее словом или взглядом, я разделаюсь с тобой не так, как вчера, а много хуже! Какое ужасное зрелище! — бормотал он, глядя вслед удаляющейся паре. — Волк рядом с овечкой!.. Но что это? Он нагибается к ней, и она поворачивает к нему голову и, кажется, довольна? Боже мой! Возможно ли это?

Не помня себя, он схватился за рукоятку меча и прищипорил коня.

Умное животное повернуло обратно к усадьбе, но Голтспер остановил его на всем скаку.

— Я, верно, с ума сошел, — пробормотал он, — и ты также, Хьюберт! Что она подумала бы обо мне? И что я могу сказать, когда появлюсь перед ней? Нет, это невозможно! Но если я прав, тогда, значит, я напрасно испытывал угрызения совести, напрасно винил себя... Вот они уже подходят к мосту. Она обгоняет его, бежит от него... Вот она уже завернула к дому... Он стоит один. Он, видимо, не ожидал, что она убежит! О, Марион, если я оскорбил тебя подозрением, то лишь потому, что я обезумел от любви! Прости, прости! Я больше никогда не позволю себе следить за тобой!

С этими словами Голтспер повернул коня и, не оборачиваясь, поскакал к воротам.

Выехав на большую дорогу, он помчался во весь опор. Доехав до места, откуда начиналась тропа на Каменную Балку, он остановил коня посреди дороги и, вместо того чтобы свернуть на нее, в нерешительности опустил поводья.

Взглянув на небо, просвечивающее сквозь зеленый свод деревьев, он увидел, что на нем все еще догорают

багровые отсветы заката, а на потемневшей синеве на востоке четко выступает тонкий серп месяца.

— Не стоит, пожалуй, и ехать домой, — пробормотал он, вынимая часы и поднося их к глазам. — Как быстро пролетел этот сладостный час! Скоро все уже должны собраться. Если я поеду не спеша, я буду там как раз вовремя, и ты, Хьюберт, получишь ужин в копиях «Головы сарацина»... Вон женская фигура в окне! Ах, это Марион!

Это восклицание вырвалось у него, когда он, повернув голову в сторону бэлстродского парка, увидел между верхушками каштанов освещенные окна усадьбы. Взгляд его приковался к окну в верхнем этаже, где между раздвинутыми занавесями, ярко освещенная горевшей в комнате лампой, отчетливо выступала женская фигура. Она была слишком далеко, чтобы ее можно было разглядеть, но в ее величественных и строгих очертаниях Голтспер безошибочно угадал Марион Уэд.

Он долго смотрел на нее с улыбкой, потом глубоко вздохнул, тронул поводьями Хьюберта и медленно двинулся вперед.

Вскоре он подъехал к заброшенной хижине на Джеррет Хис; месяц ярко освещал полуразвалившуюся лачугу — место засады Грегори Гарта. Но теперь здесь уже не было ни его, ни его верных пособников; исчезли даже шесты, на которых они держались, и трудно было представить себе эту свирепую шайку, пугавшую путешественника, остановленного грозным окриком атамана: «Стой! Руки вверх!»

Голтспер, вспомнив свое ночное приключение, остановил коня, откинулся в седле и громко расхохотался.

Хьюберт весело заржал, словно отвечая ему. Может быть, ему тоже было смешно? Но внезапно оба смолкли...

В ответ на ржание Хьюберта послышалось громкое залиvistое ржание не одной, а нескольких лошадей.

Голтспер, сразу насторожившись, придержал коня и прислушался. Ржание доносилось откуда-то со стороны Красного Холма, а за ним вскоре послышался громкий стук копыт и звон доспехов.

— Конный отряд! — прошептал Голтспер. — Должно быть, это кирасиры Скэрти возвращаются из Эксбриджа. Ну, Хьюберт, спрячемся скорей, чтобы они нас не увидели!

И он легким движением уздечки направил коня в высокие заросли позади хижины.

Топот коней и звон оружия раздавались уже совсем близко; слышались грубые голоса, смех, и наконец всадники вынырнули из-за деревьев и выехали на открытую полянку перед хижинкой.

Их было семеро — один впереди, остальные за ним по двое. Первый был в офицерском мундире, остальные — солдаты.

Поравнявшись с хижинкой, командир круто осадил коня; за ним остановились и солдаты.

— Сержант! — окликнул командир отряда, обернувшись к следовавшему за ним коннику. — А не то ли это место, где ограбили королевского курьера? Смотрите, вот развалившаяся лачуга, о которой он говорил. Наверно, это и есть Джеррет Хис. Как вы думаете?

— Похоже, что так, господин капитан, — ответил сержант, — ничего другого быть не может. Мы проехали от Эксбриджа добрых четыре мили, и отсюда, должно быть, уже рукой подать до Бэлстрод Парка. Значит, это и есть Джеррет Хис.

— Жаль, что эти мошенники не показываются сегодня! Дорого бы я дал, чтобы привести их с собой, связанных по рукам и ногам! Все-таки это хоть немножко утешило бы беднягу Канлиффа, которого они так отобрали! Подумать только, оставили в одних чулках! Ха-ха-ха! Хотелось бы мне посмотреть на эту картину: придворный франт в одних чулках — в лунном свете! Ха-ха-ха!.. Мне кажется, я слышал где-то неподалеку ржание лошади, — продолжал он. — Если бы эти грабители не были бездомные бродяги, мы, может быть, и застали бы их здесь.

— Вы забыли, господин капитан, — заметил сержант, — ведь у господина Канлиффа отобрали лошадь. Может, этот разбойничий атаман теперь уже не бродит, а разъезжает верхом.

— Да нет! — отвечал офицер. — Наверно, это ржала какая-нибудь крестьянская кляча, которую пустили пастись ночью в поле. Ну, едем! Мы и так потеряли здесь слишком много времени. Если это Джеррет Хис, так мы вот-вот должны быть на месте. Вперед!

И командир со своим отрядом помчались во весь опор по дороге. А Генри Голтспер, притаившийся в тени за деревьями, проводил их презрительным смехом, потонувшим в топоте коней и бряцании оружия.

— Еще один королевский курьер к Скэрти! — пробормотал он, выезжая на дорогу. — С повторной грамотой! Ха-ха! Его королевскому величеству, видно, не терпится, чтобы ее вручили. На этот раз он решил принять экстренные меры — эскорт из шести солдат. А все-таки, несмотря на это, достаточно мне было бы кашлянуть разок погромче, и, как бы ни бахвалился их командир, они мигом прыснули бы отсюда, не стали бы здесь прохлаждаться! Вся эта зазнавшаяся королевская челядь, «кавалеры», как они себя называют, — самые ничтожные трусы, храбры только на словах. Ах, скоро ли настанет тот час, когда англичане поймут наконец, что права надо отстаивать мечом — единственный способ, которым их можно добыть! Тогда, надо надеяться, все эти хвастуны полетят вон и будут выметены, как сор, защитниками свободы! Дай бог, чтобы этот час настал поскорее! Вперед, Хьюберт! Надо поторопиться!

Хьюберт повиновался легкому знаку, взвился с места и плавным галопом помчался по дороге к Красному Холму, а потом вниз по отлогому склону и по широким зеленым колнским лугам.

Глава XXX

«ГОЛОВА САРАЦИНА»

Харчевня «Голова сарацина» стояла в полумиле от реки Колна и точно на таком же расстоянии от окраины Эксбриджа. Чтобы попасть в харчевню, надо было переехать через реку по высокому старинному мосту.

«Голова сарацина» стояла на проезжей дороге и была такой же давности, как и мост; возможно, что она существовала со времени Крестовых походов, откуда и получила свое странное название.

Это была та самая харчевня, где Скэрти со своими кирасирами остановился на ночлег накануне своего появления в Балстрод Парке. Впоследствии ее стали называть «Головой королевы» — название, которое она сохранила и до наших дней. Это новое название, появившееся на вывеске, было делом рук не честного сакса Бонифаса, содержавшего харчевню в дни царствования Карла Первого¹, но раздетого в шелк и бархат богато-го владельца, унаследовавшего ему в подлые дни Реставрации².

В описываемое нами время хозяин харчевни мастер Джервис мог бы присвоить ей другое, не менее подходящее, а может быть, даже и более меткое название — «Голова короля»; ибо под этой кровлей подобные слова нередко произносили шепотом, а иной раз и громко, вкладывая в них совсем особый смысл, сильно отличавшийся от того, с коим их произносят обычно. Может быть, слова и мысли, которыми обменивались люди, собиравшиеся в стенах старой гостиницы, способствовали тому, что некий король лишился своей головы; во всяком случае, они ускорили это важное событие.

В тот вечер, когда Генри Голтспер мчался во весь опор по склону Красного Холма, торопясь к месту своего назначения — в харчевню «Голова сарацина», — примерно в это же время можно было увидеть группы

¹ Карл I (1600—1649) — английский король в 1625—1649 годах. Проводил реакционную феодально-абсолютистскую политику, вызвавшую недовольство значительной части дворянства, буржуазии и протест широких масс народа. Во время английской буржуазной революции XVII века был свергнут и казнен 30 января 1649 года.

² Реставрация — в данном случае восстановление в 1660 году на престоле Карла II — сына казненного Карла I. Царствование Карла II (1660—1685) отличалось, в противоположность строгим и суровым нравам пуритан, распущенностью и цинизмом.

пешеходов по два, по три человека, которые одна за другой переходили мост у Эксбриджа и направлялись к харчевне.

Одна за другой эти группы входили в харчевню, обменявшись приветствием с хозяином, который встречал их в дверях.

Так продолжалось до тех пор, пока под увитую плющом арку «Головы сарацина» не вошло примерно человек пятьдесят.

Все это были мужчины; среди них не было видно ни одной женщины.

В этих людях можно было сразу узнать ремесленников того или другого цеха, ибо каждому ремеслу в то время была присвоена особая одежда. Они не имели праздничного вида. Мясник пришел в высоких кожаных сапогах, пропахших говяжьим салом; мельник — в белом колпаке, из-под которого виднелись его пропыленные мукой волосы; кузнец — в шароварах, прикрытых спереди прожженным кожаным фартуком, а кривоногий портной — в плисовых штанах.

Были здесь люди и более щеголеватого вида: в высоких шляпах и камзолах из хорошего сукна, в добротных желтых сапогах, в белых полотняных воротниках и манжетах; но так как все они были одеты на один лад, по их одежде нетрудно было узнать, что они принадлежат к цеху лавочников, ныне неправильно именуемых торговцами.

По вечерам, — а особенно, когда была теплая погода, — в «Голове сарацина» нередко можно было встретить компанию этих людей, потому что погреб харчевни славился на всю округу и здесь собирались завсегда даже из Эксбриджа. Но в тот вечер, о котором идет речь, наплыв посетителей в харчевню в один и тот же, и довольно-таки поздний, час вызван был, по-видимому, чем-то более важным, а не просто потребностью выпить в компании знаменитого пива мастера Джервиса.

У всех этих людей, направлявшихся к «Голове сарацина», был необычно деловой вид; они разговаривали между собой, понизив голос, и по их озабоченному тону чувствовалось, что они говорят о каких-то весьма

серьезных вещах. Видно было, что они не просто вышли прогуляться, а идут по делу, ради которого заранее решились собраться в условленный час.

Как мы говорили выше, хозяин харчевни встречал каждого посетителя в дверях. В молчаливом приветствии, которым он обменивался с каждым входившим, было что-то необычное и даже загадочное, ибо хозяина «Головы сарацина» никак нельзя было заподозрить в необщительности. Не менее загадочным было и то, что каждый входивший поднимал правую руку с загнутым внутрь большим пальцем и на секунду подносил ее чуть ли не к самому носу мастера Джервиса.

По-видимому, это был какой-то условный знак, а легкий кивок, которым хозяин отвечал на этот загадочный жест, давал разрешение войти.

Войдя в дверь, посетители направлялись не в общий зал для гостей, а в глубь помещения; длинный коридор вел в большую обособленную комнату, по-видимому более подходящую для такого собрания. Посетителей, которые, входя, здоровались с хозяином попросту, не поднимая руки, провожали в общий зал или они сами направлялись туда, не дожидаясь, чтобы их проводили.

Прошел час, если не больше, а группы людей, направлявшихся к харчевне по дороге из Эксбриджа, все еще прибывали. В то же время другие, менее многочисленные группы подходили по той же проезжей дороге со стороны Красного Холма и Денема, а также по проселочным дорогам из селений Хэрфилд и Айвер.

Эти люди заметно отличались от тех, которые шли из Эксбриджа: по их одежде и внешности видно было, что это местные поселяне — пастухи, землепашцы, — и среди них немало было и более зажиточных фермеров.

Многие из них ехали верхом — видимо, издалека, — и, когда все наконец собрались в харчевне, в просторных конюшнях «Головы сарацина» оказалось не меньше лошадей, чем в тот день, когда Скэрти оказал честь хозяину, расположившись у него со своими кирасирами на даровой ночлег.

Одним из последних приехал красивый всадник, чья благородная внешность, одежда, доспехи и прекрасный,

породистый конь — все безошибочно указывало, что это человек знатного происхождения. Даже ночью, в неверном свете луны, его величавая осанка и непринужденные манеры выдавали в нем дворянина.

Хозяин и кое-кто из посетителей, толпившихся в дверях, по-видимому, хорошо знали его. Поэтому, когда он подъехал, в харчевне уже передавали шепотом из уст в уста слова, которые, казалось, обладали какой-то магической силой, — *Черный Всадник*.

Соскочив с коня, он спокойно вошел в харчевню вместе с другими, кланяясь им на ходу.

Ему незачем было поднимать руку и, зажав палец, подносить ее к лицу стоявшего в дверях хозяина. Эта предосторожность, к которой прибегали, чтобы не допустить доносчиков и шпионов, была излишней в отношении Генри Голтспера. Хозяин харчевни хорошо знал того, кто возглавлял это собрание, которое должно было состояться под его кровлей. Голтспер молча улынулся ему и уверенно зашагал по тускло освещенному коридору, как человек, который бывал здесь не раз.

С такой же уверенностью он открыл дверь в большую комнату — там сейчас было полным-полно народу; по всему коридору разносились громкие голоса горячо споривших людей.

И вдруг все смолкло, наступила тишина, но она длилась одно мгновение и так же внезапно сменилась взволнованным гулом и восторженными выкриками, среди которых можно было разобрать имя вошедшего человека и хорошо известное всем славное прозвище.

Голтспер закрыл за собою тяжелую дверь, и многоголосый шум, стоявший в зале, теперь уже не проникал в коридор. Споры и разговоры возобновились, но Голтспер, умело овладев вниманием толпы, направил беседу в надлежащее русло.

Возможно, кое-кому его речь показалась бы изменчивой, ибо здесь открыто обсуждали незаконные действия короля и его последние указы, а под конец некоторые ораторы, воспламенившись хмельной брагой, которую за счет кавалера щедро подносили собравшимся, и припомнив какую-нибудь недавнюю обиду, яро-

стно сжимали кулаки и, потрясая ими в воздухе, громко призывали к отмщению.

В эту ночь на тайном собрании в харчевне «Голова сарацина» впервые возникло видение, которое в недалеком будущем стало публичным зрелищем, ибо многим из тех, что собрались здесь сегодня, довелось увидеть своими глазами короля, всходившего на эшафот.

— Слава богу! — бормотал Голтспер, вскакивая в седло и направляя коня на дорогу к Красному Холму. — Слава богу, да не оставит он нас своею милостью! прибавил он, повторяя все еще звучавшие в его ушах выражения пуритан, выступавших на тайном собрании. — Они полны решимости, в этом можно не сомневаться. Наконец-то, после десяти лет тирании, они готовы сбросить с себя позорное иго! Тиран будет свергнут! Настал час покончить с самовластием и установить в милой старой Англии единственный разумный строй, который не противоречит здравому смыслу и обеспечивает гражданам свободу, — республику!

Горькая и чуть презрительная улыбка появилась на лице Голтспера, когда он подумал, как мало у него единомышленников в его родной стране, как мало людей, которые разделяли бы его чувства!

Голтспер жил в такое время, когда слово «республика» редко можно было услышать; это слово вызывало презрительную насмешку, его считали бессмысленным бредом, дикой фантазией безумца. Для Голтспера это слово было неотделимо от его подлинного смысла. Оно раскрывалось ему во всем своем грозном и величественном значении, знаменующем глубокую правду о благе и страданиях человечества. Даже в те времена жестоких притеснений и гонений, когда Лод¹ повелевал душами, а Страффорд² телами, когда меч инквизиции мог безна-

¹ Лод Уильям (1573—1645) — архиепископ Кентерберийский, жестоко преследовавший пуритан. Один из ближайших сподвижников Карла I, пользовавшийся исключительным влиянием и властью.

² Страффорд Томас Уэнтворт, лорд Страффорд (1593—1641) — ближайший советник Карла I. Первоначально был в парламентской оппозиции, но впоследствии перешел на сторону короля и стал ярым сторонником абсолютизма.

казанно сразить протестанта Вальденса, — даже и тогда были люди, которых ничто не могло заставить отречься от веры, что власть народа дарована богом, а что касается «божественных прав» короля, то это выдумка тиранов.

Такие люди существовали во все времена, ибо *время* не может изменить *истину*. Круг был кругом еще до того, как бог дал человеку понятие окружности, а когда бог создал людей, он желал, чтобы они сами управляли собой, а не подчинялись тиранам.

То, что они этого не делают, не доказывает, что господь бог ошибся. Окружность круга, если ее не довести до конца, не доказывает, что кривая не существует. Ни в древние века, ни в средневековье, ни в наше время отсутствие истинной республики не доказывает, что это не есть подлинно справедливый строй. Это поистине справедливый строй, единственный, в котором повелевают законы истины и добра. Не признавать этого может только тот, у кого дурная голова или дурное сердце.

Но есть ли сейчас на свете такие люди? Трудно этому поверить. Если бы я этому верил, я был бы подобен моему герою, когда он с горькой усмешкой думал, какая ничтожная горсточка людей разделяет его чувства.

Ах, если бы он дожил до наших дней, как радостно было бы ему убедиться, что он не обманывался в своих чувствах! В том, что иные называют крахом республиканских учреждений, он, так же как и я, увидел бы их победоносный расцвет. Он увидел бы, как за какие-нибудь сто лет республиканского режима тридцать миллионов людей превратились в гигантов по сравнению со всей остальной человеческой породой. Он увидел бы, как они разделились на два стана и борются одни против других подобно титанам древности, и, видя это, он

В 1640 году советовал Карлу I арестовать Пима и других парламентских лидеров по обвинению в государственной измене. Парламент объявил Страффорда вне закона, и под давлением народных демонстраций король был вынужден подписать смертный приговор своему любимцу. 12 мая 1641 года Страффорд был казнен.

не мог бы не подумать, что придет время, когда этот тридцатимиллионный народ сплотится, и тогда ему не страшно будет вступить в борьбу со всем монархическим миром!

Генри Голтсперу не надо было переноситься в будущее, чтобы найти подкрепление своей вере в республиканский строй. Он вынес свои убеждения из прошлого, почерпнув их у источника вечной правды. Саркастическая усмешка на его лице была вызвана презрением, которое благородная душа невольно чувствует к тем, кто верует или делает вид, что верует в «божественное право» королей.

Лицо его оставалось мрачным, пока он не повернул на лесную дорогу и не поравнялся со старым буком — это было то самое дерево, которое осеняло своими густыми ветвями самое заветное, самое дорогое для него место на земле.

Вот он опять под его зеленым шатром! Голтспер опустил поводья и, сняв шляпу, поднес к губам белую перчатку; сейчас он ни о чем не думал, любовь поглотила все его мысли и заставила забыть даже о республике.

Глава XXXI

ДОЧЬ ДЭНСИ

Жилище Дика Дэнси вряд ли правильно было называть домом. Даже название «хижина» было слишком пышно для жалкой лачуги, в которой лесник и его семья укрывались от дождя и ветра.

Ветры не проникали в лачугу потому, что, прежде чем ударить по ее стенам, они обрушивались на громадные буки Вепсейского леса, который обступал ее со всех сторон и защищал своими косматыми лапами.

Этот домишко был сложен из неотесанных бревен, щели между ними были кое-как замазаны глиной, а крыша покрыта тростником. Такие домишки, если не считать крыши, можно и сейчас увидеть где-нибудь в лесной глуши в Америке.

Узкая дверь, в которую с трудом протискивался плечистый лесник, два маленьких оконца с крошечными стеклами, вделанными в свинец; маленький дворик, огороженный покосившимся плетнем, предназначавшийся, быть может, для огорода, но теперь сплошь заросший сорняками; здесь сложена куча хвороста для печи; кое-как сбитый сарай служит иногда приютом тощей косматой лошаденке; из грязной конуры выглядывает большой свирепый пес, помесь овчарки с шотландской борзой, — таково было жилище лесника Дянси.

Внутри было так же неприглядно и бедно. Кухня с глиняным полом и обмазанными глиной стенами, полка с кухонной утварью, на стенах несколько лубочных картинок в дешевых рамках, связка лука, другая связка — из кроличьих шкурок, и тут же свежесобранная шкура лани; в углу свалены капканы, силки, сети и другие приспособления для охоты на дичь, а также рыболовные снасти; в другом углу — большой тяжелый топор, оружие лесоруба. Посреди стол из букового дерева, а вокруг него полдюжины стульев с плетеным из тростника сиденьем. На столе была расставлена глиняная посуда; углубление в полу и два уложенных в нем больших камня представляли собой очаг.

Кухня заменяла собой все; две другие комнатухи, имевшиеся в доме, служили спальнями. В каждой из них стояло по кровати, но одна спальня имела более опрятный вид: кровать в ней была застлана простынями и одеялом, тогда как в другой на постели лежала набитая соломой подстилка, прикрытая рваной холстиной, а вместо одеяла — две оленьих шкуры.

В первой спальне у стены стоял маленький столик и два стула. Над столом, на ржавых гвоздях с загнутыми шляпками, держался осколок зеркала и рядом подушечка для булавок; на столе лежали простенькие гребенки для закалывания волос, маленькая щеточка и пара белых полотняных рукавичков, которые, как видно, уже не раз надевались после стирки; все это вместе с кое-какими другими мелочами женского туалета говорило о том, что в комнате живет женщина.

Это была спальня Бет Дэнси, единственной дочери лесника и единственного члена его семьи. В другой комнате спал сам Дик. Но в дневное время Дик с дочерью обычно обретались в кухне. Там мы и застаем их спустя три дня после праздника, на котором красоте Бетси пришлось играть такую видную роль.

Дик сидел за столом, погруженный в приятный процесс насыщения; перед ним стояла кружка с пивом, тарелка с жареной дичью и лежали нарезанные ломти хлеба.

Это был его завтрак, хотя солнце, светившее сквозь вершины буков, показывало, что время близится к обеду и Бет уже давно позавтракала. Но Дик вернулся домой поздно ночью, усталый после долгого путешествия, и проспал на своей соломенной постели до половины дня, пока колокола в балстродской усадьбе не прозвонили двенадцать.

— Кто-нибудь был здесь без меня, дочка? — спросил он у Бетси. По-видимому, он еще не успел поговорить с ней после своего возвращения.

— Да. Солдат из усадьбы приходил, два раза был здесь.

— Солдат! — пробормотал Дик явно неодобрительным тоном. — Черт бы его побрал, чего ему здесь надо? Он тебе говорил, зачем он сюда пожаловал?

— Сказал только, что ему нужно видеть тебя.

— Меня? Да ты так ли поняла, дочка?

— Так он сказал, отец.

— А ты уверена, что он приходил не затем, чтобы увидеть тебя?

И с этими словами лесник испытующе поглядел в лицо дочери.

— Да нет, отец! — ответила Бетси, нимало не смущаясь под его взглядом. — Что ему до меня? Он сказал, что у него поручение к тебе и что его капитан хочет поговорить с тобой по какому-то делу.

— Что это может быть за дело у меня с капитаном? Ну-ну! А он тебе ничего не сказал?

— Нет.

— И ни о чем не спрашивал?

— Спросил только, не знаю ли я мистера Генри Голтспера и где он живет.

— А ты ему что сказала?

— Я сказала, что ты его знаешь, а что живет он в старом доме в Каменной Балке.

Красотка Бетси не сочла нужным сообщить отцу, что кирасир говорил не только это, а и многое другое, так как все это были разные любезности, относящиеся только к ней.

— Что это он об нем спрашивал? — пробормотал Дэнси. — Как бы из этого чего не вышло! Надо оповестить мастера Голтспера, да поскорее! Я вот сейчас поем, да и пойду туда. Уилл тоже заходил без меня, — продолжал он, снова обращаясь к дочери. — Я его вчера ночью видел у мастера Голтспера. Он мне сказал, что был здесь.

— Да, он был два раза. И в последний раз застал здесь того самого солдата. Они даже поругались из-за чего-то.

— Поругались? Вон как! Из-за чего же, дочка?

— А кто их там разберет! Ты же знаешь, отец, что Уилл прямо из себя выходит, когда кто-нибудь осмелится заговорить со мной. Это просто невыносимо, и я больше не желаю этого терпеть! Он так надоел мне своими попреками в тот день! Чего только он не наговорил мне! А какое право он имеет так со мной разговаривать?

— Вот что я тебе скажу, дочка: Уилл Уэлфорд имеет право говорить с тобой так, как он считает нужным. Он тебе добра желает. А ты с ним уж больно резка, я сам слышал: такое говоришь, что самого лучшего друга может обозлить. Тебе надо переменить свое поведение, а то как бы Уиллу Уэлфорду не наскучили твои штучки! Гляди, как бы он не вздумал поискать себе жену где-нибудь в другом месте!

«Вот как бы я была рада!» — подумала Бетси. Она едва удержалась, чтобы не сказать этого отцу, но, так как знала, что это приведет его в бешенство, ничего не ответила на его слова.

— Я уж тебе сказал, дочка, что встретил Уилла

Уэлфорда вчера ночью. Ну, мы с ним маленько поговорили о том о сем, и я так понял, что он собирается прийти сюда и ему надо сказать тебе что-то очень важное.

По омрачившемуся лицу Бетси нетрудно было угадать, что она прекрасно понимает, в чем будет заключаться этот «важный» разговор.

— Ну, а теперь, Бет, — сказал лесник, отодвигая тарелку с обглоданными костями и осушая кружку, — дай-ка мне старую шляпу да мою ореховую дубинку. Придется мне идти в Балку пешком — бедная скотина еле жива после нынешней ночи. Может, мастер Голтспер сам придет сюда... Я ведь должен был зайти к нему пораньше, а проспал. Он так и говорил, что, может, сам заедет. Так вот, коли заедет, ты скажи, что я тут же и вернусь, если не застану его дома или не встречу по дороге.

С этими наставлениями великан-лесник протиснулся в узкую дверь своей лачуги и направился густой чащей Вепсейского леса в сторону Каменной Балки.

Едва только он скрылся из виду, Бет быстро юркнула в маленькую комнатку и, схватив щетку, стала поспешно приглаживать свои длинные волосы.

В осколке зеркала, величиной с тарелку, отражалось красивое лицо девушки, в котором самый придирчивый знаток женской красоты вряд ли нашел бы какой-нибудь недостаток. Это было лицо настоящего цыганского типа — нос с горбинкой, пронзительные очи, смуглая золотистая кожа и густые волосы цвета воронова крыла; высокая, мускулистая фигура, похожая на фигуру юноши, с сильно развитыми руками и ногами, отличалась стройностью и гибкостью. Ничего нет удивительного в том, что Марион Уэд сочла ее достойной любви Генри Голтспера, а Генри Голтспер считал Уилла Уэлфорда недостойным обладать ею.

— Вот бы он пришел, а на мне это заношенное платье и волосы висят космами, как хвост у отцовской клячи! Да я бы не знала, куда деваться от стыда! Я думаю, что успею немножко принарядиться. Ох, уж

эти волосы! Никак с ними не справишься — этакая гущина! Их заплести нужно столько же времени, сколько моток пряжи напрядсти!.. Ну, вот так! Сиди, где я тебя воткнула, противная гребенка! Это подарок Уилла — не жаль, если и сломается! Теперь — воскресное платье, воротничок, манжеты! Конечно, они не так нарядны, как у мисс Марион Уэд, а все-таки они мне к лицу. Вот если бы еще можно было носить перчатки, такие маленькие, красивые белые перчатки, какие я видела у нее на руках! Но куда мне! Мои бедные руки — вон они какие грубые, красные! Им приходится работать и ткать, а ее ручки, я думаю, никогда и не прикоснулись к станку. Ах, если бы я только могла носить перчатки, чтобы спрятать под ними мои безобразные руки! Но разве я решусь! Деревенские девушки меня засмеют... пожалуй, еще прозовут так, что лучше и не произносить. Когда он придет, я спрячу руки под фартуком, так что он даже и кончика пальца не увидит.

Так разговаривала Бет Дэнси сама с собой, прихорашиваясь перед осколком зеркала.

Она прихорашивалась не для Уилла Уэлфорда и не для кирасира, который заходил дважды. Ни для кого из них черноволосая красавица не стала бы наряжаться в свои лучшие наряды. Ей хотелось завлечь в свои сети другую дичь, получше: она мечтала пленить Генри Голтспера.

— Только бы отец не встретил его по дороге! А то непременно воротит его обратно, потому что отцу больше нравится ходить в Каменную Балку, чем видеть его у нас. К счастью, туда ведут две тропинки, и отец всегда ходит по той, что покороче, а *он* по ней никогда не ездит... Ой, собака лает! Кто-то идет! Господи, помилуй, вдруг это он, а я еще не совсем оделась! Противная гребенка! Никак не держится, у нее слишком короткие зубцы. Уилл ничего не понимает в гребенках, а то, наверно, купил бы что-нибудь получше... Ну, кажется, так ничего, — закончила она, разглядывая себя в последний раз в зеркале. — Может быть, я и не так красива, как мисс Марион Уэд, но думаю, что я ничуть не

хуже мисс Дороти Дэйрелл... Опять собака! Наверно, кто-нибудь идет! Надеюсь, что это...

Не назвав имени, Бетси бросилась в кухню и, распахнув дверь, остановилась на крыльце.

Собака лаяла, хотя никого не было видно. Но Бетси знала, что собака редко ошибается, — несомненно, кто-то приближается к хижине.

Ей недолго пришлось оставаться в неведении, и она уже теперь не надеялась, что это Голтспер: собака лаяла, повернувшись на юг, а тропинка к Каменной Балке вела к северу от хижины. Если бы это был Генри Голтспер, он должен был бы появиться с этой стороны.

Тень разочарования скользнула по ее лицу, когда она подумала, кто это может быть. В той стороне жил Уилл Уэлфорд, и как раз в эту минуту он вышел из-за деревьев и показался на тропинке. Лицо Бетси еще более омрачилось.

— Ах, какая досада! — прошептала она. — А я так надеялась увидеть его! А теперь, если он придет даже по делу к отцу, Уилл, конечно, затеет скандал. Он не перестает меня ревновать с тех самых пор, как я поднесла цветы мастеру Голтсперу. Он, конечно, прав в том, что касается меня, но насчет мастера Голтспера он — увы! — ошибается. Я бы хотела, чтобы для этого был хоть какой-нибудь повод, — тогда пусть Уилл ревновал бы меня сколько угодно, меня это нисколько не трогало бы. Да и его тоже, я в этом уверена. О, если бы он только любил меня, мне больше ничего не надо было бы, ничего на свете!

Увидев подходившего Уилла, Бетси сделала шаг к двери и остановилась на пороге, устремив на незваного гостя равнодушный и скучающий взгляд.

— Здравствуй, Бет! — коротко и угрюмо поздоровался ее поклонник, на что Бет отвечала так же коротко. — Что это ты стоишь в дверях, точно поджидаешь кого? Не думаю, что меня!

— Конечно, нет, — отвечала Бетси, даже не стараясь скрыть свое огорчение. — Я тебя не ждала и ничуть не радуюсь твоему приходу. Я уж тебе говорила

это, когда ты был здесь в последний раз, и теперь повторяю.

— Много ты о себе думаешь! — грубо возразил парень, стараясь казаться равнодушным. — Почему ты думаешь, что я к тебе пришел? Может у меня быть дело к мистеру Дэнси?

— Если у тебя к нему дело, так его нет дома.

— А куда он пошел?

— В Каменную Балку. Только что ушел. Он пошел напрямиком через лес. Ступай скорей, ты быстро его догонишь.

— Ну нет! — воскликнул Уилл. — Не так уж я тороплюсь. Мое дело подождет, пока он вернется. Но я и тебе хотел кое-что сказать. Я так считаю, что нечего больше откладывать... А с чего ты так расфрантилась с утра? Разве сегодня опять что-нибудь празднуют? Кажется, ведь не ярмарочный день?

— Если я по-твоему и расфрантилась, так не потому, что сегодня праздник или ярмарка. Я так каждый день одеваюсь. Я только сегодня другую юбку надела да корсаж, потому... потому что...

Несмотря на всю свою находчивость, Бетси, по-видимому, не могла придумать никакого объяснения для своего праздничного корсажа.

— Потому что... — перебил лесник, видя ее смущение, — потому что ты кого-то поджидала, вот почему! Не пытайся меня надуть, Бет Дэнси! — продолжал он, распаляясь от ревности. — Не такой я дурак, каким ты меня считаешь. Ты для того вырядилась, чтобы встретить кого-то. Может, этого нахального солдата? А может, того самого важного кавалера из Каменной Балки? Или его индейское чучело? Ты ведь не больно разборчива, Бет Дэнси! Какая рыба ни попадется в сети — все годится!

— Уилл Уэлфорд! — вскричала Бетси, вся красная под градом его насмешек. — Я не желаю слушать такие дерзости ни от тебя, ни от кого другого! Если тебе больше нечего мне сказать, можешь уходить!

— Да, я хочу тебе что-то сказать, я к тебе за этим и пришел, Бет.

— Ну, тогда говори, и покончим с этим, — ответила девушка, явно желая поскорее выпроводить его. — Что такое?

— Вот что, Бет... — сразу притихнув, сказал лесник и подошел к ней поближе: — Мне нечего тебе и говорить, Бет, как я тебя люблю. Ты это сама хорошо знаешь.

— Ты мне это уже тысячу раз говорил. Я больше не желаю этого слушать!

— Нет, ты должна меня выслушать! И теперь это уже в последний раз.

— Очень рада!

— Вот что я хочу тебе сказать, Бет Дэнси, — продолжал влюбленный, не обращая внимания на ее колкости. — Прошлой ночью я видел твоего отца, и мы с ним договорились. Он дал мне свое полное согласие и обещал...

— Что это, скажите, пожалуйста?

— Что ты будешь моей женой.

— Вот как! — воскликнула Бетси и громко расхохоталась. — Ха-ха-ха! Так это ты мне и собирался сказать? Хорошо, Уилл Уэлфорд, послушай теперь меня. Ты мне уж тысячу раз говорил, что любишь меня, и вот сейчас клялся, что это будет последний раз. И я тебе тысячу раз говорила, что из этого ничего не выйдет, и вот сейчас клянусь тебе, что это мое последнее слово! Раз навсегда говорю тебе, что никогда не буду твоей женой — никогда, никогда!

Она говорила таким суровым и внушительным тоном, что Уилл Уэлфорд молча понурился, словно потеряв всякую надежду.

Но это продолжалось лишь минуту. Не таков он был, чтобы молча стерпеть обиду.

— Ах, так? Тогда пеняй на себя! — заревел он и, вскинув топор, яростно замахал им в воздухе. — Если ты не будешь моей женой, Бет Дэнси, так знай: не быть тебе ничьей женой! Клянусь тебе, что убью того человека, за которого ты выйдешь замуж, да и тебя вместе с ним! Попомни мои слова!

— Убирайся вон, негодяй! — закричала испуганная

и возмущенная Бетси. — Не желаю я слушать твои угрозы! Убирайся вон!

И, быстро отступив в кухню, она хлопнула дверь перед его носом.

— Подожди, я с тобой разделаюсь, лживая девка! — крикнул отвергнутый поклонник. — Я свою угрозу выполню, даже если меня потом вздернут за это!

И с этими злобными словами он вскинул топор на плечо, перескочил через покосившуюся изгородь и быстро зашагал прочь, бормоча про себя: «Я свою угрозу выполню, пусть меня потом хоть вздернут за это!»

Несколько минут дверь хижины оставалась закрытой. Бетси заперла ее на засов изнутри, потому что очень боялась, как бы Уилл не вернулся. Его искаженное бешенством лицо и иступленный взгляд, сверкавший из-под белых бровей, заставили бы испугаться самую смелую женщину.

Она успокоилась только тогда, когда увидела в окно, что Уилл удалился.

— Ах, как я рада, что он ушел! — воскликнула она. — Какой злобный негодяй! Всегда я так о нем думала. А отец хочет, чтобы я стала его женой! Никогда, никогда! Вот расскажу отцу все, что он мне наговорил. Может, это заставит его одуматься... Боюсь, что он сегодня не приедет! Когда-то я еще увижу его! В Михайлов день опять, верно, устроят праздник, но до него еще так долго! А так где-нибудь встретить его можно только случайно, да, может, еще и поговорить не удастся. Вот если бы у меня был какой-нибудь предлог пойти в Каменную Балку! Хоть бы отец почаще посылал меня туда! Да что от этого толку? Разве мастер Голтспер станет думать о бедной крестьянской девушке! Жениться на мне он не может, да и не захочет! А мне какое дело, лишь бы он любил меня!

Пес, который в течение всей бурной сцены между Бет и ее деревенским обожателем спокойно помалкивал, вдруг снова залился злобным лаем.

— Неужели это опять Уилл? — воскликнула Бетси, бросаясь к окну и выглядывая из него. — Нет, это не

— Убирайся вон, негодяй! — закричала Бетси.

он: собака лает в другую сторону. Это или отец, или... Боже, это он! Что же мне делать? Надо открыть дверь, а то, если он увидит, что она закрыта, он может и не зайти. А я хочу, чтобы он зашел!

Бетси быстро подбежала к двери и, отодвинув засов, тихонько открыла ее.

Она подавила в себе желание выбежать на крыльцо: если бы она это сделала, Голтспер мог бы спросить ее, дома ли отец, и, узнав, что его нет дома, прошел бы мимо. А Бетси этого не хотела. Она хотела, чтобы он вошел!

Он шел пешком. И это тоже было хорошо. Бетси следила за ним из окна, смотрела, как он приближается к дому. Она ждала его с замирающим сердцем.

Глава XXXII

НАКОНЕЦ-ТО ДЕПЕША!

Ричард Скэрти, капитан королевских кирасиров и доверенный королевы, сидел у себя в комнате в усадьбе сэра Мармадюка Уэда. Около него, так, что можно было дотянуться рукой, стоял маленький столик, а на нем графин с вином и серебряный кубок. Он уже успел осушить третий кубок, но вино сегодня не разгоняло его мрачного настроения.

Шел уже третий день его пребывания под кровлей сэра Мармадюка Уэда, а он нисколько не продвинулся в своих попытках снискать расположение хозяина и его семьи.

Жизнь в доме шла по строго установленному этикету, отношение семьи к офицерам не выходило из рамок холодной учтивости, и, помимо того, к чему хозяева дома были вынуждены необходимостью, между ними и навязанными им гостями не было никакого общения.

Но не эти обстоятельства смущали Скэрти. Он мог надеяться, что неприятное впечатление, которое он произвел в первый день, со временем сгладится. Он знал, что, стоит ему только захотеть, он может улестить самого дьявола, и не сомневался, что он сумеет войти в

доверие к сэру Мармадьюку и завязать с его семьей если не совсем дружеские, то, во всяком случае, достаточно приятные отношения, которые в конце концов предоставят ему желаемые возможности. По правде сказать, он даже льстил себя мыслью, что уже достиг в этом некоторого успеха. Во всяком случае, не это было причиной его скверного настроения, которое он теперь старался разогнать обильными возлияниями. Оно было вызвано совсем иными причинами. То, что он раньше только предполагал, обратилось в уверенность: его опередили. Прелестная молодая девушка, в которую он был страстно влюблен, принадлежала другому, и соперником его был тот самый человек, который так чудовищно унижил его в ее глазах.

Однако, несмотря на эту уверенность, он не терял надежды. Ричард Скэрти, избалованный придворный, был слишком высокого мнения о своей особе, чтобы позволить себе впасть в отчаяние. Ему не раз случалось разлучать сердца, казалось бы преданные друг другу, так почему же это не удастся ему и на сей раз?

По мере того как винные пары все больше затуманивали его сознание, Скэрти начинало казаться, что, может быть, он был не совсем прав и слишком поспешил с выводами из своих тайных наблюдений в парке. Ведь перчатка, в конце концов, вовсе уж не такое неоспоримое доказательство. Та, которую он нашел и припрятал, несомненно принадлежала Марион Уэд, но какие у него основания полагать, что это парная той, виденной им на шляпе Генри Голтспера? Белые замшевые перчатки с золотым шитьем были в то время в моде. Их носили все; почему же эта перчатка должна непременно принадлежать дочери сэра Мармадьюка Уэда?

Напротив, есть все основания предполагать, что это не ее перчатка. Голтспер, как известно, никогда не бывал в доме сэра Мармадьюка Уэда, его представили Марион всего за час до поединка, а после этого он с ней не разговаривал.

Так, сопоставляя различные обстоятельства, Скэрти решил, что перчатка на шляпе Голтспера не может иметь никакого отношения к Марион.

Но что же это было за свидание в парке? Свидание, которое он видел собственными глазами. Ведь это уж никак не могло быть случайностью! А может быть, это не любовное свидание? Может быть, эта встреча объясняется чем-нибудь другим?

Это предположение было маловероятно, но Скэрти, под влиянием винных паров, охотно склонялся к нему, забывая о своих ревнивых подозрениях; но через минуту они возвращались и снова завладевали им, повергая его в мучительные сомнения.

Генри Голтспер внушал ему чувство бешеной ненависти, он отравлял ему существование, и Скэрти, поклявшись уничтожить его, уже делал попытки разузнать все, что можно, о своем сопернике. До сих пор попытки были не очень успешны. Черного Всадника окружала тайна. И Скэрти удалось узнать только то, что это был богатый дворянин, недавно поселившийся в здешних краях в старой, заброшенной усадьбе, известной под названием «Каменная Балка».

Скэрти узнал еще, что большинство местных дворян не знакомы с Голтспером, но что у него есть знатные друзья в других графствах; а здесь он держится в стороне от всех не потому, что у него нет случая познакомиться, а потому, что он этого избегает.

Рассказывали, что он несколько лет жил в американских колониях, и эти слухи подтверждались тем, что его нередко сопровождал молодой индеец, его слуга.

Больше Скэрти ничего не мог узнать о своем сопернике, кроме того, что он иногда пользовался услугами двух лесников, живших неподалеку. Один был лесник Дэнси, другой, помоложе, — Уилл Уэлфорд.

Капитан кирасиров не совсем ясно представлял себе, каким образом ему могут помочь эти сведения, но, во всяком случае, он собирал их не зря. Сказать по правде, капитан Скэрти, жаждавший разделаться со своим соперником, который так внезапно преградил ему дорогу, еще никогда в жизни не чувствовал себя таким бесильным.

Вызвать своего врага на новый поединок — об этом нечего было и думать после такого финала первой

встречи. Жизнь Скэрти была пощажена, и законы чести запрещали ему искать второй встречи, если бы ему и хотелось этого. Но после того как он испытал на себе острое клинка и силу руки Голтспера, у него не было ни малейшего желания испробовать их еще раз. пылая жаждой мести, он мечтал удовлетворить ее каким-нибудь другим способом. Но как найти такой способ, это он пока еще не представлял себе.

Он жадно осушал кубок за кубком, но по его нахмуренному лбу видно было, что вино не оказывает на него желаемого действия.

Наконец его как будто что-то осенило. Он вскочил с кресла и быстро вышел из комнаты.

Через несколько секунд он вернулся в сопровождении одного из своих солдат, молодого парня, который, пожалуй, был бы даже недурен собой, если бы его не портило тупое и какое-то растерянное выражение лица.

— Ну, Уайтерс, — спросил офицер, закрыв за собой дверь в комнату, — ты видел обоих лесников?

— Только одного, господин капитан. Старого Дэнси не было дома, но его дочь сказала, что он должен вернуться нынче вечером.

— А другой?

— Уилл Уэлфорд. Да, господин капитан, его я видел и передал ваше поручение.

— Ну, так как же, он придет сюда?

— Боюсь, что нет, господин капитан.

— Почему?

— Да он какой-то чудной малый, этот Уилл Уэлфорд. Я ведь сам здешний и знал его еще до того, как поступил в армию. Сущая цепная собака, ежели его разозлить!

— Но почему же он может на меня злиться? Он ведь не знает, зачем я за ним посылал. А может быть, ему кое-что от меня перепадет!

— После того, что случилось, он с вами боится встретиться, господин капитан. Потому-то я и думаю, что он не придет.

— После того, что случилось? А что же такое слу-

чилось? Что ты городишь? Что ты этим хочешь сказать?

— Я, господин капитан, говорю о той маленькой стычке, которая у вас с ним вышла в тот день, на празднике.

— У меня с ним? О ком ты говоришь, Уайтерс? Не о Черном ли Всаднике, как его все здесь называют?

— Нет, господин капитан, я говорю об Уилле Уэлфорде.

— Так объясни ты мне, пожалуйста, что же такое произошло между мною и мастером Уиллом Уэлфордом? Я что-то никого не припоминаю с таким именем.

— А разве вы забыли Робина Гуда, господин капитан, — как он тогда замахнулся на вас луком?

— Ах, вот оно что!.. — протянул Скэрти. — Так, так... Так, значит, этот Уилл Уэлфорд из Вепсейского леса и смелый разбойник из Шервудского леса — одно и то же лицо? Неудивительно, что он теперь опасается встречаться со мной. Ха-ха! Но я думаю, мне удастся рассеять его опасения. Одна — две монеты, надеюсь, возместят мастеру Уэлфорду маленькую обиду, которую, как ему могло показаться, нанесли его милой. Что же касается удара, который он нанес мне по шлему, я охотно прощаю ему, тем более что он, кажется, сломал свой лук этим ударом. Так, значит, это Робин Гуд! Ну что ж! Я думаю, мы с ним скоро станем друзьями. Во всяком случае, по тому, что я имел возможность наблюдать, он, кажется, отнюдь не дружит с моим врагом... Уайтерс!

— Слушаюсь, господин капитан! — ответил солдат, снова отдавая честь своему офицеру, перед тем как получить новый приказ.

— Мне надо, чтобы ты проводил меня туда, где живет этот Уилл Уэлфорд. Полагаю, у него есть какое-нибудь жилье? Или, может быть, он, подобно тому разбойнику, которого он изображал, бродит с места на место и спит где-нибудь в лесу под деревьями?

— Он живет в маленькой лачуге неподалеку от Дика Дэнси.

— Тогда мы лучше навестим их сразу обоих. Ведь старый лесник, говорят, вернется сегодня ночью, так вот мы и подождем до завтрашнего утра. А далеко до этого Вепсейского леса?

— Мили две будет, господин капитан. Это по дороге к Биконсфилду.

— Отлично! Я поеду верхом. А ты после утреннего парада позаботься оседлать мою серую лошадь и свою также. Ну, а теперь отправляйся в барак, да смотри не говори никому в отряде, зачем я тебя вызывал, а не то попадешь в беду! Ступай!

Солдат, подтвердив, что он понял сделанное ему предупреждение, отдал честь и вышел из комнаты.

— Глуповат этот Уайтерс, — пробормотал капитан, оставшись один. — Мало от него толку. Но, кроме него, в отряде никто не знает здешних краев, поэтому и приходится брать его с собой. Что же делать!.. Может быть, в Уилле Уэлфорде я найду более способного помощника. Посмотрим!

И, развалившись в кресле, Скэрти снова погрузился в мрачные размышления и догадки, которые со вчерашнего дня не давали ему ни минуты покоя.

Он почувствовал облегчение, когда дверь тихонько отворилась и в комнату вошел младший офицер.

По лицу Стаббса вряд ли можно было предположить, что у него есть какие-нибудь приятные новости. Корнет, по всей видимости, пребывал в не менее мрачном настроении, чем его капитан.

Лора Лавлейс едва достаивала его своим вниманием, а когда ему случилось раза два очутиться в ее обществе, она или насмеялась над ним, или всячески давала ему почувствовать свое презрение. Но Стаббсу никогда не удавалось отплатить ей тем же, так как она никогда не выходила из рамок учтивости. Он мог бы дать волю своей бешеной злобе, но Скэрти предостерегал его от каких бы то ни было грубостей. Стаббс еще утром жаловался капитану, что юная леди не отвечает на его ухаживания, но тот был так поглощен своими собственными делами, что не дал ему никакого совета.

Тем не менее Скэрти обрадовался появлению корнета, так как оно помогало ему отвлечься от мучительных мыслей.

— Итак, значит, из Лондона до сих пор ничего нет? — спросил он, когда корнет уселся в кресло.

Тот только помотал головой.

— Очень странно, что мы до сих пор не получили повторной депеши!

— Да, странно, черт возьми!

— А может статься, этот курьер, которого так напугали разбойники, спятил со страху и, вместо того чтобы отвезти мое письмо, повесился где-нибудь в лесу?

— Вполне возможно.

— Если бы я приписал в письме королю, что это были за разбойники, которым так постыдно сдался его курьер, может быть, для него самое лучшее было бы повеситься. У меня нет ни малейшего сомнения, что это те самые пугала, которые видел сын сэра Мармадюка Уэда: ведь это случилось в ту же ночь и на том же месте. Ха-ха-ха! В каких только я не был походах, ни разу мне не приходилось слышать о такой ловкой стратегической вылазке!

— И мне, — подхватил Стаббс, тоже покатываясь со смеху.

— Я не пожалел бы месячного жалованья, чтобы залучить к себе этого ловкого мошенника, который придумал такую штуку. Если бы он пожелал вступить в наш отряд, я, не задумываясь, сделал бы его капралом!

— Да, это был бы отменный капрал!

— Мне хотелось бы залучить его еще и по другой причине, — продолжал Скэрти более серьезным тоном. — Мы могли бы вернуть пропавшую депешу. Я не сомневаюсь, что она так и лежит в кармане того камзола, который он стащил с этого труса. Ха-ха-ха! Хорош он был, когда мы его нашли! Ощипанный догола и связанный голубок! Вот будет смеяться королева, когда прочтет мое донесение! Надеюсь, она не расскажет королю. Если она проболтается, плохо придется бедняге курьеру.

— Да, уж ему не поздоровится!

— А в особенности, если в этих депешах было что-нибудь важное. Ведь они посланы тотчас же вслед за нами. Интересно, что там такое может быть? Надеюсь, не отмена приказа?

— Нет, только не это, черт возьми!

— Мне еще пока не наскучило пребывание на здешних квартирах, я не прочь пожить здесь подольше. Жаль, что эти девицы такие ледышки, а, Стаббс? Ну, не огорчайтесь — может быть, они через некоторое время и оттают.

— Надо надеяться, — сказал Стаббс, и его тупое лицо расплылось в улыбке. — Если бы только не этот молокосос, ее кузен, все было бы в порядке. Я в этом почти уверен, клянусь честью!

— Ну-ну! Стоит ли обращать на него внимание! По-видимому, это просто детская привязанность. Он только что вернулся после трехлетнего отсутствия, а ведь они, кажется, росли вместе. Естественно, что ей хочется немного поиграть с ним. Но он скоро надоест — ей нужен будет кто-нибудь другой. Вот тогда наступит ваша очередь, мой неотразимый корнет!

— Вы правда так думаете, капитан?

— «Думаю!» Я уверен в этом! Ха! Если бы я хотел добиться ее любви, я думаю, мне не пришлось бы тратить на это много усилий. А вот моя — совсем другое дело! Завоевать ее — на это потребуется все искусство... капитана Скэрти... Эй, кто там? Войдите!

Дверь открылась, и на пороге появился кирасир; он молча поднес руку к шлему.

— В чем дело, сержант? — спросил капитан.

— Прибыл курьер с эскортом из шести драгун, господин капитан.

— Откуда?

— Из Лондона.

— Введите его сюда и позаботьтесь, чтобы накормили солдат.

Сержант отправился выполнять приказание.

— Должно быть, это курьер с повторной депешей, — высказал предположение Скэрти. — И если это отмена приказа, надеюсь, что ее тоже украли.

— Сомневаюсь, — возразил корнет. — Шестеро драгун, пожалуй, справятся с дюжиной пугал.

Вошел курьер. По его одежде и по тому, как он держал себя, сразу можно было узнать придворного кавалера, но он был совсем не похож на того франта, которого обобрал Грегори. Это был старый, седой ветеран, вооруженный до зубов; его серые глаза сурово сверкали из-под забрала, и взгляд их говорил, что это не такой человек, которого мог бы одурачить Грегори Гарт со своими чучелами. Можно было не сомневаться, что, если бы он вез первую депешу, раскаявшемуся Гарту не пришлось бы совершить преступление в ту памятную ночь, он избежал бы греха и не нарушил клятвы, которую дал своему бывшему хозяину.

— Курьер короля? — спросил Скэрти, приветствуя кавалера учтивым поклоном.

— Депеша от его величества, — ответил курьер, протягивая ему документ. — Дубликат той, которая была послана три дня назад и пропала по дороге. Капитан Скэрти, надо полагать, осведомлен об этом обстоятельстве?

— О да, — подтвердил Скэрти. — Я надеюсь, у пострадавшего курьера не было никаких неприятностей в связи с этой историей?

— Уволен со службы, — раздалось в ответ.

— Ах, бедняга! Мне кажется, он уже был достаточно наказан перенесенным испугом, не говоря уже о пропаже лошади, кошелька, часов и медальона с локоном. Ха-ха-ха!

И Скэрти громко расхохотался. К нему присоединился Стаббс, а серые стальные глаза посланца сверкнули холодной усмешкой, ясно свидетельствующей, что он отнюдь не сочувствует попавшему в опалу королевскому курьеру.

— Корнет Стаббс, — сказал Скэрти, повернувшись к младшему офицеру и указывая на курьера, — позаботьтесь, чтобы кавалер не умер у нас от голода и жажды... Вы извините меня, сэр, я должен ознакомиться с депешей короля. Может быть, потребуется ответ.

Корнет, пригласив курьера следовать за ним, вышел

из комнаты. Оставшись один, Скэрти подошел к окну с депешей в руках и, сломив королевскую печать, начал читать:

«Его величество король — капитану Скэрти, командиру кирасиров в Бэкингемском графстве.

В дополнение к ранее полученным распоряжениям приказывается сим капитану Скэрти произвести в Бэкингемском графстве набор солдат для несения службы в королевском кирасирском полку; настоящим капитан Скэрти уполномачивается также королевской властью предлагать каждому новобранцу премию, как это указано в сопроводительной грамоте.

До сведения его величества дошли слухи о том, что в вышеназванном графстве имеются нелояльные граждане, кои осмеливаются выражать свое недовольство королевским правительством, позволяют себе разные незаконные действия, собираются на тайные совещания, произносят бунтарские речи, подстрекают народ против королевского правительства и особы его величества, равно как и против благосостояния церкви и государства. Посему его королевское величество приказывает своему честному и верному слуге капитану Скэрти производить розыски, обнаруживать и держать на замете всех недовольных; и коль скоро будет найдено достаточно веское доказательство их нелояльности, тем самым предписывается ему сообщать о том председателю королевского совета, коим будут приняты меры для предания сих бунтовщиков суду «Звездной палаты», или Верховному королевскому суду, или любому другому суду, дабы они понесли за свои преступления должное наказание.

Приказ издан во дворце в Уайтхолле.

(Подписано) Carolus Rex».

— Ну-ну! — воскликнул Скэрти, окончив чтение депеш. — Приятные на меня взваливают обязанности, нечего сказать! Чтобы я выступал в роли шпиона! Ко-

роль забывает, что я дворянин! Первой части приказа я повинуюсь охотно. Мой отряд требует пополнения, и я надеюсь, что, увеличив его численность, получу наконец чин полковника, который мне уже давно следует иметь. Ну, а насчет того, чтобы ходить по харчевням да по кабакам и подслушивать разные глупые речи, которые Джек говорит Джиму, а Джим повторяет Колину, приукрасив на свой деревенский лад, — это уж простите, ничего подобного делать не стану! Разве только... — добавил он, многозначительно улыбнувшись, — разве только сама королева мне прикажет. Чтобы угодить ее величеству, я готов обратиться в сидельца винной лавки и подслушивать разговоры у стойки... Стой, тут что-то еще приписано! Постскрипtum! Может быть, как в женских письмах, это и есть самая важная часть письма?

«После подписания сей депеши его величество был осведомлен, что один из подданных его величества, по имени Генри Голтспер, более всех других усердствовал в подстрекательских действиях и вышеупомянутых бунтарских выступлениях; полагают, что вышеуказанный Голтспер является деятельным орудием и помощником врагов королевского правительства. Посему капитану Скэрти предписывается наблюдать за действиями Голтспера, и, если в его поведении будет обнаружено что-либо, являющееся достаточной уликой для обвинения перед «Звездной палатой», капитану Скэрти поручается принять меры и арестовать указанную личность. Его величество, предоставляя капитану Скэрти свободу действий, полагается на его благоразумие и осторожность, ибо, ежели привлеченный к суду подданный его величества окажется невиновным, сие может возбудить недовольство и навлечь нарекания на правительство его величества.

С. Р.».

— Шпионить! — вскричал Скэрти, дочитав до конца и вскочив с места. — Мне предлагают шпионить за ним! Что ж, принимаю с благодарностью! Будьте покойны, ваше величество, все будет сделано как нельзя лучше!..

Разве я не был прав? — продолжал он, расхаживая из угла в угол и победоносно размахивая депешей. — Женщины умницы: самое приятное они приберегают под конец. Вот и в этом письме самым приятным оказался постскрипtum! Итак, мастер Генри Голтспер, я всегда думал, что в вас есть что-то подозрительное, с того самого тоста на постоялом дворе. Ну, а теперь вы у меня в руках и не вывернетесь — нет, клянусь честью, или я не Ричард Скэрти, капитан королевских кирасиров! Но только не надо спешить. Я должен быть в высшей степени осторожен. Так советует король. Ну что ж, он может быть спокоен: я знаю, когда надо грозить и шуметь, а когда действовать исподволь. Да, нужно иметь улпки. Я думаю, с этим затруднений не будет, когда красный бунтовщик предстанет пред судом. Улики я найду! Не бойтесь, ваше величество, улики я раздобуду! А нет, так создам их! Много ли надо, чтобы удовлетворить наш праведный суд, «Звездную палату»! Ха-ха-ха!

И с этим язвительным смехом Скэрти быстро вышел из комнаты, словно торопясь сразу же приступить к поискам этих улик, которые он во что бы то ни стало решил достать.

Г л а в а XXXIII

УИЛЛ УЭЛФОРД

Мы покинули Бет Дэнси в тот миг, когда она, устремив взор на обожаемого человека, ждала с замиранием сердца, чтобы он переступил порог ее хижины.

Но не одни только глаза Бет следили за Генри Голтспером и не только у нее трепетало сердце при его приближении. Еще одно сердце, переполненное совсем другими чувствами, колотилось в груди, — сердце ее отвергнутого обожателя.

Расставшись со своей жестокой возлюбленной, Уилл Уэлфорд пошел по лесной чаще, не глядя, куда идет. Счастливое будущее — супружеская жизнь с Бет Дэнси, о которой он давно мечтал, отодвинулась и померкла

после полученного им решительного отказа. И мир молодого лесника, как он ни был ограничен, обратился ныне для него в полный хаос.

Некоторое время он шел, повторяя про себя мстительные, злые слова, которые он бросил Бет на прощанье.

Но когда он вспомнил, что Бет встретила его разряженная, в праздничном платье, у него внезапно мелькнуло подозрение, что она, наверно, кого-то ждала. Эта мысль заставила его остановиться. Если даже Бет отвергла его и не оставила ему никаких надежд, он все равно должен открыть, кто же этот счастливый соперник, для кого она так нарядилась.

Что соперник существует, Уилл не сомневался. Все поведение девушки, ее беспокойство, пока он был там, явное желание, чтобы он пошел догонять ее отца, и, наконец, то, как она захлопнула перед ним дверь, — все указывало на ее желание отделаться от него как можно скорее. Как ни глуп он был, но даже у него хватило ума сообразить это.

Если у него еще и оставались какие-то сомнения, лай собаки, донесшийся до него в эту минуту, окончательно убедил его. Ведь на него она уже не могла лаять? Значит, там появился кто-то другой. А кто же это мог быть, как не тот человек, для которого Бет так кокетливо уложила свои черные косы?

Ревнивый лесник повернул назад и пошел обратно к хижине. Но теперь он шел осторожно, прячась за стволами деревьев, бесшумно скользя от одного дерева к другому, словно опасаясь, что его подстерегают, что тот, кто сидит в хижине, вот-вот выстрелит в него...

Дойдя до открытого места в нескольких шагах от ограды, он остановился и присел, спрятавшись за кустом остролиста так, чтобы его нельзя было увидеть из хижины.

Оглядевшись по сторонам, он сразу увидел человека, на которого лаяла собака. Будь это солдат-кирасир, последняя победа Бет, или даже офицер, который на празднике осмелился бесцеремонно поцеловать ее, Уилл Уэлфорд, разумеется, был бы огорчен и возмущен. Но

когда он увидел, что это ни тот, ни другой, но гораздо более опасный соперник — тот, кто посылал его с поручениями, тот самый, кто вступился за девуцу Марианну, — его охватила дикая злоба.

Будь это кто-нибудь другой, Уилл Уэлфорд выскочил бы из засады и, кинувшись на своего соперника, заставил бы его немедленно убраться. Но он был свидетелем поединка на лугу, да и все, что он знал о характере и привычках Черного Всадника, внушало ему ужас перед этим человеком и отбивало у него охоту двинуться с места.

Собака внезапно перестала лаять и, весело прыгая на цепи, замахала хвостом, радостно встречая пришедшего. Ясно было, что кавалер не первый раз заходит в хижину Дика Дэнси!

Лицо Уэлфорда стало мрачнее тучи, когда он подумал об этом, и сердце его мучительно сжалось. Но что почувствовал он, когда увидел, как Голтспер вошел в хижину и вслед за этим оттуда донесся оживленный разговор!

Он не мог разобрать слов, но ему казалось, что эти двое людей говорили о чем-то своем, что они понимают друг друга...

Глаза Уилла Уэлфорда вспыхнули смертельной ненавистью. Еще мгновение — и, забыв свой страх перед могущественным соперником, он кинулся бы на него с топором, но громкий залиvistый лай собаки заставил его застыть на месте, и в ту же минуту он увидел идущего по тропинке старого лесника. Вместо того чтобы выйти ему навстречу, он притаился за густыми ветвями и так и сидел, пока кавалер вместе с хозяином не вышел из хижины. Когда он увидел, что они вдвоем углубились в лесную чащу, по-видимому занятые каким-то серьезным разговором, Уилл тихонько выполз из своего тайника под остролистом и, погрозив топором в сторону удалявшейся пары, стал осторожно пробираться прочь, прячась за кустами, чтобы его не увидели из окна хижины.

Он все время бормотал что-то себе под нос, и, если в голову ему приходило особенно мучительное воспоми-

вание, он повторял все ту же угрозу, которая вырвалась у него, когда Бет захлопнула перед ним дверь:

— Нет, черт возьми, я не отступлюсь! Как сказал, так и сделаю, пусть меня потом хоть вздернут за это!

Но на этот раз угроза относилась непосредственно к Голтсперу. Правда, он все еще делал оговорку, он хотел еще проверить свои подозрения. Он будет следить за своей милой днем и ночью и уж если увидит, что не ошибся, ревнуя ее к Голтсперу, — тогда ничто не остановит его, и он приведет в исполнение свою угрозу — отправит счастливого соперника на тот свет!

Приняв это решение, он несколько успокоился, но оно не принесло ему облегчения. Поглощенный своими мрачными мыслями, он не заметил, как подошел к дому.

Лачуга Уилла Уэлфорда стояла всего в нескольких сотнях ярдов от жилища Дэнси и производила, пожалуй, еще более убогое впечатление. Она напоминала собой кое-как сложенный шалаш. Низкая дверь вела в единственную комнату с одним маленьким оконцем. Но Уилл Уэлфорд жил один-одинешенек, и для него этого было вполне достаточно.

Внутри лачуги было еще бедней, чем в хижине Дэнси. Кровать из досок, прилаженных в углу и покрытых какими-то рваными лохмотьями, имела такой неопрятный вид, что можно было сразу сказать: женская рука никогда не касалась этой постели и не покрывала ее простыней или одеялом.

Но нищета, бросающаяся в глаза, была песколько обманчива. Все знали, что у Уилла Уэлфорда водятся деньжонки, его запись на мелок в харчевне «Вьючная лошадь» всегда оплачивалась по первому требованию. Одежда его также не говорила о скудости средств. Он всегда хорошо одевался, даже мог позволить себе купить маскарадный костюм, чтобы выступить в роли Робина Гуда или какого-нибудь другого любимого народом героя.

Эта слава о его достатке, размеры коего никому не были известны, давала ему право претендовать на руку Бет Дэнси, первой красавицы в округе, и, хотя припи-

сылаемое ему богатство и не помогло ему завоевать сердце девушки, оно помогло ему снискать расположение ее отца.

Уиллу уже и раньше не нравилось, что Бет, как ему казалось, заглядывается на Черного Всадника, но то, чему он сейчас был свидетелем, пробудило в нем жгучую ревность. Правда, у него не было никаких доказательств, он ничего не мог сказать наверняка. Голтспер мог прийти в хижину Дэнси по какому-нибудь делу, а вовсе не на свидание с Бет. Уэлфорд был бы рад этому верить!

Однако во всем этом было что-то настолько подозрительное, что Уилл не мог оставаться спокойным; и, кто знает, чем бы кончилось свидание, не вернись Дэнси...

Войдя в свое скромное жилище, Уэлфорд швырнул в угол топор, а сам опустился на стул; на лице его было написано глубокое отчаяние, и с губ его непрестанно срывались имена Бет Дэнси и Генри Голтспера.

— И чего он суется сюда, дьявол его возьми! — бормотал он. — Чем ему свои не хороши! Чего ради он вертится здесь на своем вороном коне, разодетый в шелка да в бархаты, и лезет в хижины бедняков, где ему совсем не место! Будь он проклят! И зачем его принесло в наши края, хотел бы я знать! Что он такое задумал? Собирает у себя в доме народ со всего графства, съезжаются к нему поздно ночью... Ох, хотел бы я знать, что все это означает! Тут, видно, что-то кроется, и он не хочет, чтобы об этом кто-то узнал. А то почему бы в тех письмах, которые я разносил, — ну, и, конечно, вскрыл и прочел, — говорилось, чтобы приезжали без слуг, поздно ночью. В полночь — так там и было написано, во всех письмах! Да, хотел бы я знать, что тут такое замышляется! А ведь есть и еще один человек, которому, верно, тоже хотелось бы это узнать, — тот самый, что бился с ним на празднике. Жаль, что он не проткнул ему ребра, а позволил себя проткнуть! Ах, черт, и что ему от меня требуется, этому капитану? Ведь не из-за того же меня вызывают, что я треснул его по башке! Стал бы он тогда ко мне посылать, как же! Прислал бы просто парочку своих солдат, те и свели бы меня куда

следует. Уайтерс говорит, будто он мне добра желает, да ведь Уайтерсу разве можно верить? Еще до того, как он в солдаты пошел, от него, бывало, никогда слова правды не услышишь. Вряд ли он с тех пор переменялся к лучшему. Может, и впрямь капитан хочет со мной поговорить? Дорого бы я дал, чтобы узнать, что ему от меня нужно!.. А ведь может статься, черт возьми,—продолжал он после некоторого раздумья, — что это насчет того самого кавалера, Черного Всадника! Можно не сомневаться, что он с того дня не выходит у капитана из головы. Ну, а коли так... гм... — многозначительно хмыкнул он... и замолчал, словно обдумывая что-то. — Как знать, может, оно и так... Черт!.. Эх, была не была, пойду-ка я к этому капитану Скэрти... так, кажется, его зовут?.. там все и узнаю. Вот сейчас же и пойду!

И, приняв это неожиданное решение, Уилл вскочил со стула, схватил свою шляпу и вышел на крыльцо. Но тут он внезапно остановился и, поднеся руку к глазам, стал вглядываться в просвет между деревьями.

— А ведь правду говорят, — пробормотал он, изумленный и обрадованный: — только помяни черта, а он тут как тут! Ведь это тот самый человек, к которому я собрался идти, сам капитан кирасиров, а с ним Уайтерс!

Уэлфорд не ошибся. Действительно, капитан Скэрти со своим вестовым Уайтерсом приближались к хижине.

Они ехали верхом, но примерно в сотне шагов от хижины капитан сошел с коня и, передав поводья солдату, пошел вперед один.

Вокруг лачуги Уилла Уэлфорда не было никакой ограды или канавы, и офицер подошел прямо к крыльцу, где стоял лесник, поджидая его.

Быстрым взглядом опытного вояки Скэрти заметил, что на грубоватой, тупой физиономии его недавнего врага нет никаких следов злобы. По-видимому, враждебные чувства, которые он обнаруживал на празднике, пропали без следа, и капитан был столь же удивлен, сколь и обрадован, что лесник встречает его с улыбкой, тогда как он ждал, что его встретят ненавистью.

Капитан Скэрти без труда догадался, как это надо понимать: у этого человека был враг, смертельный враг, которого он ненавидел гораздо больше, чем Скэрти, и он знал, что это также и его враг.

Решив прежде всего убедиться в правильности своей догадки, капитан кирасиров обратился к леснику самым дружелюбным тоном.

— Доброе утро, друг! — приветливо поздоровался он. — Надеюсь, это маленькое происшествие, из-за которого мы так глупо повздорили, о чем я глубоко сожалею, теперь забыто и вы простили меня! А так как я всегда воздаю должное храбрости, даже в противнике, я буду очень польщен, если вы не откажетесь выпить со мной чарку винца. Я, знаете, всегда беру с собою про запас, на всякий случай... У вас тут легко заблудиться, в ваших непроходимых лесах, так вот, чтобы не погибнуть от жажды...

С этими словами он взял флягу, висевшую у него через плечо, и начал быстро отвинчивать крышку.

Его бывший враг, явно удивленный, но вместе с тем и довольный таким внезапным завершением ссоры, с радостью принял предложение и в несколько неуклюжих выражениях пригласил кавалера зайти в его скромное жилище.

Скэрти сразу согласился и, войдя в хижину, уселся на одном из двух разломанных стульев, стоявших в комнате.

Вино тут же разлили в две оловянные кружки, и не прошло и десяти минут, как у капитана Скэрти и Уилла Уэлфорда уже завязались самые дружеские отношения, как будто капитан никогда не целовал девицы Марианны, а Уилл не ломал своего самострела об его голову.

— Все дело в том, мой храбрый Робин, — оправдывался Скэрти, — что я и мой товарищ, корнет, перехватили лишнего в то утро, а вы сами понимаете, когда человек...

— Понятно... — отвечал лесник, проникаясь все бóльшим расположением к своему великолепному гостю, который мог стать для него могущественным покровителем. — Когда человеку хмель в голову ударит,

он уж за себя не отвечает. Я знаю, что вы поцеловали девушку так просто, в шутку. Ах, черт, я и сам сделал бы это, да еще как!

— А ведь она, право, красotka, эта девица Марианна! Ваша нареченная, как я полагаю, мастер Уэлфорд?

— Ну да, у нас с Бетси вроде как все решено! — с гордостью сказал лесник.

— Вот счастливчик! Так, значит, скоро свадьбу сыграем?

На этот вопрос Уэлфорд ответил как-то неопределенно.

— Как человек опытный в этих делах, — продолжал капитан, — ведь я сам был когда-то женат, и не раз, — я посоветую вам не позволять красотке Бетси после того, как она станет миссис Уэлфорд, подносить мужчинам цветы.

— Кой черт! — воскликнул ревнивый любовник. — Что вы хотите этим сказать, мастер?

— Да просто то, чему я был свидетелем там, на поле. И, сказать вам по правде, меня это очень удивило. Уж если кто и заслужил эти цветы от девицы Марианны, так, безусловно, тот, который первым вступился за нее. А ведь это были вы, мастер Уэлфорд, и свидетель этому — мой череп, который до сих пор ноет при одном только воспоминании!

— Будь я проклят, да кому ж, как не мне, за нее вступаться! Черному Всаднику незачем было и соваться!

— Совершенно верно. Мы с вами уладили бы сами меж собой нашу маленькую ссору. Да я, знаете, уже собирался извиниться перед вами и сам чувствовал, что поступил глупо, а он как раз тут и вмешался. И, конечно, он только потому и вмешался, что хотел понравиться девушке. Я тогда сразу это заметил, хотя мне в то время ничего о них не было известно. Ну, а с тех пор я кое-что узнал, и теперь уж у меня нет никаких сомнений.

— Узнали? Что вы с тех пор узнали? — задыхаясь, вскричал Уэлфорд и, вскочив со стула, не помня себя

У капитана и лесника завязались самые дружеские отношения.

бросился к Скэрти. — Если ты знаешь что-нибудь о Бет Дэнси и о нем, скажи мне, мастер! Скажи, и я...

— Успокойтесь, Уэлфорд, садитесь. Я расскажу все, что знаю. Но чтобы мне быть уверенным, что мне сообщили правильно, я должен знать кое-что о человеке, которого вы называете Черным Всадником. Может быть, вы мне расскажете о нем, чтобы я мог убедиться, что он и есть тот самый человек, чье имя я слышал в связи с девицей Марианной, или Бет Дэнси? Так, кажется, ее настоящее имя?

— Что вам нужно о нем знать? — спросил Уэлфорд, явно готовый выложить все, что ему было известно о Голтспере.

— Да все, — ответил Скэрти, убедившись, что ему больше нет надобности остерегаться. — Я знаю только его имя. А ведь вполне может статься, что это вовсе даже и не он, кого...

— Кого? Что — кого? — живо спросил нетерпеливый слушатель.

— Я все скажу вам, мастер Уэлфорд, только потерпите немножко. Где он остановился, этот Черный Всадник?

— Где остановился?

— Ну да, в какой гостинице?

— Чаще всего я видел его в «Голове сарацина», на постоялом дворе неподалеку от Эксбриджа.

— Эх, мой храбрый Робин! Это не то, о чем я спрашиваю. Где он живет?

— Где его дом?

— Ну да, где его дом?

— Да недалеко отсюда, по ту сторону Вепсейского леса, в лощине между холмами. Это место называют «Каменная Балка». Там стоит старый, заброшенный дом. Давно уж пора ему и стены и крышу починить — вот-вот развалится.

— А гости у него бывают?

— Ну, ежели вы называете гостями разных разряженных дам и кавалеров, таких у него, пожалуй, никогда не бывает. Да и так, если считать, засветло у него никого не бывает. А вот как стемнеет, ночью...

— Ага! Значит, его друзья ообираются у него по ночам! — прервал Скэрти лесника с явно удовлетворенным видом. — Правильно я вас понимаю, мастер Уэлфорд?

— Да нет, не совсем так... я, видите ли, был в Каменной Балке раз двадцать с тех пор, как он поселился в старом доме, в самое разное время и никогда не видал там ни души, кроме меня самого да Дика Дэнси. Есть у него еще слуга, чудной такой, называется индеец. Он его с собой привез.

— Но вы думаете все-таки — к мастеру Голтсперу приходит кто-то по ночам?

— Ну, это-то да! Много народу приходит.

— А что же это за люди?

— Да я никого из них не знаю. Не из наших они мест, видно. Приезжают все с ног до головы в пыли — видать, что издалека. Вот в воскресенье ночью много народу съедется, ежели судить по письмам, которые я в шесть домов разнес, да Дик Дэнси столько же. А еще целую пачку писем повез какой-то человек на запад, в ту сторону графства. Не знаю, кто он такой. Верно, какое-то собрание будет.

— В ночь на воскресенье? — живо спросил Скэрти, явно заинтересованный.

— В ночь на то воскресенье.

— А в какое время?

— Ровно в полночь.

— Вы твердо уверены в этом?

— Как же мне не быть уверенным, когда я сам должен быть там в это самое время с Диком Дэнси, чтобы присматривать за лошадьми! Много у нас будет хлопот — ведь столько народу съедется, и все без слуг!.. Ну, что вы мне обещали сказать, мастер? — спохватился лесник, возвращаясь к тому, что не давало ему покоя и ни на минуту не выходило из головы. — Вы говорили, будто вам известно, что у Бет Дэнси что-то было с ним? Ну, если только это правда и он посмел, — несдобровать ему! Уж я свое слово сдержу, пусть меня потом хоть вздернут за это!

— А что посмел?

— Обмануть Бет — вот что! Скажите мне все, что вы знаете, мастер! Прощу вас, скажите мне!

— Так вот, если сказать по правде, — отвечал вероломный доброжелатель, медленно подыскивая слова, стараясь выгадать время, чтобы придумать что-то похожее на правду, — я сам ни за что не могу ручаться, потому что ведь только слышал, да и то случайно, что вашу девицу Марианну видели в лесу с кавалером в очень неурочное время — поздно ночью.

— В какую же это ночь?

— Дайте-ка припомнить!.. В ночь праздника? Нет, это было... да, теперь я хорошо вспомнил!.. это было на следующую ночь.

— Проклятая! В ту самую ночь, когда я ходил разносить письма! Ох!

— Я бы и не знал, что это Голтспер, потому что тот, кто мне рассказывал об этом, не назвал его. Он только сказал, что этот человек был в богатом бархатном камзоле, в шляпе с черными перьями. Но, судя по тому, что я сам видел, и по тому, что вы мне сейчас рассказали, мне кажется очень вероятным, что это был Черный Всадник. Видели их в лесу неподалеку от Каменной Балки. А вы говорите — он там живет. Ну, разве это не подозрительно?

— Это был он! Я знаю, я теперь уверен в этом! Я буду не я, если не отомщу ему, да и ей тоже! Подлая лгунья! Ну уж я с ними разделаюсь!

— Может быть, девушка и не так уж виновата. Он человек богатый, этот Голтспер, — он ведь мог соблазнить ее деньгами? Золото в таких случаях много значит.

— Ох, коли бы это только из-за денег, я бы еще кое-как стерпел! Да только нет, мастер, это совсем не то! Я знаю, что это не то! Она сама к нему льнула, проклятая!

— Но, возможно, мы и ошибаемся. Может быть, это не так далеко зашло, как вы думаете. Во всяком случае, я вам советую оставить девушку в покое, а обратить вашу месть на презренного негодяя, который ее соблазнил.

— С ним я разделаюсь с первым! А потом, коли узнаю, что она себя не сберегла...

— Ну, сберегла там себя она или нет, — он-то, во всяком случае, не заслуживает вашей благодарности за то, что пытался ее соблазнить.

— Уж я так его отблагодарю! При первом же случае, только бы возможность представилась!

— Если я не ошибаюсь, вам долго ждать не придется: такая возможность у вас уже есть.

Лесник понял эти слова по-своему и молча покосился на топор. Этот страшный, многозначительный взгляд не ускользнул от острого взора Скэрти.

— Что ж, — сказал он неодобрительным тоном, — эта возможность у вас всегда в руках. Но тут можно и промахнуться, не говоря уже о том, что вас самого могут проткнуть насквозь. Если все, что вы мне рассказали, окажется именно тем, что я подозреваю, вам вовсе нет надобности прибегать к таким крайним мерам. Я смогу указать вам более верный и безопасный способ отделаться от вашего соперника.

— Ах, господин капитан, если бы вы это сделали... только сказали бы мне, как... я бы уж вам... я...

— Терпение! Очень возможно, что я сумею вам помочь, — перебил его Скэрти. — У меня кое-что есть в виду, и, по-моему, это как раз то, что нужно. Но я должен это хорошенько обдумать, — продолжал он, поднимаясь, чтобы уйти. — Я вернусь сюда вечером, как стемнеет. Вы пока оставайтесь дома. А если пойдете куда-нибудь, держите язык за зубами. Никому ни слова о нашем разговоре! Ну, еще глоток из фляги! Не падайте духом, Уэлфорд, до скорого свиданья!

С этими словами капитан вышел из хижины и направился к тому месту, где он оставил своего коня. Через минуту он уже скакал по лесной чаще в сопровождении своего помощника Уайтерса.

Он ни словом не обмолвился Уайтерсу о своем разговоре с лесником, но все время, пока они ехали, этот разговор не выходил у него из головы.

«Можно не сомневаться, что это одно из тех собраний, о которых как раз и упоминает его величество.

Ричард Скэрти, правда, не получил приглашения, но он непременно будет участником этого полуночного собрания. О, если мне только удастся подслушать, что там происходит, я предоставлю мастеру Голтсперу более прочное помещение, чем то, где он сейчас живет! Будь покоен, добрый король Каролюс! На этот раз я с удовольствием возьму на себя роль шпиона! Ха-ха-ха!»

И, окрыленный надеждой, которую пробудил в нем рассказ лесника, Скэрти прищепил своего серого коня, и по густой чаще Вепсейского леса далеко разнесся его злорадный хохот.

Г л а в а XXXIV

ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЙ ОТЪЕЗД

Окончился веселый праздник Михайлова дня, любимый праздник английского народа. Был уже тот поздний час, когда поселяне, утомленные гуляньем и пирушками, отошли ко сну, — близилась полночь.

Хотя в такое время года обычно стоят ясные ночи, в эту ночь все небо над Чилтернскими холмами было затянуто густыми, черными тучами. Не видно было ни луны, ни звезд, и путник, едущий верхом, лишь с трудом мог бы различить дорогу, по которой ступал его конь.

Время от времени этот густой мрак прорезала молния; яркая огненная борозда, вспыхивая то там, то здесь, вырывала из темноты кусок пашни, верхушки деревьев или склон холма, поросший громадными буками. И хотя все было неподвижно, не чувствовалось даже дыхания ветерка и ни одна капля дождя не упала на землю, все же тучи, молнии и гром предвещали приближение бури. Это была одна из тех ночей, когда путник спешит укрыться в ближайшей гостинице и, если его не призывает особо важное дело, переживает грозу под ее кровом. Несомненно, такое важное дело и было у двоих путников, которые в этот поздний час, несмотря на приближающуюся бурю и непроглядный мрак, обволакивающий все кругом, выехали из усадьбы.

Если бы Марион Уэд и Лора Лавлейс, которые, перед тем как лечь спать, сидели и разговаривали в спальне, выглянули в эту минуту из окна, они увидели бы двух закутанных в плащи всадников, ехавших по аллее, которая вела к проезжей дороге.

Кузины сидели в спальне Марион, так как они решили сегодня спать вместе.

Это не было в их привычках: ведь у каждой была своя комната. Но сегодня был исключительный день — произошло важное событие, — и Лоре хотелось поговорить об этом по секрету со своей кузиной.

Вернее было бы сказать, что с Лорой в этот день произошли два события, и оба настолько важные, что она чувствовала потребность поделиться ими со своей старшей подругой.

Оба события были одного и того же порядка: и то и другое было объяснение в любви с предложением руки и сердца.

Но претенденты были отнюдь не похожи друг на друга, между ними было огромное различие. Один был ее кузен — Уолтер Уэд, другой, как уже, наверно, догадался читатель, — корнет Стаббс.

Лора ни минуты не колебалась в выборе; она, не задумываясь, ответила Уолтеру согласием, а Стаббсу — отказом, если не возмущенным, то, во всяком случае, твердым и бесповоротным.

Все это произошло еще днем, и если малютке Лоре так хотелось поделиться этим с Марион, то лишь потому, что ей не терпелось попросить у нее совета по поводу приготовления к столь важному событию в жизни женщины — к свадьбе.

Но Марион оказалась плохим советчиком. Она, по видимому, сама нуждалась в совете и, так как надеялась, что присутствие Лоры поможет ей отвлечься от тревожных мыслей, с радостью ухватила за предложение провести вместе эту ночь.

Но что же посеяло такую тревогу в душе Марион?

Казалось бы, с тех пор как мы ее видели, не произошло ничего. Она виделась с человеком, которого любила, из его собственных уст слышала пламенные слова

любви, клятвенные уверения, запечатленные жарким поцелуем и крепким сладостным объятием.

Чего же еще она могла желать, чтобы чувствовать себя счастливой, и разве счастье взаимной любви не есть высшее блаженство?

Однако Марион Уэд не чувствовала себя счастливой.

Что же было причиной ее огорчения?

Быть может, что-нибудь пробудило ее ревность? Или заставило усомниться в верности своего возлюбленного?

Нет, Марион Уэд не испытывала ни ревности, ни сомнения; Марион была чужда подозрительности, и если до свидания со своим возлюбленным она могла поддаться чувству ревности, то лишь потому, что тогда еще не была уверена в его любви, не слышала из его уст признания и не прочла в его глазах, что он принадлежит ей навеки.

С этой минуты сомневаться в нем Марион сочла бы преступным. Нет, ее огорчение происходило от другой причины.

Во-первых, ее мучили угрызения совести, оттого что она поступила дурно, нарушив свой дочерний долг; великодушные и снисходительность отца, предоставлявшего ей полную свободу, заставляли ее еще острее чувствовать свою вину.

Во-вторых, ей было тяжело сознавать, что она нарушила правила поведения, считавшиеся законом для того круга, к которому род Уэдов принадлежал со времени Вильгельма Завоевателя¹, а может быть, и задолго до этого.

Завязать знакомство с чужим человеком... быть может, авантюристом, каким-нибудь бродягой... нет, мало того: пробудить в нем безумную страсть, бросить ему перчатку — знак любви, столь же красноречивый, как вызов, — разве когда-нибудь женщина, носящая имя

¹ Вильгельм I Завоеватель (1027—1087) — герцог Нормандии с 1035 года, король Англии в 1066—1087 годах. В 1066 году вторгся в Англию и в битве при Гастингсе разбил войско английского короля Гарольда. Гарольд был убит в сражении, а Вильгельм вступил на английский престол.

Уэдов, могла позволить себе такой опрометчивый поступок?

Нет, это было чересчур смело даже для своевольной красавицы Марион, и, конечно, она не могла не смущаться, вспоминая об этом.

Это были две более или менее определенные причины ее беспокойства, но была еще и третья, далеко не столь отчетливая, и она-то и доставляла ей более всего огорчений. Это было смутное ощущение опасности, угрожающей ее возлюбленному.

Дочь сэра Мармадюка Уэда не могла относиться безразлично к событиям своего времени и не иметь своих убеждений. Хотя она, к счастью для себя, жила вдали от королевского двора, интриги и развращенность придворного круга не были для нее тайной, ибо это было предметом постоянных обсуждений в том избранном обществе, к которому принадлежала ее семья. Умеренно либеральные взгляды сэра Мармадюка Уэда нередко помогали Марион оценить то или иное событие с двух совершенно разных точек зрения и таким образом разобраться в нем по существу. Ее благородная и чистая душа безошибочно угадывала истину. Марион питала страстную любовь к свободе; пылкая сторонница республики, она всей душой презирала бесправный режим, насаждаемый королевской властью. В своих политических убеждениях она далеко опередила отца, и ему не раз случалось прибегать к ее поддержке, когда он колебался принять какое-нибудь решение. Может быть, и теперь, когда он наконец решился на этот важный шаг — объявить себя сторонником парламента и народа, — Марион сыграла не меньшую роль, чем то жестокое оскорбление, которому он подвергся со стороны короля.

Марион всей душой радовалась, что ее отец уступил наконец требованиям времени и присоединился к народной партии, которой она уже давно сочувствовала.

Таким образом, становится понятно, почему дочь сэра Мармадюка Уэда увлеклась Генри Голтспером: он представлялся ей героем. Он был так не похож на тех, кто ее окружал! В его внешности, в его поступках,

в его отношениях с людьми — во всем, что он делал или говорил, не было ничего общего с этими разряженными кавалерами в париках с длинными локонами, с этими низкими льстецами, которые вечно болтали о придворной жизни и короле. Невольно сравнивая его с ними, Марион не могла не видеть в нем мужественного, благородного, самоотверженного человека, достойного восхищения и любви.

Генри Голтспер стал избранником ее сердца. И вот теперь сердце Марион сжималось мучительной тревогой: она опасалась за его жизнь. До нее уже давно доходили слухи об его открытых выступлениях против королевской власти. И разве она сама не слышала в тот день, на поединке, его победного возгласа, когда он, устремившись на Скэрти, воскликнул: «За народ!»

Какой гордостью и восторгом наполнилось ее сердце, когда она услышала этот возглас, и как она любила его за это! Но эта любовь и заставляла ее дрожать за его жизнь.

— Кузина Лора, — сказала она, когда они разделись, чтобы лечь спать, — ты должна быть очень счастлива! Ты маленькая счастливица!

— Почему, Марион?

— Потому что ты всем нравишься, а в особенности человеку, который и тебе нравится.

— Боже мой! Ну, если это счастье, то, конечно, я счастлива. Но и ты тоже должна чувствовать себя счастливой, Марион. Если я кому-то нравлюсь, то уж тобой-то все восхищаются. Но только мне вовсе и не нужно, чтобы мной восхищались все, а только один!

— И это, конечно, Уолтер. Ну, разумеется, ты права. Я тоже, как и ты, вовсе не стремлюсь пленять многих. Мне достаточно владеть одним сердцем и быть любимой одним...

— И это Генри Голтспер!

— Ты слишком много знаешь, поэтому не стану отрицать.

— Но чем же я счастливее тебя? У тебя есть человек, который, я не сомневаюсь, любит тебя так же, как

Уолтер любит меня, и ты тоже любишь его, я думаю, не меньше, чем я люблю Уолтера. Не правда ли, Марион?

— Ах, Лора! Твой возлюбленный — твой наверняка, ты за него уверена, он в безопасности, и он будет твоим на всю жизнь. А в моем я не могу быть уверена, и, кроме того, ему грозит опасность.

— Как это ты не можешь быть уверена? Что ты хочешь сказать этим, Марион?

— Представь себе, что отец не согласится на наш брак, — что тогда?

— Тогда можно не сомневаться, как поступит его дочь!

— Как же она поступит?

— Убежит с ним. Не с отцом, конечно, а со своим возлюбленным, с Черным Всадником! Вот было бы замечательно, если бы он тебя похитил и умчал на своем великолепном коне! Ах, Марион, я готова позавидовать тебе!

— Стыдись, глупая девчонка! Не говори глупостей!

Марион чуть-чуть покраснела, говоря это. Мысль о том, что ей придется бежать, уже приходила ей в голову, и именно поэтому она не хотела, чтобы ее кузина говорила об этом даже в шутку. Для Марион это было слишком серьезным шагом, и она предпочитала не думать о нем, пока не получит отказа отца.

— Но ты говоришь, что ему грозит опасность? — сказала Лора. — Какая опасность?

— Шш! — остановила ее Марион, внезапно повернувшись спиной к зеркалу, перед которым она расчесывала свои длинные густые волосы, окутывавшие золотой мантией ее белоснежные плечи. — Ты слышала?

— Это, должно быть, ветер.

— Нет, это не ветер. Сейчас нет никакого ветра. Но небо черное — видно, собирается гроза. Мне показалось, что я слышу топот лошадей на аллее около дома. Погаси свет, Лора, чтобы можно было выглянуть в окно.

Лора вытянула свои хорошенькие губки и задула свечу.

Комната погрузилась в полную темноту.

Марион полураздетая подошла к окну и, осторожно раздвинув шторы, посмотрела вниз.

Она ничего не увидела — ночь была темна, хоть глаз выколи!

Она опять прислушалась, на этот раз еще внимательнее, и ее снова охватило предчувствие опасности, угрожающей ее возлюбленному, предчувствие, которое весь день не давало ей ни минуты покоя. Ее обострившийся слух уловил стук подков по усыпанной песком аллее... Да, вот опять! Она ясно слышит его, не так громко, как раньше, но его слышно... Правда, все слабей и слабей...

На этот раз его услышала и Лора.

Может быть, это лошадь с жеребенком убежала с пастбища и забрела в парк? Но звонкий стук подков ясно свидетельствовал, что эти лошади повинуются узде, что на них кто-то едет.

— Кто-то уезжает! Кто бы это мог быть в такой час? Ведь уж скоро полночь!

— Уж, наверно, пробило полночь, — возразила Лора. — Мы очень задержались за игрой в ландскнехт¹. Было уже половина двенадцатого, когда мы кончили. Но кто же это мог уехать так поздно, хотелось бы мне знать?

Обе девушки стояли в амбразуре окна, тщетно стараясь проникнуть взглядом в густой мрак.

Все их старания были безуспешны; но вдруг яркая борозда молнии прорезала черное небо и на секунду озарила парк до самой ограды.

Окна спальни Марион выходили на аллею, ведущую к западным воротам. То, что сейчас представилось их глазам на том самом месте, которое будило в ней сладостные воспоминания, усилило в ее душе опасения и тревогу.

Два всадника, плотно закутанные в плащи, ехали по аллее, удаляясь от дома; по-видимому, они только что

¹ Ландскнехт — карточная игра, получившая свое название от ландскнехтов — наемных немецких солдат XV—XVII веков, которые ввели ее в употребление.

выехали. Они ехали не оглядываясь, а если бы они оглянулись, картина, которая предстала бы перед ними в свете вспыхнувшей молнии, быть может, заставила бы их повернуть обратно.

В широкой нише окна с низким подоконником стояли две прелестные полураздетые девушки; тесно сдвинув головки, они стояли обнявшись и положив друг другу на плечи белые обнаженные руки.

Это очаровательное видение возникло на один миг и тут же исчезло. Испугавшись, что они очутились на виду, хотя видеть их могло только небо, смущенные девушки мигом отпрянули от окна. Но как ни короток был этот миг, обе они успели узнать закутанных всадников, ехавших по аллее.

— Скэрти! — воскликнула Марпон.

— Стаббс! — вскричала Лора.

Глава XXXV

ЗАГОВОР

Каково было бы удивление сестер, если бы они могли проникнуть взором за ограду парка и взглянуть на лесистые склоны мили за две к северо-западу от Балстрода!

По проселочным дорогам и тропинкам, соединяющим города Эксбридж и Биконсфилд с близлежащими селениями — Фулмир, Сток, Хеджерли и двумя Челфонтами, — они увидели бы не двух путников, а по меньшей мере двадцать; все они ехали верхом и большей частью поодиночке; лишь изредка можно было увидеть группы по два, по три человека.

Все эти путники ехали по разным дорогам и, казалось бы, в разные стороны; но все они, по-видимому, держали путь в одно место, и, по мере того как они приближались к цели своего путешествия, можно было безошибочно сказать, что это место — старый дом в Каменной Балке.

Один за другим путники въезжали в ворота и, при-

близившись к дому, молча слезали с коней и отдавали поводья трем слугам, которым было поручено смотреть за лошадьми. Затем они проходили под аркой высокого портала, где их встречал юный темнокожий слуга и, не говоря ни слова, провожал по тускло освещенному коридору до дверей большого зала. Одежда и осанка этих молчаливых, угрюмых гостей выдавала людей знатного происхождения, а их запыленные плащи и ботфорты свидетельствовали о том, что им пришлось проделать немалый путь, чтобы попасть в Каменную Балку.

Станным казалось, что такие знатные кавалеры путешествуют без слуг, однако люди, исполнявшие обязанности конюхов, не выражали по этому поводу ни малейшего удивления и, молча приняв из их рук поводья, отводили лошадей в конюшню.

Ни один из людей, выполнявших обязанности конюхов, не был одет подобающим образом, и по всему было видно, что они непривычны к этому делу.

Двое были в обычной крестьянской одежде, и по некоторым признакам, если приглядеться повнимательнее, в них можно было узнать лесорубов. Это были наши знакомцы — Дик Дэнси и его помощник Уилл Уэлфорд.

По внешнему виду третьего трудно было определить род его занятий. Его одежда представляла собой какую-то странную смесь различных частей, которые отнюдь не подходили одна к другой и принадлежали, по-видимому, совсем разным людям. На нем были высокие ботфорты из прекрасной коричневой кожи, с красивыми белыми отворотами, вполне достойные красоваться на ногах какого-нибудь изящного кавалера; плисовые штаны, доходившие до колен, представляли странный контраст с этими великолепными ботфортами. Из-под пояса штанов вылезала сорочка тончайшего полотна, но далеко не безупречной чистоты; поверх сорочки был накинута камзол из грубой сермяги, с прорезями на рукавах, подбитый плисом. В довершение ко всему и в полном несоответствии со всей остальной экипировкой, поверх камзола красовался широкий кружевной ворот-

ник, а из рукавов торчали кружевные манжеты, причем и то и другое имело такой вид, как будто их вытащили из корзины с грязным бельем, не дождавшись стирки и глажения.

Прибавьте еще к этому наряду высокую фетровую шляпу, с обтрепанными полями и полинялой лентой, но без единого пера, — и вы получите полное представление о костюме третьего человека, исполнившего обязанность конюха в доме на Каменной Балке.

Если бы подъезд был освещен и приезжие могли разглядеть черты этого столь необычно одетого конюха, возможно, многие из них задумались бы, прежде чем решиться отдать на его попечение своего коня, ибо в высокой, статной фигуре, которая различными частями своего одяния походила то на мужика, то на дворянина, они не преминули бы узнать старого знакомого, отнюдь не внушающего доверия и пользующегося громкой славой грозного грабителя Грегори Гарта.

Но в темноте Грегори не грозила опасность быть узнанным, и он преспокойно выступал в почтенной роли конюха, нимало не думая о том, что его могут изобличить.

К тому времени, как большие часы на челфонтской церкви отзвонили двенадцать, в ворота старого дома на Каменной Балке уже въехало по меньшей мере два десятка всадников; но стук подков, доносившийся с дороги, свидетельствовал, что еще кто-то из запоздавших торопится и шпорит коня.

Примерно в это время два всадника, въехавшие вместе в ворота, подъехали к дому. Подобно всем остальным, они сошли с лошадей и отдали поводья двум людям, подошедшим, чтобы принять их.

Лошадей повели в конюшню, но всадники, вместо того чтобы пройти под арку портала, как это делали все, дождались, пока конюхи с их лошадьми исчезли из виду, после чего, переглянувшись с третьим конюхом, который сделал им знак следовать за ним, пошли сначала вдоль фасада, а затем, обогнув дом, подошли к нему с задней стороны.

Если бы даже светила луна, трудно было бы узнать,

кто были эти приезжие, не пожелавшие войти в дом с парадного крыльца. Оба они с ног до головы были закутаны в широкие плащи, но, так как ночь была теплая, вряд ли можно было предположить, что они предусмотрительно укрылись от надвигающейся грозы.

Зайдя за дом, человек, шедший впереди, остановился и поглядел через плечо на своих спутников. Яркая вспышка молнии озарила его лицо: это был лесоруб Уилл Уэлфорд.

Он был бледен как полотно; эта мертвенная бледность изобличала нечистую совесть, а глубоко посаженные водянистые глаза, сверкавшие из-под белых бровей, придавали его безобразным чертам какое-то дьявольское выражение.

Молния осветила также лица обоих кавалеров. В одном из них можно было узнать красивое лицо капитана Скэрти, которое в этом ослепительном свете казалось таким же неестественно бледным, как и лицо их проводника. Другое, туповатое и румяное, лицо принадлежало корнету Стаббсу.

Уэлфорд сделал им знак поторопиться.

— Идите скорее, нельзя ни минуты мешкать! — тревожно и опасливо прошептал он. — У этого индейского чучела глаза на затылке, и ежели он вас увидит, так сейчас же поведет к остальным, а ведь это вам вряд ли подойдет.

— Нет, это нам совсем не подходит, — пробормотал Скэрти, прибавляя шагу. — Наше присутствие там испортит все дело. Веди, не бойся, приятель, мы от тебя не отстанем!

И они молча зашагали вперед. Стаббс еле-еле поспевал сзади.

Так они обошли правое крыло дома — молча, бесшумно, словно шайка грабителей, собирающаяся произвестить взлом.

Даже если бы кто-нибудь и попался им на пути, вряд ли их можно было заметить в этом предгрозовом мраке; но кругом не было ни души, и некому было увидеть, как они крадучись обогнули дом и проскользнули в маленькую боковую дверь, открывавшуюся в тесный

проход, и очутились в нежилой части дома — в маленькой, темной комнатке с наглухо закрытой грязной стеклянной дверью, ведущей в большую залу, где собрались гости Генри Голтспера.

— Позиция — лучше не придумаешь! — прошептал Скэрти, когда, заглянув в стекло, он увидел фигуры людей, расхаживающих в ярко освещенном зале, и услышал неясный гул голосов. — Превосходный наблюдательный пост, как раз то, о чем я мечтал! Ну, теперь ступай, приятель, — шепнул он на ухо Уэлфорду. — Мигнут через двадцать выведи осторожно наших лошадей из конюшни и держи их наготове. Мы вернемся к парадному крыльцу. Твои достойные собраты ничего не узнают, они подумают, что мы из этой почтенной компании. А если они что-нибудь заподозрят, так у меня с собой две металлические штучки, и я при помощи той или другой сумею их успокоить.

Вытолкнув своего недавнего проводника в коридор, Скэрти тихонько затворил за ним дверь и подвел Стаббса к заросшему паутиной стеклу. Оба согнувшись, они уставились в залу, притаившись, словно два гигантских паука в ожидании добычи.

Они стояли не двигаясь, не решаясь говорить даже шепотом. Они прекрасно понимали, какой опасности подвергаются, если их застанут здесь за подслушиванием, сознавали, что они могут поплатиться за это жизнью или по меньшей мере подвергнуться жестокому наказанию на месте, а потом попадут в опалу, ибо они будут опозорены навеки. То, на что они решились, — не шуточное дело, не детская игра в прятки, но дерзкая и опасная травля: шпионаж, который угрожал не только личной свободе, но и жизни многих людей из самых знатных семей графства.

Скэрти отлично понимал все это, и, если бы его не толкала бешеная ревность — самая жестокая из страстей, с которой не всегда может совладать человек, — он, может быть, и не решился бы поставить себя в такое положение. Его политические убеждения никогда не склонили бы его к такому неосторожному поступку. Как ни был он привержен королю, он не способен был

из преданности к нему шпионить за собранием заговорщиков, — его толкнуло на это гораздо более сильное чувство; а в том, что эти люди замышляют заговор, Скэрти нисколько не сомневался.

Решившись на такое опасное дело, он не просто положился на случай. Искусный стратег, каким он и был в самом деле, он произвел тщательную рекогносцировку, прежде чем начать действовать. Его помощник, Уэлфорд, побуждаемый таким же чувством, снабдил его всеми сведениями, которые ему были нужны. Благодаря знакомству со стариком сторожем, который присматривал за домом до того времени, как его занял Голтспер, Уэлфорд хорошо знал дом на Каменной Балке; ему были известны все входы и выходы, люки и потайные двери, каждый уголок и лесенка от подвала до чердака. Уэлфорд уверил шпионов, что в комнату, куда он тайно провел их, никогда никто не заглядывает, что стеклянную дверь, соединяющую ее с большим залом, нельзя открыть не взломав. Замок ее давно заржавел, и вся она приколочена гвоздями к стоякам и притолокам.

Можно было не опасаться, что их увидят, так как все стекла заросли паутиной. А уж что до того, чтобы их не услышали, так это зависело только от них самих.

Все остальное было нетрудно устроить. В толпе незнакомых гостей, приехавших ночью, даже если бы в доме был постоянный штат слуг, вряд ли можно было отличить приглашенных от непрошенных; тем более этого можно было не бояться в тех исключительных обстоятельствах, которые хорошо оценили Скэрти и его товарищ.

Ни Дэнси, ни Гарт, по-видимому, не знали в лицо никого из них. И хотя Ориоли также никогда не видел их, Уэлфорд больше опасался чутья индейца, чем наблюдательности своих товарищей.

До сих пор, однако, ему удалось их обойти.

Скэрти начал с того, что осторожно удалил паутину и протер небольшой кусочек стекла, величиной примерно с монету, через которое можно было видеть ясно.

Приложив глаз к стеклу, капитан увидел обширное помещение и людей, которые там находились.

А слушать ему ничто не мешало. Даже обыкновенный разговор был хорошо слышен через стекло; если же кто-нибудь говорил громче, чем остальные, то можно было разобрать каждое слово.

С первого же момента своих наблюдений Скэрти обнаружил, что ему приходится шпионить за весьма изысканным обществом. Среди собравшихся не было ни одного, кто хоть сколько-нибудь походил бы на простого поселанина.

Он скоро уловил общий тон разговоров и убедился в правильности своих предположений: это было совещание заговорщиков. Так про себя назвал его капитан-роялист, хотя справедливей было бы назвать его совещанием патриотов и, быть может, самых благородных, когда-либо собиравшихся на земле.

Трое или четверо из выступавших пользовались, очевидно, большим авторитетом у собравшихся, и, когда тот или другой из них брал слово, в зале воцарялось почтительное молчание.

Скэрти не знал лично ни одного из этих выдающихся людей. Но когда с места поднялся высокий человек с благородным лицом и все сразу умолкли, устремив на него восхищенные взоры, полные беспредельной преданности, вряд ли презренному королевскому шпиону могло прийти в голову, что он слушает самого бескорыстного патриота, когда-либо жившего в Англии, славного чилтернского героя — Джона Гемпдена.

Для него также осталось неизвестным, что следующий оратор, человек в зрелых годах, выступавший с большим красноречием, был будущий обвинитель Страффорда, мужественный патриот, который отправил на плаху этого подлого ренегата.

Не узнал Скэрти и в юном, но серьезном ораторе, горячо защищавшем религию диссидентов¹, самоотвер-

¹ Диссиденты (от латинского *dissideo* — не соглашусь, расхожусь) — в данном случае: противники господствовавшей в Англии епископальной англиканской церкви.

женного дворянина, сэра Генри Вена; ни того, кто мгновенно находил ответ каждому оппоненту и весело острил по всякому поводу и у кого под его напускным дендизмом билось сердце, преданное свободе Англии, — сердце Гарри Мартена из Беркса.

Скэрти из своего укрытия видел всех этих благородных, героических людей, но не узнавал их. Они не интересовали его, и он не обращал внимания на то, что они делали или говорили. Его глаза и уши жаждали увидеть и услышать лишь одного человека, который еще не показывался, — хозяина дома, того, кто созвал этих гостей; его одного хотел видеть и слышать Скэрти.

Хотя королевский шпион уже вполне убедился, что все происходящее может служить достаточным доказательством против Голтспера, он все же хотел услышать хотя бы одно слово, которое могло бы наверняка привести его к осуждению.

Он не отчаивался. Можно ли было ожидать, что Генри Голтспер не выступит на таком собрании! Хотя все считали его человеком дела, а отнюдь не оратором, многие ждали его выступления и с таким жадным интересом, который больше свидетельствует об истинном одобрении, чем самые бурные рукоплескания. Будучи хозяином дома, он до сих пор скромно предоставлял слово другим, пока не почувствовал, что пришла и его очередь выступить.

Пим в своем выступлении, длившемся более часа, привел собранию целый список обид, от которых стоял народ, — оно послужило своего рода конспектом для той знаменитой речи, которая впоследствии вошла в обвинительный акт Страффорда. Это выступление усилило решимость собравшихся бороться всеми силами против притеснений тиранши, и многие из присутствующих дворян заявили о своей готовности пойти на какой угодно риск, пожертвовать всем состоянием или даже своей жизнью, но не подчиняться более незаконным вымогательствам короля.

Тут встал Голтспер и, выступив вперед, сказал:

— Долго ли мы будем говорить загадками? Я скажу

прямо: мне надоело выступать с претензиями и делать вид, будто мы недовольны слугами короля, тогда как нашему настоящему врагу не предъявляется никаких обвинений. Не Страффорд, не Лод, не Финч¹, не Мэйнуэринг², не Уиндбэнк³ — угнетатели народа. Они лишь орудие в руках тирана. Уничтожьте их — и завтра же на их место найдутся другие, такие же угодливые и бездушные! К чему же тогда все наши протесты и обвинения? Гидру деспотизма можно сокрушить, только отрубив ей голову. Ядовитое дерево зла нельзя уничтожить, обрубая то там, то здесь одну ветку. Его можно обезвредить, только вырвав с корнем! Некоторые из присутствующих здесь джентльменов думают, по-видимому, что если мы окружим короля добрыми советниками, то сможем заставить его править справедливо. Но добрые советники под влиянием развращенного монарха могут очень скоро измениться, и тогда все придется начинать сначала. Посмотрите на Страффорда! Если бы десять лет назад мы собрались так, как сегодня, Томас Уэнтворт был бы с нами, первым нашим советчиком. Видите губительное действие королевской милости! И так будет всегда, пока люди, сотворив себе кумир, называют его королем и, падая перед ним ниц, поклоняются ему! Что касается меня, я не люблю говорить обидяками. Я знаю только одного преступника, заслуживающего наших обвинений, и это не советник, не секретарь, не епископ, но господин всех троих. И я думаю, джентльмены, сейчас вопрос не в том, хороший или плохой король будет править нами, а в том, допустим ли мы, чтобы нами правил король.

— Правильно! — воскликнул Генри Мартен, и его

¹ Финч Джон (1584—1660) — судья, лорд — хранитель печати, спикер палаты общин при Карле I, ревностный защитник абсолютизма.

² Мэйнуэринг Роджер (1590—1653) — епископ собора Святого Давида, капеллан Карла I; провозглашал, что те, кто отказывается платить введенный королем налог, будут осуждены на Страшном суде.

³ Уиндбэнк Фрэнсис (1582—1646) — государственный секретарь при Карле I. После победы революции бежал во Францию.

Это была неслыханно дерзкая речь,

возглас был подхвачен другими молодыми дворянами; по всему залу пронесся одобрительный гул.

Это была неслыханно дерзкая речь, даже на таком тайном собрании. Вопрос «с королем или без короля», быть может, и возникал уже в некоторых смелых умах, но сейчас он впервые был так откровенно поставлен одним из них. Это был впервые провозглашенный призыв, вызвавший черную тень, которая постепенно сгущалась над головой Карла Стюарта до тех пор, пока она не легла на плаху.

— Довольно! — едва переводя дух, сдавленным голосом прошептал Скэрти. — Для того, что мне нужно, — довольно! Вы слышали, Стаббс?

— Да, клянусь честью! — отозвался Стаббс, стараясь говорить так же тихо, как его начальник.

— Теперь мы можем идти, — сказал Скэрти. — Нам здесь больше нечего делать и нечего видеть. Мне доста-

Баже на таком тайном собрании.

точно того, что я видел. Ба! Стойте! Кто это говорит? Чей это голос? Я уверен, что слышал его раньше.

И он снова поспешно приложил глаз к стеклу, по тут же, отпрянув, схватил за руку своего подручного и прошептал:

— Как вы думаете, кто это?

— Понятия не имею, капитан.

— Так слушайте! — И, приложив губы к уху корнета, он прошептал раздельно по слогам: — Сэр Мармадьюк Уэд.

— Что вы говорите!

— Посмотрите сами. Смотрите и слушайте! Да хорошенько, потому что то, что вы услышите, может помочь вам завоевать вашу красотку.

— Как же это так, капитан?

— Не спрашивайте сейчас, — коротко ответил Скэр-ти и снова, согнувшись, приник к стеклу.

Да, в самом деле, это был сэр Мармадюк Уэд, выступавший перед собранием. Но так как сей достойный дворянин не был оратором, он изложил свою мысль очень коротко и к тому времени, когда Скэрти и корнет вернулись к наблюдательному пункту, он уже кончил говорить.

Но и то небольшое, что успел услышать шпион, показалось ему достаточным для того гнусного замысла, который уже начал более или менее определенно складываться в его дьявольском мозгу.

Несколько слов сэра Мармадюка Уэда, которые достигли слуха Скэрти, были явным доказательством его измены королю. Да разве самое его присутствие здесь, подтверждающее те подозрения, которые питал относительно него король, не было достаточной уликой для «Звездной палаты»?

— Ну, теперь пора уходить, — прошептал Скэрти и бесшумно скользнул к двери, увлекая за собой своего подручного. — Потихе, корнет! — наставлял он шепотом Стаббса, когда они шли по темному проходу, держась за руки. — Ваши сапоги скрипят, как судно в качку! Ступайте осторожно! Представьте себе, что у вас под ногами яйца...

Но тут они вышли на воздух и, шепотом поздравляя друг друга, стали осторожно пробираться вдоль стены, озираясь по сторонам, словно два мошенника, удравшие из тюрьмы.

— Если только этот малый сумеет вывести наших лошадей, — сказал Скэрти, — мы можем поздравить себя с успешным исходом дела. Скорей!

И, обогнув угол дома, они, все так же крадучись, направились к парадному крыльцу.

Хотя они уже выбрались из дома, опасность, что их могут обнаружить, еще не совсем миновала. Небо было сейчас светлее, чем прежде, потому что прошла гроза и тучи рассеялись.

Вскоре они различили фигуру человека, стоявшего в тени под деревом. Это был Уэлфорд. Увидя их, он тотчас же двинулся им навстречу.

— У парадного входа сейчас никого нет, — прошеп-

тал он, подойдя поближе. — Станьте у крыльца, только чтобы не видно было ваших лиц. Я мигом приведу лошадей!

И с этими словами он ринулся к конюшне и исчез за деревьями.

Они подошли к крыльцу и, шепотом продолжая разговор, стали дожидаться его возвращения.

Не прошло и минуты, как им уже подвели лошадей: одну вел Уэлфорд, другую — Дэнси.

Дэнси так был поглощен золотой монетой, блестящей на его ладони, что и не подумал взглянуть в лицо того, кто ее дал.

— Вот это удача, Уилл! — сказал он, обернувшись к товарищу, когда оба всадника отъехали. — Выходит, служить на конюшне выгоднее, чем махать топором. Коли все будут такие щедрые, как эти, мы с тобой неплохо заработаем за нынешнюю ночь!

Уэлфорд молча кивнул и, пожав плечами, злорадно ухмыльнулся, но, так как было темно, ничего не подозревающий лесник не заметил этой ухмылки.

Тут к ним подошел Грегори Гарт с большой кружкой эля, которую он, надо полагать, тайком нацедил в подвале, и разговор прервался или, вернее, зашел о чем-то другом под звучный аккомпанемент громко булькающего эля, которым они тут же стали угощаться.

Г л а в а XXXVI

АРЕСТ РЕШЕН

Оба шпиона, продолжая разговаривать шепотом, ехали по аллее, и, только когда наконец выехали из ворот Каменной Балки на проезжую дорогу, они перестали опасаться, что их услышат, и заговорили громко.

— Вот это так будет фурор! — промолвил Скэрти, обращаясь, по-видимому, не столько к своему спутнику, сколько к самому себе.

— Какой фурор, капитан? — спросил Стаббс.

— Если захватить это гнездо заговорщиков.

— Да, черт возьми!

— Меня за это произведут в полковники, это уж как пить дать, а вы, мой достойный корнет, станете капитаном Стаббсом!

— Здорово! А почему бы нам не попытаться захватить их?

— Да просто потому, что мы не можем этого сделать. К тому времени, как мы разбудим наших бездельников и вернемся с ними туда, все разъедутся. Я видел, что заговорщики уже собирались расходиться, поэтому я так и поторопился уйти. Да, — продолжал он задумчиво, — мы не успели бы их захватить, они, конечно, уже рассыпались бы на все четыре стороны. А кроме того, ведь и он мог бы скрыться, воспользовавшись темнотой. Ищи его потом! До остальных мне нет дела! Мне надо захватить его, а это лучше сделать при дневном свете. Завтра он будет в моих руках, а послезавтра мы его препроводим коменданту Тауэра, затем — в «Звездную палату», и, наконец, — на эшафот!

— Ну да, это все так, капитан, — сказал Стаббс, до ушей которого дошла только часть этого монолога. — А вот насчет нашего почтенного хозяина, сэра Мармадюка — его вы не могли бы захватить?

— В любое время, ха-ха-ха! И послушайте, Стаббс! Я должен вам сказать словечко по этому деликатному вопросу. Ведь я обещал вам повышение в чине. Королева по моей просьбе позаботится о том, чтобы вы его получили. Но вы можете рассчитывать на мою поддержку только при одном условии — при одном условии, слышите?

— Слышу. Но какое же это условие, капитан?

— Чтобы вы ничего не рассказывали о том, где вы были, что вы слышали и видели нынче ночью, до тех пор, пока я сам не позволю вам говорить.

— Ни словечка, клянусь честью! Обещаю вам!

— Прекрасно. Держите ваше обещание, мой достойный корнет, это в ваших же собственных интересах, если вы хотите, чтобы вас называли капитаном. Со временем вы, может быть, узнаете, почему я требую, чтобы вы молчали, и тогда вы все поймете. А пока — ни

слова о том, где мы были ночью, никому, а главное — сэру Мармадюку Уэду. Так-то, мой благородный сэр! — продолжал он, разговаривая сам с собой. — Теперь я нашел средство, которое растопит лед вашего аристократического высокомерия! И ты, равнодушная красавица! Если я хоть что-нибудь понимаю в женщинах и не ошибся в тебе, то, прежде чем взойдет новый месяц, который оказывает на женскую природу такое загадочное влияние, я обращу в прах твое равнодушие и заставлю тебя открыть пылкие объятия и, прижав к сердцу Ричарда Скэрти, воскликнуть: «Будь моим, дорогой! Моим навсегда».

И, словно не в силах сидеть в седле, Скэрти возбужденно приподнялся на стременах, как если бы он уже чувствовал эти трепещущие объятия. Но через минуту он уже сидел опустив голову, полный неуверенности и сомнений.

Неосторожное движение снова вызвало у него боль в раненой руке, и это напомнило ему целый ряд унижительных обстоятельств — поражение на поединке, найденную перчатку, подозрения насчет соперника и свидание, почти подтвердившее его подозрения.

Все эти воспоминания, вызванные болью в еще не зажившей ране, нахлынули на него сразу и мгновенно разрушили его мечты о победе; как ни успешна оказалась его шпионская вылазка, он вернулся в усадьбу сэра Мармадюка мрачный и в угрюмом молчании ехал по тенистому парку.

Он знал, где находится спальня Марион. Выехав на аллею, которая вела к дому, он устремил взгляд на ее окно; ему показалось, что он увидел женскую фигуру, мелькнувшую за занавеской подобно белой нимфе, исчезающей в тумане.

Он остановил коня и долго не отрывал глаз от ее окна, но не увидел ничего, что могло бы хоть сколько-нибудь его утешить. В комнате было темно, и холодный блеск оконного стекла вызывал в его душе безнадежное уныние; убедившись, что его воображение сыграло с ним шутку, он мрачно поехал дальше.

Однако это было не так: тень, мелькнувшая за ок-

ном, которую он принял за игру воображения, была Марион Уэд; уже не первый раз она подходила к окну, с тех пор как сестры увидели удаляющихся всадников.

Они не стали после того зажигать лампу и в темноте улеглись в постель.

Что им еще оставалось делать? Если даже то, что они видели, грозило кому-то бедой, разве они могли предотвратить ее?

Конечно, если бы Марион была уверена, что беда грозит ее возлюбленному, она не легла бы спать.

Но она все равно не уснула, потому что, хотя этот ночной отъезд капитана кирасиров и корнета мог и не иметь серьезного значения, тяжкое предчувствие, которое сегодня с утра не давало ей покоя, невольно вызывало у нее тревожные опасения.

Слишком позднее было время для каких-нибудь эскапад или развлечений в этой сельской местности, где все, даже и записные гуляки, давно уже завалились спать.

Более часа кузины лежали рядом, обсуждая этот загадочный отъезд. Обе они были в полном недоумении и терялись в догадках, тщетно пытаясь объяснить себе таинственное поведение Скэрти и его корнета.

Наконец Лора, которую, в конце концов, вовсе уж не так интересовало это происшествие, что бы оно ни означало, мирно уснула, предвкушая удовольствие увидеть во сне Уолтера.

Но бедняжке Марион было не до сна. Образ Генри Голтспера стоял перед ее глазами, и сердце ее сжималось от страха за его жизнь.

Она даже не пыталась заснуть. Осторожно выскользнув из постели, так, чтобы не разбудить Лору, она подошла к окну, взглядываясь в даль, потом несколько раз прошлась по комнате взад и вперед и снова остановилась у окна; постояв так несколько минут, она села на подоконник, укрывшись за шелковой занавеской, и так просидела несколько часов, жадно прислушиваясь к каждому звуку, к шуму дождя, барабанившего по крыше, террасе и деревьям, напряженно взглядываясь в

темноту, прорезаемую вспышками молнии, и стараясь разглядеть, пока длился этот ослепительный свет, каштановую аллею, по которой уже столько времени назад уехали и, может быть, вот-вот вернутся ночные путешественники.

Ее бодрствование не осталось без награды: они действительно вернулись по той же самой аллее, вдвоем, — Скэрти и Стаббс.

— Слава богу! — прошептала Марион, увидев приближающиеся две фигуры. — Их поездка, какова бы ни была ее цель, теперь окончена. Надеюсь, что это не касалось его!

Придерживая штору и укрываясь за ней, Марион оставалась у окна, пока всадники подъехали к дому. Но густой мрак за окном не позволял ничего разглядеть, и она только по стуку подков поняла, что они проехали под ее окнами и, обогнув дом, въехали во двор, а спустя несколько секунд она услышала, как за ними с шумом захлопнулись тяжелые ворота.

И вот только тогда она решилась отдать себя во власть благодатного бога сна, всемогущего, как сама любовь. Она тихонько легла рядом с Лорой и скоро уснула.

Скэрти не подозревал, что белоснежное видение, мелькнувшее на миг перед его взором, была действительно Марион Уэд, эта волшебница, околдовавшая его сердце. Он вернулся к себе раздраженный и, не раздеваясь, повалился на кровать, повторяя про себя все ту же клятву, которую он дал себе чуть не с первого дня: завоевать Марион Уэд, завоевать ее любыми средствами и сделать своей женой.

Он лег не за тем, чтобы спать.

В том лихорадочном возбуждении, в котором он сейчас находился, он не надеялся заснуть, да и не желал этого.

Он растянулся на постели, чтобы чувствовать себя удобно и на досуге обдумать свой злодейский замысел.

По дороге из Каменной Балки он уже набросал мысленно план немедленных действий: все сводилось к тому, чтобы арестовать Генри Голтспера и отправить

его под стражей в лондонскую тюрьму, в Тауэр. Теперь он разрабатывал подробности этого первоначального плана.

Прежде чем расстаться с корнетом, он отдал приказ, чтобы тридцать солдат из отряда были готовы к выступлению незадолго до рассвета; он сопровождал свой приказ строгим предупреждением поднять солдат без шума, чтобы не разбудить никого в усадьбе, команды «вставать» и «седлать» давать без сигнала рожком — коротко говоря, приготовиться к походу в полной тишине, так, чтобы это для всех осталось секретом.

У корнета только и оставалось время, чтобы выполнить этот приказ, и Стаббс немедленно отправился отдать нужные распоряжения.

Солдат подняли, растолкав одного за другим, соблюдая предписанную приказом секретность; молча оседлали лошадей; отряд из тридцати вооруженных до зубов кирасиров, готовых вскочить на лошадей, уже выстроился во дворе, когда первая полоска жемчужного света, предвещающая рассвет, появилась на востоке.

Пока шли все эти приготовления, Скэрти, лежа на постели, тщательно обдумывал свой план. Он не сомневался в его успехе. Как может случиться, чтобы враг ускользнул из его рук? Он так ловко провел свою шпионскую вылазку, что у Генри Голтспера не могло возникнуть никаких подозрений.

Скэрти уже успел достаточно изучить Уэлфорда и знал, что тот его не выдаст. Он одержим ревностью и жаждой мести; ясно, он не пойдет предупреждать Голтспера. А кто же еще может предупредить его? Никто.

Арестовать Голтспера не составит никакого труда. Надо только окружить дом, отрезать всякую возможную лазейку и захватить заговорщика — по всей вероятности, прямо в постели. Вслед за этим — Тауэр, а там — «Звездная палата». Скэрти был достаточно осведомлен об этом пристрастном судилище и не сомневался, что приговор, вынесенный им, избавит от соперника не только Уэлфорда, но и его самого. Он также избавит и короля от опасного врага; но это был отнюдь не главный стимул, руководящий в данном случае капитаном Скэрти.

Его вражда к Голтсперу, возникшая недавно и внезапно, так глубоко укоренилась в его душе, как если бы она длилась годы. Потерпеть поражение на глазах у целой толпы, быть сброшенным с коня, вынужденным просить пощады — ему, Ричарду Скэрти, капитану королевских кирасиров, доблестному кавалеру, победителю на всех поединках, — этого уже было достаточно, чтобы внушить ему лютую ненависть к посрамившему его сопернику. Но подвергнуться такому унижению перед высокородными дамами, на глазах у той, которая зажгла в нем такую бешеную, неукротимую страсть, а сама питала нежную склонность к его противнику, — это уже было совсем невыносимо! Ненависть Скэрти теперь не знала пределов, он был готов на все, чтобы отомстить Голтсперу. И вот сейчас, лежа на кровати, он с наслаждением обдумывал план мести.

— Клянусь небом, это будет сладкая месть! — воскликнул он и, вскочив на ноги, взволнованно заходил по комнате взад и вперед. — Она увидит его унижение! Я проведу его перед ее окном, и он предстанет перед ее гордым взором жалким, беспомощным, загнанным пленником! Ха-ха-ха! Оставить ему эту белую перчатку на шляпе? — продолжал он, с наслаждением представляя себе это зрелище. — Что ж, это будет недурно выглядеть, ха-ха-ха! Нет... пожалуй, лучше будет провезти его с обнаженной головой, связанного, как пойманного вора, ха-ха-ха!

«Ну, а что, если она улыбнется ему? — подумал он, и тень сомнения скользнула по его лицу. — Что, если она подарит его улыбкой? Тогда все пропало для меня! Какое же это будет торжество! Ее улыбка сделает его счастливее меня!»

— Ага! Придумал! — воскликнул он просяив. — Я знаю, как поступить, чтобы отбить у нее охоту улыбаться ему. Клянусь Фебом, великолепная мысль! Он проедет перед ней не с обнаженной головой, нет! На шляпе его будет красоваться букет цветов! Какие цветы поднесла ему тогда эта девушка? Если я не ошибаюсь, красные — мак, мальвы... что-то в этом роде. Ну, да неважно, лишь бы цвет был подходящий. Мари-

он не разглядит на расстоянии, что это за цветы. Они должны быть немного увядшие, как будто он хранит их с того самого дня. Она никогда не догадается, что это хитрость. Если она улыбнется, увидев эти цветы, я буду знать, что между ними ничего нет. О, какое счастье увидеть ее улыбку! А ведь только сейчас я боялся, как бы она не улыбнулась ему!.. А вот еще блестящая мысль! — злорадно воскликнул он. — Всю ночь я был в каком-то оцепении — сейчас у меня словно прояснилось в голове. Une idée magnifique¹, как говорит наша француженка-королева. Какой это будет приятный сюрприз для Голтспера! Если он ее любит — а можно в этом не сомневаться! — это заставит его хорошенько помучиться, как мучился я. Ха-ха! Перчатка с правой руки одержит победу над левой!

И, вытащив из кармана камзола найденную им перчатку Марион, Скэрти подошел к столу, где лежал его шлем, и прикрепил к нему перчатку, привязав ее лентой под султаном из перьев.

— Будет ему над чем подумать в тюрьме! Это даст ему пищу для размышлений, которые будут терзать его день и ночь. Да, это поистине сладкая месть, достойная самого инквизитора!

Шаги, слышавшиеся в коридоре, прервали его ликование. В комнату заглянул Стаббс.

— Тридцать человек в полном вооружении, капитан, и готовы выступить! — объявил младший офицер.

— Ну, и я готов вести их, — ответил капитан, надевая шлем и направляясь к двери. — Тридцать — это, пожалуй, больше, чем нужно. Но, в конце концов, чем больше, тем вернее. Ведь нельзя же допустить, чтобы лиса ускользнула из норы! А она может это сделать, если мы ее не обложим как следует. Я не сомневаюсь, что мы его захватим еще в постельке! Ха-ха-ха! Хорош будет наш изящный кавалер в ночном колпаке! А, Стаббс?

— Хорош, черт возьми!

С радостным предвкушением счастливой охоты

¹ Une idée magnifique (франц.) — Блестящая мысль.

Скэрти, сопровождаемый своим подчиненным, весело вышел во двор, где тридцать солдат, вооруженных до зубов, стояли возле своих лошадей, ожидая команды «На коней!»

Через две секунды Скэрти тихо отдал команду, и без обычного трубного сигнала отряд, возглавляемый капитаном и корнетом, вытянувшись колонной, двинулся к воротам, выходящим на Оксфордскую дорогу.

Это были те самые ворота, через которые совсем недавно вернулись оба офицера. Они увидели следы своих лошадей на влажной земле, а рядом — еще один такой же след, ведущий к дому.

— Наш хозяин благополучно вернулся домой, — шепнул Скэрти своему подчиненному. — Тем лучше, — прибавил он с многозначительной улыбкой. — Я не собираюсь делать его своим пленником — по крайней мере, сейчас; а если мне удастся пленить его дочь, я оставляю его на свободе. Ну, а если это не удастся, тогда, я боюсь, сэру Мармадюку придется воспользоваться гостеприимством его величества и приютиться под кровлей того королевского владения, которое находится к востоку от Чипа и которое с некоторых пор удостоено присутствия столь многих высокородных господ! Ха-ха!

Отпустив эту злорадную шутку насчет Тауэра, Скэрти пришпорил коня и помчался во главе своего отряда по королевской большой дороге.

Извивающаяся по склонам холма сверкающая колонна закованных в латы всадников напоминала гигантскую змею, стремительно догоняющую свою добычу.

Г л а в а XXXVII

ПОДОЗРЕНИЯ ОРИОЛИ

Вскоре после того, как шпионы покинули Каменную Балку, участники ночного собрания стали разъезжаться. Молча, поодиночке, а иногда по двое или по трое они выходили из дома, садились на коней и, вы-

ехав за ворота усадьбы, разъезжались в разные стороны. Несколько человек задержались дольше, чем остальные, но и они тоже покинули Каменную Балку задолго до рассвета.

После отъезда последнего гостя два невоиспеченных конюха Голтспера, которым уже нечего было делать, тоже покинули усадьбу. В старом доме остались три человека: хозяин, слуга-индеец и Грегори Гарт, который недолго думая завалился спать на той самой буковой скамье возле очага, где он облюбовал себе местечко с самого начала.

Голтспер все еще сидел в той зале, где происходило собрание; это была его библиотека. Он сидел у письменного стола с пером в руке и, по-видимому, был занят составлением весьма важного документа.

Из всех обитателей дома один Ориоли ничем не был занят, но, хотя у него не было никакого дела, он не спал.

Он стоял в дверях под аркой в своей обычной позе, неподвижный и молчаливый, как статуя. Проводив взглядом двух лесорубов, Уэлфорда и Дэнси, которые последними вышли из ворот Каменной Балки, он продолжал стоять неподвижно, и трудно было сказать, какие мысли пронеслись в голове юного индейца. Быть может, он вспоминал прошлое — родные леса, где он вырос, детские годы и своих темнокожих товарищей, с которыми он когда-то играл. А может быть, он вспоминал своих близких — мать или сестру... Но каковы бы ни были его воспоминания, он сохранял все то же невозмутимое спокойствие и, стоя неподвижно в дверях, молча глядел в темноту.

Только когда над лесистыми вершинами холмов забрезжило нежное сияние рассвета, он вдруг словно проснулся, и глаза его засветились живой мыслью.

Он устремил внимательный взор на утоптанную площадку перед парадным крыльцом, на которой отпечатались следы подков.

Некоторое время он изучал эти следы, словно повинаясь старой привычке, усвоенной им с раннего детства. Не обнаружив в них, по-видимому, ничего заме-

чательного, он окинул взглядом участок подальше от крыльца, и тут что-то явно поразило его. Он бесшумно сбежал с крыльца и быстро пошел по усыпанной песком дорожке к левому крылу дома.

Дойдя до угла, он нагнулся, словно рассматривая что-то под ногами.

Постояв так несколько секунд, он, все так же нагнувшись, медленно двинулся дальше и, обогнув дом, подошел к нему с задней стороны. Поравнявшись с небольшой дверью, ведущей в восточное крыло дома, он остановился. На лице его было написано явное изумление — дверь была распахнута настежь.

С тех пор как Ориоли поселился с Голтспером в Каменной Балке, — он хорошо помнит! — эта дверь всегда была заперта. А так как, кроме него и его хозяина, никто не имел права отпирать ее, он не мог не удивиться, увидев ее открытой.

Быть может, он не обратил бы на это внимания, если бы не другое весьма подозрительное обстоятельство, которое, как ему показалось, было связано с этой открытой дверью: он обнаружил следы двух людей, ясно отпечатавшиеся на сырой земле. Они шли вдоль стены дома, а на углу к ним присоединился третий след, потом эти три следа шли вместе, пока не затерялись меж лошадиных следов на площадке перед домом.

Это были те самые следы, которые привлекли внимание индейца, когда он стоял на крыльце; он решил пойти по этим следам, и они привели его к этой двери.

Распутывать следы человека или зверя — это почти инстинкт у индейцев, и, повинаясь этому глубоко заложенному в нем инстинкту, Ориоли поспешил тщательно изучить эти следы.

При этом у него были свои соображения. Как ни чужды были его пониманию высокие политические замыслы, коим посвящал себя его хозяин, верный слуга знал, что тут надо соблюдать тайну и не слишком доверять людям, с которыми приходится сталкиваться. Эти смутные опасения и заставили его обратить внимание на следы.

Он помнил, что встречал всех приезжающих в две-

рях и провожал их в комнату, а когда они уезжали, он провожал их до крыльца. Он помнил, что все они направлялись к воротам. Кто же из них мог обойти весь дом так, что он не заметил этого?

Три пары совершенно явственных следов вели от задней стены дома к парадному крыльцу. Один след от подбитых большими гвоздями крестьянских башмаков; это могли быть следы одного из конюхов, но два других следа принадлежали джентльменам.

Индеец пришел к этому заключению просто чутьем, но, когда он очутился перед распахнутой дверью, подозрения его насчет этих следов усилились.

Он не стал больше продолжать исследования и, проскользнув в дверь, быстро прошел узким коридорчиком в ту самую комнату, откуда Скэрти с корнетом тайком наблюдали за ночным собранием.

Зоркий глаз индейца даже в полутьме сразу обнаружил, что здесь кто-то был, и совсем недавно; если открытая дверь и следы, ведущие от нее, разбудили его подозрения, то сейчас эти подозрения перешли в уверенность. По всему полу, покрытому толстым слоем пыли, скопившейся за многие годы, шли следы, по которым Ориоли мог безошибочно сказать, что люди, побывавшие здесь, ушли всего полтора — два часа назад. Оборванная паутина и протертый кружок стекла на забитой двери тоже не ускользнули от его внимания.

Прильнув глазом к этому кружку, он увидел большую комнату, в которую недавно провожал гостей, съехавшихся к его хозяину. Сейчас хозяин сидел один у письменного стола и не подозревал, что за ним наблюдают.

Индеец уже собирался постучать в стекло и сообщить о своем открытии, но, сообразив, что хозяин не сможет разобрать его знаков, он поспешно выскользнул из комнаты и пошел обратно, чтобы проникнуть в дом с парадного крыльца.

Уже почти рассвело, и Ориоли, возвращаясь той же дорогой, внимательно вглядывался в следы, стараясь разгадать скрывавшуюся за ними тайну. Солнце еще

не взошло, но заря уже окрасила багрянцем вершины холмов и верхушки высоких деревьев, окружавших Каменную Балку. Весело засуетились в листве проснувшиеся грачи, и их звонкий крик огласил усадьбу.

То ли от крика грачей, то ли от шумной возни крыс, гонявшихся друг за другом по пустым полкам и за прогнившей обшивкой кухонных стен, а может быть, и по какой-нибудь другой более сложной причине, но сон Григори Гарта был внезапно нарушен. Зычный храп, разносившийся по всему дому, вдруг оборвался, и Григори, подскочив на своем ложе, сразу проснулся. От его порывистого движения буковая скамья пошатнулась, и он тяжело грохнулся на каменный пол. Это произошло так неожиданно, что Григори со сна в первую минуту не мог понять, что с ним такое случилось.

А когда он пришел в себя, у него пропала всякая охота возвращаться на свое предательское ложе; толкнув дверь, он вышел на воздух, чтобы поглядеть на небо и определить по солнцу, который час.

Еще вчера утром у Григори были собственные часы — не будем вдаваться в подробности, откуда он их достал! — но сейчас эти часы тикали в лавке эксбриджского ростовщика, а закладная квитанция, которую бывший грабитель носил в кармане, не обладала способностью показывать время.

Взглянув на небо, Григори очень удивился, что солнце еще не взошло и что, следовательно, он спал всего каких-нибудь полчаса. Он уже начал подумывать, не вернуться ли ему обратно на свою скамью, как вдруг заметил фигуру, медленно заворачивающую за угол дома. Это был Ориоли.

Григори знал, что Ориоли был так называемым дворецким в доме и что у него хранились ключи от винного погреба; и у Гарта тотчас же мелькнула мысль прибегнуть к индейцу и раздобыть через его посредство малую толику эля, чтобы освежиться после тяжелого сна.

Гарт направился к нему, чтобы поговорить об этом, но, сделав несколько шагов, заметил, что Ориоли занят каким-то непонятным делом. Низко наклонившись, ин-

деец медленно двигался вдоль стены и внимательно разглядывал землю.

Недоумевая, что может означать такое поведение, Грегори остановился за углом и стал с любопытством наблюдать.

Каково же было удивление грабителя, когда он увидел, как краснокожий, осторожно подкравшись к какой-то небольшой двери, открытой настежь, незаметно юркнул в нее с таким проворством и ловкостью, каким мог бы позавидовать самый опытный громила!

— Так, так! — пробормотал Грегори, многозначительно покачивая своей косматой головой. — Уж нет ли у мастера Генри предателя в его собственном доме? Что ему там понадобилось, этому чучеле? Ведь не закуски и не вино — за этим ему нечего лазить, все ключи у него хранятся: пей, ешь вволю, когда захочется! Нет, это пахнет чем-то посерьезнее! Но что же это, черт возьми, может быть?

Запустив пятерню в свою спутанную гриву и наморщив лоб, Грегори тщетно пытался проникнуть в эту тайну.

— Уж не шпионить ли он вздумал, проклятый индеец? Времена сейчас плохие, а мастер Генри занят опасным делом. Да только вряд ли: немой краснокожий парнишка поехал за ним за тридевять земель, совсем из другой части света, и так ему был предан и чтобы он теперь стал предателем! Да и потом, что может знать индеец о здешней политике? Нет, какой он шпион! Не может этого быть. Разве что-нибудь стянуть задумал — вот это вернее. Но что бы там ни было, мы это сейчас узнаем!

И Гарт решительно направился вслед за индейцем к той самой двери, за которой исчез Ориоли. Но не прошел он и двух шагов, как Ориоли снова появился, и Гарт увидел, что он, опять согнувшись, медленно двинулся обратно, все так же внимательно вглядываясь в землю. Гарт также с удивлением уставился на землю.

Хотя он и не мог равняться с индейцем в чтении «знаков», будь то на земле или на небе, у него все же был некоторый опыт по части следов. В течение мно-

гих лет его своеобразное ремесло частенько заставляло прибегать к выслеживанию, и этот опыт грабителя подсказал ему, чем занимается Ориоли.

Он видел следы, по которым шел индеец; они кончались невядалеке от парадного крыльца. И вдруг что-то словно осенило Грегори Гарта: он понял, что индеец напал на след каких-то чужих людей. Он вдруг припомнил странное поведение своего помощника Уэлфорда, его подозрительные отлучки и внезапное появление в конюшне, когда он прибежал выводить двух лошадей и ни за что не хотел, чтобы Гарт ему помогал. Гарт подумал тогда, что Уэлфорд хочет один получить на чай с отъезжающих, но теперь, при виде этих следов, по которым шел Ориоли, у него неволью возникло подозрение, что за этим кроется что-то нечистое, что в эту ночь в стенах Каменной Балки совершилось предательство.

Встревоженный Гарт бросился к индейцу, пытаясь объяснить с ним знаками и рассказать о своих подозрениях. Но это оказалось невозможным, так как его нелепые жесты и отчаянные гримасы отнюдь не передавали того, что он хотел сказать. Индеец посмотрел на него с недоумением, покачал головой, быстро повернулся и, проскользнув мимо него, взбежал на крыльцо и поспешил в библиотеку, чтобы рассказать обо всем своему хозяину.

Глава XXXVIII

ПО СЛЕДАМ

Проводив своих друзей-патриотов, Голтспер, как мы уже говорили, вернулся в библиотеку и сел писать.

Остаток ночи он провел за работой, порученной ему Пимом и Гемпденом и еще несколькими участниками ночного совещания, которые задержались у него дольше других. Они поручили ему составить обвинительный акт против Томаса Уэнтворта, графа Страффорда.

Голтспер взялся за это, движимый страстным негодованием против гнусного притеснителя.

Воодушевленный дружным откликом, которым был встречен его смелый призыв, пламенный республиканец Голтспер, всей душой ненавидевший монархию, верил в торжество справедливости и чувствовал, что недалеко то время, когда не надо будет собираться тайком: они будут говорить с народом, и народ откликнется на этот призыв!

Королю пришлось-таки созвать «третье сословие»! Через несколько дней должен собраться парламент — знаменитый парламент, получивший впоследствии название Долгого¹, и Голтспер, по имеющимся у него сведениям, хорошо представлял себе, кто в него войдет. С такими людьми, как Пим и Гемпден, Голлис², Гезльриг³, Вен, Мартен, Кромвель, и множеством других патриотов, пользующихся любовью народа, будет истине невероятно, если не удастся пресечь этот неистовый разгул тирании, которая уже столько лет покрывает позором и душит свободу Англии.

Поглощенный всеми этими мыслями, Голтспер трудился над составлением документа, пожалуй, час с лишним. Он уже почти закончил свою работу, когда вошел индеец.

¹ Долгий парламент получил свое название вследствие длительного срока деятельности (1640—1653). Его предшественником был Короткий парламент, распущенный Карлом I через три недели после созыва. В числе первых актов Долгого парламента было возбуждение процесса против Страффорда и уничтожение «Звездной палаты». Долгое время этот парламент был главным организующим центром противников короля. В декабре 1648 года был очищен от пресвитериан, стремившихся остановить дальнейшее развитие революции. 20 апреля 1653 года остатки Долгого парламента были разогнаны Кромвелем.

² Голлис Дензилл (1599—1680) — один из лидеров пресвитериан в Долгом парламенте. Впоследствии стремился к примирению с королем. В 1647 году предложил распустить революционную армию, за что был обвинен в измене и бежал во Францию. В 1660 году содействовал восстановлению на престоле Карла II и занимал при нем высокие должности.

³ Гезльриг Артур (умер в 1661 году) — один из лидеров индепендентов в Долгом парламенте. 10 апреля 1641 года, во время процесса над Страффордом, внес «билль об опале», применявшийся против опасных политических деятелей. Был членом Государственного совета республики, губернатором Нью-касла.

— Что случилось, Ориоли? — спросил Голтспер, отрываясь от бумаг и с удивлением глядя на взволнованное лицо слуги. — В чем дело? У тебя такой вид, будто с тобой что-то стряслось! Может быть, вы чего-нибудь не поделили с Гартом?

Индеец отрицательно покачал головой и с гневным ворчанием приподнял ногу подошвой вверх и сердито посмотрел на пол.

— А!.. — протянул Голтспер, читавший его знаки так же легко, как если бы это были слова. — След врага?

Ориоли поднял вверх три пальца.

— Три, а не один? И трое мужчин? Ну, может быть, с ними будет легче справиться, чем с тройкой женщин!

Сделав это полусушительное замечание, Голтспер на минуту задумался, словно вспомнив о чем-то.

— Ну хорошо, — сказал он наконец, — а что же ты все-таки видел, Ориоли?

Ориоли, сделав ему знак следовать за ним, вышел из комнаты, спустился с парадного крыльца и пошел по направлению к задней стороне дома. Голтспер и Гарт последовали за ним, и все трое принялись разглядывать следы.

Следы явно шли от боковой двери. Они принадлежали двум людям, которые, по-видимому, вышли из этой двери. Третий человек в подбитых гвоздями крестьянских башмаках встретил их на пути и проводил до парадного крыльца, где все следы потерялись, затоптанные копытами лошадей.

Следов, которые вели к боковой двери, не было; но так как в комнату с забитой наглухо стеклянной дверью нельзя было войти иначе, как через эту боковую дверь, оставалось только предположить, что незваные гости вошли в нее до того, как начался дождь, и вышли после того, как он окончился. Иными словами, двое людей пробыли в комнате в течение почти всего времени, пока длилось совещание.

Другие знаки, которые показал им индеец, — следы на полу, отчищенный кружок на стекле, — безошибочно доказывали, с какой целью они забрались в это нежилое помещение. Это, несомненно, были шпионы.

Следы подбитых гвоздями башмаков изобличали предателя, который их привел: таких следов было много и по другую сторону дома возле конюшни. Ориоли сразу распознал, что эти следы принадлежали Уиллу Уэлфорду.

— Я давно подозревал этого негодяя, — сказал Голтспер и, нахмурившись, пошел к дому.

— Попадись мне только эта гнусная образина! — воскликнул бывший грабитель. — Уж он мне ответит за свои грязные дела! Не я буду, коли не расправлюсь с ним!

Вернувшись в библиотеку, Голтспер в смятении заходил по комнате из угла в угол. Он был сильно встревожен. Присутствие шпионов на тайном совещании было чревато серьезными последствиями. Речь шла не только об его собственной безопасности, но и о безопасности многих других людей, занимавших высокое положение: нескольких членов парламента из соседних графств, и в их числе Пима, Голлиса, Гезльрига, Генри Мартена и молодого Гарри Вена... Да и сэр Мармадюк Уэд тоже, вероятно, был замечен предателями...

Это обстоятельство особенно удручало Голтспера, ибо сэр Мармадюк явился на это собрание по его личному приглашению, и вот теперь он скомпрометирован настолько серьезно, что жизнь его висит на волоске.

Те, кто подслушивал из этой смежной комнаты, не только слышали все, что здесь говорилось, но и видели каждого выступавшего оратора.

У Голтспера не было никаких сомнений относительно главного организатора этой шпионской вылазки. Деша, отобранная Гартом у королевского курьера, помогла ему догадаться об этом: здесь был Ричард Скэрти, сам лично или кто-нибудь подосланный им. Он совершенно ясно представлял себе, как все было построено, но ему было отнюдь неясно, что теперь делать и как поступить.

Улики, которыми располагал против него Скэрти, грозили Голтсперу не только лишением свободы, но и жизни.

Если после своего сегодняшнего выступления он предстанет пред судом «Звездной палаты», может ли он ожидать иного приговора, кроме смертной казни? За годы правления малодушного тирана это будет не первая голова, которая скатится на плаху.

Но что пользы упрекать себя теперь за неосторожность, которая позволила шпионам проникнуть в его дом! Сейчас не время предаваться самообвинениям, надо действовать!

Генри Голтспер был человек быстрых решений. Жизнь, проведенная им среди опасностей на море и на суше, в чаще первобытных лесов Америки, среди враждебных племен, приучила его быстро соображать и так же быстро действовать.

Но человек не обладает даром предвидения, и бывают случаи, когда и самый умный, решительный и проворный оказывается захваченным врасплох.

Это именно и случилось теперь с Голтспером; он чувствовал, что его перехитрили. В честном поединке он победил своего противника, но похоже было, что тот, прибегнув к грязным махинациям и интригам, теперь восторжествует над ним. Те, кто тайком пробрался в Каменную Балку, несомненно, явятся опять, и не тайком, а открыто и во всеоружии.

Почему они еще не вернулись? Это был, пожалуй, единственный вопрос, на который трудно было ответить.

Почему они не захватили всех на месте, не арестовали их сразу, — это объяснялось просто: шпионы не приготовились к таким решительным действиям, здесь было слишком много народу. Но с тех пор прошло достаточно времени...

— А, черт возьми! — вскричал кавалер, прерывая эти неприятные размышления. — Ну что я, в самом деле, теряю время! Мне надо сейчас же убираться отсюда прочь. Гарт!

— Да, мастер Генри!

— Оседлай сию же минуту моего коня!.. Ориоли!

Индеец уже стоял перед ним.

— Пистолеты заряжены?

Ориоли утвердительно кивнул головой и рукой указал на пистолеты, лежавшие на дубовой полке над камином.

— Отлично! Они могут мне скоро понадобиться. Положи их в седельную сумку. А теперь — прощай, Ориоли! — промолвил Голтспер, с грустью глядя на своего слугу. — Я должен уехать и, может быть, не вернусь некоторое время. Тебе нельзя ехать со мной. Ты должен оставаться здесь, пока я не вернусь или не пришлю за тобой.

Индеец слушал его с явным огорчением и тревогой.

— Не падай духом, мой друг! — продолжал Голтспер. — Мы ненадолго расстаемся. Я сделаю все, что от меня зависит, чтобы вернуться как можно скорей.

Ориоли жестами умолял Голтспера не оставлять его, говорил, что готов следовать за своим хозяином на край света, готов умереть за него.

— Все это я знаю, мой верный мальчик! — отвечал его покровитель и защитник. — Ты уже когда-то доказал мне это. Но твоя храбрость, которая могла помочь мне в непроходимых лесах твоей родины, против враждебных племен индейцев, здесь мне мало пригодится. Противник, которого мне приходится теперь опасаться, — это не голый дикарь с дубинкой и томагавком, а король со скипетром и мечом. Ах, мой честный Ориоли, одна твоя рука не защитит меня там, где против меня будет множество! Ну, мой верный друг, я и так уже потерял слишком много времени! Живей мою сумку! Приторочь ее к седлу. Положи туда эти бумаги. Остальное может остаться здесь. Скорее, милый Ориоли! Хьюберт уже, должно быть, оседлан. Гарт, что с тобой? Что случилось?

Гарт стоял в дверях, задыхаясь, белый как полотно.

— Что такое? А! Нечего и спрашивать. Я и так понимаю, что значит этот шум!

— Господи боже, мастер Генри! Дом окружен конниками — это кирасиры из Балстрода!

— А! Скэрти хитер и проворен, он не терял времени. Боюсь, что я опоздал!

И Голтспер, обнажив шпагу, схватил пистолет, словно собираясь сделать попытку защищаться.

Бывший грабитель тоже вооружился своей страшной пикой, которую он притащил из передней; оружие Ориоли — томагавк — всегда был при нем.

Голтспер, со шпагой наголо, бросился к главному выходу. Гарт и индеец следовали за ним.

В дверях, распахнутых настежь, Голтспер сразу увидел, что сопротивляться бесполезно: это было все равно что идти на верную смерть и, мало того, — погубить своих помощников.

Перед крыльцом стоял ряд закованных в сталь кирасиров; каждый из них держал наготове аркебуз, а доносившийся из-за дома топот копыт, звяканье оружия и промкие голоса ясно свидетельствовали, что окружена вся усадьба.

— Кто вы такой? Что вам здесь нужно? — крикнул Голтспер, обращаясь к переднему всаднику, который, по-видимому, был командиром. Лицо его было скрыто под опущенным забралом шлема.

Голтспер задал этот вопрос почти машинально: он знал, кто этот всадник и что привело его сюда. Это был тот, с кем он бился на поединке, тот, кого он победил, оставив ему на память знак, по которому его можно было узнать.

Голтсперу не нужно было этого знака — раненой руки, все еще висевшей на повязке, чтобы узнать своего противника, Ричарда Скэрти: он и так узнал и коня и всадника.

— Я приехал сюда не для того, чтобы отвечать на пустые вопросы! — с язвительным смехом ответил Скэрти. — И на первый ваш вопрос вы, верно, не нуждаетесь в ответе; что же касается второго, то, хотя это и слишком большая любезность с моей стороны, я вам, пожалуй, ствечу. Я здесь затем, чтобы арестовать изменника!

— Изменника? А кто же это?

— Генри Голтспер, который изменил своему королю.

— Подлый трус! — воскликнул с презрением Голт-

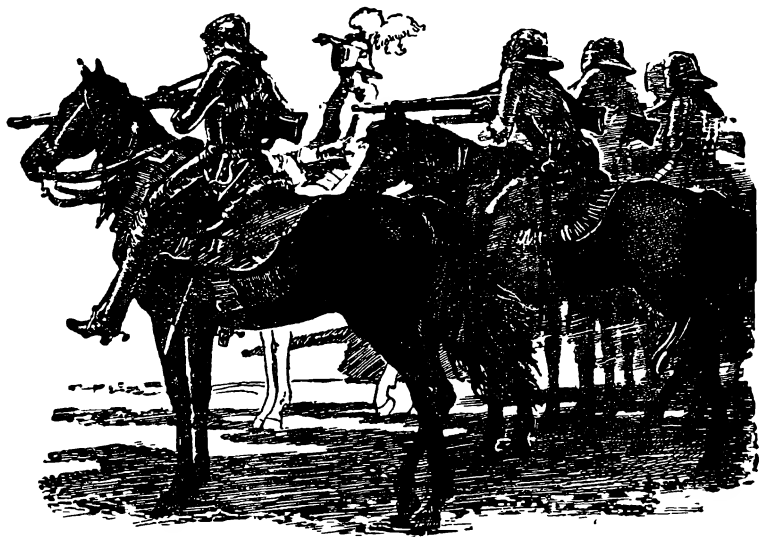
Голтспер увидел, что сопротивляться бесполезно:

спер. — Так вот какова благодарность за то, что я пощадил вашу жалкую жизнь! По этой толпе закованных в сталь наемников, которыми вы окружили себя, видно, что вы боитесь, как бы я не проучил вас еще раз! Напрасно вы не привели с собой целый полк! Ха-ха-ха!

— Вы изволите шутить, — отвечал Скэрти, который, в сознании своего превосходства, сохранял невозмутимое спокойствие. — Ну что ж, мастер Голтспер! Скоро вам будет не до шуток. Хорошо смеяться победителю! А до смеха ли тому, кто теряет или, вернее сказать, потерял...

— Что потерял? — перебил его Голтспер, задетый двусмысленным и многозначительным тоном.

— Не вашу свободу, нет... хотя ее вы тоже потеряли... и не вашу голову, которой вы вот-вот лишитесь, а то, что вам, как достойному кавалеру, должно быть не менее дорого!

это было все равно что идти на верную смерть.

— Что это? — невольно вырвалось у Голтспера, не столько в ответ на слова Скэрти, сколько при виде того, что внезапно представилось его взору. — Что это?

— Вашу возлюбленную! — насмешливо прозвучало в ответ. — Не воображайте, если вам однажды позволили поднять оброненную перчатку, что вы один удостоились такого нежного знака внимания! Быть может, золотоволосой леди вздумалось обронить и другую перчатку, а когда так мило роняют две — мне кажется, последняя имеет больше цены!

И, говоря это, Скэрти с торжеством поднял руку к верхушке своего шлема, где виднелась перчатка из белой замши; ее тонкие пальцы, вытянутые вперед, казалось, насмешливо указывали на второго обладателя такого же сувенира.

Глаза Голтспера уже давно были устремлены на эту перчатку, и на его потемневшем лице отразилась странная борьба чувств — удивления, недоверчивости,

гнева и, может быть, более всего мучительной ревности.

Ему вспомнилось, как Марион, расставшись с ним, встретила со Скэрти, как они шли вдвоем по аллее и как — на какой-то короткий миг — она показалась ему такой довольной...

Но если даже он и позволил себе усомниться в ней, он ничем этого не обнаружил.

— Низкий плут! — гневно воскликнул он. — Ты лжешь! Она никогда не давала тебе этой перчатки! Ты или нашел ее, или просто-напросто украл! И, клянусь небом, я ее у тебя отберу и верну владелице, которую ты сейчас оклеветал перед твоими приспешниками! Отдай ее сейчас же, Ричард Скэрти, или я своей шпагой сниму ее...

Он не договорил и, подняв шпагу, бросился на противника.

— Хватайте его! — закричал Скэрти, осаживая коня, чтобы избежать удара. — Хватайте бунтовщика! Рубите его, если он будет сопротивляться!

С полдюжины кирасиров, исполняя приказание, прищипорили коней и бросились к Голтсперу. Одни нагибались с седла, чтобы схватить его, другие старались сбить его с ног прикладами своих карабинов. Гарт и индеец бросились на помощь своему хозяину, но Голтспер перестал сопротивляться, не желая рисковать жизнью своих верных помощников, и спокойно отдался в руки окруживших его солдат.

— Связать бунтовщика, да крепче! — кричал Скэрти, стараясь этими выкриками скрыть свою досаду, оттого что обнаружил свой страх. — Отобрать у него оружие! Связать по рукам и по ногам! Это опасный сумасшедший. Вяжите ту же, ротозей! Затяните ему петлю на шее, как палач затягивает петлю висельнику! Ха-ха-ха!

Приказание было тотчас же выполнено, и через несколько секунд Генри Голтспер стоял связанный среди издевающихся врагов.

— Приведите ему коня! — насмешливо крикнул Скэрти. — Черный Всадник! Ха-ха-ха! Пусть он в по-

следний раз проедется на своем любимом скакуне. А там уж он будет ездить на королевский счет! Ха-ха-ха!

Привели коня, уже оседланного Гартон, и Хьюберт при виде своего хозяина заржал так жалобно и тревожно, как будто понимал, что хозяин попал в беду.

Когда его подвели вплотную к пленнику, он согнул шею и, тихопопко пофыркивая, потерся мордой о щеку Голтспера.

Капитан кирасиров, мрачно нахмурившись, наблюдал эту трогательную сцену. Скэрти невольно вспомнил свое позорное поражение — этот конь сыграл в нем немалую роль, и он ненавидел его почти так же, как его хозяина. Он постарался отогнать эти неприятные воспоминания.

— Ах, благородный сэр, — воскликнул он, — разве такому достойному кавалеру подобает ехать с непокрытой головой по большой королевской дороге! Эй вы, там! Принесите его шляпу да напьяйте ему на голову! Поживей, поживей!

Три или четыре кирасира бросились было к крыльцу, чтобы выполнить приказание командира, но окрик Скэрти заставил их остановиться.

— Стойте, ребята, не надо! — крикнул он. — На коней! Я сам принесу ему шляпу!

Последние слова он пробормотал себе под нос; казалось, они вырвались у него невольно, как если бы ему вдруг что-то пришло в голову.

Соскочив с коня, Скэрти поднялся на крыльцо и вошел в дом; оглядываясь по сторонам, он прошел переднюю, потом длинный коридор и наконец очутился перед дверью комнаты. Это была библиотека, где недавно собирались заговорщики. Он знал ее расположение и предполагал, что именно тут и найдет то, зачем пошел.

Он не ошибся: войдя, он сразу увидел шляпу Голтспера, висящую на оленьих рогах, прибитых к стене.

Он сдернул ее с такой поспешностью, как будто боялся, что ему кто-нибудь помешает.

Белая перчатка по-прежнему красовалась на том

же месте, рядом с султаном из перьев. В ту же секунду она оказалась в руках Скэрти, на шляпе остался только султан. С горькой улыбкой рассматривал Скэрти обе перчатки, подняв их к свету и сравнивая палец за пальцем, стежок за стежком.

Лицо его исказилось, когда он наконец убедился, что перчатка, которую он сорвал со шляпы Генри Голтспера, и та, что красовалась на его собственном шлеме, составляли одну пару. Правая была его находкой, а левая — теперь он уже не сомневался — поистине была даром любви.

Раньше у него была хоть слабая надежда, что он заблуждается. Теперь он уже больше не мог обманывать себя этой надеждой: перчатка, которую носил на шляпе Черный Всадник, когда-то облекала прелестные пальчики Марион Уэд.

— Но, может быть, она вовсе не дарила ее?.. Возможно ли сомневаться! Конечно, подарила! Будь я проклят, если я не заставлю ее когда-нибудь пожалеть об этом подарке!

Облегчив себя этой угрозой, Скэрти быстро спрятал на груди под камзолом перчатку, снятую со шляпы Голтспера.

— Ступай... — сказал он одному из сопровождавших его солдат, — ступай сейчас же в сад, если он есть в этой проклятой дыре, а если нет, добеги до лужайки и нарви цветов. Все равно каких, лишь бы они были красные, ярко-красные. Ну, ступай рви, да поживей!

Солдат, приученный не задавать вопросов, а повиноваться, молча бросился выполнять это странное приказание.

— А ты, — продолжал Скэрти, обращаясь к другому солдату, — собери-ка бумаги. Да вот эту сумку захвати. Ее, видно, только что уложили. Смотри, чтобы все это было доставлено в Балстрод! Обыщи каждую комнату в доме и заberi все оружие и все бумаги, какие попадутся. Словом, ты свое дело знаешь! Поторапливайся!

Солдат поспешно приступил к обыску, и Скэрти на минуту остался один.

— Будь это мое дело, — пробормотал он, — мне следовало бы поинтересоваться документами, которые разбросаны здесь. Не сомневаюсь, что там можно найти имена многих предателей и всякий компрометирующий материал, которым можно изобличить половину здешних сквайров. Наверно, многие из них, благодаря этим бумажкам, получили бы право на бесплатную квартиру в Тауэре. Но меня это мало занимает, хотя, поскольку я теперь ввязался в это дело, мне, право, ничего не стоит разделаться с этой шайкой предателей! Ну, а что касается Голтспера и сэра Мармадюка, тут мне не надо никаких письменных доказательств их преступления. Моих устных показаний, подтвержденных Стаббсом, будет достаточно, чтобы снести голову одному из них, а может быть, и обоим! К черту бумажонки!

И он с раздражением отошел от письменного стола, но вдруг, словно спохватившись, бросился обратно.

— Не торопись, Ричард Скэрти! Как знать... может быть, среди этой кучи предательской писанины лежит где-нибудь любовное письмецо? Как это мне не пришло в голову!

И он стал поспешно перебирать ворох бумаг и, вытаскивая из конвертов письма, бегло просматривал, нет ли написанных женской рукой и не стоит ли где подписи Марион Уэд.

Ему пришлось разочароваться. Все корреспонденты Генри Голтспера были мужчины, он не обнаружил ни одного любовного письма.

Он уже готов был отказаться от своих поисков, как вдруг его внимание привлек какой-то пакет: на нем была королевская печать.

— Что за черт! — воскликнул он. — Письмо от короля! Любопытно, что может его величество писать этому верному подданному!.. Как! Оно адресовано мне?! «Капитану Скэрти, командиру отряда королевских кирасиров. Балстрод Парк. Графство Бэкингемшир». Украденная депеша! Вот так история! Генри Голтспер — ночной грабитель или, во всяком случае, сообщник грабителя! Иначе как бы это могло к нему

попасть? Так, так... Значит, его ждет позорная смерть вора, а не государственного преступника! Не плаха, а петля! Ох, как вы будете каяться и упрекать себя, мисс Марион, когда узнаете, что ваша перчатка досталась грабителю! Вот это будет сюрприз!.. Эй ты, достал цветы?

— Достал, господин капитан. Это самые лучшие, какие я мог найти. Здесь, в этой дыре, ничего, кроме сорняков, и нет, да и те вянут.

— Тем лучше. Мне и надо, чтобы они были увядшие. Подойдут как раз, и цвет такой, как надо. Пойди-ка сюда! Сложи их в маленький букетик и прикрепи к этой шляпе. Подсунь так, чтобы их держала пряжка. Чтобы вид был. Ну, поживей!

Солдат пустил в ход свои неуклюжие пальцы, и через несколько секунд немного потрепанный букетик был прикреплен пряжкой к шляпе Черного Всадника, на том самом месте, где раньше красовалась белая перчатка.

— Хорошо, — сказал Скэрти, направляясь к выходу. — Бери с собой эту шляпу. Ты наденешь ее на голову пленника. Да смотри, чтобы он не видел, что мы тут подменили! Держи ее так, чтобы никто ничего не заметил. Понял?

Солдат выслушал это секретное распоряжение с понимающим видом и, кивнув, бросился выполнять его.

Стаббс между тем уже приказал кирасирам усадить Голтспера на коня. Чтобы лишить его всякой возможности бежать, ему связали руки за спиной и прикрутили ремнями к седлу и стремянам. По бокам возле него гарцевали два кирасира с саблями наголо.

Но даже и в этом унижительном положении Генри Голтспер не производил впечатления преступника. Он сидел с гордо поднятой головой, сохраняя невозмутимое спокойствие, которое отличает мужественного человека даже в плену. И это благородное мужество внушало невольное уважение его грубым стражам, которые совсем недавно были свидетелями его торжества на поединке.

— Экая жалость! — шепнул один из них. — Экая

жалость, что он не на нашей стороне! Вот был бы знатный кирасир!

— Наденьте шляпу мастеру Голтсперу! — насмешливо крикнул Скэрти, садясь на коня. — А то как бы ветер не растрепал эти прекрасные кудри. Они будут так красивы на плахе! Ха-ха-ха!

Повинуясь приказанию, пленнику надели шляпу.

Трубач протрубил «Вперед!», и кирасиры по два в ряд, со Скэрти во главе, Стаббсом в арьергарде и Голтспером в центре, медленно двинулись по лужайке, увозя хозяина Каменной Балки.

Глава XXXIX ПЬЯНЫЙ ДЭНСИ

Видя, что его присутствие не может принести никакой пользы хозяину, а для него самого может оказаться гибельным, Грегори Гарт спрятался на чердаке Каменной Балки и оттуда в маленькое слуховое оконце наблюдал за происходившим.

Только после того, как последний кирасир Скэрти выехал из ворот усадьбы, бывший грабитель спустился из своего убежища и вышел на крыльцо.

Движимый тем же инстинктом, индеец также спрятался и появился теперь одновременно с Гартом; они стояли друг против друга, но не могли обменяться ни словом, не могли поделиться своими мыслями.

Грегори не понимал жестов индейца, а тот не понимал английской речи: Голтспер всегда говорил с ним на его родном языке.

Да им, собственно, и нечего было сказать друг другу. Оба видели, как захватили их покровителя и хозяина. Ориоли понимал только одно: хозяин попал в руки врагов. Гарт яснее представлял себе, что это за враги и почему они схватили Голтспера.

Они оба видели его связанным пленником, и обоим пришла в голову мысль: нельзя ли как-нибудь его освободить?

Индейцу эта мысль была подсказана инстинктом, а будь на месте Гарта какой-нибудь другой англичанин, вряд ли ему могла прийти в голову такая мысль. Но у бывшего грабителя, по роду его занятий, был большой опыт по части тюрем, и, так как ему не раз случалось выбираться из узилища, он считал это вполне осуществимым. Он сразу начал обдумывать, какие следует предпринять меры, чтобы выручить и освободить Генри Голтспера.

Гарту очень недоставало какого-нибудь человека с головой, с которым можно было бы посоветоваться. У индейца, может быть, была и неплохая голова, но Гарту не было от нее никакой пользы, так как он не мог извлечь из нее ни одной мысли.

— Экое несчастье! — воскликнул он после пескольных тщетных попыток объясниться с Ориоли знаками. — Ничего от него не добьешься! Никакого толку! Меньше, чем от моих старых чучел: все-таки они мне помогали. Ну что ж, придется мне обмозговать это дело без него.

Действительно, хотел этого Грегори или нет, но ничего другого ему не оставалось, так как индеец, убедившись, что его не понимают, отказался от попыток объясниться с Гартом. Покинув грабителя, он, повинаясь своему инстинкту, отправился по следам отряда с надеждой, что он может быть полезнее своему хозяину, будучи около него.

— Предан, как пес, — пробормотал Грегори, следя за ним взглядом. — Вот так и мои помощнички были мне преданы. Сэр Генри когда-то его выручил, так он теперь за него в огонь и в воду готов... Ну, а как же все-таки пособить хозяину? — рассуждал сам с собой Грегори. — Его повезли в Бэлстрод, там они стоят на квартире. Но только долго его тут держать не станут. Разве они для него такую тюрьму готовят? Ньюгейт или Тауэр — вот куда они его упрячут, и не позднее, чем завтра. Если бы удалось освободить его по дороге! Нет, боюсь, не выйдет! Мои соратники на такое дело не годятся. Ведь их там чертова сила, этих самых кирасиров. Нечего и думать!.. Хотел бы я знать, когда

они его переправлять будут? Ежели не сегодня, тогда, может, можно будет что-нибудь и сделать. Эх, кабы мне с кем-нибудь дельным посоветоваться!.. Не верю я, хоть убей, что старый Дэнси предатель! Никак этого не может быть, да еще после всего того, что он мне вчера рассказывал! Нет, он ничего про это не знает. Все это дело рук проклятого Уэлфорда... Пойду-ка я к Дэнси! Посмотрю, может ли это стать, чтобы он в такой подлости был замешан. А может, и дочка его чем-нибудь да поможет! Она-то не откажется. Коли меня мои глаза не обманывают, она без памяти влюблена в сэра Генри... Да, вот сейчас прямо и пойду к Дэнси! У меня в тех краях еще дельце есть, так уж я одним махом сразу двух зайцев убью... Ну и подлюга же этот Уэлфорд! Не я буду, если не измолочу его так, что на нем живого местечка не останется! Ух!

И с этой угрозой Грегори вошел в дом — по-видимому, для того, чтобы приготовиться к своему визиту к Дэнси.

Хотя он собирался идти сейчас же, прошло добрых полчаса, прежде чем он вышел из Каменной Балки. Слишком большим соблазном оказались для него раскрытая кладовая и винный погреб. Хотя кирасиры хорошо похозяйничали и там и здесь, они все же не успели опустошить их дочиста. Гарту осталось достаточно разных припасов, чтобы приготовить себе порядочный завтрак, и вволю вина, чтобы запить его.

После завтрака нашлось еще дело, которое задержало его минут на двадцать. В спальне хозяина и в других комнатах, куда не заглянули кирасиры, осталось много ценных вещей, которые легко можно было унести. Все эти вещи, у которых теперь не было хозяина, могли пропасть; любой вор мог зайти и вынести их под плащом.

Грегори был не такой человек, чтобы оставить на произвол судьбы ценные вещи; он отыскал большой мешок и сложил в него серебряные кубки, подсвечники, оружие и прочие ценности, а также кое-что из одежды. Набив мешок доверху, он взвалил его на плечи и понес из дома подальше, в кусты. Там он нашел

укромное местечко и спрятал свою добычу так тщательно, что самый зоркий человек мог бы пройти рядом, ничего не заметив.

Сказать, что Грегори украл эти вещи, было бы несправедливо по отношению к нему. Он просто спрятал их до возвращения владельца. Но так же неверно было бы утверждать, что в то время, когда он старательно прятал мешок с вещами, у него не мелькала мысль, что он может стать его собственностью.

Может быть, он говорил себе, что, если Генри Голтспер никогда не вернется в Каменную Балку и ему, Гарту, не придется увидаться с ним, это добро будет ему некоторым вознаграждением за утрату любимого хозяина.

Разумеется, он отнюдь не желал этого, потому что тотчас же отправился к Дэнси, чтобы попытаться с его помощью освободить Голтспера, а успех этой попытки лишил его всякой надежды завладеть спрятанным добром.

Подходя к вырубке, где стояла хижина Дика Дэнси, он увидел человека, который, пошатываясь, брел от его дома. Он тут же исчез за деревьями, но Грегори все же успел узнать в этом пьяном человеке лесоруба Уэлфорда.

Постояв несколько секунд и убедившись, что он удаляется, Гарт пошел к жилищу Дика Дэнси.

Уэлфорд действительно был пьян, как никогда в жизни.

Когда они с Дэнси еще затемно возвращались домой после ночной работы в Каменной Балке, даже в предрассветных сумерках нетрудно было заметить, что оба они идут пошатываясь. Они то и дело натыкались на деревья, а Уэлфорд один раз совсем потерял равновесие и на топком месте плюхнулся головой в грязь.

Правда, тропинка после дождя стала скользкой, но вряд ли это было причиной того, что они так нетвердо держались на ногах. Языки у них тоже заплетались, и это уж безусловно было следствием не дождя, а иной, гораздо более крепкой, жидкости.

Дэнси был очень весел и оживлен, и речь его беспрестанно прерывалась хихиканьем. Он был очень доволен этой ночью и несколько раз на ходу вынимал из кармана пригоршню серебра и потряхивал ее на ладони, чтобы послушать, как звенят настоящие королевские денюжки.

Ладонь Уэлфорда, по-видимому, была не так щедро «смазана», но, несмотря на это, и он также был в прекрасном настроении. У него было нечто, помимо чаевых, что доставляло ему удовлетворение, но он не считал нужным посвящать в это своего приятеля. Вряд ли это было содержимое глиняной фляги, украденной им из подвала Каменной Балки; нет, хмель, который опьянял его сильнее выпитого джина, был совсем иного порядка: он был опьянен радостью, радостью предвкушения близкой гибели ненавистного ему человека.

Он не знал, что с ним сделают. Его новый хозяин даже не намекнул ему, для какой цели потребовались ему те услуги, которые он оказал ему нынче ночью. Но как ни туго соображал Уэлфорд, он понимал, что его каким-то образом освободят от соперника, и притом без всякого риска или усилий с его стороны. Мало того, ведь он жаждал отомстить Голтсперу, — и вот теперь он будет отомщен, не только не подвергаясь ни малейшей опасности, но ему даже обещали щедрую награду за его легкие и добровольные услуги.

Вот это-то и приводило Уэлфорда в такое возбужденное состояние, а частые возлияния еще усиливали это возбуждение.

Когда они подошли к хижине Дэнси, Уэлфорду, конечно, захотелось заглянуть к нему. Да и сам Дэнси не собирался его отпустить: фляга с джином, украденная Уэлфордом из подвала Каменной Балки, была спрятана у него под полкой, и Дэнси знал, что в ней еще далеко до дна. Уэлфорд с радостью согласился на предложение зайти и допить джин, и оба, шатаясь, ввалились в хижину и грузно плюхнулись на скамью. Уэлфорд поставил флягу на стол; достали оловянные чарки, и оба лесника продолжали попойку, которая была прервана ходьбой.

Солнце взошло, и красotka Бетси давно была на ногах; ее позвали прислуживать.

Ни тому, ни другому не хотелось есть — кладовая Каменной Балки испортила обоим аппетит, — но винный погреб только обострил их жажду.

Сначала Уэлфорд почти не замечал, как холодно обращается с ним дочь хозяина. Он был так упоен тем, что скоро избавится от своего страшного соперника, что не обращал внимания на хмурый вид своей возлюбленной. Он уже чувствовал себя ее господином.

Но мало-помалу его снова начали одолевать ревнивые опасения. Когда он увидел, как Бетси подошла к двери и остановилась, задумчиво глядя вдаль, словно поджидая кого-то, Уэлфорд не вытерпел, несмотря на присутствие отца, и разразился потоком брани.

— Чего ты там глазеешь, проклятая! — закричал он, едва выговаривая слова. — Чего торчишь у двери?.. И как это ты только позволяешь, Дик Дэнси!

— А... ик... парень... что ты, Уилл?.. ик... Бетси, что у вас там... ик... ик...

— Проклятая девка! А ты — старый дурак, Дик: позволяешь ей бегать за этим ч-чертом!

— Что ты, Уилл? За как-ким... ик... ч-чертом? О... ик... ком ты говоришь?

— Она з-знает, о ком я говорю, оч-чень хор-рошо знает, хоть и глядит овечкой! А он из нее сделает ш-шлюху, если уже не сделал!

— Отец, долго ты будешь это слушать? — вскричала Бетси, отходя от двери и обращаясь к своему естественному защитнику. — Ты слышишь, как он меня называет, и это уж не первый раз! Слышишь, отец, запрети ему так разговаривать со мной!

— Отец и сам когда-нибудь увидит, что это правда! — злобно пробормотал Уэлфорд.

— П-правда! — повторил Дэнси с жалостным видом. — П-правда... Ч-что такое правда, а, Бетси?

— Он назвал меня шлюхой, — ответила девушка, с неохотой повторяя бранное слово.

— Он... т-тебя н-назвал ш-шлюхой? Да я из него щ-щепок наделаю! К-как он с-смел?

И Дэнси попытался подняться на ноги, явно намереваясь привести в исполнение свою угрозу.

Но попытка его оказалась безуспешной: едва поднявшись, пьяный лесник снова плюхнулся на скамью, которая покачнулась и затрещала под его увесистым телом, словно собираясь развалиться на части.

— Д-да, и назвал! — насмешливо продолжал Уэлфорд, успокоившись при виде беспомощного состояния старого Дика, которого в трезвом виде он побаивался. — А ты и стоишь, чтобы тебя так называли! Ты и есть, как я говорю, ш-шлюха!

— Ты слышишь, отец? Он опять то же говорит!

— Ч-что он т-такое г-говорит, а, дочка?

И Бетси снова во всеуслышание повторила оскорбительное слово:

— Что я шлюха.

На этот раз Дэнси реагировал более энергично. Его попытка подняться на ноги увенчалась успехом.

Удерживаясь за спинку большого кресла, он двинулся на Уэлфорда, крича:

— Уилл Уэлфорд... ик... негодяй! К-как ты смеешь н-называть мою д-дочь... ик... В-вон из моего дома! Сейчас же!.. ик... А не уйдешь, я тебе б-башку расколю в щепки! Вон отсюда!

— Ну и уйду! — отвечал Уэлфорд, мрачно поднимаясь со скамьи и злобно поглядывая на отца и на дочь. — У меня и свой дом есть, могу и уйти и, черт меня побери, ежели я не возьму с собой и свое добро!

И с этими словами он схватил со стола флягу и, заткнув ее пробкой, спрятал себе под полу и вышел из хижины.

— Ч-черт с тобой, Дик Дэнси! — заорал он, переступая через порог. — Старый ты дуралей!.. А ты... — крикнул он в бешенстве, оборачиваясь к Бет, — ты, может, своего милого в последний раз видела! Я ему нынче ночью кое-что устроил! Ха-ха! Железную решетку забил между ним и тобой, проклятая шлюха!

И, выкрикнув еще раз это бранное слово, подлый негодяй, повалив плетень, шатаясь ринулся в лес.

Тут-то его и увидел Грегори Гарт, подходивший в это время с другой стороны.

— Чего это он там плел — про какую-то железную решетку? — спросил Дэнси, слегка протрезвев от этой ссоры. — Кому это он грозился, а, дочка?

— Не знаю, отец, — с невинным видом ответила Бет. — Я думаю, он и сам не знает, что говорит. Он ведь себя не помнит, когда напьется!

— Вот это верно, ха-ха! Накачался этого джину! Он его из старого дома стащил... ик-ик... ну, вот его и доконало! Не такая у него голова, чтобы пить. Мозги заходятся, ха-ха-ха! Я, кажется, дочка, того... и сам здорово хватил! Ну, ничего! Я вот маленько сосну здесь в кресле... ну, в-вот... и все обойдется...

И с этими словами Дэнси опустился в большое кресло из букового дерева, и через несколько секунд вся хижина затряслась от его храпа.

Глава XL

НАКАЗАНИЕ ОТЛОЖЕНО

Последние слова обиженного вздыхателя сильно встревожили Бет Дэнси: «Ты, может, своего милого в последний раз видела. Я ему нынче ночью кое-что устроил! Железную решетку забил между ним и тобой».

Решетку... между ней и кем? Голтспером?.. Кем же еще? Кто, кроме Голтспера, владел ее мыслями и на кого, кроме него, мог намекать Уэлфорд?

Она знала, что Уэлфорд ревнует ее к Черному Всаднику. Она была бы рада, если бы Голтспер дал ему какой-нибудь повод для ревности... Увы, она одна давала пищу этой ревности!

Железная решетка... тюрьма... грозит человеку, которого она боготворит!

— Что это означало? Действительно ли это грозит ему? А может быть, он уже в тюрьме?.. Нет, этого не могло случиться, иначе отец или Уэлфорд проговорились бы об этом, когда сидели за столом.

Они всю ночь пробыли в Каменной Балке. Бетси знала, зачем их туда позвали, и знала, что там съедется много народу. Ей было ясно, что это тайное собрание, иначе зачем бы они стали собираться ночью?

Бетси была необразованная, но умная девушка; она понимала, что Голтспер не такой, как все, что это человек независимых взглядов и что его подозревают в неверности королю. Она слышала, как об этом шептались, слышала из уст отца, который был на стороне Голтспера и не скрывал своего возмущения королем.

Бет не интересовали убеждения Голтспера. А может быть, она, сама того не сознавая, и любила его за это? Не потому, что его взгляды совпадали со взглядами ее отца, а потому, что для открытой проповеди таких убеждений в то время требовалась большая смелость, а это и было как раз то качество, которое больше всего пленяло своевольную красавицу.

Однако смутное сознание того, что он подвергался опасности, мешало ей восхищаться его политической деятельностью. Она не могла не тревожиться за него. Вот почему слова Уэлфорда повергли ее в смятение.

Правда, он был вне себя от ярости, но все же его угроза имела, по-видимому, основание: что-то должно было случиться, а может быть, уже случилось...

«Он в опасности! — думала она. — Надо предупредить мастера Голтспера, даже если мне придется идти самой, — мысленно прибавила она, глядя на отца, мирно спавшего в кресле. — Что ж, я пойду сейчас же!»

Она сняла с вешалки плащ и, накинув его на плечи, направилась к двери, но в ту же минуту на дворе громко залаяла собака.

«Уж не Уилл ли вернулся? — подумала Бет, осторожно выглядывая в дверь. — Нет, слава богу, это не он. Кто-то, по-видимому, из Каменной Балки... Ах, если бы это был...»

И она горько вздохнула, потому что в эту минуту из-за деревьев показалась высокая фигура в невообразимом наряде и она узнала смуглое лицо, обросшее густой черной щетиной.

«А, это новый приятель отца и, кажется, его друг

тоже, — подумала она. — Я слышала, они говорили, что он тоже был в Балке ночью. Наверно, он должен знать! Может быть, его послал...»

— Доброе утро, девушка! — приветствовал ее Гарт, прерывая тревожные размышления Бет. — Хорошо денек! А что, старый грач воротился в свое гнездо?

— Вы говорите про отца? — спросила Бет, не обижаясь на его странную речь.

— Ясно, про него! Ведь в этом гнезде нет другого старого грача. Что, дома он?

— Дома. Вон он спит, видите?

— Да, вижу, спит как будто. Храпит на весь дом! Да... только разве так спят добрые люди, а, девушка? — И он вопросительно поглядел на Бет, которая стояла, опустив голову, и не знала, что ответить.

— Ну ладно, можешь и не отвечать, коли не хочешь. Понятно, родной отец!.. Ну, а разит здесь здорово! Видно, из этих чарок?

И Гарт, протянув руку, взял со стола оловянную кружку и поднес к носу.

— Да... пахнет голландским джином! И эта тоже, — сказал он, понюхав другую чарку. — Букет, как говорят французы! Из тех самых отборных вин, что хранятся в погребе Каменной Балки. Но ведь не один же он из двух чарок пьет? Кто-то с ним пил. Уж не ты ли?

— Нет! — с возмущением ответила Бетси.

— Ты, девушка, на меня не обижайся, я так только, пошутил... А кто же тут с ним собутыльничал?

— Приятель его. Да вы его знаете — Уилл Уэлфорд.

— Друг твоего отца, а? И большой друг?

— Отец его любит, по-моему, больше, чем он того стоит.

— Так, значит, это неправда, Бет, что ты влюблена в этого Уилла Уэлфорда?

— Я влюблена в него? Кто вам это сказал?

— Да никто, правда, но ведь все знают, что он за тобой увивается.

— Ну, уж с этим я ничего не могу поделать! Охота людям судачить! Лучше бы они не мешались не в свое дело!

— Да, кабы они не мешались, жить было бы куда веселей да спокойнее... Да только они этого не могут, не могут, черт побери!

Высказав это предположение, Грегори на минуту задумался, словно его одолели мрачные мысли.

— У вас дело к отцу? — помолчав, спросила Бет.

— Да как тебе сказать... — нерешительно ответил Гарт, по-видимому раздумывая, как ему поступить. — Да разве с ним сейчас можно о делах говорить! А? Как ты думаешь?

— Боюсь, что нет, — отвечала Бетси.

— А что, Бет, — продолжал Гарт, испытующе глядя в лицо девушке, — может, мы с тобой лучше это дело обделаем? Может, оно даже лучше выйдет, чем с твоим отцом? Мне требуется...

— Да что, что вам требуется? — нетерпеливо перебила Бетси, недоумевая, почему он так тянет.

— Требуется мне верный друг, да не для себя самого, а для человека, который попал в беду.

— Кто попал в беду? — спросила девушка, глядя на него с тревогой, которая не укрывалась от зоркого взгляда Грегори.

— Хороший человек, благородный. Ты-то должна знать, про кого я говорю!

— Почему я должна знать? Откуда?

— Так, значит, ты ничего не слыхала, что случилось нынче утром в Каменной Балке?

Бет не могла выговорить ни слова. Но ее испуганный взгляд, которым она ответила «нет», ясно говорил об ее чувствах.

— Так, значит, ты не слыхала, как мастера Голтспера схватили, связали и увезли кирасиры капитана Скэр-ти? Ничего не слыхала?

— О! — в ужасе простонала Бет. — Так вот о чем он говорил! Я должна была догадаться! О боже, так вот что это значит!

— Кто говорил? О чем?

— Уэлфорд! Уилл Уэлфорд! Ох, негодяй!

— Ты называешь его негодяем... А отец твой? Он не считает его негодяем?

— Он сам увидит, когда узнает об этом! О боже, мастера Генри схватили! И кто же? — его смертельный враг! И все это наделал Уилл Уэлфорд, я уверена в этом!

— Почему ты так думаешь, девушка?

— Он сам сказал вот только что. Он так и сказал, что он это подстроил.

— Кому он сказал? Твоему отцу?

— Нет, мне. Обозлившись, когда уходил. Отец слышал, только он был... он уже почти спал и не понял. А если бы он...

— Ты думаешь, он возмущился бы, как и ты?

— Конечно, я в этом уверена!

— Верно. Я и сам так думал.

— Схватили! А куда же они его увезли? Что они с ним сделают? Скажите, скажите мне!

— Скажу, когда сам узнаю. А это и есть то самое дело, которое меня сюда привело. Я вижу, старика сейчас и будить не стоит. От этой голландской водки он до вечера не очухается. Значит, надо что-то делать без него. Я так думаю, ты можешь мне помочь не хуже его, а пожалуй, даже и лучше.

— А что надо сделать? О, если я только могу чем-нибудь помочь мастеру Голтсперу, я так буду счастлива!

— Ну, вот и хорошо. Ты должна знать, что я друг мастеру Голтсперу. Я их старый слуга, у них в доме жил. Я жизнь свою готов отдать, только бы вырвать его из лап этих кирасиров! Я знаю, этот их капитан поклялся его на плаху отправить, и он это сделает, если мы не сумеем освободить мастера Голтспера! Вот для этого-то мне и нужна твоя помощь, Бет.

— Говорите, чем я могу помочь! Я все готова сделать! — с жаром ответила девушка.

— Ну, тогда не будем терять время. Я было хотел потолковать с твоим отцом, думал, он что-нибудь посоветует, да, пожалуй, мы можем начать и без него. Тебе придется пойти в Бэлстрод — они ведь туда увезли мастера Генри. Пробрерись как-нибудь в дом. Тебя ведь там знают?

— Да-да! Я могу свободно приходить и уходить. Никто ничего и не заподозрит!

— Ну вот, а я этого не могу — ни в том доме, да и ни в каком другом, — сказал, многозначительно ухмыльнувшись, Гарт, — а то я бы, пожалуй, и сам сходил. Но ты это лучше меня сделаешь. Так вот, постарайся узнать прежде всего, собираются ли его везти в Лондон, и если да, — то когда повезут. Узнай еще, в какой части дома его поместили, потому что его, конечно, держат под замком. Ну вот, разузнай все, что сможешь, а потом возвращайся сюда и все мне расскажи. Может, к тому времени, как ты воротишься, твой старик проспится и в мозгах у него прояснится, а тогда он, гляди, что-нибудь и придумает.

— Сейчас же побегу! — сказала Бетси, выходя на крыльцо.

— Вот-вот! Иди, не задерживайся. Для мастера Генри дорогá каждая минута... Стой! Я немножко пройду с тобой. У меня еще дельце есть в этих местах, я с ним и покончу, пока ты вернешься. Пойдем вместе, покуда наши дороги не разойдутся... Прощай, Дик Дэнси! Храпи себе на здоровье да отсыпайся поскорей — ты нам очень понадобишься!

И Грегори Гарт вышел из дома вслед за девушкой, которая, торопясь поскорее разузнать о Голтспере, уже ушла далеко вперед.

Им недолго было идти одной дорогой. На расстоянии примерно полусотни шагов от хижины тропинка разветвлялась: одна, более утоптанная, вела к бэлстродскому парку; другая, по которой, по-видимому, редко кто ходил, заворачивала к дому Уилла Уэлфорда.

Дочь Дика Дэнси пошла по первой — вернее, не пошла, а побежала, потому что она через минуту уже скрылась из глаз.

Бывший грабитель, проводив ее взглядом, свернул на другую тропинку. Но, не доходя до хижины Уэлфорда, он остановился около высокого падуба, росшего у самой тропинки. Пошарив в кармане, он вынул складной нож и принялся срезать одну из самых толстых его веток; когда ему наконец удалось отделить ветку от

ствола, он стал обстругивать ее ножом, пока она не превратилась в хорошую, крепкую дубинку. По бормотанию Грегори нетрудно было узнать, для чего предназначалась эта дубинка.

— Я его убивать не стану, — бормотал он, срезая ножом самый большой сучок, — хоть он и заслуживает этого, а может, еще кое-чего и похуже. Но я ему так всыплю, что он у меня потом носа из дому не высунет и не посмеет никому пакостить, пока я здесь по соседству! Его гнусную рожу нечего бояться испортить. Я его так разукрашу, что его собственная мать, если она у него есть, и та не узнает! В другой раз не пойдет шпионить или помогать кому в этом деле — будет помнить Грегори Гарта!.. Славная дубинка! — одобрительно промолвил он, с удовлетворением разглядывая обструганный гладкий сук. — Вот если бы на нем сучки остались, так я, пожалуй, не поручился бы за череп мастера Уилла, какой он у него ни есть крепкий!.. Ну, вот и готово, можно двигаться. Ага! Вот его грязный хлев! Надеюсь, и свинья тут!

Подойдя к крыльцу, он остановился и прислушался.

— Прекрасно! — вскричал он. — Скотина здесь! Ишь как хрюкает! Черт побери, вот это храп! В этом Вепсейском лесу здорово спят! Ну вот, я его сейчас разбужу, он у меня не обрадуется!

И он решительно шагнул в хижину, но тут же остановился, глядя на распростертое тело спящего лесника.

Уэлфорд лежал на низкой дощатой кровати, растянувшись на спине, раскинув руки и ноги, мертвецки пьяный. Рядом с ним на полу, на расстоянии вытянутой руки, стояла глиняная фляга. Грегори не без любопытства заглянул в нее и обнаружил, что она пуста.

— Украл в подвале Каменной Балки, — заметил он, потянув носом и разглядывая флягу со всех сторон. — По запаху слышу — джин! Готов присягнуть, что это из той самой партии вин, что хранятся в подвале мастера Генри в таких же флягах! Мы ему сейчас за это покажем!

И Гарт замахнулся своей дубинкой, но вдруг, словно спохватившись, медленно опустил руку.

— Пет! — вскричал он. — Я сперва растолкаю его да выложу все, что я о нем думаю. Если у него есть еще какие-нибудь человеческие чувства, я его пристыжу. Сделаю ему сперва духовное поучение, как говорит приходский священник из Челфонта. Эй ты, проснись! — закричал он, толкая спящего концом своей дубинки. — Поднимайся, скотина! Уж солнце на полдень идет. Вставай, говорят тебе!

Он ткнул его еще раз, посильней, но пьяный лесник продолжал храпеть, и только невнятное мычанье показывало, что он все же почувствовал этот пинок.

— Вставай! — кричал Гарт, снова и снова тыкая его дубинкой. — Вставай, гад, коли не хочешь, чтобы я тебя спящего измолотил!

В ответ по-прежнему раздавалось сонное мычанье и оханье и возобновлялся могучий храп.

— Коли бы не его храп, можно было бы подумать, что он богу душу отдал, — промолвил Гарт, отчаявшись растолкать спящего. — Не мертвый, а все равно как замертво слег! Что толку и лупить его в таком состоянии! Бесчувственная скотина, как есть! Он даже и не почувствует ничего! Все равно что полено колотить. Вот чертова незадача! Ну что мне теперь с ним делать?

И Гарт стал посреди комнаты, задумчиво оглядываясь по сторонам. Вдруг его внимание привлекла толстая связка веревки, перекинутая через стропила.

— Э, вот это мне, пожалуй, пригодится! — промолвил он, сдергивая веревку со стропил. — Кажется, крепкая — быка можно связать, а уж эту свинью и подавно! И длина подходящая — хватит на четыре узла.

И, выхватив снова свой складной нож, Гарт разрезал веревку на четыре одинаковые части и подошел, посмеиваясь, к спящему леснику. Тот лежал на спине, раскинув руки и ноги, и привязать его к деревянным перекладинам кровати за все четыре конечности не представляло никакого труда. Покончив с этим делом, Гарт отступил на шаг полюбоваться своей жертвой.

— Ну, чем не красавчик лежит? — промолвил он, ухмыляясь во весь рот. — Этакий невинный голубок! Вот и лежи себе, покуда я не вернусь! Не поручусь, что

это будет нынче или завтра, но не беспокойся: уж коли я обещал, так приду, можешь не сомневаться! Ну, а пока, Уилл Уэлфорд, желаю вам приятного пробуждения!

И с этими словами, поставив свою дубинку в уголок у двери, Гарт вышел из лачуги и, тщательно закрыв за собой дверь, пустился в обратный путь к хижине, где он оставил отсыпаться пьяного Дэнси.

Глава XLI

ИСКУШЕНИЕ ЧАСОВОГО

Незадолго до полуночи из маленькой дверцы хижины Дика Дэнси вышли трое — двое мужчин и одна женщина — и направились по тропинке, ведущей к Бэлстродской усадьбе.

Женщина была с головой закутана в красный плащ с капюшоном, и только по ее легкой походке и статной фигуре можно было догадаться, что это Бет Дэнси. Спутниками ее были отец и Грегори Гарт.

Так как по узкой тропинке нельзя было идти рядом, они шли гуськом в полном молчании; впереди всех Грегори Гарт, за ним — Дэнси, а позади — Бет.

Вепсейский лес отделялся от усадьбы широкой полосой пастбища, поросшего кое-где кустами дрока и вереска. Тропинка вилась между кустами, поднимаясь по склону холма до самой ограды парка, к перелазу. За оградой начиналась чаща деревьев — дубы, вязы, каштаны, — и тропинка к дому шла через эту рощу.

Пройдя лес, можно было увидеть юго-западную часть дома и заднюю стену двора; сад с плодовыми деревьями и цветником, обнесенный зеленой изгородью, выходил в эту же сторону, но он был расположен ниже, и из-за высокой стены рва его отсюда не было видно.

Войдя в чащу, трое путников сошли с тропинки и направились к дому в обход. Они подошли к нему с задней стороны и остановились в нескольких шагах от вала под купой деревьев, окружавших открытую лужайку.

Ночь была темным-темна, и, так же как и накануне, в небе, затянутом черными тучами, полыхали молнии.

Трое путников молча стояли под деревьями, глядя прямо перед собой. Когда молния рассекала небо, в темноте выступали западная стена дома с черными проемами окон, дворовые постройки и высокие дубовые ворота. В доме было темно, но в дворовых флигелях кое-где мерцал свет: по-видимому, кто-нибудь из слуг или солдат, расположившихся на постое, засиделся допоздна.

В свете молнии можно было разглядеть, что ворота, ведущие во двор, закрыты; но тоненькая полоска света, пробивавшаяся из-под них в темноте, свидетельствовала, что в караульной под аркой горит фонарь.

В доме царила полная тишина. Только со двора иногда доносилось звонкое ржание, на которое откликнулась лошадь, пасшаяся на лужайке парка, да собаки, подняв лай, будили гулкое ночное эхо.

Башенные часы над домом пробили двенадцать.

— А ты точно помнишь, девушка, какой он тебе назначил час? — тихо спросил Гарт, впервые нарушая молчание с тех пор, как они вышли из дома Дэнси.

— Конечно, помню, — ответила Бетси. — Он сказал — в двенадцать. Он будет на карауле всю ночь, а с двенадцати до двух сменяет караульного у заключенного — вон около той каморки под аркой. Видите, где свет пробивается...

— Тут раньше была кладовая, — вмешался Дэнси, — я ее хорошо знаю. Сколько раз, бывало, дичь туда послал, пока сэр Мармадюк не узнал, что я и для себя ее стреляю, и отставил меня от должности. Да что говорить, получше тогда жилось Дику Дэнси!

— Так он, значит, сказал, чтобы ты пришла ровно в двенадцать? — продолжал расспросы Гарт, не слушая разжалованного лесничего.

— Нет, — отвечала Бетси, — после двенадцати. Он сказал мне — не подходить близко, пока не сменится стража и первая смена не уйдет в бараки.

— А как ты это узнаешь?

— Он сказал, что поставит фонарь на землю у во-

рот, и, когда увижу свет, чтобы я постучала в калитку — он мне откроет.

— Так ведь свет и сейчас видно из-под ворот! Еще до того, как часы пробили, было видно. Он, верно, про это говорил?

— Нет. Внизу у ворот есть лаз, через который ходит кошка. Вот он туда и поставит фонарь.

— Ну, тогда, значит, он еще не поставил. Надо глядеть в оба, чтобы не прозевать, у нас каждая минута на счету. А ты уверена, что он позволит тебе поговорить с мастером Генри?

— Он так сказал. Дал мне честное слово, если только я сдержу свое обещание.

— Какое это обещание, дочка? — сурово спросил Дэнси.

— Да ничего такого, отец, — отвечала Бет. — Сущие пустяки, если подумать, ради чего я это пообещала.

— Не приставай к дочке, Дэнси! Она у тебя взрослая, сумеет о себе позаботиться. Ничего дурного она не сделает, я за это ручаюсь.

— Да он все равно меня не пропустил бы, — продолжала Бет, — если бы не думал, что меня послала знатная леди. Пришлось мне пуститься на выдумки, господи меня прости!

— Это ложь простибельная! — успокоил ее Гарт. — Если бы все, кто лжет, лгали бы ради доброго дела, я думаю, им это простилось бы. — И Гарт с набожным видом поднял глаза к небу, но тут же, метнув взгляд к воротам, схватил Бет за руку. — Гляди! — сказал он. — Свет в кошачьем лазу!

В нижней части ворот сбоку виднелся желтоватый кружок света, проникавшего через довольно мутное стекло. Это был обыкновенный конюшенный фонарь, который кирасиры зажигали во время ночного караула. Сигнал был совершенно ясный, ошибиться было нельзя, и Бет, выслушав еще раз поспешные наставления, которые ей с обеих сторон нашептывали оба ее спутника, завернувшись поплотнее в плащ и бросилась бегом через открытую лужайку к воротам — туда, где сидел в за-

ключении человек, ради которого она, не задумываясь, готова была пожертвовать своим добрым именем и, быть может, понести суровое наказание. У калитки она остановилась, чтобы отдышаться после быстрого бега.

Как ни бесстрашна была дочь лесоруба, сердце ее сейчас сжималось, и она не могла побороть охвативших ее сомнений. Разве не могло случиться, что солдат ее обманул? Может быть, он просто хотел ее залучить к себе, а потом обвинить ее в измене королю? Или будет угрожать, чтобы добиться ее согласия на его любовные приставания?

Правда, до сих пор Уайтерс не позволял себе по отношению к ней ничего оскорбительного, и, когда она сегодня уговаривалась с ним встретиться, она положила на его солдатскую честь.

Она была немного знакома с ним и раньше, до того, как он записался в солдаты, и, хотя с тех пор он прошел плохую школу, она не могла верить, что он стал такой же, как все те, кто его окружал.

Но сейчас было поздно раздумывать. Каким бы ни оказался Уайтерс, она не могла отступить. Человек, которого она любила всей душой, со всей пылкостью своей необузданной натуры, томился в заключении, за этими воротами, так близко от нее! И она не могла вернуться, не попытавшись увидеть его, а если удастся — спасти. Вспомнив о грозившей ему опасности, она забыла свое беспокойство и, приблизившись к калитке, тихо, но решительно постучала.

За воротами слышались осторожные шаги. Калитка бесшумно отворилась, но вместо обычного окрика «Кто идет?» — раздался тихий шепот.

— Это ты, милочка Бетси? — спросил Уайтерс и, не дожидаясь ответа, продолжал: — Входи, дорогая! Я просто дожидаться не мог этих двенадцати часов — думал, они никогда не пробьют. Я уж решил, что они по старости отстают. Никогда я так не мечтал вступить поскорее в свое дежурство! Ну, входи же!

Девушка, стараясь скрыть невольную дрожь, охватившую ее, робко вошла в калитку и очутилась под сводом арки в крытом проходе, ведущем во двор.

Проход был еле освещен, потому что фонарь, которым Уайтерс давал знак Бетси, все еще стоял на земле вплотную к воротам; и так как Уайтерсу было отнюдь нежелательно яркое освещение, он оставил его там стоять.

В полутьме можно было разглядеть в глубине прохода дверь в стене в бывшую кладовую, пыле тюрьму Генри Голтспера; ее-то и поставлен был охранять дежурный часовой.

Едва только Бетси вошла под арку, глаза ее устремились на эту дверь.

Тщетно Уайтерс пытался обратить на себя ее внимание. Она слушала его рассеянно, беспрестанно поглядывала на дверь, и на лице ее было написано такое нетерпение, что он почувствовал себя обиженным; не потому, чтобы он заподозрил истинную причину ее равнодушия, — нет, он просто был огорчен ее невниманием.

— Послушай, Бетси! — уговаривал он. — Не будем сейчас говорить об этом деле. Успеешь еще передать свое поручение джентльмену. Ведь это не займет много времени?

— Одну—две минуты, — ответила Бет, — потому-то мне и хочется поскорее отделаться.

— А, вот оно что!.. — протянул Уайтерс, с радостью ухватившись за мысль, что его милой хочется поскорее выполнить поручение, чтобы чувствовать себя свободной. — Тогда, конечно, Бетси...

— Вы же знаете, — перебила его девушка, — всегда надо сначала покончить с делом! Раньше дело, а потом уж удовольствие.

— Ну, это как сказать... — отвечал Уайтерс. — Может быть, для нас с тобой будет приятнее наоборот. С делом можно и подождать немножко.

— Нет-нет! — нетерпеливо возразила Бетси. — Если леди, которая меня послала, узнает, что я столько времени потратила зря, мне достанется! И я не получу обещанной награды. Вы и не представляете себе, как она сейчас волнуется и ждет не дождется, чтобы я принесла ей ответ!

— Ну и пусть себе волнуется! Ну ее, подождет, милочка Бетси!

— Послушайте меня, Уайтерс! Ну, представьте себе, что вы сидите в тюрьме и кто-то хочет узнать про вас... ну, например, я... разве вы тогда сказали бы «пусть подождет»? Прошу вас, не задерживайте меня! Ведь мы можем повидаться с вами завтра. Приходите ко мне и сидите сколько угодно. Отца дома не будет, и вы можете болтать всякую чепуху.

— Ну как устоять, когда так уговаривают! — со вздохом сказал влюбленный кирасир, явно прельщенный столь завлекательной перспективой. — Ладно, ступай! Только поцелуй меня разок, прежде чем я тебя туда впущу, а когда будешь выходить, — еще раз. Согласна?

— От всего сердца! — с готовностью ответила Бет, вспомнив себя в роли девицы Марианны. — Вот!

И прежде чем Уайтерс успел схватить ее в объятия, она быстро подалась вперед и, вытянув губки, чмокнула его в щеку.

— Вот! — воскликнула она. — Довольно с вас?

— Нет, душечка! — взволнованно зашептал пылкий вздыхатель. — Еще сто раз — и все будет мало! Такой сладостью никогда не насытишься, все будет еще хотеться! Э, что там рассказывают о фламандских девушках! Один поцелуй английской красотки пьянит, как молодое вино...

— Да будет вам льстить! Ну, Уайтерс, выполняйте свое обещание, если хотите, чтобы я на прощанье сдержала свое!

— Сейчас, душенька! Но только, смотри, поосторожнее! Потихе говори. А то, если сержант пойдет с обходом да увидит, что здесь делается, он меня живо из часовых в арестанты произведет — и оглянуться не успеешь! Ну, еще один поцелуйчик, и я открою!

Девушка, не колеблясь, подставила свою щеку жадным губам поклонника и, пообещав, что она не будет скупиться после того, как покончит с делом, бросилась к двери кладовой, которую наконец-то, после стольких разговоров, открыл Уайтерс.

ОБОЮДНЫЕ ПОДОЗРЕНИЯ

Весь этот день арестованный Голтспер томился в заключении. С той самой минуты, когда его схватили, с ним обращались, как с преступником, как если бы он уже был осужден.

В небольшом чулане, где он был заперт, не было никакой обстановки. Здесь были свалены ящики, доски, но не было ни стола, ни стула. Грубая скамья заменяла и кровать и сиденье. На этой скамье он сидел, пытаясь иногда прислониться к стене, что было довольно трудно, так как руки у него были связаны за спиной, а ноги у щиколоток тоже были скручены веревкой.

Он не делал никаких попыток освободиться от своих пут: это казалось ему безнадежным делом. Если бы даже ему удалось сбросить связывавшие его веревки, все равно оставалась запертая дверь, а за нею все время или стоял, или прохаживался часовой.

Как ни тяжело было ему видеть себя в этом униженном положении и сознавать, что ему, быть может, грозит позорная казнь, мысли его были поглощены другими.

Ему не давали покоя мучительные подозрения: Марион Уэд и ее перчатка на шлеме Скэрти не выходили у него из головы.

Весь день — а он, казалось, длился бесконечно — Голтспер ни на минуту не мог отделаться от этих мыслей и снова и снова задавал себе все тот же неотвязный вопрос: откуда у Скэрти эта перчатка? Завладел ли он ею тайком или, может быть, Марион подарила капитану этот знак любви, как когда-то подарила ему?

Он припоминал все свои встречи с Марион с того самого дня, когда он, задумавшись, ехал по лесу и вдруг глазам его предстало прелестное видение, смутившее его покой. И как потом он не раз встречал ее на этой тропинке, и сердце говорило ему, что это не случайные встречи... А потом эта перчатка, упавшая с руки... Как долго он не решался поверить, что она предназна-

чалась ему! Но после того свидания в парке, когда она сама призналась, что уронила ее нарочно, когда он из ее уст услышал, что он владеет ее сердцем, что она принадлежит ему навеки, — как может он сомневаться в ее любви?

Однако он сомневался, и эти мучительные сомнения, вызванные ревностью, заставляли его подозревать Марион в легкомыслии и кокетстве. Она могла расточать улыбки и нежные взгляды, говорить нежные слова — так просто, из прихоти. Сегодня она подарила любовный сувенир ему, завтра — другому. Словом, он не мог отделаться от мысли, что Марион просто играла с ним.

Из всех пыток, которым способна подвергнуть ревность любящее сердце, эта — самая мучительная. Любовь без ответа причиняет страдание, но когда вам клянутся в любви, поощряют ваше чувство лживыми обетами и признаниями, а потом вы прозреваете и видите, что это обман, — тогда ревность становится поистине чудовищем.

Никакая жестокость не сравнится с жестокостью ветреной кокетки.

Но неужели Марион Уэд может быть кокеткой?

Сотни раз Голтспер задавал себе этот вопрос. Сотни раз пытался отогнать подозрения. Но, увы, всякий раз язвительный голос ревности, прокрадывшейся в его душу, отвечал: «Что ж, возможно».

И разум его, отравленный тем же ядом, покорно соглашался: «Да, так оно, вероятно, и есть».

Быть может, Генри Голтспер был склонен считать это вероятным потому, что в лучшую пору его жизни, в расцвете молодости и счастья, ему пришлось на горьком опыте изведать женское коварство.

— Ведь не может этого быть! — повторял он, в сотый раз возвращаясь к мучившим его сомнениям. — Она должна знать, что я здесь. Не может не звать! И хоть бы раз поинтересовалась, прислала записку... Наверно, в инквизиторской темнице я не чувствовал бы себя таким покинутым. Может быть, им запретили общаться со мной? Хотелось бы думать, что это так. Бедь нельзя же сразу прервать дружбу, начавшуюся так сер-

дечно? Почему же они все сразу вдруг отвернулись от меня? Ах, чего только не делали и не сделают люди, лишь бы избежать нависшей над ними опасности! Может быть, они все отреклись от меня, и она также отказалась от человека, знакомство с которым может навлечь на нее подозрения? Может быть, вот сейчас, по ту сторону этих толстых стен, идет веселье и они все принимают в нем участие — и семья и гости? Может быть, она-то и веселится больше всех? Ее новый избранник сидит рядом с ней и шептывает ей на ухо нежные слова, завлекая ее своими лукавыми речами, на которые он такой мастер. А она улыбается, слушая его? О!

Он невольно застонал, потрясенный этой картиной, созданной ревнивым воображением.

Но это было только воображение. Если бы его глаза могли в эту минуту проникнуть сквозь толстые стены, он убедился бы, как несправедливы и безосновательны его упреки и подозрения. Он увидел бы, что Марион Уэд страдает не меньше, чем он, и по той же причине.

Она была одна в своей спальне. И хотя она уже давно сидела там затворившись, постель ее все еще оставалась несмятой. Шелковое покрывало не было откинута, и по всему было видно, что Марион и не собирается ложиться.

Прошлую ночь она также провела без сна, в тревоге за своего возлюбленного. Но ее тогда не терзали сомнения в его верности. Под утро, успокоившись, она заснула так крепко, что не слыхала, как мимо ее окна проехал целый конный отряд — тридцать закованных в сталь кирасиров, бряцающих оружием. Марион проснулась, когда было уже совсем светло; ее разбудил шум, от которого нельзя было не проснуться: рев трубы, звонкое ржание лошадей, громкая команда врывались в комнату, как будто к дому приближалась конница. Марион вскочила с постели, а за ней Лора.

Они, дрожа, остановились посреди комнаты, не решаясь подойти к окну. Но Марион недолго колебалась. Предчувствие недоброго, снова охватившее ее, не позволяло ей оставаться в неведении; схватив шарф, понав-

шийся ей под руку, она набросила его на плечи и быстро скользнула к окну.

Глазам ее представилось ужасное зрелище. Под самым окном, по аллее, идущей мимо дома, медленно двигался эскадрон кирасиров; на правом фланге — капитан Скэрти, на левом — его субалтерн Стаббс; посреди на черном, как смоль, коне ехал всадник, выделявшийся своей благородной внешностью, но связанный по рукам и ногам.

Марион сразу узнала Генри Голтспера, но ее мертвецкий взгляд приковался не к его лицу, а к пучку увядших красных цветов, свисавших с полей его шляпы.

Марион внезапно отшатнулась от окна и без чувств упала на пол.

Неудивительно, что после такого удара Марион теперь было не до сна, и она не собиралась ложиться.

Наоборот, она намеревалась выйти из дому; на ней был темный бархатный плащ, совершенно скрывавший ее фигуру, а на голове капюшон, низко надвинутый на лоб, так что почти не видно было ни лица, ни чудесных золотых волос.

Лицо Марион, если бы его сейчас можно было разглядеть, показалось бы бледнее обычного; глаза у нее распухли и еще не совсем высохли от слез. Одна только Лора видела эти слезы и знала, почему плакала Марион. Она целый день просидела с ней в ее комнате, но вечером Марион попросила ее идти к себе, сказав, что ей хочется побыть одной. Хотя Лора была посвящена во все тайны кузины, на этот раз Марион утаила от нее то, что собиралась сделать.

Весь день перед ее глазами стояло это страшное зрелище, которое она видела утром. Человек, которого она любила со всем пылом первой чистой любви, перед которым она преклопалась, — этот человек в руках жестокого и мстительного врага! Его везли, как преступника, связанного, под стражей; он перед всеми опозорен. Нет, разве это может опозорить благородного патриота! Но жизнь его теперь в опасности...

Не это вызвало жгучие слезы на глаза Марион, не

это заставило ее без чувств упасть на землю. И слезы и обморок вызваны были не состраданием к узнику Генри Голтсперу, а горечью обманутой любви, отравленной ревностью. Причиной всему были цветы, которые Марион увидела на шляпе Черного Всадника.

Подумать только, он носит их — и даже в такую минуту! В минуту бедствия, как будто для того, чтобы показать, как они для него священны!

От этой мысли Марион и лишилась чувств.

Она скоро пришла в себя, но мир в ее душе был разрушен. Весь день она провела в мучительном волнении. Горькие мысли сменялись одна другой. Любовь, ревность, сочувствие, негодование боролись в ее душе.

Но вот наступила ночь, и злоба и ревность отступили, — благородные чувства одержали верх. Любовь и сострадание победили! То, что задумала совершить Марион, свидетельствовало не только о силе ее любви, но и об ее благородной самоотверженности.

Если бы Голтспер увидел ее сейчас и если бы он догадался о том, что она задумала, как стыдно ему стало бы за те обвинения и упреки, которым он, в горьком отчаянии, позволил сорваться со своих уст!

Глава XLIII

ПОСЕЩЕНИЕ УЗНИКА

Может показаться странным, что у двух совершенно разных людей возникла одновременно одна и та же мысль. Но сведущие психологи не удивились бы такому совпадению. Одинаковые обстоятельства приводят к одинаковым результатам как в умственном, так и в вещественном мире. Подобное совпадение мы видим на примере Марион Уэд и Элизабет Дэнси, когда знатная леди и бедная простолюдинка воодушевились одной и той же мыслью.

Они любили одного и того же человека — Генри Голтспера, томившегося в тюрьме, и обе думали, как бы его освободить; если что и могло бы показаться стран-

ным, так это то, что план, придуманный ими, в точности совпадал.

Бархатный плащ с капюшоном, в который, выходя из дому, закуталась Марион Уэд, служил той же цели, что и грубый плащ дочери лесника.

Обе, руководясь одним и тем же побуждением, выбрали для осуществления своего смелого замысла самое безопасное время — полночь.

Это был не случайный выбор. Днем они разузнали все, что касалось узника. Верная служанка Марион, давняя знакомая Уайтерса, сообщила ей, что он будет в карауле у тюрьмы от двенадцати до двух часов ночи. Кроме того, она рассказала ей, каков этот Уайтерс, что он собой представляет, и Марион из ее рассказа убедилась, что его нетрудно подкупить.

Час, выбранный обеими, имел еще то преимущество, что все обитатели усадьбы в это время обычно уже спали и, следовательно, было меньше риска попасться с этим небезопасным делом.

Дочь лесника опередила Марион Уэд на каких-нибудь десять минут, и это было чистой случайностью.

Бет Дэнси уже вошла в калитку, когда Марион Уэд тихонько выскользнула из комнаты и, пройдя по темному коридору, стала осторожно спускаться по парадной лестнице.

Голтспер в своей темнице услышал, как башенные часы медленно и гулко прозвонили двенадцать ударов — полночь!

— Хотел бы я, чтобы это был полдень! — промолвил он, когда они отзвонили. — Если правда, что я слышал сегодня утром, то завтра в это время я буду уже далеко отсюда. Итак, меня ждет Тауэр. А потом — увы! — может быть, плаха! Что мне страшиться этого слова? Не лучше ли смотреть правде в лицо? Я знаю, мстительность этой низкой женщины, преследовавшей меня всю жизнь за то, что я не ответил на ее чувства, не удовлетворится ничем, кроме моей головы. Я узнаю ее руку в этом постскрипту в королевской депеше; во всяком случае, если он и написан не ею, — она продиктовала его... Поскорей бы уж настал час отъезда! Да-

же в стенах Тауэра мне будет не так тяжело, как здесь, когда по одну сторону — ад, а по другую — рай. Я могу только мечтать о рае, в котором существует Марион. Как я люблю ее! И она так близко от меня, дышит со мной одним и тем же воздухом, но — увы! — даже и не помнит о моем существовании! А может быть... Что это? Шаги снаружки? Часовой с кем-то говорит... Женский голос!.. Наверно, какая-нибудь служанка прокрадлась сюда поболтать с часовым... Поздно, пожалуй, для болтовни. Но, может быть, она нарочно выбрала такой час? Как я завидую и этой девушке и ее возлюбленному-солдату, что им так легко видется! Мне завидно, с какой легкостью у них начинаются и обрываются эти случайные связи! И никаких мучений! Завтра он может уехать, а послезавтра она будет так же весела, как всегда. Как не похоже это на то, что чувствую я! Ни разлука, ни ужасы Тауэра не изменят моего чувства. Если им суждено умереть, то только со мной — под топором палача!.. Они шепчутся у самой моей двери... Если приложить ухо к замочной скважине, может быть, я что-нибудь и услышу... А зачем мне слушать их жалкие сердечные тайны?.. А если я смогу услышать что-нибудь о себе или о ней? Пожалуй, стоит прислушаться.

Узник поднялся на ноги, но тут же, едва не упав, снова опустился на скамью.

— Ах, черт возьми! — вырвалось у него. — Я и забыл, что у меня ноги связаны. Пожалуй, то, что я могу услышать, не стоит таких усилий. Пусть себе секретничают, какое мне до них дело!

И он спокойно остался сидеть, но время от времени невольно поворачивал голову и настороженно прислушивался.

Он услышал шаги у самой двери; голоса теперь были слышны совсем отчетливо.

«Так и есть! — подумал Голтспер прислушиваясь. — Нежная парочка! Он пристаёт, чтобы она его поцеловала... Что это? Как будто ключ поворачивается в замке... Может ли это быть? Они идут сюда?»

Замок щелкнул, послышался звук отодвигаемого

засова, и дверь тихо приоткрылась. В тусклом свете фонаря Голтспер смутно различил две фигуры; одна из них, несомненно, была женская.

Мужчина шел впереди — это был караульный. Он просунул голову в комнату, но остался стоять в дверях.

— Вы спите, мастер? — спросил он громким шепотом, но отнюдь не грубо.

— Нет, — ответил узник таким же осторожным шепотом.

— Так вот, тут барышня желает с вами поговорить... А как я думаю, вам не очень удобно разговаривать с ней в темноте, я уж тут поставлю свой фонарь. Только вы, пожалуйста, не задерживайте ее, а то как бы мне не влетело за это...

И, тотчас же повернувшись, солдат пошел за фонарем, а женщина, проскользнув мимо него, вошла в кладовую.

Слово «барышня» повергло Генри Голтспера в радостное смятение. Значит, он ошибся, думая, что эта ночная гостья — служанка из усадьбы. Может быть, это ее хозяйка?

В тусклом свете он видел женскую фигуру, плотно закутанную в плащ с капюшоном. Под этим плащом трудно было отличить крестьянку от королевы. Фигура была высокая, статная. Такая же, как у Марион Уэд!

Пылкое воображение Голтспера недолго обманывало его. Рука часового протянулась в открытую дверь и поставила на скамью фонарь. Свет упал на фигуру гостьи, осветив красный плащ и смуглое цыганское лицо с темными сверкающими глазами, — это было красивое лицо, но оно ничем не напоминало ангельское личико Марион Уэд.

«Это не она!.. Боже, это девица Марианна!»

В глазах Голтспера, только что сверкавших надеждой, мелькнуло разочарование. К счастью, Бет не заметила этого: неверный свет фонаря избавил ее от такого огорчения.

— Бетси! — вскричал Голтспер, оправившись от изумления. — Вы здесь... Что вас привело ко мне в тюрьму?

— Тише! — прошептала девушка, отходя от двери, которую часовой из предосторожности прикрыл за собой. — Говорите шепотом! Я пришла спасти вас, вывести из этого ужасного места!

— Да разве это возможно? Дверь охраняют, снаружи стоит часовой. Как же можно выйти отсюда незамеченным?

— Конечно, вас увидят, но это неважно. Если вы сделаете все так, как я вам скажу, вы спокойно выйдете, и вас никто не задержит. Отец и Грегори Гарт все уже обдумали. Они ждут вас на опушке леса, на холме, прямо за домом.

— Ну, а что же я должен сделать? Говорите, милая Бетси!

— Вы наденете мой плащ — он длинный и закроет вас до пят. Но на случай, если он будет короток, я захватила с собой еще юбку. Вот она.

И Бетси, откинув плащ, показала толстую сукожную юбку, которую она держала под мышкой.

— Скорее, сэр! — настойчиво торопила она. — Одевайтесь как можно скорее — ведь он может с минуты на минуту войти!

— Что? — в изумлении воскликнул Голтспер, глядя с невольным восхищением на эту смелую девушку. — Вы хотите, чтобы я вышел, переодевшись в ваше платье, и оставил вас здесь?

— Ну конечно же! Ведь другого способа нет. Мы не можем выйти вместе. Вас сейчас же задержат и меня вместе с вами — за попытку вывести вас. Вы должны выйти один.

— И оставить вас здесь расплачиваться за мое бегство? Нет, благородная девушка! Я скорее умру, чем сделаю это!

— Ах, сэр, ведь это же безумство! Делайте так, как я вам говорю. Не бойтесь за меня. Что они могут сделать девушке, которой терять нечего! Да, кроме того, я уверена, что он выпустит меня. Какой ему прок, если он меня задержит! Все равно ему придется за вас отвечать и это его не спасет.

Тот, кого Бетси называла «он», расхаживал между

тем взад и вперед мимо двери, явно обнаруживая нетерпение.

— О, сэр, прошу вас, умоляю — бегите! Или... я... мы больше никогда не увидим вас!

Голос ее дрогнул, и это не ускользнуло от внимания Голтспера. Ее мольбы невольно заставили его поколебаться. Пожалуй, она была права, и ей, по всей вероятности, удастся выпутаться или отделаться каким-нибудь небольшим взысканием. А может быть, она сумеет провести часового и скрыться... Голтспер знал, что она умная и находчивая девушка.

— Не бойтесь за меня, сэр, — повторила Бетси, словно угадав его мысли. — Я сумею с ним справиться. Он сделает все, что я захочу. Знаю, что сделает!

— Если бы я мог быть уверен...

— Вы можете быть уверены... — перебила она, разрезая веревки, которыми он был связан, — вы можете быть уверены! Предоставьте его мне!.. Вот плащ, сэр... Нет, сначала наденьте юбку. Вот так, закрепим ее. Теперь плащ... Так! Спрячьте голову под капюшоном, надвиньте его пониже на лицо... Так, хорошо. Когда вы выйдете, не останавливайтесь разговаривать с ним. Он будет пытаться вас поцеловать, я знаю, а вы увернитесь и сразу бегите к воротам. Калитка закрыта на щеколду. Как выйдете, бегите что есть силы прямо к лесу на вершине холма. Там встретите отца и вашего слугу Грегори Гарта. Сейчас темень, ни зги не видно. Фонарь я оставлю здесь, пока вы не выйдете за ворота. Ручаюсь, что он примет вас за меня, только вы увернитесь, чтобы он не успел вас поцеловать! Смотрите не подпускайте его, а сразу бегите к воротам! Готовы? Ну, ступайте!

Голтспер, закутанный в плащ Бетси, которая осталась теперь в одном платье и с непокрытой головой, окинул ее на прощанье ласковым, признательным взглядом. Ей показалось, что она прочла в этом взгляде любовь... Увы, это была только благодарность!

В эту минуту часовой постучал алебардой в дверь, чтобы они поторопились.

— Иду, мастер Уайтерс, иду! — тихонько отозва-

лась Бетси, приложив губы к замочной скважине. — Откройте, выпустите меня!

Засов сразу отодвинулся — Уайтерсу не терпелось получить обещанный поцелуй. Дверь приоткрылась, и закутанная фигура скользнула в темноту.

Уайтерс, не заходя за фонарем, тотчас же захлопнул дверь. Ему сейчас совсем не нужен был свет — ему хотелось побыть с Бетси. За фонарем он всегда успеет вернуться, а сейчас он спешит насладиться приятными минутами, которых он ждал с нетерпением. Он задержался только, чтобы задвинуть засов, а то как бы узнику не вздумалось выйти!

Это заняло у него всего несколько секунд, но, когда он повернулся, раздался стук щекотки, и в ту же минуту он увидел, как закутанная в плащ фигура мелькнула в открытой калитке. Миг — и она исчезла, громко стукнув дверью!

Надеясь, что еще не все потеряно и, может быть, ему все-таки удастся сорвать поцелуй, Уайтерс бросился к воротам и выскочил за нею в калитку.

— Вот подлая девка! — пробормотал он, взглядываясь в темноту. — Удрала-таки! Бетси! Эй, Бетси! Вернись! Ты же должна сдержать свое обещание.

Уайтерсу казалось, что она не успела далеко уйти, он видел, как она пробежала шагах в двадцати от ворот и вдруг точно растаяла у него на глазах... И сколько он потом ни смотрел, нигде ее не было видно. Он не решился окликнуть ее погромче, опасаясь, как бы на его голос не прибежала стража с внутреннего двора.

— Эх, чертова девчонка! — бормотал он. — Ведь вот как надула меня с этим поцелуем! Ну да, в конце концов, не так уж это важно, — утешал он самого себя. — Отложим до завтра, а тогда уж я за все наверстаю! Она, видно, боялась этой леди, которая ее послала, — как бы та не лишила ее обещанной награды. Что ж, может, она и права. Ведь со мной-то она всегда может увидеться!

И с этой утешительной мыслью Уайтерс вошел в калитку и направился к кладовой, где сидел узник, чтобы взять оставленный там фонарь.

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Пройдя несколько шагов, Уайтерс вспомнил, что оставил калитку на щеколде. Опасно открывать дверь в кладовую, когда калитка не заперта: не дай бог, арестант сбежит! Голтспер крепко связан по рукам и ногам, но на своем солдатском опыте Уайтерс убедился, что не один узник освобождался от таких пут.

Чтобы избежать этой опасности, он снова повернул к воротам: запереть калитку.

Подойдя к ней, он остановился и, приоткрыв ее, еще раз огляделся по сторонам. А может быть, Бетси вернется? Кто знает... может быть, она убежала, чтобы подразнить его?

Он напряженно вглядывался в темноту и вдруг увидел, как из-за угла дома показалась женская фигура, с головой закутанная в плащ. Она явно приближалась к нему. Кто же это мог быть, как не Бетси!

— Ну вот, значит, она не ушла! — обрадовавшись, вскричал Уайтерс. — Мне показалось, что она побежала в другую сторону, но я, видно, ошибся. Конечно, это она! В плаще с капюшом. Я должен был знать, что она не уйдет от моего поцелуя! Завтра — своим чередом, но не надо упускать и сегодня!

Поздравляя себя с возвращением своей милой, Уайтерс ухмылялся, воображая, как он ее сейчас поймает и чмокнет. Между тем закутанная фигура приблизилась к воротам и остановилась в нескольких шагах от него.

— А я уж думал, ты сбежала и обманула меня, милочка Бетси! — сказал он и шагнул ей навстречу. — Как я рад, что ты вернулась! Отчего это у тебя такой испуганный вид? Да подойди же поближе, чего ты боишься? Ты же обещала поцеловать меня, а, Бет?

И он уже хотел схватить ее в свои объятия, как вдруг яркая вспышка молнии прорезала темноту и он увидел перед собой не Бет, с которой он только что расстался, не девушку в крестьянском плаще, но знатную

даму, одетую в шелка и бархат! На тонких белых пальцах, поддерживавших капюшон, сверкнули драгоценные кольца...

«Должно быть, это та самая леди, что послала Бетси, — думал Уайтерс. — Верно, ей надоело ждать, вот она и пришла сама. А может быть, она надеется и повидать его? Что ж, за поцелуй я не прочь впустить и ее, хотя мне, признаться, приятней поцеловать Бетси».

— Добрый вечер, сэр! — приветливо сказала леди, явно удивленная странным поведением часового.

— Добрый вечер, мисс! — учтиво ответил Уайтерс. — Разрешите спросить, что вам угодно? Ночь-то уж больно темная, да и время позднее. Не страшно ли выходить одной такой молодой леди?

— Если я не ошибаюсь, вы, кажется, Уайтерс, — сказала леди, подходя поближе к часовому и откидывая с головы капюшон. Она не побоялась открыть лицо: вряд ли часовой мог узнать ее в такой темноте.

— Уайтерс, миледи! Уильям Уайтерс к вашим услугам!

— Благодарю вас, мистер Уайтерс! В самом деле, я хочу попросить вас об одной услуге.

— Извольте, миледи! Чем могу вам служить? — отозвался молодой кирасир.

— Вы сторожите заключенного... не буду называть его имени — ведь он только один и есть. Мне надо видеть его... По очень важному делу.

— Ага, понимаю! — сказал Уайтерс с глубоким мысленным видом.

— Мне нужно сказать ему несколько слов. Вы можете мне в этом помочь?

— Конечно, могу, — отвечал часовой, — если только вы уверены, что вам необходимо повидать его самой.

— Да-да, необходимо!

— А я, значит, не так понял! Я думал, вам надо было только передать ему что-то с той девушкой, которую вы послали. Она уже была здесь, видела его и ушла. А вы, верно, с ней разминулись?

— С кем?

— Да вот с той девушкой, которую вы к нему посылали.

— Я... я... никого не посылала.

Она едва вымолвила эти слова; голос ее прерывался от волнения.

«Эге! — подумал Уайтерс. — Так, значит, это еще кто-то скучает по моем арестанте! Ну и хват этот Голтспер! Похоже, все здешние дамы бегают за ним. Ну что ж, надо быть справедливым. Чем эта хуже той, которая посылала Бетси? Эта сама пришла, а не посылала других. Выходит дело — по справедливости, надо ее пропустить.

— Вот что, миледи, — сказал он, обращаясь к посетительнице: — я не возражаю, пропущу вас на минутку, только обещайте, что вы не будете задерживаться.

— Обещаю вам, милый Уайтерс! И вот вам награда за это. Примите мою благодарность за вашу благородную доброту!

Белая ручка с тонкими пальчиками, унизанными драгоценными кольцами, выскользнула из-под плаща, и в свете непрерывно полыхавших молний Уайтерс увидел розовую ладонь, полную золотых монет.

Не говоря ни слова, он быстро протянул свою громадную лапищу, и, едва нежная ручка, коснувшись его ладони, высыпала на нее пригоршню золотых монет, он тут же зажал их в кулаке и мигом переправил в карман.

— Дайте мне вашу руку, миледи, — сказал он, входя в калитку, и, взяв дрожащие пальчики своей спутницы, осторожно повел ее за собой.

Они прошли по темному проходу и остановились у двери кладовой. Уайтерс отодвинул засов и приоткрыл дверь.

— Эй, мастер! — окликнул он из-за двери. — Здесь к вам еще дамочка поговорить пришла, но только не задерживайтесь, как в прошлый раз... Проходите, миледи, он вас ждет.

Поддержав ее, чтобы она не споткнулась о порог, Уайтерс закрыл за ней дверь на засов, а сам направился к калитке. Он все еще не оставил надежды увидеть

Бетси, а кроме того, ему не терпелось проверить свое сокровище и убедиться еще раз, при свете молнии, что монеты золотые.

Если бы фонарь, оставленный Уайтерсом в кладовой, стоял, как и прежде, на скамье, Марион Уэд (читатель, разумеется, уже догадался, что это была она) ни минуты не оставалась бы в заблуждении. Но когда Бет Дэнси, оставшаяся на месте Генри Голтспера, услышала, как отодвигается засов, она подумала, что это проверка или смена караула и, испугавшись, что ее обнаружат, схватила фонарь и поставила его в угол за ящик.

Кладовая погрузилась во мрак, и Бетси, надеясь, что ее, может быть, не узнают и примут в темноте за Голтспера, снова уселась на скамью.

Так оно и случилось. Марион робко приблизилась к скамье и дрожащим голосом произнесла имя Голтспера.

Голос, ответивший ей, сразу вывел ее из заблуждения. Это был не Голтспер, ошибиться было невозможно: ей ответила из темноты женщина.

Прежде чем Марион успела прийти в себя от изумления, фигура, сидевшая на скамье, поднялась и, сделав несколько шагов, остановилась у стены, на которую падал свет от стоявшего вблизи фонаря.

Марион Уэд узнала это лицо, оно не раз преследовало ее во сне: перед ней стояла Бет Дэнси!

Глухой стон вырвался из груди Марион. Она поняла все!

Так, значит, это и есть та девушка, которую будто бы послали с поручением к узнику! Кто же ее мог послать? Никто. Она пришла сама, а он скрылся. Она пришла спасти его и осталась на его месте.

Эти мысли с лихорадочной быстротой проносились в голове Марион, в то время как она молча смотрела на стоявшую перед ней Бетси.

И Бетси тоже смотрела на нее, не говоря ни слова; она догадалась, что привело сюда эту леди, закутанную в бархатный плащ. Если черные волосы и темные сверкающие глаза дочери лесника преследовали во

Соперницы стояли друг против друга.

сне Марион Уэд, то и Бет Дэнси нередко лишала покоя златокудрая леди с сияющими голубыми очами.

Соперницы стояли друг против друга: Марион — подавленная, смущенная, Бет — довольная, торжествующая.

Несколько секунд длилось это гнетущее молчание. Наконец Марион повернулась, чтобы уйти, но Бет окликнула ее:

— Вы звали Генри Голтспера, мисс Марион? Его здесь нет.

— Я это и без вас вижу, — холодно ответила гордая Марион, задетая вызывающим тоном дочери лесника.

— Но ведь вы думали, что он здесь, не правда ли? Марион не сочла нужным ответить.

— Ясно, а то зачем бы вам приходиться сюда! Вы хотели освободить его, да только вы опоздали, мисс Марион! У мистера Голтспера есть друзья, которые заботятся о нем не меньше вашего, а может быть, еще и побольше. Вы видите здесь одного из его друзей.

— Это вы его друг?

Этот вопрос вырвался у Марион потому, что она вспомнила, что ей говорил Уайтерс о какой-то девушке, которую послала знатная леди.

Быть может, Бет и есть эта посланница и у Марион есть какая-нибудь тайная соперница одного с нею круга?

Эта мысль несколько утешила Марион, воскресив в ней надежду, но ответ Бетси мгновенно уничтожил их:

— Станный вопрос, мисс Марион! А кого же вы видите здесь, как не меня? Да, я не побоялась рискнуть жизнью, чтобы спасти его! Вы думаете, я пошла бы на это ради кого-нибудь другого? Нет! Будь это хоть сама королева — а она, я слышала, тоже любит его, как вы и я!

— Не такой уж это большой риск, — возразила Марион, возмущенная дерзким тоном своей соперницы. — Вы-то, во всяком случае, не многим рискуете!

— Вот как! Ну, а вы, если бы вовремя явились и спасли его, а? Вы ничем не рискуете?

Марион повернулась и пошла к двери, не желая продолжать этот разговор, от которого у нее разрывалось сердце.

— Пойдите! — воскликнула ее мучительница, слово наслаждаясь страданием своей жертвы. — Вы, кажется, огорчены, что лишились случая доказать мастеру Голтсперу свою дружбу? Вы хотите что-нибудь сделать для него? Так вот, оставайтесь здесь на моем месте и выпустите меня. А я обещаю вам рассказать об этом мастеру Голтсперу, как только его увижу. Поверьте, это будет услуга ему! Ну как, согласны?

— Дерзкая девчонка! Отстаньте от меня с вашими дурацкими предложениями! Я больше не желаю разговаривать с вами!

И Марион, дрожа от негодования и обиды, громко постучала в дверь, забыв о всякой осторожности и о предупреждениях часового.

Уайтерс уже давно сторожил у двери и мигом отодвинул засов.

Леди молча переступила порог и быстро пошла к воротам.

Когда Марион вышла из калитки, ее чуть не сбило с ног ветром. Дождь лил как из ведра, но она шла, не разбирая дороги, не замечая ни ветра, ни дождя.

В груди Марион тоже бушевала буря, и мрак, царивший в ее душе, не уступал мраку, окутавшему небо и землю.

Генри Голтспер более не существовал для нее. Ее даже не радовало его освобождение, хотя всего каких-нибудь полчаса назад она готова была на все, чтобы освободить его.

После того как она так долго мечтала о нем, после того как она, поборов свою стыдливость, сама открылась ему в любви, узнать, что ее покинули... нет, хуже! — просто пренебрегли ею ради вот этой грубой простолюдинки! О, как это было унижительно! Какой мучительной горечью была отравлена ее душа! С каким жгучим стыдом вспомнила она о своем ослеплении! И как она могла не видеть этого раньше, когда

все это было так явно, у нее на глазах! Конечно, эта связь между ними существует уже давно. Только любовь могла побудить дочь лесника отважиться на такой шаг. И как она должна быть уверена в его любви, чтобы пойти на такое самопожертвование! Какая женщина решится на это ради человека, который ее не любит?

Так рассуждала Марион Уэд, хотя она рассуждала не совсем правильно.

Бедь это могла быть просто случайная связь, а не настоящая любовь. Принимая во внимание огромную разницу в общественном положении обоих, такая связь казалась бы более вероятной.

Но если даже такое предположение приходило в голову Марион, ей от этого было ничуть не легче. Напротив, это еще сильнее заставляло ее чувствовать свое унижение.

Не помня себя, Марион бежала по темному парку и не заметила, как очутилась около веранды.

Но вместо того чтобы укрыться от грозы под ее кровлей, она остановилась у крыльца и, откинув капюшон, подставила свое пылающее лицо холодным струям дождя и яростному ветру, как будто надеясь, что это принесет ей облегчение. Так она стояла, ломая руки, и словно взывала к небесам.

— О! Если бы я могла излить свое горе в слезах, как эти черные тучи проливаются дождем! Завтра от них не останется и следа, небо будет светло и ясно, а для меня и завтра будет все тот же мрак! О боже, мне больше ничего не осталось в жизни! Один мрак!

— Марион!

Голос этот раздался как будто с неба. Что это? Неужели ей показалось? Может быть, это отдаленный раскат грома? Но разве гром может звучать так нежно? Вот опять и где-то совсем близко:

— Марион!

Яркий свет молнии озарил хорошо знакомое ей лицо и высокую фигуру — перед ней стоял Генри Голтспер!

БУРЯ И ПОКОЙ

Чтобы объяснить присутствие здесь Голтспера, вернемся к тому моменту, когда он, выбежав из калитки, бросился в кусты, чтобы, минуя лужайку, незаметно пробраться к тому месту, где его дожидались Дэнси и Гарт. Он помнил, что где-то здесь поблизости, за кустами, начинался ров, окружавший усадьбу. Спуститься в него не представляло труда, так как он сейчас был без воды. Укрывшись за высокой стеной вала, Голтспер мог спокойно пройти по сухому дну и, обогнув дом, выйти к склону холма против западной стены. Если даже за ним сразу погнались, ров будет для него надежным укрытием.

Подойдя к откосу, Голтспер спрыгнул вниз и прежде всего сбросил с себя сковывавшую его движения юбку и плащ.

Затем он осторожно выглянул за парапет вала, чтобы удостовериться, нет ли за ним погони. Это было как раз в тот момент, когда часовой вышел за калитку посмотреть, не вернулась ли Бетси. Голтспер в темноте не мог видеть, но слышал, как стукнула щеколда, и до него донеслось бормотанье солдата.

Внезапно сверкнула молния, и глазам Голтспера предстала высокая женская фигура и изумленное лицо часового. Голтспер сразу узнал Марион Уэд, и в первое мгновенье его охватило чувство возмущения и боли.

Что привело ее сюда, в этот поздний час? Может быть, она пришла сюда на свидание со Скэрти?

Но эти ревнивые подозрения сразу сменились чувством бурной, ликующей радости, когда он увидел, как она протянула часовому пригоршню золота.

«Как я мог подозревать ее! — с раскаянием подумал Голтспер. — Она пришла ко мне в темницу. Я должен искупить свою вину перед ней! Скэрти украл перчатку — в этом нет сомнений. Если она пришла ко мне, если она, рискуя всем, решилась на такой отчаянный шаг, как смею я подозревать ее в кокетстве? Ах,

я готов рискнуть свободой и даже своей головой, лишь бы узнать наверняка, что она пришла сюда ради меня!»

Он попытался выбраться из рва, чтобы вернуться к воротам. Но ему это не удалось, так как парапет был много выше его головы, хотя ему было видно поверх него, когда он поднимался на выступ противоположной стены. После нескольких безуспешных прыжков он убедился, что ему все равно не дотянуться до края и что все его усилия тщетны.

«Но ведь есть же мостик! — вспомнил он. — И, кажется, где-то здесь, недалеко...»

Он пошел вдоль наружного края рва, не думая о том, что его могут увидеть. Кругом стоял крошечный мрак. Едва он успел сделать несколько шагов, хлынул дождь. Идти стало еще труднее, нога скользила по глинистому откосу рва, а когда он наконец, выбравшись наверх, подошел к мосту, ворота на нем оказались закрыты. При всей его ловкости, Голтсперу стоило немалого труда перелезть через них; но наконец, одолев это препятствие, он очутился по ту сторону рва, в кустах около цветника.

Отсюда ему были видны ворота, ведущие во двор, но там, по-видимому, никого уже не было. Он с огорчением подумал, что опоздал, но в ту же минуту услышал стук открываемой калитки и в резком, ослепительном свете молнии увидел темную фигуру в плаще, быстро двигавшуюся к дому.

Голтспер стоял, не двигаясь с места. Может ли он быть уверен в том, что она приходила к нему? А если это не так, каково будет его положение? Конечно, он не боялся предательства. Но что он может сказать Марион, встретившись с ней? Он будет только смешон. Не лучше ли избежать этой встречи?

Но его колебания длились всего несколько секунд. Ведь это, может быть, последний раз, и больше у него уже не будет возможности поговорить с Марион!

Эта мысль придавала ему смелости. Он вышел из кустов и, видя, что Марион остановилась около веранды, тихонько подошел сзади и окликнул ее.

Марион, услышав его голос, в первую минуту забыла обо всем.

— Это вы, Генри! — воскликнула она, задыхаясь от радости, что видит его свободным и невредимым.

Вдруг она вспомнила, кому он обязан своей свободой, и дерзкие речи его спасительницы снова зазвучали у нее в ушах. Она смирila его холодным взглядом.

— Я, право, удивлена, сэр, — сдержанно продолжала она. — Мне казалось, что к этому времени вы должны быть уже далеко от этих мест.

— Да, должен, но...

— Вы можете, не колеблясь, сказать мне, что вас задержало. Я знаю причину. Ее угадать нетрудно.

— Марион!

— Я не сомневаюсь, что ваша спасительница скоро присоединится к вам!

— Значит, вы знаете, как мне удалось бежать? — воскликнул обрадованный Голтспер. Из слов Марион он понял только одно: она была у него в темнице; ему и в голову не пришло заподозрить здесь какой-то намек. — Вы были там? Вы видели...

— ...ту, которая вас заменила, сэр. Неудивительно, что вы беспокоитесь о ее судьбе — она оказала вам большую услугу. Могу успокоить вас: она чувствует себя прекрасно, она горда своим подвигом... и вот только разве немножко беспокоится, как бы ей поскорее присоединиться к вам. Но вы не волнуйтесь! Она не заставит себя долго ждать. Такая смышленная девушка проведет и дюжину часовых!

— Марион!

— Я понимаю, вам досадно, что это не Бетси! Жаль, что она заставляет вас дожидаться, да еще в такой ливень!.. Ну, я бегу домой от дождя. Доброй ночи, сэр, или, если угодно, доброго утра!

— Марион! Марион! Не уходите! Не покидайте меня! Умоляю вас, выслушайте меня!

Эта отчаянная мольба невольно заставила Марион остановиться.

— Я ждал не ее, — сказал Голтспер, начиная пони-

мать странное поведение Марион. — Я ждал вас, Марион, только вас!

— Такая жалкая ложь, сэр, недостойна вас, недостойна порядочного человека! Как вы могли ожидать увидеть меня здесь? О боже! И я могла доверить свою репутацию этому человеку, который...

— Который отдаст жизнь свою, чтобы сохранить ее незапятнанной! Поверьте мне, Марион, ведь я только для того и остался, чтобы поговорить с вами. Я увидел вас из рва, когда бежал. Разве я мог надеяться на такой счастливый случай! Я видел, как вы подошли к воротам и вошли в калитку. Я чуть не обезумел от счастья, когда подумал, что вы, может быть, пришли навестить меня! Я даже не могу... не могу сказать вам, что я почувствовал... у меня нет слов!

Марион впивала в себя эти слова, и сердце ее, оживая надеждой и радостью, тянулось к нему, как цветок тянется к солнцу.

Капюшон ее все еще был откинут на плечи, ветер трепал ее золотистые волосы, дождь бил ей в лицо, но она ничего не замечала. Голтспер нежно взял ее за руку и повел на веранду.

Глава XLVI

«БЕГИТЕ, БЕГИТЕ!»

Тишина после бури, день после ночи, солнечное сияние, прогоняющее мрак, — пожалуй, только с этим и можно сравнить блаженное состояние влюбленных, переживших такие страшные мучения.

Для обоих это была минута чистейшего счастья, не омраченного никакими сомнениями. Оба даже забыли о том, что привело их к такому ужасному ослеплению и отравило их души ядом ревности. Но после первых минут самозабвенного восторга утихшие подозрения снова проснулись, и Марион вспомнила о цветах на его шляпе, а Голтспер — о злополучной перчатке.

Ни он, ни она не могли объяснить, что это значит.

Марион помнила только, что она потеряла свою перчатку, что она долго искала ее и не нашла.

Шляпа Голтспера все еще была у него на голове. До сих пор он не имел возможности снять ее, так как весь день просидел со связанными руками.

Когда Марион сказала ему об этих цветах и он, сорвав шляпу с головы, увидел букет, на лице его выразилось явное недоумение; он молча выдернул цветы из-под пряжки и с негодованием швырнул их прочь. Марион не могла усомниться в его искренности, но, устремив на него грустный взгляд, она положила руку ему на плечо и сказала:

— О, мой Генри, мне страшно подумать... но что, если когда-нибудь вы так же поступите...

— Что вы хотите сказать, Марион?

— Вы знаете, что я хочу сказать, дорогой. Не ставляйте меня говорить. Неужели вы сами не догадываетесь? Ведь вы так умны!

— Дорогая моя, боюсь, что я недостаточно умен и плохо угадываю, что прячется в женской головке... а то я не стал бы...

— Чего не стали бы? — живо перебила его Марион. — Скажите, Генри!

— Не стал бы так долго медлить, не боялся бы сказать вам о своей любви.

Марион было отраднo услышать, что Голтспер уже давно любит ее, но эти слова невольно напомнили ей, что она первая открыла ему свое сердце.

Он и сам понял, как неосторожны были его слова, и поспешил переменить разговор:

— Так что же вы хотели сказать? Что я могу бросить так же, как эти цветы?

— То, что я подарила вам. Мою перчатку, Генри!

— О, если мне когда-нибудь придется бросить ее на землю, как эти увядшие цветы, клянусь вам, Марион, это будет вызов тому, кто посмеет оспаривать у меня право носить ее! А если это случится, Марион...

— Никогда! — вскричала она, нежно глядя его руку. — Никто, кроме вас, Генри, никогда не будет иметь этого права! Поверьте, поверьте мне!

Голтспер грустно вздохнул и молча прижал ее к своей груди. Если бы сердце Марион не билось так бурно и не помешало ей услышать этот вздох и если бы она в эту минуту могла видеть лицо своего возлюбленного, заглянуть ему в глаза, она, наверно, удивилась бы горестной складке, омрачившей его чело, и, несомненно, спросила бы, что означает этот вздох. Но она спрятала голову на его плече и думала о чем-то своем.

— Вы скоро покинете меня, Генри, — грустно промолвила она. — Я знаю, мы должны расстаться. Но когда же я теперь увижу вас? Вы уедете надолго?

— Я вернусь, дорогая, как только у меня будет возможность.

— Я хочу взять с вас одно обещание, Генри.

— Любое, Марион! Я готов обещать все, что вы потребуете от меня!

— Благодарю вас, Генри! Я не сомневаюсь, что вы сдержите обещание. Посмотрите мне в глаза... я знаю, что вы не умеете лгать.

Голтспер поднял на нее глаза и вздрогнул под ее испытующим взглядом.

— Что вы хотите, чтобы я обещал? — спросил он, стараясь скрыть свое смущение.

— Не бойтесь, Генри! Я попрошу у вас немногого. Вам это, может быть, покажется пустяком, а для меня это все. Я вам сейчас объясню. Только не смейтесь надо мной, я все равно ничего не могу с этим поделать. С тех пор как я узнала, что вы любите меня, я поняла одну вещь: ревность для меня хуже смерти. Я не могу жить и ревновать!

— Но, дорогая Марион, почему вам приходят в голову такие мысли? Что вам бояться ревности? Если она когда-нибудь даст нам почувствовать свое жало, страдать от него буду я, а никак не вы.

— Вы шутите, Генри! Но вы не знаете сердца женщины, которая любит впервые. Вы легко завладели им, но его добивались многие, и никогда до сих пор его никому не удалось завоевать. Вы не знаете, как я люблю вас! Вам кажется, что это мимолетное увлечение взбал-

мошной девчонки, которое пройдет с возрастом. Но я не девочка, Генри, я взрослая женщина, и я люблю вас!

— Но чем же я заслужил вашу любовь? — воскликнул восхищенный Голтспер. — Скажите мне, дорогая Марион, за что вы полюбили меня? Я вдвое старше вас. Я давно утратил ту красоту, которая, быть может, когда-то могла бы увлечь ваше воображение. Как я могу считать себя достойным вашей любви? Я чужой в вашем кругу. В глазах света я авантюрист, и я готов согласиться с этим, если считать авантюризмом попытку помочь угнетенным людям вырваться из-под ига тирана. Простите, что я настаиваю, Марион, но я хочу услышать из ваших уст, за что вы любите меня!

Марион молчала. Не потому, что она не хотела ответить, но потому, что из всех загадок в мире нет большей загадки, чем любовь, и никто не нашел ответа на эту загадку.

— Я не знаю, Генри, — наконец сказала она. — Наверно, есть тысячи причин, но я могу сказать вам только одну: я люблю вас, потому что люблю!

— Радость моя, Марион! Я верю вам! А вы? Неужели вы не верите...

— О Генри! Я знаю, что сейчас вы любите меня...

— Сейчас и всегда!

— Вы можете поручиться за себя, Генри?

— Могу, Марион!

— Я хочу взять с вас обещание.

— Какое, Марион?

— Знаете, Генри, говорят, чувства иногда меняются и это не зависит от нас. Я, правда, этому не верю. Я знаю, что я всегда буду любить вас. Но я вам уже говорила, что для меня ревность хуже смерти. Так вот, вы должны обещать мне...

— Марион, я готов обещать вам что угодно, мое сердце навеки принадлежит вам!

— Так вот, обещайте мне... если случится так, что вы меня разлюбите, вы скажете мне об этом сами, честно, не скрываясь. Обещайте мне это, Генри!

— Но это же бессмысленно, Марион! Зачем я буду

давать вам это пустое обещание? Вы знаете, что, пока я жив, я буду любить вас!

— Генри, Генри! Не отказывайте мне, вы же обещали мне исполнить все, чего я ни попрошу!

— Ну хорошо, дорогая! Если вы так настаиваете, я готов не только пообещать, но поклясться, что я всегда буду честен с вами. Если мое сердце когда-нибудь изменит вам, вы тотчас же узнаете об его измене. Что стоит обещать то, чего никогда не случится!

— А если вы будете далеко, Генри, и не сможете со мной увидеться, тогда... тогда вы пришлете мне мою перчатку. Когда она вернется ко мне, я буду знать, что человек, которому я дала ее — вместе со своим сердцем — и который когда-то так дорожил моим даром, возвращает мне его. Это будет лучше всяких слов, потому что услышать из ваших уст эту горькую правду для меня будет равносильно смерти.

— Дорогая моя, я готов подчиниться всему, что вы от меня требуете! Но как бы я хотел убедить вас, что это бессмысленно! Вы никогда не получите обратно вашу перчатку, я не верну ее вам, она слишком мне дорога, дороже всего на свете после этой беленькой ручки, которую она облекала и которая — да поможет мне бог! — станет моей!

И, прижав к губам эту беленькую ручку, Голтспер нежно поцеловал тонкие пальчики.

Этот поцелуй оказался прощальным. Яркая полыхнувшая молния осветила веранду, и две прильнувшие друг к другу фигуры четко обрисовались в окне. В ту же минуту хриплый, сдавленный стон раздался внизу и чья-то тень мелькнула мимо веранды. Снова вспыхнула молния, они бросились к окну, но там уже никого не было.

— Бегите, Генри! — вскричала Марион. — Эта тень не зря мелькнула, она сулит беду! Вас могут захватить здесь! Бегите, бегите!

Голтспер не стал медлить.

Быстро сбежав с веранды, он бросился в кусты, скользнул с откоса в ров и стал осторожно пробираться к задней стене дома.

ПОГОНЯ

Тень, мелькнувшая за окном веранды, была не кто-пная, как Бет Дэнси. Когда щедрая посетительница вышла из двери кладовой, Уайтерс задвинул засов и, движимый чувством уважения и благодарности, пошел проводить леди до ворот. Но, пройдя несколько шагов, он услышал, как стукнула калитка, и, когда он подошел ее запереть и на минутку выглянул в темноту, вблизи уже никого не было.

Он постоял несколько секунд, но, видя, что начинается гроза, пошел обратно в кладовую, чтобы взять свой фонарь.

Отодвинув засов, он открыл дверь и протянул руку за фонарем. Каково же было его удивление, когда, подняв фонарь, чтобы осветить узника и удостовериться, что все в порядке, он увидел не арестанта, связанного по рукам и ногам, а Бет Дэнси, поднимающуюся ему навстречу! Так вот что означали ее поцелуи! Она одурачила его!

Он опрометью кинулся во двор, чтобы поднять тревогу, и Бетси, воспользовавшись его растерянностью, скользнула в открытую дверь и мигом добежала до ворот. Нацупав в темноте щеколду, она открыла калитку и сразу исчезла в темноте.

Она бросилась бежать к ограде, но вдруг ее точно что-то толкнуло. Она вспомнила приход Марион, и мысль о том, что она, может быть, встретилась с Голтспером, заставила ее повернуть к дому.

Она пошла вдоль стены и, услышав голоса на веранде, тихонько подкралась к окну.

Когда молния осветила две обнявшиеся фигуры, Бетси, не помня себя, чуть не ринулась на веранду. Но в это время со двора послышались бряцание оружия и встревоженные голоса солдат.

«Погоня за беглецом!» — мелькнуло в голове у девушки. Дикая жажда мести заглушила все чувства в ее душе.

Она отомстит им обоим! Засадит Голтспера в тем-

ницу, из которой она его вызволила. Пусть она поплачет о нем, эта гордая леди!

Обезумев от ревности, Бетси стремглав бросилась к воротам, чтобы предупредить стражу. В ту минуту, когда Голтспер соскочил в ров, с полдюжины кирасиров, следуя указаниям Бетси, окружили веранду.

Гроза кончилась. На прояснившемся небе проступили звезды. Осторожно заглянув в раскрытые окна веранды, кирасиры убедились, что здесь нет ни души.

— Нет его здесь! Никаких следов! — мрачно произнес один из кирасиров, в котором по его унылому и испуганному виду нетрудно было узнать одураченного часового. — Господи, что теперь будет со мной!

И, устремив умоляющий взгляд на Бетси, он заговорил с ней шепотом, так, чтобы не слышали другие.

— Да нет, если он и убежал отсюда, — взволнованным, прерывающимся голосом отвечала девушка, — то вот только сейчас, сию минуту! Я хочу, чтобы вы его поймали! И ее тоже вместе с ним! То-то будет позор для этой гордячки!

— О ком ты это говоришь? Об этой леди в бархатном плаще?

— Да не все ли вам равно! Бегите за ним скорей, вы не можете не догнать его! Да ну, ступайте же, тащите его обратно в тюрьму! Тогда мы посмотрим, как она...

— А куда идти-то? В какую сторону? — подходя к ним, перебил ее сержант. — Надо знать, где его ловить, а так, наугад метаться, — он у нас из-под носа уйдет.

— Нет-нет, не уйдет! — вскричала девушка. — Я покажу вам, куда идти. Идите прямо парком в самый конец, выйдете на дорогу в Хеджерли, только не идите по ней, а ступайте прямо к Вепсейскому лесу. Они поедут этой дорогой, я знаю, так они уговорились. Скорее! Скорее идемте, я поведу вас!

Пожалуй, не прошло и получаса с тех пор, как этот взволнованный голос, так настойчиво понукавший сейчас стражу, умолял Голтспера бежать...

Неужели это Бет Дэнси, так самоотверженно спасавшая любимого человека, жаждала теперь его гибели?

Может быть, это была хитрость с ее стороны? Может быть, она хотела выиграть время, направить его преследователей по ложному следу и этим помочь ему уйти?

Эти мысли проносились в голове Уайтерса. Его товарищи готовы были послушаться Бетси, но он нерешительно топтался на месте и недоверчиво смотрел на торопившую его девушку.

— А зачем нам тащиться пешком? На конях мы его скорей нагоним, — сказал сержант.

— Нет-нет! — отмахнулась Бетси. — Пока вы будете седлать лошадей, его и след простынет. Идемте, и я ручаюсь, что мы захватим его! Им надо пройти Вепсейский лес, а там их ждут лошади. Но вы его захватите раньше.

— А ты не врешь, Бетси? — спросил Уайтерс. — Ты уже меня раз одурачила. Но знай, я тебя не выпущу, пока он не будет у меня в руках!

— Дурень ты! — огрызнулась на него девушка. — Разве я тебе не говорила, почему я помогла ему убежать? Леди, которая меня послала, любила его без памяти, душу готова была отдать, чтобы с ним повидаться, а он, видишь, связался с другой! Так она теперь будет рада-радешенька, если его опять посадят в тюрьму. Она посулила мне награду, но, когда я расскажу ей все, что видела, она мне заплатит вдвое больше, если его только поймают. Будет тебе валять дурака! Сам знаешь, что с тобой сделают, если дашь ему убежать. Идем скорей! Ручаюсь, мы его нагоним!

Наполовину убежденный, Уайтерс, не видя иного выхода избежать наказания за свою оплошность, перестал колебаться и бросился вслед за другими.

Бет повела кирасиров не той дорогой, которую она указала Голтсперу. Она не сомневалась, что беглец уже успел выбраться за ограду парка и вышел на Биконсфилдскую дорогу. Им надо было перехватить его на этой лесной дороге, и Бетси повела солдат наперерез по хорошо известной ей глухой тропинке.

Выйдя на дорогу, отряд пошел медленнее. Небо уже очистилось от туч, и ярко светила луна.

Сержант, опытный разведчик, внимательно поглядев на землю, дал знак остановиться.

— Здесь до нас никто не проходил, — сказал он, — нам незачем идти дальше. Поглядите, милая девушка, здесь нет никаких следов!

— Значит, мы его опередили, — ответила Бетси. — Я знаю, что они должны выйти сюда, наверное знаю!

— В таком случае, нам лучше подождать здесь, — шепотом сказал сержант. — Отличное место для засады! Мы можем спрятаться в кустах, чтобы нас не увидели с дороги... Шш! Я, кажется, слышу чей-то голос!

Солдаты, переговаривавшиеся друг с другом, замолчали.

В наступившей тишине из лесу донесся громкий вопль.

— Похоже, какой-то бродяга отдает богу душу, — пробормотал один из кирасиров.

— Это сова кричит в лесу, — сказал другой.

— Тише вы! — остановил их сержант. — Вон, слышите, еще голоса... и где-то совсем близко...

— Кто-то идет, — сказал он, прислушавшись. — Должно быть, это они. Эй, трое с этой стороны, сюда! Остальные — по ту сторону дороги. Лежать тихо, покуда не подойдут! Когда подам знак, бросайтесь на них. Не двигаться, пока не услышите сигнала!

Солдаты бросились в кусты; кто присел на корточки, а кто остался стоять, спрятавшись за густыми буками.

Сержант тоже укрылся за деревом, а Бетси нырнула в чащу и остановилась, дрожа всем телом, с ужасом ожидая исхода погони, которую она предательски сама навела на след.

Глава XLVIII СНОВА ПОЙМАН!

Голтспер шел по рву, пока не очутился позади дома. Там он поднялся на вал и бросился бежать через пастбище в глубину парка, откуда уже доносился

свист — условный знак, который ему подавал Гарт. Через минуту он уже стоял рядом с Грегори и Дэнси.

Поспешно обсудив план дальнейших действий, они, не теряя ни минуты, двинулись в путь.

Дэнси должен был расстаться с ними и отправиться к себе домой, где его ждал Ориоли с лошадью Гарта; кроме этой лошади из королевских конюшен да старой клячи Дэнси, у них не было никаких других средств передвижения. Но поскольку Дэнси ничто не грозило и он не собирался бежать, а индеец в быстроте бега мог вполне помериться с лошадью, то двух лошадей беглецам было достаточно.

Жилище лесника находилось неподалеку от Оксфордской проезжей дороги, и, так как вести лошадей через проселочную дорогу мимо Хеджерли было дальше, условились, что Дэнси с индейцем выведут лошадей тропинкой через Вепсейский лес, а там их встретят Голтспер и Гарт, которые подойдут сюда параллельной лесной дорогой.

Этот план был придуман Гартом, который, опасаясь погони, решил держаться подальше от большой дороги.

Условившись о месте встречи, лесник направился к своему дому, а Гарт повел Голтспера по заросшему склону; затем они перелезли через ограду парка и вышли на дорогу, ведущую в Хеджерли.

Пройдя примерно с полмили, они подошли к опушке Вепсейского леса; его отделяла от дороги невысокая изгородь.

Гарт молча шагал впереди и, казалось, был погружен в какие-то сложные расчеты.

— Пожалуй, скоро будет светать, — пробормотал он, взглянув на небо. — Ну, да, я думаю, на это дело мне времени хватит!

— На что тебе хватит времени? — спросил Голтспер, расслышавший это бормотание.

— Да ничего такого, мастер Генри. Дельце у меня тут есть небольшое. Всего на каких-нибудь десять минут. Время сейчас боюсь упустить, а вот вернусь — и расскажу вам... А, вот он, лаз-то! Чуть не прозевал... Вы ступайте себе тихонько, а я вас живо нагоню, не

успеете вон до той стороны леса дойти. А нет, так подождите меня там минутку, я мигом ворочусь.

И Грегори Гарт, согнувшись, юркнул в пролом ограды и скрылся в густой чаще леса.

Голтспер, убавив шаг, пошел один по дороге, недоумевая, какие загадочные дела могли заставить чудака Гарта внезапно покинуть его.

Но скоро мысли его вернулись к Марион, с которой он только что расстался, и, погрузившись в сладостные воспоминания о недавних минутах, он шел по безлюдной дороге, вдыхая свежий лесной воздух, насыщенный ароматом цветов, орошенных дождем.

Впереди ждала неизвестность, опасности, жизнь его была под угрозой, но он забыл обо всем, вспоминая счастливые минуты и нежные речи Марион, еще звучавшие в его ушах.

Он уже отошел довольно далеко от того места, где его покинул Гарт, и вдруг замер от неожиданности: в ночной тишине откуда-то издали послышался явственный стон.

В таком глухом месте, ночью, что бы это могло означать? Стон повторился еще громче — это уже был не стон, а вопли, прерывавшиеся злобными выкриками. Прислушавшись, Голтспер убедился, что они доносятся с той стороны, куда скрылся Гарт. По-видимому, Грегори как-то замешан в этом...

Вопли и стоны продолжались, а злобные выкрики, сопровождавшие их, перемежались теперь громким и злорадным смехом.

Голтспер уже больше не сомневался, что это Гарт: он узнал его раскатистый смех и зычный голос. Но это ему ровно ничего не объясняло. Для него по-прежнему оставались загадкой и эти вопли и громкий хохот Гарта.

Не он один с недоумением прислушивался к этому странному дуэту: его преследователи, поджидавшие в кустах на дороге, с не меньшим изумлением слушали этот ночной концерт.

Голтспер слишком поздно заметил бесшумно скользившие фигуры, которые, выступив из-за деревьев, внезапно окружили его. Он попробовал было отскочить в

сторону, но налетел на здоровяка сержанта, а в это время с другой стороны в него вцепился Уайтерс, которому, после того как он так опростоволосился, не терпелось поскорей водворить на место сбежавшего узника.

Голтспер был безоружен, и сопротивляться было бесполезно. В честном бою, один на один, он одолел бы всякого, но тут ему пришлось уступить грубой силе шестерых вооруженных преследователей. Такая судьба нередко выпадает на долю храбрых!

Окружив пленника, солдаты повернули обратно и повели его той же дорогой назад в тюрьму, из которой он так недавно спасся.

Дикие вопли и хохот все еще разносились по Вепсейскому лесу. Солдаты, занятые своим пленником, молча продолжали путь и только дивились про себя. Если бы не этот хохот, можно было бы подумать, что где-то в лесу совершается убийство. Но, слыша эти взрывы смеха, солдаты решили, что это, должно быть, цыгане расположились лагерем в лесу и пируют, справляя свой цыганский праздник.

А та, что освободила Голтспера и теперь снова помогла его поймать, укрывшись за деревьями, следила со злобным торжеством, как его окружают; а когда его схватили и повели, крадучись пошла следом, прячась в придорожных кустах, и с ужасом и отчаянием смотрела на то, что она сделала. Сердце ее разрывалось, когда она слышала грубые окрики солдат и видела, как они подталкивают безоружного пленника; а когда наконец его ввели в ворота и они захлопнулись за ним, дочь Дика Дэнси в слезах бросилась на землю, терзаясь горьким раскаянием.

Глава XLIX

ДВА ПУТЕШЕСТВЕННИКА

Примерно через час после поимки Генри Голтспера два всадника спускались по отлогому склону Красного Холма, направляясь к Эксбриджу.

Это были люди богатырского сложения, один из них казался чуть ли не великаном. Тот, что был помоложе, ехал на хорошем коне, а его рослый спутник — на старей, паршивой кляче.

Первый был в сапогах со шпорами, в шляпе с лентой, в кожаных перчатках, и в темноте его можно было принять за знатную особу. Но когда луна выходила из-за облаков, всякому бросилось бы в глаза некоторое несоответствие остальных частей его одежды, и, присмотревшись к этой странной фигуре, нетрудно было узнать Грегори Гарта.

А его могучий спутник в крестьянской одежде был не кто иной, как Дик Дэнси.

С какой целью они очутились на дороге в Эксбридж, читатель сейчас узнает.

Солдаты, уводившие Голтспера, решили, что шум, который доносился до них из Вепсейского леса, подняли цыгане. Но это было не так. На самом деле это Грегори Гарт выполнял обещание, данное им утром Уэлфорду. Он сдержал свое слово и оставил Уилла Уэлфорда только после того, как хорошо дал ему почувствовать крепость своей дубинки. Будь у него побольше времени, Уиллу, вероятно, досталось бы еще сильнее, но Гарт так торопился, что не стал даже и развязывать его и оставил лежать, всего исполосованного и разукрашенного такими синяками, что, казалось, кожа его отливала всеми цветами радуги.

Разделавшись с подлым предателем, Гарт вышел из хижины и, швырнув в сторону свою дубинку, поспешно направился вслед за Голтспером.

Полагая, что тот уже успел далеко уйти по Биконсфилдской дороге, Гарт шел быстрым шагом, торопясь догнать его.

Дорога была освещена луной, и на влажной земле были ясно видны свежие следы. Бывший грабитель привык приглядываться к следам и разбирался в них не хуже лесного охотника. Следы показались ему подозрительными, и он, наклонившись, принялся разглядывать их.

Это было то самое место, где поймали Голтспера.

Множество грубых солдатских сапог ясно отпечаталось на прибитой дождем пыли; следы находили одни на другие, местами от них тянулись полосы, и видно было, что солдаты топтались на месте и бросались из стороны в сторону; среди этих грубых следов были видны отпечатки более изящной обуви.

Гарт узнал в них следы сапог Голтспера. Он понял, что хозяина опять схватили. Проклиная себя за то, что это случилось по его вине, он повернул назад по следам, не питая никаких надежд на его вторичное освобождение.

Следы привели его к воротам парка, и там он увидел расprostертую на земле, всю в слезах, дочь лесника, которая, скрыв от него истинную причину своих слез, подтвердила, что мастера Голтспера поймали. Теперь уж не было никакой надежды вызволить его из темницы: хитрость, к которой они прибегли в первый раз, второй раз никого не обманет. Да из всей стражи только и можно было рассчитывать на одного Уайтерса, а его теперь уж никак не удалось бы подкупить ни поцелуями, ни золотом.

Но Гарт был не такой человек, чтобы отчаиваться. Конечно, у него и в мыслях не было опять пустить в ход ту же уловку. Нечего было и думать о том, чтобы освободить хозяина хитростью. Но не удастся ли это сделать силой?

Не в Балстродe, конечно, где расквартирован конный отряд, а где-нибудь по дороге. Он знал, что Голтспера не позднее завтрашнего дня должны переправить в Тауэр. Так вот, нельзя ли этим как-нибудь воспользоваться?

Гарт хорошо знал дорогу на Лондон, со всеми ее проселками и перепутьями. У него было немало знакомых, живших поблизости от этой дороги. И хотя кое-кто из них, возможно, и пострадал от его промысла, большинство все же были его приятелями или людьми, так или иначе связанными с ним, к которым он в случае надобности всегда мог обратиться.

Воодушевившись этой новой идеей, Грегори поспешил снова на Хеджерлейскую дорогу и направился в

условное место, где его давно должны были дожидаться с лошадьми Дэнси и индеец.

Они так переволновались за время своего долгого ожидания, что уже и не надеялись на благополучный исход дела и не удивились печальному известию, которое им принес Грегори.

Гарт дорогой еще успел обдумать свой новый план, и, когда он сообщил его Дэнси, тот охотно согласился принять в нем участие.

Ориоли отправили назад в Каменную Балку, Гарт вскочил на свою краденую лошадь, Дэнси уселся на жалкую клячу, и они двинулись по тропинке, которая вилась вдоль южной ограды балстродского парка и выходила на большую королевскую дорогу там, где она пересекала Джеррет Хис.

К утру они достигли вершины Красного Холма и теперь спускались по его склону. Гарт то и дело понукал своего спутника, который едва поспевал за ним на своей кляче; не помогала ни палка, ни ржавые шпоры, которые Дэнси вонзал в бока бедного животного, — старая кляча медленно трусила рысдой и спотыкалась всякий раз, когда боль понуждала ее бежать быстрее.

— Черт бы побрал твою скотину! — вскричал Гарт. — Мы не успеем повидать всех, кого надо. Дочка твоя говорила вчера, что его повезут рано утром. Они хотят добраться засветло в Лондон — значит, в Эксбрид же они будут часов в десять. А ведь у нас сколько дела до их присзда!.. Коли ее шпорами, Дэнси! Экая ленивая кобыла! Уж я бы заставил ее поворачиваться, коли бы сидел на ней!

— Бедная скотина! — с жалостью сказал Дэнси, вступаясь за свою клячу. — Она целую неделю без корма, разве только пощиплет травы на обочинах дороги. Чего же удивляться, что у нее нет силы?

— Наше счастье еще, что недалеко ехать. А вот ежели бы наш путь лежал в Лондон, нам бы нипочем не добраться! А знаешь, я придумал, как нам время сберечь! Чего нам с тобой ехать вместе? Ты поезжай по Денемской дороге и предупреди там своих друзей, а я поеду за Колн и поговорю там с херфилдскими прия-

телями. Я оповещу, кого надо, в Эксбридже и Хиллиндоне, захвачу по дороге и Дрейтон. Так оно лучше будет. А встретимся мы с тобой в «Розе и короне», после того как управимся. Я туда сейчас сразу заеду, чтобы предупредить старика Броуна насчет винца. Хорошо, что я выручил немножко денег за часы, которые мне подвернулись, а то еще неизвестно, пришли ли бы нам эти патриоты на помощь! Я все до последнего гроша истрачу, только бы нам удалось освободить мастера Генри!

— Мне тратить-то нечего, а то я тоже не пожалел бы, — сказал лесник. — Хороший господин, другого такого в наших краях не сыщешь!

— Да, Дэнси, это ты правду сказал. Хороший он человек! Зато, видно, и хотят ему голову снести, потому что он стоит за правду! Мы должны сделать все, что можем, чтобы он удержал ее на плечах. Вот твоя дорога в Денем. Пришпорь свою клячу, да смотри будь у моста пораньше, до десяти часов!

С этими словами Грегори Гарт покинул лесника; тот свернул на проселок, ведущий к деревне Денем, а Грегори поскакал прямо по Эксбриджской дороге.

Глава L

ПОД КОНВОЕМ

Было раннее утро, и в Балстродской усадьбе все еще спали. Скэрти, удовлетворенный тем, что ему удалось унизить и засадить в тюрьму своего соперника, уснул с радостной надеждой отделаться от него вовсе и крепко проспал всю ночь, нисколько не подозревая о событиях, разыгравшихся сначала в сотне шагов от его ложа, а потом в миле от усадьбы.

Даже когда он проснулся, никто не доложил ему ни о любовном свидании во время дежурства на часах, ни о побеге узника, ни об его поимке. События так быстро следовали одно за другим, что все удалось сохранить в секрете. Кроме шести человек стражи, включая сержапта, никто из остальных кирасиров и не подозревал о

том, что случилось. Уайтерс позаботился, чтобы его товарищи по караулу держали язык за зубами, чего ему вряд ли удалось бы добиться, если бы не золотые монеты, полученные от леди, которыми ему скрепя сердце пришлось поделиться. Таким образом, когда караул сменялся, связанный узник, водворенный на свое прежнее место, был передан на попечение новому часовому, и его бегство и поимка остались ото всех в тайне.

Из тех, кто был осведомлен о его бегстве, только одна Марион пребывала в неведении о том, что его снова схватили. Расставшись с ним, она направилась к себе в спальню, но, поднимаясь по лестнице, услышала какой-то подозрительный шум. Она постояла у окна, прислушиваясь. Снизу доносились тихие голоса, потом послышался женский голос, который Марион сразу узнала, и затем все смолкло. Марион, конечно, и в голову не пришло, что это тревога; но все-таки у нее было беспокойно на душе, и она долго не отходила от окна, а потом даже спустилась на веранду и, выглянув из окна, посмотрела по сторонам. Но кругом все было тихо, и, решив, что солдаты вернулись во двор, она поднялась к себе в комнату и легла спать.

После стольких бурных переживаний и долгого бодрствования она крепко уснула, и в то время, когда на Генри Голтспера набросились выскочившие из засады солдаты, Марион Уэд снилось, как он спасся и прибежал к ней, и она снова переживала блаженные минуты недавнего свидания.

Она проспала до позднего утра. Но как ужасно было ее пробуждение после этого чудесного сна!

Она проснулась от громкого шума под окном. Внизу слышался топот лошадей, грубые голоса, отрывистая команда и громкий язвительный смех; она сразу узнала его: это смеялся Скэрти.

«Рано он поднялся сегодня! — подумала Марион. — Но, может быть, сейчас уже не так рано?»

Марион высунула из-под одеяла беленькую ручку и взяла с маленького столика у постели свои хорошенькие часики, украшенные драгоценными камнями. Взглянула на циферблат — десять часов!

И в ту же минуту зазвонили часы на башне.

Марион так поспешно схватилась за часы не потому, что ее удивил этот ранний шум. После того, что случилось сегодня ночью, это могло означать только одно: бегство Голтспера открыто и за ним готовится погоня. Она посмотрела на часы, чтобы узнать, много ли прошло времени с тех пор, как Голтспер скрылся, и обрадовалась, увидев, что уже десять часов.

Но почему же Скэрти так весел? Почему он смеется, когда, казалось бы, он должен быть вне себя от огорчения?

Марион вскочила с постели и быстро подбежала к окну. Только вчера она видела из этого окна самое тяжелое зрелище, какое ей когда-либо приходилось видеть. Такое же зрелище предстало перед ней и сейчас: Генри Голтспер на коне, привязанный к седлу, под охраной вооруженных кирасиров, тесно окружавших его со всех сторон.

Все были на конях, в полном снаряжении, с сумками, притороченными к седлам, словно готовились в поход. Капитан Скэрти расхаживал взад и вперед по усыпанной гравием дорожке, но, судя по его одежде, не собирался ехать с отрядом; на этот раз его заменял корнет Стаббс. Он сидел на коне Голтспера и как раз в эту минуту выезжал вперед, чтобы возглавить конвой.

Марион едва успела окинуть взглядом это совершенно неожиданное для нее страшное зрелище, как раздался сигнал: «Вперед!» Кони рванули, и ее возлюбленный скрылся из ее глаз. Стон, вырвавшийся у нее из груди, потонул в громких звуках рожка.

Прошло около часа, прежде чем потрясенная Марион опомнилась настолько, чтобы обрести способность рассуждать. Но она все еще была в смятении и мысли ее беспорядочно блуждали, когда чьи-то голоса внизу снова заставили ее выглянуть в окно.

Какой-то верховой разговаривал со Скэрти. Это был человек в форменной штатской одежде — по-видимому, дорожный агент. Взмыленный конь под ним тяжело дышал, словно скакал во весь опор не одну милю.

Скэрти стоял у стремени всадника и слушал его по-

спешное донесение, отличавшееся, видимо, чрезвычайной важностью.

Незнакомец говорил взволнованным, тихим голосом, и до слуха Марион долетела фраза:

— Узник... отбит... под Эксбриджем...

Скэрти, услышав эти слова, не отвечая всаднику, бросился сломя голову к воротам с криком:

— На коней! Все на коней!

Приученные повиноваться мгновенно, кирасиры тотчас же повскакали в седла, и не успела Марион прийти в себя от этого ошеломившего ее радостного известия, как отряд, возглавляемый Скэрти, уже мчался во весь дух к воротам, выходящим на Эксбриджскую дорогу.

Глава LI

ОТБИЛИ!

Время приближалось к десяти часам, и жизнь в Эксбридже уже кипела ключом. На улицах царило необычное оживление. На площади, на перекрестках и особенно возле харчевни «Роза и корона» толпилось много народу. Это были не крестьяне, съехавшиеся на ярмарку, — день был не ярмарочный, — а преимущественно ремесленники и рабочие. Одеты они были побудничному, и, казалось, они только что оторвались от работы, привлеченные неожиданным, занимательным зрелищем. Сапожник прибежал в своем кожаном фартуке, с липкими от лака руками; кузнец — только что от наковальни, потный и закопченный; мельник, пропыленный мукой; а от мясника шел тяжелый дух, словно он только что был на бойне.

Толпа, собравшаяся против «Розы и короны», была явно в приподнятом настроении; многие были навеселе. По рукам ходили кружки доброго эля, который прислуга харчевни щедро подносила желающим, по-видимому за чей-то счет.

Высокий смуглый человек в шляпе с лентой особенно усердно угощал собравшихся вокруг него дюжих молод-

цов, из которых многие, как видно, были его приятелями — они обращались с ним запросто и называли его «Грегори». Ему помогал другой — рослый, широкоплечий пожилой человек; а хозяин харчевни, заинтересованный в том, чтобы продать побольше, суетился возле них, поощряя улыбкой тех, кто стоял поблизости.

Все то и дело поглядывали в сторону моста, по которому проходила дорога через Колн, ведущая на запад. Этот мост не представлял собой ничего примечательного; он был построен в виде арки с каменным парапетом по обе стороны, который с моста переходил на дорогу и тянулся вдоль нее еще ярдов на двадцать — тридцать. Дальше со стороны города парапет переходил в ограду, отделявшую городскую дорогу от прилегавших к ней лугов.

Луга тянулись по обе стороны реки и простирались далеко на юго-запад.

Дорога с моста в сторону города проходила как раз перед глазами собравшейся у харчевни толпы, но по ту сторону реки дороги не было видно: ее скрывали каменный парапет и арка моста.

Смуглый человек в шляпе с лентой, хотя и обменивался забористыми шутками с окружающими и старался казаться веселым, поглядывал в сторону моста с явно озабоченным видом, а затем шептался о чем-то с рослым крестьянином в потертых плисовых штанах, который был не кто иной, как Дик Дэнси.

— Чего это вы все здесь собрались? — спросил какой-то человек, только что подошедший к харчевне. — Или есть на что поглядеть?

— Может, и есть, — ответил один из толпы. — Подождите малость — может, и увидите что-нибудь, на что стоит поглядеть.

— Да что такое?

— Кирасиры его величества короля.

— Подумаешь, есть из-за чего поднимать шум! Их теперь каждый день можно видеть.

— Да и один раз в день более чем достаточно! — добавил третий, который, по-видимому, не питал истинно верноподданнических чувств к своему монарху.

— Но ведь не каждый день можно увидеть то, что вы нынче увидите: в Тауэр повезут арестованного, знатного дворянина!

— Арестованного? Кого же?

— Черного Всадника, — отвечал первый. — Вот какого арестанта вы увидите, приятель!

Это известие могло бы взбудоражить толпу, если бы большинство собравшихся уже не были подготовлены к нему заранее. Волнение, поднявшееся в эту минуту, было вызвано тем, что человек, стоявший на парапете моста и наблюдавший дорогу, подал знак, а мальчишки, взобравшиеся на верх стены, начали размахивать шапками и кричать:

— Конники! Конники! Королевские кирасиры! Едут! Едут!

Вслед за этим показались пышные султаны, и отряд кирасиров, въехав на мост, растянулся сверкающей лентой.

Отряд состоял из шести пар всадников, следовавших одна за другой; впереди ехал командир отряда, а посреди — еще один всадник, не в доспехах, как прочие, а в бархатном камзоле, прикрученный веревками к седлу и со связанными за спиной руками. Это был арестант.

Видно было, что он хорошо известен толпе. Черный Всадник так часто появлялся на улицах Эксбриджа и беседовал с его жителями, что не было ничего удивительного в том, что горожане встречали его сочувственными взглядами.

Он ехал сейчас не на своем благородном коне, но толпа узнала его коня под другим, гораздо менее подходящим ему всадником, который был не кто иной, как корнет Стаббс, возглавлявший отряд. Будучи любителем лошадей, он недолго думая присвоил себе коня Голтспера по праву конфискации.

Гордясь возложенным на него ответственным делом, Стаббс важно гарцевал впереди отряда и, первым спустившись с моста, подъехал к толпе, собравшейся у харчевни. Ему показалось, что кое-кто встретил его угрюмым взглядом, но, в общем, это было скорее веселое и добродушное сборище.

Стаббсу, конечно, и в голову не могло прийти, что ему осмелятся преградить путь. Он был уверен, что толпа мгновенно расступится перед его мощным конем.

Но, подъехав к харчевне, он с удивлением обнаружил, что народ, столпившийся на дороге, не двигается с места; ему пришлось придержать лошадь, чтобы не раздавить людей.

В ту же минуту позади раздались громкие крики — народ приветствовал кирасиров, а один голос, покрывая все остальные, кричал: «Король! Король! Долой подлых изменников! Смерть предателям!»

Возгласы звучали насмешливо, но это было слишком тонко для тупых мозгов корнета Стаббса, и он понял их в буквальном смысле, как проявление истинно верноподданнических чувств.

— Добрые друзья! — любезно сказал он, и на его грубом лице выразилось явное удовольствие. — Рад видеть вас в таком превосходном настроении! Клянусь богом, рад!

— Да, настроение у нас самое подходящее! — подхватил кто-то из толпы. — Вы в этом скоро убедитесь. Эй, господин офицер, выпейте-ка с нами за здоровье короля! Надеюсь, вы не откажетесь?

— Ни в коем случае! — ответил Стаббс. — Ни в каком случае! Я рад бы выпить с вами, но, видите ли, друзья, мы сейчас при исполнении наших служебных обязанностей, нам нельзя задерживаться. Клянусь богом, нельзя!

— А мы вас и минуты не задержим, — настаивал тот, что заговорил первым, — здоровенный кузнец с таким же твердым лицом, как и его молот. — Клянусь богом, не задержим! — добавил он, так явно передразнивая Стаббса, что тот на минуту усомнился в его дружеских чувствах. — Живей поворачивайтесь, ребята! — продолжал деревенский Вулкан¹. — Выноси вина, хозяин! Лучшего винца для господина офицера да браги покрепче для его храбрецов. Черт побери! День-то ведь жаркий да пыльный, а до Лондона еще ехать да ехать!

¹ Вулкан — бог огня в древнем Риме; считался также покровителем кузнечного дела.

Разве не приятно освежиться да промочить горло кружкой нашего эксбриджского эля?.. Правильно я говорю, молодцы?

Последние слова были обращены к солдатам, которые без слов поспешили подтвердить кивками и жестами, что охотно принимают предложение.

Тотчас же, словно по волшебству, по обе стороны конного отряда выросли люди с кружками, наполненными элем, который соблазнительно пенился перед глазами солдат.

Это были не буфетчики и не слуги из харчевни, а разные ремесленники и подмастерья, из которых, как мы уже говорили, преимущественно состояла толпа.

Но солдатам не было дела до того, кто их угощает. После того как они проскакали пять миль в жару по пыльной дороге, пенящийся напиток, который им подносили к губам, был слишком большим искушением для их пересохших глоток, и не кирасирам Скэрти было устоять против такого искушения!

Не дожидаясь ни разрешения, ни команды, каждый солдат схватил кружку, которую ему совали в руки, и с криком «За короля!» жадно поднес ее к губам. Толпа подхватила возглас, а люди, которые угощали солдат, словно желая еще больше показать свое уважение, схватили за уздечки их коней, чтобы всадники могли спокойно осушить кружки, не рискуя пролить ни капли драгоценной жидкости.

Двое из этих людей, как раз те, что подносили кружки конвоирам, между которыми находился арестованный, взяв лошадей за поводья, чуть-чуть вывели их из рядов, сделав это так незаметно, как будто они были тут ни при чем. В ту же минуту высокий человек с смуглым лицом, обросшим черной щетиной, юркнул мимо головы одной из лошадей и, подняв флягу, предложил выпить арестанту.

— Вы ведь не станете возражать, если и он тоже промочит горло? — сказал он, обращаясь к конвоирам. — Бедняга! Видать, он совсем истомился от жажды!

— Можете дать ему глотнуть разок-другой, — отве-

чал конвоир, — только смотрите, чтобы офицер не увидел! — И он многозначительно кивнул на Стаббса.

— Насчет этого можете не беспокоиться, — сказал Грегори Гарт, так как это был он.

— А ну, кавалер, — продолжал он, подходя вплотную к арестованному, — глотните-ка эля! Конечно, это не то доброе вино, к какому вы, верно, привыкли, а все-таки выпить недурно, и вам оно пойдет на пользу. Да не бойтесь, вы не упадете с седла, я вас придержу сзади. Вот так!

И с этими словами Гарт, обхватив пленника сзади, нащупал пальцами веревки на его руках.

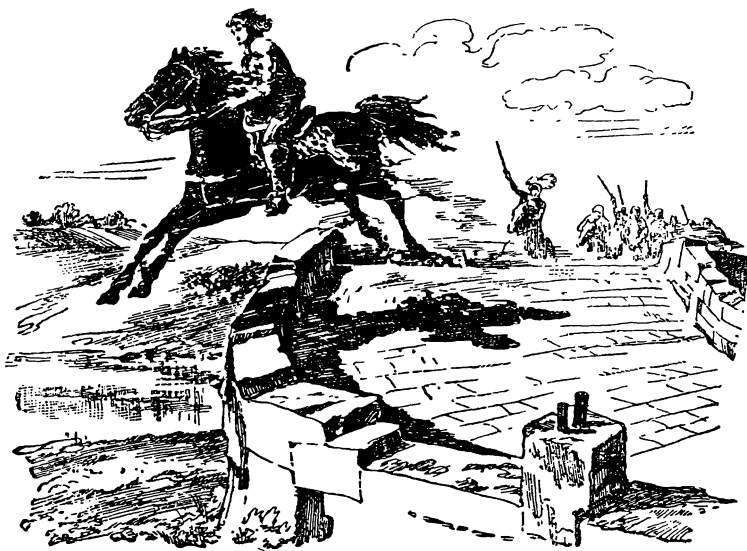
Задние конвоиры, с увлечением поглощавшие эль и перебрасывавшиеся шутками с теми, кто их угощал, не заметили, как ловкие пальцы бывшего грабителя, быстро орудия маленькой полоской блестящей стали, мгновенно перерезали веревки, связывавшие Генри Голтспера.

— Славное питье, не правда ли? — громко спросил Грегори, поднося флягу к губам пленника, и добавил быстрым шепотом: — Ну, мастер Генри, руки свободны. Хватайтесь за поводья и поворачивайте направо. Ткните кобылу вот этим ножом и скачите через мост, словно за вами сам дьявол гонится!

— Ничего не выйдет, Грегори, — быстро прошептал Голтспер. — Эта лошадь настоящая кляча, меня нагонят раньше, чем я проскачу милю... Ах, Хьюберт! — вырвалось у него. — Я о нем и забыл! Да, можно попробовать!

За всю свою кампанию во Фландрии кирасиры капитана Скэрти никогда еще так не попадали впросак: на их глазах старая полковая лошадь, на которой сидел арестованный, внезапно взвилась с места, словно в нее вонзили тысячу шпор, и, вырвавшись из рядов, понеслась как ветер, неожиданно превратившись в первого-классного скакуна.

Ошеломленные конвоиры, выронив кружки из рук, не успели схватить поводья, которые их неуклюжие помощники сдуру перекинули через головы лошадей, как пленник уже подскочил к мосту и, приложив пальцы к

Всадник взвился вверх и перескочил через

губам, издал пронзительный свист, в ответ на который послышалось звонкое ржание, и корнет Стаббс на своем вороном коне стрелой промчался мимо остолбеневших солдат. Казалось, он был единственный, не потерявший присутствия духа и мигом пустившийся в погоню. Увы, это было не так! Корнет Стаббс оказался храбрецом поневоле, ибо, когда он уже настиг беглеца, сильная рука, схватив его за нагрудник и вырвав из стремени, швырнула на середину дороги, а беглец, не сходя на землю, перескочил на его коня и, приветствуемый бурными криками толпы, помчался прочь.

Оглушительное «ура», разнесшееся далеко вокруг, внезапно сменилось зловещей тишиной, сквозь которую кое-где прорывался изумленный ропот.

Удивление толпы было вызвано странным поведением Черного Всадника: очутившись на середине моста, он вдруг круто осадил лошадь, которая взвилась

ограду на простирающийся внизу зеленый луг!

на дыбы, а потом рванулся сначала в одну, затем в другую сторону.

Толпе показалось, что лошадь вышла из повиновения, испугавшись чего-то, но через несколько секунд всем стало ясно, что дело не в лошади.

Вдали над парашетом показались развевающиеся султаны и сверкающие на солнце племени.

Это был другой отряд кирасиров, гораздо более многочисленный, чем первый: Скэрти со своим эскадронм мчался навстречу беглецу. Первые ряды конницы уже поравнялись с парашетом и рысью приближались к мосту. В эту сторону путь всаднику был отрезан, и он, видя это, повернул назад. Но в это время кирасиры Стаббса, разъяренные тем, что их так провели, успели опомниться и теперь под командой своего сержанта неслись во весь опор наперерез Голтсперу.

Казалось, Черному Всаднику некуда податься: куда бы он ни повернул, его ждала верная смерть или неиз-

бежный плен. И с той и с другой стороны к мосту приближались отряды кирасиров с карабинами и обнаженными шпагами, а пространство между этими двумя отрядами было ограничено парашетом и частично оградой, сменяющей парашет за мостом.

Безоружному человеку, хотя бы и на прекрасном коне, прорваться было явно невозможно, и, как мы уже говорили, Голтспер несколько мгновений, казалось, был в нерешительности. Толпа, замерев, с тревогой следила за каждым его движением.

Но вот вороной конь уверенно повернул к городу и поскакал по мосту.

Кое-кто в толпе подумал, что беглец раскаялся в своем необдуманном поступке и решил сдаться конвою, от которого убежал. Другим казалось, что он хочет сделать попытку прорваться и выбирает наиболее слабое место.

Но ни та, ни другая догадка не подтвердились, ибо через несколько секунд все увидели, как Голтспер, доскакав до конца парашета, круто повернул коня и, посылая его голосом, и рукой, и шпорами, взвился вверх и перескочил через ограду на простирающийся внизу луг!

С громким торжествующим криком он мчался по зеленой траве, и этот крик и мощное, многоголосое «ура», которым толпа приветствовала его скачок, долго раздавались в ушах Скэрти и его незадачливых кирасиров.

Пули, выпущенные вдогонку беглецу, не достигли цели. Искусные стрелки в то время были редки, и выстрел из карабина был не страшнее, чем стрела какого-нибудь неуклюжего самострела.

Кирасиры продолжали преследовать беглеца вдоль зеленых берегов Колна, но скорее по обязанности, чем в надежде настигнуть его. И прежде чем они миновали ограду, отделявшую их от лугов, и пустились по его следам, Черный Всадник уже почти скрылся из глаз: видно было только темное пятнышко, мелькавшее вдаль, которое скоро превратилось в черную точку и исчезло.

В дни Карла I государственные преступники были не такой редкостью, как в наши дни. У Лода был свой список, свой список был и у Страффорда — этого высородного дворянина, ставшего жестоким орудием тираниа и окончившего свои дни также государственным преступником, самым выдающимся из всех.

Когда человека по доносу отправляли в Тауэр, — это никого не удивляло: такие происшествия вызывали не больше шума, чем в наше время поимка какого-нибудь бандита.

Арест Генри Голтспера был воспринят, как одно из таких обычных явлений. Его освобождение и побег были несколько более необычным происшествием, но и это только первое время вызывало интерес и служило пищей для разговоров в округе. Очень немногие были осведомлены, каким образом удалось спастись арестованному и как вышло, что толпа бунтовщиков, по выражению приверженцев короля, так своевременно собралась у харчевни «Роза и корона».

Никто не имел понятия, куда скрылся беглец. Предполагали, что он бежал в Лондон. Этот огромный город, в котором можно было затеряться, как в пустыне, был наиболее безопасным убежищем для всех недовольных королевской властью и числящихся на подозрении.

Капитан кирасиров принял все меры, чтобы помешать распространиться слухам об этом злосчастном происшествии. Он не сообщил своему начальству ни об аресте, ни о побеге Голтспера и нарушил свой долг, оставив это дело без расследования.

Он все еще питал надежду поймать беглеца и с этой целью использовал тайно все средства, бывшие в его распоряжении. Он разослал во все концы секретных агентов, и ни одно письмо, ни одно сообщение не могло проникнуть в усадьбу сэра Мармадюка Уэда без того, чтобы капитан Скэрти не ознакомился с его содержанием.

Последнее время его положение в доме, где он квар-

тировал, могло показаться неестественным. У него установились довольно тесные отношения с семьей хозяина, однако можно было усомниться, насколько эти отношения были искренни как с той, так и с другой стороны.

С первого дня своего пребывания под кровлей сэра Мармадюка Скэрти держал своих солдат в такой строгости, что они даже втихомолку возмущались им. Но капитан Скэрти был командир, с которым не приходилось шутить, и его подчиненные знали это. За малейший проступок или нарушение порядка в усадьбе хозяевам приносились извинения, и можно было подумать, что отряд королевских кирасиров был прислан в Бэлстрод не на постой, а в качестве почетной стражи, в знак уважения к его владельцу.

Эта деликатность и внимание по отношению к сэру Мармадюку проистекали отнюдь не из рыцарских чувств или врожденной учтивости, а единственно из желания завоевать его дочь. Скэрти поставил себе целью завладеть ее рукой и сердцем. Он жаждал завоевать сердце Марион, потому что любил ее со всей страстью своей пламенной, сильной, хотя и заблудшей души; и вместе с тем он мечтал получить ее руку, потому что его привлекало ее богатство, ибо Марион была наследницей великолепного поместья. Это было отдельное владение, независимое от усадьбы Бэлстрод. Оно обеспечивало Марион первое место в графстве, и это-то и побуждало Скэрти добиваться ее руки.

Он твердо решил, что, даже если ему не удастся завоевать сердце Марион Уэд, она все равно будет его женой; и если он не добьется этого честным путем, он не постесняется пустить в ход другие средства: использовать для этой цели страшный секрет, в который он проник тайком.

Жизнь сэра Мармадюка зависела от одного его слова. Она была всецело в его власти, все равно как если бы сэр Мармадюк стоял пред судом «Звездной палаты», где десятки свидетелей готовы были подтвердить его измену.

Одного слова Скэрти было достаточно, чтобы заставить сэра Мармадюка предстать перед этим страшным

судпищем, и он знал это. Стоило ему только мигнуть своим солдатам — и хозяин его превратится в узника.

Он не думал, что ему придется когда-нибудь довести дело до такой крайности. Он полагался на свои чары и на свой успех у прекрасного пола. Человек, которого он первое время считал своим соперником, теперь исчез из глаз Марион, и она, по-видимому, и не вспоминала о нем. Скэрти все больше и больше убеждался, что между Марион и Голтспером никогда не было никаких нежных отношений.

Разве не могла она подарить ему перчатку из любви, в благодарность за какую-нибудь услугу? Такие сувениры на шляпах и на шлемах вовсе не всегда знаменовали собой чувства, а то, что знакомство Марион с Голтспером состоялось совсем недавно, еще больше укрепляло Скэрти в его убеждении.

Женщины в те дни принимали деятельное участие в политике. Разве не женщина была причиной войны с Испанией и интервенции во Фландрии? Женщина привела к искусственному союзу с Францией, и теперь та же женщина правила Англией.

Марион Уэд была именно такая женщина, которая способна была вершить государственными делами. Ее политические убеждения не были тайной для роялиста-офицера. Она нередко высмеивала его взгляды, и он не сомневался в том, что она сочувствует республиканцам.

Быть может, именно на этой почве и возникли ее отношения с Голтспером?

Если бы в тот знаменательный день, когда Голтспер спасся, Скэрти имел возможность наблюдать за Марион, вряд ли он пребывал теперь в этой счастливой уверенности.

На ее лице, когда она, подбежав к окну, увидела своего возлюбленного связанным, под конвоем солдат, каждый прочел бы мучительную тревогу, волнение и горе, свидетельствующие об ее чувстве. Если бы Скэрти видел отчаяние, которому она предавалась до тех пор, пока не услышала слов гонца, сообщавшего о победе узника, если бы он увидел, какой радостью озари-

лось ее лицо, — он понял бы, что Марион беззаветно любит Голтспера.

Но, как ни велика была его досада, что Голтспер ускользнул из его рук, Скэрти утешал себя тем, что так или иначе он отделался от своего соперника. Теперь он может быть спокоен. Голтспер не перешагнет порога усадьбы сэра Мармадюка, и он, Скэрти, может без помехи идти к своей цели — добиваться руки и сердца его дочери.

Между тем сэр Мармадюк и его семья по-прежнему проявляли по отношению к своим непрошеным гостям учтивую любезность, хотя всякий наблюдательный человек, хорошо разбирающийся в людских взаимоотношениях, безусловно заметил бы, что эта любезность — вынужденная.

Сэр Мармадюк руководствовался в своем поведении своим сознанием опасности, грозившей ему как участнику тайного заговора. Арест Голтспера служил достаточным основанием для таких опасений.

Ему было чрезвычайно тяжело поддерживать какие бы то ни было отношения со Скэрти, но осторожность и вместе с тем надежда, что события могут принять более благоприятный оборот, заставляли его быть терпеливым.

Короля вынудили издать указ — не об избрании нового парламента, но о созыве старого. На этом были сосредоточены надежды и ожидания той партии, к которой недавно присоединился сэр Мармадюк.

У Марион тоже были все основания не доверять Скэрти, но она заставляла себя быть с ним любезной из любви к отцу. Она смутно чувствовала, что над ним нависла угроза, хотя она ничего не знала о тайном собрании. Сэр Мармадюк, не желая понапрасну пугать дочь, ничего не рассказал ей об этом. Он просто попросил ее держаться с незваными гостями, как подобает любезной хозяйке дома, и Марион, смирив свое высокомерие, покорно подчинилась его требованию.

У Скэрти не было никаких причин обижаться на невнимательность хозяйской дочери; наоборот, она держала себя с ним так приветливо, что он даже

склонен был делать из этого весьма лестные для себя выводы.

Так в течение нескольких первых недель пребывания Скэрти в Балстроре жизнь в усадьбе текла спокойно, пока одно событие не повлекло за собой некоторых серьезных перемен. Сэр Фредерик Дэйрелл, владелец поместья Фулмир, разослал приглашения на праздник, в программу которого входила соколиная охота. Вместе с семьей сэра Мармадюка были приглашены и его гости — капитан Скэрти и корнет Стаббс.

Глава LIII

НА ОХОТУ!

Первые лучи солнца протянулись над бэлстродским парком. Роса еще сверкала на траве, и могучие каштаны бросали длинные тени на отлогие склоны. Олень, поднявшись со своего мшистого ложа, отправился завтракать на лужайку. Птицы радостно приветствовали наступающий день и веселыми стайками перелетали с одного дерева на другое. Вся природа проснулась.

Хотя час был еще ранний, обитатели усадьбы, по-видимому, не спали. Полдюжины оседланных лошадей были выведены конюхами со двора и стояли перед домом наготове, словно ожидая своих всадников.

Кроме конюхов, стоявших возле лошадей, здесь были и сокольничие, державшие на руках или на плечах соколов, накрытых колпачками, и доезжачие и егеря с собаками на поводу — все одетые соответственно своему званию.

Мария сидела у себя в комнате со своей кухней Лорой Лавлейс. Обе были в шляпах с высокой тульей, в плотно облегающих зеленых бархатных амазонках, с хлыстами в руках, затянутых в замшевые перчатки. Они ждали, когда их позовут садиться на лошадей.

— Уолтер говорит, что охота будет удачная, — сказала маленькая Лора, сияя от удовольствия и оживленно расхаживая по комнате. — Он говорит, на озерах

уже давно никто не был и что там сейчас целые выводки цапель, бекасов, вальдшнепов, куликов. То-то порезвятся наши кобчики и сокола! Вот будет весело!

— Да, конечно, для тех, кто может забавляться этим.

— Как, Марион, ты же так любишь соколиную охоту! Ведь ты даже ездила охотиться одна!

— Ах, Лора, и охота и многое другое гораздо приятнее в одиночестве, чем в компании, которая тебе не нравится.

— Ну, что ты, Марион! Неужели среди этого избранного общества, в котором мы сегодня будем, не найдется ни одного приятного человека?

— Ни одного... насколько мне известно.

— Как! А наш любезный гость, который будет сопровождать нас, — капитан Скэрти?

— Я думала, ты скажешь: корнет Стаббс!

— Ха-ха-ха! Ну нет! Он слишком туп, чтобы мне могло быть приятно в его обществе.

— А капитан Скэрти слишком остер, чтобы я могла находить удовольствие в его обществе. Сказать по правде, я даже предпочитаю ему Стаббса, несмотря на его ужасное имя.

— Ты шутишь, Марион? Стаббс... Стаббс... корнет Стаббс! Или даже полковник Стаббс, все равно! Подумать только, миссис Стаббс! Нет, ни за что на свете я не согласилась бы стать леди Стаббс! Нет, даже за герцогскую корону!

— Ну, если бы пришлось выбирать между Стаббсом и Скэрти, право, я не знаю, кто из них хуже.

— Ну что ты говоришь, Марион! «Скэрти» все-таки звучит как-то воинственно. Мне даже кажется, что человек с таким именем может быть героем.

— А мне кажется, что человек с таким именем может быть трусом. И он такой и есть.

— Как! Наш капитан Скэрти? Что ты! Все считают его таким достойным кавалером, и он так хорошо держит себя! Сначала он был немножко грубоват, я признаю это. Но потом, право же, он вел себя в высшей степени благородно. А уж по отношению к тебе, Марион,

он проявляет такое исключительное внимание, что, казалось бы, мог заслужить твое расположение.

— Скажи лучше, мое глубочайшее отвращение, это будет ближе к истине. Действительно, он его заслужил!

— Во всяком случае, ты этого не показываешь. Я столько раз видела тебя в обществе капитана Скэрти очень веселой. Уверяю тебя, у вас обоих был очень довольный вид!

— Вынужденное довольство. Улыбка на губах не всегда означает радость, Лора, и вежливый разговор отнюдь не доказывает расположения. Ты видела, что я вежлива с капитаном Скэрти, ничего более, и для этого у меня есть основания.

— Основания?

— И серьезные основания, милая Лора. Если бы не это, я не поехала бы сегодня на охоту, и тем более с таким спутником, как он. Быть может, в твоих глазах, крошка, капитан Скэрти — герой, но это герой не моего романа, и ты знаешь это.

— Знаю, знаю, душечка Марион! Ведь я только шучу. Я знаю, что капитан Скэрти не твой герой. Имя твоего героя Генри Голтспер.

— Да, это правда. Но берегись, болтушка! Никому об этом ни слова! Если ты только проговоришься, так и знай, я расскажу Уолтеру, как ты восхищаешься капитаном Скэрти или корнетом Стаббсом! К кому из них ты хочешь, чтобы он тебя ревновал?

— О, Марион, ни слова Уолтеру о Стаббсе! Ты знаешь, я думаю, он уже немного ревнует к нему. Ему не нравится, что он так ухаживает за мной, да и мне тоже, но я ничего не могу с этим поделать: ведь мы встречаемся с ним по крайней мере четыре раза в день. Я думала, после того как я ответила ему отказом, все будет кончено и он оставит меня в покое. Оказалось, что нет! Представь себе, он по-прежнему продолжает за мной ухаживать как ни в чем не бывало! Прошу тебя, не огорчай Уолтера, а то еще он вызовет его на поединок, и...

— ...и храбрый корнет снесет Уолтеру голову?

— Нет, этого он не сможет сделать, хоть он и боль-

ше Уолтера. Но я уверена, что Уолтер гораздо храбрее его. Он вовсе не так отважен, этот отвратительный наглец!

— Как, он был дерзок с тобой?

— Да не совсем так... просто он, по-видимому, не понимает, что значит быть вежливым. Вот капитан Скэрти — совсем другое дело. Он вежливый.

— Да, пожалуй.

— Дороти Дэйрелл считает его совершенством. Я уверена, что она влюблена в него. Зачем она так часто ездит в Балстрод, если не для того, чтобы повидаться с ним? Я уверена, что она приезжает вовсе не ради кого-нибудь из нас.

— Пусть себе приезжает, если это ради того, о ком ты говоришь!

— Ну конечно! И сегодняшнюю соколиную охоту она устроила только для того, чтобы насладиться его обществом. Она хитрое, опасное создание, эта Дороти!

— Если она хочет поймать капитана Скэрти, надеюсь, что это ей удастся. Уж я-то наверно не стану ей мешать в этом!

— А я решила сегодня следить за ней. Посмотрим, как она будет себя вести! О, ты не знаешь, Марион, как я ненавижу ее! И знаешь почему?

— Право, не могу сказать.

— Да потому что знаю, что она — твой враг!

— Я никогда не делала ей ничего дурного.

— Я знаю.

— Так чем же вызвана эта вражда? Ты можешь сказать?

— Да.

— Так скажи мне.

— Твоей красотой.

— Ну, если причина в этом, то она должна быть и твоим врагом не меньше, чем моим!

— О нет! Я не так тщеславна, чтобы считать себя красавицей. Я просто недурна собой. А ты, кузина... если ты мне, женщине, кажешься красавицей, то какой же ты должна казаться мужчине!

— Ты дурочка, Лора. Ты гораздо красивее меня.

А что касается Дороти Дэйрелл, разве она не слывет первой красавицей графства? Я это слышала сотни раз.

— И я тоже. Но это ничего не значит. Хотя ты и старше меня, Марион, но я думаю, что в этих делах я понимаю не меньше тебя. Кроме того, я ведь сужу со стороны. Не всегда «первая красавица» или «царица бала» бывают на самом деле самыми красивыми. Очень часто они слывут такими не из-за красоты, а из-за своего поведения. И если о Дороти Дэйрелл, которая ведет себя так вызывающе, говорят «наша красавица», то тебя просто не осмеливаются так называть, а молча восхищаются твоей красотой. Ты и сама это знаешь, Марион. Ведь даже наши деревенские ребятишки и те глядят на тебя с изумлением и восторгом. Вот потому-то Дороти Дэйрелл тебя и не терпит. Ей хочется быть первой, а ее рядом с тобой никто не замечает. Помнишь, как у нас на празднике она старалась обворожить человека, которого она, по ее словам, презирает?

— Голтспера?

— Да. Я наблюдала за ней. Какие только уловки она не пускала в ход, чтобы привлечь его внимание! А он, кроме тебя, никого и не замечал. А теперь она решила пленить капитана Скэрти. Кузиночка, я очень прошу тебя, не можешь ли ты немножко пококетничать со Скэрти, чтобы позлить ее? Мне так хочется, чтобы Дороти получила щелчок, это сбило бы с нее спесь!

— Нет, Лора, ты знаешь, я просто не способна на это, и в особенности теперь.

— Ну, хоть часок, только чтобы наказать ее!

— А как тебе понравится, если тебя кто-нибудь накажет? Представь себе, что кто-нибудь будет сегодня кокетничать с Уолтером? Или он с кем-нибудь?

— А я тогда буду кокетничать со Стаббсом!

— Неисправимая кокетка! Ах, Лора, ты, конечно, увлечена Уолтером, но ты понятия не имеешь, что такое любовь!

— Нет, я...

— Мисс Марион! — крикнул конюх, просунув голову в дверь комнаты. — Сэр Мармадьюк уже в седле. Ждут только вас и мисс Лору.

Он тут же побежал обратно.

— Лора, — шепнула Марион кузине, выходя из комнаты, — никому ни слова о том, что ты знаешь, никому! Обещай мне это, и тогда я, может быть, сделаю то, о чем ты меня просила.

* * * * *

В это же время Скэрти у себя в комнате беседовал со своим подчиненным Стаббсом. Оба были в костюмах для верховой езды, с охотничьими сумками через плечо и уже держали шляпы в руках, видимо ожидая, что их вот-вот позовут садиться на лошадей. Тут же на спинке стула сидел великолепный сокол с закрытой колпачком головой.

Скэрти, по своей излюбленной привычке, шагал из угла в угол, а корнет стоял с озабоченным лицом и следовал взглядом за своим начальником.

— Итак, мой славный корнет, — насмешливо сказал Скэрти, — вы решили еще раз попытать счастья?

— Да, клянусь богом! Если вы одобряете это.

— Зачем вам мое одобрение? Ведь это не относится к военной службе. Вы можете делать предложение любой женщине в графстве и по двадцати раз каждой, если это вам нравится.

— Но я хочу вашего совета, капитан. Представьте себе, что она откажет мне во второй раз?

— Да, это будет не совсем удобно, в особенности если принять во внимание, что вы живете под одной кровлей с ней и едите за одним столом. Тем более неудобно, что вы, кажется, уже получили отказ.

— Это было неофициальное предложение. Я, видите ли, слишком поторопился тогда. С тех пор прошло много времени, и у меня теперь больше надежд. Мне кажется, если я не ошибаюсь в ней, она теперь отнесется к этому иначе.

— Но, значит, вы все-таки не совсем уверены?

— Да нет, не совсем...

— Тогда не лучше ли отложить ваше предложение до того времени, когда вы будете более уверены, что его примут благосклонно?

— Так я мог бы быть и сейчас уверен, если бы... Вот об этом-то я и хочу с вами посоветоваться.

— Слушаю вас.

— Вы знаете, капитан, что эта девушка, хотя она только племянница сэра Мармадюка, любит его, как родная дочь. А к этому мальчишке Уолтеру она просто привязана, как к брату; ведь они росли вместе, а родного брата у нее нет.

— Не могу не удивляться вашей проницательности, корнет Стаббс!

Это было как раз то качество, которым отнюдь не мог похвалиться корнет, иначе от него не ускользнула бы насмешка в тоне Скэрти.

— Ну, его-то я, во всяком случае, не боюсь!

— А кого же вы тогда боитесь? Или у вас есть еще соперники? Может быть, молодой Дэйрелл? Или этот красавчик — сын сэра Роджера Хаммерсли? Кто-нибудь из них?

— Нет, никого нет.

— В таком случае, почему же вы сомневаетесь? Как вам самому кажется: нравитесь вы девушке или нет?

— Иногда — да, иногда — нет. У нее что ни день — по-разному. Но я так думаю, что сейчас я ей нравлюсь. Или, во всяком случае, нравился вчера.

— А почему вы так думаете? Она вам это говорила?

— Да нет, не говорила. Но я сужу по ее поведению. Я ей намекал, что у меня будет с ней очень серьезный разговор, когда мы поедем на охоту. И мне показалось, она была в восторге, клянусь богом! И потом весь вечер она была в очень веселом настроении и несколько раз говорила, что она ждет не дождется завтрашней охоты. Что же это может значить, если не...

— Если не то, что она предвкушает удовольствие от вашего предложения! Но если ее расположение к вам меняется, как вы сами говорите, и вчера вам было ясно, что вы ей нравитесь, так сегодня, может быть, как раз наоборот? Именно по этой причине я посоветовал бы вам отложить это дело до завтра.

— Но я же вам говорю, капитан, что у меня есть

средство получить ее согласие как сегодня, так и завтра! Если бы я только мог намекнуть ей...

— На что?

— Вы же знаете, что сэр Мармадюк в вашей власти.

— Знаю.

— Так вот, если бы я дал ей понять, что ее дяде грозит опасность, что он может лишиться не только свободы, но и жизни...

— Стаббс! — вскричал капитан кирасиров, подскочив к нему и потрясая сжатым кулаком перед лицом своего подчиненного. — Если вы только зайкнетесь об этом, если вы посмеете сделать хотя бы малейший намек, ваша жизнь окажется в еще большей опасности, чем жизнь сэра Мармадюка Уэда! Я уже вам раз сказал, что вы должны держать язык за зубами, а теперь повторяю свое приказание еще раз!

— Разумеется, капитан! — пробормотал извиняющимся тоном испуганный Стаббс. — Если вы возражаете, я ни слова не скажу об этом, клянусь богом!

— Да уж, пожалуйста, воздержитесь! Завоевывайте свою красотку каким угодно способом, но только не злоупотребляйте властью, которой вам не дано. Могут возникнуть такие обстоятельства, когда понадобится разоблачить эту тайну, но право решать, как и когда это сделать, принадлежит мне, а не вам!

Стаббс попытался что-то сказать в свое оправдание, но в это время вошел слуга и сказал, что все уже собрались внизу.

Спустя пять минут блестящая кавалькада выезжала из восточных ворот бэлстродского парка.

Г л а в а LIV

СОКОЛИНАЯ ОХОТА

В наши дни озера Фулмир уже больше не существует, хотя живописное селение, некогда расположенное на его берегах, и доньше зовется этим именем. Озеро давно уже исчезло; ручей Элдерберн, реки Колн и Темза по-

степенно поглотили его воды и унесли их в океан, а дно озера поросло травой и превратилось в зеленый луг с маленькими бочажками, где растет в изобилии кресс-салат и аир; салат поселяне носят на соседний рынок, а корни аира собирают деревенские лекари.

Но в то время, о котором мы рассказываем, весь этот громадный луг представлял собой водное пространство с заросшими камышом берегами, где водились выпь и лысуха, голубая цапля и дикие утки.

Здесь, на берегах озера, и должна была состояться соколиная охота, на которую съехались гости Дороти Дэйрелл, дочери сэра Фредерика, хозяина замка Фулмир.

Дороти Дэйрелл, очень хорошенькая молоденькая девушка, отличалась необыкновенной бойкостью нрава, что в глазах ее кавалеров и поклонников придавало ей особую пикантность. Следуя примеру своего отца, она была слепо привержена королевской власти и твердо придерживалась нелепого убеждения, что власть королю дается от бога.

В то время, как и в наши дни, многие представители двуногой породы, мало чем отличающиеся от обезьян по своему развитию, вели паразитическое существование и превозносили власть любого тирана, именуя его себя королем.

Однако не все были таковы. И среди крупных государственных деятелей, и среди простых людей немало было истинных патриотов, бесстрашно призывавших к созданию нового строя — республики.

И постепенно это начинало находить отклик не только в городах, но и в глухих деревнях и селениях по всей Англии. Но никогда никто не посмел бы заикнуться об этом в деревне Фулмир. Человека, который отважился бы произнести вслух слово «республика», немедленно обвинили бы в измене и предали позорной казни, не дав ему сказать ни слова в свое оправдание.

Дороти ненавидела всякую мысль о республике, как все низкие души, которые ненавидели ее во все века и продолжают ненавидеть и теперь. Как нам ни жаль, что приходится отнести прелестную Дэйрелл к этой катего-

рии, но крошка Дороти была не только маленького роста, но и душа у нее была маленькая. За хорошеньким личиком скрывалась жестокая, себялюбивая натура, но с помощью тонких уловок и кокетства Дороти сумела завоевать успех и стать притягательным центром довольно обширного круга людей, которые ею восхищались.

Во всяком случае, масса знатных господ, откликнувшихся на ее приглашение и съехавшихся на Фулмирское озеро, чтобы принять участие в охоте, свидетельствовала об ее популярности в светском обществе.

Встретившись в условленном месте, веселая кавалькада двинулась по берегу озера. Цапли и дикие утки с криком поднимались из камыша, соколы настигали их, словно крылатые стрелы, собаки бросались искать дичь в камышах и кустарниках. Хозяева ловчих соколов заключали пари, и зрители, затаив дыхание, следили за пернатыми хищниками и громкими возгласами приветствовали победителя. Так соревнуясь, гости обогнули озеро, а затем поднялись на вершину холма и уселись в тени деревьев на зеленой лужайке, где радушный хозяин уже заранее приготовил для них роскошное угощение.

Мы не будем описывать подробно этот веселый завтрак под открытым небом, остроумную беседу, подогретую прекрасным вином, галантные любезности и шутки, расточаемые в изобилии. Остановимся на разговоре, который должен быть интересен читателю, поскольку он привлек внимание всей компании. Разговор этот начала Дороти Дэйрелл.

— Мне жаль, что, кроме охоты, — сказала она, обращаясь к своим гостям, — я не могу предложить вам ничего более захватывающего. После того зрелища, которым мы наслаждались в Бэлстрод Парке, я боюсь, наш праздник покажется пресным. Ах, если бы среди нас появился Черный Всадник! Как жестоко с вашей стороны, капитан Скэрти, что вы лишили нас этого удовольствия!

— Я весьма сожалею, — отвечал капитан, которо-

му вряд ли доставили удовольствие ее слова, — что служебный долг вынудил меня поступить с мятежником так...

— Не извиняйтесь, капитан Скэрти, — вмешался сэр Фредерик, приходя на помощь смущенному кирасиру. — Мы все знаем, что вы поступили, как подобает честному слуге его величества. Хорошо, если бы в наше смутное время и другие проявляли такую же энергию! — И сэр Фредерик язвительно покосился на своего соседа — сэра Мармадюка Уэда, к которому он отнюдь не питал дружеских чувств. — Единственно, о чем можно пожалеть, — что этому бунтовщику, кто бы он ни был, удалось убежать. Но я надеюсь, что его скоро поймут и он получит по заслугам.

— А чего же он, по-вашему, заслуживает? — спокойно спросил сэр Мармадюк.

— Плахи! — запальчиво вскричал сэр Фредерик, который успел изрядно угоститься своим отборным вином. — А чего же другого может заслуживать авантюрист, строящий заговоры против своего короля? Я отрубил бы ему голову, как кочан капусты!

— Вы этим добились бы только того, что приготовили бы почву для десятка новых, — сдержанно возразил сэр Мармадюк.

— Ну и пусть! Мы с ними поступим так же. Эту власть не отнимут у нас, несмотря на предательский парламент, который король так неосмотрительно согласился созвать!

— Ах, папа! — притворно жалобным тоном воскликнула Дороти. — Не говорите об отрубленных головах! Мне было бы очень жаль, если бы узник капитана Скэрти лишился своей головы! Я так рада, что он убежал от вас, капитан!

— Это что еще такое, дочка? — грозно спросил сэр Фредерик, поворачиваясь к дочери. — Откуда эта жалость? Я только сегодня утром слышал, как ты говорила совсем другое!

— Но я тогда еще не знала, что... что...

— Чего вы не знали? — послушались со всех сторон любопытные возгласы.

— Что есть кто-то, кому не безразлична судьба этого несчастного. Кому...

Лукавый взгляд, брошенный Дороти в сторону Марион Уэд, не ускользнул от внимания златокудрой девушки; заметил его и Скэрти.

— А кто же интересуется его судьбой? — спросил сэр Фредерик, испытующе глядя на дочь.

— Ну, прежде всего его жена, — ответила Дороти с многозначительным ударением на последнем слове.

— Жена? — подхватило сразу несколько голосов. — Черный Всадник женился? Мы этого не знали!

— Я тоже всего только час назад узнала об этом, — продолжала Дороти, довольная произведенной ею сенсацией. — Мне рассказал об этом кузен Уайленд. Он только сегодня приехал, а до сих пор был при дворе. Мистер Голтспер, оказывается, пользуется широкой известностью, но только не под тем именем, под которым он пожелал предстать перед нами, простыми деревенскими жителями Бэкингемшира.

— Совершенно верно, — сказал юноша в придворном костюме, стоявший позади Дороти. — Джентльмен, о котором говорит моя кузина, женат. Я думал, это все знают.

— Но откуда же нам знать, милый Уайленд! — с очаровательным простодушием спросила Дороти. — Мистер Голтспер здесь ни с кем не знаком, кроме, кажется, сэра Мармадюка и его семьи, да и то, если не ошибаюсь, едва-едва! — И она с невинной улыбкой повернулась к сэру Мармадюку.

— Это правда, — ответил сэр Мармадюк. — Я недавно познакомился с джентльменом, о котором вы говорите. И я понятия не имел, что он женат. Но какое это имеет отношение...

— Ах, господа, — вмешался молодой придворный, — вы, наверно, не знаете настоящего имени кавалера, который называет себя Голтспером! Он был довольно видной персоной при дворе. Только это было еще до меня, но мне многие рассказывали о нем. А потом произошел, кажется, какой-то скандал...

— Ну, ну, Уайленд! — перебила его хорошенькая

кузина. — Никаких скандалов здесь! Что бы там ни было, держите это при себе!

— Имя!.. Его имя! — хором закричало несколько голосов, и большинство присутствующих, оживившись при слове «скандал», с явным нетерпением повернулись к придворному, надеясь услышать пикантное разоблачение.

Придворный назвал имя, хорошо известное в этом обществе и лет десять тому назад часто упоминавшееся рядом с именем английской королевы.

Это сообщение произвело совсем неожиданное впечатление. Человек, о котором до сих пор говорили в таком уничтожающем тоне, оказывается, был фаворитом, что, по мнению большинства собравшихся здесь дворян, должно внушать не презрение, а зависть.

Паж королевы, ее любимец, чье загадочное исчезновение вызвало скандал при дворе, — все это внушало интерес к Черному Всаднику. Ах, если бы они только знали, что этот никому не известный Генри Голтспер — тот самый Генри, которому когда-то расточала улыбки королева! Сколько друзей нашлось бы у него в этом обществе! Теперь уже никто не решался назвать его авантюристом.

Даже сердце заносчивой Дороти внезапно смягчилось, когда она услышала имя, произнесенное кузеном Уайлендом.

Гости сэра Фредерика не говорили о скандале при дворе, по крайней мере открыто. Может быть, кое-кто и шептался об этом, но скандал был слишком стар, чтобы представлять интерес даже для самых заядлых сплетников.

Разговор постепенно перешел на другие темы, но небольшая кучка, окружавшая молодого Уайленда, продолжала расспрашивать его, жадно интересуясь разными подробностями матримониальных дел заговорщика.

Но молодой придворный знал немного и мог рассказать слушателям не больше того, что они уже знали и раньше: Генри тайно вступил в брак с одной из придворных дам королевы Генриетты, и тотчас же за бра-

косочетанием последовало событие, в котором принимала участие сама королева, — дело кончилось разлучением супругов, причем Генри потерял большую часть своего состояния. Вскоре после этого он оставил придворную службу и исчез из Англии; как многие отважные, предприимчивые молодые люди того времени, он эмигрировал в колонии.

Надо отдать справедливость юному Уайленду: он не позволял себе никаких враждебных выпадов по адресу человека, о котором рассказывал. Он ничего не знал о том, чем была вызвана эта супружеская ссора и кто, собственно, был виноват. Ему было неизвестно, что причиной внезапного разрыва между Генри и его невестой-женой была ревность королевы и что это она своими преследованиями обратила его в бегство.

Наконец тема эта утратила всякий интерес, и у молодежи пошли свои разговоры и шутки.

Одна только Марион Уэд не принимала участия в общем разговоре. Она не могла оправиться от этого неожиданного удара.

Чувствуя себя не в силах притворяться веселой, она незаметно отделилась от компании и скрылась в чаще деревьев. Ей казалось, что сердце у нее не выдержит и разорвется. Ноги у нее подкашивались, и она бессильно прислонилась к стволу высокого бука.

Так вот, значит, какое препятствие могло разлучить их! Могло! О, какая ложь!

Марион с горечью вспоминала теперь каждое слово Голтспера в ту ночь, когда они виделись последний раз.

«Он лгал мне — он скрыл, что у него есть жена! А я поклялась принадлежать ему навеки. О боже, дай мне силы отступить от моей клятвы! Я не должна, не смею думать о нем. Нас разделяет пропасть! Но что я могу сделать со своим сердцем? Увы, я люблю его, несмотря на этот чудовищный обман! Но, может быть, я несправедлива к нему? Разве я не сама первая сказала ему о своей любви? Я помню, в эту последнюю ночь он несколько раз порывался сказать мне что-то. О, я могла бы простить ему, если бы он рассказал мне все без утайки! А теперь — нет! Я не могу, не смею! Но сердце

мое все равно не изменится, хотя жизнь для меня кончена!»

Марион стояла, прислонясь к дереву, глядя перед собой угасшим взором, и даже не повернула голову, услышав звук приближающихся шагов. Горе сделало ее бесчувственной ко всему.

— Марион! Где ты? — раздался голос Лоры. — Я везде ищущ тебя!

— Здесь, Лора, — тихо отозвалась Марион, делая над собой усилие, чтобы казаться спокойной.

— Ах, милая кузина, я сейчас расскажу тебе такую историю! — весело тараторила Лора, пробираясь сквозь чащу кустарников; наконец, вынырнув из-за ветвей, она остановилась перед Марион с пылающими щеками и вздымающейся грудью. — Ну, как ты думаешь, душечка, что это такое? Попробуй угадай!

— Ты знаешь, я плохой отгадчик, Лора. Надеюсь, ты не потеряла своего любимого сокола?

— Нет, слава богу, этого не случилось! Но кое-что я потеряла.

— Что же это такое?

— Поклонника!

— Ах! — вырвалось у Марион, но она тотчас же овладела собой и спросила спокойным тоном: — Уж не ухаживал ли Уолтер за Дороти Дэйрелл?

— Нет. Ну ее, эту Дороти!

— Или, может быть, за кем-нибудь, к кому у тебя больше оснований ревновать? За Уинифрид Уайленд?

— Нет, что ты! Ничего такого страшного! Но у меня есть еще поклонник — и вот его-то я и потеряла!

— Ах, вот как! Ты признаешься, что у тебя есть другой? А Уолтеру ты об этом сказала?

— Ах, ну что тебе дался Уолтер! Как ты думаешь, о ком я говорю?

— Должно быть, о капитане Скэрти, которым ты так восхищаешься. Наверно, это и есть поклонник, которого ты потеряла?

— Нет, этого еще не случилось!

— Как! Значит, есть еще третий, или, во всяком случае, был? Вот неисправимая кокетка!

— Ну, что ты! Я вовсе даже и не поощряла его ухаживаний. Уверяю тебя, никогда! Скажи сама, разве ты когда-нибудь замечала?

— Мне будет легче тебе ответить, когда я узнаю, кто этот потерянный поклонник.

— Боже мой, кто! Ну конечно, корнет Стаббс!

— Ах, вот кто! Но я вижу, дорогая кузина, что ты легко примирилась с этой потерей. Ну, как же это вышло, расскажи!

— Представь себе, Марион, — проникновенным тоном сказала Лора, обнимая свою подругу: — этот наглец опять сделал мне предложение!

— Как! Второй раз объяснение в любви? Ну, знаешь, я бы на твоём месте считала это скорее приобретением, а не потерей!

— Да, но подумай только: второй раз объясняется в любви и на этот раз гораздо решительнее, чем в первый! Он даже и слушать не желал моего отказа!

— Но что же ты ему все-таки ответила?

— В первый раз, как я тебе рассказывала, я просто отказала ему. Ну, а на этот раз я говорила с ним очень резко. Уверяю тебя, я была страшно возмущена! Но этот наглец не желал ничего слушать и продолжал приставать ко мне, точно он совершенно уверен, что может заставить меня сказать «да»! Я никак не могла отделаться от него. Я даже пригрозила, что он дождетя от меня пощечины. И так оно и было бы, если бы в это время к нам кто-то не подошел и не избавил меня от его приставаний. Я бы не возмущалась так, если бы хоть когда-нибудь давала ему повод для такого поведения! Надо же быть таким нахалом!

— А ты рассказала об этом Уолтеру?

— Нет, и прошу тебя, не говори ему, милая Марион! Ты же знаешь, что Уолтер ревновал меня к Стаббсу даже без всяких оснований. Он сейчас же вызовет его на дуэль, а я вовсе не хочу этого! Ни за что на свете! Хотя я была бы рада, если бы кто-нибудь другой, только не Уолтер, проучил его! Помнишь, как твой храбрый Генри проучил... Ах! — воскликнула она, увидев искаженное страданием лицо Марион. — Прости меня, кузи-

на! Я совсем забыла... От этого объяснения со Стаббсом у меня все вылетело из головы. О, милая Марион, ведь это, может быть, еще и неверно? Может быть, это ошибка? Ведь Дороти Дэйрелл такая злока — она может выдумать что угодно! А этот надутый щеголь, брат Уинифрид Уайленд, — такой же фальшивый, как и его кузина. Ему, как и Дороти, нельзя верить. Милая Марион, прошу тебя, не верь этому! Наверно, это какое-то недоразумение. Голтспер не может быть женат, а если это правда, значит, он подлый...

— Лора! — перебила ее Марион. — Я тебе приказываю... умоляю тебя... не говори ни слова о том, что ты знаешь, никому, даже Уолтеру! И я прошу тебя, не говори о нем, как ты сейчас сказала. Если даже он и такой, как ты думаешь, мне больно слышать, когда это повторяют!

— Но ты же не можешь любить его, если это правда!

— Я ничего не могу с этим поделать. Для меня все кончено. Но я не могу не любить его!

— Милая, милая моя Марион! — воскликнула Лора, чувствуя, как Марион, прижавшись к ее груди, сотрясается от рыданий. — Мне так жаль тебя, бедняжка Марион! Не плачь, дорогая! Это пройдет. Когда-нибудь ты перестанешь думать о нем!

— Никогда! — с рыданием вырвалось у Марион.

Подняв голову, она вытерла слезы и, призвав на помощь всю свою гордость, постаралась принять спокойный вид, а затем, под руку с Лорой, решительно направилась к лужайке, чтобы присоединиться к компании, от которой она недавно бежала.

Глава LV

ПЕРЧАТКУ ВЕРНУЛИ!

Весь день Марион принуждала себя казаться веселой и поддерживать оживленный разговор. Наконец спустились сумерки, туман поднялся над озером, и компания стала собираться домой.

Но и ночь не принесла облегчения Марион Уэд. Мысли, терзавшие ее, не давали ей забыться ни на минуту. Она долго металась без сна и несколько раз вскакивала с постели и бродила по комнате, не находя себе места.

Образ Генри Голтспера, навеки запечатленный в ее сердце, неотступно стоял перед ее глазами, но каждое воспоминание о нем было отравлено ядом.

До этого дня Марион не представляла себе, что значит настоящее страдание. Муки ревности, которые ей пришлось испытать, были ничто в сравнении с тем, что она переживала сейчас. В разлуке с возлюбленным, в постоянных опасениях за его судьбу она все же не чувствовала себя несчастной; она жила, окрыленная надеждой и сладостными воспоминаниями об их встрече. Правда, она иногда задумывалась над его словами и с тревогой спрашивала себя, не скрывается ли за ними что-то, о чем он не решился сказать.

Но она старалась сейчас же отогнать от себя эти несправедливые подозрения. Разве она могла сомневаться в нем? Ведь он дал ей слово вернуть перчатку, если он ее разлюбит. И как он тогда смеялся над ней и уверял ее, что этого не может случиться! Она немножко удивлялась, что от него так долго нет никаких вестей. Мог бы черкнуть хоть словечко, чтобы успокоить ее... Но она не огорчалась его молчанием. Может быть, он знал, что в Бэлстрод опасно писать. Капитан Скэрти, ссылаясь на то, что ему будто даны приказания свыше, которым он вынужден подчиняться, распорядился, чтобы без его просмотра ни одно письмо, ни одна записка не поступали в дом сэра Мармадюка Уэда.

После того как Голтспер скрылся, Марион ничего не знала о своем возлюбленном; она впервые услышала о нем сегодня, когда при ней заговорили о его жене.

Она не стала слушать никаких сплетен. С нее довольно было того, что она узнала: ее возлюбленный, человек, которому она отдала сердце, — муж другой! Этого было довольно, чтобы лишить ее всего, чем она жила, и повергнуть в бездну отчаяния.

На людях, в этой шумной, веселой компании, Мари-

он не пыталась объяснить себе, как это могло случиться, но теперь она жаждала получить объяснение от самого Голтспера.

Всю ночь она ни на минуту не сомкнула глаз и задолго до того, как большой колокол Бэлстрода возвестил обитателям усадьбы начало нового дня, Марион Уэд, плотно закутавшись в плащ, с низко опущенным капюшоном, вышла из дома и быстро направилась по росистой траве к восточным воротам.

Рука ее сжимала под плащом письмо, написанное этой ночью. На конверте стояло имя Генри Голтспера. Адреса его Марион не знала, поэтому она решила отнести его сама в Каменную Балку, где надеялась увидеть кого-нибудь из его верных слуг, кто мог бы доставить письмо по назначению.

Она уже не раз порывалась сходить в Каменную Балку и попытаться установить связь со своим возлюбленным. До сих пор ее удерживала от этого боязнь, что письмо может попасть в руки его врагов, а потом, ей казалось, что он должен написать первым, и она со дня на день ждала от него весточки. Но теперь эти соображения уже не удерживали ее. Это было не такое письмо, какое она собиралась написать ему раньше, полное любви и забот. Это было горькое письмо, полное обманутого чувства, жгучего разочарования и разбитых надежд.

* * * * *

В эту ночь под кровлей бэлстродского дома бодрствовала не одна Марион Уэд.

Капитан Скэрти, который, по своей солдатской привычке, вставал не позже шести часов, на этот раз поднялся задолго до рассвета. В те смутные дни немало людей из военных кругов были втянуты в политические интриги. Капитан кирасиров, пользующийся доверием королевы, был одним из таких людей.

Хотя Скэрти любил жить в свое удовольствие, его нельзя было упрекнуть в праздности. Его честолюбие не позволяло ему оставаться в стороне от событий, и он с увлечением примкнул к тайной политической интриге,

в которую его вовлекла королева. В связи с этим ему приходилось вести обширную переписку, которой он посвящал обычно эти ранние утренние часы.

Накануне он задержал свою переписку из-за охоты и потому сегодня поднялся ни свет ни заря и тотчас же уселся за письменный стол.

Помимо разных политических и военных донесений, с которыми он поспешил разделаться в первую очередь, у него было еще одно дело, и он решил не откладывать его. На столе перед ним лежал пакет, в котором, по-видимому, было не письмо, а нечто другое. Пододвинув его к себе, Скэрти, с пером в руке, смотрел на него в некоторой нерешительности, словно недоумевая, как ему поступить. В этом пакете лежала перчатка Марион Уэд, некогда красовавшаяся на шляпе Генри Голтспера и похищенная Скэрти.

Капитан кирасиров все еще не чувствовал уверенности, что эта перчатка была залогом любви, свидетельствующим о том, что сердце Марион принадлежит Голтсперу. Он решил вернуть эту перчатку Марион и посмотреть, что из этого выйдет.

Дар любви, возвращенный любимым человеком, — это не может не произвести впечатления!

Если Марион действительно увлечена Голтспером, в ее чувствах может произойти переворот в пользу его, Скэрти. А если между ними ничего нет... что ж, от этого никто не пострадает! Вопрос в том, как послать эту перчатку, чтобы у Марион не было сомнений, что ее возвращает Голтспер. Нужно написать адрес его почерком. Скэрти задумался, припоминая, где он недавно видел почерк Голтспера; потом, вспомнив, пододвинул к себе толстую пачку бумаг. Это были письма и документы, захваченные им в день ареста Голтспера.

Вынув несколько писем, он некоторое время рассматривал их с вниманием эксперта, расшифровывающего трудную рукопись. В связи с его тайной деятельностью у Скэрти был достаточный опыт по части подделки документов. Положив перед собой одно из писем, он взял перо и, осторожно выводя каждую букву, написал на пакете с перчаткой: «Мисс Марион Уэд».

— Этого достаточно, — решил он. — Адрес излишен. Пакет должен быть передан из рук в руки, как если бы его привез верный гонец. У Марион нет никаких оснований не доверять леснику Уэлфорду. Возможно, она даже знает, что он был на посылках у Голтспера; а о том, что его прогнали, ей вряд ли может быть известно. Удивляюсь, отчего его до сих пор нет? Я велел ему прийти до рассвета... Ага! Легко на помине! Чья-то тепь мелькнула мимо окна, это, наверно, он...

Скэрти быстро поднялся и, взяв пакет, направился к выходу навстречу своему посыльному.

Действительно, на крыльце стоял предатель Уэлфорд. Скэрти не впустил его в дом. Он уже заранее предупредил его, что от него потребуется. Вручив ему пакет, Скэрти шепотом повторил свои наставления: пакет нужно отдать так, чтобы этого никто не видел; лучше всего подстеречь мисс Марион, когда она будет гулять одна, подойти к ней тихонько, сказать, что его послал Голтспер, вручить пакет и передать якобы от имени Голтспера то, чему его научил Скэрти. А после этого поскорее уйти, чтобы избежать всяких расспросов.

— Ну, а теперь — марш отсюда! — скомандовал Скэрти, закончив свои наставления. — Да постарайся, чтобы тебя никто не заметил! Нехорошо, если тебя увидят здесь в такой ранний час, да еще узнают, что ты приходил ко мне. Когда дело будет сделано, дай мне знать и, если у тебя все сойдет благополучно, получишь еще столько же.

С этими словами Скэрти опустил в руку ложного гонца золотую монету и, быстро повернувшись, пошел к себе.

Лесник, жадно ослабившись при виде золота, блеснувшего у него на ладони, опустил монету в карман и, сойдя с крыльца, крадучись пошел через кустарник.

Случай или сам дьявол благоприятствовал ему. Он никак не рассчитывал, что ему посчастливится так скоро заработать обещанную награду. Едва только он перебрался на ту сторону рва, как увидел впереди женскую фигуру, закутанную в плащ с капюшоном.

Уэлфорд сразу узнал молодую хозяйку усадьбы, он не раз видел ее в этом бархатном плаще.

Марион быстро шла по аллее, и Уэлфорд, прячась за деревьями, осторожно шел за ней следом.

Выйдя из ворот, она пошла по дороге к лесу и, свернув на хорошо знакомую ей тропинку, остановилась под развесистым буком. Задыхаясь от нахлынувших на нее чувств, она стояла под его зеленым шатром, погружившись в сладостные воспоминания. Даже сейчас, когда сердце ее сжималось от жгучей обиды и боли, она чувствовала умиротворяющее действие этого священного для нее дерева — свидетеля ее любви.

Сухая листва зашуршала под тяжелыми шагами, и в двух шагах от Марион на тропинке появилась рослая мужская фигура.

Это был лесник Уэлфорд.

Марион стояла, не двигаясь и не глядя на него, ждала, когда он пройдет. Но лесник, увидев ее, остановился и, сняв шляпу, отвесил неловкий поклон.

— Госпожа Уэд! — тихонько окликнул он.

— Что вам надо от меня? — холодным, удивленным тоном спросила Марион.

— Я шел за вами от самого дома. У меня к вам есть дело, да только с глазу на глаз.

— Какое дело? — В голосе Марион слышалась невольная тревога. Что может быть нужно от нее этому парню? По виду он не внушал доверия, а она здесь одна, в лесной глуши.

Но ее опасения тут же исчезли, когда он, отвернув полу своего камзола, достал пакет и, протянув ей, сказал:

— Меня послали передать вам этот пакет и приказали отдать вам из рук в руки, чтобы никто не видел.

— Кто вас послал? — живо спросила Марион, беря пакет из рук осторожного гонца.

— Мистер Голтспер, — коротко ответил лесник. — Я уж тут не буду задерживаться, как бы меня кто-нибудь не увидел... Да мистер Голтспер только всего и велел сказать, что он жив и здоров, живет со своей же-

ной, они опять помирились. В письме, верно, про все написано. Уж вы простите меня, что я так спешу, мне надо скорей вернуться к хозяину. Счастливо оставаться!

И, низко поклонившись, Уэлфорд поспешил скрыться. А Марион, сраженная его словами, стояла, не двигаясь с места, и смотрела потухшим взглядом на оставшийся в ее руке пакет.

Когда ее дрожащие пальцы сломали печать и, разорвав конверт, нащупали замшевую перчатку, которая тут же выскользнула у нее из рук, Марион с глухим стоном рухнула на землю.

Она не потеряла сознания — она упала, обессиленная горем, сломленная отчаянием, которое словно ледяной рукой сжало ее сердце.

Итак, все кончено! Он возвратил ей дар любви, он отрекся от нее! Он больше ее не любит! Нет, он никогда не любил ее, иначе разве он мог бы измениться так скоро!

Марион долго лежала, уткнувшись лицом в землю, разбитая, уничтоженная, не в силах пошевелиться. Наконец, сделав над собой усилие, она поднялась и, едва живая, словно в каком-то полубреду, медленно пошла домой. Белая перчатка осталась лежать на земле, брошенная.

Глава LVI

СКЭРТИ ОТВЕРГНУТ

Скэрти не подозревал, какой удар он нанесет Марион своей жестокой затеей. Он понятия не имел о том условии, которое заключила Марион с Голтспером. Он сделал это просто для того, чтобы испытать ее чувства, допуская, что она может быть увлечена Голтспером, однако не настолько, чтобы сохранить к нему привязанность после того, как он вернет ей сувенир и она узнает, что он помирился с женой.

Он надеялся, что Голтспер перестанет для нее существовать, а тогда новому пылкому поклоннику, капита-

ну кирасиров Скэрти, легче будет добиться ее расположения.

Капитан Скэрти был действительно влюблен в Марион, но в данном случае им руководили и другие побуждения. Он жаждал завладеть не только ее сердцем, но и рукой или, вернее, состоянием, которое принесла бы ему Марион, став его женой. У капитана кирасиров не было за душой ничего, кроме жалованья да высокого покровительства, но ни то, ни другое не давало ему тех благ, которые он получил бы, сделавшись зятем сэра Мармадюка Уэда.

Скэрти поставил себе целью жениться на Марион Уэд и считал, что у него в руках есть верное средство добиться желанного результата даже в том случае, если ему не удастся завоевать сердце богатой наследницы.

Возвращение перчатки было первым шагом в задуманной им программе действий. Затем следовало предложение руки и сердца. Если ему ответят согласием, — отлично! Если нет, — он примет чрезвычайные меры. Но медлить было нельзя. Времена были таковы, что власть распоряжаться судьбой сэра Мармадюка Уэда и этим путем воздействовать на его дочь могла в любую минуту выскользнуть из его рук.

Вернувшись к себе в комнату, Скэрти долго ходил из угла в угол, обдумывая предстоящее объяснение с Марион.

«Интересно знать, скоро ли этот тупица Уэлфорд сумеет передать пакет Марион? — рассуждал он, расхаживая взад и вперед. — Надеюсь, он понял мои наставления и поостережется искать ее здесь, в доме. Он должен подстеречь ее одну, на прогулке. Но кто знает, может пройти несколько дней, прежде чем ему удастся встретить ее одну!»

За окном показалась голова Уэлфорда.

«Как! Он вернулся, этот болван! Не дай бог, его еще кто-нибудь увидит из дома! Правда, сейчас еще рано, но все равно! Экий дурень! Пойду узнаю, что его заставляло вернуться».

Схватив шляпу, Скэрти поспешно выбежал из дома и вошел в кусты, где его поджидал лесник.

— Что случилось, Уэлфорд? — спросил он. — Почему ты вернулся?

— Да так вышло, господин капитан, — ухмыляясь, ответил Уэлфорд. — Птичка вылетела рано, я тут же ее и поймал.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Да я отдал пакет!

— Как — отдал? Да где же ты мог ее увидеть в такую рань?

— Да вот так уж мне повезло. Как вышел отсюда, так и увидел ее у ворот. Шел за ней следом до самого леса и вот на той тропинке, что ведет к Каменной Балке, подошел к ней и сказал все, как вы велели, и пакет отдал.

— Да как же она могла пойти в лес в такое время? Ты что-то путаешь, Уэлфорд! Не может этого быть!

— Ничего я не путаю, господин капитан. Сделал все, как вы велели. Да я сколько раз и раньше встречал ее на этой тропинке! Она чуть не каждый день ездила по ней верхом. А сегодня она пришла пешая, пришла и стала под деревом.

— А что же она там делала?

— Да ничего, господин капитан. Стояла себе под деревом — там такой большой бук растет посреди поляны. Ну, я как отдал пакет и сказал, что вы велели, тут же и ушел.

— А она там осталась?

— Да, так и осталась стоять под большим буком.

— А ты никого не встретил, когда шел назад?

— Нет, никого не встретил и не обогнал никого.

— Так, наверно, она и сейчас там? Ты ведь сразу ушел?

— Этого я, конечно, не могу сказать, там она или нет. Я оттуда во весь дух сюда, чтобы успеть вас повидать, пока еще в доме не встали. Но я так полагаю, ежели она даже сразу вслед за мной пошла, все равно она до дому дойти не успела. Вы ее на полдороге можете встретить.

— Ты говоришь, это дорога на Каменную Балку?

— Да, та самая, что идет через Стампвеллский лес,

а потом в гору. Она отходит от большой дороги в лес недалеко от ворот парка.

— Знаю, знаю! Ну, вот тебе, получай! Выпей за мое здоровье. А теперь марш отсюда, чтобы тебя, избави бог, не видали со мной! Ступай куда хочешь, но вечером будь дома — ты можешь мне понадобится.

Лесник взял монету и мигом исчез.

— Итак, мисс Марион изволила подняться до расцвета и отправиться в лес по дороге на Каменную Балку! — бормотал про себя Скэрти, разгуливая по цветнику. — Не означает ли это, что... Ах, черт! — внезапно воскликнул он. — Быть может, я еще успею захватить его!.. Эй, седлать! — крикнул он сержанту, который в эту минуту вышел из-под арки двора. — Дюжпну верховых! Немедленно!

И он бросился к себе в комнату и стал поспешно облачаться в свои стальные доспехи, разбросанные по комнате.

Через несколько минут, вооружившись с ног до головы, он на ходу налил себе чарку вина из стоящего на столе графина и, осушив ее залпом, вышел, бряцая сталью, и быстро запагал по коридору, ведущему в заднюю половину дома.

Выйдя во двор, он вскочил на приготовленную для него лошадь и, приказав кирасирам следовать за ним, поскакал к воротам, мимо которых проходила дорога на Каменную Балку.

Но скачка эта окончилась, прежде чем они достигли ворот. Поднявшись на холм, откуда начиналась каштановая аллея, идущая до самой ограды, Скэрти внезапно осадил коня и приказал отряду остановиться. Тотчас же вслед за этим последовал второй приказ — вернуться обратно. Изумленные странным поведением своего капитана, кирасиры, недоумевая, повернули назад.

Кое-кто из них успел заметить внизу в аллее медленно движущуюся среди каштанов фигуру.

— Парус на горизонте! — пробормотал один из них, бывший моряк. — Капитан хочет пришвартоваться и требует, чтобы матросы убрались с палубы.

— Это она, — прошептал Скэрти, взглядываясь в

медленно приближающуюся фигуру. — Если даже она и была с ним, преследовать его сейчас бесполезно. Не такой он дурак, чтобы торчать здесь! Если она действительно выделась с ним, моя затея с перчаткой обернется против меня. Но, может быть, она ждала его, а он не явился? В таком случае, перчатка попала как раз вовремя, и сейчас для меня самый благоприятный момент. Я должен объясниться с ней сегодня же! Откладывать далее просто опасно. Быть может, у нее есть возможность общаться с ним, и тогда эта история с перчаткой выйдет наружу. Нельзя полагаться на случай, надо действовать. Я не в состоянии больше терпеть эту неопределенность! Объяснюсь с ней сейчас же. Будь что будет! Если она ответит «да», Ричард Скэрти готов изменить своему королю и предоставить сэру Мармадюку строить заговоры сколько его душе угодно. Но если она откажет — ну, тогда берегитесь, мисс Марион: старому бунтовщику не сносить головы! От вашего ответа зависит и мое счастье и голова вашего отца. Надеюсь, вы будете милостивы и не заставите меня прибегнуть к суровым мерам!.. Пожалуй, мне лучше сойти с коня и пойти ей навстречу. Объясниться в любви, сидя верхом, как-то нелепо. Надо приблизиться к ней со смиренным видом и пасть на колени. Ха-ха-ха! Что сказали бы при дворе? Непобедимый Скэрти, любящий королевы на коленях у ног провинциальной девицы, дочери бунтовщика, умоляет ее о любви... ну, это еще куда ни шло... нет, мало того, — сам предлагает ей руку и сердце.

Скэрти, смеясь, соскочил с коня и, закрепив поводья за ветку дерева, быстро пошел вниз навстречу Марион.

Он встретил ее у подножия холма в густой тени каштанов. Она бросила на него холодный, удивленный взгляд, едва кивнув головой.

Казалось бы, такой прием должен был заставить Скэрти отказаться от своего намерения, но он не смутился.

— Мисс Марион! — сказал он, приблизившись к ней с почтительным видом, и, обнажив голову, отвесил низкий поклон. — Если вы не прогневаетесь на меня за то,

что я нарушил ваше уединение в этот ранний час, я буду благословлять судьбу за счастливый случай, посланный ею!

— Я не ожидала встретить вас здесь, капитан Скэрти.

— А я так искал этой встречи! Я уже давно жду случая поговорить с вами наедине.

— Наедине? Простите меня, сэр, я не могу представить себе, о чем вы хотите говорить со мной, что требовало бы таких условий.

— Вы это сейчас узнаете, мисс Марион. Но мне казалось, что вы могли бы догадаться об этом сами. Нужно ли мне говорить вам, что я влюблен?!

— Но почему, сэр, вы выбираете меня в поверенные ваших сердечных дел? Я полагала бы, что с этим признанием вы должны обратиться к той, кого оно непосредственно касается.

— К кому же, как не к ней, я и обращаюсь! О, мисс Марион, ужели вы могли не заметить моих страданий, которые я был не в силах скрывать? Я люблю вас безмерно, я преклоняюсь перед вами! Не гневайтесь на меня за то, что я больше не в состоянии молчать! Не отталкивайте меня, о прекрасная Марион! Умоляю вас, скажите мне одно слово! Одно слово надежды!

Скэрти, бросив на землю шлем, упал на колени и, устремив глаза на Марион, трепетно ожидал ответа.

Марион молчала. Ее печальное лицо казалось непроницаемым: на нем нельзя было прочесть ни радости, ни досады, ни удивления.

Скэрти стоял на коленях, напрасно ожидая ответа. Наконец, чувствуя, что становится смешон, он снова заговорил:

— Не отвергайте меня, Марион! Умоляю вас, скажите хоть слово! Клянусь вам, если вы снизоидете ко мне, вы можете потребовать от меня любой жертвы! Моя рука, мое сердце, мой меч, вся моя жизнь будут принадлежать вам! Я знаю, сейчас я недостоин вас, но я сделаю все, чтобы заслужить ваше уважение... и, может быть, вашу любовь. У меня есть надежды на будущее. Мне незачем скрывать от вас, что мне покрови-

тельствует королева. С такой невестой, с такой женой, как вы, — красавицей, знатного рода, блистающей умом, — я достигну всего! Нет такой вещи, которой я не сделал бы, чтобы заслужить вашу любовь! Я буду счастлив прославить свое имя, чтобы вы могли с гордостью носить его и царить над всеми. Сейчас перед вами скромный офицер. Но в недалеком будущем мне предстоит получить титул лорда. Я не добивался его, для меня он не имеет значения, но я буду счастлив положить его к вашим ногам. О, Марион, зачем мне господство и власть, если я никогда не буду властителем вашего сердца! Я жду приговора, Марион! Скажите мне, могу я надеяться?

Марион устремила взгляд на своего пламенного поклонника. Она не могла не поверить его искренности. Как бы он ни был вероломен, его чувства к ней не вызвали сомнений. Она давно знала, что он любит ее.

Быть может, это и заставило ее подавить свое возмущение. Что оскорбительного в том, что он зовет к ней, пав к ее ногам? В ее глазах можно было прочесть не возмущение, а жалость. Но через минуту взгляд ее равнодушно скользнул по нему, став таким же непроницаемым и холодным, как прежде.

Обманутый этим смягченным выражением лица, Скэрти на мгновение почувствовал себя победителем.

Но, увы, только на мгновение! Холодное равнодушие скользнувшего по нему взгляда яснее всяких слов сказало ему, что надеяться не на что.

Марион подтвердила это на словах — коротким, бесповоротным отказом.

После этого Скэрти не оставалось ничего другого, как подняться, надеть шлем и откланяться.

* * * * *

Марион пошла вверх по холму, а Скэрти, пройдя несколько шагов, остановился и следил за ней, пока она не скрылась из глаз.

Лицо его было неузнаваемо. Все, что он с трудом прятал под маской смиренной учтивости — бешеная не-

укротимость страстей, злоба, оскорбленная гордость, — все это сейчас прорвалось наружу.

— Довольно! Я больше не стану церемониться! — пробормотал он, скрипнув зубами. — С этой горячкой надо действовать не так — не добром, а силой! Только так и можно завладеть ее рукой, да, пожалуй, и сердцем. Я знавал таких. А в истории разве мало примеров? Взять хотя бы похищение сабинянок! Долго ли они ненавидели своих похитителей? Нет, очень скоро стали любящими женами, и то, что, по мнению глупцов, должно было внушить им ненависть, только еще сильнее разожгло их любовь. Клянусь небом, я последую примеру этих римских насильников, мне не остается ничего другого! Сейчас у меня в колчане имеется еще стрела, пора положить ее на тетиву. Наверно, сэра Мармадюк уже проснулся, хотя он, кажется, не поднимается так рано, как его очаровательная дочь... Проклятье! Что могло заставить ее выйти до рассвета из дома? Я, конечно, дознаюсь, и если окажется, что...

Он стиснул зубы и схватился за ворот, словно у него перехватило дыхание.

— Да, Марион Уэд, — прошептал он, — если это так, ты станешь моей любовницей, а не женой!

Отцепив поводья, он вскочил на коня и, вонзив в него шпоры, погнал его галопом вверх по склону к дому.

Глава LVII

СЭР МАРМАДЬЮК В ЗАТРУДНЕНИИ

Сэр Мармадюк сидел у себя в библиотеке, погруженный в невеселые размышления.

Последнее время он жил в постоянной тревоге, в предчувствии надвигающейся опасности, угрожающей ему и его близким. У него было достаточно оснований для таких опасений. Он знал, что он скомпрометировал себя не только участием в тайном собрании, происшедшем в Каменной Балке, но и многими другими делами, которые, быть может, уже расследуются «Звездной палатой».

Предположения, возникшие у него в связи с арестом Генри Голтспера, не давали ему покоя. Голтспера арестовали рано утром, вскоре после того, как кончилось совещание, и это невольно вызывало подозрения, что на собрании присутствовал шпион.

Если это так — а сэр Мармадьук неизменно приходил к этому заключению, — он должен считать свою жизнь конченной, как если бы его уже схватили, судили и приговорили к плахе.

Но если там был шпион, то это, должно быть, сам капитан Скэрти или кто-нибудь, непосредственно связанный с ним, иначе почему бы арестовали Голтспера?

Сэр Мармадьук считал капитана королевских кирасиров способным на любую низость. Его дружелюбие и любезность, его неоднократные сожаления по поводу того, что ему приходится играть такую роль, не внушали доверия хозяину дома. Сэр Мармадьук без труда разгадал вероломную натуру своего непрошеного гостя.

До сих пор Скэрти не позволял себе ни малейшего намека на то, что ему было известно. У него были свои причины молчать. И все же сэр Мармадьук не мог отделаться от подозрений.

К несчастью, у него не было никакой возможности проверить их. Скэрти тщательно следил за его корреспонденцией, ссылаясь на королевский приказ, а те из участников тайного собрания, с кем сэр Мармадьук мог повидаться лично, тоже ничего не знали и могли только подозревать. Никто, кроме Дэнси, Уэлфорда и Грегори Гарта, не был осведомлен о том, что произошло в ту ночь. Дэнси с дочерью уехали несколько недель назад неизвестно куда; с Уэлфордом сэр Мармадьук никогда не имел никаких дел, а Грегори Гарта он и вовсе не знал.

Сознавая, что жизнь его висит на волоске, сэр Мармадьук возлагал надежды только на парламент.

Этот парламент, получивший впоследствии название Долгого и представлявший собой собрание самых пламенных патриотов, когда-либо собиравшихся вместе, должен был со дня на день начать свою деятельность

и вступить в борьбу с древней гидрой, именующей себя королевской властью. Угнетенным это сулило облегчение, осужденным — отмену приговора, заключенным — свободу.

Однако гидра эта, хотя и была несколько придавлена и напугана, все еще сохраняла свое ядовитое жало. В некоторых графствах власть ее держалась все так же крепко, и там по-прежнему чинились всякие насилия — хватали людей, конфисковали имущество, обезглавливали невинных.

Неудивительно, что сэр Мармадюк Уэд опасался за свою жизнь. Сэр Джон Элиот¹ томился в тюрьме; Лентолл², Лильберн³, Принн подвергались всяческим притеснениям. А сколько людей ходило по улицам с отрубленными ушами или изувеченные пытками! А Голтспер, которого сэр Мармадюк знал ныне как смелого патриота, объявлен вне закона и скрывается, разыскиваемый гнусными ищейками — тайными агентами мстительной королевцы.

Сэр Мармадюк чувствовал себя пловцом посреди разъяренного океана. Парламент казался ему спасательной лодкой, спешившей на помощь и пробивающейся через гребни волн. Дойдет ли она до него? Спасут ли его? Или ему суждено увидеть, как она разобьется о скалы и ее отважную команду поглотит бушующий океан?

Поистине это была отважная команда, которая в те

¹ Элиот Джон (1592—1632) — один из лидеров оппозиции в парламенте в 20-х годах XVII века. Разоблачал в парламенте всемогущего фаворита Карла I — герцога Бэкингема. Неоднократно арестовывался. Умер в тюрьме от чахотки.

² Лентолл Уильям (1591—1662) — юрист, спикер палаты общин, один из крупнейших деятелей партии индепендентов.

³ Лильберн Джон (1618—1657) — вождь мелкобуржуазной демократической партии левеллеров, выдающийся публицист. В 1638 году за распространение противоправительственной литературы был выставлен у позорного столба, подвергнут бичеванию и приговорен к пожизненному тюремному заключению. Освобожден в 1641 году. Впоследствии подвергался преследованиям со стороны пресвитериан, а потом со стороны Кромвеля, которого обвинял в измене интересам народа.

бурные дни взялась за руль государственного корабля, чтобы привести его в надежную гавань!

Сколько славных имен, которые передаются из уст в уста и живут в каждом сердце! Пим, Гемпден, Голлис, Гезльриг, лорды Кимболтон¹, Эссекс², Ферфакс³ и, наконец, самое славное из всех, бессмертное имя — Оливер Кромвель! Эта блестящая плеяда имен внушала уверенность и бодрость даже самым робким; она помогала им не падать духом.

Что значит теперь, спустя два столетия, жалкий титул «*Carolus Rex*» по сравнению с этими великими именами! Даже и тогда он с каждым днем постепенно утрачивал свое могущество. И наступило время, когда люди, словно очнувшись после тяжелого похмелья, поняли, что верность королю — это не что иное, как поправленные права и задушенная свобода, что слово «король» отождествляется со словом «тиран», а слово «патриот» обрело свой подлинный смысл.

Это были не политические дельцы наших дней, величающие себя государственными деятелями, бессовестно спекулирующие народными правами, готовые в любую минуту переметнуться из одного лагеря в другой, политики, набившие себе руку на грязных интригах, люди без стыда и совести позорящие английскую нацию, которых предают проклятию, едва только они сходят со сцены или оканчивают свое бесславное существование.

Как не похожи нынешние времена на те славные дни, когда Англия в мучительных усилиях завоевывала себе свободу! Будем надеяться, что она и донныне сохранила свой вольнолюбивый дух и найдет еще в себе

¹ Кимболтон, лорд, Эдуард Монтегю, граф Манчестер (1602—1671) — председатель палаты лордов, один из лидеров пресвитериан. Был в оппозиции королю, но во время гражданской войны стремился к соглашению с ним.

² Эссекс Роберт Девере (1591—1646) — один из лидеров пресвитериан в палате лордов; во время гражданской войны был главнокомандующим парламентской армии. Сторонник компромисса.

³ Ферфакс Томас, барон Кларендон (1612—1671) — пресвитерианин, генерал; в 1645—1650 годах был главнокомандующим парламентской армии.

силы подняться и сбросить позорные оковы рабства, в какую бы форму оно ни облекалось — в бесправное крепостничество прежних дней или в пришедшую ему теперь на смену современную систему налогов. Ибо называть можно по-разному, но по существу это одно и то же.

Итак, сэр Мармадюк сидел у себя в библиотеке, когда вошел слуга и доложил, что его желает видеть капитан Скэрти.

«Что ему от меня надо?» — с досадой подумал сэр Мармадюк, но, бросив взгляд на вошедшего капитана, сразу убедился, что тот пришел неспроста. Несмотря на все присущее ему хладнокровие, Скэрти, явившийся привести в исполнение свой гнусный замысел, был заметно взволнован. Невольное смятение преступника было явно написано на его обычно невозмутимом лице.

Сэр Мармадюк уже давно подозревал, что Скэрти домогается руки его дочери. Он относился к этому крайне неодобрительно, но с тех пор, как у него появились другие подозрения насчет Скэрти, эти домогательства сделались для него источником новых опасений и тревог. Его беспокойство усилилось бы во стократ, если бы он знал, какие широкие полномочия присвоил себе капитан Скэрти и в какой мере он способен злоупотребить своей властью. В кармане у Скэрти уже лежал приказ об аресте сэра Мармадюка и препровождении его в Тауэр — приказ, подписанный королем.

Неважно, что и то и другое было подделано самим Скэрти, — сэру Мармадюку не могло прийти в голову усомниться в подлинности приказа и не было возможности проверить его достоверность.

Вернувшись домой после объяснения с Марлон, Скэрти потратил полчаса на изготовление этого фальшивого документа, решив пустить его в ход, если сэр Мармадюк не пожелает пойти ему навстречу.

— Прошу прощения, сэр Мармадюк Уэд! — сказал он с церемонным поклоном. — Простите, что я помешал вам в такой неурочный час, но у меня к вам важное дело. Надеюсь, вы извините меня за нарушение этикета, когда узнаете, что меня к вам привело.

— Я не сомневаюсь, что капитан Скэрти выполняет свой служебный долг, это служит ему достаточным извинением.

— Должен вам признаться, сэр Мармадьюк, что меня привели к вам два дела: первое — я должен с прискорбием сказать, — тягостный долг, второе относится к области чувств, и если бы я мог льстить себя надеждой, что вы отнесетесь к нему благосклонно, я мог бы сказать, что оно столь же отрадно для меня, сколь печален мой долг.

— Вы говорите загадками, сэр! Я не понимаю вас. Не могли ли бы вы сказать просто и ясно, какие у вас ко мне дела? Вы говорите, что одно из них для вас тягостно, а другое, при известных условиях, может оказаться приятным. Выбирайте сами, с чего вы хотите начать.

— Вы упрекаете меня в том, что я говорю обиняками, — ответил Скэрти. — Я принимаю ваш упрек, сэр Мармадьюк, и буду говорить с вами прямо. Начну с самого важного для меня: я люблю вашу дочь и хочу, чтобы она стала моей женой.

— Ценю вашу откровенность, капитан Скэрти, но позвольте мне заметить вам, что признание, которым вы меня добровольно почтили, относится более к моей дочери, нежели ко мне. Вам никто не мешает поговорить об этом с ней самой, а она ответит вам так, как подскажут ей ее чувства.

— Я уже говорил с нею. Я сделал ей предложение.

— И что же она ответила?

— Отказала.

— Зачем же вы после этого приходите ко мне, капитан Скэрти?

— Неужели это требует объяснений, сэр Мармадьюк? Я люблю вашу дочь, люблю ее всем сердцем, всей душой! Я хотел бы жениться на ней... сделать ее счастливой... предоставить ей со временем блестящее положение, титул! Я знаю, что сейчас обстоятельства сложились далеко не в мою пользу. Но если бы вы мне помогли, сэр Мармадьюк, если бы воспользовались родительской властью...

— Не продолжайте, сэр, — спокойно прервал его сэр

Мармадюк. — Какой бы ответ вам ни дала моя дочь, это и мой ответ. Вы говорите о родительской власти. В таких делах у меня нет никакой власти. Отец не имеет права подавлять сердечные склонности своих детей или препятствовать им. Я никогда не присваивал себе такой власти и не позволю себе прибегнуть к ней и теперь — ни в вашу пользу, ни против вас. Если вы завоевали сердце Марион Уэд, владейте им так же, как и ее рукой! Если нет, — напрасно вы обращаетесь ко мне, я ничем не могу вам помочь. Моя дочь свободна выбрать человека, который ей по сердцу, и отвергнуть того, кто ей не нравится. Итак, сэр, — решительно заключил он, — это дело мы с вами покончили, и, надеюсь, к вашему удовлетворению.

— Хорошо! — воскликнул Скэрти, и в голосе его послышалось возмущение и обида. «Ничего другого я и не ожидал, — подумал он. — Нечего больше и разговаривать... во всяком случае, пока я не нажму рычага. Тогда, надо полагать...»

— Разрешите узнать, в чем заключается второе дело, которое привело вас ко мне? — спросил сэр Мармадюк, желая поскорее кончить этот неприятный разговор. — Вы, кажется, сказали, что оно тягостно для вас?

— Да, в самом деле! — ответил Скэрти притворно сочувственным тоном. — Вы, может быть, не поверите мне, но, клянусь честью офицера, чей долг повиноваться королю, мне никогда не приходилось брать на себя более неприятной обязанности, чем та, которая на меня возложена теперь!

— Я думаю, что я смогу лучше судить об этом, когда вы соизволите сказать мне, в чем она заключается, сэр. Быть может, я смогу чем-нибудь помочь вам?

— О, сэр Мармадюк, я сам желал бы иметь возможность помочь вам!

— Вот как!

— Увы, всего какой-нибудь месяц назад я мог бы с полным равнодушием выполнить то, что мне предписывает долг! Я вас не знал, я не знал вашей дочери... О, лучше бы мне никогда не знать ни вас, ни...

— Сударь, — сухо прервал его сэр Мармадюк, — прошу вас, перейдите к делу. Какую неприятность вы медлите сообщить мне? Я изумлен, я теряюсь в догадках...

— Простите, благородный сэр, я не решаюсь произнести... Вот приказ, полученный мною, ясный и безоговорочный. Прочтите сами!

И Скэрти дрожащей рукой протянул сэру Мармадюку приказ, который гласил следующее:

«Капитану Ричарду Скэрти, командиру королевских кирасиров.

Бэлстрод Парк.

До сведения его королевского величества дошло, что сэр Мармадюк Уэд, благородный рыцарь, изменил своему королю и предательски злоумышляет против власти и правительства его величества. А посему приказываем капитану Скэрти арестовать сэра Мармадюка и препроводить в Тауэр, дабы содержать его в заключении до суда «Звездной палаты» или какого-либо иного суда, коему надлежит расследовать подобные преступления.

Сим предлагается капитану Скэрти действовать незамедлительно и приступить к исполнению приказа его величества тотчас же по получении сего.

Дано во дворце Уайтхолл.

Carolus Rex».

— Итак, я ваш узник, — сказал сэр Мармадюк, складывая бумагу и возвращая ее капитану.

— Не мой, сэр Мармадюк! Помилуйте, не мой, а короля!

— Куда же меня повезут?.. Ах, я забыл! Мне не полагается задавать вопросы...

— Место назначения указано в приказе.

— И время также!

— Сожалею, но это так, — сказал Скэрти, делая вид, что его тяготит выполнение этой обязанности. — Вы читали приказ и понимаете, что я должен повиноваться беспрекословно.

— Я полагаю, мне разрешат проститься с семьей?

— Мне крайне прискорбно, сэр Мармадьюк, но полученные мной предписания чрезвычайно строги.

— Неужели мне не дадут проститься с детьми? Ведь мне, быть может, уже не придется увидеться с ними!

— Не говорите так, сэр! — с сочувственным видом проникновенно сказал Скэрти. — Это, наверно, недоразумение. Кто-нибудь из ваших врагов оговорил вас перед королем. Будем надеяться, что все кончится благополучно! Я сочувствую вам всей душой, но я получил секретное распоряжение: после того как вам будет прочитан приказ об аресте, не разрешать вам общаться ни с кем из ваших друзей и родных, иначе как в моем присутствии.

— Что ж, мы простимся в вашем присутствии. Можно мне позвать детей сюда?

— Конечно, конечно, сэр Мармадьюк! О боже, какая тяжкая обязанность быть свидетелем столь горестной сцены!

* * * * *

На этот раз Скэрти сказал правду. Прощание сэра Мармадьюка с детьми было поистине тягостной сценой, которая не поддается описанию.

Спустя час сэр Мармадьюк под конвоем отряда киласиров выехал из Бэлстрод Парка по дороге в Лондон, в знаменитую тюрьму для политических преступников, пользующуюся широкой, или, вернее сказать, позорной славой, — в Тауэр.

Глава LVIII

СУД

Не прошло и недели, как сэр Мармадьюк предстал перед «Звездной палатой» — этим страшным судилищем, которое долгие годы внушало ужас — не преступникам, а невинным людям.

Когда обвинитель является в то же время и судьей,

можно не сомневаться, что подсудимый будет признан виновным. В деле сэра Мармадюка обвинителем был сам король. «Звездная палата» была только маской для самовластия монарха, которая позволяла ему уклоняться от ответственности за любой произвол.

Суд был не более и не менее как фарс, подобный фарсам, разыгрывавшимся конклавом святейшей инквизиции. Высший королевский суд ничем не отличался от этого священного трибунала; но хотя и в том и в другом случае судебная процедура носила характер фарса, последнее действие этого фарса слишком часто оказывалось трагедией.

Суд над сэром Мармадюком, как большинство судов того времени, был жестоким издевательством над справедливостью; это была пустая формальность, жалкая видимость соблюдения законности, сохранившейся только в конституции. Двор уже заранее осудил сэра Мармадюка. «Звездной палате» оставалось только утвердить приговор, что и было сделано без промедления, и на этот раз, во избежание огласки, без всякой торжественности.

Подсудимому было предъявлено обвинение в измене королевской власти и в злоумышлении против короля. Обвинение было доказано, и подсудимый был приговорен к смертной казни, установленной для государственных преступников, — к отсечению головы на плахе.

Сэру Мармадюку не дали даже очной ставки ни с одним из свидетелей, и он не знал, кто давал показания против него. Но главное обвинение — участие в тайном собрании в Каменной Балке — не оставляло ни малейших сомнений в том, что одним из этих свидетелей, который, быть может, даже и подстроил все дело, был капитан Скэрти.

Во время следствия сэр Мармадюк пребывал в полном неведении, какие обвинения и улики выдвигаются против него. Ему не позволили даже взять адвоката, и задолго до того, как был вынесен приговор, уже стало ясно, чем кончится для него этот суд. И когда председатель незаконного судилища огласил смертный

приговор, для сэра Мармадюка это не было неожиданным ударом.

Но каким жестоким ударом явилось это для двух любящих сердец, когда Уолтер, присутствовавший на суде, вернулся домой, убитый горем, и сообщил печальное известие обитателям усадьбы, которой вскоре предстояло лишиться хозяина!

Никогда еще вероломная натура Ричарда Скэрти не проявляла себя так бесстыдно, как в этот тяжелый час.

Дети его жертвы почти поверили в его дружеские чувства — он выражал такое искреннее участие, так горячо старался утешить их, что Уолтер и Лора не допускали и мысли, что он может быть способным на предательство; даже Марион поколебалась в своих подозрениях, которые ей до сих пор внушал этот человек.

Если бы у сэра Мармадюка была возможность общаться с детьми, этого не могло бы произойти. Но он был лишен этой возможности. С момента его ареста Скэрти принял все меры, чтобы помешать этому. Прощание происходило в присутствии Скэрти. В тюрьме сэр Мармадюк был совершенно отрезан от мира. После суда Уолтеру разрешили увидеться с отцом на несколько минут, но свидание происходило в присутствии тюремщиков и тайных агентов.

Сэр Мармадюк не мог поделиться с сыном своими подозрениями относительно Скэрти и предостеречь его от этого человека, который, притворяясь другом его детей, был не только их врагом, но шпионом и доносчиком, погубившим их отца.

Ни Уолтер, ни Лора, ни Марион не подозревали об этом. Им не пришло в голову поинтересоваться, почему Скэрти внезапно исчез из усадьбы и не появлялся в течение двух дней — как раз когда происходил суд. Разве они могли подозревать, что этот вероломный негодяй, искусно прикидывавшийся другом, тайно присутствовал в эти дни на суде в «Звездной палате» в качестве добровольного свидетеля и давал против обвиняемого показания, которые привели к его осуждению...

Наутро после того, как страшный приговор стал известен в усадьбе Бэлстрод, Марион, убитая обрушившимся на нее двойным горем, сидела у себя в комнате.

У испанцев есть пословица: «Гвоздь гвоздем выбивают», которая этим прозаическим образом утверждает, что в сердце не могут ужиться одновременно два горя — одно вытесняет другое.

Эта пословица справедлива, однако не во всех случаях жизни.

Марион, сраженная страшным известием о тяжелой участи, ожидавшей ее отца, и о грозившей ей горькой утрате, не могла забыть о другой непоправимой утрате, которая разбила ее сердце и погрузила в беспросветный мрак.

Мысли, одна черней другой, лихорадочно проносились в ее сознании, и если муки разбитого сердца вытесняли на минуту боль и страх за отца, — и то и другое разрывало ей душу и повергало ее в бездну отчаяния.

Марион была не одна: с ней были Лора и Уолтер. Они вместе провели бессонную ночь, и по их бледным лицам и покрасневшим глазам видно было, что они провели ее в слезах.

Всю ночь, не смыкая глаз, они пытались придумать, нельзя ли что-нибудь предпринять, чтобы попытаться спасти отца. Но все, что ни приходило им в голову, казалось недействительным.

Наконец Марион вызвалась поехать в Лондон и броситься в ноги королеве.

— Боюсь, что это будет бесполезно, — сказал Уолтер. — Я был у нее. Я пал перед ней на колени, уверял ее, что отец невинен, молил ее, обливаясь слезами, но ее ничего не трогало. Я никогда не видел ее такой разгневанной! Чего я только не наслушался от нее! Она обозвала меня подлым щенком, отродьем изменника и злодея, а Джермин и Голланд и другие молодые придворные из ее свиты смеялись надо мной. Я не посмел обратиться к королю. Ах, милая сестра, боюсь, что ты ничего не добьешься во дворце! Помочь нам может

только один человек, потому что он свой в этой придворной клике. Ты знаешь, о ком я говорю, Марион?

— О капитане Скэрти?

— Да.

— Да, это правда, — подхватила Лора. — Помните, он несколько раз намекал, что у него будет возможность что-то сделать. Я готова упасть перед ним на колени и умолять его! Но ты знаешь, Марион, что одно твоё слово сделает больше, чем все наши мольбы — и мои и Уолтера.

— О Марион! — сказал Уолтер, догадываясь, на что намекает Лора. — Если этот человек говорил искренне и если он действительно имеет такое влияние — а я при дворе кое-что об этом слышал, — тогда у нас есть надежда. Я не знаю, о чем говорит Лора, но она уверяет, что одно твоё слово может подействовать на него. Милая сестра, неужели это жертва?

— Да, Уолтер, ты прав, называя это жертвой. Без этого мои мольбы будут так же бесплодны, как и ваши. Я в этом не сомневаюсь.

— Что ты говоришь? Какая жертва?

— Моя рука...

— Милая, милая Марион, но если ты не любишь его, ты же не можешь стать его женой, не можешь обещать ему свою руку!

— А без этого он откажет мне.

— Негодяй! О боже! И ведь он может спасти отца, речь идет о его жизни!

— Я хотела бы, чтобы это была моя жизнь! — с отчаянием воскликнула Марион. — Мне легче было бы умереть, чем решиться на это!

Уолтер не понял, что означают ее слова, но Лора догадалась.

Но никто из них не успел ответить, как Марион, вскочив с места, стремительно направилась к двери.

— Куда ты, кухня? — испуганно спросила Лора.

— К капитану Скэрти! — твердо ответила Марион. — Я брошусь к его ногам и не встану до тех пор, пока он сам не скажет мне, какой ценой надо заплатить за жизнь моего отца!

ПРЕКРАСНАЯ ПРОСИТЕЛЬНИЦА

Приговор, вынесенный сэру Мармадьюку, был новой тетивой, которую Скэрти натянул на свой лук, готовясь испытать ее крепость.

Ему ничего не стоило добиться этого приговора, и он, полагаясь на свое влияние при дворе, надеялся, что ему будет так же легко добиться и помилования.

Он спасет сэра Мармадьюка, если Марион станет его женой.

Скэрти не посмел обратиться с этим предложением к отцу Марион, помня его решительный отказ. Правда, с тех пор обстоятельства изменились: сэру Мармадьюку грозила позорная смерть. Какой человек не ухватился бы за любое средство, чтобы избежать этой ужасной участи!

Но Скэрти знал, что сэр Мармадьюк не такой человек, которого страх перед смертью может заставить поступиться счастьем дочери. Он так любит Марион, что, может быть, предпочтет умереть, чем принуждать ее к браку с нелюбимым человеком. Скэрти решил попытаться сначала поговорить с Марион.

Он знал о приговоре, прежде чем Уолтер вернулся из Лондона с печальным известием. Но он не счел нужным сообщать о нем Марион и Лоре. Уолтер приехал в Бэлстрод поздно вечером. Быть может, если бы не такой поздний час, Скэрти пришел бы выразить им свое сочувствие и даже постарался бы выдавить слезу, чтобы показать свое огорчение; но, так как время было уже за полночь, он ограничился тем, что послал слугу передать свои соболезнования, а свидание с Марион отложил на завтра.

С первого же дня ареста сэра Мармадьюка Скэрти незаметно старался внушить его детям, что у него есть возможность спасти их отца, что это сопряжено с большими трудностями, требует чрезвычайных усилий, но он готов пойти на любые жертвы; и при этом он бросал такие красноречивые взгляды, что Марион нетрудно было догадаться, какую он за это потребует плату.

Итак, почва была подготовлена. Теперь нужно было только выбрать удобный момент и объясниться с Марион. Он решил сделать это с утра. Марион к этому времени несколько успокоится и будет более способна оценить его предложение. Перед тем как послать к Марион слугу с просьбой принять его, Скэрти долго расхаживал взад и вперед по большой гостиной. Он чувствовал себя далеко не уверенно: надежда, страх и стыд боролись в его душе и лишали обычного самообладания. Несколько раз он протягивал руку к звонку, чтобы послать слугу к Марион, и каждый раз у него не хватало решимости.

— Ну и дурак! — выругался он наконец. — Дурак и трус! Чего я боюсь? Разве она может мне отказать, когда от этого зависит жизнь ее отца?

И он решительно подошел к столу, на котором лежал колокольчик, но в это время стук открывающейся двери и шелест шелкового платья заставили его обернуться. Перед ним стояла Марион.

Скэрти, смутившись, отдернул руку от звонка, словно его застали на месте преступления. Ему показалось, что Марион прочла на его лице все, о чем он только что думал. Но, взглянув на нее, он сразу почувствовал радостную уверенность: она пришла сюда потому, что она знала, что он здесь! Она пришла к нему просить помощи!

К Скэрти мгновенно вернулась вся его самоуверенность. Приход Марион давал ему козырь в руки. Теперь ему можно было не ломать себе голову, как приступить к этому объяснению: ему нужно только довести его до конца.

— Мисс Марион! — сказал он, почтительно склонившись перед ней. — Я боялся быть лишним, но мне хотелось разделить ваше горе и попытаться хоть немного утешить вас.

— Судя по тому, что вы не раз говорили, сэр, — тихо, но вместе с тем твердо сказала Марион, — вы можете сделать гораздо больше. Если я не ошибаюсь, у вас есть возможность повлиять на короля?

— Скорей, пожалуй, на супругу короля, — ответил

капитан с тонкой улыбкой, рассчитанной, очевидно, на то, чтобы произвести впечатление на протестельницу. — Да, прелестная Марион, здесь, пожалуй, я пользуюсь некоторым влиянием! Конечно, оно невелико, но, какое бы оно ни было, оно все к вашим услугам!

— О, сэр, благодарю вас за эти слова! Скажите, что вы используете его, чтобы спасти жизнь моего отца! Скажите это, и вы заслужите вечную благодарность...

— Марион Уэд?

— И не только мою... Отца... брата... всех наших близких, а быть может, всего нашего графства... Все будут благодарны вам и будут благословлять вас за это доброе дело!

— Если бы я дорожил благодарностью, то только вашей! Это для меня достаточная награда.

— Вы можете быть уверены, что я буду благодарна вам всей душой.

— Скажите лучше — всем сердцем!

— Разве я этого не сказала? В сердце моем всегда будет жить благодарность к вам.

— Ах, благодарность — холодное слово! Я бы хотел, чтобы вы заменили его другим.

— Как я должна понимать вас, сэр?

— Скажите — любовь. Подарите мне ее, и я обещаю, что я не успокоюсь до тех пор, пока не добьюсь помилования вашему отцу или не разделю его участь за свое заступничество! О, Марион, сжальтесь надо мною! Не вы, а я теперь взываю к вам о помощи! Дайте мне то, о чем я прошу, и повелевайте мной, как своим рабом!

В течение нескольких секунд Марион стояла молча.

Это молчание внушило Скэрти надежду, и он жадно впился взглядом в лицо Марион.

Но он ничего не мог прочесть в ее лице. Эти прекрасные, словно застывшие черты казались высеченными из камня, они не выдавали движений ее души.

Когда Марион заговорила, Скэрти понял, что он неправильно истолковал ее молчание.

— Капитан Скэрти, — сказала она, — вы человек светский и, как я слышала, хорошо разбираетесь в сложностях женской натуры...

— Вы мне льстите! — перебил ее Скэрти, делая усилия снова обрести свое обычное спокойствие. — Разрешите спросить, чем я мог заслужить такой лестный отзыв?

— Вы меня не так поняли. Я хочу сказать, что вы, который так хорошо знаете женскую натуру, должны понимать, что вы просите невозможного. Женщина не может отдать свое сердце. Его надо взять у нее.

— А ваше сердце, Марион Уэд?

— Оно не в моей власти. Оно принадлежит не мне.

— Им уже завладел кто-то другой? — злобно вскричал Скэрти, ибо то, что до сих пор было только смутной догадкой, теперь подтвердилось признанием самой Марион.

— Увы, да! Завладел... похитил, если хотите, но оно больше не в моей власти. Оно разбито, и излечить его нельзя. О, сэр, для вас оно не имело бы никакой цены, даже если бы я и могла его вам отдать! Не требуйте от меня невозможного. Примите взамен то, что я предлагаю вам от души, — мою безграничную благодарность!

Скэрти молчал, стиснув зубы, задыхаясь от душивших его чувств. Слова Марион точно парализовали его. Да, он хорошо знал женское сердце и понимал, что у него не может быть никаких надежд. Сердце Марион принадлежит другому. Как странно она сказала: «похищено», «разбито»... Стоило над этим подумать, но Скэрти сейчас было не до того. Ему надо было во что бы то ни стало добиться руки Марион Уэд. Если она не может отдать ему свое сердце, она заплатит ему за жизнь отца своей рукой и своим состоянием.

— Ваша благодарность много для меня значит, мисс Марион, — сдержанно промолвил он. — Я буду счастлив заслужить ее. Но мне бы хотелось получить от вас нечто другое...

— Что же, сэр?

— Вашу руку.

— В уплату за жизнь моего отца?

— Совершенно верно.

— Опомнитесь, капитан Скэрти! Что может дать вам моя рука, если сердце мое...

Сердце Скэрти ликовало.

— ...принадлежит другому? Вы это хотите сказать? Я не теряю надежды завоевать его своей любовью. Сердце женщины можно завоевать не однажды!

— Потерять его можно только раз в жизни.

— Пусть так. Я готов нести это горе. Мне будет легче переносить его, когда вы будете моей женой. Простите, мисс Марион, не будем больше говорить об этом! Дайте мне ваше согласие, — и ваш отец будет жить. Откажитесь, — я не неволю вас. Но знайте, что ему не сносить головы!

— О, сжальтесь надо мною, заклинаю вас! Может быть, и у вас есть отец! О, капитан Скэрти, подумайте, что значит лишиться отца! Я умоляю вас, спасите его, вы можете это сделать!

Гордая Марион упала перед ним на колени и, подняв к нему свое прекрасное умоляющее лицо, смотрела на него глазами, полными слез.

Скэрти смотрел на эту Венеру в слезах, не в силах оторвать от нее восхищенного взгляда, и сердце его ликовало. Марион Уэд у его ног!

— Да, я могу спасти его и спасу! — с жаром воскликнул он.

В заплаканных глазах Марион блеснула надежда, но она тут же погасла, когда взгляд ее встретился с откровенным, беззастенчивым взглядом Скэрти.

— Да, — продолжал он с нескрываемым торжеством, — я могу это сделать и сделаю! Вам достаточно только сказать одно слово. Обещайте мне, что вы будете моей женой!

— О боже! — вскричала Марион, поднявшись с колен. — Неужели в вашем сердце нет ни капли жалости?

— Любовь не знает жалости, а тем более любовь, над которой насмеялись, как вы насмеялись над моей!

— Нет, я этого не делала! Но вы просите от меня невозможного.

— Почему? — спросил Скэрти, обнадеженный этим кратким ответом. — В этом нет ничего невозможного. Я не жду и не прошу, чтобы вы подарили мне ваше первое, нетронутое чувство. Для меня это уже миновало! Я едва могу надеяться пробудить ваше сердце для

второй любви. Но я сделаю все, чтобы заслужить ее! И вот потому я и прошу вас стать моей женой, дать мне возможность завоевать вашу любовь! Послушайте меня, Марион! Вы видите перед собой человека, которого до сих пор не отвергала ни одна женщина, будь это даже коронованная особа! Человека, который не терпит, чтобы ему что-то становилось поперек дороги! Ничто никогда не может заставить меня отказаться от моих желаний! Скажите, что вы будете моей, — и все будет хорошо. Подумайте, к чему приведет ваш отказ! Я жду вашего ответа. Вы скажете мне «да» или «нет»!

И Скэрти, заложив руки за спину, стал медленно прохаживаться по комнате, словно желая дать Марион время подумать.

Марион подошла к итальянскому окну и, повернувшись спиной к этому зверю в образе человека, в отчаянии устремила взор к небу. Могла ли она колебаться сделать выбор между жизнью отца и собственной загубленной жизнью! Разве жертва, которой от нее требует Скэрти, может сделать ее более несчастной? Эти мысли проносились в голове Марион, но никто, кроме нее, не мог бы сказать, какие чувства боролись в ней в эту минуту и что происходило в ее душе.

Скэрти продолжал рассказывать по комнате, с нетерпением дожидаясь ответа. Он не хотел ее торопить, он понимал, что сгоряча она скорее ответит «нет»; а если она хорошенько подумает и представит себе, что ждет ее отца, это, может быть, заставит ее образумиться и принять его предложение.

И наконец он дождался. Марион с радостным возгласом распахнула окно и, протянув руки, ринулась на веранду.

Глава LX

РОЛИ ПЕРЕМЕНИЛИСЬ

Скэрти остолбенел от изумления. Ему показалось, что Марион Уэд сошла с ума. Но когда он подошел к окну, зрелище, представившееся его глазам, вызвало у него опасения совсем иного рода.

По главной аллее парка двигалась громадная толпа народа — тут были рабочие, подмастерья, ремесленники, но главным образом местные крестьяне. Капитан кирасиров не впервые видел такую пеструю толпу. Быть может, это была та самая толпа, которая приветствовала его насмешливыми выкриками на мосту через Колн, когда он возвращался после своей неудачной погони за Черным Всадником. Так оно, вероятно, и было, за небольшим исключением. Одним из этих исключений был пожилой всадник в черном бархатном камзоле, с величавой осанкой и строгим, благородным лицом.

Народ, толпившийся вокруг, по-видимому, хорошо знал этого всадника, потому что громкое «ура» и радостные возгласы «Да здравствует сэр Мармадьук!» то и дело оглашали воздух.

Но не только хозяин Бэлстродской усадьбы — а это действительно был он! — вызывал такой энтузиазм толпы.

Рядом с ним на прекрасном вороном коне ехал другой, более молодой всадник не менее благородной внешности. Крики «Да здравствует Черный Всадник!» достигли слуха капитана Скэрти прежде даже, чем он, выглянув в окно, увидел знакомую фигуру на вороном коне, которую ничто не могло изгладить из его памяти.

— Что за дьявольщина! — невольно вырвалось у Скэрти.

Сэр Мармадьук без стражи, ликующая толпа и тут же этот проклятый мятежник Голтспер!

Марион, с рассыпавшимися по плечам золотыми волосами, бежала им навстречу.

— Что это, черт возьми, может означать? — с недоумением спрашивал себя Скэрти.

Прежде чем он успел прийти в себя от изумления, вызванного этим неожиданным зрелищем, процессия уже подошла к главному входу.

— Ура, ура! Да здравствует Джон Гемпден! Ура, ура! Да здравствует Пим! — дружно подхватывала толпа.

Но когда вслед за этим раздалась возгласы: «Да здравствует парламент! Смерть предателю Страффор-

ду!» — Скэрти не выдержал. Страффорд был его покровителем. Как смеет этот сброд поносить Страффорда! Он выскочил на веранду и бросился бежать по аллее к толпе. За ним следом бросились несколько кирасиров, стоявших в воротах двора и тоже с недоумением глазевших на это зрелище.

— Подлые бунтовщики! — вскричал Скэрти, подбегая к толпе и выхватывая на ходу шпагу. — Кто из вас осмелился оскорбить благородного лорда Страффорда, пусть еще раз посмеет произнести эти гнусные слова! Я вырву ему язык из его изменнической глотки!

— Не торопись, господин, не махай шпагой! — раздался зычный голос, и из толпы выступил дюжий молодец со смуглым лицом, обросшим густой щетиной, одетый в камзол с чужого плеча и в шляпе с пером. Это был не кто иной, как наш старый знакомец Грегори Гарт. — Чего зря грозиться? — насмешливо продолжал он. — А ну-ка, попробуй! Посмотрим, удастся ли тебе выполнить свои угрозы! Это я первый крикнул «Смерть предателю Страффорду!» — И с этим вызывающим возгласом Гарт выхватил из ножен здоровенный палаш и принял оборонительную позу.

— Ткни его, Грегори! — крикнул из толпы рослый, широкоплечий человек — это был браконьер Дэнси. — Сделай на нем зарубку! Я тебе помогу!

— И мы тоже! — хором подхватили кузнецы, пекари, мясники, выступая и меряя взглядом кирасиров, стоявших позади Скэрти.

Скэрти не решился привести в исполнение свою угрозу. Противники, столпившиеся вокруг молодца с палашом, были все до одного вооружены и грозно сжимали в руках кто — молот, кто — нож, кто — дубину; да вся толпа тут же ринется им на подмогу, а у его кирасиров разве что у двоих, у троих имелись шпаги, а остальные были и вовсе без оружия.

В рукопашном бою все преимущества находились на стороне противника. Капитан кирасиров не мог не учесть этого; он решил отступить и вернуться с вооруженным отрядом. Вот тогда он покажет этому сброду, который осмелился бросить ему вызов!

Из толпы выступил дюжий молодец и

Он уже собирался было скомандовать своим кирасирам отступить, но в это время сэр Мармадьук соскочил с коня и, подойдя к капитану, остановился между ним и толпой.

— Мне думается, капитан Скэрти, — сказал он с легкой иронией в голосе, — что вы слишком далеко зашли в вашем служебном рвении. Могут быть разные мнения насчет заслуг «благородного Страффорда», как вы изволили именовать Томаса Уэнтворта. Он сейчас предан суду, который, можно не сомневаться, поступит с ним так, как он того заслужил.

— Предан суду? Герцог Страффорд?

— Да, как я вам уже сказал. Он сейчас находится в том самом положении, в котором совсем недавно находился я. Признаюсь, я не без удовольствия покинул этот приют! Я понимаю, капитан Скэрти, что вы еще не могли быть осведомлены об этой перемене в судьбе вашего друга, ибо он только вчера переступил порог Тауэра.

выхватил из ножен здоровенный палаш.

— Страффورد в Тауэре! — с ужасом повторил Скэрти, не веря своим ушам.

— Да, и скоро предстанет перед судом. Не перед «Звездной палатой», которая вчера прекратила свое существование, но перед судом, который будет более справедливо судить его преступления, — перед Высшим Парламентским Судом. Томас Уэнтворт предстанет перед ним как государственный преступник, обвиняемый в измене своей родине.

— Да здравствует парламент! Смерть изменнику Страффорду! — снова закричала толпа, приветствуя речь сэра Мармадюка.

Скэрти казалось, что он сходит с ума. Он повернулся, чтобы уйти домой и обдумать наедине, как ему действовать дальше, но сэр Мармадюк остановил его.

— Капитан Скэрти, — громко сказал он все тем же спокойным, проницательным тоном, — не так давно вы соизволили предъявить мне королевскую грамоту. Я счастлив, что могу ответить вам тем же. Я привез

вам приказ от его величества, как вы можете сами убедиться, взглянув на эту печать.

Сэр Мармадюк достал из камзола пакет, запечатанный королевской печатью.

— В тот раз вы были так любезны, — продолжал он, — что дали возможность всем присутствующим ознакомиться с его содержанием. Я последую вашему примеру.

И, сломав печать, сэр Мармадюк прочел во всеуслышание:

«Капитану Скэрти, командиру отряда королевских кирасиров.

Бэлстрод Парк.

Его величество король повелевает капитану Скэрти вывести вверенный его командованию отряд из владений сэра Мармадюка Уэда и направиться с ним на расквартирование в наш королевский дворец в Виндзоре. Его величество предлагает сим своему верному слуге капитану Скэрти приступить к выполнению приказа немедленно по получении оного.

Уайтхолл.

Carolus Rex».

Послание его величества было встречено громкими одобрительными возгласами, но ни один голос в толпе не крикнул «Да здравствует король!» Все знали, что эта уступка сэру Мармадюку со стороны короля была сделана не по доброй воле, а внушена страхом. Он сделал это по настоянию парламента, и толпа, приветствуя этот справедливый акт, кричала: «Да здравствует парламент!»

Лицо Скэрти было чернее тучи, когда он последний раз вошел к себе в комнату, чтобы собраться в дорогу.

— Малодушный трус! — злобно бормотал он сквозь стиснутые зубы. Это относилось не к кому-нибудь из обитателей усадьбы, а к королю, который поставил капитана Скэрти в такое унижительное положение.

Спустя десять минут он уже скакал во главе своего

отряда прочь из Балстродской усадьбы, оставив нескольких кирасиров для сопровождения обоза...

Марион бросилась в объятия отца, как только он сошел с коня.

— О боже, какая радость! Ты жив и невредим! — шептала она, прижавшись к его груди.

— Да, дитя мое, с такими отважными провожатыми я чувствовал себя в полной безопасности.

— Судьба сжалилась надо мной! Ведь я почти готова была дать свое согласие, пожертвовать собой, но это было бы для меня хуже смерти...

— Пожертвовать собой? Кому, Марион?

— Ему, Скэрти. Он обещал добиться для тебя помилования, но только при условии, что я... — Марион замялась, не решаясь повторить слова Скэрти.

— Можешь не говорить, какие это были условия, — сказал сэр Мармадюк. — И ты, моя мужественная девочка, готова была принять их! Я знаю твое великодушие! Но, благодарение богу, я обязан своим спасением не милости врага, а мужеству друзей, и прежде всего — вот этому доблестному джентльмену, которого ты видишь рядом со мной. Если бы не он, приказ короля пришел бы, пожалуй, слишком поздно...

Марион подняла глаза, и взгляд ее встретился с пламенным взглядом Голтспера, сидевшего на коне.

В эту минуту сэру Мармадюку пришлось вмешаться в стычку между кирасирами Скэрти и своими отважными провожатыми, которые порывались вступить в рукопашный бой.

Марион и Голтспер на минуту остались одни.

— Благодарю вас, сэр, — произнесла Марион прерывающимся от волнения голосом. — Благодарю вас за то, что вы спасли моего отца! Радость видеть его живым служит мне утешением в том горе, которое вы причинили мне.

— Я причинил вам горе, Марион?

— Не будем говорить об этом, сэр. К чему объяснения? Вы знаете, о чем я говорю. О Генри, Генри! Я никогда не думала, что вы способны на такой обман, на такую чудовищную жестокость!

— Марион!

— Не говорите мне ничего! Уезжайте отсюда! Оставьте меня с моим горем, мне больше ничего не осталось в жизни...

— Я должен подчиниться вашим приказаниям, Марион, — сказал Голтспер, берясь за поводья. — Вы гоните меня? Но как же мне теперь жить, когда вся жизнь моя принадлежит вам? О боже, куда мне деваться! — с отчаянием воскликнул он.

— К вашей жене, — чуть слышно, с горьким упреком прошептала Марион.

— Ах, вот в чем дело! Так вам, значит, поспешили сказать!

— Да, я знаю все.

— Нет, не все, Марион. У меня нет жены.

— К чему обманывать меня, Генри? У вас есть жена. Я слышала это от людей, которые вас знают. Вы женаты.

— Я скрыл от вас это, Марион. Это правда, я был женат. Но жена моя умерла.

— Умерла?

— Да, умерла. Я признаю, что я виноват перед вами. Я должен был сказать вам все. Мое оправдание только в моем безумстве. Я полюбил вас, когда она еще была жива...

— О боже, значит вы разлюбили меня после того, как она умерла?

— Как можете вы говорить так, Марион! Мое сердце принадлежит вам навеки. Разве вы не помните обет, которым вы связали меня, когда мы виделись с вами последний раз? Мне ничего не стоило связать себя этим обетом. Я никогда не мог бы нарушить его, даже если бы я и хотел это сделать.

— Вы смеетесь надо мной, Генри! Как смеете вы говорить мне о своей любви, о своих обетах! Ведь то обещание, которое я взяла с вас, — вы же его сдержали!

— Какое обещание, Марион?

— Как можно шутить так жестоко! А моя перчатка? Когда вы мне прислали ее и гонец передал мне ваши слова, я думала, я не выживу... я...

— Перчатка! С гонцом! — вне себя от изумления перебил ее Голтспер.

— Марион! — крикнул сэр Мармадюк, успевший огласить королевский приказ и положить этим конец перебранке между кирасирами и толпой. — Домой, дочка! Позаботься принять гостей со всем радушием, которым до сих пор славился дом Уэдов. Мы проделали длинный путь, и наши достойные друзья из Эксбриджа, Денема и Айвера наглотались пыли. Наверно, в наших погребках найдется какое-нибудь освежающее средство... Пойди распорядись, дочка!

Марион с сияющим лицом бросилась выполнять приказание отца. Изумление Голтспера рассеяло мрак в ее душе. Загадочное возвращение перчатки означало не то, что она думала. Генри Голтспер по-прежнему принадлежит ей!

Как весело потекла жизнь в Балстродской усадьбе после отъезда Скэрти с его кирасирами! Лоре больше нечего было опасаться приставаний навязчивого Стаббса, и она целые дни проводила с Уолтером. Ничто больше не угрожало любви Генри Голтспера и Марион; она пылала в их сердцах ярким неугасимым пламенем, но они ревниво оберегали ее от чужих взглядов и по-прежнему встречались тайком на лесной тропинке, под тем самым буком, где Марион пережила самые сладостные и самые горькие минуты своей жизни.

Им не было надобности скрываться: двери дома сэра Мармадюка Уэда были всегда открыты для его спасителя, но влюбленные всегда ищут уединения и стараются как можно дольше уберечь от всех свою нежную тайну.

Глава LXI

ЭПИЛОГ

Чтобы довести до конца наше повествование, нам осталось рассказать только два эпизода, которые хоть и сильно отличаются друг от друга, но, подобно мифологическим сценам из жизни богов в древнем языческом Пантеоне, часто изображаются рядом.

Марс¹, этот жестокий и не всегда справедливый бог, на этот раз позволил одержать победу достойной стороне. В течение трех лет война бушевала в стране, и лучшие сыны Англии орошали своей кровью родную землю в жестокой, междоусобной резне.

Борьба шла между роялистами и республиканцами; это слово, которое Генри Голтспер впервые провозгласил на тайном собрании в Каменной Балке, теперь уже не боялись произносить вслух. Напротив, люди с гордостью называли себя республиканцами, как оно и должно быть и всегда будет среди честных и порядочных людей. Существовали также названия «кавалер» и «круглоголовый», но и то и другое — как хвастливое, так и пренебрежительное — исходили из уст неистовых роялистов, которые, потерпев поражение, сохранили свои скверные замашки и непримиримую жестокость; она и поныне отличает английских консерваторов, как об этом можно судить по непосильным налогам, которыми они душат бедняков у себя на родине, и по бесчеловечной системе рабовладения в захваченных ими колониях по ту сторону океана.

Кавалер при дворе Карла I своим франтовством и манерностью мало чем отличался от нынешнего фата, разве что превосходил его тщеславием и порочностью. В храбрости он далеко уступал своему круглоголовому противнику. Его звание «кавалер», его «рыцарство», подобно пресловутому рыцарству рабовладельцев-южан, были просто громкими псевдонимами, присвоенными не по назначению из глупого чванства.

Встреча противников состоялась на равнине Марстон-Мур — это главное поле боя с гордостью вспоминают защитники свободы.

Неистовый сумасброд Руперт², невзирая на предостережения более благоразумных людей, двинул из Йорка одну из самых многочисленных армий, которую

¹ Марс — в древнеримской мифологии бог войны.

² Принц Руперт Пфальцский (1619—1682) — начальник конницы Карла I, а затем — организатор морской войны против Кромвеля. Командовал армией короля при Марстон-Муре.

удалось собрать сторонникам короля. Ему удалось прогнать осаду при содействии маркиза Ньюкаслского, и, упоенный своей победой, он ринулся вперед, чтобы раздавить отступающего противника.

Руперт настиг республиканцев на равнине Марстон-Мур, куда они, на его несчастье, стянули войска, чтобы дать ему решительный бой.

Мы не будем описывать эту знаменитую битву, которая разрешила спор между троном и парламентом. Мы приведем из нее только один эпизод, который имеет непосредственное отношение к нашему повествованию.

Среди сторонников сумасбродного принца Руперта был офицер Ричард Скэрти, недавно произведенный в полковники и командующий конным кирасирским полком. В рядах республиканской армии на стороне Ферфакса одним из полковых командиров, командовавших конницей, был полковник Генри Голтспер.

Судьба ли, слепой случай или, быть может, обоюдное стремление — трудно сказать, что свело этих двух людей лицом к лицу в тот знаменательный день на поле битвы. Скэрти ехал во главе своей закованной в латы, сверкающей сталью конницы, а Голтспер на своем вороном коне возглавлял славный отряд бэкингемширских йоменов в зеленых камзолах.

Сотни ярдов еще разделяли враждующие стороны, когда два этих непримиримых противника и кое-кто из сопровождавших их воинов узнали друг друга. Среди кирасиров, находившихся под командованием Скэрти, многие квартировали в Бэлстродской усадьбе, а в зеленом войске, следовавшем за Черным Всадником, было немало молодцов из той толпы, что провожала уезжавших кирасиров гиканьем и насмешками.

И тем и другим не терпелось помериться силами, и они ждали только слова от своих командиров; но те, прищпорив коней, вихрем помчались навстречу друг другу и сшиблись в открытом поле. Не смея без команды нарушить строй, солдаты остались на своих местах, и только два молодых офицера, движимые, по-видимому, такой же яростной враждой, последовали за своими командирами.

Это были корнет Стаббс и Уолтер Уэд. Но они не привлекли особенного внимания, ибо все взоры были устремлены на двух непримиримых противников, схватившихся не на жизнь, а на смерть.

Скэрти, снедаемый бешеной ревностью, пылал дикой ненавистью к своему счастливому сопернику; он не забыл унижения, которому его подверг Черный Всадник. Голтспером руководили более благородные чувства, но они также побуждали его уничтожить врага.

Гордый республиканец видел в нем подлого королевского приспешника, одного из тех, кто служит опорой тиранам, кто в угоду им душит и притесняет народ, кто готов умереть за них на поле брани, в нелепом заблуждении, будто он умирает за отчизну и короля.

У Голтспера не было никаких личных счетов со Скэрти, несмотря на то что тот пытался погубить его. Ярый роялист вызывал у патриота чувство благородного негодования, которое всякий честный республиканец, естественно, питает к стороннику деспотии, будь то глупец или негодяй, — иного быть не может: он должен быть либо тем, либо другим. Подобно тому, как пастух стремится убить волка, который расхищает его стадо, Генри Голтспер жаждал уничтожить Скэрти, который помогал тирану расхищать народное добро и губить честных людей.

Сознавая, что он заслужит благодарность многих людей, Генри Голтспер, не колеблясь, ринулся на злодея, и через несколько мгновений Скэрти лежал бездыханный и недвижимый, словно бесформенная груда тяжелых стальных доспехов.

Между тем два корнета также скрестили шпаги, но, прежде чем кто-либо из них успел нанести удар, горнисты королевских войск протрубили отступление. Кира-сиры Скэрти, теснимые зелеными камзолами, бросились в бегство. С этой минуты они, как и вся остальная армия принца Руперта, полагались больше на свои шпоры, чем на шпаги.

Последнее действие переносит нас снова в Балстродскую усадьбу. На лугу за валом, где высятся остатки саксонских укреплений, друзья сэра Мармадюка снова собрались на веселый праздник. Все честные люди Бэкингемшира сошлись сегодня здесь по приглашению хозяина Балстрод Парка. Громадный луг, где когда-то стояли лагерем саксы, может вместить не одну тысячу людей, но сегодня там теснится столько народу, что едва хватает места для игр, состязаний и плясок.

Какое счастливое событие празднует сегодня сэр Мармадюк со своими друзьями бэкингемширцами?

Это торжественное празднество отмечает два важных события в его доме: свадьбу его дочери Марион с полковником республиканской армии сэром Генри, членом парламента, тем самым, кого мы до сих пор знали под именем Генри Голтспера, или Черного Всадника, и свадьбу племянницы Лоры с его единственным сыном Уолтером.

Обе счастливые пары сейчас с увлечением следят за веселыми плясками на зеленом лугу. В пестром хороводе кружатся знакомые всем персонажи из любимой народной легенды о Робине Гуде. Вот рослый бородач в костюме Маленького Джона; в нем нетрудно узнать нашего старого знакомого, бывшего грабителя Грегори Гарта. Что удивительного, что он с таким совершенством играет свою роль! Но и Робин Гуд, и девица Марианна сегодня не те, кого мы имели удовольствие видеть в прошлый раз. Славного разбойника Робина Гуда изображает бывший кирасир Уайтерс, который уже давно стал верным сторонником парламента, а девицу Марианну — скромная светловолосая девушка.

Но почему же не видно красавицы Бет Дэнси и лесника Уэлфорда? И что согнуло мощную фигуру старого браконьера Дика Дэнси, который, прислонясь к дереву, печально смотрит на веселый хоровод? Давно уже он не появлялся на людях; сегодня он в первый раз вышел из своего уединения и покинул старую лесную хижину, где он сидел, запершись со своим горем, оплакивая утрату единственной дочери. Но ни пляски, ни игры, ни веселые остроты и шутки его приятеля Грегори — ни-

что не может вызвать улыбки на лице старого Дэнси: и когда взор его падает на робкую белокурую девицу Марианну, глаза его затуманиваются слезами, и он вспоминает свою веселую смуглую красавицу Бет.

У всех в памяти еще жива трагическая кончина бедняжки Бетси. Она погибла от руки гнусного негодяя Уэлфорда. Не смея нанести удар человеку, которого он считал своим соперником, Уэлфорд, обезумев от ревности, зарубил Бетси. Убийца понес заслуженную кару — он кончил свою жизнь на виселице.

* * * * *

Долго пировали гости в Бэлстродской усадьбе на свадьбе Марион и Лоры. На этот раз ничто не омрачало торжественного праздника, и, если не считать бедняги Дэнси с его безутешным горем, все веселились от души. Одна только Дороти Дэйрелл, страдающая завистью, не радовалась счастьем молодых. Белая перчатка, красующаяся на шляпе мужа Марион, вызвала у нее язвительное замечание.

— Посмотрите на эту перчатку! — воскликнула она. — Бела как снег — истинный символ новобрачной, но время оставит на ней свои следы и пятна, и тогда уж она не будет служить украшением и ее пренебрежительно бросят!

Но это ядовитое рассуждение ни у кого не нашло отклика, и вряд ли отыщется хоть одна душа, которая могла бы пожелать такой участи белой перчатке!

О РОМАНЕ МАЙН РИДА «БЕЛАЯ ПЕРЧАТКА»

Что заинтересовало вас в этой книге? В ней нет ни путешествий в далекие страны, ни обычных для романов Майн Рида охотничьих подвигов, ни описаний экзотической природы. В отличие от подавляющего большинства произведений Майн Рида, «Белая перчатка» — исторический роман. На этот раз писатель изображает один из глухих уголков Англии в предгрозовую пору, когда близящаяся революция уже всколыхнула всю жизнь английского общества.

Действие романа происходит в 1640—1641 годах. Вспомним об исторических событиях, предшествующих этому периоду.

Английский абсолютизм, то есть английская феодальная монархия, к середине XVII века находился накануне полного краха. Против Карла I Стюарта и его сторонников — крупных феодалов и главарей англиканской церкви, которая была верной опорой королевской власти, — выступали многочисленные и различные по своим устремлениям общественные силы. Против короля была настроена многочисленная английская буржуазия, дальнейшее развитие которой во всем было ограничено старым строем. Среди противников короля было и так называемое «новое дворянство» — «джентри», — разбогатевшее на разведении овец и на торговле. Интересы джентри расходились с интересами старого феодального дворянства, еще обладавшего огромными земельными владениями. А джентри уже давно зарилось на них. Наконец, основной силой революции должны

были стать народные массы и прежде всего крестьянство, всячески притесняемое, беспощадно сгоняемое с земель, задавленное нуждой и поборами.

Назревавшая в Англии революция была по своему характеру революцией буржуазной. Ее цель заключалась в ниспровержении старого феодального строя и установлении строя буржуазного, при котором уже ничто не мешало бы дальнейшему развитию английской буржуазии и «нового дворянства». В этом и заключалась особенность английской революции XVII века: буржуазия выступала в ней против королевской власти и старой церкви *в союзе* с «новым дворянством». Участие дворянских кругов в революции было весьма значительным. Помещиком был сам Оливер Кромвель — в дальнейшем талантливый вождь революционной армии и лорд-протектор Английской республики.

Эта особенность английской революции особенно резко сказалась после победы над королем. Буржуазия и джентри вместе подавляли попытки народных масс углубить революцию, вместе сломали они революционное английское крестьянство, которое было недовольно результатами революции, выгодными прежде всего для купцов, банкиров и джентри.

На рубеже 30—40-х годов XVII века приближение революции делалось все более очевидным. Противники королевской власти стремились превратить английский парламент в оружие борьбы против монархии. Король Карл I прилагал все усилия к тому, чтобы обессилить, уничтожить парламент. В борьбе против парламента и против всех, кто был не согласен с политикой короля, ему деятельно помогал архиепископ Кентерберийский Джон Лод, беспощадно преследовавший всех «еретиков», противников англиканской церкви, и лорд Страффорд, бывший фактическим правителем Англии. Вы уже знакомы с одной из жертв королевских палачей, хозяйничавших в те годы в Англии, — это Уильям Принн, о котором рассказывает Майн Рид. Принн — смелый и образованный человек, мужественный противник короля, варварски изувеченный королевскими слугами.

Политика Карла I и его любимцев — Лода, Страффорда и целой банды иноземцев, подвизавшихся при дворе, — вызвала еще большее недовольство, когда Карл I, стремясь укрепить свою власть, решил покончить с независимостью Шотландии.

В те годы Шотландия была связана с Англией так называемой «унией», но пользовалась правами самостоятельного государства. Война против Шотландии началась в 1639 году и привела к позорному поражению королевских войск. Английский народ был на стороне шотландцев, мужественно выступивших против Карла I и его министров. Появились народные сатирические баллады, высмеивавшие незадачливых королевских солдат и их военачальников.

В последующих событиях, о которых постоянно упоминается в «Белой перчатке», в полной мере проявилось присущее Карлу I вероломство.

Вынужденный заключить перемирие с шотландцами, король использовал передышку, для того чтобы усилить армию, и созвал парламент, чтобы добиться средств, необходимых для дальнейшего ведения войны.

В этот момент против него и выступили его давние противники — Джон Гемпден и Джон Пим, которые не раз упоминаются в романе «Белая перчатка». Парламент отказал королю в деньгах на продолжение войны, начал переговоры с шотландцами и потребовал наказания ближайших пособников короля, а среди них и Страффорда, недавно казавшегося всемогущим.

Карл I распустил парламент. Но в ответ на это поднялся лондонский народ, бунтовавший в городе несколько дней и угрожавший жизни любимцев короля. Началось крестьянское движение и в провинции.

А война шла своим чередом. Шотландские ополченцы нанесли еще несколько поражений королевским войскам. Все более грозные признаки недовольства всполошили двор. Испуганный всем этим, король вынужден был вновь пойти на созыв парламента. Первое его собрание состоялось 3 сентября 1640 года. Пиму, Гемпдену, Кромвелю и другим противникам короля удалось обеспечить в парламенте абсолютное большинство за собою. Под давлением нарастающего революционного брожения в стране парламент добился ареста Лода и Страффорда. На судебном процессе, выявившем многочисленные преступления Страффорда, он был обвинен как государственный изменник. Как ни старался Карл спасти своего любимца, это ему не удалось. Майн Рид с торжеством сообщает о падении Страффорда в одной из последних глав своего романа.

Казнь Страффорда (12 мая 1641 года) — одна из первых побед английского народа над ослабевшей феодальной монархией. Через восемь месяцев, в январе 1642 года, Карл Стюарт покинул Лондон, чтобы в Оксфорде поднять знамя гражданской войны.

Ее исход определила битва при Марстон-Муре (2 июня 1644 года), описанная в эпилоге книги. Войска Карла I потерпели первое жестокое поражение, и, хотя война тянулась еще долго, дело Карла I было проиграно. Здесь Майн Рид верно определил важнейший переломный момент в историческом процессе, о начале которого он говорит в своем романе.

Майн Рид, противник монархического строя и друг многих республиканцев XIX века, боровшихся против монархий Европы, выступает в романе «Белая перчатка» со страстным обличением Карла I и его режима. Он убежден, что спор между истинными английскими патриотами и сторонниками прогнившего режима Стюартов может быть решен только оружием. Книга полна ненависти к деспотизму, к полицейскому произволу, к политике притеснения и подавления народных масс.

Не вводя Карла I в число действующих лиц романа, писатель правдиво воссоздает атмосферу его двора, указывает на антинародный и антинациональный характер королевской политики, с гневом говорит о продажности и подлости английских аристократов, вроде Страффорда, и о засилье иностранцев-авантюристов, возглавляемых женой Карла I — властной интриганкой-француженкой, королевой Генриеттой, с презрением относящейся ко всему английскому.

Майн Рид бегло говорит о тяжелом состоянии английских крестьян, обедневших от непосильных поборов, которыми Карл разорял народ. Особенно подробно показывает писатель систему разорительных и оскорбительных военных постоев, при помощи которой Карл I хотел сохранить армию, нужную ему для расправы с народом, так как парламент не давал денег на содержание солдат. При помощи своих солдат король стремился запугать тех, кто казался ему ненадежным, как старый сэр Уэд и его соседи.

Майн Рид близок к правде, когда описывает поведение королевских кирасиров в усадьбе сэра Мармадюка Уэда как хозяйничанье оккупантов. Своим постоем они разоряют Уэда; их

офицерам поручено следить за лицами, неугодными Страффорду; по указу короля грубый солдафон Скэрти, изображенный не без сатирического мастерства, оказывается полновластным хозяином целой округи, в которой стоит его эскадрон: он вправе схватить любого, кто покажется ему подозрительным. И читатели помнят, как подло использует он это право.

Действия Скэрти и Стаббса, вызывающие негодование у населения, во всем направляются Страффордом, королем, королевой — сторонниками беспощадной расправы с теми, кто осмеливается осуждать политику Стюартов, ведущих Англию к гибели.

Только падение Страффорда спасает героев «Белой перчатки» от расправы.

Противники королевской власти в романе — это семья сэра Уэда, их сосед — отважный сэр Голтспер, провинциальные помещики, ревностно оберегающие свою независимость, и поддерживающие их крестьяне, тяжело чувствующие на себе гнет податей и разорительных постоев.

Не раз упоминаются в романе имена Пима, Гемпдепа: в них видят герои романа своих вождей в борьбе против королевской власти.

В отличие от большинства романов Майн Рида, в «Белой перчатке» довольно большая роль отведена народу. Образы простых английских людей, картины их жизни, их веселый праздник, грубо прерванный королевскими кирасирами, образуют своеобразный народный фон романа. Его значение весьма существенно: читатель видит народ, страдающий под бременем королевской власти, ненавидящий ее и радующийся вестям из Лондона о падении Страффорда; отголоски великих событий, происходящих в столице, докатываются до далеких углов Англии обнадеживающим эхом. Простые люди деятельно помогают врагам короля; народ выступает в этом романе Майн Рида как зримая и ощутимая сила.

Но надо сказать, что на самом деле крестьянство и городской трудовой люд сыграли в английской революции гораздо большую роль. Именно из английского простонародья вышли многочисленные участники гражданской войны, мужественные солдаты Английской республики, не только слоmintшие сопротивление короля, но и пытавшиеся выступить против богачей, против «нового дворянства» и английской буржуазии, ловко

использовавшей победы народа в своих корыстных целях. Английское крестьянство XVII века представляло собой сложное общественное явление. Английская деревня выдвинула немало благородных поборников справедливости, которые под именем «левеллеров» («уравнителей») и «диггеров» («копателей») пытались установить в Англии XVII века новый справедливый общественный строй, без угнетения и притеснения. Эти славные и благородные борцы за народную Англию были побеждены Кромвелем и его сторонниками, ратовавшими за интересы «нового дворянства» и английской буржуазии.

Майн Рид с сочувствием рассказывает об участии и борьбе английского простого народа, но не он является героем романа «Белая перчатка». Герои этого романа — свободомыслящие английские помещики XVII века, джентльмены, которые видят в себе соль английской земли (и писатель считает, что они правы), будущих вершителей ее судеб.

Майн Рид не понимал, да и не мог понять сущности классовой борьбы, в силу которой люди, подобные молодому Уэду или Голтсперу, победив короля при Марстон-Муре, несколько лет спустя будут беспощадно подавлять восстания левеллеров и сами поведут свои эскадроны на усмирение диггеров, так же как в 1640 году это делали офицеры короля, нежеланные гости усадьбы Уэдов.

Впрочем, на том этапе, который описан в «Белой перчатке», эти грозные противоречия, в конце концов приведшие к гибели Английской республики XVII века, были еще не так остры и заметны. И, с другой стороны, именно тогда особенно внушительны и заметны были выступления людей, близких к Уэдам и Голтсперам, — Джона Пима, Джона Гемпдена и других лидеров парламента, мужественно боровшихся против короля и его приближенных.

В романе Майн Рида живо изображена сельская Англия накануне революции — старые усадьбы, быт их владельцев, еще не гнушающихся повеселиться вместе с крестьянами. Верно намечена и нарастающая среди определенной части английского дворянства ненависть к королю, особенно к его приспешникам.

Вполне закономерно, что в этой книге Майн Рида любовная тема, обычно выдвигаемая в его романах на первый план, заслонена важными общественными конфликтами, остро отра-

жающимися в жизни маленького усадебного мирка. Тайственные ночные всадники спешат не на свидание с любимыми, а скачут с тайными вестями из Лондона к друзьям свободы или торопятся отвезти королевский приказ. Загадочный «Черный Всадник» мечтает не о дальнем путешествии в неведомую страну, а о борьбе за освобождение своей родины от деспота. Именно в «Белой перчатке» чувствуется веяние той свободолюбивой романтики капитана Майн Рида, которой дышат некоторые его книги о XIX веке.

Надо отметить и еще две важные особенности романа «Белая перчатка»: во-первых, эта книга противостояла многим историческим повестям и романам того времени, в которых король Карл I и его верные слуги всячески идеализировались, а их противники подвергались осуждению за то, что они привели на эшафот Карла и его приспешника Страффорда.

Буржуазная английская литература второй половины XIX века не любила правды о великих революционных событиях XVII века, и время правдивых романов Вальтера Скотта, неоднократно обращавшегося к этой эпохе, давно прошло.

В отличие от большинства своих современников, клеветавших на тех, кто освобождал Англию от деспотизма Стюартов, Майн Рид говорит о врагах короля с глубоким уважением и искренним восхищением. Он на их стороне, он видит в них людей мужественных, благородных, идущих по верному пути.

Во-вторых, хотелось бы, чтобы читатели со вниманием отнеслись к незначительному на первый взгляд упоминанию Майн Рида о том, что лжерыцарство «кавалеров» XVII века напоминает ему рассказы о пресловутом «рыцарстве» южан в годы гражданской войны в США. Когда писалась «Белая перчатка», война эта была у всех в памяти, и английская консервативная печать, поддерживавшая в годы войны плантаторов-южан, продолжала потворствовать мифу о «рыцарстве» рабовладельцев и о «грубости» северян. Сравнивая «кавалеров» Карла Стюарта с южными «рыцарями» 1861—1865 годов, Майн Рид проводил резкую параллель, направленную и против реакционной аристократии Южных штатов, которую он всегда презирал, и против ее защитников в Англии — английских аристократов. Не на их стороне историческая правда, хочет сказать писа-

тель, как в XVII веке она была не на стороне «кавалеров» Карла I.

Роман Майн Рида, при всех его слабых сторонах, а их немало, показывает закономерность победы передовых исторических сил над упорно сопротивляющимися защитниками обреченного прошлого.

Р. Самарин

В ДЕБРЯХ
БОРНЕО

или

Приключения
потерпевших
кораблекрушение

Перевод с английского

Г. С. Еременко

Редактор *И. А. Желобовский*

ЮЖНО-КИТАЙСКОЕ МОРЕ

О-в Лабуан

Бруней

гора
Кинибалу
4175

равнина

гнездо
обезьяны

встреча
с обезьянами

нападение
гайдалов

КАРТА
путешествия
через дебри
острова
БОРНЕО

0 10 миль 20 м. 30 м. 40 м

Масштаб

ЦЕЛЕБЕСКОЕ
МОРЕ

Глава I

ЭКИПАЖ ЗАТОНУВШЕГО КОРАБЛЯ

НЕОБОЗРИМАЯ гладь океана. Утлое суденышко, затерявшееся в его волнах. Жгучее тропическое солнце, медленно катящее по небосводу свой огненный шар. И хоть бы какой-нибудь клочок земли!

Размеры и форма судна говорят о том, что это пинасса¹ с торгового корабля. Она лишилась паруса, а весла ее неподвижно повисли в уключинах, погрузившись лопастями в воду. Грести некому. Но суденышко не пусто. В нем шесть человек пока еще живых людей и один покойник. Четверо взрослых мужчин, а двое де-

¹ Пинасса — большая лодка с парусом и веслами.

ти — мальчик и девочка. Трое мужчин принадлежат к белой расе, у четвертого кожа темно-коричневая.

Один из белых — человек высокого роста, темноволосый и с бородой. Судя по всему, это европеец или американец. Продолговатая форма лица и классическая правильность черт заставляют, однако, предполагать, что вернее последнее и что он уроженец Нью-Йорка.

Так оно и есть.

Полную противоположность ему — как общим обликом, так и по цвету волос и кожи — представляет человек, сидящий возле него. У этого ярко-рыжая шевелюра, а когда-то красное лицо его с крупными веснушками от долгого пребывания под тропическим солнцем приобрело буроватый оттенок. Подобная физиономия может принадлежать только человеку ирландского происхождения. Действительно, рыжий человек — ирландец.

Третий из людей с белой кожей очень высок, худ, как щепка, и бледен, как мертвец. Его глубоко западавшие глаза блуждают в темных орбитах. Это один из типов, не поддающихся определению; его можно принять и за англичанина, и за ирландца, и за шотландца, и даже за жителя Америки. Судя по одежде, он моряк — простой матрос.

Четвертый мужчина, труп которого лежит на дне лодки, тоже при жизни был матросом. Он умер совсем недавно, да и у живых людей такой вид, будто они вот-вот последуют за ним.

У темнокожего человека широкий приплюснутый нос, сильно выдающиеся скулы, иссиня-черные гладкие волосы и раскосые глаза. Все ясно говорит о его восточном происхождении; видимо, он малаец.

Дети, примостившиеся на корме, почти ровесники: девочке четырнадцать, а мальчику пятнадцать лет, они очень похожи друг на друга. И неудивительно: это брат и сестра.

Все люди истощены до последней степени — они совсем умирают от голода.

Мальчик и девочка лежат, обнявшись, на корме; вы-

сокий бородач сидит на одной из скамеек, бессмысленно глядя на мертвое тело матроса у его ног.

Остальные трое мужчин также смотрят на тело. Но как различно выражение их глаз! В глазах ирландца светится печаль об утрате старого товарища; малаец взирает на труп с присущей его нации бесстрастностью; а в черных орбитах человека неопределенной национальности можно прочесть страшное вожделение людоеда.

Необходимо, однако, пояснить только что описанную сцену и предшествовавшие ей обстоятельства. Тем более что сделать это совсем нетрудно.

Высокий темноробордый человек — Роберт Редвуд, капитан торгового судна, курсирующего между островами Индийского океана; ирландец — его судовой плотник; малаец — лоцман, остальные двое мужчин — матросы его экипажа. Мальчик и девочка — дети капитана Редвуда. Ему пришлось взять их с собой в плавание, потому что у них нет ни матери, ни близких родственников.

Судно капитана Редвуда, шедшее из Манилы, столицы Филиппин, в Макаassar — голландскую колонию на острове Целебес, было застигнуто тайфуном и затонуло почти посредине Целебесского моря. Экипажу корабля удалось спастись на пинассе. Но, избегнув кораблекрушения, большинство людей не миновали смерти в волнах океана; один за другим медленно гибли они от голода и жажды в ужасных страданиях, пока из целого экипажа не осталось всего-навсего шестеро, да и те больше походят на обтянутые кожей скелеты, чем на живых людей.

По мере того как люди умирали, тела их выбрасывали за борт, и тем, которые сидят сейчас в лодке, тоже недолго осталось влачить жалкое существование.

На первый взгляд может показаться странным, что юная пара на корме, оба совсем еще дети — и особенно девочка — оказались не менее выносливыми, чем самые крепкие из всех этих дюжих моряков. Но, в сущности, здесь нечему удивляться, особенно если знаешь, что в борьбе с голодной смертью побеждают наиболее

молодые и что там, где сильный мужчина часто гибнет от истощения, нежный и слабый ребенок выживает.

Капитан Редвуд — пожалуй, самый крепкий из уцелевших людей. Но этим он обязан не только своему более сильному по сравнению с товарищами организму. Немалую роль играет присутствие его детей; постоянная тревога о них заставляет его забывать о безнадежности собственного положения и укрепляет в нем волю к жизни.

А если признать, что любовь действительно способна продлить жизнь человека, то, очевидно, она же поддерживает и матроса-ирландца, который, хотя и служит у капитана Редвуда простым плотником, питает к своему начальнику самую братскую привязанность. Он — старейший и самый преданный помощник капитана, и долгая совместная служба крепко сдружила старого шкипера с его матросом.

Это благородное чувство распространяется у ирландца и на детей капитана.

Что же касается малайца, то, разумеется, голод и жажда не пощадили и его, но следы страданий выражены у него гораздо слабее, чем у жителей Запада. Быть может, причиной тому бронзовый цвет кожи, на которой не так заметна смертельная бледность лица. Как бы там ни было, он все еще сохраняет гибкость тела и уверенность движений, и мускулы его не утратили своей упругости. Так и кажется, что он вот-вот наляжет на весла и будет грести до тех пор, пока в груди его не угаснет последнее дыхание. И если всем людям в пинассе суждено погибнуть, он, несомненно, будет последним. Первым же, судя по его взгляду, умрет человек с запавшими глазами.

Сверху, со знойного тропического неба, на эту жалкую горсточку людей, затерявшихся в необъятном океане, льются огненные потоки солнца; вокруг них, куда ни глянь, простирается водная гладь, безмятежная и сверкающая отраженными лучами солнца, словно море жидкого пламени, а под ними, глубже, в прозрачной воде, сияет как бы второе небо, в котором, словно птицы, быстро мелькают какие-то причудливые формы. Но

это не птицы. Нет! Они больше походят на сказочные чудовища. Среди них можно различить отвратительного осьминога и еще более ужасную рыбу-молот.

Хрупкое суденышко будто висит между небом и землей над всеми этими страшилищами, и его отделяет от них лишь небольшой слой воды, толщиной в несколько футов, сквозь который они в любой момент могут проскочить с молниеносной быстротой и напасть на беззащитных людей. А люди! Как они одиноки в этой водной пустыне! Ни земли на горизонте, ни паруса — ничего, что могло бы дать им хоть слабую надежду на спасение.

Все вокруг — море и небо — ярко сияет, а в их душах страх и смертельное отчаяние.

Глава II

РЫБА-МОЛОТ

Люди с затонувшего корабля сидели в мрачном молчании, время от времени поглядывая на лежащее у их ног мертвое тело; они были не в силах отделаться от мысли, что скоро им предстоит вот так же лежать, на этом самом месте.

Иногда взгляды их встречались не с надеждой, а с тоской немого отчаяния.

И вот в один из таких моментов капитана Редвуда поразили странный блеск в глазах матроса трудно определимой национальности. Ирландец, посмотревший на матроса одновременно с капитаном, тоже заметил этот блеск. Они многозначительно переглянулись.

Последние сутки матрос вообще держал себя как-то странно, и его товарищи начали подозревать, что он сошел с ума. Правда, после смерти матроса, лежащего теперь на дне лодки, он как будто успокоился и тихо сидел, опершись локтями о колени и поддерживая руками голову. Но мрачный огонь в его зловещих глазах казался еще мрачнее, когда он устремлял их на покойника.

Во взгляде этого человека таилось нечто гораздо худшее, чем безумие: то был кровожадный взгляд людоеда.

Заметив это, капитан Редвуд на минуту задумался и, кивнув ирландцу на покойника, сказал вполголоса, не желая, чтобы его услышал безумный матрос:

— А ну-ка, Муртах, похороним его, как подобает быть похороненным честному матросу. Он вполне того заслужил.

— Да, что и говорить, — откликнулся ирландец, — матрос был исправный! И подумать только, девятого парня бросаем на съеденье акулам! Из всего экипажа только и остались мы трое, если не считать малайца и детей. И если бы не ваша честь, так сказал бы я, что лучшие люди всегда вперед помирают. Вон хоть бы этот негритос! Чего ему делается! Да он еще всех нас...

Капитан, которого раздражала эта болтовня, нетерпеливым жестом оборвал ирландца. Он не столько опасался обидеть малайца, как боялся, что слова Муртаха привлекут внимание безумного матроса. Но тот, казалось, ничего не слышал или не понимал, о чем идет речь.

Редвуд шепотом объяснил ирландцу, что надо сделать:

— Я возьму его за ноги, а ты бери под мышки. Опустай в воду осторожней, без шума... Нет, нет, Сэлу, оставайся на своем месте, ты нам не нужен!

Последние слова относились к малайцу и были сказаны на его родном языке, чтобы их понял только он. Объяснялся же приказ тем, что малаец сидел позади безумного матроса и, проходя мимо, мог его потревожить и вызвать кризис, которого опасался капитан.

Малаец, очень сообразительный, прекрасно понимал все, однако не подал виду и в ответ только кивнул капитану.

Ирландец и капитан Редвуд тихонько встали и, приблизившись к телу, осторожно подняли его. И как ни слабы они были, тело не показалось им слишком тяжелым. Да тела-то, собственно, и не было, а только плотно обтянутый кожей скелет.

Положив его на край борта и слегка придерживая, чтобы оно не упало, оба немного помолчали, возведя глаза к небу, словно читая про себя молитву. А ирландец, ревностный блюститель обрядов, поднял руку и набожно перекрестился.

Потом они плавно опустили труп в воду. Послышался легкий всплеск, будто по воде мягко шлепнулся какой-то плоский деревянный предмет. Но даже этот звук, как ни слаб он был, оказал потрясающее действие на безумного матроса.

Испустив пронзительный вопль, далеко разнесшийся над безмолвной гладью океана, он вскочил и одним прыжком очутился на том самом месте, откуда только что погрузили в волны мертвое тело.

Безумец уже устремился было вперед с поднятыми над головой руками, готовый прыгнуть вслед за трупом, но то, что он увидел в этот момент под водой, заставило его отираться.

Он увидел, как навстречу медленно опускавшемуся в глубь океана трупу, синяя матросская рубашка которого становилась все бледней и бледней, по мере того как он погружался в голубовато-зеленую воду, приближалось вынырнувшее из мрачных недр пучины отвратительное чудовище. То была самая страшная из акул Целебесского моря, так называемая рыба-молот¹. Хищные глаза этого страшилища торчат на огромных щекообразных наростах по бокам головы, придающих ей сходство с кузнечным молотом; отсюда и ее название.

Акула неслась так стремительно, что, когда она подплыла к трупу и оба они — живое чудовище и труп

¹ Рыба-молот справедливо считается безобразнейшим из морских хищников. Но это можно отнести только к внешнему виду: внутренняя организация животного представляет прекрасную и поразительную по своей целесообразности гармонию всех частей. Туловище рыбы-молота имеет обычную для акул цилиндрическую форму. Единственным характерным отличием является форма головы, сильно растянутая в боках и напоминающая кузнечный молот. На копцах выступов сидят огромные глаза. Рыба-молот необычайно свирепа и прожорлива. Встречается в Индийском океане и Средиземном море. (Примеч. автора.)

человека — исчезли на миг в чем-то похожем на голубоватый жемчужный фонтан. У наблюдавших за нею людей осталось лишь смутное представление о формах ее отвратительного тела. В сверкающем облаке блеснуло, словно молнии в туче, несколько вспышек фосфорического света, после чего на поверхности моря появились розоватая пена и пузыри.

То было невообразимо жуткое зрелище, оно длилось всего мгновение. А когда облако рассеялось, люди, напряженно вглядывавшиеся в прозрачную глубину, уже не увидели там ни человека, ни чудовища. Рыбамолот утащила свою добычу в мрачные недра океана.

Глава III

АЛЬБАТРОС

При виде этого страшного зрелища ирландец, капитан Редвуд и дети в ужасе отшатнулись. Даже бесстрашный малаец, которого жизнь давно уже приучила к тяжелым сценам и кровопролитию, и тот не мог подавить смятения. Только один человек из находившихся в лодке продолжал вглядываться в воду, словно еще раз желая увидеть все происшедшее. Однако взгляд его выражал отнюдь не удовольствие от виденного, а с мрачным и зловещим упорством, будто стремясь проникнуть в глубочайшие недра океана, неотступно вливался в то место, где исчезло тело матроса. То был взгляд безумного. И если до сих пор кто-нибудь еще сомневался в его безумии, этот взгляд рассеял все сомнения. Так смотреть мог только маньяк.

Но состояние это длилось недолго. Едва остальные успели сесть на свои места, безумец издал еще более дикий, пронзительный вопль и вскочил на скамью. Вытянув над головой руки и всем корпусом устремившись вперед, он замер в позе пловца, приготовившегося нырнуть вниз головой.

Товарищи, увидев, как напряглись все его мускулы, поняли, что он хочет прыгнуть за борт.

Все трое — капитан Редвуд, Муртах и малаец — бросились к безумцу, чтобы удержать его. Но было поздно. Прежде чем кто-либо из товарищей успел к нему прикоснуться, он сделал роковой прыжок и скрылся под водой. Ни один из оставшихся в лодке не чувствовал себя настолько сильным, чтобы попытаться спасти безумца. Да и кто знает, чем бы еще окончилась такая попытка! Безумие, толкнувшее этого человека на самоубийство, могло заставить его увлечь за собой и своего спасителя. Мысль об этом принудила находившихся в лодке остановиться. Они стояли, глядя на море и ожидая, пока матрос вынырнет.

Наконец над волнами показалась его голова. Но довольно далеко, ярдах в ста от пинассы. Поднялся легкий ветер, и, пока матрос был под водой, суденышко отнесло вперед.

Несмотря на это, все явственно видели выражение его лица. Оно изменилось, как по волшебству, и вместо безумия выражало теперь не менее дикий, чем безумие, ужас перед смертью. Холодная вода отрезвила его лихорадочно возбужденный мозг, и жалобные вопли о помощи показывали, что он вполне осознал опасность, которой себя подверг.

И вопли его не были оставлены без внимания. Муртах и малаец тотчас же ринулись — вернее, рухнули на весла, а капитан бросился к рулю и схватился за румпель¹.

Он круто повернул пинассу и повел ее к утопающему, который, в свою очередь, плыл ей навстречу, выбиваясь из сил.

Никто не сомневался в возможности спасения матроса. Помешать этому могла бы лишь рыба-молот. Все, однако, надеялись, что она еще не покончила со своей последней добычей и ей не до них.

Разумеется, в океане могли оказаться и другие акулы, но за последнее время поблизости от судна люди видели только одну и думали, что именно эта акула сожрала тело их товарища.

¹ Румпель — рычаг для поворачивания руля.

Стараясь утешиться этой мыслью, люди из последних сил налегали на весла, и лодка, несмотря на встречный ветер, медленно, но верно приближалась к несчастному матросу.

Вот она прошла уже половину расстояния; между нею и пловцом оставалось теперь не более полукабельтова¹. Все вокруг было спокойно: ни акул, ни каких-либо других рыб — чистое море. Только высоко в небе парила большая птица, в которой по ее изогнутым в виде турецкой сабли крыльям и мощному крючковатому клюву можно было признать альбатроса². То был огромный индоокеанский альбатрос, равный по размаху крыльев американскому кондору — крупнейшему из всех орлов.

Но люди спешили спасти товарища и лишь мельком взглянули на птицу. Все их внимание было поглощено высматриванием акул. Они обшаривали глазами поверхность моря и зорко впивались в его глубины, стремясь разглядеть в темно-синей пучине уродливые формы рыбы-молота.

Но акула не появлялась. Все вокруг было спокойно. И, несмотря на то что несчастный пловец теперь уже

¹ Кабельтов — мера длины, принятая в морском деле; равна 185,2 метра. Американский кабельтов равен 219 метрам.

² Альбатрос — крупнейшая из морских птиц. Размах ее крыльев — пятнадцать футов (фут — около 30,5 сантиметра), а вес тела достигает иногда двадцати — двадцати четырех фунтов (фунт — 400 граммов). Оперение альбатроса белое, за исключением нескольких маховых перьев; его длинный, необычайно твердый и мощный клюв окрашен в светло-желтый цвет, а короткие перепончатые лапы — тельного цвета. Альбатросы часто встречаются над морями Южного полушария. Птица, о которой идет речь в нашей книге, — так называемый черноклювый альбатрос; он предпочитает Индийский океан. Альбатрос — опасный враг моряков. Человек, упавший за борт, рискует стать жертвой этой могучей птицы, если товарищи тут же не придут ему на помощь. Крик альбатроса имеет некоторое сходство с криком пеликана. Но когда эта птица возбуждена, ее голос напоминает рев осла. Самка альбатроса устраивает свое примитивное гнездо прямо на земле, где-нибудь на морском берегу, и кладет в него одно-единственное яйцо. Оно четырех дюймов длины, белое, с крапинками на широком конце. (*Примеч. автора.*)

окончательно выбился из сил и жалобными воплями зывал о помощи, люди в лодке твердо верили, что успеют его спасти.

Между ними и утопающим оставалось всего четверть кабельтова.

Пинасса, шедшая на веслах, успешно преодолевала это расстояние.

Еще каких-нибудь несколько минут — и они вытащат из воды своего товарища.

— Бедняга! Он совсем пришел в себя. Мы во что бы то ни стало должны его спасти! — сказал капитан Редвуд.

Ирландец уже раскрыл было рот, собираясь подбодрить своего начальника, как вдруг раздался громкий крик Сэлу, который бросил весла и застыл на месте, будто парализованный.

Дело в том, что малаец, так же как и Муртах, сидел спиной к утопающему. Внезапно его внимание привлекла промелькнувшая над лодкой тень. Он быстро обернулся, и тут у него вырвался тот резкий крик, который прервал на полуслове Муртаха и встревожил остальных.

Следуя за взглядом малайца, все находившиеся в лодке посмотрели на небо.

Но там они не увидели ничего, кроме большого альбатроса, который теперь уже не парил, а камнем летел вниз, как сокол, устремившийся на свою жертву. Причем падение его казалось направленным не отвесно, а по круто изогнутой параболе, подобно тому, как падает метеорит, с тою лишь разницей, что птица, издававшая при полете шум, похожий на жужжание веретена, мчалась по точно намеченному направлению и ее целью была, очевидно, голова несчастного матроса.

Над океаном пронесся страшный крик, в котором слились воедино и возглас изумления и отчаяния сидевших в лодке людей, и дикий вопль ужаса обреченного на гибель матроса, и хриплое карканье хищной птицы, тут же, впрочем, сменившееся как бы торжествующим и насмешливым хохотом. Потом послышался треск сломанной кости — это альбатрос своим острым и мощным

клювом, словно ядром из шестифунтового орудия, пробил череп матросу, и его безжизненное тело пошло ко дну. Оно так и не появилось больше на поверхности — по крайней мере, люди в лодке никогда его не видели. А сами они теперь окончательно пали духом и, опустив весла, предоставили свою лодку произволу ветра, который медленно относил ее от места рокового происшествия.

Глава IV

КРИК ДЮГОНЯ¹

С тех пор как умер от голода девятый матрос капитана Редвуда и был убит альбатросом десятый, никто из оставшихся в живых членов экипажа не брался за весла. Слабость и отчаяние совсем их одолели. Да и к чему, в самом деле, было грести? Впереди не было видно ни клочка земли. И никто не знал, далеко ли она. Судьба людей зависела теперь от случая: если им посчастливится, судно достигнет берега, независимо от того, будут они грести или нет.

Так думал каждый, и потому, оставив в покое весла, они сидели, не двигаясь, уныло опустив голову на грудь. И только малаец еще боролся с отчаянием, зорко вглядываясь в даль блестящими черными глазами.

Наконец длинный, душный день, бывший свидетелем гибели их товарищей, окончился, а в положении этих людей так ничто и не изменилось.

Жестокое южное солнце погрузилось в лоно вод. Наступили короткие тропические сумерки. И когда ночь окутала их своим мраком, отец и его дети преклонили колени перед тем, в чьих руках была жизнь их всех, и стали горячо молиться. Муртах провозгласил «аминь», а бронзовокожий малаец, который был магометанином, зашептал про себя молитвы аллаху. Так они делали каждое утро и вечер, с тех пор как покинули корабль и, рискуя жизнью, носились по океану.

¹ Дюгонь — крупное морское млекопитающее, отряда сиреновых; водится в Индийском океане и Красном море.

Но в этот вечер они молились резвостнее, чем когда-либо до сих пор, потому что каждый из них думал о близком конце.

И вот ночью, на удивление всем, небо покрылось вдруг облаками, что предвещало им либо скорую гибель, либо спасение. Если поднимется шторм, волны разбушевавшегося океана могут поглотить утлое суденышко; но, если шторм будет сопровождаться дождем, они смогут набрать в лежащий на дне лодки брезент хоть немного пресной воды.

Однако дождь не пошел. Зато начавшийся еще с утра и усилившийся к вечеру легкий бриз перешел в сильный ветер. Началось что-то вроде небольшого шторма.

Ветер дул как раз в том направлении, в котором они хотели грести, пока у них еще были силы.

Это было первое мало-мальски значительное событие с момента их водворения на пинассе.

По мере того как ветер крепчал и капитан Редвуд ощущал на лице его свежее дыхание, в нем оживала слабая надежда.

То же самое испытывали Мухтар и малаец.

— Парус бы теперь! — со вздохом пробормотал капитан.

— Смотри, капитан! Блезент есть — палус есть! — воскликнул Сэлу на своем ломаном английском жаргоне, указывая на дно лодки.

— А правда, чем не парус? — подхватил Муртах.

— Иди, Мультых! Ты мне помогать. Мы взять весло, делать масьта. Сколо, сколо есть палус!

— Верно, Сэлу! Молодец! — ответил Муртах.

Он перегнулся за борт и выдернул из уключины одно весло. Малаец тем временем поднял брезент, развернул его и расправил.

Потом с проворством и ловкостью опытного матроса Муртах установил весло вертикально посреди лодки, воткнув его нижний конец, вместо «гнезда», меж двух шпангоутов¹ и накрепко привязав к одной из банок.

¹ Шпангоуты — ребра судна, на которых крепится корпус.

И, наконец, при помощи капитана к этой мачте был прилажен брезентовый парус со «шкотом»¹. Штормовой ветер тотчас же надул парус, и пинасса помчалась, рассекая волны и оставляя за собой сверкающую фосфорическим светом струю.

Люди в лодке не знали точно, куда гнало их суденышко: у них не было компаса. Но когда ветер начал крепчать, он дул в ту сторону, где только что закатилось солнце и еще виднелась узкая полоска желтоватого света. А зная, что подобные ветры часами не меняют направления, нетрудно было догадаться, что пинасса мчится на запад.

Когда затонул их корабль, они пытались вести суденышко именно в этом направлении, зная, что ближайшая к ним земля — большой остров Борнео — находится к западу от места, где это произошло.

И вот благодаря парусу они могут теперь за одну только ночь пройти расстояние, на которое потребовалось бы много дней тяжелой работы на веслах.

Стояла длинная двенадцатичасовая ночь — ведь известно, что ночь под экватором равна дню, а они были всего в трех градусах от экватора. И все это время ветер не изменял направления. Плотный и толстый брезент отлично выполнял роль паруса. Размер его, пропорционально судну, был вполне достаточен, для того чтобы при столь свежем ветре он мог служить пинассе превосходным штормовым трайселем².

У руля стоял сам капитан Редвуд. Всех радовала та быстрота, с какой шло их суденышко, и, по мере того как оно удалялось от места кораблекрушения, люди становились бодрее. За ночь прошли, вероятно, не менее сотни миль. А едва забрезжил рассвет, они услышали звук, переполнивший всех еще большей радостью. Он пролетел над мрачной пучиной моря, перекрывая шум волн и свист ветра, и был похож на человеческий голос. И хотя в голосе этом звучала смертельная тоска, им

¹ Шкот — снасть для натягивания нижнего угла паруса.

² Трайсель — парус, поднимаемый вместо обычного грота при сильном ветре.

отрадно было его слушать. Он вселял в них надежду встретить людей. Как бы тяжка ни оказалась участь этих людей, возможно, подобно им самим, пострадавших от кораблекрушения, она не может быть столь плачевной, как их собственная. Эти люди, разумеется, сильнее и крепче живых скелетов в пинассе.

— Что бы это могло быть? — спросил ирландец капитана. — Уж не тонут ли они?

Прежде чем Редвуд успел ответить, над океаном снова пронесся странный звук, еще более протяжный.

— Дюгонь! ¹ — крикнул Сэлу, узнавший голос этого крупного морского животного по характерным для него жалобным ноткам, придающим ему сходство с человеческим стоном.

— Ты прав, — подтвердил капитан. — Это всего лишь дюгонь.

В голосе капитана слышалось отчаяние. Дюгонь, или, как его называют малайцы, морская корова, был им решительно ни к чему, а его громкий рев — верный предвестник шторма — сулил новые беды.

Вот почему, признав голос этого китообразного, капитан Редвуд и Муртах бессильно опустили на сиденья, снова предавшись чувству безнадежности и отчаяния, из которого их ненадолго вывел крик дюгоня.

Только Сэлу, который лучше других был знаком с этим животным, не пал духом. Он объяснил, что, раз они слышат голос дюгоня, значит где-то поблизости

¹ Не желая прерывать ход рассказа отступлениями в область естественной истории, я предпочел выделить описание дюгоня в особое примечание. Это своеобразное млекопитающее из отряда травоядных китов, или сирен. Животное, встреченное героями нашей книги, называется «индийский дюгонь», оно живет лишь вблизи берегов. Своей массивностью дюгонь напоминает слона, устройство же пищеварительного аппарата позволяет ему питаться лишь растительной пищей, то есть водорослями. Всплывая на поверхность моря, чтобы набрать в легкие воздуха, дюгонь издает специфический крик, похожий на мычание коровы. Некоторые утверждают, что длина дюгоня достигает двадцати футов; однако мало кто видел дюгоня больше двенадцати футов. (*Примеч. автора.*)

должна быть земля. Его слова вернули товарищам по несчастью покинувшую было их надежду.

Едва рассвело, люди в лодке увидели на быстро светлеющем горизонте ясные очертания голубоватых гор. То был остров Борнео.

— Земля! — вырвался у всех радостный крик.

— Да, благодарение господу, это земля! — повторил капитан Редвуд тоном глубокой благодарности.

И в то время как подгоняемая ветром пинасса быстро приближалась к земле, он преклонил колени, велел детям сделать то же самое, и вознес к небу горячую благодарственную молитву за спасение свое и близких ему людей от гибели в морской пучине.

Г л а в а V

КОРАЛЛОВЫЕ РИФЫ

И все же некоторое время гибель казалась неизбежной. Подойдя к острову настолько, чтобы различать очертания береговой линии, они увидели длинный, белый, будто из снега, барьер, протянувшийся между берегом и пинассой на много миль вправо и влево. Путники знали, что барьер состоит из цепи коралловых рифов, возводимых крошечными морскими животными вокруг островов Индийского океана как бы для защиты этих райских садов от иступленных штурмов водной стихии. Хотя большей частью океан бывает спокоен, в нем разражаются порой страшные тайфуны¹, и тогда вокруг рифов, словно полчища злых демонов, с ревом беснуются мрачные волны.

Подплыв ближе, капитан Редвуд опытным глазом моряка сразу же оценил положение и понял, что пытаться проскочить рифы, идя на парусах, — значило бы рваться навстречу верной гибели. По его команде парус мгновенно спустили, и брезент занял свое прежнее

¹ Тайфун — ураган большой разрушительной силы, возникающий в южных и восточных морях Азии.

место на дне лодки. Мачту, которая была сделана из весла, оставили на месте: весел и без того было достаточно. Муртах и Сэлу вооружились четырьмя из них. Редвуд стал у руля, и судно оказалось в полной готовности к борьбе с бурунами. Капитан думал теперь уже не о том, как бы скорее пристать к берегу, — главной его заботой было уберечь пинассу от рифов, вздымавшихся перед ними белоснежным барьером и суливших верную гибель каждому, кто попытался бы к ним приблизиться.

Гребцы, изнуренные долгими страданиями и голодом, напрягали все свои слабые силы, чтобы удержать лодку в равновесии и не дать бурунам увлечь ее на рифы. То была жестокая и неравная борьба, в которой противостояли друг другу могучая стихия и слабые усилия троих умирающих от голода и жажды людей.

Но вдруг, словно тронутое их непосильной борьбой, им улынулось восходящее солнце, обласкав их своими первыми лучами.

Шторм тотчас же присмирел; ветер, всю ночь свистевший в ушах, как бы повинувшись повелению дневного светила, успокоился, а вместе с ним улеглись малопомалу и волны. Управлять пинассой стало гораздо легче, и, проплыв с милю вдоль рифов, путники заметили в них более или менее безопасный проход.

Гребцы напрягли остатки сил, и лодка, управляемая со всем искусством, на какое способен опытный шкипер, повернула и пошла к этому проходу.

Опасная попытка! Несмотря на то что ветер стих, мертвая зыбь была еще высока. Огромные массы воды, обрушиваясь на коралловые рифы, с невероятным грохотом разбивались о них, вздымая фонтаны брызг, похожие на столбы водяного смерча.

Проход, к которому они устремились, представлял собой узкую полоску сравнительно спокойной воды между рифами. Да, сравнительно, ибо даже обычная, хорошо управляемая лодка не была бы здесь в безопасности. Что же говорить о громоздкой пинассе, очень мелко сидевшей в воде благодаря малочисленности своего экипажа! Так и казалось, что, несмотря на удачу, капитану

Редвуду и жалким остаткам его экипажа предстоит погибнуть среди бурунов, после чего их тела пожрут ненасытные акулы, для которых эти ужасные рифы были вполне подходящим жильем.

Но случилось иначе. Капитан Редвуд смело направил пинассу в узкий проход, а Муртах и малаец отчаянно налегли на весла, зная, что от этого зависит жизнь их всех.

И вот благодаря дружным усилиям гребцов и рулевого опасная попытка увенчалась успехом.

Через несколько секунд лодка была за барьером и плавно, будто по безмятежной глади озера, скользила к острову.

А минут через десять ее киль уже мягко врезался в песчаную отмель. Люди были спасены.

Глава VI

ГИГАНТСКАЯ УСТРИЦА

— Воды! Воды! — были их первые слова, когда они ступили на землю.

Голод — одно из величайших страданий человека; но жажда переносится еще тяжелее. Сначала трудно бывает решить, что хуже, но в дальнейшем, по мере того как голодающий слабеет, голод постепенно утрачивает остроту; тогда как жажда мучит свою жертву до конца. А у наших путников она усугублялась еще длительным голодом — ведь они почти целую неделю ничего не ели. И потому вполне естественно, что, едва они почувствовали под ногами твердую землю, мысли всех обратились к воде:

— Воды! Воды!

Люди инстинктивно оглядывались по сторонам, в надежде увидеть какой-нибудь ручеек или родник. Перед ними простирался целый океан, но их так измучил вид этой необъятной массы соленой воды, непригодной для питья! Взор их устремился к лесу, отделявшемуся от океана узкой и длинной песчаной косой, концы которой уходили из поля зрения.

Немного подальше от того места, где они стояли, берег пересекала темная полоска: то ли вдававшийся в него небольшой заливчик, то ли устье реки. Вот было бы счастье, если бы эта полоска оказалась рекой!

Малаец, самый энергичный из всех, поспешил туда; остальные провожали его нетерпеливыми взглядами.

В душах людей надежда боролась со страхом, и сильнее всех волновался капитан Редвуд. Он знал, что в этой части острова иногда месяцами не выпадает ни капли дождя; если не посчастливится найти реку или хотя бы родник, все могут погибнуть от жажды.

Вот Сэлу, подойдя к предполагаемому заливу, зачерпнул из него пригоршней и попробовал. И тотчас же донесся его радостный крик:

— Айер! Айер манис! Сюнхи! — что означало: «Вода! Сладкая вода! Река!»

И как ни отрадно прозвучало для них на рассвете слово «Земля!», эти слова малайца, возвещавшие близость воды, были, пожалуй, не менее отрадны. Капитан Редвуд, знавший малайский язык, перевел желанные для всех слова.

Малаец назвал воду «сладкой». Поистине такой она была для истомленных жаждой людей.

Все бросились к реке и, распростершись на ее берегу и погрузив лицо в воду, стали жадно пить.

Эта река спасла их от смерти, и притом во второй уже раз. В самом деле, ведь проход, которым они проникли за рифовый барьер, образовался лишь благодаря потоку пресной воды, изливаемому рекой в океан. Мадрепоры¹ не могут возводить свои коралловые постройки в пресной воде. Именно этим и объясняется существование в коралловых барьерах проходов, которые бывают иногда настолько широки, что через них свободно проплывают даже очень крупные корабли. Не будь реки, пинасса погибла бы при первой же попытке прорваться сквозь буруны.

¹ Мадрепоры — каменистые кораллы.

Утолив жажду, люди с новой силой ощутили жесточайший приступ голода; каждый из них думал теперь только о том, чего бы поесть.

И снова их взоры обратились к лесу, из которого вытекала напоившая их река.

Вдруг Сэлу, увидевший что-то в море, недалеко от места, где они оставили пинассу, велел Муртаху набрать сухих веток и развести костер, а сам побежал к лодке.

Муртах, капитан и дети направились к опушке леса, в зеленых дебрях которого брала начало река.

Лес обрывался внезапно у самого края песков; его высокие и очень тесно растущие деревья вздымались огромной зеленой стеной более чем на сотню футов. Вперед выступало лишь несколько одиноких деревьев. Ближайшее из них, похожее на гигантский вяз, с очень густой и раскидистой кроной, являлось превосходной защитой от солнца, которое стояло уже довольно высоко и с каждой минутой палило все сильнее и сильнее. Под сенью этого великана можно было разбить временный лагерь, пока окрепшие силы не позволят найти или построить более надежное жилище.

На земле вокруг дерева валялось много сухих веток. Собрав их в кучу, Муртах вытащил из кармана огниво и принялся высекать огонь.

Остальные с неослабевающим любопытством следили за малайцем, удивляясь, зачем ему понадобилось возвращаться к пинассе. Но еще больше удивились они, когда увидели, что, миновав лодку, Сэлу вошел в море, будто намереваясь вернуться к рифам.

Этого, однако, не случилось. Зайдя по колена в воду, Сэлу наклонился вперед, почти скрывшись под водой, и всем показалось, что он борется с кем-то, скрытым от их взоров.

Не уменьшилось их любопытство и тогда, когда малаец снова распрямился, держа в руках что-то, очень похожее на огромный камень, обросший ракушками и водорослями.

— И на что ему этот камень! — удивленно воскликнул ирландец. — Смотрите, капитан! Никак, он собирает-

ся тащить его сюда? Ну, нет! Как мы ни голодны, а камни есть не будем. Окажись эта штука устрицей — другое дело.

— Не болтай, Муртах! — остановил капитан, внимательно разглядывавший предмет в руках малайца. — Это вовсе не камень, а как раз то, о чем ты мечтаешь.

— Устрица? Такая большущая? Да вы шутите, капитан!

— Ничуть. Если не ошибаюсь, Сэлу нашел гигантскую устрицу.

— Какая же это устрица! В ней добрых два фута в длину и не меньше фута в ширину. Сэлу еле тащит ее. Смотрите, он даже спотыкается!

— Верно. И все же это самая настоящая устрица. Теперь-то уж никаких сомнений нет. Мне прекрасно видна форма ее раковины и крупные полосы на ней. А ну-ка, Муртах, поспеши с огнем! Есть этих моллюсков сырым не очень приятно — у них слишком терпкий запах. Потому-то Сэлу и велел развести костер.

Муртах повиновался, и, когда малаец со своей тяжелой ношей дотащился наконец до дерева, из-под кучи веток повалил дым, и она вспыхнула ярким пламенем.

— Капитан Ледвуд, я находил это, — сказал малаец, бросая к ногам Редвуда свою добычу. — Большой устлиц! Мы все будем завтлакать. В лаковине много мясо. Не надо ее ласкалывать, огонь будет ласкалывать.

Окружив огромного моллюска, все с любопытством его разглядывали, особенно дети.

То был странный, пластинчато-жаберный моллюск, встречающийся в Индийском океане и знакомый морякам под именем «сингапурской устрицы»¹. Длина его раковины достигает иногда целого ярда², а ширина — восемнадцати дюймов³.

¹ Сингапурская устрица является гигантским представителем двухстворчатых. (Примеч. автора.)

² Ярд — около 91 сантиметра.

³ Дюйм равен 2,5 сантиметра.

Малаец со своей тяжелой ношей дотащился наконец

Однако голод мало располагает к изучению конхиологии¹, поэтому любопытство их очень скоро улеглось, и Сэлу, подняв с земли исполинскую устрицу, бросил ее в ярко пылавший костер. Сверху ее тоже закидали ветками, так что она запекалась со всех сторон. В куче раздавалось потрескивание: это обгорали прилипшие к раковине водоросли; из-под веток с шипеньем летели во все стороны брызги, а вверх, под зеленые своды листвы, вздымались пламя и дым костра.

Наконец Сэлу, которому не впервые было стряпать это блюдо, объявил, что устрица готова. Тотчас же разметали костер и багром, который Муртах притащил с пинассы, извлекли ее из пепла. Створки раковины легко раскрылись, и в их гигантских овальных чашах оказалось так много нежного устричного «мяса», что его

¹ Конхиология — наука о моллюсках.

до ожидавших его под сенью дерева друзей.

хватило бы не только на пятерых, а на всех пятнадцать человек, если бы, конечно, эти люди не были так голодны, как наши герои.

Вооружившись ножами и другими столовыми принадлежностями, которые ирландец также принес с пинассы, все живо уселись вокруг сингапурской устрицы и до тех пор не вставали, пока дочиста не выскребли обе створки раковины, а от голода не осталось и следа.

Глава VII

ОПАСНОЕ СОСЕДСТВО

Сытно и вкусно пообедав — вернее, позавтракав — запеченной устрицей, герои наши крепко уснули и проспали весь остаток дня и сменившую его ночь. Потреб-

ность в столь длительном отдыхе объяснялась тем, что голод и жажда вконец изнурили и ослабили их. И хотя спать пришлось прямо на земле, а вместо одеял прикрывались кое-какими лохмотьями изношенной одежды, сон их был безмятежен и сладок.

Впрочем, они давно уже привыкли к подобным постелям. Ведь на голых досках пинассы было куда хуже, чем здесь, не говоря уже о поджидавшей их там каждую секунду опасности. Не мешал им и холод. Правда, ночи на материке обычно свежее, чем в море, а в тропиках выдаются порой и очень холодные, но эта ночь оказалась на редкость теплой.

Таким образом, ничто не тревожило их покоя.

Утро занялось яркое и сверкающее, как почти все утра на острове Борнео. Когда люди проснулись, они почувствовали себя чудесно окрепшими и душой и телом. Эллен и Генри — так звали детей — совсем развеселились. Им захотелось побегать и осмотреть все окружающие их чудеса: серебристый песчаный берег бухты, синее море, белые рифы, возвышающиеся над ним подобно снежному валу; светлые воды реки, в которой резвились какие-то диковинные рыбы; лес, где росли исполинские стройные пальмы и высокий, копьевидный бамбук, — словом, огромное множество вещей, придающих особую прелесть пейзажу тропических стран.

Но как ни прекрасен был вид окружающей их картины, для того чтобы наслаждаться ею вполне, им не хватало завтрака. Правда, они досыта наелись мясом гигантской устрицы, но ведь это было почти целые сутки назад; аппетит успел за это время разыграться с новой силой. Чем бы его утолить?

Малаец снова отправился на поиски устриц, а Муртах побрел вдоль по берегу реки в надежде поймать несколько золотых и красных рыбок, сновавших в прозрачной реке навстречу друг другу, словно играя в жмурки, и напоминавших ему форель и лосося рек его родного Килларни. А капитан Редвуд, вооружившись винтовкой, двинулся к лесу.

Эллен и Генри остались под деревом одни. Отец спокойно покинул их, зная, что на острове нет ни львов, ни

тигров. Случись им оказаться заброшенными не на Борнео, а на соседнюю с ним Суматру или где-либо на пустынном побережье Азиатского материка — например, в Кохинхине. Малакке, в Индостане, — он бы не был так спокоен; там водились тигры. На Борнео же можно было не опасаться этих свирепых хищников.

Детям, которые так долго были прикованы к своему месту на пинассе, надоела неподвижность. Да и устрица, подкрепившая их силы, вернула им юношескую энергию и живость. Им захотелось порезвиться. Поднявшись с земли, они стали бегать вокруг дерева. Но быстро утомились и начали озираться вокруг, ища, где бы присесть. Надо сказать, что для цивилизованного человека, привыкшего к стульям, утомительно сидеть на корточках — излюбленное положение дикарей. Однако им не попадалось на глаза ничего подходящего для сиденья: ни пня, ни большого камня. Бухта, как и весь берег, была покрыта лишь грядами мелкого зыбучего песка.

— Нашел! — воскликнул Генри, когда взгляд его случайно упал на раковину гигантской устрицы. — Видишь, Нелли, вот как раз то, что нам нужно!

Он нагнулся и стал отчаянно трудиться, сиюсь перевернуть одну из огромных створок раковины, лежавших впадинами кверху. Она была так тяжела, что не вполне еще окрепшему мальчику едва это удалось, да и то лишь вдвоем с Эллен, которая, видя усилия брата, начала ему помогать.

Наконец обе половинки исполинской раковины были перевернуты; получилось два удобных сиденья примерно в фут вышиной. Смеясь над невиданными стульями, дети уселись каждый на свою половину раковины и стали болтать. Вскоре, однако, их мирная беседа была нарушена неожиданным происшествием, показавшим, как опасно избранное ими для отдыха место. Сперва они не могли даже разобрать, в чем дело. Что-то вдруг сильно ударило Генри по руке и громко стукнулось о раковину, отколов от нее порядочный кусок. Он подумал было, что в него бросили камнем; но, посмотрев на руку, увидел, что рукав куртки, от плеча до локтя, разо-

рван — вернее, изодран на полоски, будто кто провел вдоль него острой скребницей. Рука очень болела, а рубашка оказалась в крови.

Генри быстро и с опаской огляделся в поисках дерзкого врага; мальчик боялся, как бы из растущих поблизости кустов не выскочил страшный дикарь. И вдруг он случайно обнаружил предмет, ранивший ему руку и лежащий теперь на песке возле раковины. Это был вовсе не камень, а какой-то странный зеленый шар величиной с десятифунтовое ядро, весь, словно еж, покрытый колючками.

Мальчик сообразил, что такую штуку никто не мог бросить, хотя бы потому, что из-за острых шипов ее нельзя было взять в руки. Значит, шар упал с дерева.

Эллен поняла это еще раньше: сидя поодаль от брата, она видела, как падал этот предмет, хотя он и промелькнул с быстротой молнии. Шар был, видно, не чем иным, как плодом огромного дерева.

Рана Генри и вид разорванной куртки, не говоря уже об осколке гигантской раковины, свидетельствовали о том, что, упавши этот увесистый плод мальчику на голову, он пробил бы ему череп. Несмотря на свою детскую неопытность, Эллен и Генри сразу поняли, как опасно оставаться под деревом, с которого падают такие плоды.

Дети вскочили и бросились бежать из-под предательского крова. Только оказавшись на открытом месте, они остановились и с сожалением поглядели на свои удобные, столь поспешно брошенные ими сиденья, возле которых лежал на песке зеленый шар; потом перевели взгляд на дерево. В густой кроне его они увидели множество плодов, казавшихся издали не крупнее персиков или абрикосов. Брату с сестрой очень хотелось получше разглядеть диковинный плод, но, несмотря на мучившее их любопытство, они так и не решились вернуться под дерево. Рука у Генри разболелась и кровоточила. Нелли, увидев на его рубашке кровь, так громко вскрикнула, что ее услышали все трое мужчин. Первым прибежал Сэлу, а вслед за ним и перепуганные Муртах с капитаном.

— Что случилось? — в один голос тревожно воскликнули капитан и Муртах.

А сметливому малайцу незачем было и спрашивать. Едва увидев изодранный рукав и зеленый шар на песке, он все понял.

— Дулиан, — сказал он, указывая на дерево.

— Дуриан¹, — эхом отозвался Редвуд.

— Да, капитан, я, дулак, не думать лансе. Большой опасность. Дулиан падать на голова — голова хлуп, хлуп!

Последнее было ясно и без слов малайца. Куртка Генри и осколок раковины яснее всяких слов говорили о том, какой опасности подвергались мальчик и девочка, сидя под деревом. Огромный плод, упавши он на голову кому-нибудь из детей, расколол бы ее, как простой орех.

Глава VIII

ОБСТРЕЛ ДУРИАНА

Когда капитан и Муртах окончательно пришли в себя и поняли причину тревоги, ирландец первым бросился к дереву. Подбежав к злосчастному плоду, он наклонился и смело протянул к нему руку. Малаец не проронил ни звука, чтобы предостеречь Муртаха. Сэлу обозлила та самоуверенность, с какой ирландец взялся за дело, в котором ровно ничего не смыслил и которое даже самому Сэлу казалось не таким уж простым. Вот почему он молча наблюдал за самонадеянным Муртахом, со злорадством ожидая развязки.

Муртах уверенно схватил колючий плод, но лицо его тотчас же исказилось гримасой боли, будто он коснулся раскаленного железа.

¹ Дуриан — название произрастающего в Ост-Индии дерева и его плодов. Плоды эти, величиной с дыню, густо усеяны толстыми коническими шипами; содержащаяся под плотной кожурой плода мякоть кремового цвета съедобна и очень вкусна, хотя к этому плоду и нужно привыкнуть; первоначально дуриан может не понравиться, так как он оставляет во рту резкий запах чеснока.

— О-о-ой! Больно! — завопил он. — Эта штука вся утыкана шипами, и ухватиться-то не за что!

— Белегися, Мультах! — крикнул Сэлу. — Велх смотли. Дулиан ласколоть твой голова.

Ирландец понял предостережение и, взглянув вверх, с воплем кинулся прочь из-под дерева.

Тогда малаец, очень довольный своей победой, быстро шмыгнул на место Муртаха. Подняв глаза вверх и глядя, как бы ему на голову не упал еще такой плод, он сильным ударом заостренной палки выкатил дуриан на открытое место. Затем просунул острие своего ножа между густыми шипами и расколол шар, обнажив содержащуюся под его кожурой мякоть цвета сливочного масла.

К сожалению, мякоти было слишком мало, чтобы ею могли насытиться пятеро голодных людей. Да и сытые люди, отведав этого вкуснейшего из плодов, захотели бы поестъ его еще и еще... А ведь наших геросв отнюдь нельзя было назвать сытыми, им очень хотелось есть. Но есть было нечего: все трое вернулись с пустыми руками. Правда, они видели на дереве множество зеленых шаров дуриана, но дотянуться до них было так же трудно, как в известной басне лисице до винограда.

Ствол дуриана на целых семьдесят футов от земли совершенно гладкий: ни веток, ни сучков, ни каких-либо наростов, которые могли бы служить опорой для ног. И все-таки, если бы не крайняя слабость от перенесенного голода, Сэлу непременно вскарабкался бы на дерево. Но сейчас он не мог.

Чего-нибудь поестъ было все-таки необходимо: дичи, рыбы, устриц — все равно, только бы поестъ. Но где взять? Раздобытая Сэлу устрица была, видно, чисто случайной находкой; он сомневался, удастся ли ему отыскать еще такую.

Вкусный дуриан послужил бы не только приятной, но и питательной пищей, если бы они придумали, как достать его плоды.

Некоторое время все стояли в раздумье. И тут капитана осенило. Он вспомнил о сцепленных ядрах и

подумал, нельзя ли воспользоваться этим методом стрельбы, чтобы сбивать с дерева дурианы.

Сказано — сделано. Кроме винтовки, с которой он ходил в лес, у него был в пинассе большой корабельный мушкет. Капитан велел его принести и, зарядив двумя пулями, скрепленными друг с другом прочной просмоленной бечевкой, выстрелил в самую гущу плодов. Выстрел произвел в чаще ветвей настоящее опустошение, и на землю свалилось пять или шесть огромных плодов. Редвуд выстрелил еще раз. Теперь под деревом лежало уже штук двенадцать плодов. Такого количества хватит на целые сутки.

Подобрав сбитые плоды, их перенесли под другое росшее поблизости дерево, ветви которого не таили в своей густой листве таких вкусных и опасных плодов, как дуриан.

Туда же перетащили и весь скарб из пинассы, решив разбить здесь более основательный лагерь.

Было очень тепло, поэтому разводить костра не стали; тем более что спелые дурианы едят сырыми.

И вот, пока все завтракали этими вкусными плодами, Сэлу рассказал о них интересные вещи.

Не стану повторять его рассказ слово в слово — вряд ли кто из читателей понял бы своеобразный жаргон малайца, — а предлагаю взамен описание этого редкого и ценного плода, составленное мною как на основании рассказа Сэлу, так и других источников.

Дуриан — одно из самых высоких лесных деревьев. Внешне это дерево напоминает вяз, но, в отличие от вяза, у него гладкая чешуйчатая кора. Дуриан встречается почти на всех островах Малайского архипелага и не прививается ни в какой другой части земного шара. Это, очевидно, и является причиной его малой известности.

Другой не менее важной причиной является то, что вполне зрелые плоды слишком нежны и не выносят длительных перевозок. Форма плодов почти шарообразная, цвет — зеленый, а величиной они с самый крупный кокосовый орех.

Поверхность шаров густо усыпана толстыми и очень твердыми шипами, шестиугольные основания которых

плотно прилегают друг к другу. «Колючий панцирь» надежно защищает дуриан, и, если стебель, на котором он висит, обломлен у самого плода, дуриан невозможно взять в руки, не исколов до крови пальцев. А кожура его настолько упруга и крепка, что дуриан не разбивается и не сплющивается, с какой бы высоты он ни упал. Плод состоит из пяти долек, линии соприкосновения которых чуть заметно обозначены на его кожуре. Умело просунув лезвие ножа между шипами, по этим линиям можно разрезать плод на пять равных частей. Дело это требует, однако, известной силы и навыка. В шелковистой белой оболочке долек содержится сочная мякоть цвета сливок и несколько семян величиной примерно с орех каштана. Очень трудно дать представление о вкусе и аромате плодов дуриана. Известный охотник-натуралист мистер Уоллейс описывает их так:

«Лучшее представление о вкусе дуриана дает, пожалуй, ароматный заварной крем с миндалем. К этому основному запаху примешивается целый букет ароматов: тут запах и сливочного сыра, и лукового соуса, и черного хереса, и множество других вещей. Мякоть плода отличается какой-то особой, свойственной только ему, скользкой клейкостью, что делает вкус его исключительно нежным. Дуриан ни сладок, ни кисел, он даже не слишком сочен, но, когда его ешь, не замечаешь, чтобы ему недоставало какого-либо из этих качеств. Вкус дуриана превосходен именно таков, как он есть; чем больше вы его едите, тем больше вам хочется его есть; и сколько бы вы ни съели, у вас не будет ни тошноты, ни других неприятных явлений. Съесть первый раз дуриан — значит, получить совершенно еще не изведенное ощущение. А ради этого, право же, стоит съездить на Восток!

Вполне созревшие плоды падают на землю. Тогда-то их лучше всего и есть: полежав некоторое время на земле, они утрачивают излишнюю терпкость. Недозревшие плоды, приготовленные соответствующим образом, прекрасно заменяют овощи, а даяки¹ едят их и нездзре-

¹ Д а я к и — одно из индонезийских племен.

дыми, тоже в сыром виде. При хорошем урожае дурианы засаливают в глиняных кувшинах и бамбуковых сосудах и таким образом сохраняют иногда в течение целого года; плоды приобретают за это время столь ценный европейцами аромат. У даяков соленые дурианы служат любимой приправой к их неизменному рису. В лесах Малайского архипелага произрастают две разновидности дикого дуриана; их плоды значительно мельче; у одной из этих разновидностей мякоть оранжевого цвета. Неправильно было бы утверждать, что дуриан — лучший из фруктов; он ни в коем случае не может заменить таких кисло-сладких плодов, как апельсины, виноград, манго и мангостан, живительный сок которых действует столь благотворно и освежающе. Но в качестве вкусной пищи он незаменим. Если бы мне предложили назвать двух представителей растительного мира, каждый из которых заключал бы в себе все достоинства своего класса, я, не задумываясь, назвал бы апельсин и дуриан.

Дуриан — опасное дерево. Когда его плоды созревают и начинают опадать, случается, что они ранят проходящих или работающих под деревом людей. Нанесенная упавшим дурианом рана ужасна: кроме того, что сам по себе удар тяжелого плода очень силен, его твердые шипы до крови раздирают кожу. И все-таки эта страшная рана редко является причиной смерти: обильная потеря крови спасает от возможного в таких случаях воспаления.

Один из вождей племени даяков рассказывал мне, как однажды его сильно ранил упавший ему на голову дуриан; он был уверен, что скоро умрет — так тяжело было ранение. Но рана быстро зажила, и он поправился.

Не только коренные жители Малайского архипелага, но и поселившиеся там иностранцы считают дуриан лучшим, то есть вкуснейшим из плодов. Старый путешественник Луишотт еще в 1599 году писал, что дуриан превосходит по вкусу все известные ему плоды. А другой столь же старый путешественник, доктор Паладенус говорит: «Плоды этого растения сочны и очень

приятны на вкус. Людям, впервые увидевшим дуриан, сначала кажется, что он пахнет прелым луком; но, едва отведав его, они уже не хотят есть ничего иного. Туземцы всячески превозносят это растение; они дают ему громкие имена и слагают о нем хвалебные песни»¹.

Глава IX

ГАВИАЛ

Покончив с дурианом, капитан Редвуд, Муртах и малаец снова отправились на поиски пищи. Необходимо было добыть к обеду мяса, рыбы, птицы — словом, чего-нибудь более существенного, чем сырые плоды.

Каждый из мужчин пошел тем же путем, что и раньше, до случая с дурианом: Редвуд — в лес, Муртах — вверх по течению реки, а Сэлу — по берегу залива. В руках у малайца была заостренная с одного конца бамбуковая палка, которую он время от времени втыкал в песок, чтобы узнать, нет ли там устрицы.

Генри и Эллен опять остались одни. Только теперь они уже не сидели под деревом. Отец велел им выкупаться. И это в самом деле было необходимо — ведь они так долго лежали в прыжной лодке, томясь под зноем тропического солнца. К тому же купанье прекрасно восстанавливает здоровье и укрепляет тело. Генри стал купаться поближе к морю, а Эллен, которой нравилась прозрачная вода и мягкое песчаное дно реки, вошла в воду неподалеку от места, где они сидели. «Безопасней», — подумала она. Сюда не достигали волны прибоя, и течение реки тут было гораздо спокойнее.

¹ Добавим ко всему сказанному о дуриане, что это растение принадлежит к семейству баобабовых, куда относятся и баобаб и хлопчатое дерево. Ствол дуриана очень высок, его листья похожи на листья вишни, а светло-желтые цветы висят крупными гроздьями. Дерево приносит ежегодно до двухсот плодов, и в каждом плоде содержится десять — двенадцать семян величиной с голубиное яйцо. В поджаренном виде семена дуриана столь же вкусны, как жареные каштаны, на которые они очень похожи. (Примеч. автора.)

Однако мы сейчас увидим, что безопасность оказалась мнимой. Едва охотники разбрелись, как безмятежный покой знойного полудня был нарушен пронзительным криком, который далеко разнесся в безмолвии острова и, докатившись до леса, резко оборвал пение крылатых его обитателей.

Услышал этот крик и капитан Редвуд, бродивший с винтовкой по лесу, высматривая дичь среди густых ветвей; услышал его и Муртах, сидевший с удочкой на берегу реки; и Сэлу, зашедший по колена в воду; и Генри, плавно покачивавшийся на волнах морского прибоя. Но особенно громко прозвучал этот крик в ушах Эллен, потому что кричала она сама. То был крик смертельного ужаса.

Услыхав его, все тотчас же побросали свои занятия и опрометью кинулись туда, где оставили Эллен.

Через несколько секунд мужчины и мальчик побежали к берегу, и то, что они увидели, заставило содрогнуться от ужаса их полные отваги сердца.

Посредине реки, ширина которой достигала в этом месте ста футов, стояла Нелли. Видно, у берега ей показалось слишком мелко. Вода была девочке по самую шею, на поверхности виднелась лишь ее голова. А напротив нее торчала другая голова — огромная голова страшилища, похожего на гигантскую ящерицу. Это было пресмыкающееся из породы крокодилов, которое, покинув заросли тростника на противоположном берегу, быстро неслось навстречу перепуганной девочке. И неудивительно, что при виде этой страшной длиннорылой головы с широко разинутой пастью Нелли не могла подавить крик ужаса.

Весь вид чудовища говорил о его намерении проглотить свою жертву.

— Гавиал! — крикнул Сэлу, увидев огромное тело гигантского крокодила, достигавшее целых двадцати футов в длину.

— Гавиал! — повторили в один голос капитан и Муртах. Оба прекрасно знали, что представляет собой плывущее к девочке чудовище.

Голова животного имела не менее ярда в длину, и

почти всю ее занимали огромные челюсти, на верхней из которых торчала большая продолговатая шишка — характерное отличие от других видов пресмыкающихся этого отряда.

Когда встревоженные криком люди подбежали к берегу — а прибежали они туда почти одновременно, — между гавиалом и девочкой оставалось не более двадцати ярдов. Гибель ее казалась неминуемой...

В первый момент, заметив грозящую ей опасность, Нелли попыталась бежать. Но неосторожность завела ее слишком далеко от берега, а страх совсем сковал ее силы; сделав несколько движений, девочка отказалась от своей попытки и, стоя по шею в воде, издавала отчаянные вопли.

Что делать? Еще несколько секунд — и огромные челюсти схватят хрупкое тело ребенка...

Несчастный отец беспомощно стоял на берегу, всем своим видом являя живое воплощение горя. Крохотная, с горошину, пуля его винтовки причинила бы этой чудовищной голове не больше вреда, чем капля дождя или града. И даже в том случае, если бы капитану удалось попасть гавиалу в самый глаз, он и тогда вряд ли отказался бы от столь близкой добычи. Таким же беспомощным чувствовал себя и Муртах со своей удочкой, не говоря уже о Генри; у этого не было не только оружия, но даже платья на теле: он купался и, услышав крик сестры, так и прибежал голышом.

Оставалось одно: броситься между гавиалом и девочкой и защищать ее, рискуя собственной жизнью. Так они и собирались уже сделать, но в самый последний момент их остановил громкий возглас малайца, который до сих пор казался совершенно безучастным. Поняв, что Сэлу что-то придумал для спасения Эллен, все остановились; трудно было догадаться, что именно хочет он сделать. Единственным оружием малайца была оставшаяся накануне от костра бамбуковая палка, которую он заострил, уходя сегодня на поиски устрицы. Вряд ли это можно было назвать оружием...

Сэлу еще издали увидел приближающегося к девочке гавиала; он выхватил нож и, заточив на ходу второй

Сэлу молниеносно воткнул распорку в пасть гавиала.

конец палки, бросился в реку с этим жалким подобием оружия.

Не успели оставшиеся на берегу прийти в себя от изумления, как малаец уже вынырнул между гавиалом и Эллен, а в следующее мгновение его черная голова с длинными лоснящимися волосами появилась у самой пасти чудовища. Потом голова опять исчезла, а на поверхности показалась коричневая рука с бамбуковой палкой. И тут произошло нечто странное: палка молниеносно оказалась в самой пасти гавиала; тот завертелся, забил хвостом по воде и, описывая самые невероятные зигзаги, отскочил в сторону. Тогда из пенящихся, взбаламученных вод снова появилась голова Сэлу, на этот раз рядом с Эллен. Сметливый и отважный спаситель помог девочке добраться до берега и живую и невредимую вручил отцу.

Гавиал между тем все бесновался, мутя воду мощными ударами своего длинного и подвижного, как у ящерицы, хвоста; и прошло не менее получаса, пока течение реки снова приняло свой безмятежно спокойный вид. Распорка, вставленная ловкой рукой малайца в пасть чудовища, не давала ему сомкнуть челюсти; глотка его наполнилась водой. Гавиал захлебывался, и конец его был неизбежен...

И действительно, наблюдавшие с берега люди вскоре увидели, как труп этого огромного пресмыкающегося несется вниз по течению реки ко всепоглощающему океану, где его сожрут ненасытные акулы или какие-нибудь другие чудовища, еще более отвратительные и хищные, чем был он сам, хотя и трудно вообразить что-либо хуже гавиала. Это пресмыкающееся — самый безобразный из крокодилов и аллигаторов и отличается от них целым рядом характерных особенностей.

Так, например, у него исключительно узкие, длинные, сдавленные с боков челюсти, а голова имеет форму вертикального четырехгранника. По количеству зубов гавиал превосходит нильского крокодила, хотя и этот последний обладает изрядным количеством орудий разрушения.

Гавиал легко передвигается в воде благодаря своим перепончатым задним лапам.

Чудовище, напавшее на Эллен, было примерно двадцати футов длины, но встречаются и более крупные гавиалы, длина которых достигает восьми — девяти ярдов.

Капитан Редвуд сердечно поблагодарил Сэлу за спасение дочери, от души сожалея, что ничем не может вознаградить своего верного спутника.

Г л а в а X

РОЮЩИЕ ПТИЦЫ

Как ни вкусны были дурианы, все же стол из одних этих плодов не мог считаться полноценным. Так думал Сэлу, и Муртах был вполне с ним согласен. Ирландец заявил, что, если бы понадобилось, он мог бы питаться одной картошкой, но предпочел бы, конечно, хоть небольшой кусок ветчины или солонины.

Точно так же думали и остальные. Кусок мяса — все равно соленого или свежего — был необходим, чтобы окончательно восстановить силы.

Но где его взять? Лес казался необитаемым. Капитан Редвуд пробродил больше часу, и за все это время ему не попалось ни одного животного, даже птицы. Правда, река изобиловала рыбой, а в песке отмели, несомненно, были устрицы, но Муртаху и Сэлу так и не удалось раздобыть ни того, ни другого.

Люди стосковались по мясной пище и с сожалением подумывали об упущенном гавиале; из его мяса можно было бы приготовить жаркое — пусть бы и не очень вкусное, но вполне съедобное.

Обескураженные неудачной охотой и все еще чувствуя слабость, капитан и его спутники никуда уже в этот день не пошли, а остались под деревом.

За ужином, состоящим все из тех же дурианов, Сэлу заговорил о яйцах. Товарищи внимательно прислушивались к его словам. В самом деле, если бы им уда-

лось найти хоть несколько яиц, у них была бы вкусная и питательная еда.

Только где их найти? Этот вопрос очень занимал ирландца, который охотно съел бы сейчас целую дюжину яиц в любом виде: вареных, печеных, зажаренных на сковородке и даже, как он сам выразился, прямо из скорлупы — сырых.

— Яйца! — с усмешкой воскликнул он, когда Сэлу завел о них разговор. — Хотел бы я хоть взглянуть на них! Да я съел бы сейчас целую корзинку этих самых яиц, будь они хоть лебединые!

— Яйца, много яйца! Близко, близко! Надо искать.

— Да что они тебе приснились, что ли?

— Нету, не плиснись, Мультах. Ты слыхать, этот нось клисяла мали? Весь нось клисяла!

— Мали? А что это такое?

— Большой птица, похос на индейка. Сэлу слышал его. Клисит, как селовек, котолый умирать.

— Постой, постой! Я тоже слышал какой-то крик. Я еще подумал, что, может быть, это бенши¹. Ах, так это птица! А какой толк от ее крика! Она ведь не крикнула нам о том, где ее гнездо!

— Гнездо близко. Мали делать свой гнездо на белег моля. Завтла я его находить.

Действительно, накануне ночью все слышали странные жалобные крики, доносившиеся со стороны океана. Капитан, которому этот голос был незнаком, подумал, что кричит какая-нибудь из гнездящихся на острове морских птиц; он не предполагал, однако, чтобы гнездо оказалось так близко.

Едва проснувшись утром, он отправился со своей винтовкой на берег, в надежде подстрелить к завтраку хотя бы нескольких чаек, но вернулся ни с чем. На берегу не оказалось даже этих птиц.

И вот Сэлу объяснил, что птицы, которых они слышали ночью, вовсе не морские, а живут в лесу; на берег

¹ Бенши, которую называют иногда «кричащей женщиной», — вымышленное существо, согласно ирландскому поверью, предсказывающее своим криком смерть. (Примеч. автора.)

же выходят только в период гнездования. Потому-то их крик со стороны моря — верный признак того, что где-нибудь поблизости есть гнезда.

Малаец не кончил еще рассказывать, как вдруг все увидели то, о чем он говорил: большую стаю птиц — штук пятьдесят. И увидели их не на ветках деревьев и не в воздухе, а на берегу залива, где они выпагивали по песку со степенной деловитостью домашней птицы, шествующей к только что засеянному полю и время от времени останавливающейся, чтобы склевать случайно оброненные на землю зерна. Размером птицы были с курицу-кохинку, а их гребешки, торчащие вверх хвосты и пестрое оперение, в котором сочетались глянцево-черный и чуть розоватого оттенка белый цвета, придавали им большое сходство с самыми обыкновенными курами. Они принадлежали к отряду птиц, очень близкому к куриным и распространенному в Австралии и на некоторых островах Австрало-Малайского архипелага, где отряд куриных отсутствует. В отряде несколько видов; одни из них, такие, как «австралийский ястреб», очень похожи на индейку, другие напоминают обычных кур, третьи имеют сходство с различными породами фазанов. У этих птиц своеобразный способ выводить птенцов: они откладывают свои яйца в кучи, которые специально для этого наскребают из всякого сора, и оставляют их там вплоть до вылупления птенцов, за что и получили имя «сорных». У различных представителей отряда «сорных» кур способы высиживания птенцов кое в чем отличаются друг от друга, но суть их одна и та же. За большие, хорошо приспособленные для рытья лапы с длинными крючковатыми когтями естествоиспытатели называют этих птиц «большеногами».

В Австралии, где большеноги также распространены, встречаются иногда огромные кучи-гнезда, достигающие порой пятнадцати футов высоты и шестидесяти в окружности у основания.

Большеноги — это крупные, тяжеловесные птицы, с длинными, толстыми ногами и пальцами, неуклюже передвигающиеся по земле и очень нескладные в полете. Как мы сейчас увидим, способ устройства гнезда у боль-

шеногов несколько иной, чем у австралийского ястреба, хотя в основном он остается тем же.

Они строят свое гнездо так: описав на земле своими когтистыми лапами большой круг, птицы начинают ходить по этому кругу, сребая внутрь его все, что попадает им под ноги, — сухие листья, веточки, траву и прочий сор. Прodelав, таким образом, один круговой обход, они принимаются за другой и так, постепенно сокращая круги, доходят до центра. В результате получается большая, круглая, прекрасно расчищенная площадка, посреди которой возвышается низкая, неправильной формы куча. Тогда птицы, продолжая ходить вокруг этой кучи, постепенно уменьшают ее диаметр, причем она растет в высоту, образуя большой конусообразный холм.

На вершине холма птицы делают углубление примерно фута в четыре, в которое откладывают яйца. Засыпав яйца сверху тем же сором, птицы предоставляют их воздействию солнечных лучей и тепла, возникающего внутри кучи при гниении сора. На этом, однако, их родительские заботы не кончаются. Сامةц, обладающий поразительным инстинктом улавливать малейшие колебания температуры воздуха, все время наблюдает за кучей, поддерживая в ней нужную для высиживания птенцов температуру. Он по несколько раз в день то заваливает яйца толстым слоем листьев, то почти обнажает их.

Не кончаются заботы отца и после того, как птенцы вылупятся, потому что целых двенадцать часов они продолжают сидеть в куче и, даже начав бродить по земле, возвращаются на ночь в свое гнездо, где отец каждый раз снова засыпает их листвой, только уже не таким плотным слоем.

Интересно, что на самой вершине кучи всегда остается почти цилиндрическое отверстие — «труба» — для притока свежего воздуха и выпуска из нее образующихся при гниении газов.

В каждое гнездо откладывается обычно несколько дюжин яиц. Яйца эти, превосходные на вкус, любят как туземцы, так и белые люди.

Австралийский ястреб, подобно всем куриным, очень любит рыться в пыли, и в том месте, где птица роется, остаются ямки. По этим-то ямкам охотники за яйцами и находят гнезда.

А теперь вернемся к большеногам острова Борнео, появление которых так заинтересовало капитана Редвуда и его спутников.

Как мы уже говорили, птицы появились внезапно, выйдя из-за отрога скрывавшего их до сих пор песчаного холма. Это было семейство отряда куриных, известное под именем «малео», или, на языке Сэлу, — «малеи».

Не замечая наблюдавших за ними людей, которых скрывала густая тень развесистого дерева, птицы продолжали спокойно заниматься своим делом. Да, именно делом. Это было заметно с первого взгляда. Хотя то одна, то другая из птиц останавливалась, чтобы склевать случайно подвернувшегося червяка, былинку или зернышко, каждый, взглянув на них, сразу понял бы, что цель их прогулки заключается вовсе не в поисках пищи.

По временам какая-нибудь из птиц вдруг отделялась от стаи и быстро неслась куда-то в сторону; затем, так же внезапно остановившись, она озиралась вокруг, будто исследуя почву, и кудахтаньем созывала остальных. Стая со всех ног сбегалась на призыв, и тут поднималось такое кудахтанье, словно обсуждался какой-то исключительно важный вопрос их общего благополучия.

Капитан и его спутники обратили внимание на то, что птицы, переводящие за собой с места на место всю стаю, кое в чем отличаются от прочих. Так, например, их гребнеобразные наросты на голове и бугорки по обеим сторонам клюва были крупнее, чем у остальных, красные пятна на их лишенных перьев щеках — более густого и сочного оттенка, а оперение — глянцеветей и ярче; розовато-белые части его были у этих птиц окрашены в чисто розовый или розовато-оранжевый цвета. Очевидно, то были самцы или, как их принято называть, «петухи». Отличие от кур выражалось у них, однако, не столь резко, как у нашей домашней птицы, и

его можно было заметить лишь на очень близком расстоянии.

Птицы находились ярдах в двухстах от наблюдавших за ними людей, и, судя по направлению, в котором они передвигались, нельзя было ожидать, что они подойдут ближе. Поэтому капитан Редвуд взялся за мушкет, собираясь послать в стаю несколько пуль.

Но Сэлу шепотом остановил его:

— Не надо стелелять, капитан! Птица далеко. Твой пломахнуться. Давай подозревать — они хотят искать место для яиц.

Редвуд послушался и отложил ружье. Все стали молча наблюдать за птицами, которые как ни в чем не бывало продолжали бродить по берегу, перескакивая с места на место.

Вот они очутились на ровном пространстве, куда не достигали волны прибоя и песок был совершенно сух. Тут по команде одного из петухов, величественная поступь и особо яркое оперение которого говорили о том, что это «вожак», куры остановились. Последовало более длительное, чем на других местах, совещание, и, когда оно окончилось, птицы уже не побежали на поиски нового места, а усьелись на песке и стали рыть его своими большими когтистыми лапами. Песок так и летел во все стороны, окутывая всю стаю густым облаком. Забава продолжалась почти полчаса. Да это была и не забава. Когда она окончилась, наблюдавшие из-за дерева люди увидели на том месте, где сидели птицы, яму, настолько большую и глубокую, что, если бы туда вошла вся стая, более половины ее скрылось бы от зрителей.

Потом притаившиеся за деревом люди увидели, что вокруг ямы началось какое-то движение; одни птицы торопливо входили в нее, другие выходили, будто выполняя какую-то общепользную работу, но в яме их все время оставалось по несколько штук. По более скромному их оперению было ясно, что это куры. А петухи, гордо подняв хвосты и церемонно выступая, расхаживали вокруг ямы, всем своим видом изобличая виновников торжества.

Странная сцена длилась уже часа два, и Сэлу все время уговаривал своих спутников не нарушать ее, обещая, что они будут щедро вознаграждены за терпение.

В заключение своей таинственной работы птицы снова стали рыть песок вокруг ямы; только теперь он летел обратно в нее. И не успели еще рассеяться облака пыли, как началось прямо-таки паническое бегство пернатых. Большегоди разделились на небольшие партии — по две, по три птицы в каждой — и удирали кто куда. Одни неслись прямо по ровному песчаному берегу, другие, неуклюже хлопая крыльями, взлетели и помчались к лесу.

— А тепель будем полусять плата за телпение! — радостно сверкая блестящими черными глазами, сказал Сэлу. — У нас есть яйца малеи. Самый холосый яйца! Вкусней, сем дулиан.

Прятаться уже не надо было; все поднялись с земли и побежали туда, где только что трудились птицы.

Там они увидели совершенно ровное место — никаких следов ямы. И если бы не более яркий цвет недавно перерытого песка с чуть заметными следами когтей на нем, никто не поверил бы, что здесь была вырыта и вновь засыпана птицами, похожими на домашних кур, огромная яма. Сэлу и Муртах сбегали к пинассе и притащили оттуда два весла; орудуя ими, как лопатами, они раскопали рыхлый песок. В яме оказалось три дюжины яиц красновато-кирпичного цвета и обычной продолговатой формы — с одним тупым и другим конусообразным концом. Самым замечательным в этих яйцах был их огромный размер по сравнению с телом птиц, которым они принадлежали. Птицы были не крупнее кур, а яйца — не мельче гусиных.

Муртах, неловкий, как все ирландцы, нечаянно разбил одно яйцо; его содержимое вылили в жестяную кружку, объемом не менее чайной чашки, и оно заполнило ее до самых краев.

Яйца подоспели как нельзя более кстати; да и по вкусу они были превосходны, ничуть не хуже куриных, а может быть, даже вкуснее и напоминали яйца индейки или песарки. Целую дюжину их приготовили тут же

на завтрак; одни сварили, из других сделали яичницу, пользуясь вместо кастрюли и сковородки створками гигантской раковины.

Так изголодавшиеся люди нашли наконец возможность сменить свой фруктовый стол. У них получилось нечто сходное с обычаем древних римлян¹, только в обратном порядке. Впрочем, некоторые из современных народов — испанцы, например, — именно так и едят.

Глава XI

ЛАНУНЫ

Устрица значительно подкрепила умиравших от голода людей, дурпаны явились прекрасным десертом, но, только поев яиц, они ощутили новый прилив бодрости, и к ним вернулись утраченные силы.

Первым это почувствовал Муртах; он тут же громогласно заявил, что готов на любую работу. Да и остальные вновь воспрянули духом и принялись оживленно обсуждать вопрос, как бы поскорее выбраться из этой, по-видимому, необитаемой части острова, который, хотя и оказался гораздо гостеприимней, чем они думали вначале, все же совсем не годился для постоянного жилья. Капитана Редвуда несколько не привлекала мысль стать вторым Робинзоном Крузо. Точно так же как Сэлу и Муртах отнюдь не горели желанием слишком долго играть роль его Пятниц — по крайней мере, если есть хоть малейшая возможность избежать этого. Весь остаток вечера прошел в разговорах. Пуститься ли снова на пинассе в открытое море или побродить по острову и попытаться найти поселение европейцев — вот в чем заключался вопрос.

Редвуд знал, что на Борнео существует не одно такое поселение. Например: голландские резидентства в Самбосе и Сарабанге, английское губернаторство на островке Лабуан и какое-то поселение — не то колония,

¹ Римляне начинали свою трапезу яйцами и кончали десертом. (Примеч. автора.)

не то королевство, — находящееся под властью отважного искателя приключений, англичанина сэра Джеймса Брука, присвоившего себе громкий титул «саравакского раджи». Для всех было ясно, что, если бы им удалось добраться до одного из этих мест, их страданиям пришел бы конец. Оставалось решить, какое из поселений предпочесть и каким путем к нему идти: берегом или прямым путем, пересекая остров.

После зрелого размышления решили отправиться к Лабуану. Этот остров был, по предположению капитана, ближайшим населенным пунктом, и притом единственным, до которого они могли добраться.

Но так как силы еще не вполне вернулись к ним, они вовсе не собирались начинать свое путешествие немедленно, а ограничились пока тем, что подробно обсуждали его и взвесили все возможные случайности.

Капитан и его спутники, хотя они и были теперь на твердой земле и могли не опасаться ужасов «морской пучины», все еще не чувствовали себя в безопасности. Та часть острова, где они находились, казалась необитаемой. Но не это пугало их. Наоборот, меньше всего им хотелось увидеть людей. Сопоставив место кораблекрушения с расстоянием, пройденным после этого пинассы, и направлением, в котором она шла, капитан Редвуд предполагал... да нет, был почти уверен, что они находятся теперь на северо-восточном побережье острова. А он достаточно долго плавал среди островов Малайского архипелага, чтобы знать, как опасны эти места. Опасны не дикими зверями, а свирепыми хищниками в человеческом облике — иначе говоря, пиратами.

Эти морские разбойники, находящие пристанище в хорошо укрытых неприступными скалами пещерах по берегам лагун многих островов Малайского архипелага и главным образом острова Минданао, снуют по всему Индийскому океану. Самым излюбленным их местом являются моря вокруг островов Сула — то есть пространство между островом Борнео и Новой Гвинеей.

По месту главной резиденции пиратов на Ланоне — южная оконечность острова Минданао — их прозвали «ланунами». Но есть у них пристанища и гавани и на

других островах Целебесского моря, в том числе и на самом Целебесе, а также вдоль восточного и северного побережий острова Борнео. На Борнео их называют обычно «даякскими пиратами», что не совсем правильно, так как большинство этих пиратов чистокровные малайцы; даяков же среди них очень мало, и они, наоборот, сплошь и рядом сами оказываются их жертвами.

Пиратские суда, называемые «прао», похожи на большие китайские джонки¹, с низкими толстыми мачтами и большими квадратными парусами из волокнистой плетенки. Главную роль на этих судах играют, однако, не паруса, а весла с очень широкими лопастями и искусные гребцы, которых бывает на прао по тридцать — сорок, а на более крупных судах — и до пятидесяти человек. Гребцы сидят двойными рядами вдоль обоих бортов и не принимают никакого участия в борьбе; ее ведут начальники и воины, стоя на чем-то вроде платформы или верхней палубы, протянувшейся почти вдоль всего судна. Преимущество весел перед парусами заключается в том, что на веслах при слабом ветре или даже полном штиле, которые так характерны для тропических морей, прао без труда может настигнуть парусное судно. Необходимы весла и в том случае, когда при свежем ветре надо уйти от догоняющего прао судна.

Пираты нападают не только на корабли. Порой это занятие начинает казаться им недостаточно выгодным, и тогда они пополняют его грабежами на суше. Подойдя к какому-нибудь острову, они плывут вдоль берегов его рек и заливов и грабят встречающиеся на пути города и селения. Добычей им служат не только имущество и деньги, но и люди: мужчины, женщины, дети, которых они увозят в свои вертепы и держат там до тех пор, пока не представится случай продать их в рабство на одном из невольничьих рынков. Подобные рынки можно увидеть почти на всех островах Малайского архипелага, под чьей бы властью эти острова ни находились — Голландии, Испании, Португалии или же под властью собственных султанов и раджей.

¹ Джонка — плоскодонное парусное судно.

Зная все это, капитан Редвуд отлично понимал, какой опасности подверглись бы он и его спутники, попадись они в лапы разбойников. Когда их пинасса блуждала по океану, когда им грозила смерть от голода и жажды, они и не думали о пиратах. Наоборот, их обрадовали бы тогда вид любого судна, будь оно даже пиратским прао. Да это и понятно. Каждый из них предпочел бы умереть от пиратского крисса¹ или от самого тяжелого рабского труда, чем переносить голод и жажду — эти ни с чем не сравнимые страдания.

Так и теперь, избавившись не только от ужасов бездны, но и от голода, они жили в постоянном страхе перед пиратами, то и дело озираясь по сторонам и при каждом шорохе поглядывая на лес.

Немало забот причиняла и пинасса. Сами они в любой момент могли спрятаться среди густых зарослей на берегу. Но куда деть эту громоздкую лодку? Она лежала на совершенно открытом месте и бросилась бы в глаза каждому. Если где-нибудь поблизости прячутся пираты, они тотчас же поймут, увидев лодку, что на берегу есть люди.

Необходимо было куда-то ее деть. Но куда?

Можно бы, конечно, протащить волоком по песку до подлеска и там спрятать; так бы, наверно, они и сделали, если бы у них было достаточно сил, но сейчас об этом не стоило и думать. Они окрепли лишь настолько, чтобы самостоятельно передвигаться, и, разумеется, не справились бы с тяжелой пинассой.

Муртах предложил сломать ее, а обломки выбросить в море, но капитан решительно восстал. Судно, так долго служившее им единственной опорой в безбрежном океане и принесшее их живыми и невредимыми к берегам этого острова, заслуживало большего уважения. А кроме того, оно могло еще и пригодиться. Ведь они же не знают точно, где находятся: на Борнео или на одном из многочисленных островков у его восточного побережья. Если верно последнее, то пинасса понадо-

¹ Крисс — малайский кинжал с зигзагообразно изогнутым клинком.

биться им, чтобы перебраться на Борнео. Пока все обсуждали этот трудный вопрос, Сэлу, зоркие глаза которого бегали по сторонам, нашел выход из положения. Указывая на русло реки, достаточно глубокое, чтобы скрыть не только их лодку, но и более крупное судно, он воскликнул:

— Плятать тут наса лотка!

— Сэлу прав; так мы и сделаем, — согласился капитан.

— Ай да черномазый! Умней всех оказался! — одобрил Муртах. — А что, если сейчас же и взяться за работу? А, капитан?

— Конечно! — подхватили все хором.

Мужчины вскочили и побежали к лодке, оставив детей под деревом.

Глава XII

ЛОВКИЙ УДАР КРИССОМ

На то, чтобы втащить пинассу вверх по реке до места, против которого находился лагерь, ушло не менее часа. Грести против течения было очень трудно. Но в конце концов это все же удалось. Желая получше спрятать лодку, ее подтянули баграми к росшему у берега развесистому дереву. То была индийская смоковница, или, как ее обычно называют, баниан; исполинская крона его раскинулась почти до середины реки. Привязав лодку причальным канатом к одному из многочисленных стволов этого дерева, они собирались уже вернуться в лагерь, но вдруг Сэлу предостерегающе вскрикнул — видно, обнаружив перед собой что-то опасное. Правильнее, пожалуй, сказать не «перед собой», а над собой, потому что, взглянув туда, куда смотрел малаец, все увидели, как один из висячих корней баниана шевелится, словно живой. Однако тут же по цилиндрической форме и волнообразным движениям странного корня они убедились, что это вовсе не корень, а огромная змея. С дерева свисала только часть ее, но, имея представление о пропорциях змеиных тел, по этой части, в которой

было футов десять, и по конусообразному концу ее можно было заключить, что это огромный питон и что видят они лишь половину его, а может быть, и того меньше. Очевидно, змею потревожили шум и голоса людей, пришвартовывавших пинассу, и она медленно спускалась вниз головой. Хвост ее обмотался вокруг ветки, а тело повисло прямо в воздухе, как это вообще свойственно обезьянам. Вот голова ее уже коснулась земли. Еще миг — и огромный питон окажется на земле. Однако при возгласе малайца змея вздернула голову и, высунув раздвоенный язык, принялась раскачиваться, описывая в воздухе большие круги и готовая в любой момент наброситься на того, кто дерзнет переступить границу этого запретного круга.

Капитан Редвуд, услышав крик Сэлу, успел вовремя отскочить. Муртах же — то ли он слишком поздно понял предупреждение, то ли был слишком нерасторопен — замешкался. Он шел шага на два впереди капитана и Сэлу, нагруженный кучей всяких вещей с пинассы и не оглядываясь по сторонам, а когда поднял глаза, увидел, что находится уже внутри описываемого змеей круга. Повинуясь инстинкту самосохранения, он быстро отпрыгнул в сторону. Но и тут ему не повезло. Вещи, которые он нес, мешали ему видеть окружающие предметы, он с разбегу налетел на висячий корень баниана и, больно ударившись об него, не только отскочил, как мячик, назад, но растянулся вниз лицом на земле. Так бы и надо остаться: ведь питон редко пускает в ход зубы, не задушив предварительно свою жертву. Обвить же кольцами тело лежащего на земле человека он не может. Но Муртах, не обладавший сведениями в области герпетологии¹, не знал этого; кроме того, он, как любой ирландец, не мог похвастать особой сообразительностью. А потому, потирая ушибленные места, он вскочил. А едва вскочив, уже почувствовал себя с ног до головы зажатым в крепкие тиски. Холодное и скользкое тело питона обвилось вокруг него плотной спи-

¹ Герпетология — наука о пресмыкающихся.

ралью. У Муртаха вырвался нечеловеческий, страшный крик. Если бы где-нибудь, хоть на целую милю в окружности, были пираты, они бы непременно его услышали. Заслышав этот крик, птицы в лесу оборвали свои трели и щебетанье, и в наступившей мертвой тишине раздавались, не умолкая, лишь душераздирающие вопли ирландца.

Капитан Редвуд, у которого не было в этот момент никакого оружия, прыгнул назад, в пинассу, за топором, находя сейчас этот инструмент уместнее чего-либо другого.

Действительно, топор, окажись он в руках капитана вовремя, помог бы ему спасти Муртаха; но теперь несчастный ирландец был бы задушен и раздавлен питоном задолго до того, как Редвуд сумел бы прийти ему на помощь. Выручил Сэлу с его криссом, этим вечным и неизменным оружием малайцев, с которым они никогда не расстаются, нося его под рубашкой у самого тела.

К счастью для своего попавшего в беду товарища, Сэлу так ловко владел криссом, что, вонзив его зигзагообразно изогнутый клинок питону в горло, он не причинил ни малейшего вреда Муртахе, шея которого была рядом с головой змеи. В результате этого мастерского удара питон выпустил свою жертву и, корчась от боли, скрылся в зарослях. Редвуд и Сэлу не стали его преследовать; обеспокоенные состоянием распростертого на земле Муртаха, они опустились на колени и стали его тщательно осматривать. Осмотр показал, что ирландец отделался испугом; так что оставалось поздравить его со счастливым избавлением от смертельной опасности и отвести в лагерь, куда он, разумеется, не вернулся бы живым, не окажись рядом малайца с его верным оружием.

Питон является для Старого Света тем же, чем боа для Нового¹. В некоторых отношениях он даже страшнее, потому что, несмотря на свою колоссальную длину — от двадцати пяти до тридцати футов, — эта змея

¹ Новым Светом было принято называть Америку после ее открытия, а Старым — Европу, Азию и Африку.

Из уст ирландца вырвался нечеловеческий крик.

очень подвижна и обладает необычайно сильной мускулатурой. Существует много рассказов о том, что питоны удушают кольцами своего мощного тела даже тигров и буйволов.

Глава XIII

ЖИВЫЕ ЯЙЦА

Прошло еще два дня, и за это время не случилось ничего особенного. Наши герои совершили не одну вылазку вдоль побережья и в лес, стараясь, однако, не слишком удаляться от опушки. Но все вылазки не принесли ничего нового и только лишний раз убедили, что остров на большом протяжении и в ту и в другую сторону от лагеря необитаем. И что хуже всего, им так и не удалось найти никакой пищи, поиски которой и были, собственно, целью вылазок. После того как они съели яйца малео — а съели они их на второй же день, — им приходилось питаться только случайно найденными в лесу ягодами и съедобными корешками. Правда, над самой их головой в изобилии росли дурианы, однако эта пища годилась лишь на то, чтобы чем-нибудь пережить голод, и отнюдь не способствовала укреплению сил. Питаясь одними дурианами, капитан и его товарищи очень долго не смогли бы приступить к осуществлению своего трудного плана, то есть отправиться на поиски поселения белых людей. Им никак не удавалось не только найти вторую сингапурскую устрицу, но даже наловить рыбы; а те зверьки и птицы, которые случайно попадались капитану в лесу, едва завидев его, мгновенно исчезали, и он напрасно расходовал пули, стреляя им вдогонку. По ночам все опять слышали протяжные стоны малео и каждое утро отправлялись на поиски яиц. Однако хитрые птицы так и не показывались больше, найдя, видно, другое место для своего гнезда — наверно, поближе к лесу, откуда им было удобней наблюдать за яйцами. Все же малец, который прекрасно знал повадки этих птиц, не терял надежды найти их гнездо. А так как сингапурская устрица не по-

падалась, он отправился на разведку; с ним вместе по-шли и остальные.

Путь их лежал вдоль берега моря и по сыпучим вол-нам дюн у самого леса. Если гнездо существовало, оно не могло находиться нигде больше. Сэлу рассказал сво-им спутникам, что не только разные стаи, но и одна и та же стая малео закапывает свои яйца сразу в несколь-ких местах. Мало того, эти интересные птицы, гнезда которых легко узнать по следам когтей на песке, руко-водствуясь инстинктом или хитростью, маскируют их, устраивая в различных местах изборожденные когтями площадки — точно такие же, как та, где находится гнездо. Вскоре малайцу представилась возможность подкрепить свои слова фактом. Охотникам за яйцами попалось место, в точности похожее на первое найден-ное ими гнездо большеногов. Но, исследовав землю за-хваченным с собой багром, Сэлу объявил, что гнездо ложное. Если поразмыслить, такой способ маскировки не очень хитроумен. Найдя ложное гнездо, легко дога-даться, что где-то поблизости есть и настоящее. В самом деле, очень скоро охотники за яйцами увидели еще од-ну изборожденную когтями птиц площадку и, воткнув багор в землю, почувствовали, как его железный нако-нечник с резким металлическим звуком ударился обо что-то твердое. Это были яйца. Когда осторожно разры-ли веслом песок, взорам всех представились три дюжи-ны красивых желтовато-розовых яиц. Их осторожно перенесли в лагерь и, оставив там прямо на земле, снова отправились на поиски. Капитану и его товарищам хо-телось как можно больше запасти этой полезной и вкусной пищи.

Сегодня им положительно везло. Они отыскиали еще один похожий на гнездо участок, и снова багор, когда его воткнули в песок, издал столь сладкую для слуха голодных людей музыку. Яйца! Эта партия яиц была, очевидно, свежее, потому что песок казался разрытым совсем недавно. А потому и решили начать с нее. Про-бродив несколько часов кряду, охотники были теперь не менее голодны, чем в тот день, когда они впервые сту-пили на этот остров. И вот опять, как тогда, запылал

костер, опять на него были положены створки гигантской раковины — одна в качестве кастрюли, другая — сковородки, — и вскоре поспел сытный обед из двух блюд: вареных яиц и яичницы.

На следующий день все вновь пошли разыскивать гнезда малео, желая иметь запас на тот случай, когда не удастся найти ничего съестного. Однако на сей раз, хотя им и встретилось несколько исцарапанных птичьими когтями участков, все они оказались пустыми; очевидно, охотники опустошили уже все гнезда, какие были в этой части острова.

Между тем люди, окрепшие на хорошей пище, все время испытывали волчий аппетит; так что вскоре все свежие яйца оказались съеденными, и было решено приняться за яйца более давней «кладки».

Яйца лежали прямо под открытым небом на песке ярдах в двенадцати — пятнадцати от лагеря. Со стороны охотников это было непростительной ошибкой: находясь целый день под палящими лучами солнца, яйца могли испортиться. Но так как они пролежали там очень недолго, никому и в голову не пришло, что это могло случиться.

Итак, наши герои собирались превратить яйца в пашоты¹, яичницу и другие вкусные вещи. Сэлу и костер уже развел и приготовил импровизированные кастрюлю и сковородку, а Муртах направился к «кладовке», чтобы принести яйца в «кухню». Но увиденное там настолько поразило ирландца, что у него вырвался какой-то странный, ни с чем не сравнимый возглас изумления, на который поспешили все жители маленького лагеря.

Подбежав к «кладовке», они увидели, как одно из лежащих на земле яиц вдруг само собой перевернулось; а вслед за ним заворочались и остальные яйца — одни чуть заметно, другие быстрее. От страха у бедняги ирландца волосы встали дыбом, он с ужасом глядел на это невиданное явление. Да и спутники его также были явно смущены. Все, кроме малайца, который с первого же взгляда понял, в чем дело.

¹ П а ш о т — яйцо, без скорлупы, сваренное в кипятке.

— Маленькие мали! — крикнул он. — У нас нет больше яйца, у нас есть сиплята. Надо подождать минутка; вы увидите — маленький мали вылезать из скорлупы прямо в пельях.

Сэлу сказал правду. Цыплята вылупились не голыми и беспомощными, а в полном оперении; во всяком случае, едва вылезши на белый свет, они могли уже летать. И по мере того как от ударов их клювиков одна за другой лопались скорлупки, из них, будто игрушечные человечки из ящичка с секретом, выскакивали прелестные, пушистые птенцы, которые тут же, расправив свои крошечные крылышки, начали перепархивать по песку. Зрители, наблюдавшие эту картину, были так поражены, что, если бы не Сэлу, все птенцы успели бы вылупиться и упорхнуть в лес; а они так бы всё стояли и глядели. Малаец, для которого это зрелище не представляло ничего нового, сохранил хладнокровие и невозмутимость. Подкрепленный тем и другим и вооружившись багром, он устроил настоящую охоту на птенцов, благодаря чему наши герои получили на обед не яйца, а вкусное цыплячье мясо.

Глава XIV

ИСКУСНЫЙ ДРЕВОЛАЗ

Цыплята, которыми полакомились наши герои вместо яиц, на какое-то время удовлетворили их аппетит. Но, зная, что скоро снова захочется есть, они все-таки не остались сидеть сложа руки. Необходимо было сделать запас какой-нибудь пищи, и, если удастся, таковой, чтобы его хватило не только до начала задуманного путешествия, но и на первые дни пути.

На Борнео множество птиц, среди них встречаются и очень крупные; но их не так-то легко увидеть, а еще труднее поймать или подстрелить. Есть там и крупные четвероногие, такие, например, как яванский носорог и двухцветный тапир. И хотя мясо этих толстокожих животных жестковато, люди, у которых нет ничего лучшего, находят его довольно вкусным. У наших же героев

не было и этого. Во время своих вылазок они не заметили никаких следов присутствия на острове тапиров или носорогов. А если бы им и попался носорог, они едва ли справились бы с ним. Не говоря уже о величине этого зверя, у него очень толстая кожа, сплошь покрытая твердыми шишкообразными наростами, защищающая не хуже рыцарских доспехов.

Двухцветный тапир, более сильный и крупный, чем южноамериканский, тоже достался бы им нелегко.

На Борнео водятся также два вида оленей; один из них, очень крупный, называется «руза».

Капитан Редвуд, не теряя надежды встретить оленя, ежедневно ходил в лес со своей винтовкой; иногда его сопровождал Муртах с мушкетом.

Но каждый раз оба возвращались с пустыми руками и все более и более удрученные — им так и не удавалось подстрелить ни одного животного, мясо которого хоть мало-мальски напоминало бы оленину. Сэлу попробовал еще раз поискать сингапурскую устрицу или яиц, но и эта его попытка оказалась бесплодной. Видно, в той части острова не было больше ни гнезд малео, ни устриц, ни каких-либо моллюсков. Не попадались им и большеноги — исчезли и те птицы, гнезда которых они разорили.

Отложив яйца, большеноги уже не возвращаются к ним, предоставляя своим птенцам с первого же дня их рождения самостоятельно пробивать себе дорогу в жизни; правильнее бы сказать — до рождения: ведь нельзя же считать их родившимися, пока они еще не вылутились из скорлупы. А им и тогда уже приходится трудиться — пробивать скорлупу. Иначе они задохлись бы, так и не взглянув на белый свет. Да что и говорить, птенцы большеногов Малайского архипелага — самые «скороспелые» птицы в мире!

После того как наши герои съели последнего цыпленка, им опять пришлось питаться одними дурианами, а это было хотя и очень вкусной, но отнюдь недостаточной для поддержания сил пищей.

Впрочем, добывать дурианы тоже было не так-то легко. На деревьях, куда удалось вскарабкаться Сэлу,

не осталось уже ни одного плода, а дурианы, в изобилии росшие на ветвях дерева, под которым был разбит первый лагерь, не смог бы, наверно, достать ни один человек в мире. Колоссальная высота этого дерева, достигающего почти сотни футов, и гладкий, как у сикомора¹, ствол делали его неприступным. Редвуду удалось, правда, сбить немало плодов выстрелами по методу сцепленных ядер, но ему было жаль расходовать пули. Приходилось выдумывать какой-нибудь иной способ «собиранья» дурианов. Сэлу и тут пришел на выручку.

К счастью, он оказался уроженцем Суматры, выросшим среди ее лесов, у которых много общего с лесами Борнео. Малаец прекрасно знал все породы деревьев, общие для обоих островов. И, пожалуй, из всех оставшихся в живых членов экипажа Редвуда самые ценные услуги оказывал капитану его темнокожий лодман; особенно с тех пор, как они попали на остров Борнео.

Убедившись на опыте в пользе советов малайца, товарищи стали обращаться к нему при всяком затруднительном случае. Но, несмотря на то что они считали его способным найти выход из любого положения, их не только удивило, но они просто не поверили ему, когда он объявил, что взберется на большой дуриан. И, конечно, более других был склонен к недоверию Муртах.

— Черномазый просто смеется над нами! — воскликнул он. — Белка и та не вскарабкалась бы на это дерево. Да вы поглядите на ствол! Он такой же гладкий, как медная обшивка корабля, и ухватиться-то не за что. Говорю я вам, шутит малаец!

— Нету сути Сэлу! Сколо, сколо Сэлу калабкаться дулиан. Мультах будет помогать.

— Уж насчет этого будь покоен — помогу! Лишь бы толк был. Но что ты задумал?

Ничего не ответив Муртаху, Сэлу взял топор и отправился к зарослям бамбука неподалеку от лагеря. Срубив пять — шесть самых толстых бамбуковых палок,

¹ С и к о м о р — дерево из семейства тутовых со съедобными плодами и крепкой древесиной; растет в Восточной Африке.

толщиной в несколько дюймов, он велел Муртаху отнести их поближе к большому дуриану. Потом еще и еще, до тех пор, пока, по его мнению, палок набралось вполне достаточно. Тогда Сэлу вернулся к лагерю и стал рубить бамбук на равные части, дюймов по восемнадцати каждая. Немало помог ему в этом деле Муртах, бывший, как мы знаем, судовым плотником. Вскоре вся земля вокруг была завалена бамбуком. Каждый из отрезков расщепили вдоль на две части и заострили с одного конца. Получились колышки, какие обычно втыкают в землю.

Но Сэлу предназначал их совсем для другого.

Пока Муртах расщеплял и заострял колышки, он сбегал в лес и вернулся оттуда с целой охапкой чего-то очень похожего на грубые упаковочные веревки. Они были зеленоватого цвета; однако выступивший из них сок свидетельствовал о том, что это вовсе не веревки, а один из видов ползучих растений, паразитирующих на деревьях, или эпифиты, как их называют ботаники. Благодаря этим растениям, которыми изобилуют леса Борнео и других тропических стран, там совершенно отсутствует веревочное производство.

Бросив «веревки» на землю, Сэлу взял один из колышков и тыльной стороной небольшого топорика, плоской, как у молотка, вбил его несколькими дюймами выше своего роста в мягкую заболонь¹ дуриана. Потом он отбросил топор и, ухватившись за колышек обеими руками, повис на нем всей своей тяжестью, испытывая прочность. Колышек выдержал, и Сэлу остался очень доволен.

После этого он еще раз сбегал в лес и, отыскав там более тонкий, но такой же высокий, как и первые найденные стебли, бамбук, срезал три — четыре палки. Установив одну из палок параллельно стволу дерева, а нижний конец ее врыв для устойчивости в землю, он вставил верхний конец палки в заранее просверленное на свободном конце вбитого в дерево колышка отверстие, а потом растительной веревкой накрепко связал

¹ Заболонь — наружный слой древесины.

концы палки и колышка замысловатым узлом, какие умеют делать только матросы и туземцы.

Капитан Редвуд и Муртах поняли наконец замысел малайца и принялись ревностно ему помогать; дети с интересом наблюдали за работающими.

Когда с палкой было покончено, Сэлу заткнул за пояс пучок колышков, взял топорик и приготовился к подъему. Муртах помог ему взобраться на первую ступеньку этой оригинальной лестницы; по мере подъема вбивая «ступеньки», Сэлу карабкался с обезьяньей ловкостью. Когда вышли все колышки и веревка, Сэлу спустился возобновить запас того и другого и, снова вскарабкавшись, продолжал свою работу.

Покончив с первой палкой, которая была не длиннее тридцати футов, малаец не стал даже спускаться, чтобы взять вторую: Муртах протянул ему ее прямо с земли. Сэлу соединил обе палки, наложив их концы один на другой и прочно связав лианой.

Через каких-нибудь двадцать минут отважный древолаз был уже на десять — двенадцать футов выше первых ветвей дуриана — так высоко, что у смотревших на него снизу товарищей кружилась голова. В самом деле, вид хрупкой человеческой фигурки на высоте шестидесяти — семидесяти футов от земли представлял странное и несколько жуткое зрелище. На таком расстоянии она казалась не больше ребенка или карлика; и страх наблюдавших за нею людей усугублялся еще тем, что они не могли быть вполне уверены в надежности лестницы, на верхней ступеньке которой стоял Сэлу. Им все время так и казалось, что вот-вот одна из тонких перекалинок обломится и к их ногам упадет тело изуродованного товарища.

Вся эта сцена очень напоминала столь частую в промышленных городах картину: каменщик взбирается на огромную фабричную трубу, пострадавшую от грозы или взрыва; а вокруг толпа сбежавшихся отовсюду людей, которые не могут оторвать взгляда от смельчака, восхищаясь его отвагой и дрожа за его судьбу.

Точно такое же чувство испытывали и собравшиеся под дурианом спутники Сэлу.

Глава XV
ЧТО-ТО ОСТРОЕ

Как уже было сказано, малаец поднялся на десять — двенадцать футов над первыми ветвями дуриана и, продолжая вбивать колышки и удлинять вертикальную бамбуковую палку, взбирался все выше и выше. Но вдруг наблюдавшие за каждым его движением люди увидели, что он внезапно прервал работу, и до их слуха донеслось его негромкое, но, как им показалось, тревожное восклицание.

Все инстинктивно отбежали подальше от дерева, боясь, как бы малаец не рухнул им на головы.

Но нет! Сэлу продолжал все так же твердо и уверенно стоять на последней вбитой ступеньке. В одной руке у него был топор, а другой он держался за вертикальную палку, служившую перилами. Он не кричал и не взывал о помощи, и все ясно видели, что взгляд его обращен не к ним, а устремлен вверх; он рассматривал что-то у себя над головой, и это «что-то» находилось, видимо, не среди ветвей дуриана, а на стволе. В наступившей вслед за возгласом тишине спутники Сэлу явно слышали какой-то свистящий звук, очень похожий на гусиное пиление, издаваемое этой птицей, когда ее встревожит приход на птичий двор постороннего человека. Судя по тому, что странный звук был слышен на столь большом расстоянии, можно было заключить, что голос принадлежал отнюдь не столь безобидному существу, как гусь.

— Змея! — вырвалось у Муртаха.

То же самое подумали и капитан с детьми. Никто из них не мог представить себе, чтобы подобные свистящие звуки могло издавать какое-нибудь другое животное, кроме змеи.

— В чем дело, Сэлу? — крикнул капитан. — Что-нибудь опасное?

— Нет нисего опасный! Маленький удаса! — послышался веселый голос малайца.

Все облегченно вздохнули.

— Какая удача? — удивился, недоумевая, Редвуд,

что за счастье могло вдруг улыбнуться им с такой высоты.

— Сколо увидим, — ответил Сэлу.

Достав из-за пояса колышек, он спокойно принялся вбивать его в дерево. И все время, пока он вколачивал, до слуха стоявших внизу людей в промежутки между ударами топора доносились странные свистящие звуки, которые вполне можно было принять за шипенье змеи, если бы они время от времени не прерывались каким-то хриплым карканьем, исходившим, очевидно, из горла того же самого существа. А продолжая внимательно следить за работой малайца, все заметили вскоре, что примерно в одном футах над его головой движется что-то живое. Это «что-то» имело белесоватый цвет и очень походило на заостренный бамбуковый колышек, вбиваемый малайцем. «Оно», это загадочное существо, то исчезало, то вновь появлялось и находилось, видимо, внутри дерева, в дупле, лишь время от времени высовываясь наружу. Теперь уже для всех стало ясно, что шипенье и карканье принадлежат именно этому существу, кем бы оно ни было: зверем, птицей или пресмыкающимся.

— Что это такое? — крикнул малайцу капитан, который сразу успокоился и теперь испытывал одно любопытство.

— Птица! Большой птица! — ответил Сэлу.

— Птица? Какая птица?

— Носолог. Сталый самка. Он сидит на яйце. Улететь не может. Самец замазал гнездо глянью.

— А-а-а! Это птица-носорог! — повторил капитан в пояснение окружающим.

Вглядевшись пристальнее в то место, откуда выскакивал длинный с белым концом клюв птицы, все действительно заметили на стволе дерева неправильной формы грязноватое пятно. Но разглядеть его как следует им так и не пришлось. Сэлу, успевший приладить бамбуковый колышек, начал острием топора быстро скалывать засохшую грязь, куски ее так и летели к подножию дуриана.

Очень скоро в замураванном месте образовалось от-

верстие, вполне достаточное, чтобы свободно просунуть в него руку, что малаец и сделал, запустив ее туда по самый локоть. Крепко ухватив птицу за шею, он вытащил ее из гнезда. Носорог шипел, свистел, хрипел, каркал и судорожно бился в руках малайца, хлопая большими крыльями, как индюк, которому внезапно быстрым ударом отсекли голову.

Однако Сэлу быстро положил всему конец, свернув птице шею.

Потом он бросил носорога к ногам своих спутников, а сам еще раз засунул руку в гнездо, видимо надеясь найти там яйца. Но вместо яиц в гнезде оказался маленький и совершенно голый птенчик. В противоположность «скороспелым» цыплятам большеногов, его желтовато-зеленое тельце не прикрывал даже пушок. Птенчик носорога был тут же отправлен вслед за матерью, а потом, гораздо более безопасным способом, начал спускаться и сам Сэлу, решив отложить постройку лестницы до завтра, а может быть, и на более длительный срок, потому что надобность в дурианах отпала — по крайней мере, на этот день.

Глава XVI

КРЫЛАТЫЙ ВРАГ

Старая самка птицы-носорога, просидевшая к тому же столько времени в замурованном гнезде, не могла, конечно, считаться лакомым кусочком, однако наши герои рады были даже этому скромному пополнению своего вконец истощившегося запаса провизии. Темнокожий лоцман тотчас же принялся ощипывать птицу, а Муртах стал разводить костер.

И вот, пока они были заняты хозяйством, Генри, восхищенный сообразительностью и ловкостью малайца, задумал и сам попробовать взобраться на построенную Сэлу бамбуковую лестницу. Это намерение было вызвано не столько желанием взобраться на дерево, сколько свойственной всем мальчикам его лет страстью обща-

ривать птичьи гнезда. Ему казалось, что Сэлу недостаточно внимательно осмотрел гнездо и в нем остались еще птенчики или яйца. Генри был плохим натуралистом, иначе он должен бы знать то, чему давным-давно научил малайца жизненный опыт, а именно: что самка носорога кладет всего-навсего одно яйцо и что, следовательно, у нее не может вывестись более одного птенца. Как бы там ни было, но мальчик решил осмотреть гнездо.

Влезть по бамбуковой лестнице казалось ему ничуть не труднее, чем карабкаться на ванты¹, и, разумеется, гораздо легче, чем обойти вокруг грот-мачты², не пролезая через «собачью дыру»³, что он не раз проделывал на отцовском судне.

Итак, не спросив разрешения и не сказав никому о своем намерении, Генри полез.

Никто этого и не заметил. Капитан Редвуд занят был чисткой ружья, Эллен помогала отцу, Сэлу возился с птицей, Муртах собирал на опушке леса хворост для костра.

Переступая с одной бамбуковой ступеньки на другую, мальчик вскоре добрался до вершины лестницы. А так как ростом он был чуть пониже малайца, то без труда просунул руку в гнездо и стал его обшаривать. Разумеется, он не нашел там ничего, кроме осколков скорлупы и высохшего помета, оставшихся от недавних обитателей гнезда.

Генри задумался над странным обычаем птиц-носорогов замуровывать на несколько недель свою подругу в гнезде. Он понимал, что самец делает это не из желания причинить ей зло. Но почему же тогда? Поразившись минуту-другую, но так и не найдя объяснения занимавшему его вопросу, мальчик решил спуститься и расспросить обо всем малайца.

Он уже свесил было ногу, нащупывая вторую от верха ступеньку, как вдруг на него налетела огромная

¹ Ванты — снасти, укрепляющие мачту симметрично в обе стороны к бортам судна.

² Грот-мачта — главная мачта корабля.

³ «Собачья дыра» — отверстие в корабельном марсе.

птица, буквально оглушив его пронзительным криком и хлопанием крыльев. И она его не только оглушила. Мальчик видел, что птица так и норовит выклевать ему глаза своим огромным острым клювом. И как ни поражен и ни испуган был Генри столь неожиданным нападением, он сразу понял, что имеет дело с самцом-носорогом.

Когда разоряли гнездо его подружки, он был, очевидно, где-нибудь далеко в лесу в поисках пищи для нее и птенчика и не слышал ее криков. Увы, он вернулся слишком поздно! Гнездо было уже разрушено, заботливо построенная стенка взломана, а милые его сердцу существа исчезли — наверно, похищены и убиты юным грабителем, который все еще стоит перед отверстием опустошенного жилища.

А если бы несчастный носорог взглянул вниз, под дерево, он увидел бы там еще более душераздирающую картину. Но он был слишком взволнован, чтобы смотреть по сторонам.

С пронзительным криком, многоголосое эхо которого прокатилось далеко по лесу, разъяренный самец набросился на дерзкого разрушителя.

К счастью для Генри, на нем была толстая матерчатая, подбитая ватой шапка; она, как шлем, защитила голову от крепкого клюва, первый удар которого пришелся как раз по тулье. Не будь на мальчике шапки, этот удар продолбил бы ему череп.

За первым налетом птицы последовал второй, третий и так далее... Удары так и сыпались. Но теперь уже мальчик не был беззащитен. Придерживаясь одной рукой за вертикальную палку — перила, он другой из всех сил отбивался от носорога. Однако это ничуть не уменьшило опасности. Птица не испугалась и не улетела, а, наоборот, все больше и больше разъярялась. Генри прекрасно понимал грозившую ему опасность. Понимали ее и все остальные, которые при первом же крике птицы сбегались к дереву, где и стояли теперь беспомощно, не в силах ничем помочь мальчику. Они не могли даже посоветовать ему спуститься; он, конечно, и сам бы догадался. Но в том-то и беда, что

Печальный конец казался неизбежным...

спуститься с лестницы было нельзя: для этого пришлось бы действовать обеими руками, а тогда лицо и голова остались бы незащищенными, и птице ничего не стоило бы своим крепким, как долото, клювом выклевать мальчику глаза или продолбить череп. Таким образом, Генри оставалось лишь, не сходя с места, отбиваться свободной рукой от бешеных атак своего крылатого врага. Из пальцев его уже сочилась кровь, потому что при каждом ударе птица больно щипала ему руку.

Трудно сказать, чем бы кончился этот поединок, окажись Генри предоставленным своей судьбе. Верней всего, птица действительно выклевала бы ему глаза или продолбила череп, а может быть, ослабев от долгой и напряженной борьбы, мальчик упал бы с лестницы и разбился насмерть.

Этот печальный конец казался неизбежным и последовал бы, наверно, очень скоро... Однако Сэлу спешил на помощь; он уже подскочил к лестнице и начал взбираться по ней. Но ведь он мог опоздать или у него, как и у Генри, не хватило бы сил для борьбы с разъяренной птицей. Все эти опасения возникли в душе встревоженного отца, который с отчаянием глядел на смертельно опасную борьбу своего ребенка, чувствуя себя бессильным помочь ему. Вдруг его осенила мысль, благодетельная уже тем, что она вывела его из состояния мучительного бездействия. У ствола дерева стояла только что прочищенная и, к счастью, заряженная им винтовка. Он быстро схватил ее. Секунда — и приклад винтовки уже покоился у его плеча, а дуло было направлено вверх в сторону птицы. Шаг рискованный и страшный — это напоминало эпизод из «Вильгельма Телля»¹, когда Телль стреляет из лука в яблоко, лежащее на голове сына. Но, не решись капитан на этот шаг, Генри подвергся бы еще большей опасности. А потому, выждав, когда птица удалилась от лица ребенка, Редвуд спустил курок.

¹ «Вильгельм Телль» — драма немецкого поэта Фридриха Шиллера (1759—1805), названная по имени ее главного героя.

Блестящий выстрел! Он перебил носорогу крыло. Огромная птица закувыркалась в воздухе и грузно плелпнулась на землю, продолжая кричать и барахтаться. Муртах, однако, быстро умирил ее несколькими ударами багра.

Глава XVII

ДИЧЬ НА ВЕРТЕЛЕ

Сэлу взобрался тем временем на самый верх лестницы, чтобы помочь Генри спуститься с нее, что тот благополучно и сделал без каких-либо дальнейших приключений. Нельзя сказать, чтобы мальчик сильно пострадал в борьбе. Ему посчастливилось отделаться несколькими царапинами и небольшими поверхностными ранками, которые благодаря заботам и некоторым медицинским познаниям его отца очень скоро зажили. Немало способствовали этому и собранные Сэлу целебные травы.

Все обитатели лагеря вновь обрели спокойствие духа и, вероятно, вскоре совсем забыли бы о небольшом, но так сильно взволновавшем их происшествии, если бы о нем не напоминали тушки двух крупных птиц. Носороги, самка и самец, явились неожиданным и обильным подспорьем в их питании, не говоря уже о жирном и неоперившемся птенце. Его нежное мясо было бы лакомым кусочком даже для самого разборчивого любителя покусать.

Как мы уже сказали, Сэлу в тот день не полез больше за дурианами. Да и спутники его не настаивали на этом.

Конечно, дурианы — превосходный десерт после дичи. Но, имея вкусную пищу в количестве, вполне достаточном, чтобы утолить голод, никто из них не думал о разнообразии стола. Жаркое из носорогов, по одной птице на каждый обед, обещало весьма солидное подкрепление, а нежный и жирный птенчик, которого хватило бы только на закуску, сулил оказаться вкуснейшим лакомством.

Герои наши не стали задумываться над тем, как поступить с этой столь неожиданно доставшейся им дичью. Самка была уже начисто ошипана Муртахом; а вслед за ней и самец под ловкими пальцами Сэлу также лишился своего наряда. После чего ему связали крылышки, и оставалось только насадить его на вертел и жарить. Из самки, которая была жестковата, решили сварить суп, а птенца запечь в золе и отдать детям. Жареный птенец послужил бы для них не только вкуснейшим лакомством, но и значительно подкрепил бы их силы. Птенца не пришлось и ошипывать — он был гладок, как яичная скорлупа. А его нежное мясо не стало бы хуже, как его ни приготовить.

Ошипав птиц, все увидели, что они гораздо меньше, чем можно было предположить, судя по их оперению. Причем самка оказалась больше и жирней самца. Последнее, впрочем, было вполне естественно и объяснялось как ее полом, так и вынужденной неподвижностью во время долгого заключения в темном и тесном гнезде.

Но и самец был достаточно велик — во всяком случае, ничуть не меньше хорошей курицы. Его мяса достаточно было бы для всех. А потому, с общего согласия, птенца и самку отложили на завтра.

Итак, самца-носорога насадили на вертел и водрузили над костром, откуда вскоре послышалось аппетитное шипенье и донесся восхитительный запах жареной дичи.

Самку же изрубили на мелкие куски и, положив в наполненную водой раковину и приправив зеленью, которую малаец набрал в лесу, оставили томиться на тихом огне до следующего дня. Тем более что спешить с готовкой было некуда.

А когда со всеми приготовлениями было покончено и оставалось только приглядывать за жарящимся на вертеле самцом да время от времени повертывать его, завязалась беседа. Разумеется, зашел разговор о птицах-носорогах, о которых Сэлу рассказал много интересного.

Капитан Редвуд также знал немало любопытного об этих странных птицах. Он их не только много раз наблюдал во время своих путешествий по островам Ма-

лайского архипелага, но и читал о их жизни и поведенках в книгах других путешественников.

Так, например, он знал, что птица-носорог встречается и на Африканском континенте, где его называют «корвэ». Доктор Ливингстон рассказывает об этой птице следующее: «Нам случилось однажды проходить мимо гнезда корвэ, которое было совсем готово для кладки яиц. В отверстии дупла, уже замазанном с обеих сторон, был оставлен проход, точно соответствующий величине птицы, а внутренность дупла простиралась значительно выше прохода, где самка могла прятаться, если бы у отверстия появилось что-либо угрожающее».

Первый увиденный Ливингстоном корвэ был пойман туземцем, который и рассказал ученому о странном обычае самцов этой породы птиц замуровывать подругу. Заключенная в дупле самка устраивает гнездо из собственных перьев, откладывает яйцо и, высижив птенца, остается с ним до полного его оперения. Все это время, то есть целых два — три месяца, самец носит им корм. За время сиденья в гнезде самка сильно жиреет — у туземцев ее мясо считается деликатесом, — несчастный же супруг ее становится настолько тощим, что при внезапном понижении температуры, которое наступает иногда после периода дождей, он умирает.

В заключение своего рассказа капитан добавил, что характерной чертой внешности птицы-носорога является его слегка изогнутый с заостренным концом клюв.

А так как приятно потрескивающая на костре дичь все еще не была готова, Салу тоже успел сообщить кое-что об этих птицах, которых он часто ловил в лесах Суматры.

Надо сказать, что туземцы Малайского архипелага обладают некоторыми познаниями — по крайней мере, практическими — в области естествознания. Это объясняется тем, что голландцы, многочисленные поселения которых разбросаны по всем островам архипелага, — большие мастера по набивке чучел и выделке шкур. И вот среди туземцев, поставляющих белым людям за известное вознаграждение птицу и животных, возникла своего рода профессия сборщиков.

Салу, до того как стал профессиональным моряком, был птицеловом.

Он рассказал, что на его родном острове живут два вида птиц-носорогов, но в руках чучельщиков он видел и другие породы этих птиц, привезенных из Кохинхины, Индии и с Малакки. Они хотя и различной величины, но все очень крупные, черного цвета с белыми пятнами. Салу рассказал также, что все виды носорогов строят свои гнезда таким же образом: самец неизменно замазывает вход в него, оставляя лишь небольшое отверстие, из которого самка может высунуть только клюв и взять приносимую ей пищу. Делает он это тотчас же, как только самка усядется на свое единственное яйцо. «Штукатурку» самец приносит в клюве из ближайшего пруда или реки.

Самки сидят в заточении не только до того, как выводятся птенцы, но и много времени спустя, пока птенцы не оперятся и не смогут вылететь из гнезда. И все это время не только она сама, но и птеник целиком зависят от супружеской верности и забот самца, который никогда не изменяет своему долгу. Носороги, подобно орлам и некоторым другим хищным птицам, отнюдь не отличающимся нежностью, хранят нерушимую верность священным узам брака. Так, хотя и в нескольких иных выражениях, закончил Салу свой рассказ.

— А если самца убьют или он почему-нибудь не сможет вернуться к гнезду, тогда как же? Погибать самке? — спросил Муртах.

Салу не смог ему ответить. Он никогда над этим не задумывался, и ему не приходилось наблюдать подобного случая. Возможно, самка действительно умерла бы; однако, учитывая добровольность ее заточения, правильней предположить, что она разрушила бы свою темницу и улетела.

Это предположение всех удовлетворило, и беседа по естественной истории окончилась. Главной причиной окончания послужило то, что дичь была готова, а наши изголодавшиеся герои не могли в этот момент думать ни о чем, кроме еды.

Самца сняли с вертела, и все с жадностью на него

набросились. Салу взялся резать и распределять жаркое; более нежные части были отданы детям.

Скоро, однако, мы увидим, что столь счастливо начавшийся ужин окончился очень печально.

Глава XVIII

ОТРАВЛЕНИЕ

Ужинать начали на закате. Костер был разложен под большим деревом, не под тем, куда они перебрались из-под дуриана, а еще более густым и развесистым. Его широко раскинувшиеся ветви с ярко-зелеными глянцевитыми листьями образовали сплошной шатер. Капитан и его спутники решили провести здесь ночь. Тем более что единственным укрытием, заменявшим палатку, был натянутый на четыре воткнутые в землю подпорки брезент; а под ним едва ли поместились бы даже Генри с Эллен.

Костер тушить не стали; наоборот, подкинули еще веток и решили поддерживать его всю ночь: не для защиты от диких зверей — их, как мы уже говорили, здесь не было, — а от холода и сырости, наступающих в тропиках после полуночи.

К тому времени, когда с самцом-носорогом покопчили, солнце уже село, и сразу стало темно. Под экватором и вблизи него почти не бывает сумерек, и тотчас же после заката наступает ночь. Так что косточки пришлось обглаживать в полной темноте, при слабом свете чуть тлеющего костра.

Но вот, едва была обглодана последняя кость, все вдруг почувствовали странную дурноту. Начавшись еще во время еды легким головокружением и поташниванием, она постепенно усиливалась и после ужина перешла в сильную рвоту. Понятно, все очень встревожилось.

Невольно начали подозревать, что это отравление. Если бы заболел один человек, еще можно бы как-то иначе объяснить дурноту, но теперь, когда все пятеро

и одновременно ощутили одинаковые признаки недомогания, которое к тому же совпало с едой, сомневаться не приходилось. Очевидно, в мясе носорога был яд.

Но так ли это? Может ли птичье мясо быть ядовитым? И ядовито ли мясо носорогов? Все взволнованно задавали друг другу эти вопросы, и, конечно, чаще всего эти вопросы были обращены к Сэлу. Малаец думал, что дело не в самой птице. Ему не раз приходилось есть мясо носорогов и видеть, как его едят другие, но до сих пор никогда ни с кем не случилось ничего подобного.

Но, может быть, именно эта птица наелась чего-нибудь такого, что, не причинив вреда ей самой, вызвало рвоту у людей, поевших ее мясо? Некоторое время так и думали; трудно было найти иное объяснение столь внезапно возникшей болезни. Они надеялись, что, если не будут больше есть носорогов, ни в жареном, ни в сыром виде, болезнь ограничится легким недомоганием и скоро пройдет. На птиц теперь и глядеть не хотелось. Решено было выбросить их на съедение зверям и питаться одними дурианами.

Но время шло, а облегчения не наступало. Голова продолжала кружиться, а приступы рвоты даже участились и раз от разу становились сильнее. В конце концов наши герои стали не на шутку тревожиться, как бы отравление не оказалось смертельным. Ведь они были так беспомощны! У них не было никакого противоядия. Впрочем, окажись в их распоряжении сейчас хоть целая аптека, они все равно не знали бы, что с ней делать. Если бы то был укус ядовитой змеи или другого ядовитого животного, Сэлу, понимавший кое-что в народной медицине, отыскал бы в лесу лекарственные растения, хотя в окружающей их кромешной тьме трудно было что-либо найти. Ночь была безлунной и очень темной. Капитан и его спутники не различали даже друг друга, и только стоны и тяжкие вздохи говорили им о присутствии товарищей.

По мере того как мучительно медленно текло время, тревога людей росла. В самом деле, разве не досадно умереть от такой, казалось бы, ничтожной причины, избегнув стольких поистине страшных, смертельных

опасностей? Кораблекрушение, голод, жажда, все ужасы блуждания в утлом суденышке по океану, дуриан, чуть не пробивший мальчику черепа, птица-носорог — преодолеть все эти невзгоды и вот теперь погибнуть от мяса какой-то птицы! Это могло показаться смешным, если бы не было так ужасно. Часы шли за часами, не принося людям никакого облегчения. Никто из пострадавших уже не сомневался, что они серьезно отравлены и скоро умрут.

Г л а в а XIX

ТРЕВОЖНАЯ НОЧЬ

Люди так страдали, что в конце концов у них помутилось сознание и начался бред. Они чувствовали примерно то же, что чувствует человек при сильнейшем приступе морской болезни, и прежде всего полнейшее равнодушие к смерти, столь характерное для этого мучительнейшего, хотя и не смертельного недуга. Если бы океан, ревущий и беснующийся у бухты, совсем недалеко от того места, где они лежали, вдруг хлынул на берег и устремился к ним, они, пожалуй, и тогда не шелохнулись бы, чтобы спастись от затопления. Любая смерть казалась им желанной, лишь бы избавиться от невыносимых страданий. Время от времени то один, то другой, не находя себе места, поднимался с земли и брел куда-то.

Но и это не помогало. Тошнота, то и дело переходившая в рвоту, продолжалась, голова кружилась, а ноги так дрожали и подкашивались, что, сделав несколько шагов, человек в изнеможении падал, моля бога о смерти, которая положила бы конец всем их страданиям.

Однако даже и в этих страшных мучениях капитан Редвуд больше заботился о детях, чем о себе самом. Он охотно отдал бы жизнь, лишь бы спасти их. Но смерть равно грозила им всем. Зная это, капитан желал, чтобы хоть Муртах или Сэлу умерли после того, как похоронят Генри и Эллен. Он никак не мог примириться

с мыслью, что его дети так и останутся лежать на песке непогребенными.

Несмотря на жестокие страдания, он нашел силы тайно от детей поговорить об этом с Муртахом и Сэлу, умоляя их выполнить его последнюю, как он думал, волю.

Умирающие, лежа на земле, обменивались время от времени отрывистыми фразами, произнося их чуть слышно угасающим голосом; читали вслух молитвы.

Капитан, после того как объявил свою последнюю волю, стал покорно ждать смерти. Он лежал на спине, обняв одной рукой Генри, другой — Эллен; головы мальчика и девочки покоились на груди отца, а руки сплелись в тесном объятии. Изредка с губ их срывалось шепотом несколько слов, гогоривших о силе страдания и о мужестве, с которым они его переносили.

Отец тоже тихо говорил с детьми. Сначала он пытался внушить им надежду и ободрить; однако мало-помалу и он сам и дети почувствовали, что всякая надежда бесполезна — так ухудшилось их состояние.

Костер между тем догорел и угас. Никто и не думал о том, чтобы поддерживать огонь. Потому что, хотя топливо и было заготовлено в изобилии — всего в нескольких шагах от костра лежала целая куча веток, — люди вконец обессилели и не могли их взять. Да и зачем стали бы они поддерживать костер? Не все ли равно, как умирать: в темноте или при свете костра!

Правда, Редвуду очень хотелось хоть на миг осветить лица детей, пока еще смерть не наложила на них своей печати. Быть может, он и попытался бы сам или попросил бы кого-нибудь из матросов разжечь костер, но, взглянув случайно на восток, увидел на горизонте узкую полоску бледного света. То была предвестница утра — заря. А он знал, что в тех широтах, где лежит остров Борнео, тотчас же вслед за своей предвестницей приходит и день.

— Слава господу! Я еще раз увижу их перед смертью! — угасшим голосом, но с чувством горячей благодарности воскликнул Редвуд.

И будто в ответ на его слова, светло-серая полоска на востоке стала быстро шириться и разгораться, и вскоре весь горизонт был уже залит золотистым сиянием утренней зари. А еще через несколько мгновений над водной гладью Целебесского моря показалось великолепное тропическое солнце.

Когда его веселые лучи коснулись верхушек деревьев и стало светло, несчастные взглянули друг на друга, после чего их взоры обратились в разные стороны.

Капитан с любовью смотрел на дорогие ему лица детей, уже покрывшиеся землистой бледностью приближающейся смерти; Муртах грустно глядел на океан, словно желая вновь очутиться среди его волн и, верно, мечтая о своей зеленой Ирландии; малаец же пристально устремил глаза вверх — не к небу, а на что-то среди ветвей дерева, раскинувшего над ними свою крону. И вдруг выражение его лица чудесно преобразилось. Взгляд запавших от страдания глаз, еще за секунду перед тем выражавший одно тупое отчаяние, мгновенно просветлел и оживился.

Сэлу вскочил на ноги и что-то радостно крикнул по-малайски. Услышав слово «аллах», которым оканчивалось восклицание, все поняли, что он благодарит бога.

— Слава большой бог! — продолжал малаец уже на своем ломаном языке, чтобы его могли понять товарищи. — Мы все спастись! Яд сколо нет. Выходить все... Под делевом смелть... — И, схватив за руки детей, он силой заставил их подняться с земли и вывел... да нет, просто вытащил из-под дерева и подальше от него, на открытое место.

Муртах и капитан Редвуд, хотя они и не поняли толком, что означают слова и странный поступок малайца, послушно последовали за ним.

Только тогда, когда все уже сидели на прибрежном песке залива и воспаленные лица их обвевал свежий ветер, Сэлу объяснил, в чем дело.

Объяснение было очень просто. Он указал пальцем на дерево и произнес одно-единственное слово — «ан-чар».

Глава XX
ЯДОВИТЫЙ АНЧАР¹

Анчар!

При этом слове капитану Редвуду и Муртаху все стало ясно. Да и кто из путешественников, после того как его судно избороздило все моря вокруг островов Малайского архипелага, умудрился бы не знать, что такое анчар! Пожалуй, в целом мире нет уголка, где бы люди не слыхали об этом дереве, отравляющем все живое своим ядовитым дыханием; даже трава и та не растет под ним.

Капитан Редвуд был достаточно культурным человеком, чтобы не верить в рассказы, и все же это слово многое объяснило ему: и внезапную дурноту, и головокружение, и рвоту, и овладевшую ими страшную слабость. Ведь их костер был разложен у самого подножия анчара, и под воздействием дыма, поднимающегося до самой кроны, из его листьев стал выделяться ядовитый сок.

Вся атмосфера вокруг насытилась этими испарениями, и людям несколько часов подряд пришлось дышать ядом. Уйдя из-под дерева, они оказались вне опасности, и, хотя всем им было еще очень не по себе, они сразу же приободрились и повеселели, как это бывает со всяким, кому удалось избежать смерти или большого несчастья. Они знали, что теперь к ним мало-помалу снова вернутся прежние силы и здоровье. Великолепное тропическое солнце, высоко поднявшееся над горизонтом, заливало все вокруг ярким сиянием, приятно лаская лица, а легкий бриз, дувший с синего, как сапфир,

¹ Путешественники XVIII и начала XIX века рассказывали о сказочной ядовитости анчара. Уверяли, что всякое живое существо, приблизившееся к страшному дереву, отравляется его испарениями, что самый воздух около анчара ядовит. Во времена Майн Рида в эти сказки еще верили, не было причин не верить им и Майн Риду, а потому он и заставил своих героев пострадать от анчара. На самом деле сок анчара очень ядовит (малайцы отравляли им стрелы), но и только. Сидеть или лежать под анчаром столь же безопасно, как и под березой.

Малыш вывел детей из-под дерева.

морю, освежал и успокаивал озноб. Они ощущали примерно то блаженное чувство, которое испытывает человек, очень долго провалявшийся в душной каюте раскачиваемого штормом корабля, испытывая ужасные страдания морской болезни, и внезапно очутившийся на твердой почве. Он блаженствует, лежа на берегу, поросшем зеленой травкой или мягким мхом; над его головой шелестит листва, а в воздухе разлит упоительный аромат цветов. Так и наши герои сидели на серебристом прибрежном песочке бухты в приятной полудремоте, глядя на белую пену прибоя, разбивающегося о коралловые рифы, и на синие волны океана, рассеянно следя за полетом ширококрылых птиц, которые время от времени ныряли и тут же снова взмывали ввысь, унося в клюве блестящую на солнце рыбку. Они смотрели на все это почти бессознательно, ощущая непомерное счастье от того, что и на сей раз остались в живых.

Итак, виноваты были вовсе не птицы-носороги, а небрежность капитана Редвуда. Ведь он-то прекрасно знал о ядовитости анчара! Он не раз видел это дерево на других островах Малайского архипелага; оно растет не только на Яве, которую принято считать его родиной, но и на Целебесе, Бали и Борнео. В разных местах его называют по-разному: таюм, гиппо, упо, анчар, упас. Однако все эти названия означают в переводе одно и то же — «дерево яда».

Редвуд обязан был отнестись более внимательно к выбору места для ночлега, тем более что анчар легко узнать по его красновато-бурой гладкой коре и огромной кроне, с глянцевыми ярко-зелеными листьями. А он не обратил на это внимания. Да и кому бы на его месте, при виде маящей сени широко раскинувшихся ветвей, пришло в голову, что среди них притаилась смерть?

Однако теперь, как мы уже сказали, опасность миновала. Самое большое, что грозило отравившимся людям, — это неизбежная после отравления слабость, но и та должна была скоро пройти. О смерти, разумеется, не могло быть и речи. Ядовитые испарения анчара смертельны лишь в том случае, когда их вдыхают очень дол-

го. Сок же этого дерева, принятый внутрь, если, например, пожевать его листья, кору или корень, действительно убивает, и притом довольно быстро. Даяки, живущие на острове Борнео, смешав сок анчара со смертоносным ядом бины — растения, паразитирующего в лесах этого острова, — смачивают полученной смесью наконечники своих пик и стрел.

Интересно, что анчар принадлежит к тому же отряду тутовых, что и хлебное дерево; таким образом, «дерево смерти» как бы соприкасается с «деревом жизни». Известное на Яве под именем анчара, на некоторых других островах Индийского архипелага это дерево называется «попон-упас». У анчара удлиненные блестящие листья, а плоды его представляют покрытую толстой кожей костянку.

При изготовлении яда сок анчара смешивают с имбирем и черным перцем. Получившаяся смесь напоминает по густоте мелассу¹ и может довольно долго храниться в хорошо закупоренном сосуде.

Анчар — одиночное растение, и, к счастью для людей, его напоенные ядом деревья, подобно золоту, жемчугу и алмазам, встречаются очень редко, даже в благоприятном для него климате. Там же, где людям удастся найти его, к нему наведываются все окрестные охотники и воины за ядом для своего оружия, благодаря чему ствол этого дерева бывает обезображен рубцами и насечками.

Анчар, под которым наши герои провели ночь, был совсем не поврежден, и это ясно говорило, что данная часть острова необитаема. По крайней мере, так думал Сэлу, и все рады были ему верить.

Глава XXI

НАЧАЛО ПУТЕШЕСТВИЯ

Людам, пока они лежали так на серебристом песке, в упоении вдыхая утреннюю свежесть, казалось, будто

¹ Меласса — черная патока, отход сахароваренной промышленности.

вместе с ней в их жилы вливается новая кровь, а мышцы всего тела крепнут и наполняются силами. Сэлу сказал, что отравление скоро пройдет, и его предсказание оправдалось.

Вместе с силами вернулось хорошее настроение и аппетит. И все были рады позавтракать вареной птицей.

Снова развели костер и поставили над ним принесенную из-под анчара половину гигантской раковины, водрузив ее на нескольких булыжниках. Скоро из «кастрюли» послышалось бульканье и в воздухе распространился восхитительный аромат, показавшийся нашим героям приятней и утреннего бриза, и доносившегося из леса благоухания тропических цветов.

Пока доваривалась самка носорога, стали запекать птенца, насадив его на вертел.

Закусив мясом птенца, которого каждому досталось лишь по крохотному кусочку, все более терпеливо стали дожидаться основной части обеда. Немного спустя Сэлу, бывший на редкость искусным кулинаром по части приготовления дичи, объявил, что тушеное мясо готово. Тогда «кастрюлю» сняли с огня и, немного остудив птицу, приступили к еде. В раковине, где варилась самка, оставался еще вкусный бульон с приправой из найденных малайцем в лесу трав. Его разлили в захваченные с корабля жестяные кружки, и, если бы наши герои могли добавить к нему хоть по кусочку хлеба, он вполне заменил бы им утренний кофе.,

Съев носорога и выпив весь бульон, начали искать новое место для лагеря, на сей раз внимательно разглядывая каждое дерево, которое казалось подходящим для этой цели. Наконец выбор пал на ветвистую индийскую смоковницу, воспетую в индусском эпосе под именем «священного банпана»:

Как много прелести таит,
О баниан, твой дивный вид!
Густых ветвей своих шатер
Ты над лугами распростер,
И целый лес прямых колонн
Под этой сенью вознесен.
А на ветвях бесчисленных твоих,
Причудливой переплетаясь сетью,

Корней воздушных космы ниспадают.
И ветерок слегка колышет их,
И нежным дуновением ласкает.
Другие же, что менее маститы,
Незыблемо висят, как сталактиты
Под сводами пещеры.

Здесь и решено было остановиться. Быстро перетаскив весь скарб из-под анчара в густую тень этого благословенного дерева, герои наши принялись заново налаживать свое хозяйство.

Банианы достигают часто тридцати футов в обхвате, и тот, под которым они разбили теперь свой временный лагерь, также был футов двадцати пяти.

Характерной особенностью этого дерева являются воздушные корни. Их пускает почти каждая из ветвей, и они растут, свешиваясь вниз. Коснувшись земли, корень врастает в нее, а на его надземной части появляются ветви, благодаря чему эта ветвь превращается в ствол.

Капитан и его спутники намеревались пробыть здесь лишь до тех пор, пока окрепшие силы не позволят им пуститься в задуманное путешествие.

И вот наконец судьба им улыбнулась: они получили возможность покинуть негостеприимный берег, где до сих пор их удерживало только недостаточное количество еды.

В тот самый день, когда они водворились под банианом, это дерево их щедро одарило. Они нашли на нем пищу, которой хватило на целую неделю и которая оказалась гораздо питательней носорогов и подкрепила всех не хуже яиц.

Пища эта, хотя ее и нашли среди ветвей баниана, была не плодом, а пресмыкающимся из породы парусных ящериц. Только самому голодному человеку могло бы прийти в голову отведать ее мяса — такой у нее был неаппетитный вид. Но Сэлу, казалось, не испытывал к ней ни малейшего отвращения. Наоборот, увидев на одном из стволов баниана эту ящерицу, которая достигала в длину примерно пяти футов, а по толщине туловища равна была чуть ли не туловищу человека, он

обрадовался. Малаец знал, что мясо ее не только вполне пригодно в пищу, но и очень вкусно.

Вопреки своему отталкивающему виду, она, подобно американской игуане¹, совершенно безобидное существо, из мяса которого туземные охотники и жители лесов готовят замечательно вкусные и нежные отбивные котлеты.

Малайцу нетрудно было убедить Редвуда израсходовать одну из своих драгоценных пуль. В ящерице от головы до кончика хвоста оказалось около шести футов. Сэлу при помощи Муртаха обвязал ей вокруг шеи лиану и подвесил на дерево, чтобы удобнее снимать с нее кожу. Малаец тут же спокойно приступил к свеживанию; сняв кожу, разрезал мясо на небольшие куски, и вскоре оно весело зашипело на костре. Как и обещал Сэлу, мясо ящерицы оказалось очень нежным, а кроме того, и питательным. По вкусу оно напоминало свиные отбивные с легким привкусом курицы и едва уловимым запахом лягушатины. Поев этого мяса три дня, капитан Редвуд и его спутники почувствовали себя вполне окрепшими и способными снова пуститься в путь. А тут подоспела еще и дичь.

К лагерю забрел случайно, в поисках пищи, огромный кабан. На свою беду, он подошел слишком близко к людям. Пуля капитана настигла зверя, положив конец его охоте.

Малаец освеживал кабана столь же умело и ловко, как и ящерицу.

Теперь у наших героев оказался не только избыток пищи в виде свиных отбивных и жареной грудинки, но и запас ее на дорогу: два прокопченных на костре окорока.

Кроме провизии, решено было взять с собой лишь самые необходимые и удобные для переноски вещи. С пинассой, этим старым и верным товарищем, пронесшим их над всеми ужасами морской пучины, пришлось

¹ Игуаны — семейство ящериц, обитающих в Южной, Центральной и отчасти в Северной Америке. Достигают 1,8 метра длины. Мясо игуан употребляется в пищу.

навсегда распрощаться. Взглянув на нее в последний раз, все тронулись в путь — еще более страшный для них своей неизвестностью, чем необъятные просторы океана, с которыми они уже успели свыкнуться.

Приходилось выбирать одно из двух: либо идти в глубь острова, либо оставаться там, где они находились, рискуя никогда не увидеть родину; потому что нельзя было питать ни малейшей надежды, что в эти места заплывет какое-нибудь судно. А если оно и появится, то, вероятней всего, это будет пиратское прао; и тогда всем им грозила бы смерть от руки кровожадных пиратов или рабство, из которого не спасет никакая цивилизованная страна — по той простой причине, что ни один цивилизованный человек в мире никогда и не увидит их, жалких, закованных в цепи рабов.

Именно поэтому капитан Редвуд предпочел отправиться в полный опасностей путь по дебрям Борнео и пересечь остров в самом узком, как он полагал, месте, а именно — по перешейку, между восточным побережьем и старым малайским городом Бруней на западном его берегу, близ которого находится маленький островок Лабуан. Редвуд знал, что на этом островке есть английское поселение.

Глава XXII

В ГЛУБЬ ОСТРОВА БОРНЕО

Отправляясь в путь, капитан Редвуд ясно представлял себе все предстоящие им трудности.

Первой из этих трудностей была огромная длина пути. Даже в том случае, если бы они пошли по совершенно прямой линии, им и тогда пришлось бы проделать не менее двухсот пятидесяти миль. А трудно было допустить, что удастся все время идти по прямой. Но их страшило не время, которого потребует этот путь: времени они имели более чем достаточно. Делая по десять миль в день, можно было пройти все расстояние за месяц. А что значил какой-то месяц, даже и два месяца,

там, где речь шла о возвращении в цивилизованный мир, более того — о самой жизни!

Не пугало их и то, что весь путь предстояло пройти пешком. Они совсем оправились как от слабости после перенесенного голода, так и от последствий отравления и чувствовали себя достаточно сильными для большого перехода. Так что, если бы трудность заключалась только во времени, никто бы из них не тревожился.

Но приходилось задуматься над тем, что делать, когда кончится запас продовольствия, которого хватит не больше чем на неделю.

Сэлу и тут постарался успокоить всех, сказав, что дебри Борнео, похожие на леса его родной Суматры, должны изобиловать фруктовыми деревьями и дичью; если не оленя или кабана, то, во всяком случае, птицу или каких-нибудь мелких зверьков они непременно наловят.

Несколько последних перед походом дней Сэлу, для того чтобы сберечь скромный запас пуль, мастерил «сумпитан», представляющий собой нечто вроде духового ружья, и «сумпиты» — стрелы. Самое ружье, длиной в восемь футов, он сделал из ствола молоденькой казуарины — дерева с очень твердой древесиной, растущего на всех островах Малайского архипелага, а стрелы — из листьев нибонговой пальмы, которые росли вокруг их лагеря. Утолщенные части стрел — нечто вроде поршня — были изготовлены из упругой, как пробка, древесины той же пальмы. Плотнo прилегая к внутренним стенкам трубки сумпитана, этот поршень принимает на себя струю быстро и сильно вдуваемого в трубку воздуха, под напором которого стрела и вылетает.

Для того чтобы пользоваться сумпитаном, нужна известная сноровка. У себя на родине Сэлу считался лучшим стрелком из этого оружия: он мог послать стрелу на пятьдесят и даже на сто ярдов. Но чтобы выстрел на таком расстоянии оказался смертельным, легкого укола тоненькой стрелы недостаточно. Для этого необходим сильный растительный яд. Малаец сумел и

его приготовить, прибегнув к дружеской помощи их недавнего врага — анчара. Смешав его сок с соком другого ядовитого растения, Сэлу смочил этой смесью концы стрел. Теперь они стали смертоносны: каждому живому существу, настигнутому ими, грозила немедленная гибель. С таким оружием можно было не опасаться голода, и Сэлу вызвался снабжать дичью весь маленький отряд.

Быть может, некоторым из наших читателей покажется странным, что капитан Редвуд и его спутники не подумали о возможности встретить на своем пути какое-нибудь селение или городишко. Напротив, они часто думали о туземцах не с надеждой найти у них еду и пристанище, а скорее со страхом, потому что все они, не исключая и малайца, наслушались ужасов — вымышленных, конечно, — о даяках и других диких племенах, обитающих в сердце Борнео, и представляли их себе не иначе, как страшными волосатыми дикарями, которые не прочь полакомиться человеческим мясом и любимое занятие которых — отрезать головы попавшимся в их руки людям. Поэтому нет ничего удивительного, что наши герои решили тщательно избегать встреч с какими бы то ни было существами, имеющими человеческий облик.

Не правда ли, как нелепо, что человеку, этому высшему из всех живых существ, приходится порой опасаться встречи с себе подобными! Как ни унижительна для человеческого сознания подобная мысль, она сильно угнетала капитана Редвуда и его товарищей, когда, бросив последний взгляд на синие волны океана, они повернулись к нему спиной и двинулись в глубину леса.

Весь первый день шли вдоль реки, той самой, устье которой служило им пристанищем со дня высадки на Борнео. Такой маршрут был избран по веским причинам. Во-первых, река текла с запада на восток; следовательно, поднимаясь вверх по ее течению, путники продвигались бы на запад. Во-вторых, вдоль берега тянулась тропа, проложенная не людьми, а крупным зверем: на мягкой песчаной почве там и сям виднелись следы

тапиров и кабанов, а местами попадались и более крупные — следы носорогов.

И странное дело: хотя следы казались совсем свежими, самих животных нигде не было видно. Объяснялось это тем, что все толстокожие животные, которым принадлежали эти следы, покидают свои убежища только по ночам, а днем прячутся в чаще джунглей.

Река была достаточно глубокой, и путники вполне могли бы плыть по ней в пинассе. Сначала так и хотели сделать, но, поразмыслив, решили все же бросить суденышко и идти пепком. Оно было слишком тяжеловесно, чтобы вести его против течения. А кроме того, если бы нашим героям повстречались дикари, то благодаря лодке они заметили бы их раньше, чем были бы замечены сами.

Однако главная причина, почему Редвуд решил бросить лодку, заключалась в том, что невдалеке возвышались горы, где, видно, и брала начало река. Течение ее там было, наверно, слишком стремительным для судоходства.

Но даже в том случае, если бы оно оказалось спокойным, путешествие в пинассе не могло длиться более одного дня, а ради этого, думалось Редвуду, не стоило его и начинать. Все с ним согласилось, и пинассу оставили там, где она была спрятана, то есть под ветвями большого баниана.

Предположение Редвуда оказалось правильным. Очутившись к вечеру того же дня у подножия гор, все увидели, как река низвергается с них стремительным и мощным потоком. Не могло быть и речи о том, чтобы по ней прошла лодка. Берег, до сих пор сравнительно пологий и ровный, здесь круто повышался, поэтому было решено разбить лагерь и провести первую ночь пути у подножия гор.

Следующий день ушел на то, чтобы взобраться на гору по размытому потоком ущелью. Только на закате, когда солнце уже исчезло в зеленой чаще простиравшегося перед ними леса, путникам удалось достигнуть вершины; там они увидели источник, из которого начиналась река.

На вторую ночь пришлось остановиться в месте, совершенно лишенном воды, и герои наши жестоко страдали бы от жажды, если бы перенесенные во время блуждания по океану муки не сделали их более предусмотрительными. Уходя от потока, все трое мужчин наполнили водой большие бамбуковые фляги, вместимостью не меньше галлона, висевшие у них на поясе. У детей тоже были такие фляги, только поменьше. Этого запаса вполне хватило бы на то, чтобы пересечь горную цепь.

Остаток ночи провели на вершине горы, которая оказалась такой широкой и так густо поросла лесом, что западного ее края достигли только на закате следующего дня. И тогда, примерно милях в двадцати от нее, все увидели другую, параллельную ей горную цепь. Между этими двумя цепями простиралась долина, или, вернее, невысокое лесистое плато; лес был очень густ и расступался только вдоль реки, поблескивающей в закатных лучах солнца, словно струйка расплавленного золота.

Плато не было совершенно ровным: там и сям над вершинами леса вздымались холмы, тоже поросшие деревьями, только другой, видимо, породы, о чем говорила более светлая окраска их листвы.

Путники остановились на минуту и, раздвинув ветки, глядели на эту равнину, которую им завтра предстояло пересечь.

Вдруг Сэлу, пристально всматривавшийся в чащу, что-то пробормотал. Разобрав несколько слов и увидев, как изменилось его лицо, все не на шутку встревожились.

— Не надо там ходить! — говорил малаец. — Лутьси воклуг ходить! Там дикий миас ломби. Сингапулский тигл меньше опасный, сем миас ломби. Полтугальцы звать его лызая голила.

— Слышите! Он говорит — рыжая горилла! — воскликнул Редвуд. — Так это же орангутанг!

— Велно, саиб¹ капитан! Одни селовек зовут его

¹ С а и б — титул, прибавляемый к именам высокопоставленных лиц.

оланутан, другие — лызый гогила. Миас ломби — самый большой и опасный. Он таскает дети и зенсины. И никто их потом не находит. Оланутан ест их. Мы бояться оландаяк, а лызый гогила — оланутан есе хузе.

Несмотря на жаргон малайца, все сразу его поняли. «Лызый гогила», или «оланутан», был не чем иным, как хорошо известной человекообразной обезьяной, обитающей на Борнео и Суматре, которая далеко не так безобидна в своих родных лесах, как в клетке зоопарка.

Глава XXIII

ТРУДНЫЙ ПУТЬ

На следующее утро двинулись в путь позднее обычного.

Всю долину окутывал туман, и пришлось дожидаться, пока он рассеется. А рассеялся он лишь тогда, когда солнце, взошедшее позади путников, осветило лежащий перед ними путь на запад.

Во время ожидания снова стали думать над тем, пересечь ли равнину напрямик или попытаться ее обойти. Но когда туман рассеялся, все увидели, что долина очень далеко простирается и вправо и влево и обойти ее нечего и думать. Таким образом, вопрос разрешился сам собой. К тому же капитан Редвуд был уверен, что малаец, вообще склонный к фантазии, сильно преувеличил опасность. Поэтому, отбросив все сомнения, решили отправиться напрямик. Ночь провели у одного из холмов, а наутро снова пустились в путь.

Идти равниной оказалось гораздо труднее, чем по горам, которые не так сильно поросли лесом. Местами высокие, могучие деревья, оплетенные густой сетью лиан, образовали непроходимые дебри, и тогда, чтобы пробраться сквозь их чащу, Сэлу и Муртах пускали в ход топор и крисс.

А скоро путникам встретилось и другого рода препятствие: они попали в заросли гигантского бамбука. Огромные стволы его, до пяти дюймов в диаметре и бо-

лее пятидесяти футов высоты, местами росли так часто, что, казалось, между ними не проползти и змее.

Можно, конечно, попытаться обойти их, если бы с самого начала знать, как далеко они простираются в длину. Но этого никто не знал. Бамбук в большинстве случаев растет вдоль рек и может тянуться полосой на десять — двадцать миль. На островах Индонезийского архипелага существует несколько видов этого гигантского тростника, различных как по величине, так и по другим признакам, но все они известны под общим именем бамбука.

Бамбук является для туземцев тем же, чем некоторые виды пальмы для жителей Южной Америки, особенно побережья Амазонки. Из него изготавливаются все предметы домашнего обихода. Так, например, из бамбука строят дома и каркасы прао, не говоря уже о более мелких предметах, таких, как посуда, бутылки и бочки для воды, а также многое другое. Чтобы перечислить все вещи, которые можно сделать из бамбука, пришлось бы исписать несколько страниц.

И вот, несмотря на все достоинства этого растения, его вид был прямо-таки ненавистен нашим героям. И не раз, когда топор Муртаха ударял по твердому стволу бамбука, до спутников доносилось его недовольное ворчанье.

— Хоть бы совсем его тут не было, этого бамбука... ни одной палки... — ворчал ирландец.

Но еще больше бесило Муртаха другое препятствие: толстая и липкая паутина огромного, похожего на тарантула, паука. Протянутая от дерева к дереву, эта паутина была похожа на развешанные для просушки неводы или сетки от moskitov и опутывала весь лес. Порой на протяжении сотен ярдов путникам приходилось испытывать на лице и шее противное прикосновение этого клейкого и вязкого вещества, обрывки которого, похожие на шерстяную пряжу или клочья ваты, висели на их одежде. Местами паутина была так плотна, что приходилось сквозь нее продирааться. Время от времени путники видели спасающегося от них паука; спрятавшись в расщелине, он поглядывал на дерзких

нарушителей своего покоя, вторгшихся туда, где никогда не ступала нога человека.

И, наконец, еще одно обстоятельство тормозило продвижение маленького отряда по лесистой долине: а именно, большие участки влажной, болотистой почвы, на которых росли высокие лесные деревья и которые часто переходили в поросшее осокой болото с маленьким озерцом или большой лужей посредине. Тогда люди шагали чуть ли не по колено в жидкой грязи и густой застоявшейся воде, покрытой тиной. Здесь в полумраке, вечно царящем под сводами листвы, не пропускающем ни единого луча солнца, то и дело мелькали огромные, как крокодилы, парусные ящерицы. Увидев людей, они уползали не спеша с их пути, словно раздумывая, стоит ли уступать им дорогу.

И тем не менее эти болотистые участки были желанны для людей. Только с них могли путники видеть солнечный диск, служивший им компасом. Остальное время приходилось двигаться наугад, так как солнце скрывал непроницаемый покров ветвей над их головами. К тому же болота вносили некоторое разнообразие в монотонный и утомительный путь и давали возможность отдохнуть от постоянного напряжения.

Однако в том случае, если болото встречалось в полдень, приходилось несколько часов пережидать, потому что солнце под экватором не дает в это время тени и, следовательно, по нему нельзя определить направления. Но герои наши не сетовали на задержку в пути. Полдень в тропиках невыносимо зноен; солнце палит нещадно, а воздух насыщен удушливыми испарениями. Так что истомленные люди были даже рады передышке и возобновляли путь поближе к закату, когда от деревьев ложатся длинные тени. Ближайшей их целью была полоска воды посредине долины. Они увидели ее еще со склона горы и тогда же решили сделать у этой воды большой привал. С высоты казалось, что до нее можно дойти за каких-нибудь несколько часов — по крайней мере, не позднее, чем к вечеру того же дня; добрались же только на третий день после заката. Вода оказалась озером.

Едва очутившись на его берегу, люди, истомленные долгим и трудным переходом, повалились на землю и тут же крепко уснули, забыв обо всем на свете, даже о «рыжих гориллах».

Глава XXIV РЫЖИЙ САТИР¹

На следующее утро проснулись очень поздно. Через силу поднявшись, приготовили завтрак из копченого окорока. То был уже второй из захваченных ими в дороге кабаньих окороков. И он тоже подходил к концу, потому что путешествие длилось уже вторую неделю. Необходимо было возобновить запас продовольствия; это-то, собственно, и явилось одной из причин их намерения сделать большой привал.

Сэлу подготовил свое духовое ружье, капитан Редвуд прочистил винтовку, а Муртах, который был специалистом по рыбной ловле и постоянно таскал с собой удочку и крючки, решил попытать счастья — не окажется ли здешняя рыба менее робкой, чем ее приморские собратья. И вот снова трое мужчин отправились каждый в свою сторону: Муртах — к озеру, а капитан и Сэлу, вооруженный сумпитаном, — в лес.

Генри и Эллен остались под сенью дерева, где провели ночь.

На сей раз, прежде чем расположиться под ним, тщательно осмотрели его со всех сторон; оно оказалось совсем неизвестной им породы, не похожей ни на дурриан, ни на анчар.

Детям строго-настрого приказали никуда отсюда не уходить до возвращения взрослых.

Но Генри, в общем довольно послушный мальчик, не отличался особым благоразумием. Как истый уроженец Нью-Йорка, он был слишком развит для своего возраста и чересчур смел и решителен. Одним словом, это был

¹ С а т и р — одно из низших божеств в древнегреческой мифологии.

человек, в детской груди которого билось храброе сердце мужчины

Поэтому, когда мальчик увидел, что на маленький, вдающийся в озеро мыс опустилась огромная птица, он не мог преодолеть искушения пальнуть в нее из мушкета. Птица эта, с очень длинными топкими ногами и ростом выше самого мальчика, была индийским зобастым аистом.

Генри схватил мушкет, такой тяжелый, что зашатался под его тяжестью, и стал осторожно подкрадываться к аисту, оставив Эллен одну под деревом.

Пробираясь среди росшего на берегу тростника, мальчик был не дальше чем на расстоянии выстрела от птицы, как вдруг его приковал к месту пронзительный, полный ужаса крик.

Кричала Эллен.

Генри поспешно обернулся и понял причину ее страха: возле нее стоял человек. И как же он был страшен! Никогда за всю свою жизнь, ни наяву, ни в самых кошмарных снах, не видел мальчик столь отвратительного и жуткого страшилища, как то, что стояло теперь, склонясь над его сестрой и протянув к ней свои длинные руки.

Сердце Генри, хотя он и находился на более безопасном от незнакомца расстоянии, чем Эллен, затрепетало от ужаса, когда он увидел, что все тело чудовища покрыто густой ярко-рыжей шерстью, такой же длинной и косматой, как у медведей. На голове шерсть была реже и темнее.

Можно с уверенностью сказать, что никто из детей никогда не видал подобного страшилища.

Г л а в а XXV

СНОВА ТИШИНА

Сначала это ужасное существо, несмотря на свой странный вид, показалось Генри человеком. Но уже в следующий момент мальчик сообразил, что перед ним

обезьяна, а гигантский размер животного подсказал ему, что это «рыжая горилла», или орангутанг.

Генри вспомнил рассказы Сэлу. Нельзя, правда, сказать, чтобы ему стало от этого легче. Как ни храбр был мальчик, при виде лохматого чудовища он не мог подавить испуга — не столько за себя самого, сколько за сестру, которая была совсем рядом с обезьяной. Миг — и зверь схватит девочку. Первым побуждением Генри было броситься к обезьяне и выстрелить ей в морду. Но в тот самый миг, когда он уже собирался это сделать, Эллен, повинуясь инстинкту самосохранения, отпрянула за дерево и притаилась. Увидев, что обезьяна вовсе не собирается ее преследовать и повернула к берегу, Генри остался на месте.

Мужественный мальчик решил не стрелять до тех пор, пока действия оранга не станут явно угрожающими.

Сэлу рассказывал, что эти обезьяны, если их не трогать, совершенно безобидны, за исключением того времени, когда они охраняют своих детенышей. Тогда самое лучшее не попадаться им на глаза: они набрасываются на каждое живое существо, дерзнувшее подойти слишком близко к их гнезду.

Раненый или чем-нибудь раздраженный оранг переходит от обороны к нападению и яростно преследует противника.

Помня все это и надеясь, что животное мирно пойдет своим путем, Генри опустил мушкет и залег в густую траву.

И правильно сделал. Волосатое чудовище продолжало спокойно шествовать к берегу, будто и не подозревая о близком присутствии людей. К счастью для мальчика, путь, которым шел оранг, не пересекал того места, где он прятался. Очевидно, целью обезьяны было добраться до зарослей водяных лилий возле самого берега. Генри знал, также со слов малайца, что оранги питаются фруктами, а в том случае, если фруктов почему-либо не окажется, едят сочные листья и стебли водяных растений, которыми изобилуют прибрежные воды тропических рек и озер. Вероятно, этому косматому господину

не хватило росших поблизости фруктов, и он решил дополнить свой стол простыми овощами.

Вот орангутанг достиг озера и, зайдя по колена в воду, принялся жадно пожирать растения, сгребая их к своей огромной, как у гиппопотама, пасти широкими, будто взмахи косы, движениями длинных рук. Он без передышки жевал сочные побеги, всем своим видом напоминая жующего жвачку быка.

Надеясь, что страшилище, занятое таким безобидным делом, не заметит его, Генри вскочил и быстро, но осторожно, стараясь ничем не привлечь к себе его внимания, побежал к дереву. Там он крепко обнял чуть живую от страха сестру и попытался как умел успокоить ее, изгладить в ее душе жуткое впечатление от встречи с «рыжей гориллой».

Глава XXVI

В ТРЕВОЖНОМ ОЖИДАНИИ

Но, успокаивая сестренку, мальчик и сам еще не был вполне уверен в безопасности. Волосатое чудовище находилось в какой-нибудь сотне ярдов от них и в любой момент могло оставить свою трапезу, чтобы наброситься на детей. Надо было что-то предпринять для своего спасения. Но что? Бежать в лес и попытаться разыскать там отца и Сэлу? Мальчик боялся заблудиться и этим еще более ухудшить положение. Ведь должна же была обезьяна в конце концов наестся и вернуться в лес! И тогда ей ничего не стоило бы поймать детей.

Идти на поиски Муртаха? Но и это грозило окончиться неудачей, потому что дети не знали, в каком направлении он пошел.

Брат и сестра, как ни молоды были оба, сообразили, что самое лучшее остаться на месте.

Но как, в таком случае, привлечь к себе внимание отсутствующих? Кричать? Нет, нельзя: это прежде всего обратило бы на них внимание оранга и — что, пожа-

луй, самое главное — было бы совершенно бесполезно. Ведь Эллен кричала уже, когда увидела обезьяну, и, если бы взрослые могли услышать, они, разумеется, давно прибежали бы на ее тревожный крик. А если так, значит, кричать было не только опасно, но просто-напросто глупо.

Итак, детям оставалось лишь тихонько сидеть на прежнем месте, дожидаясь, пока придет кто-нибудь из взрослых, и стараясь не попасться на глаза орангу. Генри увлек сестру за дерево. Притаившись там, они стояли спиной к лесу и сквозь листву ползучих орхидей, оплетающих ствол, разглядывали оранга, не подвергаясь в то же время риску быть им увиденными. Дети настороженно следили за каждым его движением и трепетали от страха. А как развлекло бы их это зрелище при других, более благоприятных обстоятельствах! Вот огромная человекообразная обезьяна вытягивает свои длинные, в добрых четыре фута, волосатые руки, захватывает большую охапку водяных лилий и, набив полный рот, жует их; потом, выплюнув стебли, тянется за новой охапкой. Время от времени оранг делает шаг-другой в гущу зарослей, чтобы достать особенно понравившееся ему растение.

Генри и Эллен уже несколько минут смотрели на эту редкостную картину; они дрожали от ужаса, то и дело поглядывая на лес и прислушиваясь, не идет ли кто из их маленького отряда.

Но нет, прошло уже много времени, а решительно ничто — ни звук человеческой речи, ни крик испугнутой птицы — не говорило о приближении людей.

Обезьяна все паслась, но ела уже с меньшей прожорливостью. Она стала более разборчива и, прежде чем отправить в рот охапку, подолгу копалась, отыскивая самые крупные и сочные растения. Аппетит ее был удовлетворен, и она подумывала о возвращении в свое гнездо. Где находится это гнездо, дети не знали: далеко в лесу или на одном из деревьев, росших вокруг, — быть может, даже на том самом дереве, за которым они прятались... Где бы оно ни находилось, важно было то, что приближался решительный момент.

Брат и сестра дрожали при мысли, что им вот-вот предстоит оказаться в косматых лапах страшилища. Каково-то будет им в его объятиях? Если обезьяна захочет взять лишь одного, Генри прекрасно понимал, кто должен быть этим «одним». Мужественный мальчик твердо решил пожертвовать собой, чтобы спасти сестру. Схватив мушкет, он воскликнул:

— Слушай, Нелли! Если дело дойдет до борьбы и ты увидишь, что я поднял мушкет, отойди подальше и не вмешивайся. Я выстрелю только тогда, когда обезьяна подойдет вплотную. Сэлу говорил, что нельзя промахнуться: животное свирепеет от этого еще больше. И что бы ни случилось, Нелли, ты не тревожься. Отец или еще кто-нибудь из наших непременно услышат выстрелы и спасут меня. Сестренка, родная, обещай, что, если оранг нападет на меня, ты убежишь подальше и будешь дожидаться отца!

— Нет, Генри! Ни за что! Я не могу. Братик, любимый! Я все равно не смогу жить без тебя! И если ты погибнешь, я хочу умереть с тобой вместе...

— Не надо, Нелли, не смей так говорить! Все будет хорошо... Мы убежим... Оранг неуклюжий и не очень-то быстро передвигается по земле. Знать бы только, в какую сторону он отправится... Но что бы ни случилось, ты слушайся меня, и все будет хорошо.

Пока они таким образом спорили: Генри — настаивая, Эллен — возражая, — с обезьяной произошло что-то странное. Она внезапно бросила есть и порывисто вскочила. И сделала она это вовсе не потому, что ей пора было уходить: порывистость движений и свирепое рычание явно говорили об испуге и сопровождались хриплым лаем, таким, какой издает взбешенный бульдог, когда намордник мешает ему пустить в ход челюсти. Причем вскочила она не вертикально, как то сделал бы встревоженный человек, а на четвереньки, и, так как руки животного были значительно длиннее ног, оно продолжало сохранять полунаклонное положение туловища.

Обезьяна стояла в вызывающей позе; весь ее вид

говорил, что она поджидает своего извечного, хорошо ей знакомого врага.

Щеки оранга непомерно раздулись, волосы на голове встали дыбом, глаза под сильно выдающимися надбровными дугами сверкали, как раскаленные угли, а огромная пасть оскалилась двумя рядами острых зубов.

Но что же его так встревожило? Разве могло хоть одно живое существо, обитающее в лесах острова Борнео — будь то двуногое, четвероногое или пресмыкающееся, — соперничать с этим волосатым гигантом, который совмещал в себе качества всех перечисленных животных и был вдвое сильнее каждого из них! Сэлу говорил, что такого животного нет. Но враг приближался не со стороны леса... То был самый крупный из когда-либо виденных детьми крокодилов. По форме тела и по тому, как он бросками передвигался между водорослями, оба тотчас же узнали в нем обитателя индийских рек и озер — гавиала.

Глава XXVII

ПОЕДИНОК МЕЖДУ ЛЕСНЫМИ ЧУДОВИЩАМИ

Когда дети увидели гавиала, он находился уже почти возле обезьяны.

Брат и сестра были уверены, что наземное животное отступит перед своим еще более грозным, чем оно само, противником.

Действительно, обезьяна отскочила от воды; однако, сделав несколько больших прыжков на четвереньках, она остановилась на более возвышенном и сухом месте, поджидая врага.

И тут дети получили возможность убедиться в справедливости слов малайца, говорившего, что ни в лесах, ни в реках Борнео нет такого зверя, которого испугался бы рыжий орангутанг. Даже гавиал — пожалуй, самый страшный из хищников — и тот, как видно, не устрасил огромную обезьяну.

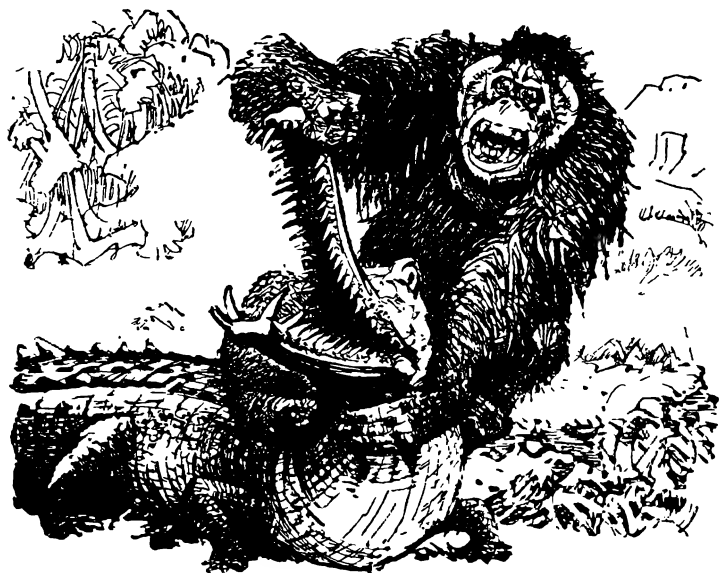
В самом деле, если бы оранг испугался, что мешало

Старая, опытная обезьяна

ему скрыться в лесу или хотя бы просто отбежать подальше от берега? Гавиал вряд ли стал бы преследовать его. Оранг же, наоборот, вел себя так, словно вызывал врага на бой.

Остановившись неподалеку от гавиала, он продолжал хрипло лаять и фыркать, напоминая этим, как мы уже сказали, разозленного бульдога, которому намордник мешает укусить врага. В то же время обезьяна яростно рыла землю и, выдирая траву, злобно швыряла ее в широко разинутую пасть гавиала. Но чешуйчатое чудовище не обращало на это ни малейшего внимания и все приближалось. Ни устрашающие звуки, ни странные жесты разъяренного оранга не производили на него ровно никакого впечатления. Да, вероятно, и вообще никакая угроза не тронула бы его. Уверенный в своих силах, надежно защищенный крепким чешуйчатым панцирем, гавиал никого не боялся, словно зная, что на

знала, что делает

всем острове нет существа, которое устояло бы в борьбе с ним. Поэтому он решительно надвигался на дерзкого противника, вторгшегося в его владения, видимо принимая эту скрюченную фигуру за одного из даяков, множество которых уже стали его жертвами.

На сей раз, однако, гавиал жестоко ошибся. Его ввела в заблуждение мнимая нерешительность оранга.

Когда обезьяна остановилась, гавиал тоже задержался и, погрузившись в воду, ожидал, пока отступление возобновится. Прележав несколько секунд неподвижно и видя, что враг не только не намерен бежать, а, наоборот, принял угрожающую позу, гавиал осторожно выполз из-под прикрытия тростника и, опершись на сильные передние лапы и хвост, сделал сильный скачок в сторону обезьяны и крепко схватил ее поперек туловища мощными челюстями, которые буквально утонули в ее густой рыжей шерсти. Дети были уверены, что сей-

час гавиал утащит свою косматую жертву в озеро, и уже радовались своему избавлению; но секунда — и обезьяна разрушила их надежду. Рванувшись из пасти гавиала, она пределала колоссальный прыжок вверх и немного в сторону и в следующее мгновение очутилась верхом на его спине. Потом, не дав несчастному опомниться, она вторым прыжком перескочила ему на шею и, крепко стиснув его лопатки меж своих коротких и крепких ног, принялась душить врага.

И вот между чудовищами завязалась борьба не на жизнь, а на смерть, борьба причудливая и страшная, какую можно увидеть лишь в дебрях Борнео или Суматры. Мало кому из людей случается быть свидетелем такой борьбы. Только охотникам-даякам удается иногда напасть на нее, бродя среди болот и джунглей или вдоль пустынных берегов. Гавиал всячески пытался сбросить с себя волосатого наездника, который прочно, как в седле, устроился на нем. Чего только не делал он для этого! Щелкал, как из пистолета, своими огромными челюстями, бил длинным и сильным хвостом о землю, пока она не стала под ним совершенно голой, словно кто косой скосил всю траву, извивался и крутился самым невероятным образом... Но все его ухищрения были тщетны: обезьяна восседала на его шее так же прочно, как мексиканец на необъезженном муле. Одной из рук она туго сжимала гавиалу шею, другой же все время размахивала в воздухе, будто искала для нее опору. Дети недоумевали, что бы могли означать эти странные движения. Но вскоре им все стало ясно. Надо сказать, что, разевая пасть, гавиал высоко поднимает верхнюю челюсть. На это-то и рассчитывала обезьяна. Выждав момент, когда челюсть гавиала оказалась торчащей вверх, она ухватила за нее второй рукой. Неискушенному зрителю показалось бы, что теперь для обезьяны все потеряно и сейчас гавиал перекусит ей руку. Но старая и опытная обезьяна знала, что делает. Она вовсе не собиралась допустить гавиала сомкнуть пасть. Крепко ухватившись за самое узкое место его верхней челюсти, обезьяна вся напряглась и, еще крепче сдавив ему лопатки, изо всей силы рванула челюсть.

Послышался хруст сломанной кости, затем последовала отчаянная борьба, и гавиал вытянулся недвижимым; он не был еще мертв, а лежал на земле, содрагаясь всем туловищем и подергивая хвостом; но слабые судороги становились с каждой секундой слабее и слабее...

Рыжий орангутанг, отделавшись от врага и чувствуя себя победителем, выпустил наконец жертву из своих цепких объятий и, отскочив немного в сторону, уселся на корточки, с диким и торжествующим ревом глядя на поверженного врага.

Г л а в а XXVIII

ВЕРА В ПРОВИДЕНИЕ

Быть может, некоторым из наших читателей все это приключение с гавиалом и обезьяной покажется простым вымыслом, плодом авторской фантазии, чем-то вроде «охотничьих рассказов». Но подобная мысль может прийти в голову лишь тому, кто плохо разбирается в естествознании; натуралист же, прочтя эту главу, сразу признает все в ней рассказанное правдивой сценкой из жизни тропических животных. И хотя подобные явления не часто совершаются на глазах человека, тем более человека цивилизованного, обитателям глубинных районов Борнео порой случается их наблюдать. Попросите любого охотника этого острова — и он расскажет вам не одну такую историю, добавив, что мисс ромби, что означает орангутанг, или «рыжая горилла», превосходит по силе всех зверей в джунглях и что лишь двое из животных дерзают нападать на него — это гавиал и большой питон, или удав. С последним из названных животных, огромной змеей, наши герои уже имели случай познакомиться. Охотник расскажет вам также, что орангутанг выходит победителем даже из поединков с этими смелыми и сильными противниками, несмотря на то что каждый из них достигает двадцати — тридцати футов в длину и оба равны ему по силе.

Вообрази, читатель, змею и ящерицу размером в десять ярдов! Такое животное свободно растянулось бы из угла в угол комнаты, где вы сейчас сидите, даже если эта комната и очень велика, или от стены одного дома к стене другого, поперек вашей улицы. В музеях не часто встретишь подобный экземпляр, потому что они очень редко попадают к нашим натуралистам и путешественникам. Но, поверьте мне на слово, такие и даже еще больших размеров животные существуют; причем их можно найти не только на островах тропического востока, но и на западе: в лесах и лагунах экваториальной Америки. Недавно было установлено, что многие из «охотничьих рассказов», к которым, из-за грубоватости их языка, мы привыкли относиться так пренебрежительно, описывают подлинные, не противоречащие научным исследованиям факты. И хотя факты эти преподносятся читателю в несколько романтической форме, он не должен питать к ним ни малейшего недоверия или пренебрежения. Если же когда-нибудь ему доведется побывать на островах Ост-Индского архипелага, это окончательно исцелит его от всяких сомнений.

Разумеется, Генри Редвуд и его сестра, глядя из-за прикрытия ветвей на борьбу двух отвратительных и по силе равных друг другу чудовищ, не могли рассуждать столь хладнокровно, как говорим обо всем этом сейчас мы.

Инстинкт справедливости заставил их невольно стать на сторону слабейшего, которым вначале была обезьяна. Однако чувство справедливости боролось в их душах со страхом, что, если победителем окажется орангутанг, им снова будет грозить опасность попасть в его лапы. Тогда как в случае победы пресмыкающегося они навсегда освободились бы от оранга.

Потому-то теперь, когда борьба наконец окончилась, дети, стоя за деревом, дрожали от ужаса за свою дальнейшую судьбу.

Как мы уже говорили, смертельно искалеченный гавиал был все еще жив. Его длинное тело трепетало в предсмертных конвульсиях, которые с каждой секундой

ослабевали. А рыжий оранг сидел рядом с ним на корточках и, потрясая время от времени у себя над головой косматыми руками, разражался диким отрывистым хохотом.

Казалось, он никогда не кончит ликовать по поводу одержанной победы. Проявления восторга были так ужасны, что наблюдавшие за этой сценой дети должны бы, казалось, от души желать, чтобы она поскорее окончилась.

И все же они не желали этого — настолько велик был их ужас перед обезьяной. Наоборот, им хотелось, чтобы восторг ее длился до тех пор, пока не послышатся шаги возвращающихся с охоты мужчин.

Но как ни напрягали Генри и Эллен свой обостренный сознанием опасности слух, они не могли уловить ни малейшего звука, похожего на шаги или голоса людей.

Время от времени раздавались только крики птиц и четвероногих обитателей джунглей, но в этих криках не слышалось тревоги — значит, охотники были далеко. Что, если они придут слишком поздно?

У Генри снова мелькнула было мысль о мушкете, однако он тут же сообразил, что отец и матросы, зная о его умении обращаться с этим громоздким оружием, могли подумать, что он просто стреляет по дичи. Таким образом, выстрел не только не оказал бы нужного действия, а, наоборот, как мы уже говорили, привлек бы к ним внимание обезьяны. И что оставалось бы тогда мальчику делать с пустым мушкетом? Как защитил бы он сестру и себя самого? Нет, лучше уж не стрелять, а положиться во всем на волю providения.

Рыжий орангутанг, вволю насладившись агонией врага, отвел наконец взгляд от гавиала и поглядел на лес, видимо собираясь туда вернуться. Решительный момент приближался... Каким-то путем отправится обезьяна?..

Брат и сестра не успели не только обмолвиться об этом ни единым словом, но даже подумать, как чудовище уже вскочило на ноги и направилось прямо в их сторону.

МАЛЕНЬКАЯ ПЛЕННИЦА

— Мы пропали! — невольно вырвалось у Генри; и он тут же пожалел об этих словах. Ему следовало бы успокаивать и ободрять сестру, а он своим возгласом еще больше встревожил ее.

Как бы то ни было, вернуть сказанное он уже не мог, да и некогда было. К их дереву, неуклюже пошатываясь, но очень быстро приближался орангутанг. Вот-вот он достигнет места, где, крепко прижавшись друг к другу, стоят дети... Весь вид чудовища говорил о его крайнем возбуждении, вполне естественном после только что пережитой им борьбы.

Если оно увидит сейчас детей, плохо придется им — обезьяна не замедлит излить на них всю свою ярость.

Если увидит!.. Да они были твердо уверены, что животное уже их увидело. Зайти за дерево и спрятаться в ползучих растениях по другую его сторону? Так они и сделали. Только укрытие-то было не очень надежным. Если бы обезьяна, проходя мимо дерева, вздумала оглянуться, то непременно увидела бы их. А она как раз и шествовала к этому дереву, собираясь, видимо, на него вскарабкаться.

Генри опять подумал о бегстве, но было уже поздно. Бежать пришлось бы по совершенно открытому пространству; обезьяна тотчас же заметила бы их, и они очутились бы в ее лапах, не успев добежать до леса. Мальчик горько сожалел, что упустил подходящий для бегства момент. Заблудись они даже в лесу, им и тогда было бы лучше, чем теперь.

Правда, лес начинался совсем близко от того дерева, за которым они скрывались, но, перебегая между стволами деревьев, они оказались бы на виду у оранга. Приходилось выбирать одно из двух: бежать, рискуя попасть обезьяне в лапы, или оставаться на месте и надеяться, что животное пройдет мимо, не заметив их. Дети предпочли последнее. Крепко держась за руки и затаив дыхание, они прильнули к стволу со стороны, противоположной той, откуда шла обезьяна. Им

уже не было ее видно; боясь, как бы животное не заметило их, они теперь не решались не только высунуть голову из-за дерева, но даже глядеть сквозь густую сеть ползучих растений. Ведь, не зная об их присутствии, обезьяна вполне могла пройти мимо и убраться в лес,—думал Генри. На случай же, если бы она все-таки их увидела, отважный мальчик собрал всю свою энергию и присутствие духа и приготовился к борьбе. Держа заряженный мушкет наготове, он намеревался, как только орангутанг подойдет вплотную, выпустить пулю прямо в лоб рыжему сатиру.

Оба стояли так тихо, что могли слышать громкое биение своих сердец.

Им казалось, что обезьяна давно бы уже должна миновать дерево. Задержало ли ее что-нибудь в пути или она повернула в другую сторону? Детей страшно мучила эта неопределенность.

Генри хотел выглянуть, но вдруг они услышали какое-то царапанье по другую сторону ствола и поняли, что обезьяна скребет когтями по коре их дерева. Мгновенье спустя тот же звук послышался немного выше. Дети догадались, что зверь лезет на дерево. А так как дерево было очень высокое, с густой кроной и все опутано сетью ползучих растений, то, взобравшись на него, обезьяна не могла бы их видеть оттуда, и они благополучно перебежали бы в более безопасное место.

Генри уже поздравлял себя с удачным избавлением от опасности, как вдруг неожиданное происшествие мгновенно превратило эту счастливую для детей развязку в ужасную катастрофу.

Невольной причиной несчастья был ирландец.

Возвращаясь с рыбной ловли, он увидел на берегу умирающего гавиала, длинное тело которого все еще корчилося в судорогах.

Не зная причины гибели животного, Муртах порядком удивился, а отчасти и встревожился. Когда же он взглянул на дерево, под которым оставались Генри и Эллен, и не нашел их там, тревога его, разумеется, возросла еще больше. Однако, может быть, и теперь еще

все кончилось бы благополучно, сохрани ирландец спокойствие. Но в том-то и беда, что, увидев карабкавшегося на дерево оранга, Муртах испустил пронзительный вопль. Ему представилось, что рыжее страшилище сожрало детей. Этот-то крик все и погубил. Несмотря на звучащее в нем отчаяние, он показался детям радостным кличем победы; они выбежали из укрытия и сразу попались на глаза обезьяне.

Когда раздался возглас Муртаха, обезьяна была всего футов в двадцати от земли; услышав крик, она обернулась; сверкающий, как раскаленные угли, взгляд ее черных глаз упол на мальчика с девочкой и вспыхнул адским огнем. В ней тотчас же пробудилась вся ее недавняя свирепость, и, вновь разразившись своим хриплым, лающим хохотом, она кинулась на ближайшего из детей.

К несчастью, ближайшей оказалась Эллен. Увидев, что зверь напал на девочку, Муртах бросился ей на помощь, а Генри попытался так стать между чудовищем и ее жертвой, чтобы выстрел пришелся обезьяне в морду и в то же время не ранил сестру.

И мальчику, бесспорно, удалось бы это, не подведи его ружье — старый кремневый мушкет. Во время долгого пути по насыщенным влагой джунглям в нем отсырела затравка, и вот теперь оно не только не выстрелило, но даже искры не дало.

Тогда Генри схватил ружье за ствол и, действуя им, как дубиной, принялся что было сил дубасить косматого гиганта по голове. Однако густая копна жестких волос служила орангутангу прекрасной защитой, и удары отскакивали от его черепа, как от деревянного, не принося ему ни малейшего вреда.

Не успел мальчик нанести и четырех ударов, как обезьяна протянула к Эллен длинную руку, обхватила девочку вокруг талии и, прижав ее к своей косматой груди, снова полезла на дерево. Кричать было бесполезно. Мальчик сделал все возможное, чтобы задержать похитителя, но тщетно. Он обеими руками крепко уцепился за ногу орангутанга и повис на ней. Обезьяна поднялась вместе с ним на несколько футов, а потом,

Мальчик делал все, чтобы задержать похитителя...

сильно дернув ногой, стряхнула его, и он, оглушенный, упал без сознания на землю. Но и в обмороке в ушах его, ни на секунду не умолкая, звучали вопли сестры. Впрочем, сознание очень скоро вернулось к Генри, и он открыл глаза; а едва открыв, устремил их на дерево. Он увидел, что рыжая обезьяна все еще держит Нелли в объятиях, унося ее все выше и выше, будто намереваясь подняться на самую вершину.

Глава XXX

ЧТО БУДЕТ С ДЕВОЧКОЙ?

Невозможно описать отчаяние, овладевшее Генри, когда он стоял, закинув голову, под деревом и беспомощно смотрел, как орангутанг уносит его сестру, чувствуя себя бессильным ей помочь.

Не меньше, пожалуй, было и горе Муртаха. Ведь несчастный ирландец любил Эллен, как родную дочь.

Оба, и матрос и мальчик, считали девочку погибшей. Обезьяна разорвет ее своими огромными когтями, — думали они. Они видели, что оранг уже оскалил желтые клыки. Не стоит и пытаться передать чувства, бушевавшие в груди этих людей...

Капитан Редвуд и Сэлу, возвращавшиеся с охоты, еще издали услышали вопли девочки и крики Муртаха и Генри; последние двести — триста шагов они бежали, спеша узнать, в чем дело. Однако и с их приходом положение не стало легче. Просто группа отчаявшихся людей увеличилась на два человека — только и всего.

В просветах листвы еще можно было различить обезьяну. Но капитан Редвуд и не пытался по ней стрелять. Он со своей винтовкой чувствовал себя в этот момент столь же беспомощным, как если бы у него в руках была простая палка. То же чувство испытывал и малаец со своим сумпитаном.

Разумеется, они могли бы убить обезьяну: капитан — прострелив ей из ружья череп, а Сэлу — пустив в нее ядовитую стрелу. Но что толку это делать? Ведь

вместе с орангутангом погибла бы, упав с дерева, и Эллен, так как падать ей пришлось бы с высоты не менее ста футов. Тогда как теперь девочка была, по крайней мере, жива и невредима. До стоявших внизу людей доносились ее крики, и они видели, что она отбивается от страшных объятий оранга, уносящего ее все дальше вывись...

Редвуд и Сэлу боялись, стреляя по обезьяне, уменьшить и без того малую возможность спасения девочки.

Поистине эта сцена представляла для безутешного отца душераздирающее зрелище!

Но вот, пока несчастный Редвуд, его сын и товарищи стояли, не зная, что предпринять, обезьяна изменила направление и перешла на одну из больших горизонтальных ветвей, протянувшихся навстречу кроне соседнего дерева; ветви обоих деревьев, несмотря на большое — не менее пятидесяти футов — расстояние между их стволами, тесно переплетались. Намерение обезьяны было ясно: она хотела перейти с одного дерева на другое, потом на следующее и так далее — словом, утащить девочку в самые дебри.

Так и случилось. Пробежав по земле в том же направлении, в котором передвигался по дереву оранг, все увидели, как он, вытянув руку, ухватился за ветку соседнего дерева и перемахнул на нее с легкостью белки. И при этом он действовал только одной рукой, другой прижимая к себе Эллен. Но ведь известно, что у обезьян задние конечности не менее подвижны, чем передние; а для лазания по деревьям вполне достаточно и трех.

Исчезнув на секунду в чаще листвы, оранг в следующую минуту вынырнул с противоположной стороны кроны и перескочил на третье дерево, унося все дальше и дальше в лес свою драгоценную ношу.

Обезумевший от горя отец бежал с бесполезной винтовкой в руках, не спуская глаз с обезьяны.

Не менее бесполезным оружием был сейчас и мушкет, из которого Генри так и не вынул отсыревшую затравку. Сухая она или мокрая — какое это имело теперь значение!

Любое оружие принесло бы в их положении не больше пользы, чем удочки в руках ирландца.

Обезьяна мчалась все дальше и дальше, перелетая с дерева на дерево, а люди внизу продолжали преследование, хотя никто из них и не помышлял о том, чтобы ее остановить. Они бежали почти машинально, лишь бы не упустить животное из виду. Может быть, в глубине души у них еще и теплилась слабая надежда, что какой-нибудь непредвиденный случай поможет им спасти девочку.

Но трудно было рассчитывать на случай. Единственное, что оставалось, — это уповать на высшую силу; только она могла настигнуть и поразить похитителя.

Капитан Редвуд не был в полном смысле слова тем, что принято называть религиозным человеком, то есть строгим блюстителем всех церковных традиций, но он свято верил в существование провидения, заботящегося о судьбах людей. Поэтому в его бессвязных возгласах звучала горячая мольба к богу:

— Эллен! Дитя мое! О господи! Что с ней будет... Защити и спаси ее, милосердный отец наш!

Глава XXXI

НЕОЖИДАННОЕ ПРЕПЯТСТВИЕ

В то время как рыжий орангутанг, перелетая с одного дерева на другое, уносил Эллен все дальше в чащу леса, внизу от ствола к стволу, с трудом расчищая себе дорогу среди густых зарослей, бежали беспомощные преследователи обезьяны.

Никто из них не мог бы сказать, чем кончится эта странная погоня; никому из них не приходилось до сих пор не только участвовать в подобной охоте, но и слышать о ней. Да и не только им, а наверно, вообще никому на свете.

Они даже и не пытались строить предположения о том, чем все это может кончиться, и только старались не упустить обезьяну из виду.

Эллен уже не кричала. С ее губ не слетало теперь ни звука. В чем дело? Жива ли она? Может быть, это всего лишь обморок, а может быть, обезьяна задушила ее в своих мощных объятиях?

Отец старался убедить себя, что девочка, естественно, должна была потерять сознание от такого ужаса. Но никто не знал точно, жива ли она.

В погоне за обезьяной приходилось пробираться непроходимыми дебрями тропического леса. Ветви деревьев, переплетаясь над головой, образовали мрачные своды, с которых свисали гирлянды листьев и ползучих растений.

Временами фигура убежавшей обезьяны исчезала в полутьме этих сводов, и ее легко было совсем потерять из виду, но белое платье Эллен служило путеводным знаком. Изорванное в клочья, оно развевалось, как выпел на ветру. А когда своды листвы оказывались менее плотными, все отчетливо видели и пленницу и ее рыжего похитителя. Но даже и в эти редкие моменты невозможно было разглядеть лицо девочки; стоявшим внизу людям казалось, что оно прижато к косматой груди обезьяны, а мягкие косы Эллен смешались с длинной рыжей шерстью животного, образуя причудливый контраст. Не только лицо, но и вся фигурка Эллен виднелась недостаточно отчетливо; однако, уже судя по тому, что им удалось разглядеть, девочка была жива.

Чудовище не хотело, видно, причинять ей никакого вреда. Однако для нежного тельца девочки малейшее неосторожное движение грубого зверя могло оказаться смертельным.

Даже самый красноречивый человек не сумел бы описать переживаний несчастного отца. Есть чувства, которые не в состоянии выразить словами ни одип поэт, как бы талантлив он ни был.

Вначале Редвуд, вероятно, еще не вполне сознавал всю тяжесть своей утраты. Азарт преследования и надежда, что в конце концов им поможет какая-нибудь счастливая случайность, спасали капитана и его спутников от полного отчаяния.

Наступил, однако, момент, когда несчастные поневоле должны были признать, что все их надежды рухнули: у ног их внезапно заискрилась в полумраке вода, и они увидели, что стоят на берегу озера.

Стволы деревьев вздымались здесь прямо из воды, а кроны их переплетались точно так же, как и над сушей. Похититель мог, таким образом, преспокойно продолжать свой путь; преследователи же вынуждены были остановиться, не имея никакой надежды возобновить погоню.

Некоторое время орангутанг с развевающимся белым платьем-флагом еще мелькал в отдалении, но вскоре скрылся из виду, и стоявшие на берегу люди слышали только треск ломаемых сучьев и свистящие, будто взмахи хлыста, звуки веток, когда обезьяна перелетала с одного дерева на другое.

Орангутанг со своей жертвой был теперь далеко. Муртах и Салу подхватили с обеих сторон капитана Редвуда под руки, иначе он упал бы на землю. Полулежа у них на руках, убитый горем отец безутешно рыдал:

— Эллен! Дитя мое! Что с ней будет! О боже, защити и спаси ее!..

Глава XXXII

ГОЛОСА ВО ТЬМЕ

Несколько секунд капитан Редвуд был в полном отчаянии. Не меньше страдал и Генри. Оба они — и отец и сын — понесли тяжкую утрату и испытывали теперь невыразимо жестокие муки. Подумать только, Эллен, их любимая маленькая Нелли, в лапах этого отвратительного существа — не то человека, не то зверя, соединяющего в себе худшие качества того и другого!

Быть может, она уже задохлась в его мерзких объятиях... А если и нет, то ей предстоит страшная смерть: чудовище может разорвать ее своими огромными когтя-

ми, может сбросить с дерева, и девочка разобьется о землю или навсегда исчезнет в холодной воде озера.

Все эти кошмарные мысли быстро пронеслись в возбужденном мозгу капитана и Генри в то время, как они стояли на берегу, мучительно думая о том, что ожидает несчастную Эллен.

Они уже и не мечтали увидеть ее живой. Нет! Если бы им удалось найти и предать земле хотя бы ее мертвое тело, они и то обрадовались бы — так велико было их отчаяние.

Даже Сэлу, хорошо знакомый со всеми повадками человекообразных обезьян, не мог сказать, какая судьба ожидает Эллен.

Вообще все это происшествие сильно озадачило малайца. Ему рассказывали много случаев о том, как орангутанг в припадке гнева раздирал свою жертву на куски. Однако эта обезьяна трогает человека лишь в тех случаях, когда тот первый на нее нападет. Но если ее разозлить, она бывает страшна.

Обезьяну, укравшую Эллен, сильно возбудила борьба с гавиалом. Увидев детей, она, очевидно, восприняла их появление как дальнейший этап борьбы, а крик Муртаха разжег в ней угасшую было ярость.

А может быть, как предполагал Сэлу, причиной похищения явился просто внезапный каприз животного.

Верней всего, именно так и было. Малаец в свое время много слышался о причудах орангутангов. Даяки-охотники утверждают, что эта обезьяна, подобно людям, подвержена приступам безумия.

Мысли об этом то и дело мелькали в голове путников еще во время погони за орангутангом, и они обменивались ими, пробираясь по джунглям. Теперь же, когда преследование так неожиданно оборвалось, все остановилось, подавленные горем, на берегу озера, не произнося ни слова и выражая свои чувства лишь печальными вздохами.

И хорошо, что они молчали. Это дало малайцу возможность прислушаться. Хотя обезьяна и была уже далеко, он все еще не терял надежды проследить направ-

ление ее пути по деревьям и чутко ловил каждый звук.

Прекрасно знакомый с жизнью и привычками этих обезьян, Сэлу знал, что орангутанг, кроме временных ночлегов, которые он очень быстро сооружает на любом дереве, всегда имеет постоянное гнездо.

Он устраивает его обычно над водой или болотом и выбирает для постройки низкорослое, но раскидистое дерево или большой куст, потому что на высоких деревьях бывает слишком холодно и они сильно раскачиваются ветрами.

Поэтому, увидев озеро, Сэлу решил, что где-нибудь поблизости непременно должно быть логово орангутанга. Они отыщут его и отнимут у обезьяны Эллен, хотя бы она и была уже мертва. Он чутко вслушивался в каждый звук, раздававшийся над озером, призывая к молчанию своих спутников. Да их и не надо было уговаривать: стоя у самой воды и болезненно напрягая слух, они и так хранили гробовое молчание.

Потрескивание ветвей продолжалось не более пяти минут. Потом оно внезапно прекратилось, и послышался целый хор голосов. Тут были и фыркание, и рычание, и лай, и хохот, и пронзительный визг — словом, поднялся невообразимый гвалт. Все голоса исходили из одного и того же места. Сэлу утверждал, что один из хриплых голосов странного хора принадлежит орангутангу, похитившему Эллен. Если бы он оказался прав, это значило бы, что обезьяна наконец остановилась.

— Слава аллаху! — глухим голосом воскликнул малаец. — Он плисол домой; его семья с ним здоловаться. Если маленький Нелли нет зывой, мы отнимем ее тело и отомстим миас ломби.

Малоутешительные слова малайца тяжелым камнем пали на сердце капитана и его спутников. Видя это, Сэлу добавил:

— Капитан Ледвуд, не надо грустить! Нелли зыва, навелно. Миас ломби не съел ее.

Последние слова вдохнули в несчастного отца новую надежду. При мысли, что его дочь, может быть, еще жива и ее удастся спасти, он воспрянул духом.

Глава XXXIII

ВПЛАВЬ ПО ОЗЕРУ

Вместе с надеждой к капитану вернулась и вся его утраченная энергия. Он бросился исследовать глубину озера, желая узнать, нельзя ли как-нибудь по нему пройти.

Оказалось, что нет. Уже в нескольких шагах от берега вода поднималась ему до подмышек, чуть подальше — до подбородка, а по мере удаления от берега дно все больше и больше понижалось. Таким образом, пришлось отказаться от мысли идти пешком.

Редвуд отступил на несколько шагов к берегу, но продолжал, стоя в воде и устремив взор к центру озера, прислушиваться.

Странный хор все еще звучал; и, хотя он значительно ослаб и стал беднее тонами, было ясно, что существа, издающие эти причудливые звуки, все время находятся на одном и том же месте — не на деревьях, а где-то внизу, на земле или на поверхности воды. Это, конечно, могло оказаться слуховым обманом вследствие отражения звука водной поверхностью. Один из голосов имел поразительное сходство с детским криком; но Эллен не могла так кричать. Голос напоминал скорее плач грудного младенца. Сэлу сразу же узнал в нем крик детеныша орангутанга. Значит, его предположение правильно: миас ромби действительно пришел домой.

Капитан Редвуд стал еще с большим жаром рваться к месту, откуда исходили звуки. Предчувствие говорило ему, что Нелли жива и ее можно спасти.

Пусть до полусмерти измученная, пусть искалеченная, лишь бы живая!

И даже если она уже при смерти, все равно он хочет ее спасти; по крайней мере, она умрет у него на руках, а не в объятиях волосатого орангутанга, под кривлянье и визг его отвратительных отпрысков.

Неважно, что по озеру нельзя идти. По нему можно плыть. И капитан поплывет. В свое время он мог проплывать большие расстояния, а до гнезда орангутанга, судя по голосам, было не более полумили и к тому

же по совершенно спокойной воде, осененной деревьями.

Редвуд приготовился уже броситься вплавь, но стоявший возле него Сэлу удержал его за плечо:

— Капитан хосет плыть. Не надо плыть без лузья. Я возьму сумпитан, вы возьмете лузье, и мы оба плыть. Надо убивать мias ломби, — сказал малаец.

Редвуд и сам подумал об этом.

— Ты прав, Сэлу, — сказал он: — ружье взять необходимо. Но как пронести его сухим? У нас нет времени, чтобы сделать плот.

— Не надо плот, капитан. Сэлу понесет лузье. Он умеет плавать одной лука.

Капитан Редвуд знал, что его темнокожий лодман действительно умел грести одной рукой ничуть не хуже, чем сам он двумя. Ведь для малайцев вода — родная стихия, и плавать им так же легко, как ходить по земле. Случись Сэлу упасть с корабля в двадцати милях от берега, он и тогда вряд ли утонул бы. Поэтому капитан тут же согласился с малайцем, и оба вернулись к берегу, чтобы взять оружие и подготовиться к плаванию.

Приготовление не отняли много времени. Редвуд снял с себя лишнюю одежду, положил в тулью своей шляпы пороховницу и несколько пуль, накрепко привязал шляпу к голове, взял в зубы нож — на всякий случай — и был готов.

Сэлу же снарядился еще быстрее. Снимать с себя ему было почти нечего; поэтому, покрепче закрутив чалму, он укрепил на ней бамбуковый колчан с отравленными стрелами, а неразлучный крисс, оружие, с которым никогда не расстается ни один малаец, привязал у бедра на ремешке. Сумпитан и винтовку Сэлу взял в левую руку. Собрались очень быстро; зря не пропало ни секунды, потому что во все время сборов их подгоняли ни на секунду не умолкающие голоса обезьяньего семейства.

Пройдя мелководье и выплыв на глубокое место, малаец и капитан, быстро и равномерно работая руками, уверенно поплыли к середине озера.

Генри и Муртах остались на берегу. Ирландец вообще был неважным пловцом; мальчик же — слишком еще слаб, чтобы проплыть даже полмили. Поэтому они вряд ли доплыли бы до обезьяньего логова, а если бы и доплыли, оказались бы не в состоянии бороться с орангутангами.

И все-таки оба — и беззаветно преданный своему капитану матрос, и Генри, желавший делить с отцом все опасности — непременно отправились бы вместе с Редвудом, если бы он сам не запретил им это.

Стоя на берегу, они провожали уплывающих взглядом, в душе моля бога о том, чтобы он помог им спасти девочку.

Г л а в а XXXIV

ПЛАВАНИЕ В ПОТЕМКАХ

Капитан и его темнокожий лодман быстро плыли в прохладных сумерках леса.

Вокруг было темно, как ночью. Ни один солнечный луч никогда не играл на воде этого озера — так густы были своды листвы. И если бы не голоса, отважные пловцы, наверно, заблудились бы в этом мрачном лесу.

Энергично работая руками, они обсуждали вполголоса дальнейшие свои действия. Что, если логово окажется прямо над водой? Как тогда быть с ружьем?

Ни малаец, ни капитан так и не нашли ответа на этот вопрос. Сэлу выразил только надежду, что, может быть, им удастся примоститься на ветке близко растущего к логову дерева и оттуда выстрелить в орангутангов.

На этом и пришлось пока успокоиться.

Путь был не особенно труден. Несмотря на то что плыть приходилось в кромешной тьме и время от времени уклоняться в сторону, минуя стволы встречных деревьев, вперед продвигались довольно быстро, все время ориентируясь на голоса обезьян.

Вместо визга и хриплого хохота из логова слышалась

теперь неумолчная болтовня, как будто звери держали семейный совет.

Но вот наконец пловцы оказались так близко от сборища четвероруких, что уже не боялись заблудиться. До гнезда оставалось не более сотни ярдов.

Теперь плыли молча, стараясь не шуметь и напряженно вглядываясь в темноту в поисках сука или какой-нибудь другой опоры для ног. Оба надеялись, что найти такую опору будет совсем нетрудно: на пути то и дело попадались удобные для отдыха деревья — узловатые, с толстыми ветвями и сучьями.

Но капитан и Сэлу — оба отличные пловцы — не нуждались в передышке. Да и мог ли несчастный отец думать об отдыхе до тех пор, пока не спасет свою дочь!

И вдруг одновременно оба наткнулись грудью на что-то твердое и остановились. Толчок был настолько силен, что вывел их из горизонтального положения, в которое им не пришлось больше возвращаться: препятствие оказалось выступающим на несколько футов из воды берегом.

Почувствовав твердую почву, капитан и Сэлу поднялись на ноги и с приятным изумлением огляделись вокруг.

Это был крохотный, едва возвышавшийся над водой островок. Здесь также росли деревья, но иные, чем на озере. Те были высокие и одноствольные, а эти имели по пескольку стволов; очевидно, они принадлежали к одному из видов индийской смоковницы, или баниана.

Одно из деревьев, почти посредине острова, особенно бросалось в глаза своим внушительным видом. То был настоящий патриарх лесов, с необъятной кроной, поддерживаемой огромным количеством стволов. Однако оно привлекло внимание наших героев не столько своими размерами, как тем, что именно из чащи его ветвей и неслись те самые голоса, на которые они держали путь.

Там должно было находиться логово рыжего чудовища, а значит, и он сам со своим семейством.

Схватив ружье и шепотом приказав малайцу следовать за собой, капитан Редвуд решительно направился к дереву, сулящему близкий конец погони.

Глава XXXV

ОБЕЗЬЯНЫЕ СЕМЕЙСТВО

Вскоре оба уже стояли среди стволов-корней баниана. На горизонтальных ветвях его было сооружено нечто вроде большой платформы, под которой тень, бросаема густой кроной дерева, была еще темнее.

Сэлу сразу же узнал в сооружении логово, или, как его называют, насест миас ромби. Он часто видел такие гнезда в лесах Суматры, где водится если и не эта же самая, то, во всяком случае, очень близкая к ней порода обезьян.

Дерево было невысокое, но с широко раскинувшимися ветвями, так что гнездо, устроенное из переплетенных между собой ветвей с настилом из травы и листьев, находилось не выше двадцати футов от земли.

Бесшумно, будто два призрака, скользили Редвуд и Сэлу в царящем вокруг полумраке; темнота благоприятствовала им, и вскоре нашлось удобное для наблюдений место.

Они взобрались на далеко выдающийся сук соседнего дерева, так что головы их оказались на одном уровне с гнездом.

При виде происходящего там сердце несчастного отца болезненно сжалось.

На платформе лежала Нелли. Во мраке особенно ярко выделялось белоснежное личико девочки, обрамленное золотистыми локонами. Платье изорвалось в клочья, и местами виднелось обнаженное тело.

Девочка лежала так неподвижно, что казалась мертвой. Сколько ни вглядывался капитан, он не мог уловить в ней ни малейшего признака жизни; глаза ее нельзя было различить в темноте; Редвуд не видел,

Прижав к губам заряженный сумпитан,

открыты они или нет, но был уверен, что они закрыты навеки.

Возле Эллен сидели три похожие на человеческие, но отвратительно страшные фигуры, покрытые длинной рыжей шерстью, очень густой и косматой. В одной из фигур, самой большой, капитан узнал похитителя своей дочери. Вторая фигура, поменьше, была, очевидно, женой рыжего чудовища; третья, совсем еще маленькая, но как две капли воды похожая на больших обезьян, была их детенышем. Ее-то скулящий плач и слышали путники яснее всех остальных голосов.

Старый орангутанг, утомленный борьбой с гавиалом и продолжительным бегством, сидел, скрючившись, на корточках и, казалось, спал. Обе другие обезьяны бодрствовали.

Мать время от времени подхватывала детеныша на руки и, грубо приласкав, снова отпускала его, и он

малаец сильно дунул в него.

продолжал свою дикую пляску вокруг тела Эллен, проделявая самые невообразимые прыжки и поминутно останавливаясь, чтобы зубами и когтями оторвать лоскут от ее платья. Детеныш забавлялся.

Это было страшное, ни с чем не сравнимое зрелище.

Редвуд не стал долго смотреть. С него было достаточно беглого взгляда, чтобы оно навсегда запечатлелось в его душе до мельчайших подробностей. Он поднял ружье, собираясь выстрелить в рыжего сатира, казавшегося ему самым опасным из всего семейства.

Еще миг — и пуля поразила бы спящего гиганта. Но Сэлу придержал капитана за руку.

— Не надо стлелять, капитан! — прошептал он. — Сэлу стлелять. Сумпитан лутьсе, сем пуля. Лузье бум, бум! Лазбудит миас ломби. Сумпитан тихо стлелять. Сэлу убьет всех тлоих.

Уверенность, с какой убеждал его малаец, подействовала на Редвуда. Он опустил винтовку и предоставил Сэлу поступать как ему заблагорассудится.

Заняв место капитана, откуда открывался вид на столь мучительную для Редвуда сцену, малаец лишь мельком взглянул на нее. Но и этого беглого взгляда оказалось вполне достаточно, чтобы он мог наметить первую жертву. Выбор его пал на ту же самую обезьяну, которой капитан только что собирался послать свинцовый гостинец.

Прижав к губам отверстие заряженного сумпитана и сильно в него дунув, малаец выпустил отравленную стрелу.

Она вылетела с такой быстротой, что даже при полном дневном свете произвела бы впечатление ружейной вспышки, и неслышно промчалась в окутывающей гнездо темноте.

Полет сумпита столь же беззвучен, как полет ночной совы.

Капитан и малаец слышали, правда, звук, но то был не выстрел. До них донеслось ворчанье орангутанга; почувствовав, как что-то кольнуло его, и приняв это, вероятно, за укус москита или осы, он почесался. Обнаружив обломок стрелы, обезьяна раздраженно шевельнулась, однако не нашла нужным прерывать свой сон. И даже после того, как в ее тело вонзилась вторая, а затем и третья стрела, она каждый раз ограничивалась почесыванием уязвленных мест: начинало сказываться наркотическое действие яда, которое должно было вскоре окончиться непробудным смертельным сном.

Так и случилось. Немного спустя рыжее чудовище лежало недвижимым, вытянувшись во весь рост на платформе, так долго служившей ему насестом. Огромное тело обезьяны было совершенно инертно и мягко, только ноги ее слегка подергивались в предсмертных судорогах.

А вскоре та же участь постигла и подругу рыжего сатира. На нее яд анчара подействовал еще быстрее — от этого яда нет спасения, стоит ему проникнуть в кровь.

Уничтожив больших обезьян, малаец не пожелал расходовать лишней стрелы, чтобы убить детеныша, и они с капитаном вскочили на платформу.

Редвуд бросился к дочери; опустившись на колени, он прижал ухо к ее груди, чтобы узнать, бьется ли сердце.

Сердце билось!

Г л а в а XXXVI

СВОЕОБРАЗНЫЙ ПАЛАНКИН¹

— Слава богу, она жива! — были первые слова, услышанные Муртахом и Генри.

И Сэлу, выплыв на берег, рассказал им обо всем случившемся. Более того, они узнали, что Эллен жива и пришла в сознание после длительного обморока, который, начавшись с момента похищения, избавил ее от тяжелых переживаний. Кроме нескольких царапин и боли от мощных объятий орангутанга, у девочки не оказалось никаких повреждений — по крайней мере, серьезных.

Малаец приплыл, чтобы с помощью Муртаха соорудить плот для перевозки Эллен.

Бамбук рос тут же под рукой; ирландец, будучи искусным плотником, очень быстро соорудил под руководством малайца большой плот, и Сэлу отправился на островок за Эллен и капитаном.

Увидев возвращающийся плот и не в силах дожидаться, пока он пристанет к берегу, Генри бросился вплавь ему навстречу; взобравшись на бамбуковый настил, он крепко обнял сестренку.

Какая разница была между этими нежными братскими объятиями и хваткой длинных, волосатых рук орангутанга!

Случай с орангутангом совсем подорвал и без того

¹ П а л а н к и н — носилки в форме кресла или ложа, укрепленные на двух длинных шестах, концы которых кладутся на плечи носильщиков.

пе вполне восстановившиеся силы Эллен. Отец считал, что, прежде чем пускаться в дальнейший путь, необходимо дать ей хорошенько оправиться. Однако место, где они находились, было совсем не пригодно для привала: не говоря уже о связанных с ним тяжелых воспоминаниях, там было слишком темно и сыро.

Капитану Редвуду хотелось поскорей его покинуть. Но как быть с Эллен? Она не могла идти. Малаец и тут нашел выход из положения. Он предложил сделать для девочки носилки, на которых ей будет удобно лежать — не хуже, чем какой-нибудь богатой яванке или японке в роскошном паланкине.

— Так делайте же их скорее! — воскликнул ни на миг не отходивший от дочери капитан, который не мог наглядеться на свою девочку.

Получив разрешение, Сэлу тут же приступил к работе. Муртах с радостью стал помогать, и скоро у их ног лежало десятка два бамбуковых палок для постройки паланкина.

Сэлу разрезал палки на отрезки нужной длины и скрепил в форме носилок с двумя длинными рукоятками на каждом из четырех концов. Это сооружение не было паланкином в полном смысле слова. Паланкин должен иметь навес для защиты от дождя и солнца. Но так как дождя не предвиделось, солнца же под лиственными сводами джунглей и вовсе не приходилось опасаться, Сэлу решил не делать навеса. Зато он постарался сделать носилки как можно эластичней и мягче, тщательно выбрав для них самые гибкие палки и устлав толстым слоем листьев и мягкой, как гагачий пух, ваты, собранной с росшего вокруг сиамского хлопчатника.

Уложив Эллен на эти носилки, ее понесли по тем самым местам, где еще так недавно ей пришлось проделывать столь необычное и мучительное путешествие в качестве пленницы орангутанга.

В этот же день перед закатом все снова увидели приветливый свет солнца; его прощальные лучи осветили бледное личико Эллен, когда носилки поставили под тем самым деревом, откуда ее унесла обезьяна.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Молодой организм Эллен быстро справился с недомоганием после страшного путешествия по джунглям в объятиях орангутанга.

Все пережитые ею опасности и невзгоды, начиная с кораблекрушения, сделали ее выносливой, как взрослую, закалили ее душу, и это также немало способствовало тому, что она сравнительно легко перенесла последнее испытание.

Не привыкши Эллен уже давно ко всевозможным ужасам, она вряд ли выжила бы теперь; а если бы и осталась в живых, могла бы лишиться рассудка.

Однако ничего подобного, как мы знаем, не случилось; и уже на третий день по возвращении под дерево маленький отряд капитана Редвуда был в состоянии возобновить путешествие.

Более того, они имели возможность сделать это со свежим запасом продовольствия: охота Редвуда и Сэлу в день похищения Эллен оказалась очень удачной. Им удалось убить оленя, кабана и несколько больших птиц, годных как для варки, так и для жаркого.

И при этом капитан Редвуд не израсходовал ни единой пули.

Все, что они убили, было подстрелено Сэлу из его беззвучного оружия.

Тяжело нагруженные всей этой дичью, они уже возвращались с охоты, но, услышав еще издали отчаянные крики Муртаха, Эллен и Генри, бросили добычу и побежали на голоса.

Теперь же, когда тревога улеглась и все вошло в свою колею, они вспомнили о покинутой дичи. Сэлу с Муртахом отправились на ее поиски и, очень скоро отыскав, притащили к своему временному лагерю

Пока Эллен выздоравливала и набиралась сил, люди занялись дичью; ее приготовили таким образом, чтобы она не портилась и ее хватило на все путешествие, если бы, конечно, оно опять не затянулось из-за какого-нибудь непредвиденного препятствия. Одной только пти-

цей можно было питаться несколько дней. А имея к тому же в своем распоряжении кабанье сало, птицу можно было чудесно зажарить.

В путь тронулись в самом прекрасном расположении духа. Казалось, что судьба устала наконец преследовать их, ежедневно угрожая смертью то одному, то другому.

Поблизости от места, где так трагически прервалось путешествие, капитан и его спутники нашли удобную тропу через оставшуюся непройденной часть равнины и отправились по ней.

Во время пути им не раз попадались следы орангутанга, а однажды они увидели и самого представителя этой породы обезьян, который следил за ними сверху сквозь ветви.

Однако на сей раз никто из них не испугался. Сэлу сказал, что это не миас ромби, как он думал, судя по его поведению, а миас паппан.

Малаец признался, что его и самого сильно озадачил поступок обезьяны, причинившей им столько тревог. Миас паппан никогда не похищает людей. Очевидно, орангутанга что-то вывело тогда из себя — вернее всего, борьба с гавиалом, и он схватил девочку в приступе бешенства.

И все же, несмотря на свою безобидность, эти гигантские четверорукие довольно опасны. Благодаря необычайной силе они, в припадке ярости, способны причинить чудовищное опустошение и вред. К счастью, это случается очень редко, и, если их не тревожить, они человека не тронут.

Встречался путникам и другой вид орангутанга — миас кассио. Эта обезьяна гораздо меньше и смирнее, чем та, которая утащила Эллен.

Но самый крупный из орангутангов — страшный миас ромби, которого они так и не видели, хотя малаец уверял, что эта обезьяна водится в лесах Борнео и Суматры.

Как мы знаем, орангутанг устраивает гнездо на ветвях крупного кустарника и низкорослых деревьев, растущих на болотистой почве или в небольших мелких

водоемах, делая это с целью защиты от человека — единственного опасного для него врага.

Таким образом, равнина, по которой шли наши путники, с покрывающими ее джунглями и многочисленными, поросшими лесом болотами, представляла самое подходящее место для поселения этой породы обезьян.

Глава XXXVIII

ДРУЖЕСКИЙ ФЛАГ

Начав свой путь поздним утром, к вечеру того же дня наши герои закончили переход через равнину и прошли порядочное расстояние вверх по склону замыкающего ее хребта.

На следующий день они проделали длинный и утомительный подъем на гору до самой вершины.

Гора эта представляла собой часть длинного хребта, протянувшегося, как утверждают географы, с севера на юг вдоль всего острова.

Далеко на севере хребта вырисовывалась одна из его вершин, огромная, почти в 12 тысяч футов высоты, гора Кипибалу.

Но, что самое главное, все пространство к западу от хребта не представляло никаких видимых препятствий для достижения цели всего их пути — древней малайской столицы Бруней, или, говоря точнее, расположенного немного северней от этой столицы острова Лабуан.

Капитан Редвуд знал, что над этим островом развевается флаг дружественного его родине государства, где все они найдут верную помощь.

Ориентируясь на Кипибалу, плоская вершина которой резко выделялась среди других вершин хребта, они могли теперь не опасаться, что потеряют направление. С того места, где они находились, весь путь был виден как на ладони. Переночевав на гребне горы, утром путешественники начали спускаться по ее западному склону.

Восходящее солнце, окрасившее в алый цвет простиравшуюся перед ними внизу долину, скрылось на время за массивом горы; но уже вскоре дневное светило поднялось выше, и лучи его ярко озарили весь путь.

Наши герои бодро, уверенной поступью шли вперед, обласканные живительным светом.

Они совсем уже оправились и окрепли, и все было бы прекрасно, если бы не страх перед себе подобными существами, этими ужасными даяками, о которых путешественники по Борнео рассказывают столько страшных историй.

Но капитану и его спутникам так и не пришлось проверить на себе справедливость этих рассказов. Их злая звезда осталась по ту сторону гор, и наконец-то судьба им улыбнулась.

Однако и теперь они боялись положиться на судьбу и всячески избегали встреч с туземцами, прячась при первом намеке на опасность и пускаясь дальше лишь тогда, когда могли быть вполне уверены, что «путь свободен».

Сэлу, умевший незаметно, с бесшумной ловкостью змеи пробираться среди зарослей, всегда шел впереди. Так, перебегая от холма к холму, продвигались они вперед, следя за тем, чтобы не свернуть с прямого направления на запад.

После нескольких дней полного трудностей пути перед ними неожиданно встал крутой горный кряж. Пришлось опять карабкаться. Но, преодолев его, путники были щедро вознаграждены.

Внизу, чуть налево, их взорам предстал старинный малайский город Бруней, своеобразной архитектуры, окруженный деревянной стеной. Направо от него, по ту сторону узкого залива, находился остров Лабуан, над высокими постройками которого развевалось древнее знамя Британии.

Капитан Редвуд приветствовал это знамя с такой же радостью, как если бы оно было флагом его любимой родины.

Сейчас, по крайней мере, оно было ему не менее

Перед их взорами предстал малайский город Бруней.

желанно, чем флаг Америки, и потому, не задумываясь над различием между ними, Редвуд с детьми опустился на колени (малаец с Муртахом стояли немного поодаль) и вознес благодарственную молитву всемогущему богу, спасшему их от всех превратностей судьбы.

В ПОИСКАХ
БЕЛОГО
БИЗОНА

или

МАЛЬЧИКИ-
ОХОТНИКИ
с берегов
МИССИССИППИ

Перевод с английского

Т. Н. Балабан

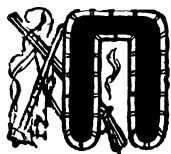
Редактор *Н. А. Дехтерева*

Глава I

ДОМ ОХОТНИКА-НАТУРАЛИСТА

ПОЙДЕМТЕ со мной к великой реке Миссисипи. Это самая длинная река в мире. Если бы Миссисипи вытянуть в одну прямую линию, то длина этой линии равнялась бы расстоянию до центра Земли. Другими словами, длина Миссисипи — четыре тысячи миль.

Пойдемте же со мной к этой величественной реке. Я приглашаю вас не к самому ее истоку, а только к Пойнт Купе, который расположен в трехстах милях от устья. Там мы на некоторое время остановимся, совсем ненадолго, так как нам предстоит большое путешествие. Путь наш лежит далеко на запад — по необъятным

прерпям Техаса. и мы начнем свое путешествие от Пойнт Купе.

Возле Пойнт Купе есть старенькая деревушка, не совсем обычная, похожая на французскую. Это одно из самых ранних поселений тех, кто вместе с испанцами были первыми колонистами запада Америки. Поэтому до сих пор по всей долине Миссисипи и районам, расположенным к западу от реки, встречаются французы и испанцы, французские и испанские имена и обычаи.

Сейчас мы не будем на этом долго останавливаться, да нам, собственно, больше и нечего добавить о Пойнт Купе. Предметом нашего внимания является странного вида дом, который много лет назад стоял на западном берегу реки, за милю от деревни. Весьма возможно, что он стоит там и поныне, так как это был крепкий, хорошо построенный дом из тесаных бревен, тщательно пропаклеванных; все щели были промазаны известью. Крыша из кедровой дранки, выступая над карнизом, защищала стены от дождя.

Такой дом в этой местности называют «двойным», так как посредине его — широкий проход, по которому мог бы проехать воз с сеном. Этот внутренний проход имел такие же крышу и потолок, что и дом, и такой же пол из крепких досок. Поднятый на фут от земли, пол выдавался несколько вперед, образуя крыльцо или веранду, легкую крышу которой поддерживали резные столбики из кедра. Столбики и перила веранды были обвиты кустами роз, а также диким виноградом и другими вьющимися растениями, на которых почти круглый год распускались прекрасные цветы.

Дом выходил фасадом к реке и стоял, как я уже говорил, на западном берегу — на той же стороне, что и Пойнт Купе. Перед домом простирался луг; он тянулся ярдов на двести в сторону реки и кончался обрывом. Луг был окружен высокой изгородью; на нем рос кустарник и декоративные деревья. Большинство их было местного происхождения, но встречались и экзотические. Здесь росли магнолия, вся в крупных белых цветах, красная шелковица, катальпа с бледно-зелены-

ми листьями, высокое тюльпановое дерево и апельсиновые деревца с блестящей листвой. На фоне яркой листвы этих деревьев выделялись темные конусообразные кедры и островерхие тисы. Тут были и финиковые пальмы и плакучие ивы, грациозно склоняющиеся над самой водой. Можно было увидеть и другие растения и деревья южного климата: большое мексиканское алоэ, юкку с узкими и длинными листьями, похожими на штыки, и карликовую пальму с веерообразными листьями. В гуще древесной листвы и над лугом порхало множество красивых, разнообразных птиц.

Проход, о котором уже упоминалось, представлял собой любопытную картину. Это был скорее зал. С обеих сторон по стенам его было развешено различное охотничье снаряжение: ружья, дробовики, подсумки, фляжки, охотничьи ножи и все виды капканов и сетей — короче говоря, все то, чем можно добывать диких обитателей земли, воздуха и воды. На стене висели испанские и мексиканские седла, рога оленя и лося; на этих ветвистых рогах были развешаны волосяные уздечки. На полочках по стенам стояли искусно сделанные чучела редких птиц и четвероногих. Здесь были также застекленные ящики с расположенными в систематическом порядке бабочками и другими насекомыми, наколотыми на булавки. Иными словами, этот зал напоминал маленький музей.

Войдя внутрь дома, мы обнаружили бы там несколько просторных комнат, уютно обставленных и наполненных охотничьим снаряжением и различными предметами, относящимися к изучению естественной истории.

В одной из комнат мы увидели бы на стене барометр и термометр, старые часы над камином, саблю, пистолеты и книжный шкаф с ценными, тщательно подобранными книгами.

За домом находилась маленькая бревенчатая кухня, содержащая обычную кухонную утварь. Дальше тянулся крытый двор, на одном конце которого стояли амбар и конюшня. В конюшне помещались четыре лошади, а за перегородкой — несколько мулов. Во дворе ваше вни-

мание привлекла бы большая рыжая собака с длинными ушами, очень похожая на охотничью.

Издали этот дом можно было принять за дом богатого плантатора, но при ближайшем рассмотрении становилось очевидно, что это не так. Здесь не было ни негритянских лачуг, ни сахароварен, ни складов табака, которые неизбежны около жилища плантатора. Ничего подобного здесь не имелось. Не было перед домом и большого участка обработанной земли.

Темный кипарисовый лес, на фоне которого стоял дом, бросал тень почти до самых стен.

Ясно, что это не дом плантатора.

Что же это за дом и кто его обитатели?

Это дом охотника-натуралиста.

Глава II

ОХОТНИК-НАТУРАЛИСТ И ЕГО СЕМЬЯ

В 1815 году произошла знаменитая битва при Ватерлоо¹, и в этом же году Наполеона Бонапарта сослали на остров Святой Елены. Многие французские офицеры, сторонники этого великого авантюриста, эмигрировали в Америку. Большинство из них, естественно, отыскивали французские поселения на Миссисипи, построили себе дома и остались там жить. Среди эмигрантов был один, по имени Ленди, бывший полковник стрелкового полка наполеоновской армии. Корсиканец по происхождению, он стал офицером французской армии только потому, что в молодости дружил с одним из родственников Бонапарта, а на самом деле его еще с юности гораздо больше привлекала наука, чем военная служба.

Во время испанской кампании Ленди женился на баскской девушке, которая родила ему троих де-

¹ Ватерлоо — селение в Бельгии, под Брюсселем; место исторического сражения (18 июня 1815 года), в котором Наполеон потерпел поражение от англо-голландских и прусских войск.

тей — все трое сыновья. Мать умерла незадолго до битвы при Ватерлоо, поэтому, когда Ленди эмигрировал в Америку, его семья состояла только из троих сыновей.

Сначала Ленди отправился в Сент-Луис, но вскоре перебрался вниз по реке, к Пойнт Купе, в Луизиану, где купил себе дом, который мы только что описали, и поселился в нем.

Разрешите пояснить вам, что Ленди ни в коей мере не нуждался. Перед отъездом в Америку он продал доставшееся ему от отца имение на Корсике за такую сумму, которая давала ему возможность жить, не работая, где угодно. Ему не было необходимости избирать себе на новом местожительстве какое-либо ремесло или специальность. Чем же тогда было заполнено его время?

Сейчас я вам расскажу.

Ленди был образованным человеком. До вступления во французскую армию он изучал естественные науки. Он был натуралистом, а натуралист может найти себе занятие везде, получить ценные сведения и удовольствие там, где другие будут умирать от скуки и безделья.

Помните: «Камни поучают, а ручки заменяют книги». Ленди не был кабинетным натуралистом. Как и знаменитый Одюбон¹, он был увлечен внешним миром и любил брать уроки у самой природы. В Ленди сочетались страсть к охоте и тонкий вкус к научным исследованиям, и где бы он нашел лучшее место для всего этого, как не в долине Миссисипи, которая изобиловала природными дарами, представляющими интерес как для охотника, так и для ученого! С моей точки зрения, он выбрал для своего жилья как нельзя более удачное место.

Ленди не сидел без дела: он охотился, ловил рыбу, изготовлял чучела птиц и выделывал шкуры редких зверей, сажал и подрезал деревья, воспитывал своих мальчиков и тренировал собак и лошадей. Его мальчи-

¹ Одюбон Джон Джеймс (1780—1851) — американский ученый-орнитолог.

ки помогали ему во всем, в чем могли. Был у него и еще один помощник — Гуго.

Кто такой был Гуго?

Сейчас я вам опишу его.

Гуго был француз — очень маленький француз, не выше пяти футов и четырех дюймов, чрезвычайно живой и подтянутый. У него был орлиный нос внушительных размеров и, несмотря на маленький рост, огромные усы, которые почти скрывали рот. Это придавало Гуго довольно свирепый вид, что, в сочетании с военной выправкой и быстрыми, почти механическими, движениями, сразу говорило о том, кто он такой, а именно — французский солдат. Он и в самом деле раньше был капралом стрелкового полка, где Ленди служил полковником. Об остальном вы легко догадаетесь: Гуго последовал в Америку за своим бывшим начальником, он жил теперь в его доме и был ему верным слугой. Редко можно было встретить натуралиста и не увидеть рядом с ним огромные усы. Если бы судьба надолго разлучила Гуго с его полковником, это убило бы старого капрала.

Конечно, Гуго всегда сопровождал своего хозяина на охоту. Мальчики тоже, как только научились держаться в седле, стали ездить с отцом в его научные и охотничьи экспедиции. Обычно, когда все уезжали на охоту, дом запирался, так как у Ленди не было ни домоправительницы, ни каких-либо других слуг. Дом оставался запертым на несколько дней, а иногда и неделя, так как натуралист со своим маленьким отрядом предпринимал далекие экспедиции в окружающие леса. Они возвращались нагруженные добычей — шкурками птиц и зверей, растениями и редкими породами камней. После этого в течение нескольких дней они обрабатывали свои новые приобретения. Так Ленди и его семья проводили свое время.

Гуго был одновременно поваром, камердинером, грумом, дворецким и рассыльным. Я уже говорил, что никакой другой прислуги, ни мужской, ни женской, в доме не имелось — следовательно, Гуго выступал и в роли горничной. Однако его разнообразные обязанности

были не так уж сложны, как может сначала показаться. Полковник отличался скромностью в своих привычках. Он приобрел ее, будучи солдатом, и воспитал сыновей в том же духе. Ленди ел простую пищу, пил только воду и спал на походной кровати, покрытой лишь одеялом и шкурой бизона. Белье стирала прачка из Пойпт Купе. Как видите, Гуго не так уж был занят домашними делами.

Маленький француз ежедневно совершал путешествие в поселок — на базар и на почту, откуда часто приносил письма. На многих из них красовались большие печати и герб принца.

Иногда пароход привозил бывшему полковнику посылки с научными книгами или с какими-то непонятными инструментами. Несмотря на все это, в жизни охотника-естествоиспытателя не было ничего таинственного.

Ленди не был человеконенавистником — он часто посещал деревню и любил поболтать со старыми охотниками и другими деревенскими жителями. Крестьяне называли его за глаза «старым полковником» и относились к нему с уважением. Они только удивлялись вкусам натуралиста, которые казались им странными. Кроме того, их поражало, как это он ухитряется вести хозяйство без служанки. Но полковника не интересовали их догадки. Он лишь посмеивался над любопытными, оставаясь все в тех же хороших отношениях со своими деревенскими соседями.

По мере того как подрастали его мальчики, они тоже становились всеобщими любимцами. Они считались лучшими стрелками среди своих сверстников, могли соревноваться в верховой езде с любым, могли переплыть Миссисипи, умели управлять пирогой, бросать лассо и бить гарпуном крупную рыбу. Все это они проделывали совсем как взрослые. Это были настоящие маленькие мужчины. Простые крестьяне инстинктивно чувствовали над собой превосходство этих юношей, которые были образованны и прошли хорошую закалку; мальчики, однако, не были заносчивы и обходились со всеми очень приветливо. Все это вместе взятое застав-

ляло окрестных жителей относиться к сыновьям Ленди с большим уважением.

Соседи приходили к полковнику только по делу. У него вообще не бывало гостей, за исключением кое-кого из давнишних знакомых по армии, которые жили в Новом Орлеане и примерно раз в год приезжали к нему поговорить о былых временах и попробовать его оленины. В таких случаях основной темой разговора был, конечно, «великий Наполеон». Как и все старые солдаты империи, Ленди боготворил Наполеона; но был один член семьи Бонапарта, к которому натуралист питал еще большее чувство, перешедшее в искреннюю дружбу: то был Шарль Люсьен, принц Музиньянский.

Не все Бонапарты были плохи — некоторые члены этой замечательной фамилии доказали миру, что они обладают благородством. Скромные изыскания принца Музиньянского в области естественной истории могут, однако, рассматриваться как победы в царстве природы, и, хотя их затмили более блестящие и кровопролитные триумфальные подвиги императора, труды принца все же дают ему больше права на благодарность и уважение со стороны человечества. Он-то и был подлинным героем натуралиста Ленди.

Многие годы полковник вел тот образ жизни, который мы описали. Но вот произошло событие, чуть не ставшее для него роковым.

Еще во время кампании на Пиренейском полуострове Ленди был ранен в ногу. Однажды, после падения с лошади, рана открылась, и возникла необходимость ампутировать ногу.

Жизнь Ленди была спасена, но он уже не мог больше наслаждаться охотой — ему оставались лишь более спокойные занятия натуралиста.

Ленди ходил, прихрамывая, на своей деревянной ноге по дому и лугу, подрезал деревья, ухаживал за своими четвероногими любимцами, которых завел себе немало. Гуго все время следовал за ним, как тень. Мальчики же по-прежнему отправлялись на охоту и собирали образцы для коллекций. Все шло своим чередом.

Такова была их жизнь, когда я впервые познакомился с натуралистом Ленди, его слугой Гуго и тремя сыновьями Ленди — мальчиками-охотниками, героями нашей небольшой книги.

Юный читатель, разреши мне познакомить тебя с ними поближе — я думаю, что ты полюбишь их всех троих и охотно побудешь некоторое время в их обществе.

Глава III

ПИСЬМО ПРИНЦА

Прекрасное весеннее утро. Мы приближаемся к дому и входим на лужайку через боковую калитку. Нам не надо заходить в дом, так как там никого нет. Погода слишком хороша, чтобы сидеть в помещении, но все члены семьи неподалеку от дома: они разместились на лужайке и на веранде.

Все заняты кто чем. Сам полковник кормит своих четвероногих подопечных. Гуго помогает ему — носит корзинку с пищей.

Полковника можно назвать интересным мужчиной. Его волосы и усы белы как лунь, бороды он не носит; лицо цвета красноватой бронзы гладко выбрито, выражение его доброе, но мужественное. Ленди очень похудел за последнее время из-за ампутации ноги. Одежда его проста: желтая нанковая куртка, полосатая бумажная рубашка и широкие ярко-синие брюки. Широкополая панама защищает глаза от солнца. Ворот рубашки расстегнут, так как день теплый.

Гуго одет примерно так же, но материал его куртки и брюк грубее, а шляпа — из простых пальмовых листьев.

Посмотрите на Базиля, старшего мальчика. Он прикрепляет ремешки к охотничьему седлу, лежащему на земле возле него. Базилю семнадцать лет. Это милый юноша, хотя его и нельзя назвать красивым. У него мужественное лицо, и вся его фигура выражает силу. Волосы у него прямые, черные как смоль. Он больше своих братьев похож на итальянца. Он по-

истине сын своего отца — настоящий корсиканец. Базиль — «могущественный охотник» и любит охоту превыше всего на свете. Он любит охоту ради охоты и наслаждается ее опасностями. Он уже вышел из того возраста, когда ловят птиц и стреляют белок, — его честолюбие может быть теперь удовлетворено только охотой на кугуара, медведя или бизона.

Как не похож на него Люсьен, второй сын! Люсьен — изящный белокурый юноша; он больше похож на свою мать, которая была блондинкой, как многие из ее народа — басков. Люсьен страстно любит книги и науку. И сейчас он сидит на веранде с книгой. Он изучает естественную историю, и его любимые науки — ботаника и геология, в которых он достиг больших успехов. Люсьен сопровождает Базилья во всех охотничьих экспедициях, но в разгар самой отчаянной погони может вдруг соскочить с лошади, если ему на глаза попадется редкое растение, цветок или необычный камень. Люсьен не очень разговорчив — не так, как большинство мальчиков, — но, обыкновенно молчаливый, он обладает редким здравым смыслом, и, если дает совет, совет этот обычно принимают с уважением. Такого скрытого воздействия интеллекта и образованности.

Следующий по возрасту и самый младший — Франсуа, умненький кудрявый мальчуган, безудержно веселый, всегда жизнерадостный, непостоянный в своих вкусах и привязанностях, многосторонний в своих талантах — короче говоря, больше француз, чем кто-либо из братьев. Франсуа — знаменитый ловец птиц. В настоящий момент он чинит свои сети, и его двустольный дробовик, который он только что кончил чистить, лежит рядом. Франсуа — всеобщий любимец, он доставляет немало хлопот Гуго, над которым вечно подшучивает.

В то время как натуралист и его семья были заняты каждый своим делом, с низовьев реки послышался громкий гул. Он немного напоминал пушечную стрельбу, хотя звуки были мягче и глуше.

— Пароход! — воскликнул Франсуа, услышавший его первым.

— Да, — сказал Базиль. — Я думаю, что он идет из Нового Орлеана в Сент-Луис.

— Нет, — спокойно возразил Люсьен, поднимая голову от книги, — это судно из Огайо.

— Откуда ты знаешь, Люс? — спросил Франсуа.

— По свистку, конечно. Я узнаю его. Это «Олений глаз» — почтовое судно, идущее в Цинциннати.

Вскоре над деревьями стало видно белое облако пара, а затем из-за излучины реки показалось большое судно, рассекающее коричневую воду. Через несколько минут пароход был уже против лужайки и действительно оказался, как и говорил Люсьен, почтовым пароходом «Олений глаз». Люсьен воспринял свой триумф с присущей ему скромностью.

Прошло всего несколько минут, и от Пойнт Купе послышался громкий, пронзительный свисток. Пароход причаливал.

— Гуго! — обратился к слуге полковник. — Может быть, что-нибудь есть для нас — пойди посмотри.

Не мешкая, Гуго отправился выполнять поручение. Он был хороший ходок и вернулся быстро. В руках он держал письмо, внушительное по величине и виду.

— От принца Люсьена! — воскликнул Франсуа, который везде должен был быть первым. — Это от принца, папа, — ведь это его печать!

— Успокойся, Франсуа, успокойся! — строго сказал отец, ковыляя к веранде, чтобы взять очки.

Письмо было распечатано и прочитано.

— Гуго! — крикнул полковник, кончив читать.

Гуго ничего не ответил, но предстал перед своим хозяином, по-военному отдавая честь.

— Гуго, тебе придется съездить в Сент-Луис.

— Слушаюсь, полковник.

— Ты отправишься с первым же пароходом.

— Слушаюсь, полковник.

— Ты должен добыть мне шкуру белого бизона.

— Это не составит труда, месье.

— Боюсь, что это труднее, чем ты думаешь.

— За деньги, месье?

— Да, даже за деньги, Гуго. Слушай: мне нужна

шкура, не просто мех, а настоящая шкура — с головой, ногами, вся целиком, чтобы можно было сделать чуело.

— А-а, полковник! Это другое дело.

— Боюсь, что это будет очень нелегко... — задумчиво произнес полковник. — Я сомневаюсь, удастся ли вообще ее достать. Но нет, мы должны это сделать во что бы то ни стало! Да, во что бы то ни стало!

— Сделаю все, что в моих силах.

— Заходи в каждый меховой магазин в Сент-Луисе, наведи справки среди охотников и трапперов¹ — ты знаешь, где их найти. Если из этого ничего не получится, помести объявление в газетах на английском и французском языках. Сходи к коммерсанту Шото, куда угодно... Не считайся с расходами, но достань мне шкуру!

— Будьте спокойны, полковник, все будет исполнено.

— Тогда готовься в путь. Возможно, еще сегодня пойдет пароход... Тш-ш! Я слышу, он уже идет, и, может быть, как раз в Сент-Луис.

Некоторое время все стояли молча, прислушиваясь. Ясно был слышен шум парохода, идущего вверх по реке.

— Он действительно идет в Сент-Луис, — сказал Люсьен. — Это «Красавица Запада».

Люсьен обладал способностью определять по свистку название почти каждого парохода, курсирующего по Миссисипи.

Через полчаса показался пароход, и все увидели, что Люсьен опять прав: пароход шел в Сент-Луис и назывался «Красавица Запада».

Гуго не надо было долго собираться. Пароход не успел поравняться с домом, а маленький француз уже все собрал, получил от своего хозяина еще несколько инструкций и кошелек с деньгами и отправился в Пойнт Купе, чтобы встретить пароход у причала.

¹ Траппер — охотник на пушного зверя в Америке, пользующийся чаще всего западнями.

СБОРЫ НА БОЛЬШУЮ ОХОТУ

Прошло целых три недели, прежде чем Гуго вернулся. Для старого полковника, который волновался, что Гуго не удастся выполнить поручение, это были долгие недели.

Ленди написал ответ принцу Бонапарту и обещал постараться добыть шкуру белого бизона; принц просил его в письме именно об этом. Полковник ни за что на свете не хотел бы нарушить свое обещание, и неудивительно, что во время отсутствия Гуго он все время испытывал беспокойство и нетерпение.

Наконец, поздно вечером, Гуго вернулся. Полковник не мог дожидаться, когда тот войдет в дом, и встретил его в дверях со свечой в руке. Вопросы были излишни: ответ был написан на лице Гуго. Сразу стало ясно, что он не достал шкуру. Вид у него был совершенно убитый; огромные усы его, казалось, поблекли и обвисли.

— Не достал? — спросил полковник упавшим голосом.

— Нет, полковник, — пробормотал в ответ Гуго.

— Ты всюду пытался?

— Всюду.

— Ты давал объявления в газетах?

— Во всех газетах, месье.

— И предлагал высокую цену?

— Да, но это ни к чему не привело. Я не достал бы шкуры белого бизона, даже если бы предложил в десять раз больше. Я не смог бы достать ее и за тысячу долларов.

— Я бы дал пять тысяч!

— Это не помогло бы, месье: ее нельзя достать в Септ-Луисе.

— А что говорит Шото?

— Что очень мало шансов найти то, что вам нужно. Он говорит, что можно проехать по всем прериям и так и не встретить белого бизона. Индейцы ценят белых бизонов превыше всего, и, когда им попадется случайно

белый бизон, они уж его не упустят. У одного торговца мехами я сыскал две — три шкуры, но это не то, что вы хотели, месье: это только мех, но даже и за него просили порядочную сумму.

— Нет, это не годится. Шкура нужна для другой цели — для большого музея. Боюсь, что мне не раздобыть ее. Уж если нельзя достать в Сент-Луисе, тогда где же еще...

— Где еще, папа? — прервал Франсуа, который вместе с братьями стоял и слушал весь этот разговор. — Где же еще, как не в прериях!

— В прериях... — машинально отозвался его отец.

— Да, папа. Пошли Базиля, Люсьена и меня — мы найдем тебе белого бизона, я ручаюсь!

— Браво, Франсуа! — воскликнул Базиль. — Ты прав, брат, — я и сам хотел это предложить.

— Нет-нет, мальчики мои! Вы слышали, что говорит Шото? Нечего и думать об этом. Ее нельзя достать... А я-то написал принцу, я обещал ему!

Лицо и жесты старого полковника выражали разочарование и огорчение. Люсьен, с болью заметивший это, сказал:

— Папа, Шото правда имеет большой опыт в торговле мехами, но он сам себе противоречит. (Люсьен, как вы, наверно, заметили, был очень рассудителен.) Гуго видел две — три шкуры в Сент-Луисе, — кто-то должен же был найти животных, которым принадлежали эти шкуры! К тому же Шото утверждает, что они высоко ценятся индейскими вождями, которые часто носят их в качестве одежды. Это доказывает, что белые бизоны в прериях есть. Почему же мы не можем напасть на них, как другие?.. Франсуа и Базиль, поедемте искать их!

— Войдем в дом, дети мои, — сказал отец, явно обрадованный и до некоторой степени утешенный предложением сыновей. — Войдем в дом... Мы обсудим это после ужина.

С этими словами старый полковник, ковыляя, вошел в дом. За ним шли трое его мальчиков, а Гуго, измученный и голодный, замыкал шествие.

За ужином и после него вопрос обсудили со всех сторон. Отец с самого начала был склонен дать согласие на предложение сыновей, а они, особенно Базиль и Франсуа, горячо доказывали ему осуществимость своего замысла.

Едва ли надо говорить вам, чем все это завершилось. В конце концов полковник дал согласие: было решено, что мальчики немедленно отправятся в экспедицию на поиски белого бизона.

Натуралист согласился по двум причинам: он жаждал доставить удовольствие своему другу-принцу и был тайне доволен, что сыновья проявили такую храбрость и решительность. Не в его характере было препятствовать их замыслам и охлаждать их пыл. Недаром он часто хвастал перед соседями и друзьями, как он воспитал и закалил детей, и называл их своими маленькими мужчинами. Насколько это было в его силах, полковник действительно растил их так, что они были подготовлены к самостоятельной жизни. Он научил их ездить верхом, плавать, нырять, бросать лассо, лазить на высокие деревья, взбираться на отвесные утесы и метким выстрелом из лука или ружья сбивать птицу на лету, а зверя — на бегу. Он приучил их спать на открытом воздухе, в дремучих лесах, в голой прерии, в непогоду, прямо на земле, — где угодно, пользуясь вместо постели лишь одеялом и шкурой бизона. Приучил питаться самой простой пищей и дал знания в области практической ботаники, к которой привил им большую любовь, особенно Люсьену. Это давало им возможность в случае необходимости использовать для пищи растения и деревья, корни и фрукты — короче говоря, находить средства к существованию там, где несведущий человек умер бы с голоду.

Мальчики знали, как добыть огонь даже без помощи кремня, огнива или пороха. Они умели определить направление без компаса — по скалам, деревьям, солнцу и звездам. Кроме того, они были обучены в пределах знаний того времени географии той необъятной пустыни, которая простиралась от их дома до далеких берегов Тихого океана.

Полковник знал, что может спокойно отпустить сыновей в прерии. И правда, он согласился на эту экспедицию, испытывая при этом скорее гордость, чем беспокойство. Но, пожалуй, больше всего им руководило другое чувство. Его вдохновляло честолюбие естествоиспытателя: он думал о том, какой это будет триумф — послать в большой европейский музей такой редкий экспонат. Если когда-нибудь, мой юный читатель, ты станешь натуралистом, ты поймешь нашего охотника-естествоиспытателя.

Сначала Ленди предложил, чтобы мальчиков сопровождал Гуго, но они не желали и слышать об этом и все трое яростно воспротивились: они и думать не могут о том, чтобы взять Гуго. Гуго нужен отцу дома, а им без него будет даже лучше, — заявили мальчики. Они свободно обойдутся без посторонней помощи.

На самом же деле молодые, честолюбивые охотники не желали делить свою славу ни с кем, хотя Гуго вряд ли оказался бы их соперником на охоте — он не был ни охотником, ни даже воином, несмотря на то что служил в свое время конным стрелком и носил такие воинственные усы.

Старый полковник хорошо знал все это и не очень настаивал на том, чтобы Гуго ехал вместе с мальчиками.

Гуго блистал талантами в другой сфере — на кухне. Тут он был как у себя дома. Он умел приготовить омлет, фрикасе из цыпленка или утку с оливками не хуже самого лучшего повара, но не чувствовал ни малейшей склонности к охоте, хотя в течение многих лет сопровождал своего хозяина и его сыновей в их охотничьих странствиях. Гуго ужасно боялся медведей и кугуаров, не говоря уже об индейцах. О, индейцы!..

Ты будешь поражен, мой юный читатель, когда я скажу тебе, что в прериях живет и бродит около пятидесяти воинственных племен. Многие из них — заклятые враги белых. Они убивают белых везде, где бы их встретили, так, как ты убил бы бешеную собаку или ядовитого паука.

Узнав это, ты будешь поражен, что старик отец согласился отпустить сыновей в такую опасную экспедицию. Это кажется невероятным, не правда ли?

Действительно, в это трудно поверить: ведь полковник горячо любил своих детей — он дорожил ими, может быть, не меньше, чем собственной жизнью, — и тем не менее едва ли можно было найти лучший способ избавиться от них, нежели отпустить их одних в прерии.

На что же он рассчитывал? На их возраст? Нет. Он слишком хорошо знал индейцев, знал, что возраст не будет принят во внимание, если только мальчики встречаются с каким-нибудь племенем, враждующим с белыми. Правда, индейцы, возможно, не оскальпировали бы их, учитывая, что это все же почти дети, но наверняка взяли бы их в плен, из которого те, вероятно, никогда не вернулись бы. А может быть, отец предполагал, что они продвинутся не дальше той территории, на которой живут дружественные племена? Нет, он не мог этого предположить. Ведь тогда они не смогли бы выполнить свою задачу. В такой местности они бы встретили очень мало бизонов, так как хорошо известно, что бизонов можно найти в большом количестве только в тех местах прерий, которые называются «военной тропой» — то есть там, где охотятся несколько враждующих между собой племен. Бизонов там больше, чем где бы то ни было, поскольку охотников в этих местах меньше, так как они боятся столкновений с чужими племенами. На той же территории, которая целиком находится во владении одного какого-нибудь племени, бизонов очень скоро убивают или они сами покидают ее из-за непрестанной охоты на них.

В прериях всем охотникам хорошо известно, что там, где много бизонов, много и опасностей, тогда как обратное бывает редко. На нейтральных или военных тропах индейцев вы можете встретить дружественное племя, а на следующий день — попасть в руки к врагам, которые снимут с вас скальп в мгновение ока.

Отец наших троих мальчиков-охотников знал все это не хуже меня. Как же понять его явно неразумный поступок, почему он разрешил им рисковать своей

жизнью? Это действительно было бы совсем непонятно, если бы не тайна, о которой я расскажу вам потом.

Пока что я могу сказать только, что, когда мальчики уже сели на коней и готовы были отправиться, полковник подошел к ним и, вынув из кармана маленький кожаный мешочек, отделанный крашеными иглами дикобраза, подал его Базилю со словами:

— Никогда не расставайся с этой вещью. Ваша жизнь может зависеть от него... С богом, мои храбрые мальчики! До свиданья!

Базиль перекинул на шею ремешок и, привязав к нему мешочек, спрятал его на груди под рубашкой. Пожав руку отцу и прищипорив коня, он быстро ускакал.

Люсьен поцеловал отца, грациозно помахал рукой Гуго и последовал за Базилем.

Франсуа немного задержался; подъехав к Гуго, он потянул его за длинный ус, что заставило бывшего солдата усмехнуться. Звонко расхохотавшись, Франсуа повернул свою лошадку и поскакал вслед за братьями.

Полковник и Гуго некоторое время стояли и смотрели им вслед.

Когда мальчики-охотники достигли опушки леса, все трое остановились, повернулись в седлах и, сняв шляпы, прокричали прощальное приветствие. Полковник и Гуго крикнули им в ответ. Когда снова все утихло, донесся голос Франсуа:

— Не беспокойся, папа, мы привезем тебе белого бизона!

Глава V

ЛАГЕРЬ МАЛЬЧИКОВ-ОХОТНИКОВ

Наши юные искатели приключений повернули на запад и скоро ехали уже под сенью величественного леса.

В те времена на запад от Миссисипи было очень мало поселений белых. Единственными признаками цивилизации были разбросанные по берегам реки маленькие города, расчищенные для обработки участки земли и

— Никогда не расставайся с этой вещью, — сказал отец.

хижины скваттеров¹. После одного дня пути на запад все это оставалось позади, и путешественник попадал в лабиринт болот и лесов, которые простирались перед ним на сотни миль. Правда, еще дальше на запад, по притокам Миссисипи, иногда встречались селения, но большая часть ландшафта представляла собой дикуую местность.

Примерно через час наши путешественники были уже далеко от селений, окружавших Пойнт Купе, и продвигались по лесным тропинкам, по которым редко проходил кто-нибудь, кроме индейцев или местных охотников. Мальчики хорошо знали эти тропинки — они часто бывали здесь и прежде во время охоты.

Не буду подробно описывать все события, происшедшие в пути. Это займет слишком много времени и утомит вас. Я подведу вас прямо к тому месту, где они впервые остановились, чтобы расположиться лагерем на ночь.

Это была одна из тех небольших лужаек, которые часто встречаются в лесах к западу от Миссисипи. Она представляла собой около акра земли, поросшей травой и цветами, среди которых можно было заметить подсолнечник и синий лупинус. Лужайку окружали высокие деревья, и, судя по их листве, здесь росли многие породы. Это можно было определить и по их стволам, так как все они были разные. У одних деревьев стволы были гладкие, а у других растрескавшаяся кора свисала завитками в фут длиной. Красивые тюльпановые деревья было легко отличить по их прямым, как колонны, стволам, которые распиливают, как вы, наверно, видели, на длинные доски для обшивки. Плотники и строители называют это дерево белым тополем. Название «тюльпановое дерево» происходит от его цветов, формой и размером очень напоминающих тюльпаны; цветы эти — зеленовато-желтого цвета, с оранжевым отливом. Больше всего на этой поляне было именно таких деревьев. Кроме того,

¹ С к в а т т е р — человек, поселившийся на государственной земле с целью ее приобретения.

сразу бросались в глаза магнолии с большими, словно восковыми листьями и цветами. Тут можно было увидеть и высокий сахарный клен, а пониже — раскидистый конский каштан с красивыми оранжевыми цветами и заросли орешника гикори. Огромные ползучие растения обвивали стволы и тянулись от дерева к дереву. На одной стороне лужайки виднелись толстые стебли тростника, похожего на высокую траву. Лес на другой стороне был намного реже — очевидно, в свое время пожар уничтожил весь подлесок в этом направлении. Веерообразные листья карликовых пальм и листья юкки придавали всей местности южный, тропический характер.

Юные охотники сделали привал часа за два до захода солнца, чтобы заблаговременно разбить лагерь. Примерно через полчаса лужайка представляла собой следующую картину.

Около опушки стояла маленькая брезентовая палатка в виде белого конуса, или пирамиды. Полог палатки был откинут, так как вечер был теплый. В палатке никого не было. Немного в стороне лежали на траве три седла. Это были мексиканские седла с высокой лукой; стремена их были стальные — не грубые деревянные, которые обычно так уродуют мексиканские седла. Рядом с седлами находился какой-то странный предмет; он напоминал гигантскую книгу, слегка приоткрытую и поставленную корешком вверх. Это было седло для выючных животных, тоже мексиканское, называемое в этой местности «альпареха». На седле была крепкая кожаная подпруга с ремнем, который не позволял ему съезжать на шею животного.

Недалеко от седел на траве лежало несколько красных и зеленых одеял и шкуры медведя и бизона. На ветке висели кнуты, уздечки, бутылки из тыквы и шпоры. К стволу тюльпанового дерева, возвышавшегося рядом с палаткой, были прислонены три ружья. Два из них — карабины, один намного длиннее другого, третье — двуствольный дробовик. Патронташи и рога с порохом свисали с ружей на ремнях, перекинутых через шомпола.

С другой, подветренной стороны палатки горел костер. Его зажгли недавно, и он разгорался, потрескивая. По сильному красному пламени видно было, что это горит гикори — дерево, лучше всех других пригодное для костров, хотя для того, чтобы разжечь костер, мальчики воспользовались сухими ветками более легко воспламеняющихся деревьев.

По обеим сторонам костра в землю были воткнуты развилками вверх две палки, между которыми была перекинута еще одна, свежесрезанная, палка. На ней висел над огнем железный походный котелок, в котором уже начинала закипать вода. Вокруг были разбросаны сковородки, жестяные миски, пакеты с мукой, вяленным мясом и кофе, кофейник из прочного олова, небольшая лопата и легкий топорик с изогнутым топоричем из орехового дерева.

Это неодушевленные детали картины. Теперь перейдем к одушевленным.

Прежде всего — наши герои, три мальчика-охотника: Базиль, Люсьен и Франсуа. Базиль был занят палаткой, вбивал в землю колышки. Люсьен следил за костром, который он только что развел. Франсуа ошпыливал диких голубей, подстреленных им по дороге. Все трое были одеты по-разному. Одежда Базиля была вся из оленьей кожи, за исключением шапки, сделанной из шкуры енота. Шапка была украшена полосатым хвостом енота, свисавшим до плеча, словно страусовое перо. Капюшон охотничьей куртки был по краям отделан бисером. Куртка в талии была перехвачена ремнем, с которого свешивались охотничий нож в ножнах и маленькая кобура с поблескивающей из нее рукояткой пистолета. На ногах у Базиля были искусно расшитые вдоль швов гамашы из оленьей кожи и мокасины. Он был одет, как заправский лесной охотник, только белье его было тоньше и чище, а вышивка на куртке сделана с большим вкусом, чем у профессионального охотника.

Одежда Люсьена была небесно-голубого цвета: не то блуза, не то охотничья куртка и брюки из плотной хлопчатобумажной материи. На ногах у него были сан-

далии со шнурками, а на голове — широкополая панама. В общем, наряд его не выглядел так воинственно, как у старшего брата, но и у него на ремне тоже висел с одной стороны нож, а с другой — вместо пистолета маленький томагавк.

Люсьен носил томагавк не для того, чтобы убивать им кого-нибудь, — нет, он носил этот топорик, чтобы раскалывать не черепа, а скалы. Это был томагавк геолога.

Франсуа был еще в школьной курточке и брюках. Брюки были заправлены в краги, на ногах надеты мокасины; из-под суконной шапочки выбивались пышные кудри. На поясе у него тоже висел охотничий нож, а на левом бедре — маленький пистолет.

Ближе к середине поляны паслись три лошади, привязанные лассо к колышкам так, чтобы они не мешали друг другу.

Все три лошади были разные. Одна — большая караковая, с примесью арабской крови, очень сильная и поровистая. Это был конь Базиля, заслуженно пользовавшийся большой любовью мальчика. Звали его Черный Ястреб — в честь знаменитого вождя племени Лисид, друга старого полковника, с которым тот познакомился во время посещения им племени индейцев.

Вторая лошадь была самая обыкновенная, гнедая, из породы, известной под названием «коб»¹. Это было тихое, спокойное животное; во внешности ее не было ничего охотничьего или воинственного. Лошадь была упитанная и лоснящаяся, как дородный горожанин, поэтому ее звали Буржуа. Она, конечно, принадлежала спокойному Люсьену.

Третью лошадь можно было бы назвать пони, если принять во внимание ее рост, — она была намного меньше других.

Однако это была настоящая лошадь и по сложению и по нраву, одна из представительниц той породы низкорослых, но горячих лошадок, которых привезли в Новый Свет испанские завоеватели. Эти лошади извест-

¹ К о б — невысокая, коренастая лошадь.

ны теперь по всей западной части страны под названием мустангов.

Так как я буду еще говорить об этих красивых существах, то сейчас отмечу только, что этот маленький мустанг был пятнистый, как леопард, и отзывался на кличку «Кошка», особенно когда его звал Франсуа, ибо это была его лошадь.

Немного поодаль от лошадей стояло другое животное, грязно-серого цвета, с белыми подпалинами на спине и на боках. Это был настоящий мексиканский мул, упрямый и злой, как всякий представитель данной породы. Звали мула Жаннет — это была самка.

Жаннет привязали на некотором расстоянии от лошадей, чтобы они не могли лягнуть друг друга, потому что мул и мустанг были не в особенно дружеских отношениях.

Жаннет и являлась обладательницей странного вьючного седла. Ее долгом было возить палатку, провизию, снаряжение и утварь.

На лужайке можно было видеть еще одно живое существо — собаку Маренго. По росту и коричневаторыжему цвету ее можно было принять за кугуара, однако длинная темная морда и широкие висячие уши указывали на то, что это сильное животное — охотничья собака, помесь ищейки с догом. Собака примостилась около Франсуа в ожидании потрохов птиц, которых он сейчас ощипывал.

Ну вот, юный читатель, теперь перед тобой полная картина ночного лагеря мальчиков-охотников.

Глава VI

РЫЖАЯ БЕЛКА В ЗАПАДНЕ

Франсуа вскоре кончил ощипывать голубей и погрузил их в кипящую воду. Он добавил кусок вяленого мяса, соли и перцу, которые достал из мешка с запасами, так как хотел приготовить из голубей суп. Затем он смешал с водой немного муки, чтобы подправить его.

— Как жаль, — сказал он, — что у нас нет овощей!

— Подожди! — воскликнул Люсьен. — По-моему, в этой местности есть много всякой зелени. Дай я посмотрю — может быть, найду что-нибудь.

С этими словами Люсьен пошел по лужайке, внимательно глядя себе под ноги. Не найдя ничего подходящего среди трав, он направился к берегу маленького ручья, протекавшего поблизости.

Через несколько минут Люсьен уже возвращался, неся целую охапку овощей. Он молча бросил их перед Франсуа.

Овощи были двух видов: одни напоминали мелкую репу и действительно были индейским турнепсом, а другие — дикий лук, который часто встречается в Америке.

— Ого! — воскликнул Франсуа, сразу узнав их. — Какая удача! Честное слово, это репа и дикий лук. Теперь я сварю такой вкусный суп!

И он весело принялся резать овощи и кидать их в дымящийся котел.

Скоро мясо и голуби сварились, и суп был готов. Котелок сняли с огня, и три брата, усевшись на траве, наполнили жестяные миски и приступили к еде.

У них был запас серого хлеба на несколько дней. Когда хлеб кончится, они должны будут сами печь его из муки, которую взяли с собой в мешке, а когда и мешок истощится, они намеревались обходиться совсем без хлеба, как им частенько приходилось делать и раньше во время подобных экскурсий.

Пока мальчики наслаждались супом из голубей и обгладывали косточки жирных птиц, внимание всех троих внезапно привлекло какое-то движение на одной стороне поляны. Они заметили, как что-то, точно вспышка желтого света, мелькнуло вверх от земли. Все трое догадались, что это молниеносный прыжок белки по стволу дерева. А вот и сам зверек. Он вплотную прижался к стволу, замерев на мгновение, как обычно делают белки перед следующим прыжком.

— Смотрите-ка, — воскликнул Люсьен приглушенным голосом, — это рыжая белка, и какая красавица!

Видите — она вся в отметилах, как пятнистая кошка. Папа дал бы двадцать долларов за такую шкурку!

— Она обойдется ему гораздо дешевле, — отозвался Франсуа, подкрадываясь к своему ружью.

— Стой, Франсуа, — сказал Люсьен. — Пусть Базиль попробует выстрелить — он стреляет лучше тебя.

— Хорошо, — ответил Франсуа. — Но если он промахнется, не мешает быть наготове.

Базиль уже поднялся и молча стал пробираться к ружьям. Подойдя к ним, он взял самое длинное и повернулся к белке. В это же время Франсуа вооружился своей двустволкой.

Дерево, по которому побежала белка, было мертвым — гнилое тюльпановое дерево, поврежденное молнией или бурей. Оно стояло немного поодаль от других, на открытом месте. Крутом почти ничего не росло. Голый ствол возвышался, как колонна, высотой в шестьдесят футов. Все сучья были сломаны ветром, за исключением одного, который, точно длинная рука, протягивался вверх по диагонали. Этот сук, изогнутый и расщепленный в нескольких местах, был не очень толстый; на нем не было ни веток, ни листьев; он был сухой, как и все дерево.

В то время, когда Базиль и Франсуа готовились к выстрелу, белка сделала еще прыжок и оказалась на конце сука, где и уселась в развилке, как бы любуясь закатом солнца. Лучшей мишени нельзя было и желать, тем более что мальчики могли подойти достаточно близко: зверек, казалось, не обращал внимания ни на них, ни на лошадей. Очевидно, на него никогда не охотились.

Белка сидела на задних лапках, подняв вверх и распушив, словно веер, пушистый хвост. Можно было подумать, что она наслаждается теплыми закатными лучами.

Мальчики осторожно продвигались по краю поляны. Базиль шел впереди. Когда он был уже на расстоянии выстрела, прицелился и хотел спустить курок, белка, которая до сих пор не замечала охотника, вдруг вздрогнула, будто испугавшись, опустила хвост и по-

бежала по суку. Футах в двух от верхушки дерева она остановилась и распласталась на стволе.

Что могло испугать ее? Не мальчики, потому что она до этого не обращала на них внимания. К тому же белка все еще была на виду, по-прежнему представляя собой хорошую мишень. Если бы она испугалась охотников, она бы, как все белки, спряталась за стволом, — но нет, она не боялась их, так как лежала, прижавшись к стволу и подняв голову; по ее движениям было видно, что она опасается какого-то врага сверху.

Так это в действительности и было, потому что в воздухе прямо над деревом кружила большая хищная птица.

— Стой! — прошептал Люсьен, кладя руку на плечо Базиля. — Стой, брат! Это краснохвостый ястреб. Смотри, он хочет снизиться. Понаблюдаем за ним.

Базиль опустил ружье, и все трое стояли в ожидании.

Над головами мальчиков была раскидистая ветка, и птица не видела их или, может быть, поглощенная тем, чтобы заполучить свою добычу, не обращала на них в этот момент внимания.

Едва Люсьен кончил говорить, как ястреб, который до этого парил, широко раскинув крылья, вдруг сложил их и с громким «уиш-ш» устремился вниз. Ястреб упал почти перпендикулярно, чуть не коснувшись белки, и все трое, когда он снова взлетел, посмотрели, не держит ли он ее в когтях. Однако он промахнулся. Белка была настороже и, когда ястреб устремился вниз, с быстротой молнии обогнула ствол.

Управляя хвостом, как рулем, ястреб вскоре повернул и подлетел к другой стороне дерева, где теперь находилась белка. Несколько взмахов его сильных крыльев быстро помогли ему набрать прежнюю высоту, и он снова ринулся вниз, на намеченную жертву. Белка опять увернулась и перебежала на другую сторону ствола. Ястреб еще раз повернул, поднялся, кинулся вниз на добычу, промахнулся и взмыл кверху. Четвертая по-

пытка оказалась столь же безуспешной, и птица опять взлетела в небо и продолжала кружить над деревом.

— Странно, что рыжая плутовка не перескакивает на другое дерево, — пробормотал Франсуа. — На дерево с густой листвой, которая закрыла бы ее, или на то дерево, где у нее гнездо, — там она была бы в безопасности.

— Она как раз это и хочет сделать, — ответил Люсьен. — Но смотри, враг прямо над ней. Вблизи нет ни одного дерева, и, если она попытается бежать по открытому месту, ястреб сейчас же схватит ее. Ты видел, как он стремительно падал?

В самом деле, белка поглядывала на соседние деревья с большим беспокойством. Хотя ей до сих пор и удавалось ускользать от врага, она все же была очень напугана.

Как только ястреб снова поднялся над деревом на несколько ярдов, он опять начал кружить, издавая странный крик. То был не пронзительный крик, который часто можно услышать у этих птиц, а крик другого рода — будто он звал товарища.

Так и оказалось. Через несколько минут из глубины леса послышался ответ, и в следующее мгновение другой ястреб, такой же краснохвостый, но намного крупнее, уже парил в вышине. Это явно была его подруга, так как самки этих птиц всегда намного крупнее самцов.

Теперь птицы вдвоем стали кружить над деревом, пересекая орбиты полета друг друга и глядя вниз. Белка, казалось, перепугалась еще больше — она хорошо понимала их намерения. Она начала бегать вокруг ствола, время от времени поглядывая по сторонам, как будто хотела спрыгнуть с дерева и кинуться в густой лес.

Ястребы не дали белке долго раздумывать. Тот, который был поменьше, снизился первым, но промахнулся, как и раньше, и лишь загнал ее за ствол. Испуганный зверек едва успел скрыться там, как большой ястреб, самка, со свистом налетел на него и заставил перебежать на другую сторону. Самец к этому време-

ни повернул и кинулся вниз так неожиданно и с таким точным расчетом, что белка, будучи не в состоянии снова спрятаться за деревом, прыгнула в воздух. Ястреб последовал за ней и, прежде чем белка успела достигнуть земли, ринулся на нее. Затем с громким криком ястреб поднялся в воздух — в его когтях билась белка.

Однако триумф хищника продолжался недолго. Раздался треск дробовика, и оба — и ястреб и белка — тяжело упали на землю.

Почти одновременно прозвучал другой выстрел, и самка ястреба с перебитым крылом упала, кувыряясь, вниз и затрепетала на траве, визжа, точно кошка. Франсуа ударом приклада скоро добил ее. Оба ствола его ружья были сейчас пусты, так как это он убил обоих краснохвостых ястребов.

Самое замечательное то, что белка не была убита ни выстрелом, ни падением. Наоборот, когда Люсьен наклонился, чтобы поднять ее, радуясь такой удаче, белка вдруг прыгнула, высвободилась из когтей мертвого ястреба и, кинувшись в лес, взобралась на высокое дерево. Все трое что было сил побежали за ней, но когда они достигли дерева (это был дуб пяти футов в обхвате), то увидели, к своему разочарованию, футов в пятидесяти от земли дупло, что и привело охоту за белкой к концу.

Глава VII

ФРАНСУА В ОПАСНОСТИ

Следующий привал наших охотников был у Реки Крокодилов. Этот заболоченный рукав Миссисипи, как и все реки Луизианы, представляет собой медленно текущий поток, который время от времени образует широкие пруды или озера. Он называется Рекой Крокодилов, так как в нем водится много аллигаторов, хотя в этом отношении он не так уж отличается от других рек Луизианы.

Мальчики выбрали место для лагеря на открытом участке берега, там, где рукав разливается в малень-

кое озеро. Оттуда открывался вид на все озеро, и вид этот был замечательный. По берегам озера возвышались огромные деревья — дубы и кипарисы; с их ветвей ниспадал, подобно серебряным нитям, испанский мох. Это придавало верхней части леса довольно угрюмый вид, и вся местность казалась бы мрачной, если бы не блестящая листва. То тут, то там сверкала на солнце большими белыми цветами, величиной с тарелку, зеленая магнолия.

Внизу рос густой тростник. Его высокие, похожие на пики бледно-зеленые стебли напоминали гигантскую пшеницу, когда она еще не выбросила колосья. Над тростником простирали свои серые ветви со светлой, не густой листвой камедные деревья. Изысканные пальмы поднимали вверх веера своих листьев, будто хотели защитить землю от палящих лучей солнца. Кое-где вода отражала причудливые очертания этих пальм.

Точно толстые канаты, с дерева на дерево протягивались дикий виноград, лианы и другие виды ползучих растений. Некоторые из них были покрыты густой листвой, другие пестрели замечательными цветами.

Красные колокольчики бигнонии, белые, точно звездочки, цветы вьюнков и алые лепестки болотной мальвы — смешение всех этих красок привлекало больших пестрых бабочек и красногрудых колибри, которые порхали среди нежных венчиков. Контраст с этими яркими пятнами составляли темные и мрачные места ландшафта. Деревья стояли здесь прямо в зеленой, тинистой воде. Прогалины леса позволяли видеть далеко вглубь. Здесь не было подлеска ни из тростника, ни из карликовых пальм. Черные голые стволы кипарисов поднимались на сотню футов; с их сучьев свешивался седой плакучий мох. Можно было различить большие коряги, похожие на конусы или на деревья, стволы которых, сломавшись, воткнулись в землю. Иногда через эти мрачные прогалины протягивались огромные лианы, больше фута в диаметре, напоминая чудовищную змею, переползающую с дерева на дерево.

Озеро все кишело аллигаторами. Видно было, как они отдыхали на низких берегах или уползали в тем-

ное, зловещее болото. Некоторые тихо плыли по поверхности, и из воды высовывались только их длинные гребни и точно зазубренные спины. В неподвижном состоянии эти уродливые существа напоминали засохшие деревья. Большинство из них лежали не шевелясь, отчасти из-за природной склонности к неподвижности, отчасти потому, что подкарауливали добычу. Лежащие на берегу держали пасти открытыми, время от времени закрывая их с громким лязганьем. Аллигаторы развлекались ловлей мух, которые, привлеченные запахом мускуса, летали вокруг ужасных челюстей и садились на липкие языки.

Некоторые аллигаторы ловили рыбу. Удары их хвостов по воде были слышны более чем на полмили. В лесной тишине раздавалось что-то похожее на кваканье жабы, но только очень громкое и страшное, как мычание быка; эти звуки издавали аллигаторы.

Это было устрашающее зрелище, но наши охотники привыкли к таким картинам и не испытывали страха.

Вокруг озера были и другие живые существа, гораздо более привлекательные. Вдали выстроились в ряд, как солдаты в строю, фламинго; их алое оперение сверкало на солнце. Недалеко от них находилась стая белочерных журавлей, каждый высотой со взрослого человека; время от времени они издавали громкие трубные звуки. Здесь была и большая белая цапля с белоснежным оперением и оранжевым клювом, и изящная луизианская цапля, и стайки светло-серых журавлей, которые казались на расстоянии стадом почти белых овец. Меланхолично стояли пеликаны. На шее у них виднелся толстый зоб, а клюв был похож на косу. Рядом можно было увидеть белых и красных ибисов и пурпурных водяных курочек.

Розовые колпики ходили по отмелям и ловили крабов и раков своими причудливыми клювами, а в ветвях деревьев сидела черная анхинга, жадно протягивая над водой длинную, змееподобную шею. В воздухе лениво кружила стая хищных сарычей, и два рыболова летали над озером, то и дело кидаясь вниз на добычу.

Вот что видели вокруг своего лагеря мальчики-охотники, — и такую картину можно часто наблюдать среди пустынных болот Луизианы.

Мальчики установили палатку на высоком берегу, где земля посуше. Место было открытое — там росло лишь несколько карликовых пальм. Животных привязали поблизости.

На ужин была оленина. Бьющий без промаха Базиль подстрелил самку оленя как раз перед тем, как они сделали привал. Базиль показал себя опытным мясником: олень был быстро освежеван и лучшие куски вырезаны на ужин и завтрак. Задние ноги оленя мальчики повесили на дерево, чтобы взять с собой, так как завтрашняя охота могла оказаться уже не столь успешной.

Все же осталось еще достаточно мяса на ужин для Маренго, и голодное животное с радостью воспользовалось этим обстоятельством. Собака знала, что во время подобных экспедиций не всегда попадают жирные олени, а если это и случается, то на ее долю редко приходятся такие порции.

Было еще рано — часа два до захода солнца, когда охотники закончили ужин, или, вернее сказать, обед, потому что они ничего не ели с утра, за исключением нескольких кусков, проглоченных всухомятку во время полуденного привала. Базиль занялся починкой упряжи мула, которая испортилась в дороге, а Люсьен вынул записную книжку и карандаш и, усевшись на шкуру бизона, начал записывать впечатления дня.

Франсуа, которому нечего было делать, решил побродить по берегу реки и пострелять фламинго, если ему посчастливится подойти к ним поближе. Он знал, что это будет нелегко, но решил попробовать и, сказав братьям о своем намерении, вскинул ружье на плечо и ушел.

Франсуа вскоре скрылся из виду, войдя в густой прибрежный лес, через который пролегал узкая тропинка, протоптанная оленями и другими дикими животными. Он шел по тропинке, прячась за деревьями, чтобы фламинго, находившиеся в ста ярдах ниже по течению, не могли заметить его.

Не прошло и пяти минут со времени ухода Франсуа, как вдруг Базиль и Люсьен услышали выстрел и тут же — второй. Они знали, что это стреляет Франсуа, но в кого? Он не мог стрелять в фламинго, так как не успел еще подойти к ним. К тому же птицы были видны из лагеря. Все они, напуганные выстрелами, взлетели на верхушки деревьев.

Нет, Франсуа выстрелил не в фламинго. Тогда в кого же?

Этот вопрос с беспокойством задавали друг другу Базиль и Люсьен. Может быть, Франсуа наткнулся на оленя или на стаю индеек?

Так братья терялись в догадках, но вдруг из леса раздался страшный крик Франсуа. Базиль и Люсьен схватили ружья и побежали на поиски, но, прежде чем они успели достигнуть леса, на тропинке между деревьями показался сам Франсуа. Он бежал во весь дух. На пути перед ним лежал какой-то предмет, похожий на сухое дерево. Это не могло быть деревом, потому что оно двигалось. Это было живое существо — аллигатор! Он был огромный, футов двадцати в длину, и лежал прямо поперек дороги.

Базиль и Люсьен увидели аллигатора сразу, как только добежали до опушки. Они увидели также, что не он был причиной того, что Франсуа мчался с такой быстротой, потому что мальчик бежал прямо на аллигатора. Все мысли Франсуа были поглощены чем-то, что было позади, и он совсем не видел аллигатора, хотя братья кричали, чтобы предупредить его.

Франсуа все бежал и бежал и, споткнувшись о тело отвратительного пресмыкающегося, упал лицом вниз и выронил ружье. Однако он не ушибся и, вскочив на ноги, продолжал бежать. Вскочив из кустов, Франсуа крикнул, задыхаясь: «Медведь! Медведь!» Базиль и Люсьен вскинули ружья и посмотрели вдоль тропинки. Действительно, там был медведь, и он быстро приближался. Это в него стрелял Франсуа. Пустяковая рана только раздражила медведя, и, видя такого слабого врага, как Франсуа, он погнался за мальчиком.

Сначала юные охотники думали искать спасения в

бегстве, но медведь был слишком близко и мог напасть на любого из них, прежде чем они добегут до лошадей и отвяжут их. Поэтому мальчики решили остаться на месте. Базиль, который уже бывал на медвежьей охоте, не очень боялся этой встречи. Он и Люсьен держали ружья наготове, чтобы устроить мишке теплый прием.

Медведь неуклюже подвигался вперед, пока не достиг места, где лежал аллигатор. Пресмыкающееся повернулось вдоль тропинки и стояло теперь на своих коротких ногах, раздуваясь, как кузнечный мех. Медведь, занятый погоней за Франсуа, ничего не видел, пока не наткнулся прямо на аллигатора, и тогда, издав громкое рычание, отпрыгнул в сторону. Это дало аллигатору ту возможность, которой он дожидался, и через мгновение его мощный хвост ударил медведя с такой силой, что было слышно, как затрепали мишкины ребра.

Медведь, который в другое время не тронул бы аллигатора, так разъярился от этого незаслуженного оскорбления, что повернулся и, ринувшись на нового врага, крепко обхватил его поперек туловища. Они катались по земле: один — рыча и храпя, другой — мыча, точно бык.

Неизвестно, как долго продолжалась бы эта борьба и кто оказался бы победителем, если бы они были предоставлены самим себе, но Базиль и Люсьен выстрелили оба и ранили медведя. Это заставило его ослабить хватку, и он, казалось, уже был не прочь удрать, но аллигатор схватил его лапу своими сильными челюстями и крепко держал, в то же время стараясь подтащить к воде. Медведь явно понял намерение врага и издавал громкие, жалобные вопли, визжа, как боров под нежом мясника. Но ничто не помогло: безжалостный противник добрался до берега, волоча медведя за собой, и втащил его в воду. Погрузившись, они оба исчезли из виду, и, хотя мальчики продолжали наблюдать еще около часа, ни зверь, ни пресмыкающееся не показались снова на поверхности. Медведь, без сомнения, сразу захлебнулся, а аллигатор, задушив его, спрятал труп в ил, чтобы сожрать, когда проголодается.

Неизвестно, как долго могла бы продолжаться эта борьба...

Глава VIII

ОБ АЛЛИГАТОРАХ

Мальчики вернулись к палатке под впечатлением сцены, свидетелями которой только что были. Они легли на траву и начали разговаривать. Предметом их беседы были медведи и аллигаторы, однако больше всего они говорили об аллигаторах, об их своеобразных повадках. Юным охотникам было известно много необычайных историй про этих животных, — даже маленькому Франсуа, а Базиль, давно уже охотившийся на болотах и реках, довольно хорошо знал нрав аллигаторов. Но Базиль был не очень наблюдателен и замечал только те их особенности, с которыми иногда сталкивался во время охоты, в то время как Люсьен более тщательно наблюдал повадки аллигаторов и, кроме того, изучал их по книгам. Поэтому Люсьен был отлично знаком со всем, что знали натуралисты об этих животных, и по просьбе братьев согласился в часы, оставшиеся до сна, поделиться с ними своими знаниями.

— Аллигатор, — начал он, — принадлежит к отряду крокодилов, состоящему всего из одного семейства, которое так и называется «крокодилы» и разделяется на четыре группы видов.

— Сколько же всего видов? — спросил Базиль.

— Натуралистам известно немного больше двадцата видов. Крокодилы делятся на собственно крокодилов, гавиалов, аллигаторов и кайманов. Эта классификация основывается преимущественно на строении черепа и зубов. У собственно крокодилов длинные, остроконечные, узкие морды и с обеих сторон нижней челюсти по большому зубу. Когда пасть закрывается, зубы входят в особые ямки в верхней челюсти. Гавиалы — тоже с длинной, узкой мордой, но утолщенной на конце, и зубы у них почти все одинаковые и ровные. У аллигаторов, напротив, широкие, плоские морды, но заостренные на конце, как у щук, и очень неровные зубы, а на нижней челюсти четвертый зуб очень большой; когда закрывается пасть, он входит в особое углубление в верхней челюсти. Известно пять видов собственно крокодилов.

Четыре из них можно найти в реках Африки, а пятый обитает в Вест-Индии, Центральной и Южной Америке. Гавиалы водятся в Азии, особенно в Ганге и в других реках Индии. Аллигаторы встречаются в Америке — их много и в Северной и в Южной Америке. Их близкая родня — кайманы, распространенные в Центральной и Южной Америке. Несомненно, когда великие реки Северной Америки будут лучше изучены, найдут и еще какие-нибудь разновидности. Я слышал о видах, обитающих в озере Валенсия, в Венесуэле, и отличающихся от вышеупомянутых американских. Они гораздо меньше, и за ними усиленно охотятся индейцы из-за их мяса, которым индейцы очень любят лакомиться.

Итак, я думаю, вполне достоверно, что все эти разновидности семейства крокодилов имеют почти одинаковые повадки. Различие в них определяется климатом, пищей или другими обстоятельствами. Поэтому то, что я расскажу вам об аллигаторе, вы можете применить в большой мере и ко всем его чешуйчатым кузенам. Вы знаете, какого он бывает цвета: серовато-коричневый сверху и грязно-желтовато-белый снизу. Вы знаете, что аллигатор весь покрыт щитками и чешуей, и видели, конечно, что на спине эти толстые щитки образуют ряды пирамидок. На хвосте пластинки вытянуты в зубцы, и хвост выглядит зазубренным, словно пила. Заметьте, что хвост сплюснен вертикально, не так, как у бобра, у которого он плоский, горизонтальный. Лапы у аллигатора короткие и мускулистые. На передних — пять пальцев, на задних лапах — по четыре пальца, соединенных перепонкой. Голова аллигатора немного похожа на голову щуки. Ноздри расположены близко к концу морды. Глаза выдаются вперед, и сразу за глазами находятся ушные отверстия. Зрачки глаз темные, радужная оболочка — лимонного цвета, и зрачки не круглые, как у человека, а овальные, как у козы.

Все это вы можете заметить, глядя на аллигатора, но есть кое-что особенное в строении этого животного, что вы не сразу обнаружите. Его челюсти, например, открываются очень широко и по-особому сочленены между собой. Благодаря такому сочленению, когда аллига-

тор открывает пасть, шея его слегка подается вверх, и кажется, что двигается верхняя челюсть, хотя на самом деле двигается нижняя.

— Да, я часто слышал, будто у крокодилов подвижна именно верхняя челюсть, — сказал Франсуа.

— Так думали и говорили больше тысячи лет. Однако это неверно. Двигается именно нижняя челюсть, как и у других позвоночных, но внешнее впечатление, как я уже говорил, ведет к этой ошибке, сделанной невнимательными наблюдателями. Есть еще один пункт, о котором стоит упомянуть. Каждое из ушных отверстий защищено парой клапанов, которые при погружении аллигатора в воду закрываются. Ноздри также защищены клапанами.

Тело аллигатора длинное, а ноги короткие; тяжелый и неуклюжий, он не в состоянии быстро поворачиваться на суше. Поэтому хищник не очень опасен на земле, если держаться подальше от его челюстей и могучего хвоста. Хвост — его основное оружие нападения и защиты, он очень подвижен, и аллигатор может одним его ударом сбить с ног и даже убить человека.

Многое об аллигаторах нам хорошо известно — например, то, что самки несут яйца величиной с гусиные и устраивают для них особое гнездо. Самка натаскивает растения, укладывает их в кучу и утрамбовывает. В такую кучу она зарывает десятка три яиц и хорошо прикрывает их сверху. Гниющая растительная масса разогревается; главное же — внутри кучи сыро, а сырость — обязательное условие для развития зародышей. Самка все время находится поблизости и охраняет гнездо от возможных нападений. А когда вылупливаются детеныши, она разрывает кучу, и маленькие аллигаторы ползут к воде. Как видите, заботы матери не очень уж сложны и велики.

— Кажется, они едят все, что попадает на пути? — заметил Франсуа.

— Они не очень разборчивы. Их обычной пищей является рыба, но они могут съесть и любое наземное животное, какое только в состоянии одолеть. Говорят, что аллигаторы предпочитают есть животных, когда те уже

начинают разлагаться. Но это сомнительно. Известны случаи, когда они убивали крупных животных и оставляли их на несколько дней в воде. Но, может быть, они просто не были голодны в то время и хотели сохранить пищу до тех пор, пока появится аппетит...

Процесс пищеварения у них, как и у всех пресмыкающихся, очень медленный; им не требуется такого количества пищи, как теплокровным — млекопитающим и птицам.

— Ты говоришь, Люс, что их любимая пища — рыба, — сказал Базиль, — а я думаю, что они охотнее всего лакомятся собаками. Я знаю, что аллигаторы часто появляются там, где слышат лай собак, как будто специально для того, чтобы поймать и сожрать их. Я видел, как однажды аллигатор схватил большую собаку, переплывающую реку Беф, и утащил ее под воду с такой же быстротой, как форель — муху. Больше эту собаку никто не видел.

— Совершенно верно, — ответил Люсьен, — они едят собак так же, как и других животных, но является ли это их любимой пищей, сомнительно. Правда, аллигаторы приближаются к тому месту, где слышат собачий лай, но некоторые говорят, что это потому, что лай собак очень похож на звуки, которые издают их детеныши.

— Но как аллигаторы ухитряются поймать рыбу? — спросил Франсуа. — Ведь рыба движется гораздо быстрее их.

— Нет, лишь немногие породы рыб плавают быстрее. Аллигатор при помощи своих перепончатых лап и особенно плоского хвоста, который действует по принципу кормового весла и руля, может плыть в воде с такой же быстротой, как большинство рыб. Однако аллигатор добывает себе рыбу для еды не столько преследованием, сколько хитростью.

— Какой хитростью?

— Вы, наверно, часто замечали, как аллигаторы плавают на поверхности воды: не заметно ни одного движения тела, точно это лежит на воде какой-то длинный, изогнутый полукругом предмет.

— Да-да, я много раз замечал это.

— Так вот, если бы вы заглянули под воду в это время, вы бы увидели где-нибудь с внешней стороны полукруга рыбу. Она спокойно наблюдает за поверхностью воды в поисках добычи — мух или жуков. Рыба не обращает внимания на темную массу, которая медленно скользит по направлению к ней и выглядит вполне безопасной, так как голова хищника в это время повернута в сторону от намеченной жертвы. Кажется, что он спит, но он хорошо знает, что делается вокруг. Он тихо плывет дальше, пока рыба не очутится вблизи от его огромного хвоста, который до тех пор был выгнут, как лук. И тогда, наметив верную мишень, аллигатор ударяет по своей ничего не подозревающей добыче с такой силой, что сразу убивает ее. Иногда этот удар отбрасывает рыбу прямо ему в пасть, а иногда выкидывает на несколько футов из воды.

На земле аллигатор бьет свою добычу таким же способом. Во время удара его голова поворачивается так, чтобы встретить на полпути хвост, — таким образом, все тело образует полукруг. Если добыча не убита ударом хвоста, она отбрасывается прямо в пасть чудовища, и с ней расправляются в мгновение ока.

— Но почему аллигаторы едят камни и другие твердые предметы? — спросил Базиль. — Я видел одного вскрытого аллигатора. Его желудок был почти на целую четверть набит камнями величиной с мой кулак и кусками палок и стекла. Они выглядели так, будто уже долго пробыли в желудке: все острые края были обточены. Этого я никак не могу понять.

— Неудивительно. Даже более осведомленные ученые-натуралисты, чем мы с вами, не знают причины этого. Некоторые предполагают, что тут действует тот же принцип, что у птиц и других животных, которые глотают гравий и землю, чтобы помочь процессу пищеварения. Другие утверждают, что это делается для того, чтобы наполнить желудок, что это дает пресмыкающемуся возможность перенести долгий пост в течение зимней спячки. Последний довод кажется мне совершенно абсурдным.

Я думаю, что всякие посторонние предметы, которые обычно находят в желудке аллигатора, попадают туда случайно. Аллигаторы глотают их время от времени по ошибке или вместе с добычей, так как их вкусовые органы далеки от тонкости восприятия и они готовы пожрать все, что выбрасывается в воду, даже стеклянную бутылку. Все эти предметы остаются в желудке аллигатора, накапливаются там. Желудок у аллигатора, как и у большинства пресмыкающихся, очень грубый, и эти предметы не причиняют ему никакого вреда. Не следует сравнивать желудок аллигатора с желудком человека, так же как и какие-либо другие их органы.

Если наш мозг серьезно поврежден, мы умираем. Известны отдельные случаи, когда у аллигаторов мозг был разрушен выстрелом, а они еще сражались с теми, кто пытался приблизиться к ним. Мозг их, как и у большинства пресмыкающихся, очень мал. Это показывает, что они находятся на более низкой ступени развития, чем птицы и млекопитающие.

— Но, Люсьен, ты говоришь, что повадки семейства крокодилов очень сходны, — как же получается, что африканские крокодилы намного свирепее и часто нападают на обитателей Сенегала и Верхнего Нила и пожирают их? Наши аллигаторы не такие. Правда, они иногда бросаются на негров и, говорят, бывают причиной гибели детей, но это случается, только если сам человек по неосторожности попадет на пути аллигаторов. Они не опасны, если их не трогать. Мы, например, не боимся приблизиться к ним с одной только палкой в руках.

— Это потому, что мы уверены, что они слишком неуклюжи на земле, чтобы схватить нас: ведь мы легко можем отскочить в сторону от их хвостов и челюстей. А не хотел ли ты бы сейчас переплыть эту реку? Я думаю, ты не рискнул бы.

— Конечно, нет.

— А если бы ты и рискнул, они, по всей вероятности, кинулись бы на тебя раньше, чем ты достиг противоположного берега. Но наши аллигаторы сейчас не такие, какими были сто лет назад. Мы знаем из достоверных источников, что они были тогда намного свирепе-

пее и опаснее и часто нападали на людей без всякого повода. Теперь они стали бояться нас, так как знают, что мы представляем для них опасность. Эти пресмыкающиеся легко могут отличить человека по виду и по вертикальной походке от других животных. Посмотрите, как много их уничтожили во время моды на крокодиловую кожу и как много их убивают и сейчас ради их жира и хвостов! Поэтому вполне естественно, что они должны бояться нас, и вы можете заметить, что они гораздо смирнее вблизи плантаций и селений, чем в необитаемой местности. Я слышал, что есть еще участки в больших болотах, где к этим животным опасно приближаться.

Про аллигаторов и кайманов рассказывают множество всяких историй. Большинство из них вымышленные, но некоторые вполне достоверны. Я слышал одну, которая, я уверен, является правдой. Я расскажу ее вам, если хотите, хотя это очень грустная и трагическая повесть и я бы очень хотел, чтобы она не была правдой.

— Расскажи, расскажи нам! — воскликнул Франсуа. — Мы выдержим твой рассказ, у нас с Базилем нервы крепкие... Ведь правда, Базиль?

— Да, разумеется, — отозвался Базиль. — Рассказывай, Люс.

— Ну хорошо, — сказал Люсьен, — я расскажу. Это не длинная история, и она не утомит вас.

Глава IX

МАТЬ-ИНДИАНКА И КАЙМАН

Наверно, в Америке нет другого такого места, где бы каймапы достигали больших размеров и были свирепее, чем на Магдалене и на ее притоках. Все эти реки текут в низменной части тропиков; климат там очень жаркий и, следовательно, чрезвычайно благоприятен для развития крупных пресмыкающихся. Не слишком деятельный характер людей, населяющих эту часть страны — полуиндейцев, полуиспанцев, — является причи-

ной того, что они почти не охотятся и не истребляют этих животных достаточно энергично. В результате они там меньше боятся людей и нередко нападают на них. Кайманы Магдалены иной раз пожирают туземцев, случайно попавших в воду, где обитают эти животные. Нередко лодочники, плавающие по реке Магдалене в своих плоскодонках, падают за борт и становятся добычей кайманов, так же как моряки в океанах становятся добычей акул.

Лодочники берут с собой ружья, чтобы стрелять в кайманов, но таким путем их уничтожено очень мало, так как убить каймана выстрелом очень трудно, а лодочник при этом еще должен управлять лодкой. Надо непременно попасть животному в глаз; все его остальное тело нельзя повредить даже выстрелом из мушкета. Конечно, тут необходим точный прицел и удобный случай, когда животное спокойно лежит на берегу или на воде. Когда кайман находится на суше, его можно застрелить, если попасть в мягкую, эластичную кожу под лопаткой, но это очень ненадежный способ: часто бывает, что и несколько выстрелов в эту часть тела не могут убить животное.

Иногда жители Магдалены ловят кайманов при помощи лассо и, втащив на берег, убивают их топорами и копьями. И все же кайманы водятся в этих реках в большом количестве и редко уничтожаются обитателями, за исключением случаев, когда происходит какая-нибудь ужасная трагедия — например, если кайманы, схватив намеченную жертву, разрывают ее на части и пожирают. В таких случаях люди, сочувствуя несчастью соседа, пробуждаются от обычной апатии, объединяются и уничтожают множество этих ужасных пресмыкающихся.

История, которую я обещал вам рассказать, как раз на эту тему.

В нескольких милях от города Новый Карфаген на Магдалене жил один пастух. Его ранчо, крытое пальмовыми листьями, стояло в пустынной и малозаселенной местности на берегу реки, где водилось много кайманов. У пастуха были жена и маленькая дочь, шести — семи

лет. Она была хорошенькая и, кроме того, единственный ребенок, и, конечно, родители обожали ее.

Пастуха часто не бывало дома — он уходил со стадом далеко в лес. Но жена его мало беспокоилась о том, что остается одна. Она была индианка и привыкла к таким опасностям, которые привели бы в ужас городских женщин.

Однажды, когда муж ее, как обычно, отсутствовал — пас стадо, женщина пошла к реке стирать белье. Река была единственным источником воды около ранчо, и, стирая прямо в реке, женщина избавляла себя от труда носить воду. Кроме того, у берега лежал широкий, плоский и гладкий камень, на котором она обычно колотила белье. Маленькая дочь пошла с нею, неся узелок с бельем.

Женщина наполнила сосуды водой и принялась стирать. В это время девочка, желая развлечься, начала собирать спелые гуавы, срывая их с дерева, росшего на самом берегу и свисающего над водой. Занятая своим делом, мать вдруг услышала дикий крик и всплеск воды. Оглядевшись, она увидела, что ее ребенок погружается в воду и огромный кайман устремляется вслед за ним. В ужасе женщина уронила белье, бросилась туда и, не колеблясь ни минуты, прыгнула в воду, которая была ей по горло. В этот момент ребенок показался на поверхности. Мать схватила девочку на руки и хотела уже вытащить ее из воды, когда кайман кинулся вперед, разинув пасть, и одним взмахом мощных челюстей отделил ноги девочки от туловища. Девочка закричала еще раз, но это был ее последний крик. Когда мать выбралась на берег и положила на землю изувеченное тельце, ребенок уже не дышал.

Некоторое время несчастная мать сидела и смотрела на бранные останки. Иногда она наклонялась и целовала бледные, помертвевшие губы. Но она не плакала... Я ведь уже сказал, что она была индианка. Они ведут себя не так, как белые. Как бы то ни было, боль ее была слишком остра, чтобы проливать слезы.

Женщина не кричала, не звала на помощь — это было бесполезно: слишком поздно. Она знала, что вблизи

нет никого — никого на расстоянии миль. Она поднимала глаза от искалеченного трупа лишь для того, чтобы взглянуть на темную воду: там, в тени кустов гуавы, плавало взад и вперед гнусное пресмыкающееся. Оно проглотило кусочек и нетерпеливо ожидало следующего.

На лице женщины было написано невыносимое страдание и жажда мести. Вдруг внезапная мысль пришла ей в голову. Она поднялась и, бросив взгляд сначала на тело дочери, а затем на каймана, быстро пошла к дому. Через несколько минут она возвратилась, неся длинное копьё. Это было охотничье копьё ее мужа, которое он часто применял при встречах с ягуаром и другими хищниками. Она принесла также и другие предметы: лассо, несколько веревок и два ножа.

Придя на берег, женщина с беспокойством огляделась. Кайман был еще здесь. Она повернулась и с минуту стояла, как бы раздумывая. Наконец женщина приняла решение и, наклонившись, вонзила копьё в то, что осталось от ее ребенка. Это было страшное дело, но чувство мести превозмогло ужас. Затем она привязала к копьё ножи, расположив их так, чтобы они торчали, как зубцы, придвинула изуродованное тельце вплотную к ножам и плотно затянула петлю лассо на древко копьё. Другой конец лассо она обвязала вокруг ствола дерева, хорошо зная, что ее собственная сила ничтожна по сравнению с силой такого чудовища, как кайман.

Когда все было готово, женщина взялась за древко и метнула копьё вместе с телом и со всем остальным в воду. Затем, взяв лассо в руки, она спряталась за кусты и стала ждать.

Ждать пришлось недолго. Кайман тут же бросился вперед и схватил тело ребенка своими огромными челюстями. Женщина оставалась неподвижной, выжидая.

Кайманы не жуют пищу; их зубы для этого не приспособлены — они созданы только для того, чтобы хватать, а язык, который они не могут высунуть, только помогает при глотании.

Через несколько мгновений тело исчезло в широком горле чудовища. Увидев это, женщина вдруг вскочила и

сильно потянула лассо. Дикий вой известил о том, что ее намерение увенчалось успехом. Торчащие лезвия вонзились в каймана, и он был побежден.

Почувствовав, что его поймали, огромное пресмыкающееся нырнуло на дно, затем всплыло снова. Громко мыча, оно било хвостом, вспенивая воду. Кровь лилась из его пасти и ноздрей. Кайман метался из стороны в сторону, сотрясая дерево, но толстое ременное лассо сдерживало его.

Это продолжалось долго. Наконец силы каймана стали слабеть, и вот он уже лежал неподвижно в воде.

Во время всей этой сцены мать сидела на берегу реки в глубоком молчании, но, когда она устремляла глаза на чудовище, лишившее ее ребенка, они вспыхивали мстительным огнем.

Наконец звук конских копыт заставил женщину выйти из оцепенения. Она оглянулась. Это приехал ее муж.

Грустная повесть была поведана ему; вскоре об этом узнали все соседи. Горе было всеобщим, и сочувствие заставило подняться всю округу. В течение нескольких дней против кайманов велась война на уничтожение... Вот вам подлинный случай, — сказал Люсьен. — Со времени этого печального происшествия прошло не больше двух лет.

— Какая трагическая история! — с волнением воскликнул Базиль. — Черт побери, начинаешь ненавидеть этих чудовищ! Мне хочется сейчас же застрелить хоть одного!.. И, кроме того, мне нужен длинный зуб аллигатора, чтобы заряжать ружье.

С этими словами он взял ружье и пошел к воде. Вблизи не было видно ни одного аллигатора, хотя в реке можно было заметить десятки их.

— Стой, Базиль! — закричал Франсуа. — Потерпи немного, и я заставлю их приблизиться. Спрячься, а я выманю их к берегу.

Одним из достоинств Франсуа был необычайный талант подражания. Он мог имитировать все — от крика петуха до мычанья быка — и так естественно, что обманывал самих животных. Сбежав вниз, к берегу, он

укрылся в зарослях юкки и начал скулить и лаять, как маленький щенок. Базиль тоже спрятался в кусты.

Через минуту несколько аллигаторов уже подплывали с разных сторон. Вскоре они достигли того места на берегу, где прятался Франсуа. Впереди всех был большой самец; задрав морду, он выполз из воды.

Аллигатор, конечно, рассчитывал чем-то поживиться, но ему было суждено разочароваться в своих ожиданиях. Раздался выстрел Базиля, и ужасное пресмыкающееся забарахталось в грязном иле и через некоторое время затихло. Аллигатор был мертв — меткая пуля угодила ему прямо в глаз.

Базиль и Франсуа вышли из засады — они не собирались зря тратить пули. Остальные аллигаторы, увидев людей, уплыли быстрее, чем приплыли.

Топориком Люсьена мальчики выбили из челюсти убитого аллигатора самые большие зубы, а страшное тело оставили лежать на месте — на съедение волкам и хищным птицам, всем тем, кто захочет им поживиться.

Пожинав куском оленины и запив его кофе, наши любители приключений расстелили в палатке шкуры бизона и улеглись спать.

На следующее утро они встали на рассвете и, вкусно позавтракав, оседлали коней и отправились дальше.

Г л а в а X

ПИЩА ШЕЛКОВИЧНЫХ ЧЕРВЕЙ

Покинув Реку Крокодилов, наши юные охотники направились прямо на восток, через прерии Оуплаусаса. Они не рассчитывали встретить бизонов в этих лугах — бизоны уже давно оставили пастбища Оуплаусаса и ушли на запад. Вместо них на этих равнинах бродили тысячи длинноногих животных. Но все они, хотя и не вполне ручные, имели хозяев, носили тавро и паслись под присмотром пастухов, которые объезжали стада на лошадях. В прериях Оуплаусаса имелись поселения белых, но наши путешественники не стали сворачивать со

своего пути, чтобы посетить их, — целью экспедиции было продвинуться намного дальше, и нельзя было попусту терять время.

На пути им приходилось пересекать многочисленные притоки и реки, большинство которых текло на юг, впадая в Мексиканский залив. Мелководные реки они переходили вброд, а глубокие переплывали на лошадях. Это не представляло трудностей, так как и лошади, и мул Жаншет, и собака Маренго — все умели плавать, как рыбы.

После нескольких дней пути юные охотники достигли берегов реки Сабин, которая отделяет Луизиану от Техаса, бывшего тогда мексиканской территорией. Эта местность отличалась от большинства тех, которые они проехали. Тут было много холмов и возвышенностей; изменился и растительный мир: исчезли высокие темные кипарисы, уступив место соснам. Леса были светлее и не так густы.

Сабин разлилась, но мальчики все же переплыли ее и остановились на западном берегу. Хотя солнце было еще высоко, братья решили остаться у реки до конца дня, так как во время переправы намок багаж. Они разбили лагерь на полянке, в роще низкорослых деревьев. Там было много открытых лужаек, так как деревья росли далеко друг от друга, и вся рощица выглядела как запущенный сад. Кое-где, возвышаясь над остальными деревьями, виднелись конусообразные вершины магнолий; огромный голый ствол одной из них казался на расстоянии старой, разрушенной башней.

Земля была покрыта всевозможными цветами. Здесь были и голубой лупинус, и золотистые подсолнечники, и красные цветы мяты, и мальвы по пяти дюймов в диаметре. Там были и дикий виноград и другие ползучие растения, которые обвивались вокруг деревьев или протягивались гирляндами с одного на другое. Больше всего бросались в глаза ярко-алыми раструбами своих венчиков огромные цветы бигнонии.

Среди этих цветов наши охотники и расположились лагерьем, разбив, как всегда, палатку и привязав животных.

Светило яркое солнце, и они разложили для просушки мокрую одежду и одеяла.

— Мне приходит в голову, — сказал Люсьен после того, как они закончили все приготовления, — что мы остановились на месте старого индейского города.

— Почему ты так думаешь? — спросил Базиль.

— А я вижу какие-то кучи, поросшие сорной травой и вереском. Это могилы индейцев или сгнившие бревна домов, которые когда-то стояли здесь. Об этом можно судить и по деревьям. Взгляните вокруг... Заметили вы что-нибудь особенное в этих деревьях?

— Ничего, — ответил Франсуа. — Ничего, за исключением того, что они в большинстве своем маленькие и низкие.

— Мне кажется, я все их видел и раньше, — сказал Базиль. — Здесь и тутовые деревья, и темные деревья грецкого ореха, и дикая слива, и папайя, и оранжевое дерево, и орешник гикори, и пиканы, и медовые локустовые деревья. Больше я ничего не вижу, кроме винограда и больших магнолий. Я видел все эти деревья и прежде.

— Да, — ответил Люсьен. — Но видел ли ты когда-нибудь, чтобы они росли вот так — все вместе?

— А, это другое дело! Кажется, нет...

— Это потому, — продолжал Люсьен, — что, как мне кажется, здесь были когда-то поселения индейцев. Эти деревья или другие, от которых они произошли, выросли здесь не сами, они были посажены индейцами.

— Но, Люс, — перебил Франсуа, — я никогда не слышал, чтобы у индейцев в этих местах были такие большие поселения. Ведь эти низкие леса простираются на несколько миль вниз по реке. Они должны были культивировать уж очень большую площадь.

— Я думаю, — отвечал Люсьен, — индейцы, которые сейчас заселяют этот район, никогда не сажали эти деревья. Вероятнее всего, это поселение древнего племени натчезов.

— Натчезов! Но ведь это название города на Миссисипи. Я не знал, что существовали индейцы, которые так назывались.

— Сейчас их нет, но когда-то большое племя, занимавшее всю территорию Луизианы, носило это имя. Говорят, что, подобно мексиканцам и перуанцам, они сделали большие успехи в цивилизации: знали, как ткать материю и возделывать почву. Теперь этот народ вымер.

— Как же это случилось?

— Никто не может сказать. Некоторые старые испанские авторы утверждают, что это племя было уничтожено индейцами Южной Америки. Эта версия, однако, совершенно нелепа, как и большинство того, что было написано этими старыми испанскими авторами, книги которых можно рассматривать скорее как детский вымысел, чем как произведения разумных людей. Гораздо более вероятно, что натчеzy были завоеваны другими индейскими племенами — криками и чикасавами, пришедшими с запада, и что остатки этого племени смешались и затерялись среди завоевателей. Таким образом, мне кажется, и исчезло это племя. Почему же это не может быть одним из их древних поселений, а деревья — остатками садов, которые они обрабатывали, выращивая фрукты или для каких-нибудь других целей?

— Но мы из таких деревьев извлекаем мало пользы, — заметил Франсуа.

— Что ты говоришь! — воскликнул Базиль. — Ты, Франсуа, который каждый год съедаешь столько орехов гикори, и пиканы, и красной шелковицы! Ты, который любишь сочные фрукты, как опоссум! «Мало пользы»!

— Да, это правда, — ответил Франсуа. — Но мы не разводим эти деревья — мы находим их в лесу, где они растут сами по себе...

— Потому что, — прервал его Люсьен, — у нас есть преимущество перед индейцами. Мы ведем торговлю, мы получаем другие, лучшие сорта плодов из всех частей земного шара. У нас есть хлебные злаки, пшеница, рис и многое другое, чего не было у них, — поэтому мы можем обойтись без этих деревьев. А у индейцев — другое дело. У них был только маис, и, как и всем людям, им хотелось разнообразия. Эти деревья предоставляли им такую возможность... Индейские племена, жившие в тропиках, имели достаточно разнообразную пи-

щу. Действительно, ни один другой народ, не знающий торговли, не был более обеспечен плодоносящими растениями и деревьями, чем аптеки и другие племена юга. У племени натчезов, однако, и у тех, кто живет в зоне умеренного климата, были свои растения и деревья вроде тех, которые находятся перед нами, и от них люди и получали необходимую пищу и лакомые фрукты и напитки. Первые колонисты поступали так же, а многие поселенцы отдаленных районов и по сей день используют эти продукты природы.

— Не правда ли, Базиль, было бы интересно, — сказал Франсуа, обращаясь к старшему брату, — если бы Люсьен дал нам ботаническое описание всех этих деревьев и рассказал об их применении? Он ведь все это знает.

— Да, — ответил Базиль, — расскажи, пожалуйста.

— С удовольствием, — сказал Люсьен. — Но это не будет ботаническое описание в соответствии со школой Линнея¹, что вас скоро утомит и не прибавит вам знаний. Я расскажу только то, что сам знаю о свойствах этих деревьев и их применении. Заметьте, что не существует ни одного дерева или растения, которое бы не предназначалось природой для какой-нибудь цели. Если бы ученые-ботаники посвятили побольше своего времени изучению вопросов практического использования растений, их труды принесли бы колоссальную пользу всему человечеству.

Давайте начнем с шелковицы, поскольку ее особенно много вокруг. Если бы я взялся рассказать вам все, что известно об этом ценном дереве, это заняло бы весь день или даже больше. Я изложу вам лишь самое важное.

Шелковица была известна еще древним грекам. Мы знаем несколько видов этого рода. Без сомнения, в неисследованных странах встречаются и другие виды шелковицы, которых ботаники или совсем не знают, или еще не описали. То же можно сказать и о других деревьях,

¹ Карл Линней (1707—1778) — выдающийся шведский естествоиспытатель, создавший систему классификации растительного и животного мира.

так как мы каждый день слышим о новых разновидностях, открытых предприимчивыми исследователями.

Итак, первой идет белая шелковица. Это наиболее важная разновидность из всех известных нам. Вы легко согласитесь с этим, когда я скажу вам, что весь наш шелк добывается от шелковичных червей, живущих именно на этом дереве. Оно называется белой шелковицей по цвету его ягод, которые, однако, не всегда белые — иногда они бывают пурпурные или черные.

Дать точное описание белой шелковицы трудно, так как, подобно яблоням и грушам, существует много ее разновидностей, происходящих от тех же семян, и, кроме того, это зависит от разницы в почве и климате. Однако можно сказать, что шелковица небольшое дерево, редко достигающее сорока футов высоты. Оно ветвисто, и листья у него плотные, мясистые.

Самой важной частью шелковицы являются листья, так как именно ими питается шелковичный червь. Правда, шелковичный червь может питаться листьями и остальных разновидностей шелковицы, так же как и листьями многих других растений: вязов, фиговых пальм, латука, свеклы и эндивия, — но тогда шелк получается более низкого качества. Даже другие породы самой белой шелковицы дают разное качество этого замечательного материала.

Шелковица имеет и другое применение: ее древесина плотная и тяжелая, один кубический фут ее весит сорок четыре фунта. Во Франции шелковицу часто употребляют в токарном деле; из нее делают винные бочки, так как она придает белым винам приятный аромат фиалок. Из веток делают подпорки для винограда и изгороди, а из коры — путем процесса, который у меня нет времени описывать, — можно выделять материю, почти такую же тонкую, как сам шелк. Ягоды белой шелковицы, растущей в теплом климате, очень вкусные, и из них можно делать отличный сироп.

Предполагают, что белая шелковица впервые была вывезена из Китая, где ее и сейчас можно найти дикорастущей. Китайцы первыми стали культивировать ее для разведения шелковичных червей еще за две тысячи

семьсот лет до нашей эры. Теперь это дерево можно найти повсюду: оно используется или в декоративных целях, или для производства шелка.

Следующая разновидность — это черная шелковица, называемая так по цвету ягод: они темно-пурпурные, почти черные. Этот вид происходит из Персии, но сейчас, как и белая шелковица, встречается во всех цивилизованных странах. Ее культивируют не столько для разведения шелковичных червей, сколько как декоративное и тенистое дерево. Хотя в некоторых странах, особенно в холодном климате, где другие виды не приживаются, ее разводят и на корм шелковичным червям.

Черную шелковицу легко отличить от белой. Кора черной шелковицы намного грубее и темнее; древесина ее не такая твердая и тяжелая, как у белой, но тоже очень прочная и употребляется в Англии для обручей, колес и шпангоутов¹ небольших кораблей. В Испании, Италии и Персии в качестве корма для шелковичных червей предпочитают листья черной шелковицы. Эти листья едят также коровы, овцы и козы. Особо приготовленные корни применяются как глистогонное средство. Ягоды имеют приятный, ароматный вкус; их можно есть и сырыми и в виде варенья; если их смешать с сидром, получается приятный напиток. Греки гонят из этих ягод прозрачную слабую водку, а французы делают вино; но его надо пить, пока оно молодое, так как оно скоро превращается в настоящий уксус. Эти ягоды полезны при лихорадке и ревматизме. Их с жадностью поедают всякие птицы — как дикие, так и домашние.

Это о белой и черной шелковице. Теперь переходим к третьей разновидности — красной.

— Красная шелковица перед вами, — продолжал Люсьен, показывая на дерево, на которое он уже обращал внимание своих братьев. — Ее называют красной из-за ягод, которые, как вы знаете, темно-красного цвета и очень напоминают красную малину. Некоторые из этих деревьев, как видите, около семидесяти футов вы-

¹ Шпангоуты — балки, служащие основанием для накладки бортов корабля.

сотой, хотя обычно они несколько ниже. Обратите внимание на листья. Они имеют сердцевидную форму; многие из них десяти дюймов в длину и почти такой же ширины. Листья темно-зеленые и шершавые, и в тех местах, где растет белая шелковица, шелковичные черви не едят их; однако красная шелковица дает чудесную тень, и в этом одно из применений этих красивых деревьев. Ягоды тоже, по-моему, — и, я думаю, Франсуа согласится со мной, — не уступают по вкусу лучшей малине. Что касается стволов этого дерева, то их часто используют в кораблестроении в Южных штатах. Древесина красной шелковицы бледно-лимонного цвета и считается более подходящей по прочности для нагелей¹, чем любое другое дерево, за исключением локусты. Красная шелковица, так же как белая и черная, бывает разных пород, значительно отличающихся друг от друга.

Кроме того, есть еще четвертый вид этого рода, называемый бумажной шелковицей. Этот вид, однако, выделен ботаниками в другой род. Она заслуживает особого внимания, потому что это очень любопытное и ценное дерево, или, скорее, кустарник, так как оно не такое высокое, как три предыдущих дерева.

Родина бумажной шелковицы — Китай, Япония и острова Тихого океана, но ее, как и другие шелковицы, разводят в декоративных целях и в Европе и в Америке. Ее ягоды алого цвета и круглые, а не продолговатые, как у настоящей шелковицы, — и в этом одна из причин, почему ее выделили в самостоятельный род. Листья бумажной шелковицы непригодны для шелководства, но являются хорошей пищей для скота, и, поскольку это дерево растет быстро и имеет густую листву, некоторые говорят, что его надо разводить для корма скота вместо травы. Не знаю, делали ли уже такую попытку...

Самой интересной частью бумажной шелковицы является ее кора, которую употребляют для изготовления бумаги как в Китае, так и в Японии. Из нее делают красивую, так называемую индийскую бумагу для гравюр и тонкую белую ткань, которую носят жители островов

¹ Нагели — стержни для скрепления деревянных частей корабля.

Согласия и которая так поразила европейцев, когда они впервые увидели ее.

Можно было бы подробно рассказать о том, как делают эту ткань и бумагу, но это заняло бы сейчас слишком много времени.

Существует еще один род деревьев, сильно напоминающих шелковицу. Эти деревья ценятся за их древесину, которая дает хорошую желтую краску, известную под названием «желтое дерево». Дерево, из которого можно сделать лучшую из этих красок, — «красящий тут». Оно растет в Вест-Индии и в тропиках Америки, но его разновидности есть и в Северных штатах, хотя уже более низкого качества; из них добывают заменитель желтой краски, которая идет на продажу.

Вот и все о шелковице. Боюсь, братья, что у меня осталось мало времени, чтобы рассказать о других.

— О нет, времени достаточно! — сказал Базиль. — Нам больше ведь нечего делать. Лучше мы поучимся у тебя, чем слоняться без дела. И, честное слово, Люс, ты гаставишь меня заинтересоваться ботаникой!

— Очень рад, — ответил Люсьен. — Я считаю, что это чрезвычайно полезная наука не только с точки зрения ее пользы для всяких ремесел и производства, но и для самого изучающего ее, так как, с моей точки зрения, это повышает культуру человека.

Люсьен хотел продолжать свое описание деревьев, но ряд происшествий прервал разговор на эту тему.

Г л а в а X I

ЦЕПЬ РАЗРУШЕНИЙ

Прямо перед палаткой, совсем близко от нее, между двумя деревьями протянулись плети дикого винограда. Это были большие камедные деревья, и ползучие растения, которые переплелись между стволами, образовали своими темными листьями непроницаемую сетку. Между листьями виднелись цветы; их было так много, что они почти закрывали листву, и казалось, будто

между деревьями натянут яркий ковер. Цветы были разных расцветок: некоторые — белые, как звездочки, но в большинстве это были большие алые колокольчики бигнонии.

Франсуа, слушая своего брата, время от времени поглядывал в том направлении, как бы любуясь цветами. Вдруг, прервав разговор, он воскликнул:

— Посмотрите туда: колибри!

В Америке не так часто можно видеть колибри, как это предполагают по рассказам путешественников. Даже в Мексике, где существует много их пород, вы не каждый день увидите колибри. Правда, вы можете их просто не заметить, если только не ищете их специально. Это такие крохотные существа и они так быстро летают, порхая с цветка на цветок, с дерева на дерево, что вы можете пройти мимо и вовсе не увидеть их или принять за пчел. А в Соединенных Штатах, где до сих пор известна только одна порода колибри, увидеть их — большая редкость, и это обычно вызывает интерес. Поэтому в восклицании Франсуа звучало удивление и удовольствие.

— Где они? — с живостью спросил Люсьен, поднимаясь.

— Вон там, — ответил Франсуа, — около бигнонии. Мне кажется, я вижу нескольких.

— Осторожно, братья, — сказал Люсьен. — Приблизимся тихонько, чтобы не спугнуть их. Мне хочется понаблюдать за ними.

Говоря это, Люсьен осторожно продвигался вперед. Базиль и Франсуа следовали за ним.

— А, — воскликнул Люсьен, когда они подошли ближе, — теперь я вижу одну! Это рубиновая колибри. Она пьет сок бигнонии. Они любят эти цветы больше всех остальных. Смотрите, она забралась внутрь цветка. Вот она вылезла обратно! Послушайте, какой звук издают ее крылышки: как жужжанье большой пчелы. Отсюда и их название — «жужжащие птички». Посмотрите, как блестит у нее горлышко — прямо как рубин!

— Вон и другая! — воскликнул Франсуа. — Взгля-

ните наверх! Эта не такая красивая, как первая. Она другой породы?

— Нет, — ответил Люсьен, — это самка той же породы. Но ее оперение не такое яркое, и ты можешь заметить, что грудка у нее не рубиновая.

— Больше я не вижу колибри, — сказал Франсуа после некоторого молчания.

— Я думаю, тут только две, — заметил Люсьен: — самец и самка. Сейчас период выведения птенцов. Несомненно, где-то поблизости у них гнездо.

— Попробуем поймать их? — предложил Франсуа.

— Это можно бы сделать, будь у нас сеть.

— Я могу застрелить их дробью.

— Нет, нет, — сказал Люсьен, — самая маленькая дробинка разорвет колибри на куски. В них иногда стреляют семенами мака или водой. Но не нужно, я хотел бы понаблюдать за ними так. Я хочу удостовериться в одном своем предположении. А вы пока поищите гнездо — у вас зоркие глаза. Вы найдете его поблизости, в какой-нибудь обнаженной развилке, но не в ветвях или листьях.

Базиль и Франсуа принялись искать гнездо, а Люсьен продолжал наблюдать за поведением крошечных пернатых созданий. Наш молодой натуралист хотел удостовериться, едят ли колибри и насекомых или они питаются только цветочным нектаром. По этому вопросу между орнитологами шел спор

Пока Люсьен стоял и смотрел, прилетел, жужжа, большой шмель и уселся на цветок. Едва его ножки коснулись ярких лепестков, как самец колибри напал на него, словно маленькая фурия. Враги вместе вылетели из цветка, продолжая на лету свою борьбу. После короткого состязания шмель пустился наутек и улетел с сердитым жужжанием, которое, конечно, происходило оттого, что, улетаая, он еще быстрее работал крылышками.

Крик Франсуа известил, что гнездо обнаружено. Оно помещалось в развилке низкой ветки, но яиц в нем еще не было, иначе обе птички не летали бы вдаль от него.

Братья внимательно осмотрели гнездо, но не тронули его. Оно было свито из тонких нитей испанского мха, которыми и было прикреплено к ветке, а внутри выложено шелковистым пухом анемона. Гнездо представляло собой полушарие в один дюйм диаметром, открытое сверху, и было такое маленькое, что, если бы это был кто-нибудь другой, а не зоркий Франсуа — знаменитый птицелов и открыватель гнезд, он принял бы его просто за выпуклость на коре дерева.

Все трое вернулись, чтобы продолжать наблюдение за птичками, которые, не заметив, что возле их гнезда побывали люди, по-прежнему порхали среди цветов. Мальчики подкрались как можно ближе, прячась за ползучими растениями. Люсьен был ближе всех; его лицо находилось в нескольких футах от крохотных созданий, и он мог наблюдать за каждым их движением. Вскоре он был вознагражден зрелищем, разрешившим вопрос, который его интересовал.

Внимание Люсьена было привлечено роем синекрылых мушек. Они летали среди цветов, то садясь отдохнуть, то перелетая с одного на другой. Он видел, что птички несколько раз бросались на мух с открытым клювом и хватали их.

Итак, вопрос был решен: колибри питаются насекомыми.

Через некоторое время самка колибри улетела к своему гнезду, оставив самца среди цветов.

Любопытство мальчиков было удовлетворено, и они уже хотели вернуться к палатке, когда Люсьен вдруг сделал им знак и шепнул, чтобы они молчали. Франсуа первый заметил то, что вызвало странное поведение брата, а потом и Базиль.

Какое мерзкое существо они увидели!

Притаившись в листве, то подползая боком, то делая короткие прыжки и затем снова прячась, ползло отвратительное существо. Оно было примерно такого же размера, как и птички, но выглядело далеко не так же. Тело его состояло из двух соединенных в середине частей и все было покрыто красновато-коричневой шерстью, или волосами, которые стояли вертикально, как

щетина; так же волосаты были все его десять длинных кривых лап. Спереди у него было двое щупалец, загнутых, как клешни, а сзади — два длинных рога, и, если бы не поблескивающие глазки, было бы трудно различить, где голова, а где хвост. Безобразное тело цвета ржавчины, волосатые лапки — все это придавало существу поразительно злобный вид, каким обычно отличаются все представители рода пауков.

— Прыгающий тарантул! — шепнул Люсьен братьям. — Смотрите, он охотится за колибри.

Это было очевидно. Шаг за шагом, прыжок за прыжком — паук приближался к цветам, где находилась птичка. Тарантул жадно следил за ней и всякий раз, когда она взлетала, отрываясь от цветка, припадал, прячась в листе. Когда же птичка садилась и была поглощена едой, притаившееся существо старалось сократить расстояние между ними быстрой перебежкой или прыжком, а затем снова пряталось в ожидании следующего удобного случая.

Так как птичка часто порхала вокруг цветов, пауку приходилось все время менять направление в своем преследовании. Птичка после одного из коротких взлетов устроилась над цветком бигонии, прямо перед тем местом, где притаился тарантул. Она не вошла в чашечку цветка, а оставалась над ней, балансируя на своих трепещущих крылышках, в то время как ее длинный цепкий язычок высасывал мед. Она не пробыла в этом положении и нескольких секунд, как тарантул прыгнул вперед и схватил ее своими щупальцами. Птичка отчаянно чирикнула, как раненый сверчок, и заметалась. Ее крылышки были еще свободны, и мальчики ожидали, что она унесет паука, который обхватил ее тельце. Однако случилось по-другому.

После того как птичка отлетела на несколько футов от цветка, стало видно, что ее полету вдруг начало что-то мешать, и, хотя она все еще держалась в воздухе, кидаясь во все стороны, было ясно, что что-то мешает ей улететь совсем. Внимательно приглядевшись, мальчики заметили, что между нею и деревьями тянется тонкая, будто шелковая ниточка. Это была паутина, и

она-то и не позволяла жертве унести тарантула в воздух. Крылышки скоро перестали двигаться, и оба они — и птичка и паук — повисли на конце паутины. Так они висели в воздухе несколько мгновений.

Мальчики видели, что птичка мертва и тарангут впился своими челюстями в ее сверкающее горлышко.

Франсуа хотел броситься и уничтожить убийцу, но Люсьен, который был слишком рьяным натуралистом, чтобы позволить кому-нибудь прервать свои наблюдения, удержал нетерпеливого братишку, и все трое продолжали стоять неподвижно.

Тарантул начал раскачиваться на своей паутине — он хотел утащить добычу в ветви дерева, где у него было гнездо. Мальчики взглянули наверх. Там, в тенистом уголке, между большой лианой и стволом камедного дерева, была натянута паутина; туда-то и полз паук со своей бездыханной жертвой.

Наблюдая за тарантулом, мальчики вдруг увидели блестящий предмет, который двигался по неровной коре лианы. Поскольку растение имело почти фут в диаметре и цвет его был красновато-коричневый, это существо было сразу заметно на темном фоне, так как отливало яркими красками. Это было животное из породы ящериц, и если какая-нибудь ящерица может считаться красивой, то эта принадлежала к их числу.

Животное, как мы уже сказали, отличалось чрезвычайно яркой окраской. Вся спина его была золотисто-зеленая и переливалась, как изумруд; зеленовато-белого брюшка не было видно, так как животное лежало на лиане, — виднелась лишь часть туловища, окрашенная в чисто зеленый цвет. Особенно бросалось в глаза раздувшееся ярко-красное горло животного; при свете солнца оно казалось разрисованным киноварью. Глаза сверкали огнем; их радужная оболочка напоминала полированное золото, в середине которого блестели, как бриллианты, маленькие зрачки. Передние лапки были такого же цвета, как туловище. На концах пальцев были плоские расширения. Строение лапок и раздутое горло указывали на род, к которому принадлежало данное животное: аноли из семейства игуан — единственная

разновидность аноли, обитающая на территории Соединенных Штатов.

Все эти сведения Люсьен сообщил братьям шепотом, пока они наблюдали за животным, притаившимся на лиане. Базиль и Франсуа и раньше видели представителей этой породы и знали, что это зеленая ящерица, или «хамелеон», как его иногда называют. Животное было не более шести дюймов длиной, и по крайней мере две трети длины занимали большая голова и тонкий, как кнут, хвост.

Аноли двигался вверх по лиане, извивающейся между деревьями. Он не видел мальчиков, или, во всяком случае, не обращал внимания на их присутствие, — это храброе животное не боится человека. Все это время он не видел и тарантула. Но, продвигаясь вверх, аноли вдруг заметил, как тот карабкается по своей шелковой лестнице. Аноли сразу остановился и припал к лиане. Цвет его внезапно изменился: красное горло стало белым, затем пепельно-бледным, а ярко-зеленый цвет тела постепенно перешел в темно-коричневый, напоминающий ржавчину, и скоро уже стало трудно различить животное на коре лианы. Если бы глаза наблюдателей не были прикованы к ящерице, можно было бы предположить, что она исчезла совсем.

После того как аноли пробыл несколько секунд в неподвижности, у него, казалось, созрел план атаки. Было ясно, что он собирается напасть на паука, который, так же как мухи и другие насекомые, является его обычной пищей. Он перебрался на противоположную сторону лианы и продолжал двигаться вверх, подбираясь к гнезду тарантула. Одним рывком аноли достиг своей цели, хотя все время полз вверх ногами. Это он мог сделать при помощи плоских расширений на концах пальцев, благодаря которым ящерицы из рода аноли могут двигаться вверх по отвесным стенам, по стеклу окон и даже по гладкому потолку.

Несколько мгновений аноли лежал тихо, притаившись в ожидании, когда паук приблизится, а тот, занятый своим делом, и не предполагал, что рядом находится в засаде враг. Тарантул, несомненно, предвкушал

удовольствие папиться крови колибри, которую тащил в свое темное шелковое жилище. Но ему не суждено было добраться туда. Когда тарантул был уже в нескольких дюймах от входа, аноли высочил из-за ветки, схватил паука своими широкими челюстями, и все трое — ящерица, паук и птичка — упали на землю. При падении тарантул выронил птичку. Между ящерицей и тарантулом произошла в траве короткая борьба. Тарантул сражался яростно, но не мог сравниться с противником, который вскоре откусил ему ноги, и от паука осталось только беспомощное, недвижимое туловище. Потом аноли схватил свою жертву за голову, вонзил в нее острые зубы и таким образом прикончил тарантула.

Замечательнее всего было то, что, когда аноли прыгнул на свою добычу, его яркие краски вернулись подобно вспышке молнии: спина снова стала зеленой, а горло — красным, пожалуй еще более ярким, чем прежде. Теперь он тащил паука по траве, явно пробираясь к находившейся вблизи гряде гнилых деревьев, наполовину скрытых ползучими растениями и вереском. Очевидно, там было его жилище.

На этот раз Франсуа не пытался и не имел желания вмешиваться. Он рассматривал смерть тарантула как справедливую кару. Кроме того, аноли, благодаря тому, что они обладают красивой окраской и ловкостью и не причиняют вреда человеку, пользуются всеобщей любовью. Дело в том, что Франсуа, так же как и его братья, часто наблюдал, как это маленькое существо прыгает среди листвы и кормится мухами и другими насекомыми, но никогда раньше не видел это пресмыкающееся в такой ярости.

Мальчики одобряли аноли за то, что он убил страшного тарантула, и не хотели мешать ему унести добычу. Однако было суждено, чтобы препятствие возникло с другой стороны. Франсуа, зоркие глаза которого приглядывались ко всему окружающему, вдруг воскликнул:

— Посмотрите, братья, посмотрите: ящерица-скорпион!

Базиль и Люсьен взглянули туда, куда показывал Франсуа, — на ствол дерева, мимо которого сейчас полз хамелеон. В двадцати футах от земли в дереве было темное круглое отверстие — очевидно, бывшее гнездо красногрудого дятла. Однако птицы, свившие это гнездо, покинули его, так как теперь оно было занято существом совсем другого рода — ящерицей-скорпионом, чья красная голова и коричневая шея торчали в этот момент из дупла.

Каждый, кто путешествовал по бескрайним лесам Америки, знаком с подобной картиной, так как это пресмыкающееся можно часто видеть в таком положении. Редко встречается более неприятное зрелище. Ящерица-скорпион, с ее красной головой и оливково-коричневым телом, — очень некрасивое пресмыкающееся, но, когда оно вот так выглядывает из своей мрачной норы в стволе дерева, поводя из стороны в сторону острой мордочкой, на которой зловеще поблескивают злые глазки, трудно представить себе более отвратительное существо.

Двигающаяся голова ящерицы-скорпиона и привлекла внимание Франсуа. Она поворачивалась то вправо, то влево, когда пресмыкающееся высовывалось из дупла и глядело вниз. Животное смотрело на землю под деревом и явно собиралось спуститься. Шуршанье аноли по сухим листьям привлекло его внимание.

Вдруг ящерица-скорпион появилась на дереве и прижалась к коре. Задержавшись на мгновение, она быстро пробежала по стволу вниз и прыгнула на аноли. Последний, так неожиданно атакованный, выронил паука и сначала хотел отступить. Если бы он это сделал, ящерица-скорпион не последовала бы за ним, так как единственной ее целью было отнять добычу. Аноли, однако, мужественное животное, и, видя, что противник немногим крупнее его самого, он повернулся и приготовился к сражению. Горло аноли раздулось до предела и стало еще ярче.

Оба находились теперь друг перед другом в угрожающих позах на расстоянии дюймов двенадцати. Глаза противников сверкали, раздвоенные языки были вы-

сунуты и блестели на солнце, а головы то поднимались, то опускались, как у боксеров, вышедших на ринг.

Вот они кинулись друг на друга, разинув пасти, и стали кататься по земле, взмахивая хвостами; затем снова разошлись и приняли прежнюю вызывающую позу. Так они сходились и расходились несколько раз, и ни один из них, казалось, не мог взять верх.

Уязвимым местом зеленой ящерицы аноли является ее хвост. Это такая чувствительная часть тела, что даже от слабого удара маленького прутика хвост отделяется от туловища. Ящерица-скорпион, казалось, знала об этом, так как несколько раз пыталась обойти своего противника сзади, или, как говорится у военных, «зайти ему в тыл», и явно стремилась атаковать его с хвоста. Аноли, в свою очередь, прилагал все усилия, чтобы не быть обойденным «с фланга». Как ни старалась ящерица-скорпион, противник каждый раз встречал его своей алой грудью.

Поедино длился несколько минут. Маленькие существа эти проявляли такую ярость, как будто бились два крокодила. Наконец аноли начал сдавать. Горло его побледнело, зеленый цвет стал менее ярким, и стало ясно, что силы покидают его. Тогда ящерица-скорпион сделала прыжок и перевернула его на спину. Прежде чем аноли успел вскочить, противник схватил его хвост и откусил у самого туловища. Бедняга, чувствуя, что потерял больше половины своей длины, пустился наутек и спрятался в валежнике.

Как оказалось впоследствии, аноли посчастливилось, что он убежал, хотя бы и изуродованный; да и для ящерицы-скорпиона лучше было бы оставаться в своей норе. Сражаясь, они отдалились от того места, где началась их битва, и оказались под раскидистой шелковицей. И тут внимание мальчиков было привлечено каким-то движением в листве дерева. В следующее мгновение там мелькнуло что-то красное, и с дерева свесился предмет в фут длиной и толщиной с трость. Блестящая чешуя и то, что предмет извивался, ясно говорили о том, что это змея.

Она стала медленно опускаться, и скоро из листвы уже был виден целый ярд ее тела. Остальная часть тела змеи была скрыта густой листвой; хвостом она, несомненно, обвилась вокруг ветки. Та часть тела змеи, которая была видна, была кроваво-красного цвета, а живот, или нижняя часть, — намного бледнее.

— Смотрите, — тихо сказал Франсуа, — какая красная змея! Я никогда еще не видел таких.

— Я тоже, — отозвался Базиль.

— И я, — сказал Люсьен. — Но я слышал о них. Я легко узнаю ее по описаниям. Это красная змея Скалистых гор.

— О, — заметил Базиль, — я слышал рассказы о ней от охотников!

— Да, — добавил Люсьен, — это редкая порода, и встречается она только на Дальнем Западе... Смотрите, скорпион хочет убежать! И аноли тоже убегает. Без хвоста!

Ящерица-скорпион увидела длинное красное тело змеи, висящее над ней, и побежала, стараясь спрятаться в траве. Вместо того чтобы броситься к какому-нибудь дереву, где ее могло бы спасти то, что она проворнее змеи, испуганная ящерица растерялась и выскочила на открытое место. Змея спустилась с шелковицы и поползла за своей жертвой, высоко подняв голову и открыв пасть. Через одну — две секунды она догнала ящерицу.

Люсьен был в восторге от только что полученного интересного урока естествознания и опять удержал Франсуа, хотевшего выбежать вперед. Мальчики придвинулись немного ближе, чтобы получше рассмотреть движение змеи. Они старательно прятались за листьями и кустами.

Змея, убив ящерицу-скорпиона, осталась на земле и, вытянувшись на траве, начала пожирать ее. Змеи не пережевывают пищу — их зубы для этого не приспособлены, они могут ими только хватать и убивать. Красная змея не ядовитая, и поэтому у нее нет таких длинных зубов, как у ядовитых змей. Вместо них у нее имеется двойной ряд острых зубов. Она очень проворна и обладает достаточной силой, чтобы сжимать своими

кольцами, чего не может делать почти ни одна ядовитая змея. Как и все другие, она глотает добычу в том виде, в каком убивает, — целиком.

Так вела себя и эта змея. Поместив ящерицу прямо перед собой, она разинула пасть во всю ширину, взяла в рот ее голову и начала постепенно заглатывать. Это была любопытная операция, и мальчики с интересом наблюдали за ней.

Но и другие глаза следили за пресмыкающимся. Его яркое, кроваво-красное тело, лежащее на траве, бросилось в глаза зоркому врагу, темная тень которого скользила сейчас по земле. Подняв глаза, мальчики обнаружили птицу, которая кружила в воздухе. По ее снежно-белой голове и груди, широко раскинутым заостренным крыльям и, самое главное, по длинному раздвоенному хвосту они с первого же взгляда определили, что это за птица. То был вилохвостый коршун.

Он кружил, или, вернее, летел по спирали, постепенно снижаясь и сужая круг. Центром этого круга было то место, где лежала змея. Приятно было видеть, как эта птица парила в воздухе. Ее полет был идеалом непринужденности и грации — в этом отношении ни одна птица не может сравниться с коршуном. Ни один взмах его больших остроконечных крыльев не выдавал того, что ему необходима их помощь: казалось, он гордится тем, что может держаться в воздухе и без них. К тому же движение крыльев, если бы он взмахивал ими, могло обратить на себя внимание намеченной жертвы и предупредить ее об опасности.

Коршун казался совсем белым, когда поворачивался к зрителям грудью, а когда наклонялся при повороте, на солнце сверкали его черная спина и пурпурные крылья.

Это было красивое зрелище, и юные охотники стояли в немом восхищении.

Базиль и Франсуа были удивлены, что коршун не бросился сразу на змею, так как полет его явно был направлен в ее сторону. Они видели, что так поступали другие хищные птицы, такие, как краснохвостый ястреб, сапсан и скопа, которые иногда бросаются на свою добычу прямо с высоты нескольких сотен футов.

Люсьен, однако, был осведомлен лучше. Он знал, что подобный подвиг могут совершать только те хищные птицы, у которых хвост сплошной, не раздвоенный, — такие, как белоголовый орлан и птицы только что упомянутых пород. Их широкие хвосты сразу пресекают движение вниз и не дают им разбиться о землю. Коршуны же не обладают этим качеством, в чем Люсьен видел чудесный закон природы — она уравнила преимущества этих двух пород птиц.

Люсьен рассуждал так.

Ястребы, хотя и очень быстро летают и в состоянии совершать большие перелеты, не могут оставаться в воздухе долго. Они скоро устают и должны время от времени отдыхать, садясь на какое-нибудь дерево. Можно заметить, что ястребы часто выбирают засохшие деревья, стоящие на открытых местах. Они делают это, чтобы листья не мешали им осматривать окрестность и выслеживать добычу. Но даже этого им недостаточно, и, чтобы лучше обнаружить ее, им часто приходится подниматься в воздух.

Коршуны же всегда, или почти всегда, находятся в воздухе. Они фактически живут в небесных просторах; даже пищу свою они поедают на лету, держа ее в когтях. Таким образом, они имеют гораздо больше возможностей увидеть свою добычу, чем их собратья из породы ястребов. Если бы коршуны обладали способностью кидаться на добычу с такой же уверенностью, как ястребы, у них было бы большое преимущество перед последними; отсутствие же этой способности уравнивает их. Как я уже сказал, Люсьен видел в этом известное «равновесие сил», которое часто наблюдают те, кто изучает природу.

Эти мысли промелькнули в голове Люсьена за те несколько секунд, которые прошли с момента, когда мальчики впервые заметили коршуна, парящего в воздухе, до того, как он пролетел над самыми кустами — так низко, что они могли различить красную радужную оболочку его блестящих глаз.

Тут только змея впервые заметила коршуна. До сих пор она была слишком занята добычей, которую нако-

пещ заглотала. Тень больших крыльев упала на освещенную солнцем траву, прямо перед глазами змеи. Она взглянула вверх и увидела своего страшного врага. Все ее длинное тело содрогнулось, и красный цвет вдруг поблек. Змея спрятала голову в траву, стараясь укрыться, но было поздно. Коршун снизился плавно и бесшумно, выпустив когти, и на мгновение замер в воздухе прямо над змеей... Когда он снова взмыл вверх, змея уже извивалась в его когтях.

Несколько взмахов сильных крыльев подняли коршуна выше самых высоких деревьев, но заметно было, что лететь ему тяжело. Он поднялся еще выше, и взмахи его крыльев стали более частыми и неровными. Очевидно, что-то затрудняло его полет. Змея больше уже не висела в когтях коршуна — она обвилась вокруг его тела. Блестящие кольца змеи, наполовину скрытые в белом оперении птицы, выделялись точно красные ленты.

Вдруг коршун беспорядочно замахал крыльями, затем одно из его крыльев исчезло из виду, и, несмотря на судорожные взмахи другого крыла, оба они — и птица и змея — тяжело упали на землю.

Они упали близко от того места, где поднялись. Ни тот, ни другая не были убиты при падении — казалось, они даже не ушиблись, так как, едва коснувшись земли, начали яростную борьбу. Птица стремилась высвободиться из обвивавших ее колец, а змея старалась удержать ее. Змея словно знала, что в этом ее единственная надежда: если бы она отпустила коршуна и попыталась уползти, тот опять схватил бы ее. Только потому, что змея спрятала голову в траву, коршуну не удалось схватить ее за шею и прикончить сразу. Возможно, что в данный момент ее противник был бы рад свести борьбу «на ничью», так как находился в еще худшем положении. При создавшейся обстановке змея бесспорно имела преимущество.

Борьба обещала быть длительной. Змея изо всех сил извивалась на земле, а птица все билась одним крылом, которое было еще свободно, и в положении сражающихся долго не было заметно никаких изменений. Они оста-

навливались, чтобы передохнуть, через каждые две—три минуты.

Как же суждено было кончиться поединку?

Коршун не мог убить змею, так как ему не удавалось достать до нее ни клювом, ни когтями. Свою первоначальную хватку он потерял при падении и теперь уже не был в состоянии возобновить ее, так как змея очень плотно обвилась вокруг его тела.

С другой стороны, змея не могла убить коршуна, потому что, хотя и обладала известной силой для того, чтобы сжать своими кольцами птицу, силы этой было все же недостаточно. Ее хватало, чтобы удержать и до некоторой степени сжать своего врага, но не хватало, чтобы раздавить и задушить его.

В этот момент оба врага хотели бы находиться как можно дальше друг от друга, но не могли разойтись, не подвергаясь каждый большой опасности.

Коршун не мог вырваться, а змея не решалась выпустить его.

Как же суждено было этому кончиться, если не вмешается какая-нибудь третья сила? Этот вопрос задавали себе наши любители приключений, с интересом наблюдая за происходящим. Они строили следующие предположения.

Борьба кончится, когда кто-нибудь из двоих умрет с голоду. Но кто погибнет первым? Хорошо известно, что коршун может прожить без пищи несколько дней. Но и змея тоже. Больше того: пресмыкающееся может прожить без пищи в десять раз дольше, чем птица, а змея только что пообедала — великолепно пообедала ящерицей-скорпионом, которая сейчас находилась еще не переваренная в ее желудке. Коршун же, очевидно, давно ничего не ел и был очень голоден, если решил попытаться съесть кроваво-красную змею в четыре фута длиной, так как его обычной пищей являются саранча, аюли и маленькие зеленые змейки. Следовательно, со всех точек зрения, у змеи было преимущество перед птицей и змея оказалась бы победительницей. Так бы и кончилось все происшествие, если бы противники были представлены самим себе.

Коршун сжимал горло врага точно

К такому заключению пришли юные охотники и, наблюдая борьбу и удовлетворив свое любопытство, хотели уже выйти из кустов и положить ей конец, когда повые действия сражающихся заставили мальчиков снова притаиться.

Коршуну удалось приблизить свою голову к голове змеи, и он ударял по ней открытым клювом, стараясь схватить ее за челюсти. Коршун лежал на спине — эти птицы лучше всего сражаются в таком положении. Змея изо всех сил старалась укусить врага и время от времени открывала пасть, обнажая двойной ряд острых когусообразных зубов. В один из таких моментов коршун нанес ей сильный удар и захватил в клюв нижнюю челюсть змеи. Та сейчас же закрыла пасть, но острые змеиные зубы не могли повредить твердый клюв, и птица не обращала на это внимания.

Коршун продолжал крепко держать змею своим мощным клювом. Теперь он завоевал преимущественное

тисками. Это положило конец борьбе.

положение. Он не собирался медлить и хотел использовать свое превосходство. Быстро перевернувшись при помощи крыла, он впился в землю когтями одной лапы и стал подтягивать голову змеи поближе к себе, пока она наконец не оказалась в пределах досягаемости другой его лапы. Затем одним яростным ударом он захватил горло врага когтями и стал сжимать его, точно тисками.

Это положило конец борьбе. Красные кольца ослабли и соскользнули. Змея еще слегка шевелилась, но это были уже предсмертные судороги. Через несколько мгновений тело ее лежало, вытянувшись на траве, без сил и без движения.

Коршун вскоре вырвал клюв из челюстей змеи, поднял голову, расправил крылья, чтобы удостовериться, что свободен, и с победным криком поднялся в воздух, а за ним потянулось, точно шлейф, длинное тело змеи.

В это время другой крик достиг ушей юных охотников. Его можно было бы принять за эхо первого крика, но он прозвучал более дико и громко. Все устремили глаза туда, откуда он послышался. Мальчики хорошо знали, кто это кричит, они слышали подобный крик и раньше. Они знали, что такие звуки издает белоголовый орлан.

Юные охотники тут же и увидели его. Он парил высоко в голубом небе, распустив большой хвост и раскинув широкие — семи футов в размахе — крылья.

Орлан летел по прямой, направляясь к коршуну, и явно желал отнять у того только что завоеванную добычу. Коршун услышал крик, прозвучавший как эхо его собственного, и, понимая его значение, сразу напряг всю силу крыльев, чтобы подняться повыше в воздух. Он, казалось, твердо решил не отдавать добычу, которая досталась ему с таким трудом, или, по крайней мере, не уступать ее без боя.

Птицам его породы иногда удается улететь от орла, то есть от некоторых орлов, так как эти царственные птицы отличаются друг от друга по скорости полета, как собаки или лошади по скорости бега. Коршуны тоже бывают разные, и тот, о котором идет речь, будучи абсолютно уверен в мощи своих крыльев, думал, наверно, что сумеет потягаться со своим преследователем, который мог оказаться слишком жирным, слишком старым или слишком молодым, для того чтобы обладать необходимыми для полета силами.

Во всяком случае, коршун решил заставить орлана погоняться за собой, предполагая, если тот догонит его, быстро положить конец преследованию, уступив врагу добычу, как частенько вынужден делать сородич коршуна — скопа. Поэтому коршун стал набирать высоту, делая круги по пятидесяти футов в диаметре.

Если коршун предполагал, что его преследователь слишком стар, молод или жирен или в какой-то мере медлителен, ему предстояло скоро в этом разувериться. Те, которые наблюдали за полетом этой птицы, не разделяли точки зрения коршуна, — наоборот, юные охотники подумали, что никогда еще не приходилось им ви-

деть более замечательного представителя орлиной породы.

У орлана было пышное оперение, а голова и кончик хвоста — белые как снег. Крылья широкие, четкого рисунка. Птица была очень большая и это доказывало, что перед ними самка, а не самец. Как ни странно, природа, кажется, изменила себе в отношении этих птиц: самки их всегда ярче по оперению, крупнее, быстрее в полете, сильнее и даже свирепее, чем самцы...

Коршун устремляется все выше, изо всех сил напругая свои остроконечные крылья, — вверх по спирали, как бы ввинчиваясь в воздух. Вверх устремляется и орлан, тоже по спирали, но более широкими кругами, которые охватывают орбиту полета коршуна. Обе птицы летят концентрическими кругами. Вот орбиты их полета пересекаются; теперь они кружат параллельно. Коршун взлетает еще выше. Преследующий его орлан тоже взмывает вверх. Они все больше приближаются друг к другу. Круги их становятся все уже, но это только кажется, так как они поднялись очень высоко. Вот коршун превратился в точку и кажется неподвижным; вот он совсем пропал из виду. Орлана еще видно, но сверкает только маленькое пятнышко, точно кусочек белого облака или снега на голубом небе, — это кончик его хвоста. Наконец и оно исчезло — и коршун и орлан словно растаяли в воздухе.

Чу! Сс-сс-ш!.. Вы слышали этот звук, точно свист ракеты? Посмотрите, что-то упало на верхушку дерева и сломало несколько веток. Смотрите, это коршун! Он мертв, и из раны на плече сочится кровь.

Чу, опять! Фш-ш-ш! Это орлан. Видите, у него в когтях змея!

Орлан камнем ринулся вниз. Полет его был так стремителен, что за ним нельзя было проследить глазом. В двухстах—трехстах ярдах от земли он расправил крылья и распустил, как веер, хвост, что сразу затормозило его движение вниз. Затем несколькими размеренными взмахами крыльев он медленно поднялся над верхушками деревьев и уселся на вершину засохшей магнолии.

Базиль схватил ружье, чтобы выстрелить. Ему нигде было спрятаться, так как дерево, на которое опустил-ся орлан, стояло на голом месте. Юный охотник знал по опыту, что приблизиться к птице верхом на лошади было единственным шансом, поэтому он выдернул колышек, к которому был привязан Черный Ястреб, и, вскочив в седло, поскакал меж кустов. Не прошло и нескольких минут, как послышался выстрел, и орлан свалился с дерева.

Это было последним звеном в цепи разрушений.

Базиль возвратился, неся большую птицу. Это была самка, как и сказал Люсьен, очень крупная — более двенадцати фунтов весом, а размах крыльев ее равнялся семи футам. Обычно вес птицы этой породы редко превышает восемь фунтов и сами они бывают небольшими.

— Какая цепь разрушений! — воскликнул Люсьен. — Одно существо служит добычей другому.

— Да, — сказал Франсуа. — И как интересно: это началось с птицы и кончилось птицей. Посмотрите на них обеих!

Говоря это, он указал на крошку-колибри и на огромного орлана, которые лежали в траве рядом и представляли собой резкий контраст по величине и внешнему виду.

— Ты забываешь, Франсуа, — сказал Люсьен, — что в этой цепи были еще два звена, а может быть, и больше.

— Какие же другие звенья? — спросил Франсуа.

— Колибри, как вы помните, подверглась нападению в то время, когда она сама являлась разрушителем — она убивала синекрылую мушку.

— Да, это, конечно, другое звено... Но кто убил орлана?

— В самом деле, это Базиль. В таком случае, он является последним звеном в цепи разрушений.

— И, может быть, самым преступным, — сказал Люсьен, — потому что ему это было меньше всего необходимо. Остальные существа руководствовались лишь инстинктом к добыванию пищи, тогда как целью Базилья было стремление к бессмысленному разрушению...

— Я не согласен с тобою, Люс! — сказал Базиль, резко прерывая брата. — Дело совсем не в этом. Я застрелил орлана за то, что он убил коршуна и отнял у него добычу, вместо того чтобы потрудиться самому и добыть себе пищу. Вот почему я добавил это звено к твоей цепи.

— С этой точки зрения, тебя, пожалуй, можно извинить, — отвечал Люсьен, улыбаясь брату. — Хотя трудно понять, почему орлан больше виноват, чем коршун: он взял только одну жизнь, так же как и коршун.

Базиль, казалось, был немного рассержен тем, что его обвинили в бессмысленной жестокости.

— Но, — возразил он, — помимо того, что орлан лишил жизни свою жертву, он обокрал ее. Он совершил грабеж и убийство, а коршун виновен только в убийстве.

— Ха-ха-ха! — рассмеялись вместе Люсьен и Франсуа. — Вот так рассуждение!

— Люс, — спросил Франсуа, — а что ты имел в виду, когда говорил, что в этой цепи могло быть еще много звеньев?

— Кто знает... может быть, синекрылая мушка сама питалась какими-нибудь другими, еще более мелкими существами, а те, в свою очередь, — другими, мельчайшими, которые, хотя и невидимы простым глазом, все же являются живыми существами. Кто знает, зачем природа создала эти существа... Чтобы они служили пищей друг другу? Вот вопрос, на который мы не можем найти удовлетворительный ответ.

— Как знать, Люс, — сказал Франсуа. — Как знать... может быть, есть еще одно звено, по другую сторону этой цепи... Базиль, а что скажешь ты? Может быть, мы еще встретимся с медведями гризли? — И Франсуа рассмеялся.

— А если это произойдет, — ответил Базиль, — скорее всего, именно ты явишься этим последним звеном.

— Не говори так! — воскликнул Люсьен. — Я надеюсь, что в нашем путешествии мы не встретим ни гризли, ни индейцев.

— А я жажду сразиться с гризли! Что касается индейцев, я ни капельки их не боюсь, пока у меня есть вот это.

С этими словами Базиль достал из-за пазухи расшитый бисером мешочек, подержал его с минуту в руках и спрятал на прежнее место.

— Базиль, ну, пожалуйста, — воскликнул Франсуа, — расскажи нам об этом мешочке! Как он сможет спасти нас от индейцев? Мне очень хочется знать.

— Не сейчас, Франсуа, — ответил Базиль снисходительным тоном старшего. — Не сейчас. Надо приготовить ужин и ложиться спать. Мы потеряли полдня, просушивая вещи, поэтому должны наверстать время, встав пораньше утром. А затем — в прерии!

— А затем — в прерии! — повторил Франсуа. — Да здравствуют прерии, мустанги, олени, антилопы и бизоны!

Глава XII

ТРИ «КРЫЛАТЫХ БИЗОНА»

На следующее утро наши путешественники снова пустились в путь, и в течение нескольких дней никаких особенных приключений с ними не произошло. Они пересекли много больших рек, среди которых можно назвать Нечес и Тринити в Техасе. Между реками Тринити и Брасос с мальчиками произошел случай, который чуть было не кончился очень печально.

В жаркие дни юные охотники обычно в полдень делали привал, чтобы отдохнуть самим и дать отдых животным. Это обычай большинства путешественников в диких местах, и он получил название «полдника».

С этой целью мальчики остановились однажды на опушке леса и спешили. Позади них был лес, сквозь который они только что проехали, а перед ними расстилалась прерия, которую они намеревались пересечь вечером, пользуясь прохладой. Поверхность прерии была совершенно гладкая и покрыта зеленым ковром бизоповой травы. Однообразие картины нарушалось лишь

время от времени попадающимися островками низкого кустарника. Вдали виднелся густой лес вечнозеленых дубов, окаймлявший прерию с противоположной стороны, и, хотя лес этот, казалось, был всего в двух — трех милях, на самом деле он отстоял от места привала не менее чем на десять миль — так обманчив прозрачный воздух этой возвышенной местности.

Местность, в которой находились сейчас мальчики, представляла собой так называемую «лесистую прерию», то есть прерию, в которой попадаются рощицы и лески.

Итак, наши путешественники только что спешились и собирались уже расседлать лошадей, когда их внимание было привлечено восклицанием Франсуа.

— Смотрите, — кричал он, указывая в прерию, — бизоны, бизоны!

Базиль и Люсьен посмотрели в указанном направлении. На гребне небольшой возвышенности виднелись три больших темных силуэта. Они двигались. Один из них был явно меньше остальных двух.

— Конечно же, это бизоны! — продолжал Франсуа. — Посмотрите, какие они большие! Это, без сомнения, два быка и корова.

Братья согласились с ним. Никто из юных охотников никогда не видел бизонов в их родной пустыне, и, конечно, у них было очень туманное представление о том, как те должны выглядеть на расстоянии.

Должно быть, это все же бизоны. Лось или олень казались бы рыжими, волки — рыжеватыми или белыми. Это не могли быть и медведи, поскольку те не стали бы ходить по прерии втроем, — если только это не гриззли, которые действительно иногда выходят на открытое место, чтобы выкопать себе репу или другие корни. Однако это маловероятно, так как гриззли почти никогда не заходят так далеко на восток. Нет, это не гриззли. Ясно, что это и не мустанги. Следовательно, это бизоны.

Как и все, кто видит бизонов впервые на их родных пастбищах, паши юные охотники пришли в сильное волнение, главным образом оттого, что встреча с этими жи-

вотными являлась основной целью их экспедиции — целью долгого и опасного путешествия.

Братья стали совещаться, как добыть этих животных. Ясно, что из трех бизонов не было ни одного белого, но это не имело сейчас значения. Нашим охотникам хотелось попробовать мяса бизонов, а погоня за этими бизонами послужила бы им хорошей практикой, которая смогла бы пригодиться потом. Но какой способ охоты применить в данном случае?

— Конечно, погоню! — заявил Франсуа с видом опытного охотника за бизонами.

В прериях существует несколько способов охоты на бизонов, применяемых как белыми, так и индейцами. Наиболее распространенный из них тот, о котором говорил Франсуа: погоня. Этот способ состоит в том, что охотник верхом на лошади просто догоняет бизона и стреляет ему в сердце. Выстрелить надо обязательно в область сердца, так как иначе вы можете пустить в тело животного хоть двадцать пуль, а бизон все-таки ухитрится уйти от вас. Охотники целятся немного выше груди и ниже плеча. Белые охотники стреляют из ружья или иногда из большого пистолета, который лучше подходит в данном случае, ибо его легче заряжать на скаку. Индейцы предпочитают лук, так как могут быстро посылать стрелу за стрелой, убивая за одну погоню сразу несколько бизонов. Индейцы так хорошо владеют этим оружием, что их стрелы иногда пронизывают тело бизона насквозь и выходят с другой стороны. Порой индейцы применяют копья, которые мечут в бизонов, поравнявшись с ними.

Другой способ охоты на этих животных называется «скрад». Он состоит в том, что охотники незаметно подкрадываются к бизонам на расстояние выстрела, затем стреляют из ружья, снова заряжают и снова стреляют, и так далее, пока не убивают многих, прежде чем животные успевают убежать. Иногда охотник подкрадывается совсем близко и, прячась за телами уже убитых им бизонов, ведет огонь, пока не уничтожает почти все стадо. В таких случаях охотник старается держаться с подветренной стороны, так как иначе эти живот-

ные, обладающие гораздо более острым обонянием, чем зрением, почуяв его, мгновенно убегают. У бизонов такое острое чутье, что они могут обнаружить врага, если он подходит с наветренной стороны, даже на расстоянии мили и более. Охотясь способом скрада, охотник иногда надевает на себя шкуру волка или оленя, и бизоны, принимая его за одного из этих животных, подпускают на расстояние выстрела.

Рассказывают, что один индеец пробрался таким образом в середину стада и из лука перестрелял всех бизонов одного за другим.

Способ скрада иногда лучше, чем погоня. В этом случае охотник бережет свою лошадь, нередко измученную, и может убить большое количество бизонов и получить много шкур, если в этом заключается его цель, как это часто бывает. Если же это только путешествие или траппер, занимающийся ловлей бобров, который просто хочет добыть себе бизона на обед и ему не нужно больше одного, погоня является наиболее верным способом. В таком случае, однако, охотник может убить лишь одного или, от силы, двух—трех, так как, пока он стреляет в одних и перезаряжает ружье, стадо разбегается, а его лошадь уже измучена и не может продолжать погоню.

Третий способ охоты на бизонов — окружение. Этот способ применяется только индейцами, поскольку белые охотники редко выезжают в прерии в таком количестве, чтобы быть в состоянии окружить стадо. Самое название почти объясняет характер этой охоты, которая производится следующим образом.

Когда отряд охотников-индейцев обнаруживает стадо бизонов, они рассыпаются и окружают стадо. Им удается достигнуть этого очень скоро на своих быстрых лошадях: как всякие охотники в прериях, будь то белые или индейцы, они охотятся, конечно, верхом. Как только круг замыкается, индейцы с громкими криками скачут внутрь круга и сгоняют всех бизонов в центр, в тесную группу. Затем индейцы набрасываются на них с луками и копьями, и каждый охотник убивает сколько может. Бизоны пугаются, мечутся туда и сюда,

и лишь немногим удастся убежать. За одну такую облаву индейцы иногда уничтожают стадо, состоящее из сотен или даже тысяч бизонов.

Индейцы совершают такое массовое уничтожение с двумя целями: во-первых, чтобы добыть мясо, которое они сохраняют путем вяления — разрезая на тонкие, длинные куски и высушивая на солнце; во-вторых, чтобы добыть шкуры, которыми они покрывают свои палатки и постели и из которых делают одежду. Много шкур индейцы меняют в факториях белых, специально для этого расположенных в отдаленных районах. Там они получают взамен жижи, ружья, пули, порох, бусы и кинжаль.

Есть еще один способ охоты на бизонов, применяемый индейцами. Он не похож на последний, только что описанный, но еще более жесток.

Большая часть мест, где водятся бизоны, представляет собой высокие нагорные прерии, которые в Азии называются «степи», а в Мексике и Южной Америке — «столовые горы» или «плато». Такие равнины поднимаются над уровнем моря на высоту от трех до шести тысяч футов.

Во многих местах этих плато имеются так называемые каньоны, или, что вернее, барранкосы, которые, вероятно, образовались под влиянием размывших их потоков воды во время дождей. Эти каньоны обычно сухие и представляют собой огромные расселины, глубина которых доходит до тысячи и более футов; они тянутся на десятки миль.

Иногда две такие расселины пересекаются, образуя треугольник или «полуостров», и путешественник, попав туда, должен повернуть обратно, поскольку он окружен пропастями, которые уходят в глубь земли. Если индейцам удастся загнать бизонов к одному из таких каньонов, они окружают животных с трех сторон и гонят к пропасти. Когда бизоны уже близко от пропасти, индейцы бросаются на них с дикими криками, и бизоны, обезумев от страха, слепо кидаются вперед. Все стадо иногда прыгает, таким образом, в пропасть. Передних подталкивают задние, а те, в свою очередь, вынуж-

дены прыгать, иначе преследующие их всадники вопзят в них копья.

Когда индейцев недостаточно много, чтобы произвести окружение, они собирают сухой помет и складывают его так, что получается нечто похожее на человеческие фигуры. Помет размещают двумя рядами, которые постепенно сближаются и ведут к обрыву. Индейцы гонят бизонов между этими двумя рядами, и животные, принимая кучи помета за людей, направляются вперед, к краю пропасти, где охотники делают шумный набег и заставляют бизонов прыгать в пропасть.

Существуют и другие способы охоты на бизонов — например, преследование их по снегу, когда охотники на лыжах легко нагоняют и убивают их. Некоторые мексиканские охотники за бизонами (называемые в южных прериях «сиболéрос») ловят бизонов при помощи лассо, но этот способ применяется не часто — обычно в тех случаях, когда охотники хотят поймать молодых телят живыми, чтобы вырастить их.

Все эти способы были известны нашим юным охотникам, то есть знакомы по рассказам — они часто слышали об этом от старых трапперов, приходивших в Луизиану и иногда проводивших ночь под кровом их отца, так как полковник очень любил принимать старых трапперов и слушать их рассказы. Именно из этого источника Франсуа и почерпнул свои знания относительно охоты на бизонов, что и заставило его гордо воскликнуть: «Конечно, погоню!»

Базиль и Люсьен задумались, не сводя глаз с трех бизонов. Их было как раз по одному на каждого охотника. Мальчики могли разделить и погнаться каждый за своим, тем более что они находились слишком далеко от какого бы то ни было укрытия и поймать бизонов способом скрада оказывалось невозможным. Кроме того, лошади были свежие, так как накануне было воскресенье, а наши путешественники взяли себе за правило всегда по воскресеньям давать отдых себе и своим животным — так им велел отец перед отправкой в путь.

Взвесив все это, юные охотники остановились на погоне, как на наиболее приемлемом способе.

Жаннет привязали к дереву и оставили позади со всей поклажей, которая еще не была снята с ее седла. Маренго, конечно, взяли с собой, так как он мог пригодиться, чтобы затравить старого бизона, если удастся его ранить. Все, что могло помешать охотникам, они оставили с Жаннет, и все трое поскакали в прерию, по направлению к животным. Мальчики договорились, что каждый наметит себе одного и затем, при помощи ружья и пистолета, сделает все от него зависящее.

Франсуа зарядил оба ствола крупной дробью и был уверен, что вот-вот подстрелит своего первого бизона.

Когда мальчики подскакали поближе, их внимание привлекло то, что тела этих странных животных блестящие. Что же это, бизоны или нет?

Братья тихо ехали вперед, внимательно вглядываясь в животных. Нет, это не бизоны. Грубая, косматая шкура бизонов не могла бы так блестеть, а шкура этих животных так и отливала на солнце при каждом движении.

— Это не бизоны, — сказал Люсьен после того, как внимательно вгляделся, приложив к глазам руку козырьком.

— Кто же это тогда? — спросил Франсуа.

— Послушайте! — ответил Люсьен. — Слышите?

Все трое натянули поводья и остановились. Они ясно услышали громкое «гобл-обл-обл».

— Клянусь жизнью, — воскликнул Франсуа, — это кричит старый индейский петух!

— Совершенно верно, — с улыбкой ответил Люсьен. — Это дикие индейки.

— Индейки? — отозвался Базиль. — Мы индеек приняли за бизонов? Какой ужасный обман!

Все трое сначала посмотрели недоумевающе друг на друга, а затем принялись от души хохотать над своей ошибкой.

— Не будем никогда никому об этом рассказывать, — сказал Базиль. — Над нами все станут смеяться.

— Нисколько, — ответил Люсьен. — Такие ошибки часто совершают и старые охотники, находясь в прерии. Это очень распространенный атмосферический обман

зрения. Я слышал о еще худших случаях — ворону принимали за бизона!

— Значит, когда мы встретим бизонов, я думаю, мы примем их за мамонтов? — заметил Франсуа.

И разочарованные охотники сосредоточили теперь все свое внимание на том, чтобы добыть всех трех «крылатых бизонов».

Глава XIII

ОХОТА ЗА ДИКИМИ ИНДЕЙКАМИ

— Вперед! — воскликнул Базиль, прищипывая коня. — Вперед! В конце концов, не так уж плохо получить на обед жирную индейку. Поехали!

— Подожди, Базиль, — сказал Люсьен. — Как мы к ним приблизимся? Они же на открытой местности — нам спрятаться негде.

— Нам не нужно никакого укрытия. Мы можем просто догнать их, как если б это были бизоны.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Франсуа. — Погоня за индейками! Но ведь они тотчас же улетят! Какие глупости ты говоришь, Базиль!

— Вовсе нет, — ответил Базиль. — Не глупости. Это можно сделать. Я часто слышал о подобных случаях от трапперов, а теперь давайте попробуем сами это сделать.

— Тогда решено, — сказали сразу Франсуа и Люсьен, и все трое двинулись вперед.

Когда мальчики подъехали достаточно близко, чтобы различить очертания птиц, они увидели, что там были два старых индюка и одна индейка. Индюки важно расхаживали, распушив хвосты, точно веера, и их крылья волочились по траве. Время от времени они издавали свое громкое «гобл-обл-обл», и по всему было ясно, что это два соперника и что дело, очевидно, кончится битвой. Самка гордо шествовала по траве, и вид у нее был спокойный и кокетливый. Конечно, она сознавала, что возбуждает горячий интерес в сердцах этих воинственных петухов. Она была намного меньше их и не столь

яркая по оперению, самцы же сверкали яркостью красок, не уступая павлинам. Их глянцевитые спины отличали на солнце металлическим блеском, и наши охотники подумали о том, что никогда еще не видели таких красивых птиц.

Поглощенные своей ссорой, индюки, конечно, дали бы возможность охотникам приблизиться на расстояние выстрела; самка, однако, была настороже и, заметив мальчиков, подняла голову с громким криком, который привлек внимание ее кавалеров. В одно мгновение индюки закрыли и опустили распущенные хвосты, сложили крылья и вытянули длинные шеи. Внешность их совершенно изменилась, и они стояли теперь прямо; каждый оказался футов пяти ростом.

— Какие красивые создания! — воскликнул Люсьен.

— Да, — прошептал Базиль. — Однако они не будут нас дожидаться, нам лучше броситься сейчас же. Ты возьми индейку, Люсьен, — твоя лошадь не такая резвая, как наши. Приготовились! Вперед!

Все трое прищипорили лошадей и рванулись вперед.

Через мгновение охотники были уже ярдах в ста от индеек. Птицы, застигнутые врасплох, пробежали несколько шагов, а затем поднялись в воздух, громко хлопая крыльями. Второпях они все трое полетели в разных направлениях. Каждый мальчик выбрал себе ту, которую намеревался преследовать, и охотился уже теперь только за ней. Базиль и Франсуа поскакали за индюками, а Люсьен спокойным галопом последовал за индейкой.

Маренго, конечно, тоже участвовал в погоне, примкнув к Люсьену: может быть, он определил, что мясо самки вкуснее, а может быть, и сообразил, что ее легче поймать, чем остальных.

Индейка летела недолго и, снова опустившись на землю, со всех ног побежала прямо к ближайшему леску. Туда направился и Люсьен. Он следовал за Маренго, который время от времени громко лаял.

Когда Люсьен въехал в лесок, он увидел, что собака стоит под большим дубом. Маренго загнал индейку на

дерево и теперь смотрел на нее, задрав морду, лая и помахивая хвостом. Люсьен осторожно подъехал к дереву, где увидел индейку, затаившуюся среди покрытых мхом ветвей дуба.

Люсьен вскинул ружье; раздался выстрел — и птица покатилась вниз, задевая за листву. Маренго кинулся к индейке, как только она оказалась на земле, но его хозяин, соскочив с лошади, отогнал собаку и поднял добычу. Птица была убита наповал.

Люсьен снова сел на лошадь. Когда он выехал из-за деревьев, он увидел Базиля, скачущего далеко в прерии. Базиль скакал во весь опор, а на некотором расстоянии впереди него был виден индюк, который распростер крылья и бежал, как страус. Оба они — и Базиль и индюк — скоро скрылись из виду за одним из лесных островков.

Люсьен стал искать глазами Франсуа. Его нигде не было видно, так как он преследовал своего индюка в том направлении, где купы деревьев стояли теснее. Решив, что нет смысла ехать вслед ни тому, ни другому, Люсьен медленно двинулся обратно — туда, где на опушке леса была привязана Жаннет. Здесь он сошел с лошади и стал поджидать братьев.

Погоня Базиля оказалась более длительной, чем он предполагал. Он выбрал самую большую птицу, которая, естественно, оказалась и наиболее сильной и выносливой. Индюк в первый же взлет пролетел расстояние около мили, а когда опустился на землю, то бежал, как испуганная кошка. Но Базиля нельзя было обескуражить, и, как следует прищипорив коня, он быстро нагнал птицу. Индюк снова взлетел и пролетел еще полмили. Опять Базиль нагнал его, и снова старый петух поднялся на воздух, но на этот раз он пролетел лишь ярдов сто и снова опустился. Базиль на своем быстром коне скоро опять догнал его. Индюк был уже не в состоянии лететь дальше. Однако бежать он мог еще довольно быстро и там, где дорога шла в гору, намного опередил лошадь. Но под гору та скакала быстрее. Так продолжалось, пока птица не начала кружить и петлять, выказывая все признаки усталости. Несколько

раз лошадь настигала индюка, но он поворачивал и менял направление.

Погоня продолжалась довольно долго. Наконец птица, совершенно измученная, припала к земле и спрятала голову и длинную шею в заросли, как страус, воображая, что таким образом укрылась от своего преследователя. Базиль натянул поводья, поднял ружье; в следующее мгновение пуля пронзила индюка, и он вытянулся мертвый на траве.

Тогда Базиль сошел с лошади и, подняв индюка, привязал его за ноги к луке седла. Для этого юноше пришлось напрячь все силы, так как птица была очень крупная и весила фунтов сорок. Затем Базиль вскочил в седло и пустился в путь... Но куда? Этот вопрос он сразу задал себе, едва лошадь сделала несколько шагов. Куда ехать?

Вдруг мозг его пронзила мысль, что он заблудился. Со всех сторон его окружали рошчи; они все походили друг на друга, а если и отличались чем-нибудь, то во время своего дикого галопа он не заметил в них никакого различия. Он не имел ни малейшего представления о том, откуда приехал, и поэтому не знал, куда ехать. Базиль ясно видел и понимал, что заблудился.

Мой юный читатель, ты не можешь представить себе, какие мысли приходят в голову тому, кто заблудился в прериях. В таком положении дрогнет сердце даже у более мужественных людей. Сильные люди трепетали, оказавшись одни в пустыне, и они имели для этого достаточно оснований, так как знали, что это часто кончается смертью. Потерпевший кораблекрушение моряк в жалкой лодчонке редко находится в худшем положении, чем путешественник, заблудившийся в открытой прерии, и многие при таких обстоятельствах лишались рассудка. Представьте же себе чувства Базиля!

Я уже говорил, что это был храбрый и выдержанный юноша. Таким он себя показал и на этот раз. Он не потерял присутствия духа. Пустив лошадь шагом, Базиль стал внимательно оглядывать прерию, но это ни к чему не привело. Место было совершенно незнакомое. Базиль громко крикнул, но не услышал ни эха, ни ответа.

Он выстрелил и стал ждать, думая, что Люсьен и Франсуа ответят ему тем же сигналом, но ответа не последовало. Он перезарядил ружье и сидел некоторое время в седле, погруженный в раздумье.

— А, вот что надо сделать! — воскликнул он вдруг, приподнимаясь на стременах. — Как я глуп — не догадался сразу! Вперед, Черный Ястреб! Мы еще не погибли!

Базиль не зря был охотником с малых лет, и, хотя его опыт охоты в прериях был невелик, ему пригодились сейчас его знание лесной охоты. Ему пришла в голову хорошая мысль: вернуться по своим собственным следам. Только это и могло спасти его.

Базиль повернул лошадь и, пристально вглядываясь в землю, медленно поехал вперед. Трава была жесткая, и следы копыт были не глубоки, но Базиль обладал глазом охотника — он умел идти по следу даже молодого оленя.

Через несколько минут Базиль приехал туда, где Люсьен убил индейку, — на земле виднелись следы крови, валялись перья. Здесь Базиль задержался немного, пока не определил направление, по которому он приблизился к этому месту.

Базиль медленно направился по старому следу. После того как он проехал некоторое расстояние, след вдруг стал расходиться в разные стороны. Базиль поехал по одному из направлений и скоро приехал обратно почти к тому же самому месту. Следы всё расходились, не отходя дальше чем на сто ярдов от места, где была застрелена индейка.

Все эти повороты молодой охотник проделывал каждый раз с величайшим старанием и терпением. Здесь сказались его рассудительность и знание охотничьего искусства, ибо, проявив он нетерпение и сделав большой круг, чтобы найти след, он мог бы попасть на свои же только что оставленные им следы и, таким образом, очутится в настоящем лабиринте.

Вскоре круги, которые Базиль делал, стали больше, и, к своей великой радости, он наконец обнаружил, что продвигается по прямой линии. Следы его пересекало

множество лошадиных следов; некоторые из них были почти такие же свежие, как следы его лошади, но они же сбили Базпля. Это были следы мустангов, и, хотя Черный Ястреб тоже не был подкован, Базиль знал следы его копыт так же хорошо, как вид собственного ружья. След арабского коня был значительно крупнее следов диких лошадей.

После того как Базиль проехал назад по своему следу около часа, все время глядя в землю, он вдруг услышал, что его назвали по имени. Подняв голову, он увидел на опушке леса Люсьена. С радостным возгласом Базиль пришпорил лошадь и поскакал вперед; однако, когда он подъехал ближе, чувство радости сменилось мучительным предчувствием. Здесь был Люсьен, здесь были Жаннет и Маренго, но где Франсуа?

— Где Франсуа? — спросил Люсьен, когда Базиль подъехал.

Базиль с трудом мог говорить — так он был взволнован.

— А разве Франсуа не возвращался? — произнес он наконец.

— Нет, — ответил Люсьен. — Я думал, он с тобой и вы вернетесь вместе. Я удивлялся, что задержало вас так долго.

— О боже, он заблудился! — воскликнул Базиль в припадке горя. — Люсьен, Люсьен, наш брат погиб!

— Погиб? Что ты хочешь сказать? — спросил Люсьен, уже думая, что на Франсуа напали индейцы или какой-нибудь дикий зверь. — С ним что-нибудь случилось? Говори, Базиль!

— Нет, нет! — ответил Базиль все еще в сильном волнении. — Он заблудился в прерии... Ах, Люс, ты не знаешь, что это такое! Это ужасно! Я тоже заблудился, но я нашел дорогу назад. А Франсуа, наш бедный маленький Франсуа, — для него нет никакой надежды, он погиб, погиб!

— Но разве ты не видел его с тех пор, как мы все трое разделились? — спросил в отчаянии Люсьен.

— Нет. Я сам заблудился и все время искал дорогу. Мне удалось вернуться только благодаря тому, что я

ехал по своему собственному следу, иначе мы могли бы никогда больше не встретиться. О Франсуа, бедный братец Франсуа, что с ним будет!

Люсьен разделял мрачные предчувствия и отчаяние брата. До этого момента он предполагал, что они отправились вместе и что-нибудь задержало их — возможно, разорвался стремянный ремень или лопнула подпруга... мало ли что, — и он начал уже волноваться, когда появился Базиль. Люсьен не знал, что это значит — заблудиться в прерии, но бессвязные объяснения Базиля помогли ему представить себе, чем это могло копчиться, и он теперь хорошо понимал положение Франсуа. Однако не время было предаваться горю. Люсьен видел, что Базиль почти лишился мужества, особенно потому, что считал себя причиной несчастья: именно Базилью принадлежала мысль погнаться за индейками, и он возглавлял погоню. Оба мальчика чувствовали, что должны немедленно что-то предпринять для спасения пропавшего брата.

— Что делать? — сказал Люсьен.

Базиль наконец пришел в себя. Надежда на спасение Франсуа вернула ему обычную энергию и мужество.

— Может быть, нам лучше остаться здесь? — спросил Люсьен, который знал, что его рассудительный брат найдет выход из положения.

— Нет, — ответил тот, — это бессмысленно. Даже я не мог бы найти дорогу обратно, если бы не следы моей лошади. Франсуа не придет это в голову, и, даже если он подумает об этом, его лошадь — мустанг, а прерия во всех направлениях покрыта следами мустангов. Нет-нет, он никогда не сможет вернуться сюда — разве только случайно, а это всего один шанс против тысячи. Мы должны отправиться на поиски. Мы пойдем по его следу. Впрочем, боюсь, что и это невозможно — здесь слишком много других следов. Но прежде чем двинуться на поиски, — продолжал Базиль, — давай попробуем все средства, которые у нас еще остались. Твое ружье заряжено?

— Да, — ответил Люсьен.

— Я выстрелю, а ты выстрели немного погодя после меня. Первый выстрел может заставить его прислушаться, и он лучше услышит второй.

Базиль поднял ружье и выстрелил в воздух. Через несколько секунд выстрелил и Люсьен, и оба стояли тихо, прислушиваясь. Сердца их громко бились.

Братья стояли так больше пяти минут. Франсуа мог бы успеть зарядить свое ружье, если бы оно было не заряжено. Но ответного выстрела не последовало.

Опять братья зарядили ружья — на этот раз порохом, положив тяжелые заряды и туго забив их, чтобы выстрелы были громче. Они выстрелили. Результат был тот же самый: никакого ответа.

— Это доказывает, что Франсуа очень далеко, — сказал Люсьен. — В этой местности звук слышен на большом расстоянии.

— Давай попробуем дать сигнал дымом, — сказал Базиль, откладывая ружье. — Собери хворосту, Люс, пока я разожгу листья.

Базиль взял несколько пыжей и, положив их на землю, сгреб в кучу сухие листья, траву и поджег их. Тем временем Люсьен собрал охапку хвороста и положил его на костер. Сверху набросали сучьев с ветками и зелеными листьями, а поверх всего — несколько пригоршней испанского мха, который здесь в изобилии свисал с дубов. Вскоре высоко в небо поднялся густой дым, и братья стояли, напряженно вглядываясь в прерию.

— Франсуа, должно быть, очень далеко, если не видят дыма, — сказал Люсьен. — Я полагаю, что дым замечен на десять миль вокруг.

— Да, по крайней мере, — ответил Базиль. — И у него не заняло бы много времени проскакать десять миль. Очевидно, погоня увлекла его очень далеко, и он, обнаружив, что заблудился в поисках дороги, мог ускакать еще дальше.

— Да, если только он не напал, как и ты, на свой собственный след, — сказал Люсьен.

— Нет, вряд ли. Бедный маленький Франсуа не догадается сделать это — у него недостаточно опыта, и, кроме того, я даже надеюсь, что он не сделал этого.

— Почему? — спросил Люсьен.

— Потому что нам будет легче отыскать его след, если он двигался прямо вперед.

— Правда, правда! — ответил Люсьен.

И оба, снова погрузившись в молчание, стали взволнованно вглядываться в прерию.

Так они стояли некоторое время, пока наконец не повернулись друг к другу с выражением разочарования на лицах.

— Он не возвращается! — печально сказал Люсьен.

— Нет. Если бы он увидел дым, он бы пустился галопом и уже давно бы вернулся. Мы должны ехать за ним.

Но тут взгляд Базиля упал на собаку. В глазах у него сверкнул радостный огонек, и весь он вдруг преобразился.

— Мы напрасно тратили время! — воскликнул он. — Скорее, Люсьен, на коня, на коня!

— Что такое? — спросил с удивлением Люсьен.

— Не спрашивай меня! Отличная мысль пришла мне в голову! Но нельзя терять ни минуты. Время дорого, едем!

— А Жаннет мы оставим здесь?

— Конечно. Франсуа может приехать.

— А если он вернется, как он узнает, куда мы уехали?

— Это правда, — ответил Базиль и задумался. — Вот что, — продолжал он: — дай мне бумаги и карандаш, а пока я буду писать, привяжи Жаннет.

Люсьен подал ему листок бумаги и карандаш, а затем принялся крепко привязывать мула к дереву. Базиль взял бумагу и написал:

«Франсуа, мы отправились по твоему следу. Жди нас около Жаннет».

Он прикрепил бумажку к стволу дерева так, чтобы она сразу бросалась в глаза, схватил ружье и, прыгнув в седло, сказал Люсьену, чтобы тот следовал за ним.

Люсьен сел на свою лошадь и поехал за Базилем. Собака Маренго бежала сзади.

ПО СЛЕДУ С ОХОТНИЧЬЕЙ СОБАКОЙ

Братья поехали прямо туда, откуда начали преследование индеек.

Отсюда Франсуа поехал налево, но там было много следов в одном и том же направлении, в том числе и следы скачущих лошадей.

— Я ведь уже сказал, — заметил Базиль, — что нам не найти его след. Тут очень трудно разобраться. Вот эти следы, должно быть, его — они выглядят свежее остальных. Попробуем идти по ним... Маренго!..

— Подожди, Базиль, — прервал Люсьен. — Последний раз я видел Франсуа вон там — он проскакал мимо того леса.

— Это уже лучше! Может быть, там его следы легче отличить от других. Вперед!

Проехав еще около ста шагов, мальчики приблизились к леску, указанному Люсьеном.

— Да, — воскликнул Базиль, — ты прав! Франсуа проезжал здесь — тут ясно видны его следы.

Базиль сошел с лошади и отдал поводья Люсьену. Он встал на колени в траве и тщательно рассмотрел отпечатки копыт один за другим.

— Так, — тихо сказал он, поднимаясь. — Я узнаю тебя среди тысячи... Приготовься к быстрой езде, — продолжал он, обращаясь к Люсьену. — Собака, конечно, помчится со всех ног, нам придется скакать во весь опор... Маренго!

Собака подбежала к юному охотнику, наклонившемуся над следом. Базиль держал в руках красное одеяло Франсуа, которое тот отвязал с лошади и сбросил, когда начал погоню. Собака понюхала одеяло, тихо скуля и поглядывая на своего хозяина умными глазами. Казалось, она понимала, чего от нее хотят.

Базиль перекинул одеяло через седло, снова наклонился, провел рукой по траве и показал жестом Маренго, чтобы он шел в этом направлении. Охотничья собака коротко залаяла, пригнула голову к земле и побежала по следу.

Базиль сейчас же вскочил в седло и, схватив поводья, крикнул брату:

— Едем, Люсьен! Мы не должны терять собаку из виду, даже если наши лошади упадут замертво. Все зависит от того, чтобы не упустить ее из поля зрения.

Оба прищипорили лошадей и галопом ринулись вперед.

— Мы должны знать, как найти дорогу обратно, — сказал Базиль, натягивая поводья, когда они проезжали мимо группы деревьев. — Нам бы самим не заблудиться!

С этими словами он надломил ветку дерева, и она повисла, раскачиваясь. Затем Базиль снова пустился галопом.

Около мили собака бежала по прямой, никуда не сворачивая: это была линия первого полета индейки. Затем направление несколько изменилось, и они снова поехали прямо.

— Второй полет, — сказал Базиль брату.

Они скакали галопом, то с беспокойством следя за собакой, то задерживаясь на мгновение у какого-нибудь приметного дерева, чтобы надломить ветку, отметив таким образом свой путь.

Наконец собака вбежала в рощицу.

— Вот! — воскликнул Базиль. — Здесь Франсуа убил индейку... Нет... — продолжал он, когда собака выскочила из рощицы снова на открытую равнину. — Нет, индейка пыталась спрятаться здесь, но ее настигли, и она полетела дальше.

Маренго пробежал по прямой, еще несколько сотен шагов, потом вдруг начал кружить по прерии.

— Остановись, Люсьен! Остановись! — воскликнул Базиль, натягивая поводья. — Я знаю, что это значит. Не наезжай на след — ты собьешь Маренго. Не мешай ему.

Через несколько секунд собака остановилась, испустила короткий вой и подкинула носом в траве какой-то темный предмет. Базиль и Люсьен наблюдали на некотором расстоянии. Они увидели, что это перья.

— Нет сомнений, именно здесь Франсуа убил пти-

цу, — сказал Базиль. — Если бы только Маренго удалось напасть на след, по которому Франсуа поехал отсюда, все было бы хорошо... Но смотри, смотри — он опять побежал!

Теперь наступило время, когда у Базиля и Люсьена еще сильнее забилося сердце. Они знали, что приближается критический момент. Если Маренго, как сказал Базиль, удастся найти след Франсуа, собака почти наверняка поведет их по этому следу. В этом были уверены оба брата, они знали способности своей собаки. Но найдет ли она этот след?

Оба чувствовали, что от этого зависит жизнь их брата, и неудивительно, что они наблюдали за каждым движением собаки затаив дыхание, сидя неподвижно и молча в своих седлах.

Через некоторое время собака отошла от перьев и снова принялась кружить по земле. Она явно волновалась. Ее сбивали с толку следы, которых было много; они то сближались, то пересекали друг друга. Собака опять подошла к месту, где была убита индейка, и, остановившись с разочарованным видом, завывала.

Базиль и Люсьен одновременно испуганно вскрикнули — они знали, что этот вой был плохим знаком; но ни один из них не сказал ни слова.

Маренго еще раз метнулся к прежнему месту, но, как и раньше, повернул и закружил по прерии.

— О боже, — воскликнул в отчаянии Базиль, — он выходит на старый след!

Так оно и было. В следующую минуту Маренго, побежав по старому следу, забежал под ногами лошадей. Вдруг он остановился, закинул голову и опять разочарованно завывал. Базиль жестом приказал собаке продолжать поиски.

Маренго побежал снова, но, как и прежде, по старому следу. Затем, видимо совсем запутавшись, забежал по земле то туда, то сюда, совершенно сбитый с толку. Братья взглянули друг на друга в отчаянии. След был потерян!

— Подожди, еще есть надежда, — сказал Базиль. — Попробуем пойти по более широкому кругу. Возьми мои

поводья, — продолжал он, спрыгивая с лошади. — Маренго! Сюда, Маренго!

Собака послушно подбежала к хозяину. Базиль, сказав Люсьену, чтобы тот следовал за ним с лошадьми, двинулся в прерию.

Базиль шел медленно, нагнувшись вперед, тщательно осматривая землю. Он двигался по неправильному кругу, большого диаметра, из того расчета, чтобы держаться снаружи того пути, который проделал Франсуа в погоне за уставшей птицей. Базиль внимательно рассмотрел расходящиеся в разные стороны следы конских копыт. Но это все было не то, что он искал. Так он прошел по кругу полмили, когда взгляд его упал на след, казавшийся свежее остальных. Базиль бросился вперед и наклонился над землей, радостно воскликнув: он узнал следы мустанга Франсуа. Он узнал их по тому признаку, который заметил еще там, где собаку впервые пустили по следу: от одного из передних копыт был отломан кусочек. Но для Маренго не это имело значение — он снова напал на правильный след и кинулся вперед по прерии, обнюхивая землю.

Базиль вскочил в седло и, махнув рукой брату, чтобы тот следовал за ним, поскакал за собакой.

Этот след шел не по прямой. Лишь в некоторых местах он тянулся прямо на протяжении сотни миль, затем вдруг сворачивал то вправо, то влево и шел зигзагами, а иногда по кругу. В одном или двух местах он пересекался. Тут собака опять чуть не сбилась.

Братья хорошо понимали, почему след был таким запутанным: бедный Франсуа плутал, не зная, куда ехать.

Еще раз след выпрямился и тянулся так больше двух миль. Франсуа явно принял здесь какое-то решение и поехал прямо, но, как заметил Базиль, он все время удалялся от их лагеря. Отсюда, поскольку след был свежий, собака побежала быстро, заставляя охотников скакать галопом. В конце концов она опять свернула направо, на запад.

Когда всадники повернули вслед за ней, они обратили внимание на небо: солнце садилось!

Тяжелое предчувствие вновь овладело ими. Мальчики знали, что на этом высоком южном плато не бывает сумерек. Если ночь будет темная, как им следовать за собакой, которая мчится с такой быстротой? Положим, Маренго разыщет след, но какой в этом толк? Франсуа лишь приобретет товарища по несчастью, но это не даст ни ему возможности найти братьев, ни им найти его.

Базиль и Люсьен поделились друг с другом этими мыслями, пока скакали рядом. Вскоре солнце село, и на траву легли тени. Становилось все темнее и темнее, и наконец стало уже трудно отличить собаку на фоне травы. Что делать? Скоро Маренго ускользнет от них, и они останутся без вожака.

— Придумал! — воскликнул вдруг Базиль.

С этими словами он прищипорил лошадь, догнал Маренго и, спрыгнув с седла, схватил собаку и задержал ее.

— Слезай, Люс! — крикнул он. — Сойди и помоги мне. Сними свою рубашку — она светлее моей.

Люсьен, еще не совсем понимая план Базиля, сейчас же снял блузу и затем рубашку из выбеленного холста в еле заметную полоску. В темноте она казалась почти белой. Базиль схватил рубашку и поспешно оторвал от нее рукава. Затем он натянул ее на Маренго и, продев передние лапы собаки в проймы, крепко завязал воротник вокруг шеи куском ремня, а на спине застегнул пуговицы. Одетый таким образом, Маренго выглядел, как обезьянка бродячих артистов, но его стало очень хорошо видно в темноте.

— Теперь, — возбужденно вскричал Базиль, — мы можем следовать за ним, даже если будет темно, как в могиле!

— Подожди минуту, — сказал Люсьен. — Давай будем действовать наверняка. Еще достаточно светло, я могу писать.

С этими словами Люсьен вынул блокнот и написал:

«Франсуа, поезжай обратно по своему следу, и ты встретишь нас. Если ты не можешь найти след, пусть Маренго ведет тебя».

Люсьен вырвал листок и подал его Базилью, который крепко привязал записку к рубашке.

Маренго опять пустили по следу, и оба брата, поспешно вскочив на лошадей, двинулись за ним.

К счастью, ночь оказалась не такой непроглядной, как они предполагали. Братья видели белую «попону» Маренго достаточно отчетливо и могли следовать за ним даже галопом. Таким образом они скакали еще около часа, причем Базиль все время отмечал путь, надламывая ветки на попадающихся по пути деревьях.

Вдруг, когда они свернули за густую рощу, что-то ярко блеснуло у них перед глазами. Это был костер; он горел под высокими деревьями. Маренго бросился прямо к нему. Опасаясь, что это, может быть, лагерь индейцев, Базиль соскочил с лошади и перехватил собаку. Юные охотники остановились, раздумывая, как лучше поступить. В этот момент огонь вспыхнул, и они увидели рядом с костром что-то пятнистое. Ура! Это стоял мустанг Франсуа.

Базиль и Люсьен бросились вперед и, к своей великой радости, тут же обнаружили Франсуа. Он сидел у костра и держал что-то над огнем.

В следующее мгновение братья были в объятиях друг друга, плача от радости. Франсуа рассказал обо всех своих приключениях. Он убил индейку, а затем заблудился и, вместо того чтобы идти обратно по своему следу, как это сделал Базиль, блуждал до самой ночи, время от времени крича и стреляя из ружья. Иногда он совсем отчаивался и тогда, отпустив поводья, долго ехал туда, куда везла его лошадь. Вконец измученный, он спешил и привязал лошадь к дереву. Надвигалась ночь, Франсуа замерз и устал. Он решил рискнуть и развел костер. По счастью, индейка все еще висела на луке его седла. Франсуа как раз только что опалил ее и поджаривал на огне, когда радостная встреча с братьями прервала это занятие.

При виде чудесной жарящейся индейки Базиль и Люсьен вдруг почувствовали, что голодны, как волки. В своем волнении они совсем и не подумали о том, что-

бы пообедать. Жаркое скоро оказалось готово, и после обильного ужина, который Маренго разделил с ними, юные охотники вбили в землю колышки, привязали к ним лошадей и, закутавшись в одеяла, уснули.

Глава XV

ЖАННЕТ И ДИКИЕ СВИНЬИ — ПЕКАРИ

На следующее утро мальчики поднялись очень рано и, наскоро зажарив остатки индейки, позавтракали и отправились в обратный путь. На собаку они уже не надеялись. След, конечно, остыл, и они боялись, что Маренго, несмотря на свое чутье, не найдет его. Юные охотники решили руководствоваться своими собственными следами и отметинами на деревьях. Поэтому они продвигались медленно и были вынуждены часто останавливаться, но они предпочли именно этот способ наиболее верный. Они знали, как им важно вернуться к Жаннет: палатка, вся провизия и вещи остались с ней.

Мальчики были в приподнятом настроении, обычном для людей, только что избежавших большой опасности, и, пока ехали, подшучивали друг над другом.

Люсьен был без рубашки, так как Маренго разорвал ее и она была теперь грязная, сырая и никуда не годилась. Это было основной темой шуток для Франсуа. Досталось и Жаннет, так как Люсьен вспомнил, что привязал ее на расстоянии фута от дерева и она, конечно, все это время оставалась голодной. Больше того, в спешке не успели снять с нее поклажу, и это, вероятно, не улучшило настроение мула.

Была середина дня, когда мальчики подъехали к месту, откуда уже стало видно Жаннет.

— Что такое? — крикнул Франсуа, который первый заметил ее из-за кустов. — Что там происходит?

Все трое остановились и смотрели недоумевающе. Представшая перед ними картина удивила бы кого угодно. Несомненно, это была Жаннет, но Жаннет в

очень странном положении. Ее копыта непрерывно мелькали в воздухе — она взбрыкивала то передними, то задними ногами; иногда все четыре ноги одновременно взлетали в воздух, и белое полотно палатки, сползшей с седла, мелькало то вверх, то вниз.

Мальчики некоторое время смотрели на эту сцену с изумлением, не лишенным страха. «Может быть, это индейцы?» — думали они.

— Нет, это волки, — сказал Базиль. — На нее напали волки! Поспешим ей на помощь!

Все трое пустили лошадей галопом и скоро были уже в нескольких сотнях ярдов от места происшествия. Теперь им стало видно землю под ногами мула: она вся кишела не волками, а животными другой породы. Животные эти с маленькими темными телами, но без хвостов, и с заостренными мордами напоминали свиней. Издали бросались в глаза белые клыки их длинных челюстей.

— Пекари! Дикие свиньи! — воскликнул Люсьен, который, хотя никогда и не видел этих животных, узнал их по описанию.

Это и действительно были дикие мексиканские свиньи.

Юные охотники не стали медлить, так как понимали, что Жаннет находится в опасности. Она все еще брыкалась и пронзительно визжала, как кошка, а дикие свиньи, хотя несколько их трупов уже лежало у ее ног, с громким хрюканьем насакивали на ноги мула, едва те касались земли.

Вокруг Жаннет толпилось около сотни свиней — земля была буквально вся покрыта их темными телами, снующими туда и сюда.

Не думая об опасности, Базиль кинулся в самую гущу, а за ним Франсуа и Люсьен. Хорошо, что мальчики были верхом, иначе они никогда не выбрались бы отсюда. Все трое выстрелили на ходу — они надеялись, что выстрелы рассеют стадо, но вскоре поняли, что ошибались, ибо, хотя каждый и застрелил по одному пекари, это не произвело должного впечатления, и в следующее мгновение кони мальчиков заскакали и запры-

Жаннет пронзительно визжала, а дикие свиньи

гали так же исповов, как Жаннет. Дикие свиньи окружили их с пронзительным хрюканьем, впиваясь клыками в ноги лошадей и подпрыгивая так высоко, что едва не доставали до самих всадников.

По счастью, братья были хорошими наездниками. Если бы хоть один из мальчиков был сейчас не на лошади, судьба его была бы решена. Юным охотникам удавалось держаться в седлах, но они не могли перезарядить ружья. Маренго, будучи старой тегасской охотничьей собакой, видел диких свиней и раньше, а теперь, благоразумно отбежав, издали поглядывал на эту сцену.

Братья скоро поняли, что бессмысленно оставаться здесь, и приготовились отступать. Базиль заставил свою лошадь подъехать к дереву и охотничьим ножом перерезал лассо, которым была привязана Жаннет. Затем, крикнув Люсьену и Франсуа, чтобы они ехали за ним, пустился галопом через прерию.

с громким хрюканьем насакивали на нее.

Наверно, никогда еще ни один мул не был так рад освободиться от привязи, как Жаннет, и никогда еще мул не пользовался своими ногами с большим успехом. Жаннет мчалась по прерии, как будто за ней гнался сам черт. Но если и не черт, то, во всяком случае, целое стадо диких свиней кинулось за ней вдогонку; их было множество, они хрюкали и визжали на бегу.

Лошади легко опередили пекари, так же как и Маренго, но Жаннет была еще в опасности. Она около двух суток ничего не ела и не пила и сильно ослабела. Кроме того, ноги ее были изодраны клыками диких свиней, а палатка, которая съехала и волочилась теперь за ней по земле, очень мешала ей бежать.

Это последнее обстоятельство в конце концов оказалось спасительным для мула, так как дикие свиньи, нагнав Жаннет, схватили висящую палатку и стянули ее с седла. Палатка упала, распластавшись по траве, как одеяло, и все стадо, подоспевшее к этому времени, ре-

шив, что это и есть настоящий враг, начало топтать палатку копытами и рвать зубами. Это дало Жаннет время, и она сумела им воспользоваться. Освободившись от поклажи, она пустилась быстрым галопом и скоро догнала лошадей; теперь вся кавалькада мчалась вместе, пока не оказалась на расстоянии нескольких миль от диких свиней. Тут охотники остановились разбить лагерь.

Животные были измучены, а Жаннет вообще была не в состоянии больше двигаться.

Разбить лагерь было теперь делом нехитрым — ведь они потеряли не только палатку, но и большинство своих вещей.

Что заставило пекари напасть на мула? Это явилось предметом разговоров наших путешественников, как только они пришли в себя после скачки. Они знали, что эти животные редко нападают, если их не вызвать на это. Но, очевидно, Жаннет дала им какой-то повод. Наверно, они бродили вокруг в поисках пищи и наткнулись на индеек, которых Люсьен и Базиль, в спешке оставили лежать на земле. Дикие свиньи неразборчивы в пище — они могут есть и рыбу, и птицу, и змей, и овощи — и, найдя индеек, начали пожирать их. Занятые едой, пекари подошли близко к ногам Жаннет, которая в этот момент, будучи в дурном настроении, лягнула одного из них. Это-то, очевидно, и привело к бешеной атаке всего стада.

К счастью для Жаннет, подросли ее хозяева, иначе ее старые ребра вскоре захрустели бы под клыками разъяренных животных. Дикие свиньи, или пекари, как их чаще всего называют натуралисты, обычно безвредны и, если их не трогать, редко нападают на человека. Однако если ранить хотя бы одного из них или даже если побеспокоить пекари в их логовище, они становятся свирепыми и опасными. Хотя пекари и маленькие существа, они обладают исключительной храбростью, а сильные челюсти и большие клыки делают их грозными противниками. Как и все животные из породы свиней, в ярости они не сознают опасности, и их стадо может сражаться с врагом до тех пор, пока не погиб-

нут все. Нередко дикие свиньи загоняют на дерево мексиканского охотника, и он вынужден сидеть в своем убежище часами, а иногда и днями, прежде чем осада будет снята и он получит возможность благополучно спуститься на землю.

Глава XVI

ХИТРАЯ КОШКА И КОВАРНЫЙ СТАРЫЙ ОПОССУМ

Место, где остановились наши путешественники, представляло собой частые заросли дубов и орешника. В середине роши протекал ручей, берега которого густо поросли травой. Здесь привязали лошадей. Вяленое мясо, которое служило постоянной пищей для наших охотников, упало с седла Жаннет во время ее бегства и, конечно, было потеряно. Что же добыть на обед? Это был серьезный вопрос. Базиль и Франсуа вскинули на плечи ружья и отправились посмотреть, не попадется ли им белка или какое-нибудь другое животное, которое сможет послужить пищей. Но солнце стояло еще высоко, и ни одной белки не было видно, так как эти маленькие существа днем прячутся, а выходят только утром и вечером, чтобы поест и поиграть.

Ничего не найдя в густой, тенистой роще, молодые охотники решили поискать на опушке и, пройдя около ста ярдов, увидели, что отсюда вновь начинаются прерии. Мальчики не сразу вышли из-за деревьев, так как надеялись напасть на оленя, куропаток или еще на какое-нибудь животное из тех, которые любят отдыхать на опушке. Они осторожно и тихо продвигались вперед, прячась за толстыми стволами деревьев.

Прерия тянулась ровной, гладкой пеленой — ни единой рощицы. Лишь изредка попадались одинокие деревья, да и те низкорослые, чаще всего дубки с темной корой и орешник гикори. Было видно далеко кругом, так как прерия представляла собой совершенно плоскую равнину, заросшую низкой бизоновой травой. Однако ни олени, ни какие-либо другие животные не пока-

зывались. Приглядевшись внимательнее, мальчики увидели на расстоянии около двухсот ярдов два маленьких существа, которые бегали по траве и время от времени садились на задние лапы, как обезьянки, будто разговаривая друг с другом.

— Степные собачки, — высказал предположение Франсуа.

— Нет, — сказал Базиль. — Я не вижу хвостов. У степных собачек хвосты сразу заметишь.

— Кто же это тогда?

— Я думаю, что это зайцы, — ответил Базиль, глядя на них из-под ладони.

— Зайцы? — воскликнул в удивлении Франсуа. — Но ведь эти зверюшки не крупнее крыс! Ты, вероятно, думаешь, что это зайчата?

— Нет, вполне взрослые зайцы. Это такая порода.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Франсуа. — Куда годятся твои глаза, брат! Ты думаешь, они очень далеко отсюда, не так ли? А я говорю, что они не дальше двухсот ярдов от нас, и рядом с ними даже белка покажется великаном. Нечего сказать, зайцы!

— А я все-таки остаюсь при своем мнении, — ответил Базиль, продолжая внимательно вглядываться в животных. — Хотя я и не вполне уверен... Жалко, здесь нет Люсьена! Он, наверно, смог бы сказать нам, что это за животное.

— А вот и он! — сказал Франсуа, услышав шаги Люсьена. — Посмотри туда, Люс, — продолжал он, — видишь? Базиль называет этих малюток взрослыми зайцами!

— И Базиль прав, — ответил Люсьен, присмотревшись и разглядев животных. — Это действительно взрослые зайцы.

На лице Франсуа отразилось полное недоумение.

— Если не ошибаюсь, — продолжал Люсьен, — это порода, известная среди индейцев прерий под названием «маленький заяц-вожак». Может быть, это и какой-нибудь другой вид... В Скалистых горах и в окружающих их прериях водится много пород этих зверьков, но они очень редко попадают на глаза. Мне бы хотелось

добыть шкурку одного из них. Я уверен, что папа будет очень доволен.

— А это мы можем сделать немедленно, — сказал Франсуа. — Разве нельзя сейчас же подойти поближе и подстрелить одного из них?

— Нет, — ответил Люсьен. — Они умчатся, как ветер, прежде чем ты успеешь подойти на расстояние выстрела.

— А если натравить Маренго — неужели он не поймает?

— Думаю, что нет. Кроме того, он разорвет зайца в клочки. Нет, единственный наш шанс — это остаться здесь. Они, кажется, двигаются в нашем направлении...

Все три мальчика заняли позиции за стволами больших деревьев, так, чтобы пугливые зверьки их не увидели.

А зайчики щипали траву и прыгали, постепенно приближаясь к опушке. Но двигались они наискось, и было не похоже, что они подойдут к тому месту, где стояли юные охотники. Мальчики хотели было уже продвинуться дальше вперед, навстречу зайцам, когда вдруг заметили нечто такое, что заставило их замереть на месте.

Бесшумно двигаясь среди травы и кустиков ежевики, то быстро перебегая за каким-нибудь лежащим стволом, то медленно проползая по более открытой местности, приближалось странное животное. Время от времени оно останавливалось, припадало всем телом к земле и жадно вглядывалось в прерию. Оно не видело юных охотников. Его желтые глаза были устремлены на невинные маленькие существа, резвящиеся в траве.

Животное выглядело действительно очень странно. Оно было величиной примерно с фокстерьера, но по внешнему виду не было похоже на него: рыжевато-желтый цвет, коричневые пятна по бокам и полосы по спине придавали ему вид леопарда или тигра, которых оно напоминало и своей закругленной, как бы кошачьей головой. Однако торчащие вверх уши с кисточками на концах и короткий хвост показывали, что

животное в некоторых отношениях отличалось от породы тигров. Самым достопримечательным был хвост. Он был не больше пяти дюймов длиной, круто загибался вверх и выглядел так, будто его подрезали, как обычно у фокстерьеров. Но это было не так: у животного никогда и не было хвоста длиннее пяти дюймов, и именно этот короткий хвост и толстые, неуклюжие лапы, а больше всего — торчащие, с кисточками уши, кончики которых сближались, помогли юным охотникам определить, что это рысь из породы, известной под названием «рыжая рысь», которую обычно называют в Америке «дикой кошкой». Эта рысь была техасской разновидности — темнее по цвету, чем обычная рыжая.

Рысь явно старалась подкрасться поближе к зайчикам и схватить одного, а может быть, и обоих. Она знала, что бегаёт недостаточно быстро и догнать их не сможет, поэтому старалась приблизиться настолько, чтобы прыгнуть на них. Ей до некоторой степени благоприятствовала земля, так как хотя прерия и была открытая, но высохшая, прошлогодняя трава, видневшаяся повсюду среди новой травы, скрывала тело рыси, когда та припадала к земле.

Почти по прямой между рысью и зайцами росло одинокое дерево с раскидистыми ветвями, а под деревом находился как бы маленький островок вереска и высокой травы. Очевидно, когда-то в этом месте сгнил старый ствол или труп животного и удобрил почву. Туда-то и двигались с одной стороны — рысь, а с другой — зайцы.

Зайцы подошли очень близко к зарослям вереска, и мальчики могли теперь различить их длинные торчащие уши, стройные тельца и грациозные движения. Зверьки действительно очень напоминали обыкновенных зайцев. Однако расцветка их была другая — ржаво-коричневая, книзу светлее, но нигде на всем теле животного не было видно ни единого белого пятнышка. Мальчики с удовольствием наблюдали, как эти милые существа то обгрызали траву, то делали прыжки больше фута длиной, то смешно усаживались на задние лапки. Охотники залюбовались ими. И ты, мой юный

читатель, разделил бы их мнение, если бы посмотрел на этих забавных миниатюрных зверюшек.

Вдруг мальчики увидели, что прямо против зайцев и ближе к вереску находится какой-то странный предмет. Предмет был круглый и походил на большой клубок волос или шерсти сероватого цвета, наполовину врывшийся в землю. Ни Базиль, ни Люсьен, ни Франсуа не могли сказать, был ли он там раньше. Возможно, они раньше не замечали его, так как их внимание было поглощено зайцами и рысью. Франсуа сказал, что заметил этот предмет некоторое время назад, но почти не обратил на него внимания, так как решил, что это пучок сухой травы или шаровидный кактус, который последнее время часто встречался им в прерии. Однако при ближайшем рассмотрении стало ясно, что это не растение.

Зайчики, казалось, тоже заметили его и, движимые любопытством, подошли к нему все ближе и ближе. Во внешности этого предмета не было ничего, чтобы возбудить в них тревогу. На зайцев никогда еще не нападал такой враг. По-видимому, у него не было ни зубов, ни когтей, а следовательно, им нечего было бояться.

Подбодренные отсутствием опасности и соперничая друг с другом в храбрости, маленькие существа продвигались дюйм за дюймом вперед — сначала один, потом другой, пока носы их почти не коснулись странного предмета. Вдруг тело, похожее на клубок, развернулось и превратилось в узконосое четвероногое животное, чей длинный змеевидный хвост мгновенно обвился вокруг одного из зайцев и сжал его в своих цепких объятиях. Маленькое существо издало пронзительный вопль, а его товарищ кинулся в ужасе прочь.

Опоссум — это был не кто иной, как старая самка опоссума — круто повернулся и, схватив голову зайца своими похожими на свиные челюстями, убил его одним движением. Затем, выпустив зайца из тисков, он положил его на траву и приготовился было тут же съесть. Но судьба решила иначе.

Рысь, которая кралась вперед и была уже меньше чем в двадцати футах от вереска, явилась свидетелем

этой сцены. Сначала все это ей, видимо, пришлось не по вкусу, однако через некоторое время стало казаться, что рысь скорее одобряет все происшедшее.

Очевидно, по зрелом размышлении, она решила, что так оно будет даже лучше. Опоссум избавил ее от хлопот по поимке зайца, которого рысь могла бы и не поймать. Опоссум поймал добычу, а достанется она ей, рыси.

Все эти соображения так ясно выражались во всех поступках рыси, как если бы она произнесла их вслух. Она подкрадывалась, намереваясь прыгнуть на ничего не подозревающего опоссума.

Последний, однако, прежде чем начать есть, как все, кто чувствует, что совершил преступление, поднялся во весь рост и осмотрелся, нет ли свидетелей его злодеяния. Взгляд опоссума упал на рысь, и, поспешно схватив зайца в зубы, он кинулся в заросли. Рысь, видя, что дальше прятаться бесполезно, прыгнула вперед. Спина ее выгнулась, шерсть встала дыбом. Она не сразу последовала за опоссумом в вереск, а обежала вокруг, чтобы обнаружить, куда он спрятался. Рысь боялась, что у опоссума там есть нора. Тогда прощай и заяц и опоссум! — наверно, подумала она.

Однако на самом деле это оказалось не так. Обежав вокруг зарослей, рысь храбро кинулась туда. Некоторое время не видно было ни рыси, ни опоссума. Эти заросли занимали всего несколько ярдов прерии, но представляли собой настоящую чащу, где дикий виноград, вереск и чертополох тесно переплетались под нажимом из густой листвы.

Ни то, ни другое животное не издавало ни единого звука, но движение листьев и потрескивание вереска то тут, то там говорили о том, что происходит яростная погоня; причем преследуемый был явно в лучшем положении, так как тело его было намного меньше и лучше приспособлено к тому, чтобы протискиваться в узкие места.

Эта любопытная погоня продолжалась несколько минут. Затем, ко всеобщему удивлению, опоссум выска-

чил на открытое место, все еще держа зайца в зубах. Он бросился прямо к дереву и начал карабкаться на него совсем как человек, обхватив ствол передними лапами.

Это удивило мальчиков, так как дерево было низкое, не выше тридцати футов, и юные охотники знали, что рысь тоже свободно может влезть на него.

Рысь выскочила из зарослей и одним прыжком очутилась под деревом. Она не сразу последовала за опоссумом, а остановилась на минуту, чтобы отдышаться, явно торжествуя. Она с легкостью могла вскарабкаться на дерево и чувствовала удовлетворение оттого, что теперь наверняка добьется своего.

«Наконец-то я загнала старую хитрюгу на дерево! — должно быть, сказала она себе. — Теперь я доберусь до тебя. И задам же я тебе хорошую трепку за все беспокойство, которое ты мне причинила! Погоди ж ты у меня! Я не стану есть тебя — нет, ты для этого недостаточно вкусна, но съем зайца и накажу тебя за то, что ты его поймала».

Она кинулась вверх по дереву, и кора затрещала под ее когтями.

К тому времени опоссум подобрался почти к верхушке дерева, а оттуда перешел на одну из ветвей, росших горизонтально.

Рысь пошла за ним по этой ветке и уже почти достигла своей цели, когда опоссум, вдруг обвив ветку хвостом, спустился на другую, находящуюся внизу. Рысь сначала, казалось, хотела прыгнуть за ним, но ветка была тонкая и рысь не была уверена, что сможет ухватиться за нее, — поэтому она повернула обратно, явно раздосадованная, и, спустившись по основному стволу, побежала по той ветке, на которой находился опоссум. Последний же опять спустился на другую ветку и затем, не дожидаясь своего преследователя, — на следующую, еще ниже, пока не повис на самой нижней.

Мальчики думали, что опоссум соскочит на землю и попытается спастись в лесу, однако он не имел такого намерения, так как знал, что рысь скоро поймает его,

если он попытается бежать. Данное положение было для него наиболее безопасным, и, казалось, он знал это, а потому продолжал висеть на нижней ветке, почти на самом ее конце, так что ветка сгибалась под его тяжестью. Она не выдержала бы и другого опоссума — не то что рыси, которая была намного тяжелее, и рысь, со свойственной ей зоркостью, поняла это с первого взгляда. Раздосадованная, она все же решила попытаться еще раз.

Рысь поползла по ветке с большой осторожностью. Она продвинулась, насколько было возможно, дальше и затем, протянув лапу, старалась достать до хвоста опоссума, думая, что ей удастся оторвать его от ветки. Но она потерпела неудачу. С таким же успехом она могла бы стараться разжать когти орла. Рыси удавалось лишь коснуться лапой хвоста опоссума. Тогда она взобралась на верхнюю ветку, думая таким образом приблизиться к опоссуму, но скоро поняла свою ошибку.

Она вновь побежала по ветке, на которой висел опоссум, и некоторое время казалось, что она хочет прыгнуть на него и тем самым свалить его на землю вместе с собой. Но расстояние было слишком велико, и через некоторое время рысь прокралась назад и залегла в развилке дерева.

Рысь недолго оставалась в этом положении — казалось, ей пришла в голову новая мысль.

Опоссум был не очень высоко над землей; может быть, она сможет подпрыгнуть и схватить его за нос? Во всяком случае, попытаться было нетрудно.

С этим намерением рысь спустилась с дерева и побежала к тому месту, над которым висел опоссум. Но он оказался выше, чем она предполагала, и, как в басне «Лиса и виноград», после нескольких прыжков ей пришлось отказаться от этой попытки. Однако рысь твердо решила продолжать осаду и, рассудив, что ей достаточно удобно и здесь, не полезла опять на дерево, а уселась на траву, не сводя глаз с противника.

Все это время старый опоссум спокойно висел на хвосте, держа зайца в зубах. С того момента, как он обезопасил себя, заняв эту позицию, он, казалось, со-

всем перестал бояться своего врага — наоборот, вся его внешность выражала злобное веселье, и это было так ясно зрителям, как если бы оно было выражено словами. Хитрое существо явно наслаждалось той досадой, которую оно вызывало у дикой кошки.

Время от времени опоссум как бы начинал задумываться над тем, чем все это кончится. Но рысь приняла решение долго не снимать осады, — опоссум видел это по ее морде. Следовательно, это был вопрос выдержки. Что касается опоссума, он был готов к этому и, для того чтобы лучше выдержать осаду, взял зайца в передние лапы, точно в руки, и принялся раздирать его и есть.

Это переполнило чашу терпения рыси. Она не могла больше выдержать и, неожиданно поднявшись на ноги и оцетинившись, снова кинулась на дерево и побежала по той ветке, на которой висел опоссум. На этот раз, не останавливаясь и не думая об опасности, рысь прыгнула вперед, обхватила передними лапами задние лапы опоссума и схватила его зубами за хвост. Ветка затрепала, сломалась, и они оба упали на землю.

На мгновение рысь, казалось, была оглушена падением, но тут же пришла в себя. Она поднялась, выгнула спину, как настоящая кошка, и с диким визгом кинулась на опоссума.

Рысь словно забыла о зайце, которого опоссум выронил при падении. Самым сильным чувством ее теперь была месть, бушевавшая в ней. Месть заставила ее забыть голод.

Опоссум, как только попал на землю, вдруг весь сжался в клубок и теперь выглядел точно так, как его впервые увидели мальчики. Голова, шея, лапы и хвост исчезли — ничего не осталось, кроме шара из густой шерсти. На этот шар теперь и напала дикая кошка, терзая его когтями и зубами. Она билась с ним минут десять, пока не обессилела.

Опоссум, по всей видимости, был мертв. Очевидно, так думала и рысь. Во всяком случае, она оставила его в покое. Более лакомый кусочек — заяц был у нее перед глазами. Рысь повернулась и схватила его.

В этот момент Франсуа спустил Маренго, и вся компания с криком кинулась вперед. Рысь, увидев, что путь в заросли отрезан, бросилась в прерию, но большая охотничья собака скоро нагнала ее и после короткой, но отчаянной борьбы положила конец ее браконьерству.

Юные охотники, преследуя рысь, подняли зайца, которого она выронила во время сражения. Когда погоня закончилась, они вернулись обратно к дереву, чтобы взять и мертвого опоссума, которого мальчики намеревались приготовить на ужин. К их удивлению, никакого опоссума не оказалось ни на дереве, ни в вересковых зарослях — нигде.

Хитрое создание все это время притворялось мертвым и теперь, обнаружив, что путь свободен, опять развернулось и укрылось под корнями одного из соседних деревьев.

На земле остались только труп рыси и такое же безжизненное тельце бедного маленького зайца. Наши путешественники не хотели есть рысь, хотя ее часто едят трапперы и индейцы, а заяц был так изорван, что не представлял никакой ценности.

Итак, поскольку в этой местности не нашлось никакой другой добычи, даже белки, все четверо — Люсьен, Базиль, Франсуа и Маренго — отправились спать впервые с начала путешествия без ужина.

Глава XVII

СТРАННОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ ПЕРЕД ЗАВТРАКОМ

Зато на завтрак у мальчиков было сколько угодно мяса, хотя они чуть не заплатились за него очень дорого.

Все три брата спали на земле в нескольких футах друг от друга. Палатка была потеряна, приходилось устраиваться на ночлег прямо под открытым небом. Закутавшись в одеяла, они крепко спали всю ночь под большим развесистым деревом.

Рассветало, когда что-то вдруг коснулось лба Франсуа — что-то холодное и липкое. Когда оно прикоснулось к горячей коже Франсуа, тот сразу проснулся.

Франсуа подскочил, как будто в него вонзили булавку, и так закричал, что разбудил остальных. Не змея ли? Эта мысль не оставляла Франсуа, пока он протирает глаза; когда же глаза его окончательно открылись, он увидел, как убегает какое-то существо. Оно не могло быть змеей.

— Как ты думаешь, что это было? — спросили одновременно Базиль и Люсьен.

— Я думаю, волк, — ответил Франсуа. — Я почувствовал его холодный нос. Смотрите, вон он! Смотрите, смотрите, их двое!

Базиль и Люсьен посмотрели в направлении, указанном Франсуа, и увидели двух бегущих животных. Животные по величине были примерно такие, как волки, но казались совершенно черными и совсем не похожими на волков.

Кто бы это мог быть?

Животные скрылись в темном проходе между деревьями, мальчики только мельком успели увидеть их. Кто же это? Может быть, дикие свиньи — пекари?

— Для свиней они слишком велики и неуклюжи, — сказал Люсьен.

— Может быть, это медведи? — высказал предположение Франсуа.

— Нет-нет, они недостаточно велики для медведей. Все трое недоумевали.

Мальчики сидели, высвободившись из одеял, держа ружья, — они всегда клали их рядом с собой, когда спали. Напрягая глаза, они всматривались в едва различимый просвет, где на расстоянии пятидесяти ярдов от них остановились два непонятных существа.

Вдруг прямо перед животными возникла фигура человека. Вместо того чтобы убежать от них, как ожидали мальчики, человек спокойно остановился. Затем, к еще большему удивлению мальчиков, животные приблизились и начали прыгать вокруг него, будто нападая. Но это было не так, ибо человек не сдвинулся с места,

как сделал бы тот, на кого нападают, — наоборот, через некоторое время он наклонился и, казалось, стал ласкать их.

— Человек и две собаки! — прошептал Франсуа. — Может быть, индеец?

— Может быть, это и человек, — ответил Люсьен также шепотом, — я не знаю, что это еще может быть, но те животные — не собаки, или я никогда не видел таких!

Люсьен произнес это с таким чувством и таким серьезным тоном, что братья придвинулись поближе друг к другу.

Все это время Маренго стоял рядом. Собака проснулась только тогда, когда прозвучал крик Франсуа. Маренго был измучен долгим переходом предыдущих дней и, так же как его хозяева, спал очень крепко. Одно слово Базиля остановило Маренго: он был хорошо выдрессирован и без приказанья Базиля не привык нападать ни на одно существо, даже на своих естественных врагов. Поэтому Маренго стоял тихо, пристально глядя в том же направлении, что и мальчики, время от времени издавая глухое, еле слышное рычание. Однако в его рычании звучал гнев, который показывал, что он не рассматривает эти странные существа как друзей. Возможно, он лучше остальных знал, кто это.

Три таинственных существа все еще оставались на прежнем месте, на расстоянии пятидесяти ярдов от мальчиков, но они не стояли неподвижно. Те, что поменьше, бегали по земле, то отдаляясь от большой стоящей фигуры, то возвращаясь к ней, и, казалось, ласкались, как и раньше, а фигура время от времени наклонялась, как бы для того, чтобы принять их ласки, а когда их не было рядом — чтобы собрать что-то с земли. Затем она вновь принимала вертикальное положение. Все это проделывалось в абсолютной тишине.

Было что-то таинственно-устрашающее в их поведении, и наши старые охотники наблюдали за ними не без страха. Мальчики недоумевали и боялись одновременно — они не знали, как вести себя, и разговаривали шепотом. Может быть, им подползти к лошадям, сесть

на них и ускокать? Это бессмысленно, если таинственная фигура — индеец: поблизости, без сомнения, находятся и другие индейцы, и они легко смогут выследить и догнать мальчиков. Юные охотники чувствовали, что странные существа знают об их присутствии: они не могли не слышать, как привязанные ярдах в тридцати лошади бьют копытами землю и жуют траву. Больше того, одно из этих животных коснулось и обнюхало Франсуа, так что можно было не сомневаться, что оно-то уж знает о присутствии мальчиков. Поэтому бессмысленно было пытаться убежать незамеченными. Что же тогда делать? Взобраться на дерево? Но и это мало облегчило бы положение мальчиков, и они отбросили эту мысль.

Наконец они приняли решение оставаться на месте и ждать: будь что будет — либо на них нападут таинственные соседи, либо наступление дня даст возможность понять, кто это.

Однако, когда стало светлее, ужас юных охотников не уменьшился, так как теперь они увидели, что высокая фигура обладает двумя толстыми, сильными руками, которые она держит горизонтально, забавно размахивая ими. Цвет ее показался мальчикам красноватым, в то время как маленькие животные были совершенно черные. Если бы юные охотники находились в лесах Африки, а не в лесах Северной Америки, они приняли бы ее за гигантскую обезьяну, но сейчас они знали, что этого не могло быть.

Облака рассеялись, и свет внезапно стал ярче. Теперь можно было легче различить предметы, и тайна, так долго мучившая юных охотников, была раскрыта.

Огромное, непонятное существо поднялось на дыбы и стало боком к мальчикам; его длинный, острый нос, короткие, торчащие вверх уши, грузное тело и косматая шерсть доказывали, что это не индеец и не какое-либо другое человеческое существо, а огромный медведь, стоящий на задних лапах.

— Медведица с детенышами! — воскликнул Франсуа. — Но посмотрите, — продолжал он, — она бурая, а медвежата черные как смоль.

Базиль не стал медлить. Поняв, что это за животное, он вскочил и вскинул ружье.

— Ради всего святого, не стреляй! — закричал Люсьен. — Может быть, это гризли!

Но было уже поздно. Раздался выстрел Базиля — и медведь, опустившись на все четыре ноги, затаивался по земле, трясая головой и яростно рыча. В полумраке Базиль не рассчитал и, вместо того чтобы выстрелить медведице в голову, как он намеревался, попал ей в нос. Пуля лишь царапнула ее по носу, почти не причинив вреда.

Нос медведя является наиболее уязвимым и нежным местом, и удар в нос приводит в ярость даже самого смиренного. Так случилось и на этот раз. Медведица увидела, откуда стреляли, и, несколько раз тряхнув головой, кинулась неуклюжим галопом по направлению к мальчикам.

Теперь Базиль понял, как опрометчиво он поступил, но уже не было времени выражать сожаление. Не было времени даже добежать до лошадей. Прежде чем они успеют добраться до лошадей и отвязать их, медведь настигнет их, и кто-нибудь из троих братьев сделается его жертвой.

— Лезьте на деревья! — закричал Люсьен. — Если эта медведица — гризли, то она не достанет нас. Гризли не умеют лазить по деревьям.

Говоря это, Люсьен вскинул свое короткое ружье и выстрелил в приближающегося зверя. Очевидно, пуля попала медведице в бок, так как она с рычанием повернулась и стала лизать раненое место. Это задержало ее на мгновение и дало возможность Люсьену вскарабкаться на дерево.

Базиль бросил ружье — у него не было времени перезарядить его. Франсуа, увидев огромное чудовище так близко, выронил ружье, не стреляя.

Все трое в суматохе забрались на разные деревья. То была роща из белых дубов. Эти деревья, в противоположность соснам, магнолиям и кипарисам, обычно имеют большие сучья, растущие низко и горизонтально. Такие сучья часто имеют столько же футов

в длину, сколько самое дерево — в высоту. На эти-то деревья и взобрались мальчики.

Базиль влез на дерево, под которым они спали. Оно было намного больше других. Под этим деревом медведица и остановилась: ее внимание на минуту привлекли шкуры и одеяла. Она разбросала их лапами, а затем принялась ходить вокруг дерева, глядя вверх и время от времени громко втягивая в себя воздух с таким шумом, с каким выходит пар из трубы паровой машины.

К этому времени Базиль добрался до третьего или четвертого сука от земли; он мог бы забраться и выше, но из слов Люсьена заключил, что это животное, должно быть, принадлежит к породе гризли. Красновато-бурый цвет медведицы утвердил Базиль в этом мнении: он знал, что гризли бывают разных оттенков. В таком случае, ему нечего было бояться даже на самом нижнем суку, и он думал, что нет смысла лезть выше.

Базиль посмотрел вниз. Сейчас он мог хорошо рассмотреть животное и, к своему ужасу, сразу увидел, что медведь этот не гризли, а другой породы. Его внешний вид убедил Базиль в том, что это одна из разновидностей черного медведя, представители которой лучше всех других умеют лазить на деревья. Скоро в этом уже не оставалось сомнения, когда Базиль увидел, что зверь обхватил ствол дерева огромными лапами и начал взбираться.

Это был ужасный момент. Люсьен и Франсуа оба соскочили на землю, издавая крики предостережения и отчаяния. Франсуа схватил ружье и, не колеблясь ни минуты, подбежал к дереву и всадил заряд обоих стволов в ляжку медведицы. Дробь едва ли могла пробить ее толстую, косматую шкуру — это только еще больше раздражило медведицу и заставило яростно зарычать. Она остановилась на некоторое время, как бы раздумывая, спуститься ли ей и наказать врага «в тылу» или продолжать преследовать Базилья. Шорох, производимый Базилем в ветвях над ее головой, решил дело, и медведица снова стала карабкаться вверх.

Базиль умел передвигаться по ветвям дерева не хуже белки или обезьяны. Находясь футах в шестидесяти

от земли, он перебрался на длинный сук, росший горизонтально. Базиль выбрал именно этот, так как увидел над ним другой, на который мог бы перелезть, если бы зверь последовал за ним по первому; а оттуда он думал перебраться обратно к основному стволу, прежде чем медведица догонит его и соскочит на землю. Однако он тотчас увидел, что просчитался. Сук, на котором Базиль теперь находился, под его тяжестью так отклонился от верхнего, что он не мог достать до него даже кончиками пальцев. Он повернулся, чтобы идти назад, и, к своему ужасу, обнаружил медведицу в развилке на другом конце. Она собиралась следовать за ним по суку.

Базиль не мог идти назад — так он попадет прямо в пасть разъяренного зверя. Ни внизу, ни наверху не было ни одной ветки, за которую он мог бы уцепиться, а до земли — около пятидесяти футов. Единственным способом избежать лап медведя было прыгнуть вниз, но и это означало верную смерть.

Медведь продвигался по суку. Франсуа и Люсьен кричали внизу, поспешно заряжая ружья. Они боялись, что опоздают.

Положение было ужасное, но в такие минуты ясный ум Базиля проявлялся с особой силой, и, вместо того чтобы поддаться отчаянию, юноша держался спокойно и сдержанно. Он искал выхода.

Вдруг его осенила мысль, и он крикнул стоявшим внизу братьям:

— Веревку, веревку! Киньте мне веревку! Скорее! Ради бога, скорее!.. Веревку — или я погиб!

К счастью, под деревом лежала веревка. Это было грубое лассо, которое применялось для увязывания поклажи на Жаннет. Люсьен отбросил полузаряженное ружье и, кинувшись к лассо, стал на ходу сматывать его в кольца. Люсьен умел бросать лассо почти так же ловко, как сам Базиль, а тот мог потягаться с мексиканским гаучо¹ из пампасов. Люсьен подбежал почти

¹ Гаучо — южноамериканские ковбой, смешанного испанского и индейского происхождения; ловкие наездники. В начале XIX века принимали активное участие в борьбе за независимость.

Положение было ужасное.

под самый сук, размахнулся и кинул лассо вверх. Базиль, чтобы выиграть время, перебрался почти на конец сука. Свиристый преследователь неотступно двигался за ним. Под их двойным весом сук выгнулся дугой. По счастью, это был дуб, и сук не обломился.

Базиль стоял, расставив ноги, лицом к дереву и к своему преследователю. Длинная морда медведицы находилась в трех футах от его головы, и Базиль чувствовал горячее дыхание зверя, когда тот, яростно рыча, тянулся к нему своей открытой пастью.

В этот момент кольцо лассо ударилось о сук прямо между ними и повисло. Мгновенно, прежде чем лассо успело соскользнуть обратно и упасть, юный охотник схватил его и с проворством упаковщика обвязал двойным узлом вокруг сука. В следующее мгновение, как раз, когда медведь уже протянул лапу, чтобы схватить мальчика когтями, тот спустился по лассо вниз.

Лассо не доходило до земли по меньшей мере на двадцать футов: оно было короткое, и часть его ушла на узел. Люсьен и Франсуа с ужасом увидели это, как только лассо повисло. Но они не растерялись. Когда Базиль достиг конца лассо, братья уже стояли внизу и держали, растянув, большую шкуру бизона. В нее Базиль и прыгнул и через секунду стоял на ногах цел и невредим.

Теперь наступил момент триумфа. Толстый сук, который сдерживался тяжестью Базиля и внезапно освободился, рывком взлетел вверх.

Неожиданная сила рывка оказалась слишком большой для медведицы. Она не удержалась: ее подбросило в воздух на несколько футов, и, упав с тяжелым стуком на землю, она лежала несколько минут без движения.

Однако медведица была лишь оглушена и скоро вскочила бы опять и возобновила бы нападение. Но она еще не успела встать на ноги, как Базиль схватил наполовину заряженное ружье Франсуа и, поспешно всыпав туда пригоршню пуль, выстрелил медведице в голову и убил ее наповал.

К этому времени к месту происшествия прибежали

медвежата, и Маренго, который теперь пришел уже в себя, яростно кинулся на них, чтобы отомстить за то, что был так напуган их матерью. Маленькие существа отчаянно сражались и вместе могли бы справиться с Маренго, но ружья его хозяев пришли ему на помощь и положили конец борьбе.

Глава XVIII

ПРИГОТОВЛЕНИЕ МЕДВЕЖАТИНЫ

Все трое — старая медведица и оба медвежонка — лежали теперь, вытянувшись на траве, мертвые. Редко можно было увидеть такое трио. Старая медведица весила не меньше пятисот фунтов. Ее длинная, жесткая шерсть была коричневого цвета, а у медвежат она была совсем черная. Это, однако, обычное явление, и самое замечательное то, что детеныши черного медведя часто бывают красновато-коричневого цвета, тогда как мать вся черная. Без сомнения, медвежата, после того как вырастут, становятся такого же цвета, как и вся их порода, но даже в любом возрасте медведи одной породы часто отличаются друг от друга по цвету, в зависимости от климата и других обстоятельств.

Натуралисты говорят, что в Северной Америке можно встретить только три породы медведей: черных, полярных и гризли.

Полярный медведь водится только в снежных районах, граничащих с Северным Ледовитым океаном, и никогда не заходит дальше чем на сотню миль от моря. Гризли по силе, отваге и свирепости занимает первое место в семействе медведей, превосходя даже своего белого кузена на севере. Мы позже поговорим о гризли подробнее. Сейчас же предметом нашего обсуждения является черный медведь. Он водится по всему Американскому континенту, может спокойно жить в любом климате и чувствует себя как дома и в заснеженных районах Канады и в тропических болотах Луизианы. Его можно встретить на всем протяжении от берегов

Атлантического океана до Тихого. Черный медведь живет в густых лесах и в гористых пустынных районах, где мало растительности, однако он предпочитает лесистые места, и там его можно встретить чаще.

В Америке до колонизации ее европейцами водилось очень много черных медведей. После колонизации на них усиленно охотились из-за шкур, и, конечно, медведей становится с каждым годом все меньше и меньше. Мехаовые компании за последние сто лет получили от белых и индейских охотников тысячи и тысячи медвежьих шкур. И все же этих животных еще много в диких, незаселенных местах, и даже в старых, давно заселенных штатах их можно случайно встретить в отрезанных от поселений горных районах.

Вы удивитесь, что черных медведей давно не истребили, раз они такие большие и их можно легко обнаружить и выследить, да еще поселенцы и охотники-любители считают для себя делом чести убить медведя. И размножаются они медленно: у медведицы рождается только двое детенышей, и то один раз в год. Но дело в том, что зимой, когда земля покрыта снегом и медведя легко выследить и убить, он не показывается, а лежит в спячке в своей берлоге, которая помещается или в пещере в скалах, или около упавшего дерева. Это происходит только в северных странах, где выпадает снег и зима суровая. Там медведь исчезает на несколько месяцев, прячась в темном логове и питаясь, как утверждают охотники, тем, что «сосет свою лапу». Однако я не пытаюсь подтверждать эту теорию. Все, что я могу сказать, — это что медведь удаляется в свое убежище «жирный, как масло», а выходит оттуда ранней весной «худой, как палка».

Есть еще одна интересная деталь относительно медведей, которая объясняет, почему их нелегко истребить. Она заключается в том, что старых самок никогда не убивают в тот период, когда она вынашивает детенышей, так как в это время охотники их никогда не встречают. Говорят, что по всей Америке не найдется охотника, который помнил бы, что он когда-нибудь убил медведицу с детенышами.

Не так обстоит дело с большинством других животных, как, например, с лисами и волками, которых часто убивают вместе со всем приплодом и, таким образом, сразу уничтожают многих.

Медведица рождает детенышей зимой, в глубине какой-нибудь пещеры, где она лежала, спрятавшись, задолго до этого, благодаря чему она почти никогда не делается жертвой охотников. Когда медвежата подрастают, она выводит их из берлоги и обращается с ними с трогательной нежностью. Медведица всегда готова пожертвовать для них жизнью и защищает своих детенышей с большой храбростью. Говорят, что ей иногда приходится спасать медвежат от их свирепого отца, который стремится сожрать своих детенышей, когда ему предоставляется такая возможность, но я этому не верю.

Черные медведи — всеядные. Они едят и рыбу, и мясо, и дичь, и овощи, обожают всякие ягоды и сладкие фрукты. Они сходят с ума по меду; взбираются на деревья, где водятся пчелы, и грабят их соты. Медведи выкапывают земляные орехи и степную репу, жадно вылизывают личинки насекомых, выворачивая большие стволы лежащих деревьев, чтобы достать их. На юге медведи разрушают гнезда черепах и аллигаторов, чтобы полакомиться их яйцами, а там, где есть поселения, они пробираются в поля и поедают молодые хлеба и картофель, губя посевы. Они охотно едят свиней и других животных, пожирая их мясо, если можно так выразиться, живым, поскольку они не дают себе труда убить животных, а съедают их, разрывая на куски. Медведи могут утолять голод и падалью — короче говоря, всем тем, что служит пищей любым другим существам.

Несмотря на отвратительное разнообразие их пищи, мясо черного медведя очень вкусно. Оно является деликатесом для индейцев и белых охотников; особенно ценятся большие, жирные лапы. Может быть, эти люди так любят медвежьи лапы потому, что им кажется, что сами медведи очень любят их, раз они сосут лапы во время зимней спячки.

Существует много способов охоты на медведя. Его затравливают особо выдрессированными гончими. В этом случае медведь в состоянии пробежать миль десять, если преследователи не слишком близко от него; если же медведя настигают, он нападает на собак, и, когда какая-нибудь из них подходит близко, он сбивает ее с ног одним ударом лапы.

Медведь — животное стопоходящее. Он бежит неуклюже, но, хотя кажется, что из-за огромных размеров тела он движется медленно, на самом деле это не так.

Медведь ухитряется ковылять по земле гораздо быстрее, чем это можно предположить. Он в состоянии догнать человека, идущего пешком, а человек на лошади, с собаками легко догонит его. Когда медведь видит, что не может спастись бегством, он залезает на дерево и, вскарабкавшись как можно выше, старается спрятаться в листве. Ему не часто удается это, поскольку острое чутье гончих подводит их прямо к стволу дерева, и они стоят там, лая и завывая, пока не подоспеют охотники.

Когда медведя находят на дереве, его почти всегда удается сбить выстрелом. Если медведь только ранен, он яростно сражается с собаками и охотниками, — в этом случае черный медведь вступает в борьбу с человеком; первым медведь никогда не нападет на человека. Однако, если охотник ранит медведя, тот становится опасным противником. В подобных случаях люди бывали ужасно обезображены, истерзаны и с трудом выжили. Некоторых медведь чуть не раздавил насмерть в своих «объятиях».

Черного медведя часто ловят в различные западни или капканы — например, западнями из бревен, петлями, которые завязывают на согнутых молодых деревцах, западнями из поваленных деревьев и стальными капканами. Таким образом, медведи попадают в ловушку чаще, чем рысь, лиса или волк.

Легко было бы заполнить целый том рассказами о приключениях, героем которых является черный медведь. В глухих поселках Америки о нем можно услы-

шать много интересных историй. Некоторые из них являются правдой, другие же во многом преувеличены.

Но мы сейчас не имеем возможности рассказать их все. Я привел здесь только факты, которые помогут вам узнать основное о повадках этого животного.

Большинство этих фактов Люсьен и поведал своим братьям, пока они готовили завтрак, — все трое были очень голодны, и это было первое, чем они занялись после того, как убили медведей.

Завтрак состоял из жареного медвежонка. Мальчики знали, что медвежатина, так же как и свинина, портится, если кожу содрать, и поэтому приготовили ее по индейскому способу: опалили медвежонка над огнем, а затем поджарили. Они поели с большим аппетитом, так как мясо оказалось нежным и сочным и по вкусу являлось чем-то средним между поросенком и телятиной. Маренго, конечно, тоже недурно позавтракал. Он получил столько остатков, что их хватило бы для заполнения большой корзины. Однако ног ему не досталось, как это случилось бы, если бы на завтрак готовили оленя или бизона. Наши юные охотники еще раньше пробовали лапы медвежат и поэтому сейчас приберегли эти лакомые кусочки для себя.

Позавтракав и сводив животных на водопой, братья собрались на «совет трех». Необходимо было решить, что делать дальше. Обстоятельства сильно изменились. Все их запасы — вяленое мясо, мука и кофе — были потеряны Жаннет во время ее бегства и, конечно, съедены или приведены в негодность дикими свиньями. Следовательно, добыть себе еду мальчики могли теперь лишь с помощью ружей. Потеря палатки не расстраивала их. При ясной летней погоде, которая тогда стояла, они не имели ничего против того, чтобы спать под открытым небом. Но большим лишением было то, что они остались без кофе, которое высоко ценится всеми охотниками в прерии. Однако им приходилось мириться и с этим.

Вскоре юные охотники уже должны были встретить бизонов, а имея в изобилии вкусное мясо бизонов, путе-

пешественники редко жаждут каких-либо других лакомств. Все трое были довольны, что места, где обитают бизоны, недалеко и что, держась все время на запад, они скоро увидят большие стада этих животных. Но мальчики решили действовать осторожно. Они слышали еще раньше, что большая часть этой прерии почти бесплодна. Учитывая это, юные охотники не собирались бросать мясо медведицы; они решили снять его с костей, высушить и погрузить на Жаннет взамен того груза, который она с себя сбросила.

Итак, Базиль и Франсуа принялись свежевать медведицу, а Люсьен стал собирать хворост для костра.

Мальчики намеревались остаться еще одну ночь в этом лагере: на то, чтобы срезать все мясо, требовалось не меньше дня. Медведица скоро была освежена и разрезана на тонкие ломтики и кусочки, ибо в этом и состоит способ вяления, или сохранения мяса без соли. Обычно мясо просто развешивают на пестях или веревках на жарком солнце, где оно достаточно высыхает за три дня, и можно уже не опасаться, что оно испортится.

Но наши путешественники не хотели так долго задерживаться и поэтому избрали другой способ приготовления, а именно высушивание мяса над огнем. Способ этот состоял в следующем: в земле была вырыта неглубокая яма и через нее перекинута параллельно друг другу молодые деревца. В яму бросили угли и раскаленную золу, чтобы был достаточно сильный жар. На деревца, как на решетку, положили тонкие ломтики мяса, чтобы они в одно и то же время высушивались и слегка поджаривались. Мясо, приготовленное таким способом, может сохраняться месяцами, и индейцы и белые охотники обычно поступают так, когда у них нет времени на то, чтобы проявить его как следует.

Второго медвежонка опалили и разрезали, не снимая кожи, как обычно готовят свинину. Его мясо мальчики поджарили, чтобы можно было есть сразу же, без дальнейших приготовлений.

Пока мясо сушилось, Базиль растопил немного сала в котелке, который, по счастью, оказался в числе уцелевших вещей. Этим салом, которое, уж конечно, явля-

лось самым настоящим, неподдельным медвежьим жиром, он смазал ноги бедной Жаннет, так как почти вся кожа с них была содрана дикими свиньями. Жаннет очень страдала все это время и, когда ей смазали раны медвежьим жиром, почувствовала большое облегчение.

Глава XIX

НОЧНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Настала ночь, юные охотники улеглись спать. Внезапно похолодало, и они легли ногами к костру, как обычно делают охотники, когда спят у огня. Если ноги находятся в тепле, то и всему телу тепло; но если ногам станет холодно, заснуть почти невозможно. Мальчиков холод не беспокоил, и вскоре они уже крепко спали.

Для того чтобы все время подбрасывать в яму свежие угли, они весь день поддерживали большой костер. И сейчас он все еще пылал и потрескивал. На перекладах лежало мясо, положенное для высушивания.

Никто из братьев не подумал о том, чтобы оставить дежурного. Во время ночевки в своих охотничьих экспедициях в болотах Луизианы они никогда этого не делали и решили, что и здесь это необязательно. Только страх перед индейцами заставляет путешественников в прерии выставлять на ночь часового. Но наши юные охотники боялись индейцев гораздо меньше, чем можно предположить. В этой местности никогда еще не было вражды между белыми и индейцами; кроме того, Базиль знал, что у него есть с собой знак дружбы на тот случай, если они все-таки встретятся.

Мальчики не проспали и получаса, когда их разбудило рычание Маренго. Они все сразу приподнялись и стали с беспокойством вглядываться в темноту. Они не увидели ничего необычного. В свете все еще пылающего костра вырисовывались стволы огромных деревьев, с которых свешивался серебристо-белый мох. Все пространство между деревьями было непроглядно черным и мрачным.

Ничего особенного не было и слышно. Не чувствовалось ни малейшего дуновения, и деревья стояли тихо, будто во сне. Только наверху, в листве их высоких вершин, продолжали свою музыку древесные лягушки и цикады. Среди этих разнообразных звуков можно было различить «лл-л-лак» древесной жабы, а с водяных растений, окружавших ближайший ручей, доносилось стрекотанье «сверчка саванн». Высоко в листьях дубов маленькая зеленая древесная лягушка повторяла свою звенящую, как колокольчик, ноту, которая приятно отдавалась в ушах. Но все это были обычные голоса ночи — голоса южного леса, — и они не тревожили прислушивающихся охотников. Правда, крик жабы, громкий и часто повторяющийся, предупреждал, что скоро будет дождь, а темнота неба подтверждала это предостережение.

Но ведь не эти звуки заставили Маренго вскочить с таким злобным рычанием, и мальчики продолжали настороженно прислушиваться.

Воздух в темном лесу сверкал движущимися огоньками. Тысячами летали светлячки, и их фосфорический блеск, ярче обычного, тоже говорил о приближении грозы.

Вглядевшись повнимательнее, юные охотники увидели еще какие-то огоньки, и это заставило мальчиков схватиться за ружья и держать их наготове. Эти огоньки резко отличались от светлячков: они светились низко над землей и были круглые и огненно-зеленые. Огоньки то оставались неподвижными, то исчезали, то тотчас же зажигались в другом направлении. Множество их двигалось вокруг. Это были не светлячки.

Наши юные охотники знали, что это такое. Это были глаза животных — *диких зверей!* Что это были за звери, никто из мальчиков не знал, и неизвестность приводила их в ужас. Звери могли оказаться медведями, россомахами или кугуарами.

Юные охотники разговаривали шепотом, взведя курки ружей и приготовившись к худшему. Звери, несомненно, уже заметили их — ведь братья сидели в свете костра.

Маренго стоял рядом, глядя в темноту и время от времени издавая рычание, которым он обычно предупреждал о присутствии врага. Казалось, горящих глаз становилось все больше. Вдруг ясно послышалось, что залаяла собака. Собака ли это? Нет. Долгий, протяжный вой, последовавший за лаем, показал, что это животное было не собакой, а волком — «лающим волком». Едва замолчал первый, как этот вой подхватил второй, затем третий и четвертый, и вскоре весь лес огласился отвратительным воем. Он доносился не из какого-нибудь одного определенного места, а, казалось, шел отовсюду, и, вглядываясь в темноту между деревьями, мальчики видели сверкающие глаза волков, образовавшие полный круг.

— Ба! — воскликнул Базиль, прерывая наконец молчание. — Это всего лишь стая степных волков — койотов. Кто же обращает внимание на их вой!

Все сразу успокоились. Юные охотники не боялись степных волков, которые хотя и могут с яростью напасть на какого-нибудь беднягу оленя или раненого бизона, но страшатся человека и всегда готовы улизнуть, если полагают, что человек хочет напасть на них. Это, однако, бывает редко, так как охотники в прерии не любят тратить пули на койотов и часто разрешают им идти за собой следом и безнаказанно бродить вокруг лагеря на расстоянии выстрела.

Степные волки гораздо мельче других пород волков в Америке. Они ненамного крупнее английских терьеров и хитры, как английская лиса. Их нелегко поймать в западню или в капкан, но легко загнать на лошадях с собаками. Шкура койотов тускло-рыжевато-го цвета, с примесью белых волосков. Это их обычный цвет, хотя, как и у многих иных животных, встречаются изредка экземпляры и других расцветок. Хвосты у них большие, пушистые, черные на концах и составляют примерно одну треть всего их тела. Койоты напоминают собак, которых можно найти в прериях у индейцев; без сомнения, койоты являются прародителями этих собак. Койоты встречаются по всему району Миссисипи, на запад — к Тихому океану и на юг — к Мек-

сике. Они охотятся стаями, как шакалы, и часто нападают на оленей, бизонов и других животных, с которыми, как они думают, могут справиться, но не решаются нападать на бизона в стаде, хотя стаи койотов всегда идут следом за бизонами. Койоты ждут, пока кто-нибудь отстанет — молодой теленок или дряхлый, старый бык, — тогда они нападают на него и раздирают на куски.

Койоты идут вслед за отрядами охотников и путешественников, завладевая местом стоянки, едва путешественники уходят оттуда, и поедая все оставшееся съестное. Они даже пробираются ночью в лагерь и утаскивают все, что охотник припас себе на завтрак. Это иногда приводит к тому, что возмущенный охотник перестает жалеть порох и пули и начинает стрелять, пока не уложит нескольких хищников.

В Америке койоты водятся в большем количестве, чем другие породы волков, и поэтому они часто страдают от голода — слишком много ртов и желудков должно быть накормлено. В таких случаях койоты едят даже фрукты, корни и овощи — короче говоря, все, что только может поддержать в них жизнь.

Эти волки получили название «степные» потому, что их обычно встречают в прериях на западе, хотя в американских прериях водятся и другие породы волков. Иногда их называют «лающими волками», потому что, как мы уже заметили, первые две — три ноты их воя напоминают лай собаки; однако он заканчивается продолжительным, неприятным визгом.

— Я рад, что это всего-навсего койоты, — сказал Люсьен в ответ на замечание Базиля, — а не что-нибудь похуже. Я боялся, что к нам явились с визитом наши друзья пекари.

— Ну, и это тоже достаточно плохо, — сказал Базиль. — Теперь нам придется не спать и сторожить мясо, а то эти разбойники не оставят нам к утру ни одного кусочка.

— Это правда, — ответил Люсьен. — Но нам незачем сторожить всем. Ты и Франсуа ложитесь спать, а я останусь на часах.

— Нет, — возразил Базиль, — ложитесь спать вы. Сторожить буду я.

— Братья, — сказал Франсуа, — мне совсем не хочется спать, разрешите мне подежурить! Я не подпущу их.

— Нет, нет! — воскликнули одновременно Базиль и Люсьен. — Я! Я!

Наконец согласились на том, что Базиль подежурит часа два, пока ему не захочется спать, а тогда он разбудит Люсьена, который, в свою очередь, поднимет потом Франсуа.

Договорившись так, Люсьен и Франсуа завернулись в одеяла и снова улеглись. Базиль сидел один, глядя то на огонь, то в мрачную темноту.

Люсьен и Франсуа, несмотря на заявление последнего, вскоре уже похрапывали, заснув как убитые. Накануне утром они очень рано встали из-за приключения с медведем и целый день потом работали. Надо было действительно очень хотеть спать, чтобы заснуть под такое дикое завывание.

Базиль устал не менее их и скоро почувствовал, как мучительно не спать, когда одолевает сон. Глаза волков продолжали сверкать вокруг него со всех сторон, но он боялся их не больше, чем если бы это были зайцы. Однако было очевидно, что стая очень большая. Запах медвежатины, без сомнения, заставил прибежать издалека многих койотов, помимо тех, которые следовали за мальчиками последние дни.

Наблюдая за койотами, Базиль увидел, что они осмелели и стали подходить все ближе и ближе. Наконец несколько волков подобралось к лежавшим недалеко от костра медвежьим костям и набросились на них. В полумраке Базиль видел, как хищники вдруг кинулись со всех сторон. Было слышно, как трещали кости на зубах у волков, и видно, как они дерутся и возятся около скелета медведя. Скоро это кончилось — все кости были обглоданы в мгновение ока. Волки отошли и снова рассыпались вокруг.

«Я должен получше разжечь костер, — подумал Базиль, — а то они доберутся и до меня».

Он встал и бросил несколько охапок хвороста в костер, который вскоре запылал, осветив десятки пар желтых глаз вокруг. Это помогло Базилью немного развеять сон; он снова сел к костру, но скоро опять начал дремать. Все чаще и чаще он ловил себя на том, что засыпает, и каждый раз, когда он заставлял себя проснуться, замечал, что волки подвинулись еще ближе к медвежатице. Базиль легко мог бы выстрелить в любого из них и отогнать их на время, но не хотел тратить пули и пугать братьев.

Базиль сидел, раздумывая, как заставить себя не спать. Вдруг ему в голову пришла мысль, от которой он сразу вскочил на ноги.

«Придумал! — сказал он себе, прислоняя ружье к дереву. — Я еще как следует выплюсь, несмотря на этих грязных крикунов! Странно, что нам раньше это не пришло в голову».

Базиль взял лассо и, подойдя к мясу, начал складывать куски медвежатицы на один конец веревки. Это не заняло много времени. Когда Базиль сложил все и прочно перевязал, он перекинул другой конец лассо через высокую ветку и подтянул мясо наверх, как на блоке, так что оно оказалось больше чем в десяти футах от земли; затем он привязал веревку к поваленному дереву.

— Ну, джентльмены, — пробормотал он, обращаясь к волкам, — можете бродить вокруг и выть, пока не охрипнете, но вы не заставите меня и на пять минут отложить мой отдых — ни за что!

Сказав это, Базиль улегся и закутался в одеяло.

— Ну что, господа волки? — продолжал он, увидев, что несколько койотов выбежали вперед и стали глядеть на раскачивающееся мясо. — Не правда ли, вам очень хочется достать мясо? Да? Спокойной ночи!

С этими словами Базиль рассмеялся и, вытянувшись рядом с братьями, через пять минут храпел так же громко, как они.

Но Базиль, при всей своей опытности, оказался в данном случае не так хитер, как предполагал, и волков ему перехитрить не удалось.

Видя, что Базиль уснул, они смело подвигались ближе и ближе, пока на том месте, над которым висело мясо, не набралось их несколько десятков. Они бегали взад и вперед, натыкаясь друг на друга и глядя вверх, однако не издавали ни звука, чтобы не разбудить спящих.

Некоторые волки тихо сидели, не отрывая глаз от лакомых кусочков, но не делая попыток достать их: они знали, что мясо находится вне пределов досягаемости. Это были явно наиболее старые и умные волки. Другие же показывали свою удаль, высоко подпрыгивая. Самым ловким удавалось прыгнуть так высоко, что носы их оказывались в нескольких дюймах от мяса, и они испытывали муки Тантала¹.

Один койот, лучший прыгун в стае, наконец ухитрился выхватить из связки маленький кусок, висевший ниже других. На ловкача сейчас же накинута, едва он коснулся земли, и принялись гоняться за ним и осаждают его так, что он уже был рад отдать этот кусок, лишь бы спасти свою жизнь. Однако успех койота окрылил остальных, и они продолжали прыгать, хотя и безуспешно.

Но старшим — тем, которые до сих пор только наблюдали, — пришла в голову новая мысль. Некоторые из них побежали к бревну, где было привязано лассо, и, схватив зубами лассо, стали перегрызать его. Им потребовалось немного времени, чтобы добиться своего. Минуты через две тяжелая связка мяса глухо стукнулась о спину одного из волков, заставив его страшно завывать.

Маренго, который все это время был настороже, зарычал громче обычного, и весь этот шум разбудил троих спящих. Базиль, увидев, что случилось, вскочил и, схватив ружье, побежал вперед, а следом за ним — Франсуа и Люсьен.

¹ Т а н т а л (древнегреч. миф.) — сын Зевса; за преступления против богов обречен был ими на вечные муки: мучаясь от голода и жажды, он должен был стоять по горло в воде под деревом с плодами, не будучи в состоянии достать ни воды, ни плодов.

Все трое ворвались в гущу волков, стреляя на бегу и ударяя их прикладами. Звери, конечно, бросились бежать врассыпную, но некоторые из них, убегая, все же захватили с собой лучшие куски медвежатины. Два койота были убиты выстрелами, а третьего, раненного Франсуа, догнал и растерзал Маренго.

Мясо скоро собрали, и Базиль, хотя и несколько расстроенный, но все же веря в свой план, снова перевязал мясо и подвесил его на лассо. На этот раз, однако, он закрепил конец лассо на высокой ветке дерева, и, так как волки не умеют лазить на деревья, мальчики были уверены, что, при всей своей хитрости, койоты теперь уже не смогут достать мясо.

Подбросив в костер побольше хвороста, братья снова завернулись в одеяла в надежде, что ничто больше не побеспокоит их до утра.

Глава XX

ОГНЕННОЕ КОЛЬЦО

Однако их надежды не оправдались. Бедные мальчики, им и в голову не приходило, что их ожидает! Их нервам предстояло еще большее испытание.

Волки страшно завывали вокруг лагеря, и их глаза по-прежнему сверкали во мраке. Но это не помешало бы мальчикам спать, если бы их внимание не привлек другой звук — голос совсем иного существа. Они услышали его среди воя волков и сразу узнали, так как он не был похож на голоса койотов. Звук сильно напоминал рычание сердитой кошки, но был намного громче, свирепее и страшнее. Это было рычание кутуара!

Я сказал, что юные охотники сразу узнали голос этого зверя, так как они слышали его раньше, охотясь в лесах Луизианы, хотя он и никогда не нападал на них. Однако они много слышали о кутуаре, знали о его силе и свирепости и поэтому были очень напуганы его рычанием — оно испугало бы и людей с более крепкими нервами.

Когда рычание кугуара впервые достигло их слуха, оно казалось слабым, не громче, чем мяуканье котенка. Зверь был явно далеко в лесу, но мальчики знали, что он быстро может пробежать расстояние, отделяющее его от их лагеря. Мальчики прислушались. Второе рычание прозвучало ближе. Они вскочили и снова стали слушать. В третий раз звук показался более далеким, однако это было заблуждение. Они забыли, что теперь их уши находятся дальше от земли.

Несколько секунд юные охотники стояли, глядя друг на друга с ужасом, предчувствуя недоброе. Что делать?

— Сесть на лошадей и ускакать? — спросил Базиль.

— Мы не знаем, в какую сторону ехать, — сказал Люсьен. — Мы можем угодить прямо ему в пасть!

Это было весьма вероятным, ибо замечателен тот факт, что крик кугуара, как и рычание льва, доносится как бы со всех сторон. Трудно определить, где находится животное, издающее крик. Результат ли это испуга того, кто слышит рычание, — этот вопрос еще не разрешен.

— Что нам делать? — сказал Базиль. — Забираться на дерево бессмысленно. Эти животные карабкаются, как белки. Что делать?

Люсьен стоял молча, раздумывая.

— Я читал, — сказал он наконец, — что кугуар не может пересечь огонь. Это свойство большинства животных, хотя есть и исключения. Давайте попробуем... Тс-с! Слушайте!

Все трое замолчали. Опять кугуар издал свой дикий рев, донесшийся все еще издалика.

— Слышите? — продолжал Люсьен. — Он еще далеко. Может быть, он и не сюда идет, однако лучше приготовиться, пока у нас есть время. Давайте попробуем окружить себя огненным кольцом.

Как Базиль, так и Франсуа поняли, что имел в виду их брат. Все трое бросили ружья на землю и набрали охапки хвороста. К счастью, его здесь было очень мно-

го. Несколько сгнивших деревьев давно уже упало, и их ветви, разломившиеся при падении на много частей, покрывали землю и хорошо подходили для растопки. В большом костре, который уже пылал, не было недостатка в горячих углях, и через несколько минут на земле горел полный круг костров, почти касающихся один другого.

Мальчики не теряли даром времени и трудились изо всех сил. Хорошо, что они оказались так догадливы, ибо рев кугуара, который они время от времени слышали, все приближался и теперь, разносясь по лесу, покрывал все остальные звуки. Странно, но вой волков внезапно стих, и этих существ больше не было слышно. Однако теперь слышалось другое — топот и храп испуганных лошадей. Юные охотники забыли о своих бедных четвероногих слугах. Теперь было уже поздно спасти их: кугуар находился в сотне ярдов от лагеря!

Все трое вместе с Маренго встали в огненный круг. К счастью, не было и дуновения ветра, и дым поднимался вертикально, давая мальчикам возможность дышать. Так они и стояли, сжимая в руках ружья. Вокруг них пылал и трещал огонь, но сквозь треск и шипенье горячих сучьев слышен был жуткий рев кугуара.

Теперь стало ясно, с какой стороны шел зверь; приглядываясь, юные охотники могли сквозь дым и пламя различить желтое, словно кошачье тело животного, расхаживавшего взад и вперед под висевшим мясом. Закругленная голова, длинное, худое туловище, гладкая рыжеватая шкура — здесь нельзя было ошибиться. К величайшему своему ужасу, мальчики увидели, что там было не одно, а два этих страшных существа; они расхаживали, жадно глядя на мясо.

Тут только охотники поняли, как неосмотрительно поступили, не срезав лассо. Ведь тогда кугуары, конечно, съели бы мясо и, насытившись, ушли бы прочь. Увы, эта мысль слишком поздно пришла им в голову.

Несколько минут животные продолжали ходить взад и вперед, жадно поглядывая на соблазнительную

пищу. Время от времени они подпрыгивали, стараясь схватить мясо, но их попытки были безуспешны, и они скоро отказались от этого. Один из кугуаров взобрался на дерево, на котором было закреплено лассо. Слышно было, как его когти скребут кору. Сначала он вскарабкался на ту ветку, на которой висела медвежатина. Кугуар с силой потряс ветку, глядя вниз — не упадет ли подвешенный кусок. Разочарованный, он через некоторое время перебрался на другую ветку, на которой было завязано узлом лассо. Тут он опять схватил веревку когтями и стал сильно трясти ее, но все с тем же результатом.

Хотя кугуар и имел то преимущество перед волками, что мог влезть на дерево, но не обладал их хитростью, иначе он скоро добился бы своего — стоило лишь перегрызть лассо, и мясо упало бы. Но такая мысль может прийти в голову только существу более высокой организации, чем кугуар. Поэтому кугуар вскоре вернулся на землю, к своему товарищу, который сидел все это время, наблюдая за его маневрами.

Попытки кугуара достать мясо заняли около часа. В течение всего этого времени мальчики стояли в кольце огня в самом плачевном положении: по мере того как хворост сгорал и превращался в красные угли, жар все усиливался. Юные охотники сделали свой круг слишком узким и стояли теперь будто в пылающем горниле.

Дым слегка рассеялся, и мальчики различали каждое движение кугуаров, но страшный жар, мучивший их, почти победил страх перед опасными животными. Еще немного — и они выскочили бы, чтобы сразиться с кугуарами. Пот лил с них градом, им казалось, что вместо ружей они держат раскаленное железо.

— Я не могу больше выдержать! — воскликнул Базиль. — Давайте выстрелим в них, выскочим отсюда и попытаем счастья.

— Терпение, брат, — ответил Люсьен. — Еще немного — и, может быть, они уйдут.

Кугуары, оставив мясо, начали подкрадываться к

Свиренные звери остановились в нескольких

огню. Они ползли, как кошки, к добыче; время от времени они издавали странный звук, похожий на глухой кашель человека, больного туберкулезом. Потом послышался другой звук, который удивил охотников. Он напоминал мурлыканье кошки, когда ее ласкают, но был намного громче и далеко разносился в лесу, теперь притихшем. Яснее всего этот звук слышали те, кто был близко. Его издавали оба кутуара, как бы подбадривая друг друга в своем продвижении вперед, и продолжали ползти, размахивая хвостами.

В нескольких футах от огня животные остановились и распластались по земле, явно готовые прыгнуть вперед в любую минуту. Жутко было смотреть на эти свиренные создания. Свет большого костра делал каждую часть их тела необычайно рельефной; отчетливо были видны их когти, их оскаленные зубы и даже яркая радужная оболочка сверкающих глаз. Но теперь кутуары не выглядели и вполтину такими страшными, как вначале. Юные охотники рассматри-

фугах от огня и припали к земле.

вали их сейчас с другой точки зрения. Мальчики так ужасно страдали, что им казалось, что вне этого горячего огненного кольца не существует опасности — даже от когтей зверя.

— Я больше не выдержу! — воскликнул Базиль. — Мы заживо поджаримся. Вы, братья, берите того кугуара, а я прицельюсь в этого... Итак, не бойтесь, стреляйте!

Почти одновременно грянули три выстрела, и три брата выпрыгнули из-за пылающей ограды. Промажнулись ли Франсуа и Люсьен, стало известно лишь позже, но Базиль не промахнулся. Он ранил кугуара, и, едва юные охотники выбрались из огненного круга, разъяренный зверь прыгнул туда; было видно, как он то вскакивал, то катался по земле в предсмертной агонии.

Маренго бросился на кугуара, но оба они попали в раскаленную золу, и собаке пришлось снова выскочить обратно. Кугуар, предоставленный самому себе, скоро

перестал биться и лежал на земле — судя по всему, мертвый. Но что стало с другим?

Все трое стояли, прислушиваясь, как вдруг до них донеслось храпение и топот их лошадей, а в довершение всего — пронзительный крик мула Жаннет. Это продолжалось несколько минут. Затем все стихло.

«Бедная Жаннет! — подумали они. — Второй кугуар заел ее... Ну что ж, нам придется обойтись без нее. Делать нечего».

Никто не спал до рассвета — все еще боялись, что кугуар может вернуться за своим товарищем. Начался дождь; он лил как из ведра, заливая костры. Мальчики не пытались снова разжечь их, а, накинув на плечи одеяла, старались спрятаться под деревьями.

Наконец забрезжил рассвет. Каково же было удивление и радость мальчиков, когда они увидели, что Жаннет стоит на привязи и мирно пасется, а рядом на земле лежит мертвый кугуар! Он был ранен выстрелами, но не это, как они вскоре убедились, было причиной его смерти, так как тело его было раздавлено и ребра поломаны.

Некоторое время юные охотники не могли ничего понять. Наконец все объяснилось. Положение, в котором был найден зверь, помогло им разрешить загадку. Кугуар лежал под большим деревом, к которому, очевидно, был притиснут. Убегая, он наскочил на Жаннет, а та кинулась со всех ног и, наткнувшись в темноте на дерево, прижала к нему кугуара и задавила его насмерть.

Свирепое животное оставило следы своих когтей на спине и загривке Жаннет, а глубокий шрам на ее горле показывал, куда вонзились его зубы. Счастье, что Жаннет налетела на дерево, иначе кугуар не отпустил бы ее, пока не выпил бы всю кровь из ее вен, ибо эти животные убивают свою добычу именно таким образом.

Настало утро. Юные охотники, не спавшие почти всю ночь, были измучены и могли бы теперь отдохнуть, но сочли это неблагоразумным. Они понимали, что очутились в такой части леса, где водилось много опасных

животных, и решили до наступления ночи уехать отсюда. Действительно, они находились на берегах поросшего лесом притока реки Тринити, которая в это время года разливается, и все дикие звери — медведи, кугуары, волки, рыси и пекари — вынуждены были уйти из низин и бродили в соседних лесах более голодные и злые, чем обычно.

Оседлав лошадей и навьючив на мула одеяла, бизоньи шкуры и запасы мяса, наши путешественники снова отправились на запад. Проехав несколько миль, они миновали леса и двинулись по открытой прерии.

Глава XXI

ОДИНОКИЙ ХОЛМ

Путь юных охотников пролегал по одной из самых живописных местностей, такие только встречаются в южных районах: они ехали по цветущей прерии, среди несметного количества цветов. Цветы спереди, цветы сзади — со всех сторон; куда ни глянь, всюду виднелись их блестящие венчики. Тут росли и золотистые подсолнечники, и красные мальвы, и молочай, и алый лупинус. Были здесь также и розовые цветы дикой болотной мальвы, а ярко-оранжевые калифорнийские маки выглядывали из зеленой листвы, точно огненные шары. Ниже, у самой земли, притаились скромные фиалки, сверкавшие, как голубые самоцветы. Все это освещалось ослепительным солнцем. После недавнего дождя, омывшего их, цветы, казалось, стали еще ароматнее и красивее.

Миллионы бабочек, не менее красивых, чем цветы, порхали над ними или отдыхали на их нежных чашечках. Некоторые бабочки были очень крупные, с бархатистыми, разнообразно и ярко раскрашенными крылышками. В воздухе проносились и другие разноцветные крылатые создания. Огромные мухи то парили на своих жужжащих крыльях, то проносились, как молнии, в другой конец этого бескрайнего сада. Пчелы, пе-

релетая с цветка на цветок, собирали нектар. Неожиданно из-под копыт лошадей взлетели виргинские перепелки и гривистые куропатки. Франсуа повеселилось убить двух куропатов, и теперь они свисали с его седла.

Наши путешественники ехали все дальше и дальше через этот огромный цветник, и копыта их лошадей приминали множество чудесных цветов. Иногда цветы были так высоки и росли так густо, что достигали лошадей до груди, совершенно скрывая их из виду. Иногда путешественники попадали в полосу сплошных подсолнечников, и тогда большие головки цветов задевали всадников, обсыпая их своей желтой пылью.

Ландшафт был необычайно красив и своеобразен, и юные охотники наслаждались бы им, если бы не страдали так от усталости и желания спать. Сначала аромат цветов, казалось, освежил их, но через некоторое время они почувствовали, что он действует на них, как наркотик, так как им еще больше захотелось спать. Мальчики сделали бы привал, но поблизости нигде не виднелось воды. Кроме того, не было корма для животных: как это ни странно, в этих цветущих прериях редко можно встретить траву. Цветы занимают всю почву, и вокруг их корней совершенно нет травы. Поэтому путешественники были вынуждены ехать дальше, пока не покажутся трава и вода — самое необходимое, без чего нельзя было расположиться на ночлег.

Миль через десять цветы стали реже, и наконец началась травяная прерия. Проехав еще две — три мили, наши путешественники достигли маленького ручья, бежавшего по открытой равнине; на его берегах не росло никаких деревьев, кроме нескольких ив. Здесь мальчики и решили остановиться, сошли с лошадей и, привязав их, дали животным наконец возможность поесть.

Все трое очень устали и хотели спать. Не в меньшей мере им хотелось и есть. Надо было прежде всего утолить голод, и они принялись готовить ужин. Ивы были зеленые и горели плохо, но мальчики проявили большое упорство и все-таки разожгли костер. Они опусти-

ли куропатки Франсуа в котелок, сдобрили их диким луком и степной репой, которые Люсьен набрал по дороге, и получилось очень вкусное блюдо. Запас медвежатины они не тронули, за исключением маленького куска, который вместе с потрохами куропаток составил ужин Маренго. Едва закончив есть, охотники расстелили на траве бизоньи шкуры и, натянув на себя одеяла, крепко заснули.

Эту ночь юные охотники спали спокойно. Просыпаясь, они слышали вой волков, раздававшийся где-то в прерии и даже неподалеку от их лагеря, но они уже привыкли к этим серенадам и не обращали на них внимания. Все трое крепко спали всю ночь.

Мальчики проснулись на рассвете и чувствовали себя совершенно отдохнувшими. Они напоили лошадей и приготовили завтрак из медвежатины. Медвежатина всегда вкусна, но проголодавшимся юным охотникам такое блюдо показалось особенно лакомым — они съели каждый почти по фунту. Все были в отличном, бодром настроении. И Маренго был хорошо настроен, хотя когти кугуара и оставили на нем немало следов. Жаннет тоже весело щипала траву, отмахиваясь от мух. Базиль только что смазал ей ноги медвежьим жиром, а раны, оставленные кугуаром, уже начали заживать.

Мальчики оставались у ручья весь следующий день и спокойно провели там еще одну ночь. Наутро они пустились в путь и через несколько дней достигли смешанных лесов, которые так давно занимают умы любознательных натуралистов. Наши путешественники не задержались тут долго, так как не видели никаких признаков бизонов, и поехали дальше на запад, пересекая многочисленные притоки реки Брасос.

Примерно на третий день после того, как они покинули смешанные леса, мальчики остановились у одной из этих речушек, очень маленькой и извилистой, на берегах которой не росло ни деревьев, ни кустов. Но наши путешественники не ощущали нехватки в топливе — ведь они могли развести костер из сухого бизоньего помета, вид которого радовал их в течение всего дня пути: они понимали, что, значит, неподалеку должны

быть и сами бизоны. Теперь юные охотники достигли местности, где обитают эти животные. Встречи с ними можно было ожидать в любую минуту.

Как только наступил день, наши охотники стали вглядываться в прерии, но бизонов не было видно. Во все стороны — казалось, до самого неба — расстилась зеленая безлесная равнина. Однообразие ландшафта нарушалось лишь возвышенностью, высоко поднимавшейся над похожей на море прерией.

Возвышенность, казалось, была по меньшей мере в десяти милях от них. Она стояла одиноко, как утес, и ее отвесные склоны круто поднимались над прерией. Этот своеобразный холм находился как раз на пути следования мальчиков.

— Поедем туда? — спросили они друг друга.

— Почему бы и нет? — сказал Базиль. — С тем же успехом можно встретить бизонов в этом направлении, как и в любом другом. У нас нет проводника, и мы должны положиться на случай. Пусть он приведет нас к бизонам или их — к нам, все равно.

— Ну, тогда давайте поторопимся, — заявил Франсуа, — и доедем до холма. Как знать... может, там-то как раз и бродят бизоны.

— А что, если там нет воды? — сказал всегда благоразумный Люсьен.

— Вряд ли, — ответил Франсуа. — Я уверен, что есть. Там, где есть горы, обычно всегда бывает вода. А этот холм можно назвать горой. Я ручаюсь, что воду мы там найдем.

— Если ее там нет, — добавил Базиль, — мы можем вернуться сюда.

— Но мы не знаем, как далеко эта возвышенность, — сказал Люсьен.

— Я думаю, милях в десяти отсюда, — ответил Базиль.

— Конечно, не больше, — добавил Франсуа.

— Не меньше чем в тридцати, — заметил Люсьен.

— Тридцати? — воскликнули Базиль и Франсуа. — Тридцать миль! Ты, конечно, шутишь? Да до нее рукой подать!

— Это обман зрения, — ответил наш юный философ. — Вы оба определяете расстояние так, как это делают на низменности, в плотной атмосфере Луизианы. Не забывайте, что мы в местности, расположенной в четырех тысячах футов над уровнем моря, где нас окружает воздух чрезвычайно чистый и прозрачный. Здесь можно видеть предметы на расстоянии вдвое большем, чем мы увидели бы их на берегах Миссисипи. Эта возвышенность, до которой, как вы полагаете, только десять миль, на самом деле, наверно, отстоит от нас минимум миль на тридцать.

— Не может быть! — воскликнул Базиль, вглядываясь в возвышенность. — Я вижу даже пласты на ее склонах и как будто деревья на вершине...

— Весьма возможно, и все-таки я прав, — продолжал Люсьен. — Ну что ж, давайте отправимся туда, если хотите. Я думаю, воду мы там найдем. Однако имейте в виду: ехать нам придется целый день, и еще хорошо, если мы попадем туда до наступления ночи.

Благоразумие Люсьена не было преувеличенным. Напротив, в данном случае его оказалось даже мало. Если бы Люсьен или его братья имели хоть чуть-чуть больше опыта, они призадумались бы, прежде чем пуститься так смело в далекий путь, не будучи уверенными, встретится ли вода впереди. Это такой риск, на какой редко пускаются даже старые охотники, хорошо знающие по опыту, как опасно очутиться в прерии без воды. Охотники страшатся этого больше, чем кугуаров, медведей гризли, росомх или даже воинственных индейцев. Страх жажды сильнее всех остальных страхов.

Наши юные охотники почти не чувствовали этого страха. Правда, все они слышали или читали о мучениях, которые иногда испытывают путешественники от отсутствия воды. Люди, которые живут уютно дома, окруженные родниками, колодцами и ручьями, цистернами и резервуарами, трубами и кранами, струями и фонтанами, все время бьющими вокруг них, склонны недооценивать эти страдания. Такие люди охотно поверят, что кошка сумеет открыть замок в двери, а

свинью можно научить играть в карты и что их собака может делать чудеса, — что этими животными движет что-то помимо инстинкта, но эти же самые люди будут недоверчиво качать головой, когда я скажу им, что опоссум спасается от врага, подвешиваясь на хвосте на ветке, или что дикий баран прыгает в пропасть на рога, или что рыжие обезьянки делают мост над потоком, цепляясь друг за друга хвостами.

«О, чепуха! — воскликнут они. — Это неправдоподобно!»

Неужели это кажется невозможным по сравнению с трюками их кошки и собаки и даже маленькой канарейки, порхающей по гостинной? Невиданное и далекое всегда воспринимается с удивлением и недоверием, в то время как знакомые факты, которые сами по себе гораздо более замечательны, не вызывают интереса и не подвергаются сомнению.

Кто теперь рассматривает потрясающее явление электричества иначе, как простую, вполне понятную истину? И все же было когда-то время, когда, если бы вы или я заявили об этой истине, над нами посмеялись бы. Было время, когда это могло бы стоить нам свободы или даже жизни. Вспомните Галилея!¹

Итак, как я уже сказал, люди, живущие дома, не знают, что такое жажда, ибо дом — это такое место, где всегда есть вода. Они не могут понять, что значит очутиться в пустыне без этого необходимого элемента. Я сам извещал это, и, поверьте моему слову, муки жажды — страшная вещь.

Наши юные охотники имели лишь смутное представление об этих ужасах. До сих пор их путь пролегал по району, где было много воды. Через каждые десять — двенадцать миль они пересекали какую-нибудь речку, угадав ее еще издали по растущим на ее берегах кустам и деревьям, и, таким образом, знали заранее, в каком направлении искать воду.

¹ Галилео Галилей (1564—1642) — великий итальянский физик и астроном, один из основателей точного естествознания.

Но мальчики мало разбирались в особенностях местности, расстилавшейся теперь перед ними. Они не знали, что въезжают в пустынную равнину — в необъятные и безводные степи, которые ведут к подножию Скалистых гор.

Франсуа, опрометчивый и порывистый, никогда не думал об опасности; смелый Базиль не боялся ее; у Люсьена были сомнения, потому что он слышал и читал об этом больше, чем его братья. Однако всем было интересно попасть на необычную, похожую на холм возвышенность, возникшую вдруг на равнине. Это было вполне естественно. Даже невежественный дикарь или деловитый траппер часто отклоняется от своего курса, движимый подобным любопытством.

Лошадей напоили и оседлали, на Жаннет навьючили поклажу, фляги наполнили водой, и наши путешественники, сев на лошадей, двинулись вперед, к холму.

Глава XXII

ОХОТА НА ДИКОГО КОНЯ

— В этой местности должны водиться бизоны, — сказал Базиль, посмотрев на землю. — Вот совершенно свежий бизоний помет. Не может быть, чтобы он пролежал много дней. Смотрите: тропа бизонов и на ней следы!

С этими словами он указал на напоминающую желоб впадину, которая тянулась по прерии насколько хватал глаз. Впадина выглядела, как русло пересохшего ручья, но следы копыт на ее дне указывали, что это как раз то, что предположил Базиль, — тропа бизонов. Тропа, без сомнения, вела к водопою. Когда всадники въехали на нее, края ее оказались на уровне их голов — так она была глубока: во время сильных дождей здесь текла вода, унося с собой в реку почву, разрыхленную копытами бизонов. Тысячи бизонов ходят иногда по этим тропам один за другим, переселяясь таким образом в поисках лучших пастбищ или воды:

они знают по опыту, что такая дорога всегда приведет их к воде и траве.

Наши охотники не поехали по тропе далеко — у них не было уверенности, что в конце ее они встретят бизонов. Они пересекли тропу и продолжали ехать к холму.

— Смотрите! — воскликнул Франсуа. — Что это?

Он указал на несколько круглых впадин в земле.

— Бизоновы ямы, честное слово! — сказал Базиль. — Некоторые из них совсем свежие.

— Бизоновы ямы? — отозвался Франсуа. — Это что еще такое?

— Разве ты никогда не слышал о них? — спросил Базиль. — Это место, где бизоны валяются и кувыркаются, как лошади или домашний скот.

— А, вот что! — сказал Франсуа. — Но зачем они это делают?

— Вот этого я не знаю. Может быть, Люс нам расскажет?

— Некоторые говорят, — сказал Люсьен, — что бизоны делают это, чтобы почесаться и таким образом избавиться от мух и других надоедающих им насекомых. Иные считают, что бизоны проделывают эти любопытные упражнения для развлечения.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Франсуа. — Какие же они смешные!

— А есть еще одно интересное объяснение, — продолжал Люсьен: — будто бизоны вырывают эти углубления, чтобы там во время дождей собиралась вода и чтобы из них можно было напиться на обратном пути.

— Ха-ха-ха! — снова засмеялся Франсуа. — Уж этому я никак не поверю!

— А я и не стремлюсь тебя в этом убедить, — сказал Люсьен. — Конечно, такое предположение неправильно, поскольку бизон — животное, не обладающее для этого достаточным развитием. Это всего лишь забавное предположение. Очевидно, однако, то, что в период дождей в таких ямах собирается вода и часто остается там в течение нескольких дней, а бизоны, которые бродят вокруг, пьют эту воду. Следовательно,

можно сказать, что бизоны роют свои собственные «колодцы». Эти колодцы частенько служат на пользу и другим животным и даже людям. Многие заблудившиеся трапперы и индейцы спасались, находя воду в таких углублениях, — иначе они погибли бы от жажды.

— Какие эти ямы круглые! — сказал Франсуа. — Они представляют собой совершенно правильные круги. Как бизоны делают их такими?

— Бизоны ложатся во всю длину и крутятся и крутятся, как колесо на оси. Они вращаются с большой скоростью, упираясь загривками и отталкиваясь ногами, как рычагами. Иногда они кружатся так добрые полчаса. Несомненно, бизоны делают это, чтобы почесаться. Несмотря на толстую шкуру и густую шерсть, им очень досаждают насекомые-паразиты. Кроме того, это для них и вид развлечения. Вы часто могли наблюдать, как лошади катаются по траве, и разве не ясно, что они получают при этом удовольствие? Вам никогда не приходило это в голову?

— О да! — воскликнул Франсуа. — Я уверен, что лошади любят как следует покувыркаться.

— Ну вот, предполагают, что и бизоны тоже. Конечно, им очень приятно, что они таким образом отделяются от своих мучителей и прижимают разгоряченные бока к свежей, прохладной земле. Бизоны не очень чистоплотны. Они до такой степени покрыты грязью, что невозможно определить, какого цвета их шкура.

— Ну, — сказал Франсуа, — я надеюсь, что скоро нам попадется бизон с *белой* шкурой!

Разговаривая таким образом, наши юные охотники продолжали свой путь. Они проехали миль десять, когда Базиль, который все время вглядывался в горизонт прерии, издал восклицание и неожиданно остановил лошадь. Остальные тоже придержали коней.

— Что ты там увидел? — спросил Люсьен.

— Еще сам не знаю, — ответил Базиль, — но на горизонте что-то есть... К югу, — видите?

— Да, похоже на группу низких деревьев.

— Нет, — сказал Базиль, — это не деревья. Они

движутся. Мне думается, что это какие-нибудь животные.

— Надеюсь, что это бизоны! — закричал Франсуа, поднимаясь во весь рост в стремянах и пытаясь что-нибудь увидеть. Но его лошадка была слишком малоросла, и Франсуа ничего не мог разглядеть.

— Поедем им навстречу? — предложил Люсьен, обращаясь к Базилю.

— Я думаю, они движутся по направлению к нам, — ответил тот. — Они все больше растягиваются по горизонту, и, может быть, это кажется оттого, что они приближаются. Бизоны!.. Нет, честное слово, — продолжал он, повышая голос, — это всадники... может быть, индейцы!

— Почему ты так думаешь? — спросил Люсьен.

— Я видел одного на фоне неба. На таком расстоянии я могу определить очертания лошади. Я уверен, что это так... Смотри, вон другая!

— Да, — сказал Люсьен, — это лошадь. Но, смотри, всадника нет. Никого на ней нет... А вот и еще одна, тоже без всадника... Ага! Теперь я знаю: это мустанги!

— Мустанги! — вскричал Франсуа. — Отлично. Вот на это стоит посмотреть!

Вскоре подтвердилось, что Люсьен был прав: это был табун мустангов, или диких лошадей. Базиль тоже оказался прав, говоря, что они приближаются, ибо через несколько минут мустанги были уже меньше чем в миле от мальчиков.

Мустанги мчались быстрым галопом, двигаясь плотной массой, подобно вытреннированному эскадрону, а один мустанг был несколько впереди и, несомненно, являлся вожак. Время от времени какая-нибудь лошадь отделялась от рядов и отставала, но всякий раз подтягивалась снова и присоединялась к своим товарищам. Это было чрезвычайно интересное зрелище. Земля гудела под копытами животных так, как будто неслась кавалерия.

Когда мустанги были уже меньше чем в полумиле от наших охотников, они, казалось, впервые заметили мальчиков. Вдруг вожак остановился, вскинул голову,

заржал и встал как вкопанный. Остальные тоже остановились, подражая вожаку. Он был все же несколько впереди, в то время как весь табун сомкнул ряды, как кавалерия в бою. Постояв несколько секунд на месте, вожак издал резкое ржание, бросился вправо и помчался во весь опор. Все кони тоже заржали и, сейчас же круто повернув, последовали за ним. Все это мустанги проделали с четкостью эскадрона.

Наши охотники предполагали, что лошади пройдут мимо и не приблизятся. Они все сожалели об этом, им хотелось посмотреть поближе на этих благородных животных.

Чтобы не спугнуть мустангов, мальчики спешили и теперь стояли, частично заслоненные своими лошадьми, все же крепко держа их, так как те были напуганы громовым топотом своих диких собратьев.

Через мгновение мустанги появились прямо перед мальчиками — то есть их бока были обращены к охотникам, — и те с радостью увидели, что мустанги не удаляются, а галопируют по кругу, центром которого были наши зрители.

Круг, по которому бежали дикие лошади, имел не больше полумили в диаметре; они, казалось, приближались к центру. Мустанги двигались не по окружности, а по спирали, которая постепенно суживалась внутрь.

Теперь мальчики могли хорошо разглядеть их. Это было красивейшее зрелище. Среди двух сотен мустангов самых разнообразных мастей вы не нашли бы и двух одинаковых. Тут были и вороные, и белые, и гнедые, и чалые. Некоторые были буланые, некоторые — рыжие, а некоторые — серые с металлическим отливом, и было много-много других, разномастных и с подпалинами, как охотничьи собаки. Пышные ниспадающие гривы и длинные хвосты развевались по ветру, и это придавало лошадям еще большую грацию. Да, это было захватывающее зрелище, и мальчики стояли затаив дыхание, наблюдая, как этот «эскадрон» носится вокруг них.

Но глаза всех троих вскоре обратились на одного —

вожака. Ничего более прекрасного они никогда не видели. Базиль, который обожал красивых лошадей, был в восторге и не мог оторвать глаз от этого красавца.

И неудивительно, ибо трудно было себе представить более совершенное животное. Вожак был крупнее остальных, хотя все же меньше английской лошади. Его крепкая грудь и выпуклые глаза, стройные бока, тонкие, изящные ноги и маленькие копыта — все указывало на его происхождение: он был чистокровный арабский конь, потомок тех благородных коней, которые привезли первых завоевателей в Мексику. Его пропорции были, как сказал бы знаток, совершенны, и Базиль, который действительно являлся знатоком, подтвердил это.

Жеребец был весь белый — белый, как горный снег. Когда он скакал, его ноздри раздувались и делались красными, глаза выкатывались, грива рассыпалась по обеим сторонам шеи, от холки до загривка, и длинный хвост развевался по ветру. Свободные, грациозные движения вожака, как и движения тех, кто следовал за ним, показывали, что все они никогда не знали седла.

Глядя на это благородное животное, Базиль загорелся непреодолимым желанием обладать им. Правда, у него уже была лошадь, одна из самых замечательных, когда-либо носивших седло, но у Базиля была слабость: он жаждал иметь каждую красивую лошадь, которую видел, а этот мустанг возбуждал в нем особенное стремление сделаться его обладателем.

Через несколько секунд желание Базиля настолько возросло, что он почувствовал, что готов отдать все на свете — может быть, только за исключением Черного Ястреба, — чтобы завладеть этим конем прерий. Вы можете подумать, что при умении Базиля бросать лассо и ездить верхом он мог бы быстро удовлетворить свое желание, но это было не так просто сделать, и Базиль знал это. Он знал, что без особого труда смог бы накинуть аркан на какую-нибудь из рядовых лошадей табуна, но поймать вожака — совсем другое дело. Никому, даже индейцам, никогда еще не удавалось это сделать, и Базиль часто слышал об этом, но все-таки решил

попробовать. Он очень доверял быстроте и выносливости своего Черного Ястреба.

Базиль поведал братьям о своем решении шепотом, чтобы не спугнуть мустангов, которые скакали теперь совсем близко. Люсьен пытался отговорить его, выдвигая в качестве аргумента, что это заставит их отклониться от курса и они могут потерять друг друга.

— Нет, — сказал Базиль, — поезжайте к холму — ты и Франсуа. А я приеду к вам. Может быть, я даже окажусь там раньше вас... Не возражай, брат, не надо! Я должен иметь этого коня, и я поймаю его, даже если мне придется проскакать пятьдесят миль!

Говоря это, Базиль пододвинулся ближе к левому стремени, взглянул на лассо, висящее в свернутом виде на седле, и стоял, готовый в любой момент вспрыгнуть на лошадь. Люсьен увидел, что бессмысленно продолжать отговаривать брата, и замолчал. Франсуа с восторгом присоединился бы к Базилю в этой погоне, но сама идея охотиться на мустанга на маленькой лошадке была абсурдом.

Мустанги всё продолжали свой бег по кругу. Иногда по сигналу вожака они останавливались и разворачивались в одну линию, как раз напротив маленькой группы наших охотников, мордами к ним. В этом положении они оставались несколько секунд, подняв вверх головы и с любопытством разглядывая странные существа, которые вторглись в их владения. Некоторые били копытами землю и храпели, будто сердились. Затем вожак издавал свое пронзительное ржание, и все мустанги опять принимались кружить.

Дикие лошади находились теперь меньше чем в двухстах ярдах от того места, где стояли охотники, но было ясно, что они не намереваются подходить ближе. Наоборот, они, казалось, собирались уходить. После каждой остановки они поворачивали головы к прерии, а затем снова принимались кружить, как будто еще не удовлетворив свое любопытство.

Во время их последней остановки, или, вернее, когда Базиль подумал, что она может быть последней, он опять предупредил братьев, чтобы те направлялись к

холму, и, бесшумно поставив ногу в стремя, вскочил в седло. Его движение заставило мустангов вздрогнуть, но, прежде чем они успели повернуть, юный охотник прищипорил своего коня и сделал несколько скачков по направлению к ним. Базиль не смотрел на табун — ему было все равно, куда тот побежит, — юный охотник смотрел только на белого вожака и мчался во весь опор к нему.

Вожак на мгновение замер, будто удивившись, затем издал дикое ржание, совсем не такое, как до сих пор, повернул направо и помчался с бешеной скоростью; остальные лошади последовали за ним. Так как задние сделали поворот, Базиль находился теперь от них не дальше чем в двенадцати ярдах и в несколько скачков приблизился к ним настолько, что легко мог бы набросить лассо на любого из мустангов. Когда же они повернули, Базиль остался далеко позади, но скоро наверстал расстояние и продолжал погоню, держа направление несколько вбок. Он не хотел попасть в гущу мустангов, так как понимал, что это опасно и только задержит его. Целью Базиля было оказаться впереди табуна и как-нибудь отделить вожака от остальных. Юноша взялся за выполнение этой задачи со всей своей энергией.

Дикие кони стремглав летели вперед, за ними следовал охотник. Погоня была явно безнадежной, но мальчик умело правил своей лошастью. Лассо висело на его седле: Базиль не дотрагивался до него — время еще не пришло. Вперед и вперед летели дикие лошади. Все ближе и ближе к ним был смелый охотник, и вот уже мили отделяют его от того места, откуда он начал погоню. Через несколько минут Франсуа и Люсьен потеряли его из виду.

Но маленькие андалузские кони не могли сравниться с арабской лошастью Базиля. Табун изменил свое построение: лошади бежали уже не рядами, а длинной цепочкой, заняв каждая место соответственно своей скорости, а далеко впереди, несясь как метеор, сверкал своей снежной белизной вожак.

Последние лошади скоро остались позади. Они сво-

рачивали в сторону, как только видели, что их обгоняет большая темная лошадь, несшая на себе какой-то странный и страшный предмет. Базиль обогнал их одну за другой, и Черный Ястреб оказался во главе всего табуна, а его седок не видел перед собой ничего, кроме белого коня, зеленой прерии и голубого неба. Если бы он оглянулся, то увидел бы, что мустанги рассыпались по прерии во всех направлениях. Но он не оглядывался. Все, что ему было нужно теперь, находилось перед ним, и он мчался все вперед и вперед, то и дело вонзая шпоры в коня.

Базиль и не нужно было пришпоривать Черного Ястреба. Конь его, казалось, считал делом чести догнать мустанга, и делал все, что в его силах. Дикий конь тоже как будто чувствовал, что его жизнь или по меньшей мере свобода зависят от этого, и тоже напрягал все силы. Оба летели как ветер — и преследователь и преследуемый. Линия их бега была прямой, как стрела. Это доказывало, что мустанг, спасаясь от врагов, обычно полагается на свои ноги.

В такой погоне, однако, преследователь имеет преимущество перед преследуемым. Последний, находясь в постоянном волнении, вынужден оглядываться назад и поэтому хуже видит почву под ногами. Оборачиваясь, он теряет правильное положение тела, и скорость его уменьшается. Кроме того, он может споткнуться.

Так произошло и с этим диким конем. Он, правда, не спотыкался — ноги хорошо держали его, но голову он время от времени поворачивал, чтобы своим черным глазом рассмотреть врага, преследовавшего его. Это, конечно, до некоторой степени задерживало мустанга. Только в такие моменты Базиль мог сократить расстояние между собою и диким конем, и тогда, чувствуя свое превосходство, он еще больше стремился поймать мустанга и завладеть им.

После долгой погони расстояние между ними было все еще не меньше двухсот шагов. Юный охотник с нетерпением продолжал пришпоривать своего коня, а мустанг, казалось, летел вперед, ничуть не убавляя скорости.

Лошадь полетела кувырком, и

Вдруг Базиль заметил, что белый конь, вместо того чтобы скакать прямо, начал петлять, двигаясь зигзагами. Базиль посмотрел на него с удивлением и стал искать причину. Вглядываясь в поверхность земли, он обнаружил, что она неровная и покрыта, насколько хватал глаз, маленькими холмиками. Мустанг был среди этих холмиков. Так вот что заставляло его бежать так странно!

Едва Базиль увидел это, как почувствовал, что его лошадь неожиданно проваливается под ним и летит кувырком на землю.

Всадник вылетел из седла. Но он не очень ушибся и сразу вскочил на ноги. Черный Ястреб тоже поднялся и стоял тихо. Его влажные бока поднимались и опускались, он тяжело дышал. Он был не в состоянии скакать дальше.

Но даже если бы Черный Ястреб не устал, Базиль видел, что погоня пришла к концу. Маленькие холми-

всадник был вышиблен из седла.

ки, которые он только что заметил, плотно покрывали всю прерию. Дикая лошадь неслась среди них с прежней быстротой.

Когда охотник поднялся на ноги, мустанг был на расстоянии около четверти мили и резко заржал, как бы торжествуя, что спасся, так как не оставалось сомнения, что он убежал.

Базиль, к своему огорчению, и сам видел это. Он понял, что дальнейшее преследование не только бессмысленно, но и опасно, так как, хотя он никогда раньше не видел подобных холмиков, он хорошо знал, что это такое, и знал, как опасно ехать среди них верхом при большой скорости. Базиль получил своевременный урок, так как лошадь его споткнулась и упала, едва он въехал в пределы этих холмиков. По счастью, она ничего себе не повредила. Базиль знал, что во второй раз он едва ли отделается так же благополучно, и не был склонен рисковать опять. Не хотел он рисковать

и своим любимым Черным Ястребом ради белого коня даже если бы был уверен, что поймает его. Но теперь это было уже и невозможно. Если продолжать погоню, то, вместе того чтобы поймать мустанга, можно потерять и свою собственную лошадь, а юный охотник знал, что тогда положение стало бы ужасным. Поэтому ничего не оставалось, как отказаться от погони и предоставить мустангу возможность убежать. Базиль несколько минут наблюдал за ним, пока тот не растаял, как белое облачко, далеко-далеко на бледно-голубом горизонте.

Теперь юный охотник задумался над возвращением к своим братьям. Но в каком направлении ему надо ехать?

Он огляделся, ища глазами холм... Вот он! Но, к изумлению Базиля, — прямо перед ним и ближе, чем тогда, когда он последний раз видел его. Все это время Базиль скакал по направлению к холму, но в спешке и не заметил его.

«Люсьен и Франсуа, должно быть, сзади, — подумал он, — и скоро придут сюда».

Поэтому лучшее, что Базиль мог сделать, — это подождать их.

И Базиль, сев на один из холмиков, пустил свою лошадь пастись на свободе.

Глава XXIII

«ГОРОД» ЛУГОВЫХ СОБАЧЕК

Черный Ястреб отошел на некоторое расстояние в поисках травы, потому что ее было очень мало в этом месте, а та, что росла здесь, была объедена почти под корень, будто ею кормилась тысяча кроликов. Базиль не препятствовал своему коню — он знал, что Черный Ястреб слишком хорошо выдрессирован, чтобы убежать, и его можно подзвать в любую минуту, стоит лишь свистнуть. Поэтому Базиль сидел спокойно, то вглядываясь в прерию на восток, то стараясь убить время, рассматривая расположенные напротив него странные маленькие холмики.

Их были тысячи; они покрывали прерию к северу, югу и западу, насколько хватал глаз. По форме они напоминали усеченные конусы около трех футов диаметром в основании и не больше двух футов высотой. У вершины имелось вход-отверстие, в которое мог бы пролезть зверек не больше крысы. Вокруг холмиков травы не было, но склоны и вершины их были покрыты ровной зеленой травой, что создавало впечатление, будто они уже очень давно сооружены.

Вскоре стали показываться и обитатели этих своеобразных жилищ. Они были напуганы громовым топотом мустангов и спрятались при их приближении. Теперь снова воцарилась тишина, и они отважились выйти. Сначала показалась одна мордочка, потом другая и третья... и скоро уже из каждой норки выглядывала головка с парой блестящих глаз. Через некоторое время обладатели этих головок стали смелее и храбро вышли, и тогда Базиль увидел сотни этих странных существ. Сами они были красновато-коричневого цвета, а их грудки и брюшки — грязно-белого. По размеру они напоминали обыкновенных серых белок, но, в общем, были похожи одновременно на белку, на суслика, на сурка и на крысу, с каждым из которых у них было что-то общее, и все же зверьки отличались от них. Это были мелкие грызуны, известные под смешным названием «луговые собачки». Хвосты у них очень короткие и не пушистые, как у белок, и вообще все тело не столь грациозно-симметрично, как у тех.

Вскоре уже на каждом холмике виднелись два — три грызуна, так как в одном и том же домике их обычно живет несколько. Одни стояли на всех четырех лапках, а другие поднимались на задние лапки, как медвежата или обезьянки, все время помахивая хвостами и издавая тоненький лай, который звучал, как лай игрушечной собачонки. От этого они и получили название «луговые собачки», ибо больше ничем не напоминали отряд собачьих. Все эти собачки — а их существует много разновидностей — безвредные маленькие существа. Они питаются травой, семенами и корешками. Должно быть, они едят очень мало, и все естествоиспытатели

даже удивляются, чем они живут. Большие поселения этих грызунов около Скалистых гор обычно расположены в бесплодной местности, где очень мало травы, и все-таки их никогда не находят дальше чем в полумиле от норок. Как же тысячи их существуют на том количестве травы, которая растет на таком ограниченном пастбище? Это еще не получило своего объяснения. Также неизвестно, почему луговые собачки выбирают для своих норок бесплодные участки вместо плодородных. Все эти факты ждут изучения и наблюдения со стороны ученых.

Базиль был удивлен, когда увидел, что луговые собачки не являются единственными обитателями своего «города»: тут были и совсем другие существа, которые, казалось, чувствовали себя как дома — например, белые совы величиной с голубя. Базиль никогда раньше не видел такой породы. Это были совы, живущие в норках, разительно отличающиеся от своих ночных сородичей, которые обитают в густых лесах и старых развалинах. Базиль видел, как эти маленькие совы бесшумно летают вокруг или сидят вертикально на верхушках холмиков, так что на расстоянии их можно было принять за самих грызунов.

Кроме луговых собачек и сов, тут находились и другие живые существа. Вокруг мелькали ящерицы, а между холмиками ползало отвратительное животное, тоже из породы ящериц, — жабовидная ящерица.

Это существо было ново для Базиля, и его безобразное землистое тело, весь его вид, напоминающий, с одной стороны, жабу, с другой — ящерицу, с шипами на спине, шее и голове, вызвал в нем отвращение.

Базиль видел также маленькую земляную черепаху, которая прильнула к земле и осторожно выглядывала из-под своего похожего на коробку панциря.

Но в этом «общезитии» были еще существа, намного страшнее остальных: земляные гремучие змеи. Одни, свернувшись, грелись на солнце, другие скользили между холмиками, будто в поисках добычи. Базиль заметил, что эти змеи отличаются от других гремучих

змей, которых он видел, по форме и расцветке, но их внешний вид и повадки производили такое же зловещее впечатление. Этот вид гремучих змей обитает только в засушливых районах.

Базиль невольно задумался над этой «коммуной» разных животных. Друзья это или последовательные звенья цепи разрушений? Конечно, они не могли быть все друзьями. Луговые собачки питаются травой, ящерицы — насекомыми и кузнечиками, которых здесь было очень много. Ими же, без сомнения, питаются и черепахи. Но что едят совы и змеи? Эти вопросы озадачили Базиля; он не мог найти им объяснения и подумал о Люсьене, который лучше него разбирался в повадках различных животных. Базиль уже давно начал подумывать о Люсьене и Франсуа, так как прошло два часа, а они не показывались. Беспокойство его все росло, но тут он вдруг увидел, что с запада движутся всадники, оказавшиеся, к его радости, теми, кого он ждал.

Спустя полчаса Люсьен и Франсуа подъехали, приветствуя брата радостными возгласами. Они, не останавливаясь, ехали с самого утра по следу Базиля. Мальчики сразу поняли, что белый конь убежал, а Базиль в нескольких словах рассказал им об охоте и о том, как она закончилась.

Было уже за полдень, а холм казался еще далеко, и наши охотники сделали небольшой привал, только чтобы проглотить кусочек мяса и отхлебнуть из фляжек, которые из-за сильной жары теперь почти опустели. Животные уже давно страдали от жажды, и поэтому мальчики без промедления сели в седла, чтобы продолжать путешествие.

— Через «город» луговых собачек? — спросил Франсуа, который вскочил в седло первым. — Поедем через него или объедем кругом?

В этом действительно было затруднение: колонии луговых собачек лежали непосредственно между ними и холмом. Чтобы ехать прямо, пришлось бы пересечь «город». Это значительно затруднило бы их передвижение, поскольку ехать можно было только медленно и зигзагами, чтобы избежать опасности споткнуться и

провалиться в норки. С другой стороны, если ехать в объезд, они отклонятся на несколько миль от своего курса — может быть, на много миль, так как колонии луговых собачек обычно тянутся на большие расстояния.

— Давайте продвинемся немного к югу, — посоветовал Люсьен. — Может быть, таким образом мы попадем на конец «города».

Юные охотники повернули лошадей на юг. Они проехали по меньшей мере мили две, держась вдоль границы «поселения», все время продолжая видеть его впереди. Оно явно тянулось еще на много миль.

— Мы не так поехали, — сказал Люсьен. — Может быть, было бы лучше повернуть на север, а теперь нам придется пересекать «город». Что вы скажете, братья?

Все согласились, так как не очень приятно кружить, когда цель путешествия уже близка.

Итак, лошадей снова повернули по направлению к холму, и маленький отряд медленно, с большой осторожностью поехал между норками грызунов.

При приближении всадников зверьки подбегали к своим холмикам, лаяли на незваных гостей, махали короткими хвостиками и затем исчезали в норках. Как только охотники удалялись ярдов на сто, зверьки снова появлялись и, как и раньше, издавали тоненькие капляющие нотки. Таким образом, когда наши путешественники въехали в середину «города», они оказались как бы в центре лающего кольца.

Совы взлетали перед ними и садились совсем близко, затем, вдруг испугавшись, улетали подальше, иногда скрываясь совсем из виду, а иногда, как собачки, прячась в норки. Гремучие змеи прятались так же, как и ящерицы. Самое удивительное было то, что все эти существа — собачки, совы, змеи, ящерицы, — убегая, иногда скрывались в один и тот же холмик, что наши путешественники наблюдали не раз.

Естественно, что об этом зашел разговор, и Люсьен добавил несколько фактов к тем наблюдениям, которые сделал Базиль.

— Если бы у нас было время разрыть норки, — ска-

зал Люсьен, — мы увидели бы, что они спускаются перпендикулярно на два—три фута. Дальше они идут наклонно несколько футов и кончаются маленькой «комнаткой», которая и является настоящим жилищем луговой собачки. Я говорю — «настоящим» жилищем, потому что эти конусообразные холмики — только вход. Они образовались из земли, вырытой при постройке норы. Как видите, эта земля не оставлена лежать в куче, как делают крысы и кролики. Луговые собачки тщательно складывают и приминают землю лапками до тех пор, пока она не станет совсем твердой и гладкой, затем дают возможность на этих холмиках вырасти траве, которая не позволяет дождям размывать землю. Ясно, что животные делают все это с целью — так же, как бобры, когда строят свои дома. На холмиках собачки любят лежать, греться на солнце и резвиться. Возможно, что им удобнее с этой позиции наблюдать за врагами и, таким образом, иметь время, чтобы скрыться.

— Но некоторые холмики совсем разрушены, — заметил Франсуа. — Посмотри: вон несколько холмиков провалилось и загрязнилось от дождя. Почему это?

— А это норы, в которых живут совы, — ответил Люсьен. — Вон сова как раз скрывается в одну из таких норок — видишь? Предполагают, что совы захватывают норки у грызунов и живут там сами, но, как ты уже заметил, содержат их в плохом состоянии. Все, что им нужно, — это нора, где можно укрыться, а наружная постройка может разрушаться от дождя. Конечно, хотя мы и видели, что и совы и собачки убегают в одну и ту же нору, это происходит лишь потому, что мы наехали на них неожиданно. Они не живут таким образом: у собачек свои собственные жилища, у сов — свои, разрушенные, как вы уже заметили.

— А совы не едят собачек? — спросил Базиль. — Ведь большие лесные совы едят зверьков такого размера. Я видел, как они ловили в сумерках кроликов.

— Эти — нет, — ответил натуралист. — По крайней мере, так предполагают. У многих сов, подстреленных и вскрытых, ничего не обнаружено в желудках, кроме жуков и других насекомых, каких мы видели в прерии.

Я думаю, что иногда совы едят жабовидных ящериц. Известно, что птицы этой породы питаются и пресмыкающимися.

— А как живут гремучие змеи? — спросил Франсуа. — Что служит им пищей?

— Вот это является загадкой для натуралистов, — сказал Люсьен. — Некоторые утверждают, что гремучие змеи — тираны всей «коммуны» и пожирают старых грызунов. Я думаю, это маловероятно, так как такие змеи недостаточно велики, чтобы проглотить взрослую собачку. Однако достоверно известно, что иногда змеи пожирают детенышей луговых собачек.

— Ну что ж, — сказал Франсуа, — змеям, кажется, очень удобно. Если они едят маленьких луговых собачек, что может им помешать убивать их в любом количестве? Они могут проникнуть в норку с такой же легкостью, как и сами собачки.

— Это правда, — ответил Люсьен. — Но эти змеи не такие проворные, и возможно, что собачки могут даже убежать от них в норку. Гремучая змея очень медленно ползает. Возможно, что в такой подземной галерее она еще меньше способна поймать собачку. А у старых собачек, наверно, есть какой-нибудь способ защиты себя и своих детенышей от нападения ядовитой змеи. До сих пор очень мало известно о луговых собачках. Они обитают в отдаленных районах, и натуралистам трудно наблюдать их; а у тех из них, которые посетили такие «города», едва хватило времени, чтобы сделать торопливые наблюдения. Луговые собачки очень пугливы — они редко подпускают к себе на расстояние выстрела. Их очень нелегко поймать, разрывая норы, так как норы эти очень глубоки, а поскольку шкурки этих грызунов ценятся невысоко, а мяса они дают мало, охотники чрезвычайно редко убивают этих зверьков.

— А они съедобные? — поинтересовался Франсуа.

— Да, — ответил Люсьен. — Индейцы очень любят их мясо и едят его всякий раз, когда представляется возможность.

— Чем питаются луговые собачки зимой, когда нет травы? — спросил Франсуа.

— Тогда они лежат в спячке. В их подземных «квартирах» есть гнезда, и очень интересные. Они построены из травы и корней, круглые, как глобус, и такие прочные, что ими можно играть, как футбольным мячом. Самое гнездо расположено внутри. В него ведет маленькое отверстие, не шире твоего пальца. Когда собачка влезает туда, она заделывает гнездо со всех сторон, за исключением этого отверстия, через которое она получает необходимый воздух. В таких уютных постелях собачки спят во время холодов, и их редко можно встретить тогда на поверхности земли.

Глава XXIV

НОЧЬ В ПУСТЫНЕ

Разговаривая таким образом, юные охотники продолжали ехать вперед, держась как можно дальше от краев холмиков, чтобы копыта лошадей не провалились в разрытую землю. Они проехали уже целых пять миль, а «поселение» луговых собачек все еще простиралось перед ними. Все еще эти зверьки со всех сторон издавали свое «кху-кху», все еще совы бесшумно взлетали вверх, а гремучие змеи пересекали им путь.

Солнце уже садилось, когда юные охотники выехали из зоны холмиков на твердую бесплодную равнину. Разговор принял более мрачное направление, потому что помрачнели их мысли. Мальчики выпили уже всю свою воду. Жара и пыль распяляли жажду, и вода, которая нагрелась во флягах, принесла мало облегчения. Холм все еще, казалось, был на большом расстоянии — по меньшей мере милях в десяти. Что, если и достигнув его, они не найдут воды? Недобрые предчувствия и страх одолевали мальчиков.

Базиль понял теперь, как необдуманно они поступили, не послушавшись благоразумных советов Люсьена, но было уже слишком поздно сожалеть, как это часто случается с теми, кто поступает опрометчиво.

Охотники видели, что необходимо достигнуть холма

как можно скорее. Надвигалась ночь. Если ночь будет темной, они потеряют холм из виду, собьются с пути и будут блуждать до рассвета.

Подавленные страхом, мальчики старались ехать как можно быстрее и понукали животных, но те, измученные долгим путешествием и жаждой, еле передвигали ноги.

Наши путешественники отъехали от колоний луговых собачек мили три, когда, к своему ужасу, увидели вдруг, что прерия разверзается перед ними, образуя одну из тех трещин, которые часто встречаются на высоких плато Америки. Трещина, или барранкос, была почти в тысячу футов глубиной и обрывалась отвесно в глубь земли; края ее отстояли друг от друга не очень далеко. Она преграждала путь нашим охотникам и тянулась на мили вправо и влево то по прямой, то зигзагами. Когда мальчики подъехали к ее краю, они сразу увидели, что пересечь трещину им не удастся. Она была обрывистой с обеих сторон, и в некоторых местах темные скалы нависали над пропастью. На дне трещины не было воды, которая могла бы порадовать путников, но, даже если бы вода и была, они не смогли бы достать ее. Дно было сухое, покрытое обломками скал, упавших сверху.

Это было препятствие, которого не ожидали наши путешественники, и они в отчаянии взглянули друг на друга. Несколько минут мальчики раздумывали, как поступить: поехать по краю и постараться найти переправу? Или лучше вернуться по своим следам и попробовать отыскать источник, который они покинули утром? Последний план устрашал их: они знали, что невозможно проехать по холмикам грызунов в темноте — это опасно и означает большую потерю времени. Всегда очень неприятно возвращаться назад, особенно если уже заехали так далеко. В конце концов они решили поискать переправу.

С этим намерением юные охотники снова двинулись в путь, держась вдоль края трещины. Они выбрали тропинку, которая, казалось, вела вверх, надеясь таким путем скорее достигнуть места, где трещина будет более

мелкой. Мили и мили оставались позади, но трещина с ее отвесными утесами все еще чернела перед ними, и не было нигде места, где можно было бы ее пересечь. Солнце зашло, и настала ночь, темная-темная. Мальчики остановились. Они не решались ехать дальше, не решались и повернуть назад, боясь провалиться в какое-нибудь ответвление этой трещины. Они сошли с лошадей и опустились на землю в полном отчаянии.

Невозможно описать их мучения в ту ночь. Юные путешественники не сомкнули глаз ни на минуту. Муки жажды и мысль о том, что они не знают, что еще принесет им утро, не давали им спать. Они даже не привязывали лошадей, так как травы здесь не было, и сидели всю ночь, держа поводья в руках. Бедные лошади, как и сами мальчики, страдали от жажды и голода, а Жаннет время от времени издавала жалобные крики, которые было больно слышать.

Как только настал день, юные охотники сели в седла и поехали дальше по краю трещины. Они видели, что трещина извивается в разных направлениях, и, к довершению всех бед, обнаружили, что могли бы найти ту тропинку, по которой ехали сюда, лишь проделав весь пройденный путь по собственным следам. Солнце было закрыто облаками, и мальчики не знали, в каком направлении находится источник, который они оставили. Они не отыскиали бы этот источник, если бы даже у них хватило сил достигнуть его.

Юные охотники продолжали ехать вперед, обсуждая вопрос, не попробовать ли добраться до этого источника, когда вдруг увидели, что их тропинку пересекает глубокая тропа бизонов. Следы были явно свежие. Мальчики приветствовали это зрелище радостными возгласами, так как поняли, что тропа бизонов приведет их к переходу. Без колебаний мальчики въехали на эту тропу и направились по ней вниз. Как они и предполагали, тропа спускалась на дно и затем выходила на другую сторону трещины, куда они скоро и прибыли в целости и сохранности.

Однако это еще не было концом их мучений, которые теперь стали ощущаться острее прежнего. Атмосфера

была накалена, как печь, и тонкая пыль, взлетающая из-под копыт лошадей, окутывала мальчиков удушающим облаком, так что иногда они даже не могли разглядеть холм, к которому держали путь. Не было смысла делать привал. Остановиться — означало верную смерть, и они продолжали двигаться вперед. Силы покидали мальчиков, они едва держались в седлах и были даже не в состоянии говорить друг с другом. Жажда почти лишила их способности разговаривать.

Солнце склонялось к западу, когда наши путешественники, обессиленные, задыхающиеся от пыли и жары, едва держась в седлах, на лошадях, которые уже не шли, а буквально ползли, приблизились к подножию горы. Глаза их были жадно устремлены вперед; во взглядах отражались одновременно надежда и отчаяние.

Серый скалистый утес, представший перед ними, был угрюмый и весь в трещинах. Казалось, он негостеприимно хмурился на мальчиков, когда они подъехали ближе.

Неужели здесь нет воды? Но тут Жаннет, которая до сих пор тащилась сзади, выскочила галопом вперед с громким криком. Жаннет, как мы уже говорили, была старым путешественником по прерии и могла почуять воду на таком же далеком расстоянии, на каком волк почуял бы ее тушу. Другие животные, взглянув на Жаннет, побежали за ней. В следующее мгновение маленькая кавалькада обогнула группу скал, и там радостному взору путников предстала зеленая трава и ивы, между которыми бурлили кристальные воды степного родника. Через несколько секунд и лошади и всадники уже утоляли жажду прохладной водой.

Глава XXV

ВИЛОРОГИЕ АНТИЛОПЫ

Этот холм являлся одним из своеобразных образований, встречающихся в Великой американской пустыне, — чем-то средним между горой и холмом. По своей форме он отличался и от той и от другого; он был боль-

ше похож на огромную массу земли и скал, поднятую над прерией, со всех сторон отвесную, а на вершине гладкую и плоскую. Это был один из тех холмов, которые на языке испанской Америки называются «мезас» или «столы» — из-за их плоских, похожих на стол вершин. Такие холмы, обычно глинистые, чаще всего встречаются в верховьях Миссисипи и пустынных районах к западу от Дель Норте. Иногда несколько таких холмов стоят близко друг от друга на равнинах и производят впечатление, что их вершины когда-то в древности составляли одно целое и что потом часть земли между ними была размыва дождями или унесена другим каким-либо способом, а холмы так и остались стоять. Тем, кто привык смотреть на закругленные холмы или горы с острыми пиками, эти высокие мезас кажутся совершенно необычными; они представляют интересный предмет изучения для геолога.

Вершина холма, у которого остановились наши путешественники, имела площадь в двадцать—тридцать акров, а его отвесные склоны возвышались над окружающей прерией почти на две сотни футов. Поверхность холма поросла редкими высокими соснами, а над крутыми обрывами нависали низкорослые сосенки и кедры. По краям росли агавы, юкки и кактусы. Все это придавало холму очень живописный вид.

Утолив жажду, наши путешественники не думали, уж конечно, ни о чем другом, как только о том, чтобы остаться здесь и дать отдых себе и своим животным. Мальчики видели вокруг все необходимое для привала: воду, деревья и траву.

Юные охотники начали с того, что срубили несколько сосенок, которые росли у подножия. Скоро был зажжен яркий костер. У них оставалось медвежатины еще дней на пять. Чего им было еще желать!

Путешественники обнаружили, что даже этот бесплодный район природа наделила деревьями и растениями, пригодными для поддержания жизни. Сосенки предоставили свои мучнистые шишки, агавы — съедобные корни, а по берегам ручейка рос хлебный корень. Они увидели маленькое растение с белыми, похожими

на лилию цветами. Это было индейское «сегó», а мальчики знали, что на его корнях находятся клубни величиной с орех, которые очень вкусны в вареном виде. Люсьен узнал все эти съедобные продукты и обещал братьям на завтра отличный обед. Сейчас они не в силах были заниматься приготовлением еды — так они устали и хотели спать. Медвежатина для голодных и жаждущих путников не требовала никакой приправы.

Итак, юные охотники тщательно смыли с себя пыль, съели свою скромную пищу и растянулись, чтобы хорошенько отдохнуть за долгую ночь.

Наши путешественники насладились полным отдыхом. Их ничто не беспокоило. Можно было предположить, что после стольких трудностей они проснутся все же утомленные, но, как ни странно, они встали со свежими силами. Люсьен объяснил это освежающим влиянием разреженной, сухой атмосферы, и он был прав, ибо, хотя мальчиков и окружала бесплодная почва, климат этой местности является одним из самых здоровых в мире. Многие туберкулезные больные, которые пересекали прерии с лихорадочно горящими щеками и изнурительным кашлем, возвращались к своим друзьям, чтобы засвидетельствовать то, что я сейчас говорю.

Все три брата чувствовали себя как нельзя более бодрыми и сразу приступили к изготовлению завтрака. Они набрали полную шапку сосновых шишек, из семян которых Люсьен умел готовить кушанье. Семена высушили и истолкли. В сочетании с медвежатинной получилась отличный охотничий завтрак. Потом мальчики стали думать об обеде и выкопали немного сегó и хлебного корня. Кроме того, они нашли мальву, длинные, суживающиеся к концу корни которой напоминают пастернак как по вкусу, так и по внешнему виду. Все это они потушили с медвежатинной, и кушанье в некоторых отношениях напоминало ветчину с репой, пастернаком и бататом, так как корни сегó, приготовленные таким образом, похожи на батат, или на сладкий картофель.

Конечно, наши путешественники не ели обед непосредственно после завтрака — между тем и другим был

большой интервал, во время которого они мыли, чистили и чинили свои вещи, так как все пришло в полный беспорядок во время спешки последних дней. Занимаясь этим, братья время от времени поглядывали в прерию, но бизонов не было видно. Правда, юные охотники не очень настойчиво искали их, потому что решили остаться здесь на день или два, пока животные не отдохнут как следует и не будут готовы снова приняться за тяжелую работу.

Животные наслаждались отдыхом так же, как их хозяева. По берегам ручейка росло много сочной травы, а для счастья лошадей и мула, кроме травы и воды, ничего больше и не было нужно. Жаннет, по-видимому, радовалась, что темные леса, где ее чуть не разорвали на части кугуары и дикие свиньи, остались позади.

Еще не настал вечер, а мальчики уже закончили все свои дела. Седла, уздечки и лассо были тщательно почищены и развешаны на скалах. Ружья они протерли и как следует почистили затвор, ложу и ствол. Лошадей тоже вымыли у ручья, а задние ноги Жаннет опять смазали медвежьим жиром.

Итак, управившись со всеми своими делами, юные охотники сидели на трех больших камнях около источника, беседуя о своих приключениях и строя планы на будущее. Конечно, бизоны являлись основной темой — ведь это была цель экспедиции. Не забывали они и о своем любящем, добром отце и заранее радовались тому удовольствию, которое он получит, слушая повесть об их приключениях, когда они вернутся. Говорили они и о Гуго, и Франсуа смеялся, вспоминая, какие он проделывал шутки над маленьким капралом.

Развлекаясь таким образом, мальчики вдруг заметили в прерии, на некотором расстоянии, какие-то существа.

— Смотрите! — воскликнул Франсуа. — Целая цепочка волков!

Волки не являлись необычным зрелищем, и даже в тот момент несколько их сидело не дальше чем в двухстах ярдах от лагеря. Это были волки, которые следовали за отрядом на протяжении уже нескольких дней.

— Животные, которых мы там видим, — не волки! — радостно сказал Базиль. — Мне кажется, это олени.

— Нет, брат, — отозвался Люсьен, — это антилопы.

Слова Люсьена заставили Базилия и Франсуа схватиться за ружья.

Базилию особенно хотелось подстрелить антилопу, потому что он никогда еще не охотился на них. Он даже не видел никогда антилопы, так как это животное не водится около Миссисипи.

Как ни странно, любимым местом антилоп являются бесплодные пустыни, расположенные у подножия Скалистых гор, где очень мало травы и еще меньше — воды.

В некоторых таких пустынях антилопа является единственным жвачным животным значительных размеров, которое можно тут встретить. Их часто находят так далеко от воды, что некоторые натуралисты утверждают, будто антилопы могут жить без этого необходимого элемента. Ученые забывают, что то, что для них кажется «далеко от воды», для антилопы — пять минут бега, или, вернее сказать, полета, потому что скорость и легкость, с которой передвигаются антилопы, больше напоминают полет птицы, чем галоп четвероногого существа.

Антилопы мало отличаются от оленей. У оленей нет желчного пузыря, а у антилоп есть. Другое различие у них — в рогах. Рога оленя состоят из сплошной костной ткани, отличающейся от настоящего рога, а рога антилопы больше похожи на рога козла. Натуралисты говорят, что в Северной Америке есть только один вид антилоп — вилорогие. Когда фауна Мексики будет как следует изучена, я думаю, что найдут и какой-нибудь другой вид.

Вилорогие антилопы встречаются только в бескрайних прериях Дальнего Запада. Эти антилопы очень пугливы и робки. Охотникам удастся приблизиться к ним только хитростью и уловками. Индейцы иногда охотятся на стадо антилоп способом загона или окружения. Но даже в этих случаях необычайная быстрота ног выручает антилопу, давая ей возможность убежать. Догнать антилопу стоит такого труда, что в тех местах, где

есть какие-нибудь другие животные, на антилоп охотятся редко.

Легче всего настичь антилоп, когда они переходят реку, так как их тонкие ноги и маленькие копытца делают их довольно слабыми пловцами. Индейцы иногда уничтожают все стадо, пока оно пытается переплыть широкие степные потоки.

Хотя антилопа и очень робка, она в то же время любопытна и часто приближается к самому опасному врагу, лишь бы удовлетворить свой инстинкт любопытства. Нашим героям было суждено стать свидетелями замечательной иллюстрации этой особенности антилоп.

Базиль и Франсуа схватили ружья, но не двинулись с места. Они рассудили, что это было бы бессмысленно, поскольку кругом не было даже пучка травы, чтобы скрыть их от приближающихся антилоп. Поэтому мальчики сидели тихо, в надежде, что животные направляются к источнику и сами подойдут поближе. Мальчики оказались правы: стадо, в котором насчитывалось около двадцати антилоп, шло по прерии, направляясь прямо к холму. Они шли гуськом следом за своим вожаком, совсем как индейцы на военной тропе. Скоро они были уже настолько близко, что охотники могли различить каждую часть их тела — их желтые спины, белые бока и животы, короткую торчащую гриву, изящные ноги и длинные острые мордочки. Они могли даже рассмотреть маленькие черные пятнышки за щеками, испускающие неприятный запах — такой, как от обыкновенного козла, из-за чего охотники-трапперы на своем неромантичном жаргоне прозвали этих грациознейших животных «козлами».

Стадо приближалось. Мальчики спрятались за ивовыми кустами, чтобы антилопы не заметили их. Они увидели также, что с рогами был только один, самый первый, вожак; все остальные были самки или молодые антилопы. Когда животные подошли ближе, они, казалось, не обратили внимания на лошадей, которые паслись на равнине, а не на самой их дороге. Антилопы явно приняли лошадей за мустангов, которые не являются их врагами и поэтому не вызывают в них страха.

Наконец антилопы приблизились к ручью и двинулись дальше к самому источнику — может быть, для того, чтобы сделать глоток наиболее прохладной и освежающей воды из самого ключа. Юные охотники лежали, спрятавшись в ивняке, с ружьями наготове, намереваясь выстрелить, как только ничего не подозревающие антилопы подойдут на достаточно близкое расстояние.

Антилопы были уже близко — пожалуй, меньше чем в двухстах ярдах, — когда мальчики увидели, что вожак вдруг кинулся вправо, отскочив от воды. Что это могло означать?

И тут мальчики заметили на земле несколько пушистых предметов.

Предметы были странные, рыжевато-коричневого цвета, и их можно было бы принять за спящих лис. Но это не были лисы — это были койоты, степные волки, — животные похитрее самих лис. И они вовсе не спали — они только притворялись спящими.

Койоты лежали, прильнув к земле, спрятав головы в пушистые хвосты, и было бы невозможно определить, кто это, если бы мальчики не знали, что это те же самые волки, которых они наблюдали всего несколько минут назад. Их было около полудюжины, и они лежали вплотную друг к другу; на первый взгляд казалось, что это какой-то один предмет или несколько предметов, скрепленных между собой. Волки лежали неподвижно. Они-то и привлекли внимание вожака антилоп и заставили его изменить направление.

Желая увидеть развязку, наши охотники продолжали лежать тихо в своей засаде.

Все антилопы последовали за своим вожаком и шли теперь в новом направлении, цепочкой, как солдаты. Они шли медленно, вытянув шеи, пристально вглядываясь в странные предметы, находящиеся перед ними. Подойдя к волкам ярдов на сто, вожак остановился и стал принюхиваться. Другие антилопы подражали каждому его движению, но ветер дул в сторону волков, поэтому антилопы, которые хотя и обладают очень острым обонянием, ничего не могли почуять. Они продвинулись

вперед еще на несколько шагов, снова остановились, зафыркали и опять пошли вперед. Так продолжалось несколько минут, и было ясно, что в душе этих существ происходит борьба между страхом и любопытством. Иногда, казалось, страх брал верх, антилопы дрожали и настораживались, будто готовые пуститься наутек. Затем снова побеждало любопытство, и результатом было новое продвижение вперед.

Так антилопы подходили ближе и ближе, пока вожак не оказался в нескольких шагах от волков, которые все это время лежали не шелохнувшись, как мыши, или, вернее, как кошки, подстерегающие мышей. Волки лежали абсолютно неподвижно, только длинные волосы хвостов слегка шевелились от ветра. Но это только еще больше возбуждало любопытство антилоп.

Вожак, казалось, вдруг осмелел. Это был толстый, старый самец — чего было ему бояться? Почему он должен опасаться существ, у которых нет ни голов, ни зубов, ни когтей и которые явно даже не способны двигаться? Несомненно, это неодушевленные предметы.

Скоро он разрешит эту задачу — он просто выступит вперед и дотронется носом до одного из них.

Вожак решительно пошел вперед и коснулся острым носом шерсти одного из волков.

Волк, который все время подглядывал исподтишка в ожидании именно этого момента, мгновенно вскочил на ноги и схватил антилопу за горло. Остальные койоты последовали его примеру. Через минуту вило-рог был повален на землю, и вся стая волков накинулась на него.

Испуганное стадо повернуло и рассыпалось по прерии. Некоторые побежали в сторону охотников, но так быстро пролетели мимо, что поспешные выстрелы мальчиков не попали в цель. Ни одна из антилоп, казалось, не была ранена, и через несколько секунд никого из них уже не было видно. Все спаслись, кроме вожака, который умирал под клыками волков.

— Ну ничего, он-то, по крайней мере, достанется нам, — сказал Базиль. — Заряжайте ружья, братья, —

пусть волки убьют его, мы потом легко отгоним их прочь.

— Очень любезно с их стороны, — добавил Франсуа, — обеспечить нас свежей олениной на ужин. Нам не получить бы ее, если бы не их хитрость. Мы оказали волкам услугу, угостив их медвежатиной, и им как раз пора отплатить нам тем же.

— Тогда нам лучше поторопиться, — сказал Люсьен, перезаряжая ружье. — Волки очень деятельно принялись за дело — они могут растерзать в клочки нашу оленину. Посмотрите, какая драка!

Койоты прыгали вокруг тела вилорога, то накидываясь на него всей массой, то рассыпаясь в стороны. Они явно стремились растерзать животное. Пасти их были запачканы кровью, пушистые хвосты непрерывно двигались.

Охотники спешили перезарядить ружья, иначе, как предсказал Люсьен, волки испортили бы все мясо. На то, чтобы зарядить ружья, у мальчиков ушло не больше минуты. Все трое побежали вперед. Маренго, вытянув шею и открыв пасть, неся впереди, стремясь сразиться со всей стаей волков.

До того места, где находились волки, было не больше трехсот ярдов, и, когда наши охотники подбежали ближе, они остановились, вскинули ружья и выстрелили. Залп произвел должный эффект: два койота подскочили и покатались по траве, а остальные, бросив добычу, рассеялись по прерии.

Маренго кинулся на одного раненого волка, а другого мальчики добили прикладами. Но где же антилопа? Вместо нее лежало с полдюжины кусков растерзанной шкуры, голова с рогами, задние ноги и несколько полуголоданных ребер и других костей. Это все, что осталось от красивого животного, которое всего несколько минут назад шествовало по прерии, гордое сознанием своей силы, здоровья и красоты.

Юные охотники рассматривали его останки с разочарованием и грустью, ибо, хотя у них было еще много медвежатины, они уже предвкушали удовольствие поужинать свежей олениной. Но не осталось ни задней

Вся стая койотов накинулась на елорога.

пожжи, ни «седла» — ничего, кроме изорванных, непригодных клочков; поэтому, после резких высказываний по адресу волков, мальчики предоставили это все Маренго и, медленно вернувшись к себе в лагерь, снова уселись на камни.

Глава XXVI

ПРИМАНИВАНИЕ АНТИЛОПЫ

Мальчики просидели так не больше пяти минут, как вдруг их внимание было снова привлечено прерией. Другое стадо антилоп! Странно, но это так. Как и первое, оно направлялось прямо к источнику. Охотники знали, что это не те же самые антилопы, ибо это стадо было намного больше и в нем было несколько самцов, которых легко можно было распознать по слегка разветвленным рогам.

Мальчики снова зарядили ружья и подозвали к себе Маренго, чтобы тот не спугнул антилоп.

Эти антилопы, как и первые, выступали в полном порядке, гуськом, и их вел самец. В стаде было около тридцати животных. Они, очевидно, весь день паслись на каком-нибудь отдаленном пастбище, а теперь шли к воде, намереваясь хорошенько напиться, прежде чем улечься спать.

Подойдя к источнику на четыреста — пятьсот ярдов, антилопы свернули слегка влево. Это привело их сразу к ручью, в который они вошли; напившись, они вышли на берег и опять стали щипать траву. Было ясно, что антилопы не собираются подходить ближе к холму или к ивам, где сидели в засаде наши охотники. Это было разочарованием. Братья еще раз настроились на то, чтобы получить на ужин антилопу, а теперь шансов на это становилось все меньше и меньше, так как животные, вместо того чтобы подойти поближе, паслись в прерии, в стороне от них. Не за что было и спрятаться, чтобы приблизиться к вилорогам. Что же оставалось делать охотникам, как не примириться с обстоятельствами?

Но тут Базиль пришла на ум одна хитрость. Он слышал об этом от старых охотников, и поведение первого стада в отношении волков напомнило ему о ней. Базиль решил воспользоваться этой хитростью, чтобы добыть антилопу.

Предупредив братьев, чтобы они не шумели, он взял одно из красных одеял, лежащих неподалеку, потом срезал длинную, раздвоенную на конце ветку и заострил ее с другого конца ножом. Растянув перед собой одеяло и держа ружье в одной руке и ветку — в другой, Базиль вышел из кустов ивняка на открытое пространство: одеяло, таким образом, полностью скрывало юного охотника. Он прошел так, согнувшись, несколько шагов, пока не привлек внимания антилоп. Тогда Базиль глубоко воткнул ветку в землю, повесил на развилку одеяло и встал на колени, прячась за ним.

Необычный по форме и цвету предмет — красное одеяло — сразу возбудил любопытство стада. Антилопы перестали пастись и начали приближаться, то и дело останавливаясь. Они шли не гуськом, как первое стадо. То один самец, то другой становился во главе; казалось, каждый из них стремился показать свою храбрость.

Через несколько минут один из самых больших самцов подошел на расстояние выстрела. Тогда Базиль прицелился ему в грудь и выстрелил. Самец подскочил на месте, но, к великому разочарованию стрелка, повернувшись и ускакал со всем стадом, которое пустилось бежать, едва услышав выстрел.

Базиль отметил это с некоторым удивлением. Он очень тщательно целился и знал, что в таких случаях редко давал промах. Но на этот раз он, очевидно, промахнулся, так как видел, что антилопа убегает явно невредимая. Отнеся свою неудачу за счет спешки, в которой он заряжал ружье, Базиль поднял его и с огорченным видом повернулся к братьям.

— Посмотри туда! — закричал Франсуа, который все еще наблюдал за убегающими антилопами. — Посмотри на волков! Они бегут за стадом!

— Ну да! — воскликнул Люсьен. — Ты ранил его,

иначе волки никогда бы не погнались за ним. Смотри, они бегут по его следу, как гончие!

Люсьен оказался прав: животное было ранено; в противном случае, волки никогда не пошли бы на такое безнадежное преследование. Как это ни странно, хитрые койоты могут определить, ранено ли животное, лучше, чем сами охотники, и очень часто преследуют и догоняют его, когда охотники думают, что животное убежало. Поэтому было ясно, что Базиль ранил антилопу, хотя и не смертельно, и волки теперь гнались за ней в надежде поймать.

Базилю пришла в голову новая мысль. Он подумал, что может еще подоспеть к тому времени, когда антилопа станет умирать; он подбежал к лошади, вытащил колышек, к которому она была привязана, и, вскочив на неоседланного коня, бросился в погоню. Скоро Базиль скакал уже во весь опор по прерии, не теряя из виду волков. Он видел антилопу, в которую стрелял, на некотором расстоянии впереди волков, но намного позади остального стада. Она бежала явно с трудом, преодолевая боль.

Юный охотник проскакал к этому времени пять миль, но вдруг, когда до волков оставалось всего полмили, увидел, что они поравнялись с раненой антилопой и повалили ее на землю. Базиль торопился изо всех сил, пустив своего Черного Ястреба самым быстрым галопом. Через несколько минут он подскакал к волкам и разогнал их. Но он опять опоздал: тело антилопы было разодрано в куски и наполовину съедено. В награду за долгую скачку Базилю достались только полуобгрызенные кости и клочья шкуры.

Разочарованный, охотник повернул лошадь и медленно поехал обратно, всю дорогу ругая про себя волков.

Когда Базиль вернулся, Франсуа присоединился к его проклятьям, так как ему надоела медвежатина и он был зол, что уже во второй раз их провели и опять не удалось получить на ужин что-нибудь свежее.

Люсьен, однако, уверил их обоих, что, как он слышал, мясо антилопы, в конце концов, не так уж вкусно.

Это до некоторой степени успокоило мальчиков, и они приготовили тушеную медвежатину с «пастернаком» — сосновыми семенами. Люсьен сделал это по индейскому способу, и у них получился такой ужин, от которого никто бы не отказался.

Поев, юные охотники подвели своих лошадей ближе к лагерю, чтобы иметь их под рукой в случае необходимости, и, завернувшись в одеяла, легли, чтобы выспаться и отдохнуть.

Глава XXVII

ОХОТА НА СИММАРОНОВ

Но в эту ночь им не удалось поспать спокойно. Дважды или трижды лошади рвались с привязи, напуганные каким-то зверем, бродившим вокруг. Это могли быть волки, но собака Маренго, не обращавшая внимания на волков, выказывала признаки страха, по временам яростно ворчала и все время держалась поближе к лагерю. Жаннет тоже подошла поближе к огню, насколько ей позволяла веревка, и путешественники видели, что она дрожит, будто от страха перед каким-то хорошо известным врагом. Несколько раз среди завывания волков братья различали странный звук, совершенно не похожий на волчьи голоса. Он скорее напоминал протяжное рычание, издаваемое низким, ворчливым тоном; при этом звуке Жаннет каждый раз вздрагивала, а Маренго жался поближе к своим хозяевам. Может быть, это голос кугуара? Или, что еще страшнее, рычание гризли? Это было вполне возможно. Юные охотники теперь находились в районе, где встречаются эти свирепые животные, и как раз в таком месте, которое мог бы избрать себе для жительства один из медведей гризли.

Если бы юные охотники были уверены, что гризли действительно находятся поблизости, они сразу лишились бы сна. Однако это было лишь предположение. Тем не менее мальчики решили не спать все одновременно, а по очереди дежурить. Они подложили в костер нового хвороста, чтобы пламя дало им возможность далеко ви-

деть вокруг, а затем двое из них легли спать, в то время как третий уселся сторожить с ружьем в руках, готовый к любому внезапному нападению. Каждый из мальчиков сторожил по два часа, пока не наступил рассвет, который положил конец их страхам, так как никакой зверь так и не появился.

Теперь наши охотники начали энергично действовать: отпустили лошадей пастись на траве, умылись в кристальной воде источника и приготовили завтрак. Мальчики обнаружили, что их запаса вяленой медвежатины хватит им не больше чем на два дня, так как во время последней стоянки порядочная порция мяса была унесена волками. Они забеспокоились насчет своего пропитания в будущем, так как в этой местности, по-видимому, не было никакой другой дичи, кроме антилоп, а они уже знали теперь по опыту, как мало шансов добыть этих животных. Стало быть, если они не встретят бизонов, им угрожает голодная смерть.

Эта мысль не покидала мальчиков, пока они готовили и ели завтрак, и они решили уменьшить свой рацион вполовину и строго экономить то небольшое, что осталось.

После завтрака наши путешественники стали совещаться о том, куда ехать дальше. Ехать ли им на север, на юг, на восток или на запад от холма? Мнения их разделились, однако в конце концов все они сошлись на том, что, прежде чем принять то или иное решение, они взберутся на холм и, оглядев местность с его вершины, решат, куда лучше направиться. А может быть, они увидят оттуда бизонов: с этой возвышенности, несомненно, открывается вид на прерию во все стороны.

Вскинув ружья на плечи и оставив одеяла и все остальные пожитки у источника, юные охотники отправились пешком искать подъема на холм. Они стали обходить его с западной стороны, так как их лагерь находился у северо-восточного склона. Продвигаясь таким образом, мальчики стали опасаться, что им так и не удастся взобраться на холм. Казалось, со всех сторон склоны его поднимаются перпендикулярно. У подножия

то тут, то там лежали осколки скал, должно быть упавшие сверху. По склонам росли деревья, пустившие корни между пластами породы. По краям вершины высились сосны, простирая свои ветви над равниной; алоэ, юкки и кактусы придавали холму еще более живописный вид.

Когда наши путешественники достигли самой западной точки холма, их взорам представилась новая картина. Далеко на западе они увидели гряду утесов, или низких гор, которая тянулась с севера на юг насколько хватал глаз. Эта гряда утесов, похожих на их холм, являлась восточным склоном знаменитой Ляно Эстакадо, или «Столбовой равнины». Мальчики часто слышали, как охотники рассказывали об этом плато, и с первого взгляда узнали его. Холм, вокруг которого они путешествовали, был не чем иным, как несколько отдаленной от него частью этого замечательного образования прерии.

Полюбовавшись на утесы, наши юные охотники пошли дальше, огибая холм с южной стороны. Но и здесь скалы поднимались перпендикулярно, и не было ни одного склона, по которому можно было взобраться. Скалы казались даже выше с этой стороны, и в некоторых местах нависали темными выступами оползни, на которых росли, вытянувшись почти горизонтально, высокие деревья.

В одном месте мальчики остановились и стали глядеть вверх, как вдруг у края вершины над ними появилось несколько странных существ. Это были животные, но юные охотники никогда прежде не видели таких. Каждый из них был величиной с обычного оленя и почти такого же цвета — рыжеватый на спине и боках, а грудь, ляжки и вся нижняя часть туловища были белые. Строением тела эти животные походили на оленя, но были несколько толще. Формой головы и «выражением лица» они больше всего напоминали овец. Но самым замечательным были рога, и по ним наши охотники с первого взгляда определили, что это за животные. Это были симмароны, или дикие овцы Скалистых гор. По форме рогов они сильно отличались друг от друга, и

на первый взгляд казалось, что тут две разные породы животных. У некоторых были короткие рога, не больше шести дюймов, поднимающиеся со лба и слегка загибающиеся назад. Между концами рогов расстояние было небольшое. Это были самки. Самцы же выглядели совсем по-другому благодаря огромным рогам. Их рога росли прямо над глазами, сначала загибаясь назад, а затем снова вперед, да так сильно, что их концы почти касались с обеих сторон челюстей животных. Рога некоторых из них были больше ярда длиной и полуярда в окружности у основания и имели глубокие кольцеобразные зарубки, как у обыкновенного барана. Эти огромные рога придавали животным какой-то особенный и внушительный вид, когда они стояли на краю пропасти, вырисовываясь на фоне синего неба. Всего их было около дюжины, самцов и самок, но самцов было лучше видно, так как они находились ближе к краю утеса и, глядя вниз, принимали вид.

Как только наши юные охотники пришли в себя от удивления, все трое вскинули ружья, приготовляясь выстрелить. Но симмароны, казалось, разгадали их намерение, ибо, едва на них направили ружья, они повернули и исчезли в мгновение ока.

Более четверти часа мальчики стояли, надеясь, что животные еще раз появятся над пропастью, однако те не возвращались: они удовлетворили свое любопытство и, будучи умнее антилоп, не хотели, чтобы оно вовлекло их в опасность. Поэтому наши охотники были вынуждены в конце концов уйти и продолжать поиски тропинки, которая привела бы их наверх.

Теперь они еще больше стремились достигнуть вершины холма. На нем было стадо диких баранов, и мальчики надеялись пополнить ими свой запас продовольствия. Продвигаясь, охотники тщательно приглядывались к каждой ложбине, к каждой расселине, которая могла бы привести их на вершину утеса, но на всем южном склоне нельзя было найти ни одной подходящей тропинки.

— Должен же быть какой-нибудь путь наверх! —

сказал Франсуа. — Иначе как же могли попасть туда овцы?

— Может быть, они выросли там и никогда не спустились на равнину, — ответил Базиль.

— Нет, этого не может быть, — сказал Люсьен. — Я думаю, что на плато сверху нет воды, а этим животным вода нужна так же, как всяким другим. Они должны время от времени спускаться к водоемам, чтобы напиться.

— Значит, здесь есть тропинка, — сказал Франсуа.

— Без сомнения, для них она есть, — ответил Люсьен, — но мы, возможно, и не будем в состоянии подняться по ней. Хотя у симмаронов копыта, как у овец, они могут карабкаться, как кошки, и прыгать, как белки. Поэтому они легко убегают от волков, кугуаров и других животных, которые охотно поживились бы ими.

— Я слышал, — сказал Базиль, — что они могут кинуться вниз на сто футов и больше, прямо на рога, и ни капельки не ушибиться. Это правда, Люс?

— Да, так говорят и индейцы и трапперы, и опытные путешественники верят им. Правда это или нет, натуралисты еще не выяснили. Известно, что дикие овцы могут спрыгнуть вниз с большой высоты на чрезвычайно узкий выступ над пропастью и не поскользнуться, что они в состоянии перепрыгивать через страшные ущелья и скакать по таким уступам, где не рискнет пройти собака или волк. Они даже как будто наслаждаются этим, точно им доставляет удовольствие играть с опасностью, подобно мальчикам, которые охотно идут на риск, лишь бы показать окружающим свою ловкость.

— Это те же самые животные, которых охотники называют «большерогами»? — спросил Франсуа.

— Те же самые, — ответил Люсьен. — Имя «симмарон» им дали испанцы, первые исследователи этих районов. Натуралисты называли их «аргали» — по их сходству с азиатскими дикими овцами. Однако это не тот же самый вид.

В это время восклицание Базиля, который шел на несколько шагов впереди, привлекло внимание братьев

и положило конец разговору. Мальчики уже подошли к восточной стороне холма, которая в этом месте отличалась от других склонов. Глубокое ущелье прорезало здесь утес, и по нему вилась навверх тропинка. Это ущелье было заполнено большими обломками скал, вокруг которых росли кактусы и акации. Казалось, по этому склону легко подняться пешком. На дне лежало много камней, и из-под них выбивался ключ, еще более обильный, чем тот, у которого расположились лагерем наши охотники. Он тек на юго-восток, окаймленный с обеих сторон травой и ивами.

Когда мальчики подошли к месту, где ручей расширился, их внимание привлекли какие-то следы на влажной земле. Следы были продолговатые и крупнее, чем след человека. Глубокие ямки от пяти больших пальцев с когтями на концах ясно показывали, кому они принадлежат. Это были следы медведя гризли, отпечатки больших лан стопоходящего животного, с углублениями от пальцев. В тех местах, где загнутые когти вошли в грязь на несколько дюймов, образовались ямки. Никакое другое животное не могло оставить такие следы, даже черный или бурый медведи, когти которых короче по сравнению с когтями чудовища гор — гризли.

Несколько мгновений наши охотники колебались, встревоженные, но, так как животное, оставившее эти следы, не показывалось, их страхи немного улеглись, и они начали раздумывать, стоит ли идти по ущелью и постараться достигнуть вершины? Таков был первоначальный план, и они отправились бы, не колеблясь, вверх, если бы не обнаружили следы медведя. Однако теперь дело принимало другой оборот. Если здесь водились гризли — а это казалось бесспорным, — то именно в ущелье встреча с ними была наиболее вероятной. Густые заросли, значительное количество трещин, видневшихся по обеим сторонам, — все это любят гризли. Их логово могло быть в этом самом ущелье, и наткнуться на него по дороге было бы весьма опасно. Но наши юные охотники были преисполнены отваги. Им очень хотелось подняться на холм, отчасти из любопытства, отчасти — чтобы подстрелить большерога, и это желание взяло

верх над благоразумием. Они твердо решили довести до конца начатое дело и стали подниматься. Базиль шел впереди.

Карабкаться было очень трудно. Мальчикам то и дело приходилось хвататься за ветки и корни. Но вот они увидели, что под ногами у них тропинка. Несомненно, ее протоптали большероги или какие-нибудь другие животные, проходя по ней вверх и вниз, хотя ее можно было заметить только потому, что здесь скалы слегка меняли свой цвет, а в некоторых местах земля была лучше утоптана, как бы копытами или ногами.

На полдороге наверх с одной стороны ущелья, возле тропинки, мальчики заметили трещину, похожую на вход в пещеру. Землистый цвет скал, отсутствие растительности и то, что земля в этом месте была притоптана, наводило на мысль, что какой-то зверь устроил себе здесь логовище.

Юные охотники прошли это место молча, карабкаясь как можно быстрее и со страхом оглядываясь. Через несколько минут мальчики достигли верхнего края холма. Они подтянулись на руках и выглянули. Перед ними открылся вид на всю вершину, ровную, как доска.

Вершина была, как они и предполагали, совершенно плоская, площадью в двадцать—тридцать акров; на ней росли редкие сосны, иногда попадались кусты акации. Между деревьями было много растительности, и большие метелки высокой травы, вперемешку с кактусами и алоэ, создавали своеобразный покров. Однако такая растительность имела лишь в двух—трех местах, а в большей своей части поверхность холма была открытой.

Едва охотники поднялись над краем утеса, как увидели стадо большерогов. Животные находились у западного конца плато и, к удивлению мальчиков, прыгали по земле, как безумные. Они еще не заметили охотников, которые, выбравшись наверх, осторожно отползли за кусты. Животные скакали в разных направлениях, высоко взлетая в воздух.

Скоро мальчики заметили, что этим были заняты только те, у которых были большие рога, а остальные спокойно паслись рядом. Охотникам стало ясно, почему

прыгают самцы: тут шло сражение, и сердитое фыркание и громкий стук рогов говорили о том, что противники сражаются всерьез. Самцы то пятились друг от друга, как обычно делают бараны, то кидались вперед и стучались головами с таким звуком, что, казалось, разлетаются черепа. Иногда это был поединок, а иногда сходились трое или четверо, будто не имело значения, кто является противником. Можно было подумать, что все они в равной степени враги друг друга. Как это не странно, самки, по-видимому, совсем не беспокоились. Большинство из них невозмутимо щипали траву, а если они и поглядывали на своих сражающихся повелителей, то с безразличным, равнодушным видом, будто их совершенно не интересовал исход борьбы.

Наши охотники были уверены, что поймали в ловушку все стадо. Им нужно было только сторожить тропинку, по которой они сами поднялись, и затем можно было спокойно охотиться на большерогов. Поэтому мальчики договорились, что Люсьен с Маренго останутся на месте, а Базиль и Франсуа подкрадутся и выстрелят. Мальчики не стали терять времени. Они видели, что битва полностью завладела вниманием животных, и, пользуясь этим, Базиль и Франсуа поползли по земле, прячась насколько возможно, чтобы подобраться на расстояние выстрела. Они достигли этого одновременно, скрываясь за небольшой группой акаций, и по сигналу Базиля приподнялись, чтобы прицелиться. Тут они увидели, что один из баранов, который пятился, чтобы убежать, вдруг исчез за краем утеса. Юные охотники решили, что он упал, поскольку последним, что они видели, были его ноги. Но у них не было времени раздумывать над этим обстоятельством, так как оба они в этот момент спустили курки. Два симмарона упали, остальные кинулись прочь, к краю плато, и остановились.

Базиль и Франсуа вскочили и крикнули Люсьену, чтобы он был настороже. Но, к огромному их удивлению, симмароны, как будто еще более испуганные их криками, обнаружив, что отступление отрезано, прыгнули в пропасть и исчезли из виду.

«Они, должно быть, разбились насмерть», — подумали Базиль и Франсуа. Подозвав Люсьена, все трое побежали к тому месту, откуда прыгнули животные, и посмотрели вниз. Внизу мальчики увидели равнину — и никаких большерогов. Что с ними стало?

— Вон там! — закричал Франсуа. — Вон они бегут!

И он указал далеко в прерию, где по направлению к утесам Льяно Эстакадо летели, как ветер, какие-то рыжеватые существа.

Люсьен обратил внимание братьев на несколько узеньких выступов на скале — ими-то животные и воспользовались при спуске и таким образом очутились внизу.

Как только симмароны исчезли из виду, охотники повернулись к тем двум, которых они подстрелили. Самец и самка лежали, вытянувшись на траве, мертвые.

Мальчики уже хотели начать свежевать их, когда Базиль и Франсуа вспомнили про первого симмарона: им было интересно узнать, действительно ли большерог свалился в пропасть случайно или прыгнул туда намеренно. Они подошли к самому краю, заглянули вниз и увидели, что росшее на откосе прямо под ними дерево сильно сотрясается, а в его ветвях — большое рыжее тело. Это был симмарон. Юные охотники с удивлением обнаружили, что он висит, зацепившись огромным рогом за ветку дерева. Все тело большерога висело в воздухе: он брыкался и извивался. Было ясно, что животное свалилось с утеса нечаянно и запуталось в ветвях сосны. Жалко было глядеть на бесплодные попытки бедного существа освободиться, но не было никакой возможности снять его с дерева, так как симмарон был вне пределов досягаемости. И Базиль, чтобы положить конец мучениям большерога, зарядил ружье и выстрелил ему в сердце.

Выстрел не изменил положения симмарона, поскольку его рог все еще был обвит вокруг ветки, но животное перестало биться. Ему суждено было оставаться там до тех пор, пока его не увидит издали какая-нибудь хищная птица и не прилетит сюда, чтобы очистить от мяса этот раскачивающийся труп.

ОСАЖДЕННЫЕ МЕДВЕДЯМИ

Юные охотники отложили ружья, вытащили ножи и освежевали симмаронов с ловкостью заправских мясников. Затем они разрезали мясо так, чтобы было удобнее отнести его в лагерь. Шкуры им были не нужны, поэтому они так и оставили их лежать на земле.

Как только туши были разделаны, каждый мальчик взвалил на плечо по куску, и они понесли все это к ущелью, намереваясь потом вернуться и забрать остальное. Достигнув места, где тропинка поднималась на плато, они увидели, что им будет трудно спускаться с такой ношей, так как гораздо легче взбираться на скалу, чем спускаться с нее. Тут возник другой план: бросить куски мяса под гору, перед собой, чтобы те скатились вниз сами. Это было нетрудно сделать. Мясу это не повредит, так как они хотели его впоследствии разрезать, чтобы высушить, а грязь и песок потом можно будет легко отмыть в ручье.

Этот план был принят сразу, и, приподнимая кусок за куском, мальчики сбросили мясо вниз с утеса. Увидев, что оно лежит уже на дне между камнями, они вернулись к тушам, взяли новую порцию и опять направились к ущелью.

Когда наши охотники подошли ближе к краю, чтобы сбросить куски, их глазам представилось такое зрелище, которое заставило всех троих тут же выронить свою пошу.

Внизу, на дне ущелья, расхаживало между кусками мяса ужасное, громадное и безобразное животное. Его огромный рост, длинная, косматая шерсть серовато-коричневого цвета, а самое главное — свирепый вид, не оставляли у наших охотников сомнения в том, что это за животное. Страшное чудовище гор ни с кем нельзя было спутать — это был медведь гризли!

Он был почти вдвое больше обыкновенного медведя и в других отношениях также отличался от него. Уши его стояли прямее, чем у простого медведя, темно-желтые глаза сверкали еще больше и свирепее, голова и

морда были шире; длинные изогнутые когти, выступающие из косматой шерсти лап, были ясно видны даже с вершины утеса. Медведь только что разорвал когтями один из кусков и жадно пожирал его. Он был так занят, что не заметил мальчиков.

Все трое, как я уже сказал, выронили на землю свой груз и, взглянув вниз, кинулись опрометью за ружьями, схватили их и тщательно осмотрели. Ружья были уже заряжены.

Юные охотники осторожно подкрались к ущелью и снова заглянули вниз. К своему ужасу, они увидели, что там уже не один медведь, а целых три. Один, поменьше других, отличался от них и по цвету. Он был совсем черный, и его можно было бы принять за взрослого медведя черной породы, однако это был просто большой медвежонок, а двое других — его родители.

Все три медведя раздирали свежее мясо, явно очень довольные, и не задумывались над тем, откуда им привалило такое неожиданное счастье. Время от времени они громко рычали, как бы выражая удовольствие, а иногда, когда медвежонок мешал есть старому медведю, тот ворчал на него. Медведица, наоборот, раздирая на части мясо, клала самые лучшие куски перед своим черным детенышем и легкими ударами лапы как бы увещевала его, чтобы тот ел. Иногда медведи ели, стоя прямо, держа мясо передними лапами; иногда клали кусок на скалу и поедали его со всеми удобствами. Пасты и когти медведей покраснели от крови, остававшейся в разделанном наспех мясе, и это придавало всему трио еще более свирепый вид.

Наши путешественники глядели вниз на эту сцену с чувством крайнего ужаса, смешанного с интересом. Они слышали такие рассказы о медведях гризли, которые наполнили бы страхом и самое отважное сердце. Мальчики знали, что ни один охотник, если он пеший, никогда не решится напасть на гризли. Даже верхом и хорошо вооруженный, охотник отважится сделать это только в открытой местности, где он может спастись благодаря скорости своего коня. Мальчики знали также, что медведь гризли, даже раненный несколькими пулями, ча-

стенкой преследует охотников в прерии, ибо и двадцати пуль мало, чтобы свалить гризли.

Все эти факты мгновенно пришли на память нашим юным охотникам, и неудивительно, что они трепетали от страха.

Положение их было незавидное. Медведи занимали ущелье, и никакой другой тропинки, по которой мальчики могли бы спуститься к лошадям, не было. Во время своих утренних поисков они обошли вокруг почти всего холма и видели, что он был отвесный со всех сторон. Как им добраться до своего лагеря? Был только один путь — вниз по ущелью, но, стоит им попытаться пройти по нему, медведи обязательно нападут на них.

Мальчики, испуганно глядя друг на друга, переговаривались шепотом. Все трое хорошо понимали опасность положения. Уйдут ли медведи из ущелья, после того как насытятся? Нет. Пещера, которую заметили юные охотники, несомненно, служит логовом этим медведям. Даже если гризли войдут в нее, какая гарантия, что они не выпрыгнут оттуда, когда мальчики будут спускаться вниз? И тогда звери легко настигнут их среди камней и кустов. Если мальчики попытаются спуститься, кто-нибудь из них погибнет, а может быть, и все. Не выйдут ли медведи на равнину? Может быть, они отправятся к источнику, чтобы напиться, или еще за чем-нибудь? Но даже если гризли отойдут, они увидят, как мальчики будут спускаться, и могут легко нагнать их, прежде чем те достигнут лагеря или своих лошадей. Лошади пасутся на свободе и находятся сейчас далеко в прерии. В этих мыслях было мало утешительного, а еще меньше — в предположении, что свирепые звери не удовлетворятся съеденным и им придет в голову вскарабкаться на вершину и поискать, нет ли там еще мяса. Последнее было страшнее всего, так как мальчики знали, что на всем плато нет такого места, где можно было бы спрятаться надолго, а спуститься вниз, если медведи обнаружат их и будут преследовать, совершенно невозможно.

Одолеваемые этими страшными мыслями, мальчики стояли на коленях, пригнувшись и осторожно выгляды-

вая из-за листвы алоэ, время от времени шепотом сообщали друг другу разные планы спасения, приходившие им в голову. Но все планы были основаны на слабой надежде, что медведи на некоторое время уйдут из ущелья и дадут братьям возможность спуститься. Никакого другого способа спастись мальчики придумать не могли.

Иногда Базилю приходило в голову хорошенько прицелиться и выстрелить в одного из этих огромных животных. Франсуа горячо приветствовал эту идею, а Люсьен решительно возражал. Он говорил, что это лишь разозлит медведей и сразу приведет их наверх, что одной пулей невозможно убить гризли, если только она не попадет ему в сердце или в мозг, а целясь из-за утеса, было очень мало надежды попасть с такой точностью. Даже если удастся убить одного, другие медведи будут мстить за смерть своего товарища. А одним залпом вряд ли можно будет убить их всех.

Доводы Люсьена восторжествовали, и менее благоразумные братья, оставив мысль о том, чтобы стрелять, продолжали молча сидеть на прежнем месте, глядя вниз.

Почти полчаса мальчики не двигались с места, наблюдая и выжидая. Медведи закончили трапезу, сожрав абсолютно все. Насытились ли они? Нет. Бараний окорок был каплей в море для прожорливых гризли и, казалось, лишь раздражил их. Звери догадались, откуда пришел их завтрак: сверху, и надо было пойти туда и поискать, нет ли чего на обед. Они подняли морды и посмотрели наверх. Мальчики быстро спрятали головы в листве. Поздно! Медведи увидели их и через минуту уже мчались галопом наверх.

Первой мыслью наших охотников было бежать, и они все вскочили на ноги, но Базиль, вдруг рассердившись, решил попробовать задержать врагов выстрелом. Он навел ружье на ущелье, по которому бежали медведи, и выстрелил. Братья последовали его примеру. Франсуа выстрелил сразу из обоих стволов, которые были заряжены крупной дробью. Один из медведей — это был медвежонок — покатился вниз по ущелью, но, пос-

ле того как раздался залп, мальчики увидели, что самый большой медведь карабкается наверх, яростно рыча. Охотники, у которых не было времени перезарядить ружья, бросились бежать по плато, не зная даже, куда бежать.

Добежав до середины плато, все трое остановились и посмотрели назад. Первый медведь как раз поднимался на утес и в следующее мгновение кинулся за мальчиками. Они надеялись, что куски мяса привлекут внимание медведя и задержат его, но этого не случилось. Мясо лежало в стороне от тропинки; кроме того, зверь был в ярости. Его ранило выстрелом, и он желал отомстить.

Это был ужасный момент. Разъяренное чудовище находилось в трехстах ярдах от наших охотников. Через несколько секунд оно кинется на них, и кто-нибудь из братьев сделается его жертвой...

Но в критические минуты смелые умы находят выход из положения. Таков был Базиль. В других случаях он бывал опрометчив и часто неблагоразумен, но в минуты величайшей опасности становился спокойным и рассудительным даже больше, чем его склонный к философии брат Люсьен. Мысль, которая до сих пор почему-то не приходила в голову никому из них, сейчас, в минуту опасности, вдруг осенила его. Базиль вспомнил, что медведь гризли не умеет лазить на деревья, и, крикнув: «К деревьям! К деревьям!» — в то же мгновение обхватил одну из сосен и стал карабкаться вверх со всем проворством, на какое только был способен.

Люсьен и Франсуа последовали его примеру; каждый влез на ближайшее от него дерево, так как медведь был меньше чем в двадцати шагах от них и не было времени выбирать. Однако, прежде чем медведь приблизился, все трое уже сидели на соснах, забравшись как можно выше.

Медведь подбежал и, увидев, куда они залезли, стал бегать от дерева к дереву, рыча от ярости и досады. Он поднимался на задние лапы и пытался дотянуться до нижних веток передними лапами, точно хотел или подтянуться, или свалить дерево. Гризли набрасывался то на одно дерево, то на другое, яростно тряся их. Он

Дерево, на котором спасался Франсуа, было совсем тонкое.

рвал когтями кору деревьев, и она разлеталась в разные стороны большими кусками. Дерево, на котором прятался Франсуа, было совсем тонкое и так дрожало под могучими ударами зверя, что мальчик рисковал упасть на землю. Но страх заставил Франсуа напрячь все свои силы, и он мужественно держался, ободряемый криками Базиля и Люсьена. Вскоре, видя, что ему не удастся свалить мальчика, медведь отошел и снова подступил к деревьям, где сидели Базиль и Люсьен. Но и эта попытка кончилась для него неудачей: он только содрал со стволов всю кору на уровне своего роста. Медведь так терзал стволы зубами и когтями, что мальчики боялись, не придет ли ему в голову перегрызть деревья. Он легко мог бы сделать это, но, по счастью, гризли не обладают способностью рассуждать, иначе мальчиков постигла бы ужасная судьба.

Когда наконец медведь понял, что не может ни сломать деревья, ни стряхнуть с них мальчиков, он оставил свои попытки и принялся расхаживать взад и вперед, как часовой, время от времени шумно втягивая в себя воздух и злобно рыча. В конце концов медведь растянулся на земле и, казалось, заснул.

Что случилось с самкой и медвежонком? Оба убиты? Никто из них не появлялся на вершине. Мальчики с деревьев могли видеть каждый дюйм поверхности плато. Стало быть, медведи все еще в ущелье, но неизвестно, живые или мертвые.

Маренго, руководствуясь мудрым инстинктом, не нападал на медведя, а убежал к краю плато и прижался там, дрожа от страха, стараясь не попадаться на глаза опасному врагу.

Теперь положение охотников стало еще хуже, чем раньше. Они не решались слезть с деревьев, так как неминуемо попали бы в пасть чудовища, а долго сидеть верхом на тонких ветвях сосен было очень неудобно. Кроме того, им хотелось пить, очень хотелось пить... Они не взяли с собой воды утром. Солнце невыносимо жгло, а еще разделявая туши, мальчики уже жаловались на отсутствие воды. Теперь они начали страдать от жажды больше, чем от чего-либо другого.

Если медведь останется здесь надолго, что с ними станет? Или они упадут и будут растерзаны, или будут медленно погибать, сидя на деревьях. Было только два исхода.

Мальчики не знали, что предпринять. Ружья лежали на земле, там, где их впопыхах бросили. Как спуститься и подобрать их? Оставалось только ждать. Будто для того, чтобы усилить их муки, на равнине вдруг показалось то, что они искали, цель их экспедиции, — животные, которых они так жаждали встретить: бизоны! Далеко в прерии, к юго-западу, виднелось множество черных тел, точно толпы людей в темном одеянии. Они двигались взад и вперед, то сливаясь в одну массу, то разделяясь, как отряды беспорядочного войска. На много миль вокруг зеленая прерия была усеяна огромными темными телами животных, а в некоторых местах их было такое количество, что не было даже видно земли.

Бизоны, казалось, двигались к северу, по лугам, простирающимся между холмом и Льяно Эстакадо. Через несколько минут передние бизоны поравнялись с холмом, и наши юные охотники смогли различить косматые, точно львиные, тела быков, составлявших авангард «отряда». При других обстоятельствах это было бы отрадным зрелищем, но сейчас положение показалось мальчикам еще более невыносимым. Бизоны уходили на север... Если даже удастся как-то спастись, то все равно уже не догнать бизонов. Братья не могли разглядеть среди них ни одного белого, так как основная масса животных была далеко, но представлялось вполне вероятным, что в таком большом стаде можно найти одного или двух белых бизонов.

Вдруг Базиль издал возглас, или, вернее, крик радости. Базиль находился на дереве, которое стояло поодаль от других, и благодаря этому ничто не загораживало ему вид на прерию к западу.

— Смотрите! Вон туда, туда! — кричал он. — Смотрите! В середину стада! Видите? Он сияет на солнце! Белый бизон, белый! Ура!

От волнения Базиль говорил несвязно, его трудно

было понять, так же как и то, что кричали ему в ответ братья, когда увидели, на что он указывал. Все трое не сомневались, что это в самом деле и есть цель их долгой, трудной охоты — белый бизон. Мальчики громко кричали «ура» и на мгновение забыли об опасности положения. Их крики разбудили гризли, который, лениво поднявшись на ноги, снова принялся рычать и расхаживать между деревьями. Вид этого чудовища внизу сейчас же возвратил охотников к страшной действительности.

Глава XXIX

ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ МЕДВЕДЯ

Четыре часа сидели и мучились мальчики на деревьях, то глядя вниз на своего свирепого тюремщика, который неусыпно сторожил их, то на равнину, где темные стада все еще продолжали передвигаться. Четыре часа бизоны шли на север, пока заходящее солнце не окрасило их коричневые тела в красный цвет. Еще раз два мальчикам казалось, что они видели белых бизонов среди стада, но глаза их затуманивались от напряжения, а боль во всем теле сделала их теперь безразличными ко всему, кроме собственных страданий. Отчаяние побороло надежду. Мальчики задыхались от жажды, и смерть, казалось, заглядывала им в глаза...

Через некоторое время медведь опять улегся и, прикрыв голову передними лапами, снова уснул. Базиль не мог больше выдержать и решил попытаться спастись. Во всяком случае, он хоть попробует как-то изменить их ужасное положение.

Предупредив братьев, чтобы они молчали, Базиль соскочил с дерева и, крадучись словно кошка, пополз по земле, ища ружье. Вскоре мальчик нашел его и, вернувшись, снова забрался на свое дерево. Когда Базиль лез, ветви дерева закрипели, и медведь проснулся. Он вскочил на ноги и побежал к дереву. Еще секунда — и Базилью бы несдобровать. Морда зверя, когда он встал на задние лапы под деревом, почти косну-

лась ног мальчика. Эта секунда спасла Базилья. В следующее мгновение Базиль уже сидел между ветвями, спокойно заряжая ружье.

Медведь, по-видимому, понял его движения. Будто догадываясь об опасности, он держался подальше от дерева и, расхаживая, теперь впервые наткнулся на остатки туш большеголов. Медведь принялся раздирать и пожирать мясо. Он все еще находился на расстоянии выстрела, но Базиль, который знал, что в случае необходимости сможет перезарядить ружье, решил заставить гризли или отойти дальше, или приблизиться, чтобы попасть в него наверняка. Юный охотник прицелился и выстрелил. Пуля ранила медведя; он повернул голову и стал рвать раненое плечо зубами, все время рыча от ярости и боли. Как это ни странно, он при этом продолжал поедать мясо.

Базиль снова зарядил ружье и выстрелил вторично. На этот раз он попал медведю в шею, и тот еще больше разъярился. Зверь выронил добычу и, кинувшись обратно к деревьям, стал хвататься то за одно, то за другое, опять пытаясь повалить их. Наконец он подошел к дереву, где сидел Базиль, поднялся и схватил ствол в свои яростные объятия. Это было как раз то, чего добивался юный охотник. Базиль быстро зарядил ружье, и, когда медведь очутился прямо под деревом, наклонился, так что дуло его винтовки почти касалось морды зверя. Раздался выстрел. Сноп огня попал прямо в глаза медведю, затем последовал звук, будто что-то треснуло. Когда дым рассеялся, стало видно, что огромное тело бьется на земле. Свинцовая пуля сделала свое дело — она попала в мозг, и через несколько секунд косматое чудовище лежало неподвижно на земле.

Мальчики слезли с деревьев. Франсуа и Люсьен побежали за своими ружьями, и все трое, тщательно зарядив их, кинулись к ущелью. Юные охотники не останавливались, чтобы осмотреть убитого врага. Жажда подхлестывала их, они думали только о том, чтобы добраться до родника внизу. Они надеялись, что медведица и ее детеныш убиты их первыми выстрелами и теперь дорога свободна.

Каково же было их разочарование, когда, поглядев вниз, в ущелье, они увидели, что медвежонок лежит, скорчившись, на дне, а старая медведица стоит над ним, как часовой! Медвежонок был явно мертв. Тем хуже — ведь мать теперь не покинет его ни на минуту, а оба они находятся прямо на тропинке. Медведица расхаживала взад и вперед, время от времени приближаясь к своему детенышу, подталкивая его тело носом и издавая низкий жалобный стон.

Охотники сразу поняли, что их положение не улучшилось. Отступление было отрезано разъяренной мамашей, которая неизвестно сколько времени будет оставаться здесь. Выстрелить в нее и еще раз попытаться спастись на деревьях? Мучительный опыт заставил мальчиков отвергнуть это решение. Что же тогда делать? Оставаться здесь до ночи и попытаться проскользнуть в темноте? Может быть, медведица уйдет в свою пещеру и даст им возможность пройти? Но они умирали от жажды!

В это время Люсьену пришла в голову счастливая мысль. Он увидел росшие поблизости кактусы. Тут были большие шары эхинокактусов. Он вспомнил, что кактусы часто утоляли жажду путников в пустыне, — ему приходилось читать об этом.

Юные охотники тотчас подошли к этим растениям и разрезали пополам их сочную массу. Они приложили к губам прохладные, влажные волокна и через несколько минут почувствовали облегчение. Жажда была почти утолена.

Медведица все еще занимала ущелье, а пока она оставалась там, не было никакой возможности попасть обратно в лагерь. Однако мальчики видели, что самое лучшее — это дожидаться ночи: может быть, темнота поможет им.

Скоро настала ночь, но она оказалась лунной. Братья поняли, что спускаться по ущелью сейчас будет так же опасно, как днем. Они слышали рычание медведицы внизу и знали, что медведица все еще сторожит проход. Если охотники попытаются спуститься, она обнаружит их раньше, чем они сойдут вниз. Она может

услышать, как они будут карабкаться в темноте меж кустов. Преимущество окажется на ее стороне, так как она может напасть на них, сама оставаясь незамеченной. Кроме того, даже если дорога будет свободной, трудно спуститься по такому крутому склону ночью. После долгих раздумий решено было дожидаться утра.

Всю долгую ночь мальчики не сомкнули глаз. Они слышали, как внизу ржали кони: бедные животные недоумевали, что случилось с их хозяевами. Крик Жаннет гулко отозвался в горах, ему ответил лай и вой степного волка. Эти звуки, вместе со страшным рычанием медведя, не давали уснуть нашим путешественникам. Они не решались заснуть иначе, как взобравшись на дерево, — ведь медведица в любой момент могла прийти на вершину. Но спать на тонких ветвях горной сосны не так-то приятно, и все трое предпочли бодрствовать.

Наконец стало рассветать, и юные охотники увидели, что косматый часовой все еще находился на посту. Медведица сидела на прежнем месте, как бы охраняя своего мертвого детеныша. Нетерпение мальчиков, особенно Базиля, начало возрастать. Они были голодны. Правда, оставалось немного мяса, но им хотелось еще и пить. Сок кактусов облегчил, но не утолил жажду. Мальчики мечтали о глотке прохладной воды. Бизоны ушли к северу, их теперь не догнать. Может быть, никогда больше не представится возможность добыть то, ради чего три брата перенесли столько лишений! Эти мысли беспокоили их всех, особенно Базиля. Необходимо было вырваться из плена и спуститься в равнину.

Базиль придумал такой план: раздражить медведицу, выстрелив в нее. Она погонится за ними, убеждал он, как тот первый, и судьба ее будет такова же. Это могло удалиться, но эксперимент был опасным. Люсьен предложил двоим из них пойти по краю пропасти, чтобы исследовать ее более тщательно, в то время как третий будет сторожить медведя. Может быть, удастся все-таки найти какую-нибудь другую тропинку, которая ведет вниз. На это было мало надежды. Но на то, чтобы

поискать, увидет всего несколько минут, и поэтому предложение Люсьена было принято.

— Если бы только у нас была веревка, — сказал Франсуа, — мы спустились бы с утеса, и тогда старая гризли могла бы остаться там хоть навсегда, если ей так хочется.

— Подождите-ка! — воскликнул Базиль. Ему вдруг пришел в голову какой-то новый план. — Какие же мы глупцы! Почему мы раньше не подумали об этом? Бежим скорее! Я спущу вас в мгновение ока. Идемте!

С этими словами Базиль быстро зашагал туда, где они свеживали большерогов. Он вытащил свой охотничий нож и, расстелив одну из шкур, стал разрезать ее на длинные ремни. Люсьен, сразу поняв его план, стал помогать ему. Франсуа был отослан к ущелью наблюдать за медведицей.

Через несколько минут братья разрезали обе шкуры; скоро вся земля вокруг них покрылась длинными ремнями. Юные охотники крепко связали их, вставляя в узлы поперек кусочки сосновых веток. Наконец у них получился канат из сырой кожи более сотни футов длиной.

Мальчики подошли к краю утеса, где росла сосна, и обвязали один конец каната вокруг ствола. К другому концу они привязали Маренго и три ружья (к этому времени Франсуа уже вернулся) и вместе со всем этим — большой камень, чтобы попробовать прочность каната, прежде чем кто-нибудь из них рискнет спуститься по нему. Все это было благополучно спущено и скоро лежало на земле внизу.

Теперь канат был туго натянут вверх, а вес камня, который был так тяжел, что Маренго не мог его сдвинуть, натягивал канат снизу. Франсуа соскользнул по канату первым. Это не составило для него особого труда, так как куски дерева в узлах создавали как бы ступеньки, которые не давали ему скользить слишком быстро. Затем последовал Люсьен и, наконец, Базиль, и меньше чем через полчаса все трое уже были в безопасности в пещере.

Мальчики не стали тратить времени даром; отвяза-

ли Маренго и поспешили к лошадям; поймали их и оседлали. Теперь, когда в любую минуту можно было вскочить на коней, наши охотники почувствовали себя в безопасности.

Однако они решили больше не оставаться у холма, а уехать от него тотчас, как только поедят. Они разожгли небольшой костер и наскоро изжарили кусок медвежатины.

Базиль хотел было верхом поехать обратно и напасть на медведицу в ущелье, но более благоразумный Люсьен отговорил его.

Держа лошадей наготове, наши путешественники уложили все лагерные пожитки, взвалили их на Жаннет и опять пустились в путь.

Глава XXX

ГРИФЫ И ИХ КОРОЛЬ

Мальчики повернули лошадей на запад. Они намеревались ехать в этом направлении, пока не увидят следы бизонов, и тогда, повернув на север, поехать по следам и постараться нагнать большое стадо. Это был явно наиболее разумный план.

Когда охотники проезжали мимо западного склона холма, их внимание привлекла стая больших птиц. Это были грифы. Теперь мальчики вспомнили дикого барана, который упал с утеса, и, взглянув вверх, увидели, что его тело все еще раскачивается на дереве. Оно-то и привлекло грифов.

Их было много — больше сотни. Одни парили в воздухе, другие сидели на вершине утеса или на ветвях сосен, а несколько птиц кружили над телом большерога, время от времени садясь на его застывшие конечности. Они уже выклевали глаза животного, но не могли еще справиться с твердой шкурой.

Эти птицы были больше воронов и на расстоянии казались абсолютно черными, но при ближайшем рассмотрении можно было разглядеть примесь коричнева-

тых перьев; у одних это больше бросалось в глаза, чем у других, потому что здесь были птицы двух разных пород — индюковый гриф и черный гриф.

Наши мальчики прекрасно знали их, так как обе эти породы встречаются в Луизиане и во всей южной части Соединенных Штатов. Невнимательный наблюдатель принял бы обе породы за одну, но в них есть различия, которые сразу бросились бы в глаза натуралисту. Индюковый гриф гораздо красивее и более грациозен как в воздухе, во время полета, так и на земле. Его крылья длиннее и их оперение ярче, а хвост более заостренный. Кожа его голой шеи и головы, а также ног — красноватого или телесного цвета, у черного же грифа — серовато-черная от пуха, которым слегка заросла кожа. Этих птиц легко различить в воздухе. Черный гриф летит довольно тяжело, часто и быстро взмахивая крыльями, а затем держит их горизонтально в течение ста или больше ярдов, расправив непропорционально короткий хвост словно веер.

Индюковый гриф, наоборот, свободно держит крылья, не горизонтально, а слегка вверх. В этом положении он может парить четверть мили без единого взмаха крыльев и лететь при этом не вниз, как можно предположить, а по прямой или довольно часто даже вверх. Как он достигает этого движения вверх — неизвестно.

Некоторые предполагают, что он обладает способностью подниматься на потоках нагретого воздуха: это дает ему возможность планировать вверх без помощи крыльев. В этой теории нет особой ясности, и еще требуется проверить ее на опыте. Другие говорят, что он двигается вверх по инерции, которую уже приобрел, предварительно спустившись с такой же или с еще большей высоты. Однако это неверно, так как можно часто видеть, как индюковый гриф поднимается таким образом после того, как долго летел по горизонтали.

Как бы то ни было, очень интересно наблюдать такую птицу, когда ее широкие крылья выделяются на фоне голубого неба и она плывет то кругами, то горизонтально, то взмывает вверх или описывает вол-

нообразную кривую. Это прекрасное и волнующее зрелище.

Индюковый гриф — более благородная птица, чем черный гриф. В нем есть что-то общее с орлом. Правда, оба они питаются падалью, как все стервятники, но индюковый гриф питается и другой пищей: он охотится за змеями, ящерицами и мелкими четвероногими. Когда представляется удобный случай, он нападает и на маленьких ягнят или поросят. Черный гриф тоже продельывает все это, но не часто. Однако ни тот, ни другой не причиняют в этом отношении большого вреда: они питаются животными в порядке исключения, а не как правило. Они делают это, вероятно движимые сильным голодом, когда нет никакой другой пищи. Обе породы живут общинами, хотя и не всегда появляются стаями. В особенности индюковых грифов часто можно видеть охотящимися в одиночку или парами, а иногда и втроем; но уклад жизни этих птиц заставляет их объединяться большими стаями. Они часто собираются вместе — индюковые и черные грифы, всего около сотни, — у одной какой-нибудь падали.

Индюковых грифов обычно бывает меньше, чем черных грифов, которые составляют примерно три четверти такой стаи. Индюковые грифы — более робкие птицы, и они менее расположены к тому, чтобы держаться стаями. Говорят, что они не живут стаями, поскольку их часто видят высоко в воздухе в одиночку, однако вполне достоверно, что они не только устраиваются на ночлег вместе, но даже часто объединяются с черными грифами.

В большинстве стран гриф — привилегированная птица. Его рассматривают как дешевого и полезного «мусорщика», очищающего скелеты мертвых животных, которые иначе отравляли бы атмосферу. Это очень важно в жарких странах, и только в таких странах обычно встречаются грифы. Какой прекрасный пример совершенства законов природы! Когда вы попадаете в высокие широты и холодные страны, где воздух не так быстро заражается разлагающимися веществами, необходимости в таком «мусорщике» уже нет, и его можно

редко встретить. Здесь большие стервятники уступают место обыкновенному черному ворону.

Грифы, как я сказал, — привилегированные птицы. В большинстве стран они охраняются законом. Так обстоит дело в Соединенных Штатах и в Латинской Америке, где за убийство грифа взимается штраф. В результате, их очень редко истребляют, и во многих местах эти птицы так привыкли к человеку, что позволяют подойти к себе на несколько футов. В городах и деревнях Южных штатов они садятся прямо на улицы и спят на крышах домов. То же самое происходит в городах Мексики и Южной Америки, где встречаются обе эти породы.

Как только наши юные охотники поравнялись с утесом, где находились грифы, они остановили лошадей и решили немного задержаться, чтобы понаблюдать за птицами. Мальчикам было любопытно посмотреть, как они расправятся с добычей, так неудобно расположенной: ведь труп симмарона висел над пропастью. Охотники не сошли с лошадей, а остались в седлах неподалеку от утеса. Грифы, конечно, не обращали на них внимания; они продолжали слетаться и усаживаться на край пропасти и на обломки скал у подножия, будто никого рядом не было.

— Как индюковые грифы похожи на индеек! — заметил Франсуа.

— Да, — ответил Люсьен, — поэтому их так и называют — индюковые грифы.

Замечание Франсуа было вполне естественным. Не существует двух других таких птиц, не принадлежащих к одному и тому же виду, которые были бы так похожи друг на друга, как индюковый гриф и обыкновенная домашняя черная индейка, которая, так же как гриф, имеет обычно коричневатый оттенок. Они так похожи, что на расстоянии ста ярдов я часто путал их. Однако это сходство не распространяется дальше внешнего вида. Почти во всех других отношениях они очень существенно различны.

— Кстати об индюковых грифах, — сказал Люсьен. — Я вспоминаю забавный рассказ о них.

— О, Расскажи, пожалуйста! — попросил Франсуа.

— С удовольствием, — ответил Люсьен. — Этот рассказ является иллюстрацией того, насколько белые хитрее индейцев, и хорошим показателем честности и справедливости, которую часто проявляют индейцы в своих взаимоотношениях с белыми.

Вот эта история.

Белый и индеец поехали вместе на охоту. Они договорились, что вечером разделят всю свою дичь поровну, вне зависимости от того, кто убил больше. Во время охоты индеец подстрелил индейку, а белый охотник — индюкового грифа, и эти две птицы было все, что им удалось встретить за целый день. Результаты охоты сложили вместе, и теперь возникла трудность, как поровну разделить дичь.

Оба достаточно хорошо знали ценность хорошей, жирной индейки, и оба так же хорошо знали совершенную непригодность индюкового грифа, который действительно ничего не стоит, так как от него отвратительно пахнет.

Было очевидно, что единственно справедливый способ дележа — это разрезать индейку на две равные части и каждому взять по половине. Белый, однако, не соглашался: он предложил, что один из них возьмет индейку, а другой — грифа.

«Жалко, — говорил он, — портить птиц. Лучше каждый из нас возьмет по целой».

«Хорошо, — сказал индеец. — Будем тянуть жребий».

«Да нет, — ответил белый, — не стоит. Я поступлю с тобой по справедливости. Я возьму индейку и разрешу тебе взять индюкового грифа, или ты можешь взять грифа, а я возьму индейку».

Индеец понял, что в обоих случаях ему достается гриф; но он не умел доказать, в чем несправедливость предложения белого, и был вынужден, хотя и неохотно, принять его.

Итак, белый охотник взвалил на плечо индейку и отправился домой, оставив бедного индейца в лесу без ужина.

— Ха-ха-ха! — засмеялся Франсуа. — Каким же простаком был, должно быть, этот индеец, раз его так легко обманули!

— Он был не единственный краснокожий, которого подобным образом обманул белый, — сказал Люсьен. — А сколько оловянных долларов получили эти простые сыны лесов в обмен на звериные меха и шкуры! Я слышал, что один очень богатый торговец мехами, теперь уже умерший, заложил основу своего огромного состояния именно таким путем. Но мои подозрения не имеют доказательств, и поэтому я не могу утверждать это как факт.

Может быть, какой-нибудь историк в один прекрасный день будет критиковать даже одного «добрého» американца, который, как говорят, купил у индейцев три квадратных мили земли, но позаботился, чтобы ее отмерили в количестве трех миль в квадрате. Я надеюсь, что это неправда.

Но, как ты видишь, нечестность не принадлежит исключительно какому-нибудь одному веку или одной нации. Она существовала в прошлом и будет существовать в дальнейшем, до тех пор, пока люди, становясь все более и более образованными, не будут движимы в своей деятельности более высокими побуждениями, нежели жадной наживы. Я верю, что в далеком будущем настанет такое время...

Разговор опять перешел на грифов. Их теперь собралось по меньшей мере две сотни, и количество их все возрастало. Когда прилетали новые, они некоторое время кружили в воздухе, затем снижались и садились на деревья или скалы. Некоторые сидели сжавшись, с опущенными крыльями, втянув головы так, что их длинные обнаженные шеи были совершенно скрыты в перьях «воротников», похожих на жабо. Другие стояли прямо, приподняв оба крыла, наполовину распустив их и «подбоченясь», как можно часто видеть орлов и как их обычно изображают на монетах и знаменах. Предполагают, что грифы и орлы распускают так крылья, чтобы охладиться, когда им жарко, или погреться на солнце, когда холодно, — ибо они делают это как в холод-

ную, так и в теплую погоду и в этом положении выглядят очень своеобразно и довольно красиво.

Грифы все прибывали.

Некоторые постепенно снижались с большой высоты. Они казались маленькими пятнышками в голубом небе, которые все росли и росли, пока огромные крылья не начинали отбрасывать тень на залитую солнцем поляну, когда птицы скользили по спирали вниз. Другие приближались по горизонтальному направлению; когда их впервые замечали издали, они казались не больше воробьев.

— Какое большое расстояние, должно быть, они пролетают! — заметил Франсуа. — И как, по вашему мнению, они узнают, куда лететь? Когда мы убили этих большерогов, ни одной птицы не было видно.

— Их привлек, конечно, запах, — ответил Базиль. — У грифов очень сильное чутье...

— Нет, брат, — прервал его Люсьен, — это одна из ошибок кабинетных натуралистов, которые распространяли подобное мнение, пока оно не вошло в поговорку. Как это ни странно, такое утверждение полностью ошибочно. Доказано, что грифы обладают чувством обоняния даже в меньшей степени, чем большинство других животных. Собаки и волки намного превосходят их в этом отношении.

— Как же они тогда обнаружили, например, эту падаль?

— При помощи зрения. Вот оно у них действительно развито в наивысшей степени!

— Но как же так, Люс? — спросил Базиль. — Посмотри, вон с запада летят несколько птиц. Если холм находится между птицами и большерогом, каким образом они могли увидеть мертвое животное?

— Я и не говорю, что они увидели его сами, но они увидели тех птиц, которые видели других, которые, в свою очередь, увидели третьих, а те уж действительно сами своими глазами видели падаль.

— О, я понимаю! Ты имеешь в виду, что кто-то один или несколько из них первые обнаружили тело барапа, а когда летели сюда, их заметили издали дру-

гие, а за теми, которые последовали за ними, в свою очередь полетели другие, находящиеся еще дальше, и так далее.

— Вот именно. Это и объясняет фантастические рассказы о стервятниках, которые чувствуют пададь на расстоянии нескольких миль. Ни одна из этих историй не является правдой, они распространялись людьми, которые, может быть, никогда и не видели грифов в их родной стихии, но, чтобы сделать свои книги более развлекательными, с готовностью использовали преувеличенные рассказы каждого Мюнхгаузена¹, какого только доводилось встретить.

— Твоя теория, Люсьен, конечно, наиболее правдоподобна.

— Она верна. Это доказано многими опытами с грифами. Все такие опыты доказали, что эти птицы ни в коей мере не обладают острым чувством обоняния. Наоборот, оно у них исключительно слабое, и, я думаю, для них это очень хорошо, если принять во внимание, какой пищей они питаются.

— Эта стая, должно быть, слетелась со всех сторон, — заметил Франсуа. — Мы видели, что они летят и с севера, и с юга, и с запада, и с востока. Некоторые из них, очевидно, пролетели миль по пятьдесят...

— Возможно, что и все сто, — сказал Люсьен. — Такое путешествие для них сущий пустяк. Если бы я знал точно, когда первый из них увидел мертвого болшерега, я мог бы сказать, какое расстояние пролетел каждый, то есть каждый из тех грифов, который прилетел сюда на наших глазах.

— Но как же ты мог бы это сделать, брат? — спросили изумленные Базиль и Франсуа. — Пожалуйста, расскажи нам!

— Я бы вычислил так: прежде всего они все начали свой полет одновременно...

— Одновременно? — прервал его Базиль. — Как это

¹ Мюнхгаузен — персонаж ряда произведений немецких авторов; имя собственное, ставшее нарицательным: хвастун и враль.

может быть, если некоторые из них находились в сотне миль отсюда?

— Неважно, на каком расстоянии, — ответил Люсьен, — это все равно. Они все начали свой полет с разных мест, но почти одновременно. Непонятно? Эти птицы, выслеживая добычу, проделывают в воздухе огромные круги. Каждый из этих кругов захватывает большой участок земли внизу. Окружности приближаются друг к другу или пересекаются. Таким образом, вся земля внизу находится под наблюдением птиц. Как только один из грифов во время полета обнаруживает своим зорким глазом падаль, он немедленно снижается и летит вниз. Его видит тот, который кружит близко от него, и, хорошо понимая, почему изменил направление товарищ, тотчас следует за первым, а за ним, в свою очередь, летит другой, и так далее, до конца цепи...

— Но как один может догадаться, что второй полетел к добыче? — спросил Франсуа, прерывая объяснение Люсьена.

— Допустим, ты увидел Базиля далеко в прерии, — разве ты не мог бы определить по его движениям, когда он обнаружил дичь и начал преследование?

— Да, конечно, я легко мог бы догадаться.

— Ну вот, грифы, у которых гораздо более острое зрение, чем у тебя, прекрасно понимают малейшее движение друг друга, поэтому они легко могут понять, когда один из них имеет на примете хороший обед... Я думаю, что мне удалось доказать, — продолжал Люсьен, — что все они начинают свой полет в одно и то же время, с разницей в несколько секунд; а так как они летят к намеченной цели почти по прямой, то если бы мы знали скорость их полета, нам оставалось бы только заметить время их прибытия, чтобы вычислить, какое расстояние они пролетели. Конечно, предполагается, что мы уже заметили время, когда прилетел первый из них. Если мы предположим, — сказал Люсьен, указывая на грифов, — что первый из этих грифов прилетел сюда два часа назад, и приблизительно возьмем скорость полета тридцать миль в час, мы можем с уверенностью сделать

вывод, что некоторые из тех, которые сейчас прилетают, проделали в это утро путешествие в шестьдесят миль. Что вы думаете о моей теории?

— Она по меньшей мере очень интересна, — ответил Базиль.

— Но чего они теперь ждут? — поинтересовался Франсуа. — Почему они сразу же не принимают-ся пожирать большерога?

Вопрос Франсуа был вполне естественным. Большинство птиц, вместо того чтобы наброситься на труп, сидели, как мы уже видели, на скалах и деревьях — некоторые из них с равнодушным видом, будто не были голодны и вовсе не собирались есть большерога.

Базиль попробовал объяснить.

— Несомненно, — сказал он, — они ждут, когда мясо начнет разлагаться. Говорят, что они предпочитают его в таком состоянии.

— И это, — заметил Люсьен, — является вторым утверждением, которое не имеет никакого основания. Грифы вовсе не предпочитают мясо в разложившемся виде — наоборот, они, конечно, гораздо больше любят свежую пищу и охотно едят ее, если представляется возможность.

— А что же им теперь мешает? — спросил Франсуа.

— Им мешает толстая шкура. У этих птиц нет такой большой силы в когтях, как у орлов, иначе от большерога уже давно остался бы один скелет. Они выжидают, чтобы шкура стала мягче под действием гниения, и тогда они смогут разодрать ее.

Это было явно правильное объяснение, так как мальчики видели, что каждый из вновь прибывших налетал на труп, но, обнаружив, что ничего не может с ним поделать, отлетал прочь и спокойно усаживался на камни или деревья.

Однако за то время, пока мальчики наблюдали, некоторые птицы, наиболее жадные, обнаружили отверстие в шкуре животного в том месте, где в тело попала пуля Базиля, и теперь поспешно расширяли это отверстие. Другие, увидев это, начали слетаться поближе, и не прошло и пяти минут, как дерево все почернело от

Грифы слетелись к барану и чего-то ожидали...

этих отталкивающих птиц, которые все сгрудились на его ветках. Несколько грифов уселись на ногах и рогах самого животного, и скоро не осталось ни одного свободного места.

Но тяжесть всех этих птиц вместе с тяжестью трупа дикого барана оказалась слишком большой для корней сосны. Послышался громкий треск, за которым последовал резкий крик грифов, поспешно взлетевших в воздух, и, когда сломанное дерево наклонилось, тело большерога полетело на землю и упало вниз, на камни.

Среди птиц произошло большое смятение, и на мили кругом можно было слышать, как они торопливо захлопали своими огромными крыльями; но их страх скоро прошел, и все они опять уселись около мертвого животного.

Слывшееся, пожалуй, было им даже на руку. Уже начавшее разлагаться тело от падения с большой высоты за острые камни разбилось, и шкура треснула. Этим сейчас же воспользовались отвратительные птицы; сначала одна, потом другая подлетала к нему и начинала свою ужасную трапезу.

Через несколько секунд грифы уже все сгрудились над телом, шипя, как гуси, ударяя друг друга крыльями, клювом и когтями и демонстрируя такую картину волчьего голода и злобы, которую трудно описать.

Юные охотники решили остаться еще некоторое время и понаблюдать за птицами; они сошли с лошадей, чтобы дать им отдохнуть.

Теперь внимание мальчиков привлек новый интересный представитель пернатых. Его обнаружил Франсуа, который часто поглядывал вверх, наблюдая за грациозными движениями тех грифов, которые были еще в воздухе. Неожиданно он закричал:

— Белый гриф! Белый гриф!

Люсьен и Базиль посмотрели туда, куда указывал Франсуа. Они увидели действительно белую птицу; но какой она была породы, никто не мог понять. Она летела на большой высоте, явно выше, чем любой из грифов, но даже на такой высоте казалась крупнее

всех их. Она тоже летела легко — ведь небо было ее родной стихией.

Когда мальчики заметили эту птицу впервые, она казалась величиной с чайку, и ее вполне можно было принять за чайку — ни одна другая белая птица обычно не летает на такой высоте; но если около нее было несколько грифов, которые, находясь явно ниже ее, все же выглядели не крупнее ласточек, то каков же должен быть размер этой птицы? Она была не только крупнее индюкового грифа — она была раза в три больше любого из них.

Так рассчитал Люсьен, и его расчет был недалек от истины.

Следовательно, эта странная птица не могла быть чайкой.

Кто же это? Лебедь? Нет. Ее полет не напоминал ни короткие, быстрые взмахи крыльев лебедя, ни полет любой другой водоплавающей птицы. Может быть, это пеликан? Или белый ибис? Или белая цапля? Нет, ни одна из этих птиц. Любой из мальчиков сразу узнал бы медленный, тяжелый полет этих больших болотных птиц, так как юные охотники часто видели их парящими над реками Луизианы. Но эта птица летела совсем по-другому. Она взмахивала крыльями почти так же, как сами индюковые грифы или черные грифы; но, поскольку мальчики никак не могли предположить, чтобы так летала какая бы то ни было белая птица, они и недоумевали. Ее величина и характер полета заставляли их думать, что это орел, но цвет птицы опровергал такое предположение. Никто никогда не слышал о существовании белых орлов.

Я сказал, что, когда Франсуа впервые заметил эту странную птицу, она казалась величиной с чайку, но, пока юные охотники стояли и смотрели на нее, они увидели, что она постепенно становится все больше и больше. По этому они определили, что она спускается и, по всей видимости, прямо туда, где находились наши охотники и грифы. Все трое очень заинтересовались, что это за существо, и надеялись, что птица снизится. Она, конечно, уже заметила их, и поэтому было бес-

смысленно пытаться спрятаться. Собственно говоря, если бы они и хотели этого, спрятаться им было некуда.

Так они стояли, наблюдая и поджидая, и вдруг все трое одновременно вскрикнули. Показалась еще одна белая птица! Она была еще высоко, как комочек снега в небе, но она тоже снижалась, следом за первой, и казалась той же породы. Скоро это стало ясно, поскольку вторая, спускаясь более вертикально, вскоре догнала первую, и обе продолжали снижаться по спирали.

Через несколько минут они были в двухстах ярдах от земли и теперь медленно кружили, глядя вниз.

Птицы находились непосредственно над тем местом, где были грифы, и, так как день был очень ясный, мальчики получили возможность наблюдать двух самых красивых птиц, которых когда-либо видели. Птицы были не все белые, а только казались такими, если глядеть на них снизу, но, когда, кружа в воздухе, они слегка наклонялись вбок, можно было ясно разглядеть их спины. Тогда было заметно, что верхняя часть их тела была кремового цвета, перья крыльев — блестящие коричневые, на хвостах черные пятнышки, а весь низ тела — белый как молоко. Но интереснее всего были головы и шеи птиц — совершенно голые до плеч, где шею окружало большое кольцо из перьев, которое выглядело, как палантин. Голая кожа головы и шеи отливала ярко-красным и оранжевым цветом. Эти цвета не были перемешаны: каждый принадлежал отдельной части кожи и имел отчетливые и правильные очертания. Клюв птицы был оранжево-красный, и вокруг него имелись выступы, похожие на петушиный гребешок. Зрачки глаз — темные, а радужная оболочка — белая, окруженная темно-красным кольцом; короче говоря, вся внешность этих красивых существ была такова, что, однажды увидев, их нельзя уже забыть.

— Я никогда не видел таких птиц раньше, — сказал Люсьен, — но мне нетрудно определить, кто это.

— Кто? — нетерпеливо спросили Базиль и Франсуа.

— Королевские грифы.

Птицы, которые, казалось, не обращали внимания на присутствие мальчиков, вдруг снизились к мертвому животному. Мальчики следили за ними взглядом; им было интересно, какое впечатление произведет прибытие новых птиц на грифов. Ко всеобщему удивлению, ни одного из них не было уже видно около трупа! Пока внимание охотников было направлено на королевских грифов, другие птицы тоже увидели их и, зная по опыту, что представляют собой эти огромные птицы, стремительно разлетелись и теперь сидели на скалах на почтительном расстоянии.

Королевские грифы, не обращая внимания на их присутствие, приблизились к трупу животного и начали раздирать его на части клювами. Через несколько минут эти существа, которые казались такими чистыми и красивыми — ибо королевские грифы так же гордятся своим оперением, как павлины, и обычно содержат его в полном порядке, — представляли собой такую отталкивающую картину, на которую было противно смотреть. Яркий оттенок их голов и шей сменился темно-красным, а белоснежная грудь забрызгалась кровью. Прожорливость хищников сделала их безразличными ко всему остальному.

— А не застрелить ли нам одного? — спросил Франсуа.

— Нет, — сказал Люсьен, — зачем лишать жизни бедное существо? Если ты хочешь посмотреть на них поближе, имей терпение, и твое желание будет удовлетворено без затраты пороха и свинца.

Слова Люсьена скоро подтвердились. Примерно через полчаса птицы наелись до отвала и, отяжелевшие, начали медленно расхаживать по земле. Мальчики побежали теперь вперед и, увидев, что грифы не в состоянии подняться в воздух, после небольшой погони, в которой большую роль сыграл Маренго, поймали их обоих.

Но едва Франсуа, которому больше всех не терпелось схватить грифов, дотронулся до одного из них, как сейчас же отпустил птицу с восклицанием отвращения и побежал прочь быстрее, чем та от него.

Зловоние, которое распространяли птицы, было совершенно невыносимо для обоняния наших героев, и все трое были рады отпустить королевских грифов как можно скорее.

Возвращаясь к своим лошадям, юные охотники заметили, что грифы опять собираются вокруг останков большерога. К грифам присоединились несколько койотов, которые рычали и огрызались, то отгоняя птиц, то получая от них удары крыльями, что заставляло койотов рычать еще яростнее прежнего. Наши путешественники не стали дожидаться финала этой омерзительной сцены, а сели на коней и снова пустились в прерии.

Глава XXXI

ЕЩЕ О ГРИФАХ

По дороге от холма мальчики беседовали о грифах. Натуралист Люсьен мог много рассказать об этих интересных птицах, а любопытство Базиля и Франсуа было возбуждено появлением новой для них разновидности — королевскими грифами.

— Все грифы так схожи по внешнему виду и повадкам, что их можно рассматривать, как один род, — рассказывал братьям Люсьен. — Грифы часто убивают свою добычу так же, как и орлы, и совершенно очевидно, что они не предпочитают ее в разложившемся состоянии. Орлы не всегда питаются свежей, убитой им добычей, многие из них едят и падаль. Некоторые близкие родичи грифов, как, например, ягнятник, имеют почти такие же повадки, как орел. Известен интересный факт относительно этой птицы: она предпочитает определенные части костей животного его мяса.

Удивительно, какими точными сведениями располагал этот юный любитель природы! Мне самому рассказывал об этом один из служителей прекрасной коллекции птиц в Регентском парке. Служитель обнаружил, что один молодой африканский ягнятник любит есть кости. Он также заметил, что в те дни, когда птица питается

своей любимой пищей из костей, она выглядит более здоровой и находится в хорошем настроении.

— Возможно, — продолжал Люсьен, — что одно из наиболее существенных различий между грифом и орлом заключается в когтях. Когти грифа менее развиты, и их лапы не обладают такой силой, как лапы орлов. Поэтому грифы почти не способны убить животное или растерзать его труп. Кроме того, они не в состоянии поднять добычу, держа ее в когтях, и рассказы о том, будто грифы уносят оленя или взрослую овцу, — просто вымысел. Даже кондор, самый крупный из пернатых хищников, не может поднять на воздух больше десяти фунтов. Олень такого веса был бы уж очень маленьким, думается мне. Большинство удивительных историй о кондорах распространялось открывателями и завоевателями Испанской Америки — величайшими хвастунами, которых только знал мир. Мои слова полностью подтверждаются книгами, которые они оставили после себя, и я думаю, что их описания мексиканских и перуанских народов, поработанных ими, насколько не меньше преувеличены, чем рассказы о кондорах.

— Сколько видов грифов имеется в Америке? — спросил Франсуа, которого больше интересовало настоящее, чем прошлое, и который, как мы уже отмечали, был большим любителем птиц.

— Хорошо известно пять видов, — ответил Люсьен. — Они так не похожи друг на друга, что их нетрудно различить. Эти пять видов составляют два рода: саркорамфы и катарты.

Саркорамф имеет мясистый нарост над клювом, отсюда и название рода, которое состоит из двух греческих слов, обозначающих «мясо» и «клюв». Катарт, или «изрыгающий гриф», получил свое название от своеобразной привычки изрыгать пищу не только при кормлении птенцов, но и тогда, когда в период высиживания яиц они кормят друг друга.

Кондор — настоящий саркорамф; одним из характерных признаков этой птицы является мясистый хрящевой гребень, который увенчивает его голову и часть клю-

ва. Однако это встречается лишь у самцов, а у самок гребней нет. Кондор, когда он в своем полном оперении, — белый с черным. Его тело снизу, хвост, основание крыльев, так же как их окаймление, — все это темного, почти черного цвета; но когда крылья сложены, он становится серовато-белым от спины до хвоста. Пушистое кольцо вокруг груди и шеи — молочно-белое, обнаженная морщинистая кожа шеи и головы — черновато-красная или бордо, ноги — пепельно-голубые. Эти цвета кондор приобретает только во взрослом состоянии, в возрасте около трех лет, а до этого времени у него нет белого «воротника» вокруг шеи.

Птенцы еще много месяцев после того, как вылупятся, не имеют перьев, а покрыты мягким густым пухом, как гусята или молодые лебеди, и даже в два года еще не приобретают черно-белую окраску, а выглядят грязно-коричневыми.

Размах крыльев взрослого кондора обычно равняется восьми футам, но бесспорно существуют — и их видели путешественники — и такие, размах крыльев которых достигает четырнадцати футов и нескольких дюймов.

Кондор, как и другие стервятники, питается главным образом падалью; но когда он очень голоден, то убивает овец, викуню, молодых лам, оленей и других животных. С большими животными он расправляется, выклеывая им глаза могучим клювом, который является его основным оружием.

Если он может убить взрослую овцу или викуню, нет ничего удивительного, что он может сделать то же самое с пяти-шестилетним ребенком, и действительно такие случаи имели место.

Почти каждый орел может убить ребенка и нападает на детей, если он голоден и видит детей, оставленных без присмотра.

Однако кондор — пожалуй, самая прожорливая из всех птиц этой породы. Известно, что один кондор в неволе съел за день восемнадцать фунтов мяса. Но то, что эта птица может подняться в воздух, держа в когтях крупных животных — например, оленя или овцу, как

утверждают некоторые французские и испанские писатели, — совершенная выдумка.

Кондор, в противоположность стервятникам большинства стран, не охраняется законом. Его хищные повадки в отношении ягнят, молодых лам и альпага скорее заставляют преследовать его, нежели охранять. Поэтому его убивают или ловят всякий раз, когда представляется такая возможность. Его мясо и перья мало на что пригодны, но, поскольку он представляет собой интерес, его нередко держат как домашнюю птицу чилийцы и перуанцы. Живых кондоров часто продают на базарах в Вальпараисо и других городах Южной Америки.

Туземное население при охоте на кондора применяет различные способы. Иногда охотники лежат в засаде около трупа животного и подстреливают птицу, когда та садится; но убивать их таким способом трудно, так как у кондоров очень плотное, густое оперение и они вообще чрезвычайно живучи — их можно убить, только если пуля попадет прямо в сердце. Поэтому данный способ применяется редко. Второй способ — это подождать, пока кондор насытится до предела, и тогда он, как большинство других стервятников, некоторое время не в состоянии взлететь. Охотники подъезжают к кондору на лошадях и кидают лассо или мешают птице взлететь, обвивая ей ноги при помощи «болас». Болас представляют собой длинные, узкие ремни со свинцовыми шарами на концах; если их ловко кинуть, они обвиваются вокруг ног кондора и не дают ему улететь. Третий способ еще более верный. Охотники строят большой загон, куда помещают много падали. Частокол, окружающий загон, делают таким высоким, что, когда птица наедается, она не в состоянии подняться в воздух и перебраться через загородку; тогда ее ловят или убивают дубинками. Индейцы убивают кондоров камнями, кидая их на большое расстояние при помощи пращи, — они необыкновенно ловко пользуются этим видом оружия.

Живых кондоров ловят капканами и силками; индейцы Сьерры применяют иногда несколько своеобразный, но отличный способ, заключающийся в следую-

цем: охотник берет свежесодранную шкуру какого-нибудь животного, быка или лошади, на которой остался еще кусок мяса. С этим охотник выходит на открытое место, где кондоры, которые кружат высоко в небе, могут легко увидеть его. Выбрав подходящее место, охотник ложится на землю, а шкуру, мясом вверх, надевает на себя. Ему недолго приходится ждать: какой-нибудь из кондоров, зорким глазом обнаружив окровавленный предмет, спускается на землю. Ничего не подозревая, птица смело вспрыгивает на шкуру и начинает пожирать мясо. Охотник под шкурой осторожно нащупывает одну из ног птицы и крепко хватает ее, обмотав свободными складками шкуры. Запасшись предварительно длинной веревкой, он быстро завязывает ее вокруг ноги кондора и, взяв другой конец в руку, появляется из-под шкуры перед удивленным пленником. Конечно, во время всей этой операции кондор бьет крыльями и изо всех сил вырывается, и, если бы охотника не защищала шкура, он мог бы потерять глаз или вообще птица истребляла бы его своим сильным клювом.

Когда охотник уже как следует поймал добычу, он пропускает кожаный ремень через ноздри птицы и, хорошенько завязав его, ведет кондора с триумфом домой.

Таким же образом птицу можно держать на привязи столько времени, сколько потребуется. Сквозь ноздри пропускается веревка, другой конец которой закреплен на колышке, вбитом в землю, и пленник имеет возможность свободно ходить по кругу. Иногда, забыв, что он привязан, кондор пытается взлететь, но внезапный рывок возвращает его обратно, и при этом он всегда падает на голову.

— Но как же получается, — спросил Франсуа, — что они еще не истреблены, если на кондоров охотятся таким способом и так легко ловят их? Они такие громадные, всякий может видеть их на значительном расстоянии, и, мне кажется, к ним легко подойти; и все же существуют целые стаи этих птиц, не правда ли?

— Ты совершенно прав, — ответил Люсьен, — их еще много в Андах Чили и Перу. Мне думается, я могу

объяснить это тебе. Это происходит потому, что у кондоров есть безопасное место не только в то время, когда они выводят птенцов, но и в любое другое время, когда им только понадобится спрятаться. Многочисленные пики Анд, где живут эти птицы, возвышаются далеко за границей вечных снегов. Кондоры гнездятся на этих вершинах, среди голых, лишенных растительности скал. Никто никогда не помышляет о том, чтобы взобраться на эти горы, и действительно, на многие из этих вершин никогда не ступала нога человека. Там нет даже каких бы то ни было животных и птиц, за исключением самих кондоров. Кондор является единственным владыкой высокогорных районов. Поэтому, в противоположность большинству других существ, эти птицы обладают убежищем, куда не может проникнуть ни один враг, и они могут выводить птенцов и выращивать их в полной безопасности. Больше того, они имеют возможность отдыхать ночью без всяких тревог, за исключением шума снежных обвалов или громких раскатов грома, часто раздающихся в этих горных районах. Но кондор совсем не боится грозы и обвалов, он их и не замечает и спокойно спит, даже когда огненная молния сверкает вокруг его гнезда.

Итак, совершенно очевидно, что птицы, обладающие безопасным убежищем, где они могут выводить свое потомство или скрыться во время опасности, нелегко подвергаются истреблению. Такие же существа, как орлы и им подобные, встречаются теперь редко, потому что места, где они выводят птенцов и где они живут, доступны не только человеку, но и множеству других врагов. С кондором дело обстоит иначе. Эта порода птиц никогда не будет истреблена, пока существуют Анды, а они, будем надеяться, еще долго продержатся!

— Какие гнезда они строят? — спросил Франсуа.

— Кондоры не строят гнезд, — отвечал Люсьен, — они выбирают впадину в скалах или в земле около скал, кладут туда два больших белых овальных яйца и высиживают их так же, как другие хищные птицы. Как это ни странно, о жизни кондоров в их высоких убежищах очень мало известно, потому что жители Сьерры редко

отваживаются подняться в районы, где живут эти птицы. Они знают о кондорах только то, что могут наблюдать, когда эти большие птицы спускаются утром и вечером на плато и в заселенные горные долины в поисках пищи. В середине дня кондор обычно сидит на какой-нибудь высокой скале и спит. Если наступает холод, они иногда прилетают к жарким берегам Тихого океана, но все же эти птицы явно переносят холод лучше, чем жару.

Королевский гриф, — продолжал Люсьен, — следующий вид, который заслуживает нашего внимания. Он тоже саркорамф и единственный представитель этого рода, за исключением кондора. Королевский гриф во многом отличается от кондора. Он не так любит горы, а больше предпочитает низкие саванны и безлесные равнины. Он предпочитает жару холоду, и его редко можно встретить где-нибудь, кроме тропиков, хотя он иногда и посещает полуостров Флорида и северные равнины Мексики, но в этих местах он является редкой перелетной птицей. Питается королевский гриф в основном падалью и мертвой рыбой, оставшейся в пересохших болотах и озерах, но он также убивает и ест змей, ящериц и маленьких млекопитающих.

Некоторые натуралисты утверждают, что во Флориде королевский гриф появляется только после пожаров в саваннах: он летит низко над землей среди пепла, выискивая и поедая змей и ящериц, сгоревших во время пожара.

Таким образом, эти ученые делают вывод, что пища королевского грифа должна состоять исключительно из жареных пресмыкающихся, но, поскольку грифу не всегда удастся обеспечить себя уже приготовленным кушаньем, я думаю, мы можем смело сказать, что он не откажется съесть их и в сыром виде.

Королевские грифы живут парами, как и орлы, хотя их часто видят и стаями, когда они слетаются к трупам животного. Эту птицу называют «раскрашенным» грифом — из-за блестящих красок на голове и шее, которые действительно выглядят как раскрашенные. Он приобрел название «королевский гриф» не потому, что

обладает какими-нибудь особыми качествами, а из-за того, что он тиранит своих простых собратьев, не подпуская их к пище, пока сам не насытится лучшими кусками. В этом отношении название «королевский» — очень подходящее, поскольку подобное поведение представляет собой поразительную аналогию с тем, как большинство королей человечества обращаются с простым народом.

Следующий за кондором по величине, — продолжал натуралист, — и, возможно, равный ему, — большой калифорнийский гриф, или «северный кондор». Он принадлежит к роду изрыгающих грифов. Эту птицу можно назвать черной, поскольку она почти вся такого оттенка, хотя некоторые нижние перья крыла коричневые, а на концах — белые. Голая голова и шея у калифорнийского грифа красноватые, но у него нет гребня, как у кондоров и королевских грифов. Сзади на шее заостренные перья образуют что-то вроде кольца или воротника, как и у других птиц этой породы.

Калифорнийский гриф получил свое название от страны, где он обитает, — большой цепи калифорнийских гор Сьерра Невада, которые тянутся почти сплошной цепью на протяжении двадцати градусов широты. Без сомнения, он часто посещает Скалистые горы и родственные им Кордильеры в Сьерра Мадре, в Мексике. Большая птица, которую иногда видят в этих горах и считают кондором, вероятнее всего, является калифорнийским грифом. В эту ошибку очень легко впасть, так как обе птицы почти одинаковы по величине. Один из пойманных экземпляров оказался длиной в четыре фута восемь дюймов, а размах крыльев его был девять футов восемь дюймов. Это превышает даже габариты обычного кондора, и поэтому вполне возможно, что некоторые калифорнийские грифы могут быть одинаковы по величине с самыми большими южноамериканскими птицами.

Калифорнийского грифа видели на тридцать девятой параллели северной широты. Он встречается в некоторых районах Орегона, где устраивает гнезда на верхушках самых высоких деревьев; он сооружает их из тол-

стых колючих сучьев и веток и ежевики, так же как орлы. Многие большие ели и сосны в Орегоне и Калифорнии достигают трехсот футов высоты и двадцати футов в обхвате у основания, поэтому гриф на вершинах этих деревьев находится почти в такой же безопасности, как кондор на вершине горы. Чтобы еще более обезопасить себя, гриф всегда выбирает деревья, растущие над неприступными утесами или бурными реками. Самки кладут только два яйца, почти совсем черные и размером с гусиные. Птенцы, так же как птенцы кондора, в течение многих недель покрыты пухом вместо перьев. Как и у остальных стервятников, пищу этих птиц составляет падаль или мертвая рыба, но калифорнийский гриф часто преследует раненого оленя и других животных и начинает поедать их, как только те падают. Два десятка этих птиц могут съесть оленя, лошадь или мула за один час, оставив только хорошо очищенный скелет. Пока птицы едят, они настолько сильны и смелы, что отгоняют от себя волков, собак и других животных, пытающихся тоже поживиться.

Калифорнийский гриф — пожалуй, самая пугливая и осторожная птица из всего этого рода. Он никогда не подпустит охотника на расстояние выстрела, за исключением тех случаев, когда отяжелеет от еды. Даже и тогда калифорнийского грифа очень трудно убить из-за его плотного, густого оперения. Крылья калифорнийского грифа широкие и длинные, полет свободный и грациозный — такой же, как у его сородича индюкового грифа.

Я сказал, — продолжал Люсьен, — что натуралисты различают пять видов американских грифов. Остальных двух — индюкового и черного грифа, или, как его еще иногда называют, «черную ворону», — мы уже наблюдали. Но я думаю, что на Американском континенте существует больше чем пять видов этих птиц. В Южной Америке есть птица, под названием «гавилучо», которая, по моему мнению, является стервятником, отличающимся от всех этих птиц; и я не думаю, что «красноголовый галлиназо» Южной Америки — то же, что индюковый гриф севера. Гораздо вероятнее, что он

является самостоятельной разновидностью изрыгающего грифа, ибо, хотя он и напоминает индюкового грифа по размеру и очертаниям, его оперение, как мне кажется, более черное, а кожа головы, шеи и ног более красная и производит впечатление раскрашенной.

Вот что можно рассказать о хищных птицах Америки.

Глава XXXII

УЖИН ИЗ КОСТЕЙ

Наши юные путешественники подъехали теперь к широкой тропе бизонов. Не останавливаясь, они повернули лошадей вправо и поехали по ней. Тропа вела прямо к северу, и им было нетрудно ехать по следу, так как на несколько миль вокруг прерия была вытоптана копытами животных, а в некоторых местах, где земля была мягче и более глинистая, казалось, что ее перепахали плугом. Там, где прочный травяной покров все же оставался, трава была так притоптана, что следы были хорошо видны. Поэтому, уже не беспокоясь о направлении, маленький отряд быстро ехал вперед в надежде догнать бизонов.

Но их мечты сбылись не так скоро. Бизоны двигались на север, совершая свое ежегодное переселение, и, так как они все время шли очень быстро, почти не останавливаясь, чтобы отдохнуть или попасть, их было нелегко догнать. На ночь путешественники вынуждены были сворачивать с тропы, чтобы предоставить своим животным возможность пощипать траву, ибо на протяжении по меньшей мере четырех миль вокруг по пути следования бизонов не осталось ни травинки.

У отряда появилась теперь другая забота, которая лишала их спокойствия. В конце второго дня пути запас вяленого медвежьего мяса истощился — его не осталось ни унции, и мальчики легли спать голодные, без ужина. Еще больше беспокоило то, что они проезжали сейчас по такой местности, где совершенно отсутствовала дичь и где нельзя было встретить никаких других животных,

кроме бизонов, иногда антилоп или вездесущих койотов. Это был район на редкость пустынный, хотя сухие равнины сплошь заросли знаменитой «бизоновой травой», которая является излюбленной пищей этого дикого скота. Что касается антилоп, они любят свое пустынное уединение, так как широкие просторы дают им возможность на своих необычайно быстрых ногах убежать от любого врага. Но в этих местах антилопы особенно робки, и, хотя несколько их попало юным охотникам по дороге, мальчишки тщетно пытались приблизиться к животным на расстояние выстрела.

Койотов они могли бы подстрелить, но наши путешественники еще не были доведены до такого состояния, чтобы утолять голод мясом этих грязных, похожих на лис существ. Не было сомнения, что по пятам стада бизонов следовали большие стаи койотов. Время от времени наши охотники видели доказательства этого в виде обглоданных скелетов бизонов, которые лежали на тропе. Мальчишки знали, что это те бизоны, которые, заболев, отстали от стада. Подобные случаи происходят частенько во время переселения больших стад: или одного быка забодает другой, или бизон ослабеет от старости или болезни. Если бы не это, койоты никогда не следовали бы за стадами, потому что бизон, когда он здоров, может разогнать целую стаю этих жалких трусов.

Надежда на то, что старые и слабые отстанут от своих, что кто-нибудь из них завязнет в трясине илистой реки или утонет, переправляясь, что отстанет самка из-за своих телят или что сам теленок замешкается, оставившись пососать мать, — все это заставляет стаю койотов идти по пятам большого стада на протяжении сотен миль. Некоторые из койотов, видимо, не имеют даже постоянного места для оседлой жизни, а так и плетутся за бизонами в течение всей кочевки.

Я сказал, что на вторую ночь после того, как наши путешественники покинули холм, они легли спать без ужина. На третий день их уже сильно начал мучить голод. На диких, пустынных равнинах, которые расстилались перед ними без конца и края, не видно было ни зверя, ни птицы.

Около полудня, когда они пробирались сквозь заросли шалфея, перед ними появились две птицы — шалфейные петухи, или степные куропатки, самые крупные из всего семейства куропатов. Франсуа, у которого всегда было наготове ружье, выстрелил в них, но они были слишком далеко и быстро скрылись за холмами.

Вид куропатов только раздражил неудачливых охотников, и муки голода стали невыносимы. Мальчики поняли, что у них нет никакой возможности добыть хоть какую-нибудь еду, пока они не настигнут бизонов. Это была их единственная надежда, и мальчики, снова прищипорив коней, поскакали со всей скоростью, на какую только были способны животные.

К ночи голод еще усилился, и глаза всех троих начали то и дело останавливаться на Жаннет и собаке Маренго. Юные путешественники стали подумывать о том, что одним из этих животных придется пожертвовать. Это был бы печальный выход из положения, поскольку на обоих — на мула и на собаку — смотрели почти как на товарищей. Оба верой и правдой служили во все время экспедиции. Если бы не Маренго, может быть, они никогда не нашли бы Франсуа, а Жаннет, помимо того, что хорошо выполняла свой долг, спасла их от одного из кугуаров. Наши путешественники должны были забыть все заслуги своих животных перед угрозой голодной смерти и начали серьезно говорить о том, кем из двоих верных слуг придется пожертвовать.

Базилу не хотелось расставаться с собакой, которая много лет была его любимицей и стала дорога всем им после стольких приключений. Поведение Маренго, когда потерялся Франсуа, польза, которую он приносил, будучи сторожем у многочисленных одиноких костров, и другие полезные услуги — все это сильно привязало к Маренго его юных хозяев, и они скорее вытерпели бы самый страшный голод, чем пожертвовали бы собакой. А Жаннет была всего только мулом — правда, эгоистичным, злым, лягающим мулом, — но для мальчиков она была полезным животным и никогда не обидела бы никого из них, хотя с удовольствием лягнула бы весь остальной мир. Все же к Жаннет они скорее питали

чувство благодарности, чем любви; их отношение к Маренго было совсем иным.

Приняв во внимание эти соображения наших голодных охотников, легко догадаться о результате их раздумья. Приговор был наконец вынесен — единогласный приговор: Жаннет должна умереть!

Бедная старушка Жаннет! Она и не догадывалась, о чем велись переговоры; она не догадывалась, что ее дни уже почти сочтены, что недалеко то время, когда она больше не будет возить поклажу. Она не подозревала, что скоро, может быть, ее копыта в последний раз застучат по прерии, что через несколько часов она истечет кровью и ее старые ребра будут жариться и трещать на костре!

Да, было решено, что Жаннет должна умереть! Но не решили еще, когда и где должна произойти эта трагедия. Конечно, во время первого привала. Но где его устроить? Юные охотники ехали еще долгие мили, не находя подходящего места для ночлега. Не видно было никакой воды, а без воды они не могли делать привал.

Рано утром путешественники очутились в какой-то новой местности, куда их привела тропа бизонов. Это место являлось частью прерии и представляло собой цепь низких холмов из чистого гипса. Холмы простирались вокруг насколько хватал глаз, и все сверкало белизной алебаstra. Ничто не нарушало однообразия ландшафта: ни растение, ни деревце, ни малейший признак какой бы то ни было жизни. Куда бы юные охотники ни повернули, они видели лишь известковую поверхность холма или долины, молочная белизна которых резала глаза. Солнце, отражаемое этой белой поверхностью, пронизывало тела мальчиков и немилосердно палило, вызывая страшную жажду. Они дышали воздухом, наполненным гипсовой пылью, поднятой стадом бизонов. Гипс превратился в тончайший порошок, так и стаявший в воздухе. От этого еще больше хотелось пить, и уже трудно было сказать, от чего они страдали больше — от голода или жажды.

Охотники не могли представить себе, как далеко тя-

нуты эти холмы. Люсьен слышал, что такие образования иногда простираются на многие мили. Если это так, то им никогда не пересечь эти холмы. И мальчики и их животные мучились жаждой и были совершенно изнурены. Юных охотников стали одолевать мрачные предчувствия. Пить хотелось даже больше, чем есть, так как муки жажды выносить еще труднее.

Держа направление по следам бизонов, наши путешественники мрачно продолжали свой путь, окруженные белым облаком, которое окутывало их на протяжении всего этого изнурительного пути. Им нетрудно было идти по следу. Густая пыль указывала, где прошло стадо, а попадавшиеся время от времени круглые углубления свидетельствовали о том, что это были «бизоновы ямы», где валялись бизоны.

Надежда, что эти животные, руководимые своим обычным инстинктом, идут по направлению к воде, до некоторой степени поддерживала наших путешественников в их трудном положении.

На землю спускались вечерние тени, и алебастровые холмы становились пепельно-синими, когда маленькая кавалькада выехала из пыльных гипсовых лощин и снова вступила в зеленую прерию. Местность по-прежнему оставалась холмистой, но они ехали по хорошо заметному следу, и их животные ступали бодрее, будто у них появилась новая надежда, после того как они увидели траву.

В ландшафте, который был перед ними, заключалось что-то такое, что заставляло верить в близость воды. Так оно и оказалось, ибо, поднявшись на гребень небольшого холма, по которому вела дорога бизонов, внизу, в долине, они обнаружили небольшой ручей. При виде ручья Жаннет и все три лошади наострили уши, напрягли последние силы и скоро стояли уже у подножия холма, по колено в воде.

По счастью, это оказался ручей с пресной водой. Если бы он был соленый — а такие часто встречаются в местностях с гипсовыми образованиями, — путешественники уже не смогли бы двигаться дальше и все погибли бы на его берегах.

Но это была пресная вода, прохладная и чистая, и мальчики сначала напились сами, а затем стали купаться в ручье, пока не смыли с себя раздражающую гипсовую пыль. После этого они начали готовиться к ночлегу.

Мальчики вволю напились воды. Это до некоторой степени облегчило муки голода, и они стали подумывать, нельзя ли дать Жаннет небольшую отсрочку, хотя бы до утра. Раздумывая над этим, братья заметили, что Маренго куда-то исчез. Охотники огляделись, удивляясь, что с ним стало и куда он ушел. Они обнаружили собаку недалеко от ручья: Маренго был явно занят чем-то на берегу. Все трое побежали к нему. Подойдя ближе, они увидели, что Маренго возится со скелетом большого бизона. Бедное голодное животное могло только лизать скелет, так как волки не оставили на нем ни кусочка мяса. Даже куски изодранной шкуры, лежащие вокруг, были все изжеваны этими прожорливыми животными, а кости выглядели так, будто их обскоблили ножом. Если бы анатому велели приготовить скелет для музея, он не смог бы очистить его лучше.

Глядеть на скелет, ни на что не пригодный, было не очень весело, и мальчики уже собирались вернуться в свой лагерь, когда Люсьена осенила мысль, что из костей можно, по крайней мере, сварить суп.

Это была счастливая мысль. Без сомнения, из свежих и еще не высохших костей получится отличный бульон. Все трое сразу взялись за приготовления. Франсуа собирал пучки шалфея, чтобы развести костер, а Базиль вооружился маленьким томагавком Люсьена и принялся рубить скелет. Люсьен, увидев на берегу ручья какие-то растения, спустился вниз, чтобы рассмотреть их как следует в надежде найти дикий лук или хлебный корень, а может быть, и какие-нибудь другие овощи, которыми можно будет приправить бульон.

Все трое занимались каждый своим делом, как вдруг внимание братьев привлекло восклицание Базиля. Это был крик радости, за которым последовал дикий смех, похожий на смех сумасшедшего.

Франсуа и Люсьен с испугом подняли глаза, думая, что случилось несчастье; они не могли понять, почему Базиль громко смеется в такое время, при таких мрачных обстоятельствах. Поглядев на него, они увидели, что он продолжает смеяться, размахивая над головой томагавком, будто торжествуя.

— Идите сюда, Франсуа, Люс! — кричал он. — Идите сюда! Ха-ха-ха! Вот ужин для трех голодных! Ха-ха-ха! Какие же мы бестолковые! Мы глупы, как осел, который предпочел есть сено, когда рядом лежал хлеб с маслом. Посмотрите сюда, и сюда, и сюда! Вот вам ужин! Ха-ха-ха!

Люсьен и Франсуа подошли к нему и, видя, что Базиль указывает на большую кость бизона и поворачивает ее во все стороны, сразу поняли причину его веселья: кости были полны мозга.

— Целые фунты мозга! — продолжал Базиль. — Самое лакомое из всего бизона! Его хватит на ужин дюжине таких, как мы, а мы собирались ложиться спать голодные или, еще того хуже, умереть от голода посреди изобилия! И мы ехали три дня среди таких сокровищ! Да мы заслуживаем того, чтобы умереть с голоду за такую глупость!.. Ну, помогите же мне отнести эти кости к костру — я покажу вам, как приготовить ужин.

В бизоне восемь мозговых костей, содержащих несколько фунтов этого вещества. Как Базиль слышал от старых охотников, костный мозг бизона считается самой вкусной частью животного, и его редко оставляют, убив бизона. Лучший способ приготовления — просто испечь мозг в кости, хотя индейцы и трапперы часто едят его и сырым. Желудки наших юных охотников были недостаточно крепки для этого, и две кости задних ног были брошены в костер и засыпаны горячей золой.

Через некоторое время было решено, что мозг достаточно испекся. Кости раскололи томагавком Люсьена, вынули оттуда вкусный мозг, съели его с большим удовольствием и запили холодной водой. Теперь у костра мальчиков-охотников жажда и голод рассматривались как дело прошлое. Жаннет была единогласно помилована.

Атмосфера бодрости и надежды снова окружила наших путешественников. В оставшихся костях было еще достаточно мозга, чтобы им хватило по меньшей мере на два дня, так как этот мозг — очень питательный продукт. Больше того, идя по следу бизонов, юные охотники наверняка обнаружат и другие скелеты этих животных, и братьям больше не надо волноваться, что им не хватит пищи. Их радостное настроение усилило еще одно открытие. Они сразу же, как только подошли к скелету, увидели, что кости свежие. Волки только что ушли — следовательно, бизон был убит совсем недавно, и, значит, стадо недалеко.

Все это вселило в мальчиков бодрость, и некоторое время они сидели вокруг костра, делясь своими мыслями и обсуждая планы на будущее.

Затем они завернулись в одеяла и, несмотря на то что начался проливной дождь, крепко уснули.

Г л а в а XXXIII

БОЙ БЫКОВ

На следующее утро мальчики встали, едва рассвело. Они чувствовали себя освеженными и бодрыми. Их животные тоже были в хорошем состоянии, так как поели сочной травы. Жаннет прыгала, натягивая привязь, и все старалась брыкнуть Кошку — лошадку Франсуа, и обязательно сделала бы это, если бы ее не удерживало лассо. Жаннет и не подозревала, как близка она была недавно к тому, чтобы прекратить свои прыжки навеки; ей не приходило в голову, что эта печальная необходимость может возникнуть снова. Знай это, она, вероятно, вела бы себя более степенно, но Жаннет была в полном неведении относительно своей участи и, сытно поев и вволю напившись, была шаловлива, как котенок.

Разожгли костер, и новая мозговая кость уже дымилась и шипела среди пылающих сучьев. Кость скоро вытащили из огня, разрубили, и ее богатое содержимое

разделили и съели. Оставшиеся кости упаковали и навьючили на Жаннет. Оседлав лошадей, охотники вскочили в седла и весело поехали по следу.

Они проезжали сейчас по так называемой «холмистой прерии», то есть местности без деревьев, но далеко не ровной. Прерия вовсе не всегда представляет собой гладкую равнину, как предполагают некоторые. Наоборот, ее поверхность очень часто неровная, с высокими холмами и глубокими долинами. Слово «прерия» означает «открытая ровная местность», хотя вовсе не обязательно, что она должна быть абсолютно горизонтально ровной. В прерии встречаются холмы, долины и горные кряжи. Также вовсе не обязательно, чтобы прерия была совершенно лишена деревьев, ибо существуют «лесистые прерии», где деревья растут кучами; иногда эти кучи называют «островками», так как они напоминают покрытые лесом острова в море. Слово «прерия» употребляется, чтобы отличить широкие, похожие на луг участки земли от леса, горы и океана. Сами прерии носят различные специфические названия, в зависимости от того, чем покрыта их поверхность. Мы уже видели, что существуют «лесистые прерии» и «цветущие прерии». Простые охотники обычно называют «цветущие прерии» «сорняковыми». Обширные зеленые луга, поросшие бизоновой или какой-нибудь другой кормовой травой, называются «травяными прериями». Участки с солончаками, которые часто тянутся на десятки миль в длину и ширину, называются «солеными прериями», а несколько похожие на них пространства, где поверхность земли покрыта содой, называются «содовой прерией». Существуют и необъятные равнины без всякой растительности, если не считать кустов дикого шалфея. Это «шалфейные прерии»; в центральной части Северной Америки они простираются на сотни миль. Есть прерии «песчаные», есть «скалистые», где бесплодная земля покрыта обломками скал и галькой. Еще есть разновидность, которую называют «прериями, изрытыми свиньями», где на мили кругом поверхность земли неровная, как будто в далекие времена ее действительно рыли свиньи.

Большинство этих названий было придумано трапперами — истинными пионерами диких, неисследованных районов. Кто имеет равные с ними права! Ученые могут изучать прерии, топографы могут путешествовать по ним в безопасности, под охраной. Они могут объявить себя открывателями ущелий и равнин, гор и рек, фауны и флоры; на своих картах они могут давать им имена — сначала свои собственные, затем своих патронов, затем друзей и, наконец, своих любимых собак и лошадей. Они могут давать высоким горам и величественным рекам такие имена, как Смит и Джонс, Фремонт и Станбюри. Но люди, которые мыслят справедливо, и даже сами простые, притесняемые трапперы будут насмехаться над таким научным самодовольством.

Я уважаю имена, которые дали трапперы этой далекой земле. Многие из этих имен, так же как и названия, данные индейцами, выражают самую природу, и немало рек, гор и равнин получило крещение кровью этих храбрых пионеров.

Мы сказали, что наши путешественники ехали теперь по «холмистой прерии». Поверхность земли представляла собой широкие кряжи и низины. Вы видели когда-нибудь океан после шторма? Знаете ли вы, что такое «мертвая зыбь»? Когда море вздымается огромными гладкими валами, без гребня или пены, а между ними разверзаются глубокие пропасти; когда буря перестала завывать и ветер больше не дует, но поверхность могучих глубин еще так неровна, так опасны эти гладкие волны, что корабли качает и швыряет во все стороны, мачты ломаются и суда терпят бедствие, — вот это матросы называют «мертвой зыбью». А теперь, если вы вообразите себе, что такое бурное море вдруг остановилось в своем движении и вода превратилась в твердую землю, покрытую зеленой травой, вы получите нечто похожее на «холмистую прерию». Некоторые предполагают, что, когда эти прерии образовывались, действительно происходило подобное волнообразное движение вследствие землетрясения и что земля вдруг перестала сотрясаться, остановилась и застыла. Это интересная тема для размышления ученого-геолога.

Кряжи прерии, по которой путешествовали наши охотники, тянулись с востока на запад, и долины, конечно, шли в этом же направлении. Путь мальчиков лежал на север, поэтому тропинка, по которой они ехали, представляла собой беспрерывные подъемы и спуски.

Жадно глядя перед собой, внимательно осматривая все долины и низины прерии при каждом новом подъеме, охотники ехали вперед, полные надежды, что они скоро увидят бизонов. Но они не были подготовлены к той картине, которая скоро предстала перед ними, — картине, которая, как можно было бы предположить, должна была обрадовать их, но которая, наоборот, возбуждала в них чувство, близкое к ужасу.

Мальчики-охотники только что поднялись на один из кряжей, с которого открывался вид на долину внизу. Это была маленькая глубокая долина, почти круглая, покрытая зеленой травой. С одной стороны бил родник: его воды текли по краям долины почти по кругу и затем терялись в низинах прерии. Течение ручья можно было проследить по низким деревьям, тополям и ивам, обрамляющим его берега; таким образом, центральная часть долины представляла собой небольшой округлый луг, окаймленный деревцами.

На этом лугу перед глазами наших путешественников предстало такое зрелище, при виде которого они сразу остановились и стали глядеть вниз в необыкновенном волнении.

Там яростно сражались несколько животных. Их было не больше дюжины. То были крупные животные, свирепые и яростные; они так ожесточенно нападали друг на друга, что вся поверхность земли вокруг была взрыта их копытами. Эта беспорядочная борьба происходила на середине луга, на открытой местности; трудно было выбрать лучшее место для такого спектакля, если животные хотели собрать большое количество зрителей. Самая долина, окруженная холмами, напоминала амфитеатр, а гладкая поверхность луга являлась как бы ареной для боя быков. Однако сражающиеся бились отчаянно не для того, чтобы развлечь праздную толпу; они и не предполагали, что здесь при-

сутствуют зрители. Бой шел не на шутку. Злобный рев, когда противники насакивали друг на друга, громкий стук, когда они сталкивались головами, — все доказывало, что борьба велась отчаянная.

Что животные эти бизоны, стало ясно с первого взгляда. Их огромный размер, львиная форма тела, а самое главное — мычание, которое напоминало рев разъяренных быков, убеждали наших юных охотников, что это старые быки-бизоны, проводившие один из своих грозных «турниров».

Я сказал, что наши охотники, взглянув на них, почувствовали страх. Но почему? Что было в этих бизонах, чтобы напугать мальчиков, раз они именно их и искали так давно? Злобное поведение животных или их громкий рев? Нет, не это, и мальчики чувствовали скорее не страх, а я сказал бы — благоговейный ужас: ведь это были *белые* бизоны!

Вы спросите, почему это должно было возбудить ужас? Разве не белый бизон являлся целью их экспедиции? Разве вид белого бизона не должен был скорее обрадовать, чем испугать охотников? Да, вид одного белого бизона обрадовал бы их, но вид многих, почти дюжины этих животных вместе — загадочное зрелище, неслыханная вещь! Вот что заставило затрепетать наших путешественников.

Прошло несколько минут, прежде чем все трое обрели дар речи и смогли вслух выразить свое изумление. Юные охотники сидели молча, глядя на долину. Они не верили своим глазам. Прикрыв ладонями глаза от солнца, мальчики все смотрели и смотрели. Наконец они увидели, что зрение не обманывает их: да, это бизоны и, кроме того, *белые*!

Не все были чисто белые, но большинство из них. Головы и ноги некоторых были темнее, но на боках виднелись широкие белые полосы, что делало их окраску пестрой. Однако основной цвет был беловатый, — и, как это ни странно, во всем стаде не было ни одного черного или бурого бизона. Ни одного бизона знакомой мальчикам обычной окраски! Это-то и производило впечатление загадочности.

Однако мальчики скоро овладели собой. Не оставалось сомнений, что они напали на стадо белых бизонов. Может быть, думали они, в конце концов нет ничего необычного в том, что такое количество белых бизонов объединилось вместе. Может быть, животные этого цвета, так редко встречающиеся, обычно собираются вместе и держатся отдельно от темных... Лучшего нельзя было и желать! Если братьям посчастливится убить одного из них, это будет все, что им надо. Цель их экспедиции будет достигнута, и им ничего больше не останется, как повернуть и кратчайшим путем ехать домой. Они стали ломать голову над тем, как подстрелить или поймать одного или нескольких бизонов из стада.

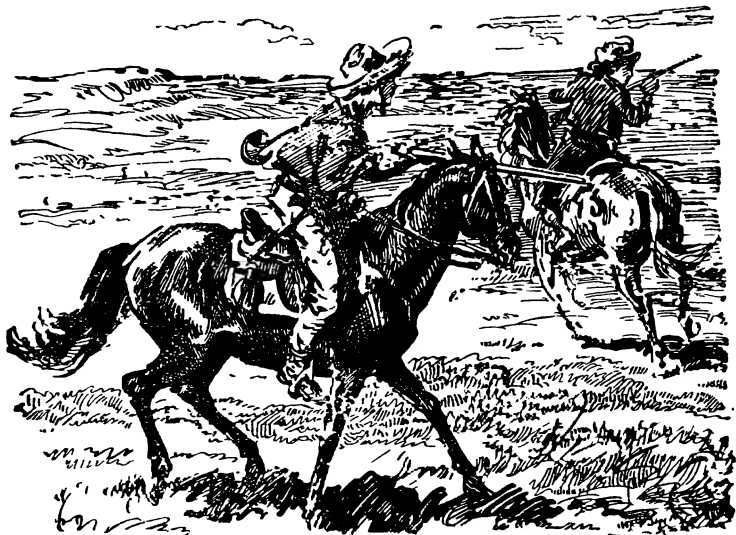
И вот план придуман. Бизоны, продолжая яростно сражаться, еще не заметили их и вряд ли заметят. Поэтому охотники решили, что двое из них останутся на лошадях, чтобы догнать животных, в то время как третий попытается приблизиться к ним пеший и, хорошо прицелившись, выстрелит, прежде чем бизоны заметят его, а затем присоединится к погоне. Это было поручено Базилу. Сойдя с лошади и взяв свое верное ружье, он пополз в долину. Люсьен и Франсуа, не сходя с лошадей, оставались на гребне.

Базиль достиг зарослей ивняка незамеченным и, осторожно прокраившись вперед, оказался меньше чем в пятидесяти шагах от бизонов. Животные всё еще носились туда и сюда, поднимая облака пыли, и яростно ревели, то расходясь, то снова сталкиваясь головами с таким треском, будто разбивались их черепа.

Охотник ждал, пока один из наиболее больших белых бизонов подойдет поближе, и затем, прицелившись ему под лопатку, выстрелил. Огромное животное упало. Остальные, услышав выстрел и почуввав присутствие врага, сейчас же кончили сражаться, кинулись через заросли, взобрались на кряж и побежали в прерию.

Даже не взглянув на подстреленного им бизона, Базиль побежал к своей лошади, которая по его зову прискакала к нему.

Франсуа и Люсьен уже преследовали убегающее

Огромный бык, обнаружив новых врагов, стал

стадо, и Базиль, поспешно вскочив в седло, понесся за ними. Через несколько минут три мальчика поравнялись с бизонами. Затрещали ружейные и пистолетные выстрелы. Скоро были выпущены все заряды. Но хотя ни одна пуля не миновала животных, они продолжали мчаться вперед, будто никто из них и не был ранен. Еще не успев перезарядить ружья, охотники с огорчением увидели, что все стадо уже далеко в прерии и мчится, не убавляя скорости бега.

Поняв, что им не догнать бизонов, мальчики повернули лошадей и поехали обратно, чтобы захватить хотя бы того, которого подстрелил Базиль раньше. Наши охотники знали, что бизон еще находится в долине. Все трое видели его распростертым на земле и были уверены, что, по крайней мере, этот бизон не уйдет от них. А больше им ничего и не нужно было.

Каково же было их изумление, когда, взобравшись на кряж над долиной, они увидели, что бизон снова на

наскакивать то на одного, то на другого.

ногах, а его окружает около двадцати рычащих и щелкающих зубами волков! Волки наскакивали на него со всех сторон, а раненый бык изворачивался, все время стараясь отогнать их рогами. Несколько волков уже валялись на земле мертвые, но их товарищи продолжали атаку с неослабевающей яростью. Глаза бизона метали искры, и, поворачиваясь то вправо, то влево, он старался держать противников перед собой.

Однако было ясно, что волки одерживают верх и, если их предоставить самим себе, скоро свалят бизона. Наши охотники сначала думали дать им эту возможность, но вдруг сообразили, что волки могут испортить шкуру. Разъяренные, они изорвут шкуру в куски своими клыками. Мальчики поскакали вниз, в долину, и окружили бизона. Волки разбежались, и огромный бык, обнаружив новых врагов, стал наскакивать то на одного, то на другого, стремясь поддеть лошадей на рога. С большим трудом мальчикам удавалось избежать столк-

новения с ним, но в конце концов меткий выстрел Базиля попал в сердце животного. Тщетно стараясь удержаться на широко расставленных ногах и закачавшись из стороны в сторону, бык упал на колени и лежал неподвижно. Из рта его текла струя крови. Через несколько минут он был мертв.

Убедившись в этом, наши охотники соскочили с лошадей, вытащили охотничьи ножи и устремились к своей жертве. Можете себе представить их изумление и отчаяние, когда, подойдя ближе, они обнаружили, что животное, которого они принимали за белого бизона, было совсем не белым, а черным и просто окрашенным в белый цвет! Да, именно так, сомнений в том не было. Все тело четвероногого великана было покрыто гипсовым слоем, и, когда они провели руками по длинной шерсти, на пальцах у них осталось белое вещество, напоминающее толченый мел.

Объяснение этому было очень скоро найдено. Мальчики вспомнили гипсовые холмы, которые проезжали накануне; вспомнили также, что ночью шел дождь. Бизоны находились среди холмов и, по своей привычке, катались и валялись в сырой пыли. Белая алебастровая пыль прилипла к их шкурам, придав им тот цвет, который обманул и озадачил наших охотников.

— Ну что ж, — воскликнул Базиль, толкая ногой тело мертвого бизона, — и черный бизон нам пригодится! По крайней мере, у нас будет свежее мясо на обед, и давайте пока этим и утешимся.

Сказав это, Базиль жестом пригласил братьев помочь ему, и все трое принялись свежевать тушу бизона.

Г л а в а XXXIV

ТАИНСТВЕННЫЙ МЕШОЧЕК

В тот день наши охотники впервые ели на обед свежее мясо бизона. После обеда они тоже не сидели без дела, а вечером сушили над огнем мясо. Они решили остаться на ночь здесь, а утром снова двинуться по сле-

ду. Поэтому они трудились до позднего вечера и заготовили себе продовольствия на несколько дней.

Близилась полночь, когда мальчики стали ложиться спать. Как и раньше, они решили по очереди дежурить, чтобы не подпустить волков к мясу.

Лагерь юных охотников был на открытой местности, недалеко от того места, где они разделявали тушу бизона. На некотором расстоянии паслись их животные. Волков собралось много, и степных и больших серых. Запах жарившегося мяса привлек их издалека, и всю ночь они завывали и бродили вокруг лагеря.

Франсуа дежурил первым, Люсьен — вторым, затем шла очередь Базиля, и он должен был дежурить до рассвета, а потом разбудить братьев, чтобы пораньше собрать вещи и пуститься в дорогу. Они не хотели терять ни минуты, так как знали, что с каждым часом стадо будет уходить от них все дальше и дальше и преследование тогда очень затянется.

Дежурство Базиля было долгим; так как они улеглись поздно, мальчик очень хотел спать и поэтому не был дружелюбно настроен по отношению к волкам, из-за которых ему приходилось теперь бодрствовать. По временам, когда Базиль видел, как волки мелькают в темноте, он не мог сдержать гневных восклицаний и решил, что, как только наступит утро, он разрядит ружье в одного из волков стаи, чтобы хоть как-нибудь дать выход своим чувствам.

После трехчасового дежурства Базиль наконец увидел на востоке первые лучи солнца.

«К тому времени, как мы приготовим завтрак, — подумал Базиль, — станет уже достаточно светло: можно будет отправляться в путь. Пора будить Франсуа и Люса. Для разнообразия дам-ка я им сигнал к подъему выстрелом. Вот сейчас выберу самого большого из этих подлых волков... Хоть одного из них навсегда отучу от того, чтобы не давать спать людям!»

Базиль приподнялся на коленях и оглянулся, намечая себе жертву.

Как ни странно, койоты будто догадались о его намерении и разбежались от костра. Но нескольких из них

можно было еще видеть под деревьями. Базиль выбрал одного, который при слабом свете казался здоровенным серым волком, и, наведя ружье, выстрелил в него. Охотник не очень заботился о том, убьет он животное или нет, и стрелял небрежно.

Вслед за выстрелом послышался громкий крик, которому ответили десятки других голосов со всех сторон долины. Крик разбудил спящих Франсуа и Люсьена. Братья вскочили на ноги. Это не был волчий вой, нет, это был крик совсем другого рода. Это был вопль человеческих голосов — военный клич индейцев!

Братья молча стояли, объятые ужасом, но, даже если бы они и могли говорить, у них едва ли хватило бы времени на то, чтобы вымолвить хоть слово, ибо почти тут же на мальчиков набросились какие-то темные фигуры, и в следующее мгновение их окружили пятьдесят высоких индейцев. Базиль, стоявший дальше других от костра, упал без чувств, оглушенный ударом, а в это время Люсьена и Франсуа, которые не успели и подумать о том, чтобы взяться за ружья, уже схватили и крепко держали мускулистые руки индейцев. По счастью, братья не сопротивлялись, иначе индейцы убили бы всех троих на месте. А теперь индейцы, казалось, были в нерешительности — оставить мальчиков в живых или убить, ведь это Базиль привял одного из них за волка и ранил, что, конечно, сильно рассердило их. Однако, приняв во внимание, что силы противника очень малы и что мальчики не оказали сопротивления, индейцы оставили мысль о том, чтобы убить их на месте, а связали им руки сзади, посадили на лошадей и, захватив их ружья и одеяла, повезли юных охотников из долины.

Вскоре индейцы достигли места, где были привязаны их собственные лошади. Здесь они на минуту задержались. Каждый из них вскочил в седло, и затем весь отряд вместе с пленниками быстро поскакал по прерии.

Примерно через час они подъехали к большому лагерю, расположенному на берегу широкой мелководной реки. На равнине стояло около сотни жилищ. На земле

валялись рога и шкуры бизонов, а на шестах перед каждым жилищем висело много бизоньего мяса. Тут были и костры, и походные котелки, и всякая утварь, собаки и лошади, женщины и дети — все вперемешку двигались взад и вперед между шалашами.

Пленников бросили на землю перед лагерем, неподалёку от берега. Индейцы оставили их, но мальчиков сразу окружила толпа кричащих женщин и детей. Сначала они с любопытством рассматривали пленников, но, услышав, что один из индейцев ранен, начали издавать ужасные, пронзительные крики и приблизились к пленникам, угрожая им взглядами и жестами. Они начали тянуть беззащитных мальчиков за волосы и за уши, колоть им руки и плечи остриями стрел. Затем несколько женщин схватили мальчиков, потащили их в реку и стали окунать в воду, долго держа головы пленников под водой. Бедные мальчики думали, что их хотят утопить, но так как они были связаны, то не могли даже сделать попытку высвободиться. Однако утопить их не входило в намерения женщин, они просто хотели попугать своих пленников и скоро снова вытащили мальчиков на берег и бросили их мокрых на траву.

Но что все это время делал Базиль? Разве он не обладал амулетом, который положил бы конец их мучениям и превратил бы индейцев из жестоких врагов в друзей? Бедный Базиль, он страдал больше всех! Я сейчас расскажу вам, как обстояло дело.

Когда на мальчиков напали индейцы, Базиль оглушился ударом томагавка по голове. Он упал без чувств и, хотя потом настолько пришел в себя, что мог ехать на лошади в индейский лагерь, окончательно очнулся лишь тогда, когда его погрузили в холодную реку. Как только сознание вернулось к Базилю, он вспомнил о том, что хранилось у него на груди. Братья все время напоминали ему об этом, горячо умоляя его применить секретное средство, о котором никто из них ничего толком не знал. Но все это время Базиль, оглушенный ударом, едва сознавал, что делал. Теперь он пришел в себя и старался дотянуться до шнурка и достать из-за ворота рубашки вышитый мешочек. Так как руки его были

связаны сзади, он ничего не мог сделать. Базиль попробовал дотянуться до шнурка ртом; все его усилия были тщетны. Тогда Базиль повернулся к братьям, чтобы они помогли ему в этом. Но братьев уже не было рядом — женщины оттащили их далеко от него; ноги и руки Люсьена и Франсуа тоже были связаны, и они не могли сдвинуться с места. Базиль с отчаянием наблюдал все это. Судя по жестокому обращению, которому они подвергались, и по возбужденному, гневному поведению индейцев, он начал бояться худшего и сомневаться даже, поможет ли им амулет. Базиль напрягал все силы, чтобы достать мешочек, но у него ничего не получалось, и он стал делать знаки окружавшим его женщинам, кивая головой и указывая глазами себе на грудь. Однако они не поняли, что он имел в виду, и только смеялись над этой, с их точки зрения, комической пантомимой.

Во время всей этой сцены индейцы-мужчины стояли в стороне, разговаривая и явно раздумывая над тем, как поступить с пленниками. Некоторые индейцы были сердиты и возбуждены. Они говорили громко, сильно жестикулируя, время от времени указывая на ровную площадку против лагеря. Среди этих громко разговаривающих индейцев был и тот, кого ранил Базиль, — у него была перевязана рука. Это был некрасивый, свирепого вида индеец, и, хотя мальчики не понимали ни слова из всего, что говорилось, они догадались, что он настроен по отношению к ним враждебно. К своему ужасу, они вдруг увидели, что он и его приверженцы одержали верх и все остальные, казалось, наконец согласились.

Какое же индейцы приняли решение? Неужели они собираются убить их?

Мучимые ужасными предположениями, братья с волнением наблюдали за малейшим движением в лагере.

Вдруг они увидели, что каждый индеец вооружился луком, а двое из них принесли большой столб и врыли его в землю. О боже! Страшная истина стала очевидной: индейцы намеревались привязать пленников к столбу и использовать их в качестве мишени для стрел.

Мальчики слышали, что это распространенный обычай среди индейцев по отношению к пленным.

У каждого из братьев вырвался крик ужаса, когда они поняли смысл страшных приготовлений. Они даже не могли крикнуть что-нибудь друг другу, — их слова потонули в воплях женщин и детей, которые прыгали и танцевали вокруг, в явном восторге от перспективы ужасного спектакля, на котором они должны были присутствовать.

По счастью, Базиль был избран первой жертвой. Ему, очевидно, отдали предпочтение потому, что он был крупнее и старше остальных. Два индейца грубо схватили его и потащили к столбу, на ходу стаскивая с мальчика одежду, так как обнаженное тело было лучшей мишенью.

Как только индейцы ослабили веревки на руках и стащили с Базилья рубашку, внимание их привлек вышитый мешочек. Один из них схватил его и вынул содержимое; это оказалась чашечка трубки из красной глины — знаменитого мыльного камня. Как только индеец увидел трубку, он издал непонятное восклицание и передал трубку своему товарищу. Тот взял ее в руки, издал такое же восклицание и побежал к толпе индейцев. Трубка стала переходить из рук в руки; индейцы разглядывали ее и говорили что-то. Один индеец, казалось, был взволнован больше других. Посмотрев на трубку, он поспешно подбежал к Базилью; остальные последовали за ним.

Этого-то и ждал Базиль. Когда индейцы остановились перед ним, указывая на трубку и будто ожидая объяснения, мальчик, руки которого были теперь свободны, тщательно и хладнокровно сделал несколько знаков, которым его научил отец. Индеец сразу понял эти знаки, кинулся вперед, развязал веревки, опутывавшие ноги Базилья, и, поставив его на ноги, обнял с дружелюбными восклицаниями. Остальные индейцы теперь подошли к мальчику и стали жать ему руки, а некоторые из них побежали к Люсьену и Франсуа и немедленно освободили их.

Всех трех братьев привели в один из шалашей, оде-

ли в сухую одежду и быстро приготовили им угощение. Таким образом, враги, которые минуту назад собирались подвергнуть юных охотников жесточайшей смерти, теперь, казалось, состязались друг с другом в том, кто окажет мальчикам больше почестей. Однако тот индеец, который больше всех заинтересовался чашечкой трубки, получил разрешение быть главным в обслуживании мальчиков, и в его-то шалаш и привели наших путешественников.

Вам, конечно, не терпится узнать, что же могло заключаться в простой трубке, что произвело такое впечатление на индейца. Я сейчас расскажу вам об этом, по возможности коротко.

Вы, разумеется, слышали о знаменитом вожде племени шауни — Текумсе, величайшем воине и замечательном индейском политическом деятеле. Вы, может быть, также слышали, что во время последней войны между Англией и Соединенными Штатами Текумсе, воспользовавшись разногласиями между этими странами, пытался поднять индейцев на всеобщее восстание, чтобы изгнать всех белых из Америки. У Текумсе был брат Элсветова, больше известный под именем «Пророк». Он, так же как и сам вождь, горел желанием осуществить их великий замысел и с этой целью посещал все племена индейцев западной части Америки. Это был человек, обладающий большим даром красноречия, и его везде принимали дружески. Дело, за которое он боролся, было дорого всем индейцам, и Элсветову, конечно, внимательно слушали.

Он выкуривал «трубку мира» с каждым племенем. И вот эта-то самая «трубка мира», которую курил Пророк во время всех своих странствий, и оказалась у Базиля. По причудливым узорам и иероглифам, вырезанным на ней, ее сразу узнали эти индейцы, которые были из племени оседжи; это племя принадлежало к числу тех, которые в свое время посетил Пророк.

Но вы спросите, как эта «трубка мира» попала к отцу Базиля и почему обладание ею обеспечивало нашим путешественникам таинственное покровительство? Это я тоже могу объяснить. Текумсе был убит в войне с

Внимание индейцев привлек вышитый мешочек.

американцами, а Пророк жил еще много лет. Полковник, отец наших мальчиков-охотников, вскоре после своей эмиграции в Америку, во время одной из экспедиций около Сент-Луиса повстречался с этим необыкновенным индейцем. Обстоятельства сложились так, что француз и индеец стали настоящими друзьями. Они обменялись подарками, и полковник получил красную «трубку мира».

Вручая ее, Пророк сказал полковнику, что, если ему когда-нибудь придется путешествовать среди индейских племен, она может пригодиться. Кроме того, индеец научил его определенным знакам, которыми тот мог в случае необходимости воспользоваться. Этим же знакам полковник научил Базиля, и мы уже были свидетелями впечатления, которое они произвели. Тот индеец, который лучше других понял эти знаки и которого они больше всех взволновали, был сам из племени шауни, то есть из того самого племени, к которому принадлежали и Пророк и Текумсе. От этого племени почти никого не осталось — большинство его воинственных сынов или умерли, или разбрелись по кочевым племенам, которые бродят теперь в великих прериях Запада.

Вот история красной «трубки мира», которая оказалась защитницей наших путешествующих охотников.

Скоро они уже могли объясняться с индейцами при помощи знаков, ибо ни один народ не понимает язык знаков лучше индейцев. Юные охотники объяснили индейцам, кто они и зачем отправились в прерии. Узнав о цели их путешествия, индейцы были очень удивлены и восхищены отвагой юных охотников. Они, в свою очередь, рассказали мальчикам, что сами охотятся на бизонов, что сейчас они преследуют большое стадо и предполагают, что видели одного или двух белых бизонов среди этого стада. Индейцы добавили, что, если мальчики останутся и несколько дней поохотятся с ними вместе, они приложат все старания, чтобы убить или поймать одного из этих животных, которого тут же предоставят в распоряжение своих юных гостей. Конечно, это приглашение было радостно принято.

Я мог бы описать еще много приключений, которые выпали на долю наших мальчиков-охотников, но боюсь, юный читатель, что ты уже устал от прерий. Достаточно сказать, что мальчики несколько дней охотились вместе с индейцами и белый бизон был наконец убит, а шкура его соответствующим способом снята и, после того как ее пропитали предохраняющим составом, который Люсьен привез с собой, тщательно упакована и погружена на седло Жаннет. И тут наши путешественники попрощались со своими индейскими друзьями и пустились в обратный путь.

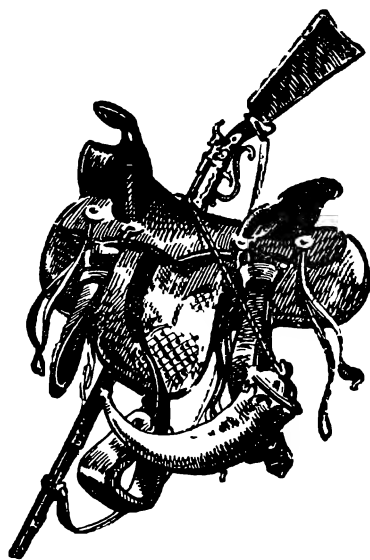
Несколько индейцев проводили их до рубежей Луизианы, где они и расстались.

Вскоре мальчики-охотники достигли своего старого дома в Пойнт Купе, где — я думаю, мне не надо об этом вам и говорить — были радостно и с любовью встречены как отцом, так и преданным Гуго.

Старый натуралист получил то, что хотел, и был несказанно счастлив. Он еще больше гордился теперь своими маленькими мужчинами, своими «юными Немвродами»¹, как он теперь называл их. Сидя около уютного очага, старый полковник с удовольствием слушал рассказы сыновей об их приключениях во время поисков белого бизона.

¹ Немврод — по библейской легенде, основатель Вавилонского царства; прославился как отважный охотник.

Содержание

БЕЛАЯ ПЕРЧАТКА

Глава I. Марион Уэд	9
Глава II. Бет Дэнси	15
Глава III. Ревнивый поклонник	20
Глава IV. Кузины	24
Глава V. Уолтер Уэд	28
Глава VI. «За короля!»	34
Глава VII. «За народ!»	40
Глава VIII. Черный Всадник	45
Глава IX. Стой, ни с места!	57
Глава X. Приглашение	66
Глава XI. Сомнительное напутствие	71
Глава XII. Нападение на придворного	74
Глава XIII. Сельский праздник	81
Глава XIV. Вперед, марш!	85
Глава XV. Черный Всадник	89
Глава XVI. Любовный дар	98
Глава XVII. Народные пляски	102
Глава XVIII. Вызов	108

Глава XIX. Вступление	116
Глава XX. Поединок	120
Глава XXI. Каменная Балка	129
Глава XXII. Исповедь разбойника	134
Глава XXIII. Посланец Джона	145
Глава XXIV. Три курьера	154
Глава XXV. На постое	164
Глава XXVI. Будуар	174
Глава XXVII. Под деревьями	180
Глава XXVIII. Ревнивый подслушиватель	190
Глава XXIX. Курьер с эскортом	198
Глава XXX. «Голова сарацина»	202
Глава XXXI. Дочь Дэнси	209
Глава XXXII. Наконец-то депеша!	220
Глава XXXIII. Уилл Уэлфорд	231
Глава XXXIV. Подозрительный отъезд	244
Глава XXXV. Заговор	251
Глава XXXVI. Арест решен	263
Глава XXXVII. Подозрения Ориоли	271
Глава XXXVIII. По следам	277
Глава XXXIX. Пьяный Дэнси	291
Глава XL. Наказание отложено	298
Глава XLI. Испытание часового	306
Глава XLII. Обоюдные подозрения	312
Глава XLIII. Посещение узника	316
Глава XLIV. Неожиданная встреча	323
Глава XLV. Буря и покой	331
Глава XLVI. «Бегите, бегите!»	334
Глава XLVII. Погоня	339
Глава XLVIII. Снова пойман!	342
Глава XLIX. Два путешественника	345
Глава L. Под конвоем	349
Глава LI. Отбили!	352
Глава LII. После ареста	361
Глава LIII. На охоту!	365
Глава LIV. Соколиная охота	372
Глава LV. Перчатку вернули!	381
Глава LVI. Скэрти отвергнут	387
Глава LVII. Сэр Мармадюк в затруднении	394
Глава LVIII. Суд	402

<i>Глава LIX.</i> Прекрасная просительница	407
<i>Глава LX.</i> Роли переменялись	413
<i>Глава LXI.</i> Эпилог	421
<i>Р. Самарин.</i> О романе Майн Рида «Белая перчатка» . . .	427

В ДЕБРЯХ БОРНЕО

<i>Глава I.</i> Экипаж затонувшего корабля	439
<i>Глава II.</i> Рыба-молот	443
<i>Глава III.</i> Альбатрос	446
<i>Глава IV.</i> Крик дюгоня	450
<i>Глава V.</i> Коралловые рифы	454
<i>Глава VI.</i> Гигантская устрица	456
<i>Глава VII.</i> Опасное соседство	461
<i>Глава VIII.</i> Обстрел дуриана	465
<i>Глава IX.</i> Гавиал	470
<i>Глава X.</i> Роющие птицы :	475
<i>Глава XI.</i> Лануны	482
<i>Глава XII.</i> Ловкий удар криссом	486
<i>Глава XIII.</i> Живые яйца	490
<i>Глава XIV.</i> Искусный древолаз	493
<i>Глава XV.</i> Что-то острое	498
<i>Глава XVI.</i> Крылатый враг	500
<i>Глава XVII.</i> Дичь на вертеле	505
<i>Глава XVIII.</i> Отравление	509
<i>Глава XIX.</i> Тревожная ночь	511
<i>Глава XX.</i> Ядовитый анчар	514
<i>Глава XXI.</i> Начало путешествия	517
<i>Глава XXII.</i> В глубь острова Борнео	521
<i>Глава XXIII.</i> Трудный путь	526
<i>Глава XXIV.</i> Рыжий сатир :	529
<i>Глава XXV.</i> Снова тишина	530
<i>Глава XXVI.</i> В тревожном ожидании	532
<i>Глава XXVII.</i> Поединок между лесными чудовищами . .	535
<i>Глава XXVIII.</i> Вера в провидение	539
<i>Глава XXIX.</i> Маленькая пленница	542
<i>Глава XXX.</i> Что будет с девочкой?	546
<i>Глава XXXI.</i> Неожиданное препятствие	548

<i>Глава XXXII.</i>	Голоса во тьме	550
<i>Глава XXXIII.</i>	Вплавь по озеру	553
<i>Глава XXXIV.</i>	Плавание в потемках	555
<i>Глава XXXV.</i>	Обезьянье семейство	557
<i>Глава XXXVI.</i>	Своеобразный паланкин	561
<i>Глава XXXVII.</i>	Путешествие продолжается	563
<i>Глава XXXVIII.</i>	Дружеский флаг	565

В ПОИСКАХ БЕЛОГО БИЗОНА

<i>Глава I.</i>	Дом охотника-натуралиста	573
<i>Глава II.</i>	Охотник-натуралист и его семья	576
<i>Глава III.</i>	Письмо принца	581
<i>Глава IV.</i>	Сборы на большую охоту	585
<i>Глава V.</i>	Лагерь мальчиков-охотников	590
<i>Глава VI.</i>	Рыжая белка в западне	596
<i>Глава VII.</i>	Франсуа в опасности	601
<i>Глава VIII.</i>	Об аллигаторах	608
<i>Глава IX.</i>	Мать-индианка и кайман	614
<i>Глава X.</i>	Пища шелковичных червей	619
<i>Глава XI.</i>	Цепь разрушений	627
<i>Глава XII.</i>	Три «крылатых бизона»	648
<i>Глава XIII.</i>	Охота за дикими индейками	655
<i>Глава XIV.</i>	По следу с охотничьей собакой	664
<i>Глава XV.</i>	Жаннет и дикие свиньи — пекари	670
<i>Глава XVI.</i>	Хитрая кошка и коварный старый опоссум	675
<i>Глава XVII.</i>	Странное приключение перед завтраком	684
<i>Глава XVIII.</i>	Приготовление медвежатины	693
<i>Глава XIX.</i>	Ночное приключение	699
<i>Глава XX.</i>	Огненное кольцо	706
<i>Глава XXI.</i>	Одинокый холм	713
<i>Глава XXII.</i>	Охота на дикого коня	719
<i>Глава XXIII.</i>	«Город» луговых собачек	730
<i>Глава XXIV.</i>	Ночь в пустыне	737
<i>Глава XXV.</i>	Вилорогие антилопы	740
<i>Глава XXVI.</i>	Приманивание антилопы	750
<i>Глава XXVII.</i>	Охота на симмаронов	753
<i>Глава XXVIII.</i>	Осажденные медведями	762
<i>Глава XXIX.</i>	Избавление от медведя	770

<i>Глава XXX.</i> Грифы и их король	775
<i>Глава XXXI.</i> Еще о грифах	790
<i>Глава XXXII.</i> Ужин из костей	799
<i>Глава XXXIII.</i> Бой быков	806
<i>Глава XXXIV.</i> Таинственный мешочек	814

ИЛЛЮСТРАЦИИ К РОМАНУ
«БЕЛАЯ ПЕРЧАТКА»

И. Кускова

ИЛЛЮСТРАЦИИ К ПОВЕСТИ
«В ДЕБРЯХ БОРНЕО»

П. Луганского

ИЛЛЮСТРАЦИИ К ПОВЕСТИ
«В ПОИСКАХ БЕЛОГО БИЗОНА»

И. Ильинского

ПЕРЕПЛЕТ, ФОРЗАЦ, ТИТУЛ, ШМУЦТИТУЛЫ
БУКВИЦЫ И ОРНАМЕНТАЦИЯ

С. Пожарского

* * * * *

СХЕМЫ ДЛЯ КАРТ СОСТАВЛЕНЫ

Е. Труновым

ФРОНТИСПИС, ТИТУЛ, ШМУЦТИТУЛЫ
И КАРТЫ НАГРАВИРОВАНЫ

М. Латохиным и В. Лопялло

* * * * *

ОБЩИЙ МАКЕТ ИЗДАНИЯ

В. Пахомова

М А Й Н Р И Д
Собрание сочинений, том V
БЕЛАЯ ПЕРЧАТКА, В ДЕБРЯХ БОРНЕО,
В ПОИСКАХ БЕЛОГО БИЗОНА

★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★

Ответственный редактор *О. А. Лаврова*
Художественный редактор *В. В. Пахомов*,
Технический редактор *В. А. Голубева*.
Корректоры
Т. П. Лейзерович и *Е. Н. Трушкова*.

★ ★ ★ ★ ★ ★ ★

Сдано в набор 10/IV 1958 г. Подписано к печати 19/VI 1958 г. Формат 84 × 108^{1/32} — 52 печ. л. = 42,72 усл. печ. л. (39,39 уч.-изд. л.). Тираж 300 000 экз. Цена 15 руб. Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

★ ★ ★ ★ ★

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Суцевский вал, 49. Заказ № 359.

Государственное Издательство
Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР

с
МАЙН РИД

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ

ТОМ ПЕРВЫЙ

Белый вождь
Квартеронка

ТОМ ВТОРОЙ

Оцеола, вождь семинолов
Морской волчонок

ТОМ ТРЕТИЙ

Охотники за растениями
Ползуны по скалам
Затерянные в океане

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

В дебрях Южной Африки
Юные охотники
Охотники за жирафами

ТОМ ПЯТЫЙ

Белая перчатка
В дебрях Борнео
В поисках белого бизона

ТОМ ШЕСТОЙ

Мароны
Всадник без головы

*Все издание намечено осуществить
в 1956 — 1958 годах.*

